

*Русские об
Украине и
украинцах*

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

Российская академия наук
Институт славяноведения

*Русские об
Украине и
украинцах*

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2012

УДК 168.522
ББК 63.3(2)-7
Р 893

*Утверждено к печати
Ученым советом Института славяноведения
Российской академии наук*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ
(грант № 08-01-91104а/У «Украина и Россия во взаимном
общении и восприятии: украинцы про Россию и россиян.
Россияне про Украину и украинцев»)*

Ответственный редактор
кандидат исторических наук *Е. Ю. Борисенок*

Рецензенты:
доктор философских наук *С.А. Экиштут,*
О.Б. Неменский

Р893 Русские об Украине и украинцах. – СПб.: Алетейя,
2012. – 456 с.

ISBN 978-5-91419-624-7

Очерки посвящены анализу стереотипных представлений об Украине и украинцах в русской культуре и общественном сознании в XVII–XX вв., которые рассматриваются в историческом, лингвистическом, культурологическом и литературоведческом аспектах.

УДК 168.522
ББК 63.3(2)-7

ISBN 978-5-91419-624-7

9 785914 196247

© Коллектив авторов, 2012
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2012

Слово от редактора

Основной задачей исследования, проведенного при поддержке РГНФ (грант № 08-01-91104а/У), является анализ стереотипных представлений об Украине и украинцах в русской культуре и общественном сознании в XVII–XX вв. Представления об этнокультурном сходстве и различиях в системах ценностей, языковой картине мира, идеалах и традициях необычайно важны для адекватного восприятия русско-украинских взаимоотношений, тем более что после распада СССР в Украине и в России появились мифологизированные и политически ангажированные концепции русско-украинских отношений. В настоящее время очевидна необходимость снятия искусственных противоречий для укрепления взаимопонимания на уровне экспертных сообществ, политической элиты и граждан двух стран.

Авторы представленных в сборнике очерков рассматривают складывавшийся в русском общественном сознании образ украинца с точки зрения его этнической, культурной и языковой принадлежности, места и роли в восточнославянском пространстве. Авторы очерков стремились осветить ключевые моменты этнокультурного взаимодействия русских и украинцев с середины XVII до конца XX вв. Основное внимание уделяется этнокультурному восприятию русским обществом населения украинских земель в связи с процессом формирования и развития в рамках единого государственного пространства различных систем идентичностей (общерусской, национальной, региональной). Представленные очерки весьма разнообразны по тематике и подходам. Тщательному разбору подвергаются различные факторы, повлиявшие на развитие представлений русских об украинцах: этноконфессиональный, социально-политический, этнокультурный. Проблема рассматривается как в историческом, так и лингвистическом, культурологическом и литературоведческом аспектах, что помогает найти более точные оценки восприятия русским обществом украинской культурной системы.

Анализируя историческую динамику формирования украинской этнокультурной идентичности, следует учитывать, что со времени распада Древнерусского государства историческое развитие двух частей восточных славян проходило в разных условиях, что обуславливало постепенное накопление социокультурных отличий и появление специфических черт в самосознании двух народов. После длительного периода раздельного существования Переяславская рада 1654 года положила начало новому периоду совместного пребывания восточных славян в одном государстве. Сначала Левобережное Поднепровье вошло в состав Русского государства по решению Переяславской рады, а после разделов Речи Посполитой в составе Российской империи вошли Вольны, Подолье и Правобережье Днепра. Другие земли современной Украины (Галиция, Буковина и Угорская Русь) оказались в составе Австро-Венгрии.

К середине XVII в. процесс этнической дифференциации в восточнославянской среде нельзя назвать завершенным. Объективное существование общих

исторических традиций, этнического и языкового родства, конфессионального единства, совместное создание общего культурного и научного пространства являлись основой для формирования и развития представлений о единстве восточных славян, несмотря на осознание существовавших серьезных различий между Великой и Малой Россией. В то же время этнокультурные особенности двух восточнославянских народов объективно становились основанием для поиска новых форм и границ идентичности, причем, если говорить о территории современной Украины, в ее разных исторических областях этот процесс имел существенные особенности.

В связи с этим особый интерес представляют процессы, протекавшие на следующем этапе украинского этнокультурного развития – в XIX – начале XX вв., когда стало происходить четкое осознание культурно-языковых различий в восточнославянском регионе. Концепции национальной идентичности у восточнославянского («русского») населения Габсбургской империи формировались путем «отталкивания» от польского фактора. При этом «русские» земли считались или неотъемлемой частью единого русского культурно-исторического пространства, или элементом единой «соборной» Украины. Российские наблюдатели благосклонно относились к первой концепции и негативно – ко второй, подчеркивали «искусственность» украинского движения, считали его польской или австрийской («интригой»).

Иное положение складывалось на землях по обе стороны Днепра – в Юго-Западном крае, Малороссии и Новороссии. Эта территория считалась Южной Русью, а ее жители, предки современных украинцев, обычно назывались малороссами или малороссиянами, что отнюдь не исключало их русскости. Понятие «русский» в этот период распространялось на всех восточных славян: по справедливому утверждению А.И. Миллера, и в официальной позиции властей, и по убеждению большинства образованных русских, различия между великороссами, малороссами и белорусами были заведомо менее значимыми по сравнению с чертами их родства. Впрочем, концепция общерусской нации отнюдь не отрицала наличия этнических особенностей Малороссии. Напротив, идея о взаимной дополняемости малороссов и великороссов постоянно выходила на первый план. В истории и характерах Южной Руси искали те романтические краски и мотивы, которых не хватало в истории Руси Московской, а украинское «наречие» рассматривалось как поэтический диалект русского языка.

В то же время в условиях роста общественного внимания к национальной проблематике специфика Малороссии стала основой для появления особой культурно-языковой идеологии, легшей затем в основу украинской версии идентичности. Украинский проект отрицал «малороссийскость» как часть общерусской идентичности, настаивал на качественных различиях в культурном и историческом развитии Украины и России, в том числе и в языковом отношении. Сторонники «украинства» стремились представить русский язык как «чужой», настаивая на необходимости

повышения коммуникативного статуса украинского языка. В связи с этим одним из главных вопросов, волновавших русское общественное мнение в связи с украинской проблематикой в XIX в., заключался в отношении к возможности самостоятельного существования украинского языка и литературы как единиц, независимых по отношению к русскому культурному узусу.

Русское общественное мнение, признавая наличие культурных и языковых особенностей малороссийской этничности, не считало их доказательством существования отдельной украинской нации, и претензии на национальную самостоятельность со стороны сторонников «украинского национального проекта» вызывало резкое отторжение. Особенно болезненно воспринимался отказ от русского культурного стандарта, что в конечном итоге приводило к усилению негативных характеристик в стереотипном образе украинца.

В начале XX века, в период радикализации украинского движения и государственного строительства на украинских землях, русско-украинские взаимоотношения претерпели существенные изменения. Украинская идентичность одержала победу над малороссийской культурной спецификой, и русское общественное сознание, адаптируясь к новым социальным и политическим условиям, переживало специфическую травму, вызванную происходившим распадом общерусской идентичности. Малороссы, не воспринимавшиеся ранее в массовом сознании как отдельный национальный организм, на глазах превращались в украинцев, отвергавших концепцию триединой нации. Для русского сознания оказался наиболее болезненным сам факт отказа украинца от русского культурного стандарта, нежели его претензии на политическую самостоятельность.

В советский период украинец продолжал считаться «своим» как на уровне официальной идеологии, так и на уровне массового сознания. Более того, украинский воспринимался русским языковым сознанием как не нуждающийся в переводе, осознавался как часть собственной, русской языковой сферы, как разновидность собственной языковой компетенции, усвоенной с детства и пополняемой в течение жизни разными путями. В то же время опыт украинского сепаратизма не был забыт русским обществом, что нашло свое подтверждение после 1991 года. В новой социополитической и культурной ситуации в качестве «своего» по-прежнему воспринимаются украинцы – граждане России, тогда как остальные украинцы утратили этот статус, стали восприниматься как бывшие «свои». Тем не менее, несмотря на постоянные взаимные рефлексии по поводу «сепаратизма» в государственной и культурно-языковой сфере, опыт длительного совместного проживания в одном государстве, совместного «переживания» разнообразных, зачастую трагических событий, позволяет надеяться на преодоление негативных тенденций во взаимном восприятии и развитие добрососедских отношений между двумя самыми большими славянскими народами и государствами.

В ЛАБИРИНТЕ ЭТНО-ПОЛИТИКО- ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ СЕРЕДИНЫ XVII ВЕКА

Вопрос о названиях государств на территории Восточной Европы давно обсуждается, но, тем не менее, по-прежнему остается актуальным. Причин для этого много. Основная масса населения этого региона принадлежала к восточным славянам, переживавшим на протяжении Средних веков и в начале Нового времени весьма сложные этнические и этнополитические преобразования – от племен к народностям и государственным образованиям различных типов, степень, уровень и темп оформления которых не были синхронными, в особенности в сфере созидания «национальной» государственности. Темпы развития в этой, как и в этнической сферах разошлись – и весьма существенно после монголо-татарского нашествия и в период иноземного ига.

В настоящей публикации автор поставил очень конкретную тему, используя чрезвычайно узкий круг источников (это почти исключительно русскоязычные издания XIX–XX вв., естественно несущие на себе печать времени их публикации и отражающие господствующие направления в историографии). Между тем значение этой отнюдь не магистральной темы для понимания событий XVII в. чрезвычайно велико. Без четкого представления о той арене, на которой разворачивались события Освободительной войны украинского народа, ее «прицепления» (по выражению посла Б. Хмельницкого в Москву П. Тетери) к России и об уровне самоидентификации народов и идентификации чужих народов, политико-географических представлениях, царивших в Восточной Европе XVII в., понять ход этих событий трудно.

В историографии существует масса определений тех этносов, которые населяли Восточную Европу и два главных на ее территории государства – Российского царства и Речи Посполитой. Первым серьезно занялся этой проблемой С.М. Соловьев¹, а вслед за ним филолог А.А. Потебня². Разумеется, ее не обошел и классик украинской историографии начала XX в. М.С. Грушевский³, и современные украинский (П.П. Толочко⁴) и российские (Б.Н. Флоря⁵, Т.А. Опарина⁶)

историки. В историографии главное внимание уделялось и уделяется этническим процессам славянства средневекового периода⁷. Формирование этнополитической терминологии в начале Нового времени вызывало значительно более слабый интерес. Однако именно на XVII в. приходится складывание двух крупнейших восточнославянских народностей – украинской и белорусской, наряду с великорусской составившей комплекс трех народностей, восходящих к «древнерусской». Поэтому чрезвычайно важно проследить, как эти этнические перемены осмыслились и фиксировались в Российском царстве, каким образом воздействовали они на внешнюю и внутреннюю его политику.

Автора настоящего очерка интересуют иные вопросы – соотношение этнической идентификации и самоидентификации с представлениями о политических организмах Восточной Европы и различными уровнями понимания этнополитических процессов XVII столетия их современниками и участниками. Речь пойдет о двух государствах, доминировавших в Восточной Европе – Речи Посполитой и Российском царстве.

Начнем с последнего. Прежде всего, поясним, что подразумевается под различными уровнями понимания политических реальностей. Речь идет об «официальном» наименовании государства, его самоназвании. Для средневековья это, прежде всего, объектная часть титула государя, главы политического организма, его символа и воплощения самой идеи «государственности». Титул фиксируется в письменной документации, исходящей от имени главы верховной власти. При этом наиболее существенна фиксация титула в межгосударственных договорах, посланиях, адресованных главам иных государств, ибо именно в этой сфере точнее всего материализуются отношения «своего» и «чужого» государя, что порой бывает связано с территориальными спорами. Именно последние заставляют представителей разных государств максимально точно обозначать географические пределы власти государя, что и формирует объектную (географическую) часть титула. Второй сферой распространения «официального» наименования являются печати. При этом наиболее подвижна сфера государственных печатей, которыми скреплялись межгосударственные договоры. Внутри страны изменения происходили значительно медленнее, и жизнь некоторых печатей длилась дольше, нежели существование различных государственных форм (примером тому может служить кормовая печать, использовавшаяся и великим князем всея Руси, и первым царем). В данном очерке

рассматриваются даже не столько печати, сколько описи государственных печатей и их крайне немногочисленные публикации. Эти отечественные источники официального характера наряду с титулом позволяют судить об употреблении самоназвания самого восточного европейского государства, территория которого в течение изучаемого времени существенно расширилась за счет более западных земель, унаследовавших от Домонгольской Руси свое наименование. Они же дают некоторую возможность судить об официальных представлениях в России относительно ее западного соседа.

Обращение к этому виду письменных источников целесообразно, поскольку в пределах России нет полного комплекса самих печатей, которыми скреплялись международные договоры, находящиеся или находившиеся преимущественно в зарубежных архивах. Описи же в некоторой степени восполняют неполноту сфрагистических коллекций отечественных хранилищ.

Описи сохранились в фонде № 136 Российского архива древних актов «Дела о государственных печатях». В эту серию входят несколько описей печатей, хранившихся в XVII в. в Посольском приказе, как бывших в употреблении, так и вышедших уже из повседневного обихода и представлявших впоследствии исторический интерес. Фонд был, по-видимому, образован Н.Н. Бантышом-Каменским в конце XVIII в. на основе материалов, хранившихся в Посольском приказе, в частности, в «ящике дубовом, что бывал думных дьяков». Роспись дел в нем была начата в 1654 году⁸ думным дворянином И.А. Гавреневым⁹ и думным дьяком Никифором Демидовым¹⁰. Однако в этот ящик «положены были государственные болшие и средние новые и старые печати, и те все печати ис того ящика выняты (видимо, в 1670 году – А.Х.) при околничем Артемоне Сергеевиче Матвееве с товарищи и положены в особой ящик, где и Малороссийского приказу печать, а отдавал печати околничему Артемону Сергеевичю Матвееву он же (фигурировавший в предшествующей записи 1670 года – А.Х.) думной дьяк Дементей Бошмаков»¹¹. Однако описи печатей остались на прежнем месте в том же ящике «Гавренева-Давыдова». Это были «записка осмотру печатем думных дьяков Алмаза Иванова¹² да Лариона Лопухина¹³ 167-го и 168-го годов» и «роспись печатем ж за рукою думного дьяка Лариона Лопухина 170-го году»¹⁴.

Составление самих описей было приурочено и к чисто формальным моментам – общему упорядочению архива после катастрофического пожара 1626 года (1627 года)¹⁵, передаче материала на хранение в другие руки в связи со сменой дьяков, в ведение которых

входил надзор за печатями (в связи с прекращением деятельности дьяка Печатного приказа Никифора Демидова в 1653 году¹⁶), а также поворотным моментам в истории Восточной Европы – заключению важнейших для нее договоров (1667 года)¹⁷, и, наконец, смене государей, в частности, приходу к власти 18 июня 1676 года Федора Алексеевича (4 июля 1676 года)¹⁸ и царевичей Иоанна и Петра в 1682 года (июнь 1682 года)¹⁹.

Даты описей, приведенные выше, весьма условны. Они взяты из самоназваний документов, однако, судя по палеографическим данным (почеркам и филиграням бумаги) и содержанию, заполнялись или дополнялись они отнюдь не только в указанном в заголовке описи году. Это касается описи 1627 года и описи 1653 года К сожалению, нет описи печатей 1686 года, когда «по постановлению вечного мир с польским королем ... великие государи велели... прибавочные титла написать и обруч серебряный перелить»²⁰.

Состав описанных печатей можно представить по нижеследующей таблице, где для обозначения титулатуры приняты сокращения: ц. – царь, ВМБР – Великие, Малые, Белые России, ВЗС – Восточным, Западным, Северным [землям], вит. – витебский, вол. – волынский, гор. – город, лит. – литовский, мстислав. – мстиславский, нем. – немецкий, пол. – полоцкий, олов. – оловянный, сер. – серебряный, «со стeb.» – «со стebельком», д.д. – даты документов

1627	1653	26 июля 1670 /1676 Григория Карауло- ва ²¹	4 июля 1676	1682
1. Старые, властелинские, испорченные 2. региональные 3. Владислава				III. двойная большая сер. царя Михаила Федоровича

	Ящик думного дьяка Лариона Лопухина ²²			
	Царственная большая серебр.	I-1 бол. Сер. ВМБР, ВЗС, народы I-3. Не указан материал	I-1 Сер. двойная I-3 то же олов.	
	Сер. двойная – «со стебельком» ²³ Михаил Волошенинов Д.д.4.7.1648-12.11.1652.			№ 6. Сер. большая «со стебельком, Попорчена, с полным имянваньем и титлами. Нет ВМБР, в начале владим., а моск. после, киевского и смоленского нет
				II. 3. ВМР+ пол., вит., мстислав. [после 23 июня 1654 г.]
	2. ВМР – 5 строк, большая кайма			II.4. полн. тит.+ лит., черн., пол., вит., мстиславск.
	3. ВМР-5 строк, 1 кайма			II. 5 «со стеб.»+ черн.
	4. ВМР «со стеб.», кайма гладкая			
	5. ВМР «со стеб.», испорч.			
				II. 7. [1661 г.] больш., олов., двойная, на лиц. стор. – ездец, на об. – ин-рог,+ вол.,пол., вит., мстисл.
		I-2 сер. одинокая 2 экз.	I-2. сер одинокая до 1667 г. I-2а орел збит. в 1670 г.	

	1667 1.ВМБР		II-1.1667 кор. «титла» ВМБР, ВЗС	II.-1. 1667 г. кор. «титла»
			II.-3 То же, олов., мал. До 1670 г. нем. гор. и гетманам	
			II.-2. то же, перепр. на ц. Федора 1676	II.2 то же, перепр. на ц. Федора
	6.Малороссий- ская ВМБР		II- 1670 г	II.8. Малорос. кор. «титла» сер.
				II.9. то же олов. царя Федора
				1.больш. госуд. 2 кор.. «титла» Андрусовск. перем. 3.малороссий-ская

Поскольку сами печати употреблялись исключительно для скрепления международных договоров²⁴, в середине XVII в. они хранились в Посольском приказе²⁵, несмотря на существование Печатного приказа²⁶. Именно Посольский приказ и выступал непосредственным «заказчиком» печатей²⁷.

Дьяки Посольского приказа, составлявшие описи печатей в XVII в., имели некоторое представление о дипломатике. Они четко выделяли «богословие», «именование и титла» и «дело»²⁸. В связи с изучаемой темой особый интерес представляют «именование», то есть субъектная часть титула, и «титла», то есть объектно-географическая его часть, в которых в наиболее краткой и выразительной форме отчеканились представления о самоназвании государства и территориальных пределах власти его главы.

Обращают на себя внимание и отличия в терминологии описей при характеристике печатей Российского царства разного времени и Речи Посполитой. Если печати XVI в. именуются «государевыми» или «царственными»²⁹, то печати Владислава носят название «государственных»³⁰. В описях 70–80-х годов последний термин применен и

к отечественным печатям. Та же картина наблюдается и в описи Посольского приказа 1673 года. Согласно ей, «верющая» царя Михаила Федоровича 7153/1645 года судьям Федору Колтовскому и дьяку Пятому Спиридонову, уполномоченным решать «росправные и обидные дела» с соседним государством, была снабжена «государственною печатью»³¹. 11 января 7158/1650 года в Казну было положено «письмо, что взято у дацкого королевича, думного дьяка Григорья Львова рука, за государственною печатью»³². То же самое сказано и относительно «верующих» – А.Л. Ордину-Нащокину и дьяку Ф. Михайлову «о договоре укрепления времени и места с польскими и литовскими комисары» 7172/1664 года³³ и межевым судьям для размежевания литовского рубежа в 7178/1670 году³⁴. А 5 сентября 7179/1671 года из приказа Тайных дел в «сундук з замком» была отправлена «грамота великого государя за государственною большою печатью» королю Яну-Казимиру 7176/1668 года³⁵. К этому же году относится царская грамота («всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца») «в королевство Полское и в княжество Литовское к православным архиереям, иереям и всего освященного иноческого и мирскаго чина и возраста о походе войною великого государя на полского короля... у ней государственная печать большая»³⁶. Таким образом, на протяжении XVII в. в среде отечественной бюрократии созрело представление о государстве, как политическом организме, а не только функции его главы. В связи с этим терминология описей печатей может служить надежным источником по вопросу о самоназвании государства.

Наряду с самоназванием, которое соответствует официальному наименованию государства, на протяжении изучаемого времени использовались и различные виды неофициальных. В памятниках отечественной письменности, не напрямую связанных с государственной властью, в многочисленных записках иностранцев крайне редко употреблялись официальные наименования. В бытовании тех или иных неофициальных названий государства большую роль играла степень осведомленности авторов сочинений, их политической ангажированности, наконец, консерватизма менталитета того или иного общества. Поэтому, рассуждая о наименовании и самоназвании того или иного государства, следует делать поправку на характер источника, из которого черпаются сведения на изучаемую тему.

Формирование этнополитической терминологии Восточной Европы прошло несколько фаз. Первая приходится на конец XV – конец XVI вв. и ознаменована рождением терминов «Московское государство» и «Княжество (Государство) всея Руси». Первое словосочета-

ние появляется в 80-е годы XV в. в «Истории Польши» знаменитого польского хрониста Яна Длугоша. К великому огорчению западных соседей Ивану III удалось ликвидировать независимость Великого Новгорода, на владение которым претендовали польские короли и великие князья литовские со времен Витовта. На одном из этапов борьбы за Новгород великий князь владимирский и московский принял титул «господаря» по отношению к этому городу и дал основание именовать свою вновь образовавшуюся «отчину» «государством» или, в соответствии с тогдашней терминологией, «господарством». Первыми на это новшество прореагировали в Короне Польской, однако и в Московском летописном своде 90-х годов XV в. также употребляется это словосочетание в значении персональной верховной власти главы страны.

У Ивана III, который по меткому выражению Н.М. Карамзина, «не измерял веком своим века России ...и хотел жить в ее величии», были и другие «прегрешения» перед ближайшими соседями. Он официально принял титул «государя всея Руси» или в 1478 году, или в 1485 году (после присоединения Новгорода или Твери, мнения ученых расходятся). Географическое определение *всея* провозглашало права носителя титула князя всея Руси на все русские земли. Тем не менее, в объектной части титула московских князей при перечислении подвластных земель на первом месте по-прежнему оставалось определение «владимирский». Сложилась парадоксальная ситуация. Бывшие князья одного только Московского княжества, тем или иным способом покорив себе другие земли Северо-Восточной Руси, не осмеливались подчеркнуть место Москвы и не поставив определение «московский» на первое место, но претендовали на власть над всей Русью – и Северо-Западной, и Юго-Восточной и Южной.

Но часть земель Древней (домонгольской) Руси вошла в состав Короны Польской и Великого княжества Литовского, что и было закреплено в титуле главы объединенных личной унией государств определением «русский». Противостояние «великого князя литовского, жемайтского, русского» и «князя всея Руси», как периодически, но непоследовательно – в зависимости от международной политической ситуации – именовались московские князья, начиная с Ивана Калиты (см. наблюдения С.М. Каштанова), обусловило употребление термина «Московское государство» в пределах Короны Польской и Литовского княжества, а после 1569 года – и Речи Посполитой. Тамашние идеологи тем самым доказывали неправомерность претензий восточного соседа на все «русские» земли. Первым это словосочетание использовал

польский хронист Ян Длугош в 80-е годы XV в. Однако традиция наименования восточного соседнего государства «Московским» основывалась не только на внешнеполитических амбициях Короны Польской и Великого княжества Литовского, но и на свойственной средневековой консервативности мышления. Так, чрезвычайно медленно происходила эволюция субъектной части титула. Иван Васильевич, будущий Грозный, даже став царем Российского царства, сохранил титул «великого князя всея Руси». Подобно тому, как в Речи Посполитой упорно именовали Российское царство Московским государством, так и в последнем называли Речь Посполитую Литовским государством, Литвой, Литовской землей, а короля Речи Посполитой – то польским, то по старой привычке – литовским королем³⁷. Поэтому в историографии в этом вопросе царит полный сумбур.

Вторая фаза развития этнополитической терминологии связана с превращением Княжества всея Руси в Российское царство. В истории самоназвания страны переломным оказались 1547–1552 годы. Если и раньше в литературных памятниках употреблялся термин «Росиа» (точная калька греческого политонима), то после венчания на царство 1547 года и завоевания Казанского царства наряду с новым определением государства – «Российское царство»³⁸ – вторым официальным самоназванием стал и термин «Росия»³⁹, который широко распространился внутри страны на протяжении второй половины XVI в.

Смена этим новым термином старого политико-географического термина «Русь», бытовавшего на всех территориях Восточной Европы, происходила крайне медленно. В литературе, как правило, смена официального самоназвания самого восточного государства в Европе в середине XVI в. игнорируется. Причин этого достаточно много. Одна из них – историографо-политическая. Ранний этап формирования отечественной исторической науки проходил в XVIII в., столетии быстрого расширения Российской империи, и был ярко окрашен «патриотическими» настроениями. Ученые того времени спокойно распространяли политико-географическую терминологию своего времени на предшествующие времена. Отсюда возникло употребление термина «Россия» применительно к средневековой Руси, которое и закрепилось не только в отечественной, но и в зарубежной историографии. Для последней существенно было и то, что в большей части романских языков нет различия между Русью и Россией, оба эти термина переводятся одним и тем же словом – *Russland* в немецком, *Russia* – в английском, *Russie* – во французском.

Существенна в этом отношении была и непоследовательность в употреблении политико-географических терминов в источниках разного типа, начиная от официальных (посольской и актовой документации) до литературных произведений. Степень адекватности терминологии последних официальным представлениям идеологов государственной власти весьма разная. Впрочем, то же самое можно сказать и относительно официальных документов, предназначенных для внутреннего употребления. Увы, даже посольские материалы в соответствии с политическими настроениями (их вряд ли можно назвать позициями) также содержат разную политико-географическую терминологию. И разобраться в этой путанице понятий довольно трудно.

Наряду с термином «Российское царство» в 70-е годы XVI в. сам Иван Грозный и другие официальные лица стали изредка употреблять иной термин – «Московское государство». Думается, это произошло в результате невольного усвоения польско-литовской традиции, сложившейся еще в конце XV в., ибо в ходе Ливонской войны и самому царю, и тем более членам Боярской думы и дьякам Посольского приказа приходилось вести многочасовые прения с литовскими и польскими послами относительно условий достаточно частых перемирий. Царь хвастался пониманием польского языка и невольно усваивал свойственную последнему терминологию. Однако были и некоторые внутренние предпосылки для введения в практику определения «Московское государство». Первоначально это словосочетание соответствовало старому понятию «Московское княжество», смена существительных в этой формуле произошла в конце XVI в., когда наименования различных «государств» – бывших княжеств и республик – входили в полный титул царя.

С 80-х годов XVI в. страна стала именоваться Великой Россией. Определение «великий» широко использовалось главами православной церкви, монастырей и прочих церковных институций по отношению к князю всея Руси уже в начале XVI в. Видимо, в дальнейшем распространении этого термина особую роль сыграло послание константинопольского патриарха 1561 года⁴⁰. Однако впервые в источнике официального происхождения определение «Великая» по отношению к государству Россия употреблено в чине венчания царя Федора Иоанновича, состоявшемся 30 июня 1584 года⁴¹. Одновременно изменился и ритуал венчания на царство. Сын Ивана Грозного первым был помазан в алтаре, как архиерей, и в отличие от отца

стал помазанником Божиим. Введение патриаршества в 1589 году закрепило новшество в официальном самоназвании страны. Кроме того, царь Федор включил в свой официальный титул термин «самодержец», которого так упорно и безуспешно добивался Иван IV⁴². Термин «самодержец» международная общественность приняла, ибо он касался внутренней политической ситуации России, в отличие от другого нововведения – Великая. Для Речи Посполитой, в частности, даже «Великая Росия», как она именовалась в источниках второй половины XVI в., оставалась лишь Московским государством...

Смутное время прошло под знаком самых противоречивых тенденций в сфере этнополитических представлений. При первом Лжедмитрии на протяжении 1605–1606 годов в качестве официального самоназвания страны употреблялось выражение «Московское государство». В общественной мысли западных средневековых соседей Московского княжества, Великого княжества (Государства всея Руси) и Российского царства, то есть Великого княжества Литовского и Короны Польской, а позже 1569 года соответственно и Речи Посполитой, господствовала идея правомочности власти владимирских и московских князей, князей всея Руси и российского царя лишь на территории Московского княжества, «Московией» они и ограничивали пределы даже Российского царства. Лжедмитрий I закрепил в России польско-литовскую традицию наименования страны. Для него она всегда была Московским государством или Московской монархией⁴³. В обращении к кн. Ф.И. Мстиславскому, В.И. и Д.И. Шуйским он писал: «На Московском государстве сел брат наш... Федор Иванович»⁴⁴. Впервые эту двухсловную формулу в качестве общего названия всего Российского царства, если верить автору «Иного сказания», Лжедмитрий I употребил в послании народам «Московского государства» Российского царства в начале июня 1605 года⁴⁵. В крестоцеловальной грамоте – «крепости» Юрию Мнишку самозванец писал об овладении «государствами нашими и отчиной Московской», а в послании папе Клименту уже обо «всем государстве Московском»⁴⁶. Кардинал же Мартын Малакрида, как и папский легат в Речи Посполитой Клавдий Роганус, судя по изложению в «Ином сказании», настаивали на том, чтобы Лжедмитрий «многое крестьянство широкого (! Вероятно, вместо «Великого» – А.Х.) Московского государства... в веру латынскую привел»⁴⁷. Той же терминологии придерживался и второй самозванец – Лжедмитрий II, пользовавшийся открытой поддержкой польского короля Сигизмунда III.

Возведение на российский престол русского князя Василия Ивановича Шуйского 19 мая 1606 года сопровождалось сменой политико-географической терминологии и возвращением на протяжении 1606–1610 годов к официальной терминологии второй половины XVI в. Новый царь – «великий государь, царь и великий князь Василий Иванович всея России»⁴⁸ в своих обращениях к населению Москвы пользовался только термином «Российское царство»⁴⁹.

На третьей фазе Смуты в период первого и второго ополчений 1611–1612 годов та часть России, которая сохраняла независимость, получила совершенно новое наименование – Великой Российской державы. Бояре, от имени которых страна управлялась в 1611 году, позиционировали себя так: «Великия Российския державы Московского государства бояре»⁵⁰. Отсутствие царя, законного или незаконного, ситуация «безгосударства» заставили отказаться от термина «царство» и прибегнуть к иному слову, вероятно, использованному под влиянием польско-литовской практики – «держава». Изменилось и графическое изображение орла – он стал одноглавым, вероятно, знаменуя временную потерю Новгородского государства (Н.П. Лихачев). Однако ни Прокопий Ляпунов, ни Д.Т. Трубецкой с Д.М. Пожарским не забыли определения страны – «Великая», что в условиях подъема народно-освободительного движения приобрело важное патриотическое значение. Не забыли они и того, что Московское государство лишь часть этой державы, хотя и ведущая.

Однако «Великой Российской державе» суждена была короткая жизнь. С избранием Михаила Романова на царство 21 февраля и его венчанием 11 июля 1613 года закончился период «безгосударства», хотя Смута еще продолжалась. Поход гетмана Запорожского войска Петра Конашевича Сагайдачного сопровождался практикой разнообразных бытовых и дипломатических сношений с выходцами из Речи Посполитой, в том числе постоянным общением жителей Российского царства с казаками Сагайдачного. В Разрядном приказе, например, регулярно записывались показания военнопленных или переселенцев из Речи Посполитой, которые привносили в свои сообщения и привычную им лексику. П. Иванов рассказывал, например, об отношениях жителей Стародуба с начальником одного из отрядов «литовских людей», обещавших друг другу нейтралитет «до тех мест, как *Московское государство* с Литовским будут меж собою в миру»⁵¹. Так, в результате Смуты незаметно и естественно происходила подмена понятия «Российское царство» словосочетанием «Московское государство», не завершившаяся до 30-х годов XVII в. Для автора

«Иного сказания» «Московское государство» и «Российское царство» отнюдь еще не были синонимами.

Процессу смены самоназвания государства способствовала и временная в 1611–1617 годах потеря «оккупированной» союзническим шведским воинством Новгородской земли или, по тогдашней терминологии, «государства», которая изменила общую ситуацию. На первое место выдвинулся не потерявший независимости в годы Смуты центр и северо-восток Российского царства с его столицей – *Московское государство Российского царства*. К началу Смуты Российское царство состояло из многих «государств», сменивших «княжества» Ивана III. Первыми двумя словами приведенной выше четырехчастной формулы обозначалась лишь часть общего Российского царства, хотя, в сознании современников, главная – местонахождение престола, символ государственной власти. Представление о множественности престолов в разных государствах общего царства и о составе «Российского царства» как конгломерате нескольких «государств» сохранилось и в XVII в. В том же значении противопоставления Российскому царству формула «Московское государство» употреблялась и на исходе Смутного времени⁵². На последнем этапе Смуты в самой России сосуществовали два наименования страны – одно официальное традиционное, унаследованное от середины XVI в. – «Росия», «Российское царство», «Российское государство»⁵³, и другое, условно говоря, бытовое, восходившее к времени правления Лжедмитрия I – «Московское государство», постепенно проникавшее и в российскую бюрократическую практику⁵⁴. Первый представитель династии Романовых 21 июля 1618 года обвинял Сигизмунда III Вазу, «недруга ... всего нашего великого Российского царствия» в намерении «наше Московское государство воевать и разорять»⁵⁵. В «Ином сказании» 30-х годов XVII в. читаем слова, вложенные в уста Лжедмитрия I: «Иду на престол прародителей наших на Московское государство и на все государства Российского царства»⁵⁶. Ответные действия, согласно тому же сказанию, были предприняты Борисом Годуновым «в Московском государстве и в иных государствах и градах Российские державы». Годунов рассылал соответствующие грамоты, равно как и проклятия Григорию «в Московском государстве и по государствам Великия Росии»⁵⁷. Автор «Сказания» пишет, что Федор сел «на престол Российского царства в Московском государстве», и именно туда, «к себе на Московское государство», Годунов созывал звездочетцев, чтобы узнать о своей будущей судьбе⁵⁸. Московское же «государство» воспринималось автором «Сказания» как синоним

власти в пределах «Российского царства». Он обвинял Бориса Годунова в желании захватить власть: «нача огнем горети к державству Московского гсударства и всея великие Росии»⁵⁹ и рассказывал об уговорах Ирины Годуновой, в иночестве Александры, благословить брата «на Московское гсударство»⁶⁰.

Традиция многочисленности самоназвания Российского гсударства сохранилась и в более позднее время. Представление о Московском гсударстве как части Российского царства было свойственно гсударственной идеологии и в середине XVII в. Так, на переговорах 1646 года в Речи Посполитой послы во главе с В.И. Стрешневым заявляли: «На всех великих гсударствах Российского царства самодержец один, другого нет и вперед не будет»⁶¹. Даже Богдан Хмельницкий в отличие от крымского хана⁶² правильно называл Россию. 8 января 1654 года он желал Алексею Михайловичу, «дабы ваше царское величество на великих престолах Великого царства Российского долголетне царствовал»⁶³.

Если традиция многопрестольности и многочисленности гсударства была практически непрерывной, то определение России как «Великой» в отдельные периоды Смуты исчезало из самоназвания гсударства. Идеологи власти первого и второго царя из династии Романовых Михаила и его сына Алексея, продолжившего основное начинание четырех последних Рюриковичей – так называемое в историографии XIX и отчасти XX в. «собрание русских земель» – не преминули воспользоваться опытом идеологов царской власти времени правления Федора Иоанновича, и к 30-м – 40-м годам XVII в. вернули Российскому царству наименование «Великой», которое стало почти неразрывным с наименованием страны «Россия». В «Ином сказании» звездочетцы обещают Годунову: «...будешь царем Великой Росии», бояре молили его «восприяти скипетр Великой Росии»⁶⁴.

В официальном титуле первого царя из династии Романовых на протяжении первого десятилетия определение «Великая» отсутствовало. Об этом можно судить по первой описи печатей, датированной 1627 годом, но включающей и более поздние материалы.

1-ый писец. Л.1-2.1627 г.	1а Печать [царя Михаила] большая гсударева серебряная складная; 1а1. Девять старых казанских и ливонских литых 1б. 12 печатей властелинских оловяных; 1в. испорченная печать Бориса Годунова	До 1589 г.
------------------------------	--	------------

2-ой писец. Л.3 1627 г.?	2. Региональные печати	
3-ий писец. Л. 4-5 После 1654 г.?	Печати Владислава 3.1. 1634 г.?	
	3.2. После 1648 г.	

Первая из государевых печатей этой описи 1627 года была «большая серебряная складная в два кругех, на обеих орлех с корунами меж глав резаны кресты, около орлов по три строки писано титло г(осу)д(а)р(е)во». Хотя в описи нет пояснения, кому принадлежала печать, очевидно, это была печать первого царя из династии Романовых, то есть Михаила Федоровича. Печать подобного типа известна: она была приложена к грамоте августа 1618 года, адресованной любекскому городскому совету и касалась вопроса о возвращении временно задержанных в Архангельске товаров штетинскому бургомистру⁶⁵. Прорись лицевой стороны печати опубликована Ф. Бюлером⁶⁶. Между головами орла крест без косо́й перекладины, находящийся на подножии в виде горки, то есть Голгофы. На груди у орла всадник, поражающий копьем змея. Титул включал в «именованьи» «великий государь царь и великий князь ...всея Росии самодержецъ», а в объектной – «царь казанский, царь астороханский», следовавшие за определением «новгородский». В росписи 4 июля 1676 года, где воспроизведены фрагменты описи 12 октября 1653 года, видимо, эта же рассматриваемая печать названа очень коротко – «печать серебряная двойная»⁶⁷. К сожалению, и в этой описи не приведен титул царя, которому принадлежала данная печать, поэтому полной уверенности в точности идентификации не может быть.

В начале весны 1625 года была изготовлена малая государственная печать⁶⁸ (по типу кормовой или государевой печати Василия III, скреплявшей русско-датский договор 1516 года). На ее лицевой стороне – всадник с копьем и змеем, на обороте – двуглавый орел в коронах, но без креста. Краткий титул размещен в одном круге: на лицевой стороне – именованье, на обороте – его продолжение и титла («всея Русии самодержецъ и многих господарств господарь и обладатель»)⁶⁹. В 1627 году эта разновидность малой государственной печати была снабжена дополнением: «над главами у орла» появилась, по образцу герба Лжедмитрия⁷⁰, «коруна, таким образом их стало три»⁷¹. Титул повторял образец 1625 года с одним изменением: слово «господарь» было вырезано в сокращенной форме «гдрь». С небольшими изменениями вариант большой государственной печати с аналогичным титулом в 3-х кругах, представленный на проезжей Адаму

Олеарию 1634 года («божиею милостию великий государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Руси самодержецъ, владимирский, московский, новгородский, царь казанский, царь астраханский, и царь сиби(р)ский, государь псковский, великий князь тверский, югорский, пермский, вятцкий, болгарский и иных, г(осу)д(а)рь и великий князь Новагорода Низовские земли» – на лицевой стороне⁷²) дожил до 1640–1650-х годов. Об этом можно судить по № 7 в описи 1681 года: «Божиею милостию великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всеа России самодержецъ владимирский, московский, новгородский, царь казанский, царь астраханский, царь сибирский, государь псковский, и великий князь тверский, югорский, пермский, вятцкий, болгарский и иных, государь и великий князь Новагорода Низовские земли, резанский, ростовский, ярославский, белозерский, удорский, обдорский, кондинский и всея Северные страны повелитель и государь Иверские земли и карталинских и грузинских царей и Кабардинские земли черкасских и горских князей и иных многих государств государь и обладатель»⁷³.

В разделе о региональных печатях той же описи 1627 года упомянута и «печат(ь) Новгородцов(о) г(осу)д(а)рства», полное описание которой в реестре 1627 года открывало этот раздел. Обращает на себя внимание тот факт, что лишь две из этих печатей именовались схожим образом с новгородской – печати «Казансково государства» и печать «Сибирсково государства». В титуле терминов «государство» нет. Там имеются лишь определения «царь и великий князь...новгородский», «царь казанский», «государь и великий князь... всея Сибирские земли». В связи с этим встает вопрос, что имел в виду под термином «государство» составитель описи 1627 года и почему он сделал такой выбор «государств», на первый взгляд представляющийся весьма странным.

Термин «государство» проник в русский язык в конце XV в. из Великого княжества Литовского. Одним из первых случаев его упоминания можно назвать наказ великого князя послу в Крымское ханство Ивану Ощерину от августа 1504 года Иван III предполагал возможность интереса к тому, «кого ныне князь велики пожаловал под собою государьствы великими княжствы»⁷⁴. О «великих княжствах» речь идет и в духовной грамоте Ивана III, которой он благословил своего старшего сына «отчиною, великими княжствы»⁷⁵. Однако они поименованы лишь в докончании Василия Ивановича с братом Юрием 16 июня 1504 года. Здесь в качестве «княжств», приравненных в наказе Ивана III послу в Крым к «государствам», названы Владимирское, Московское, Новгородское, Псковское и Тверское⁷⁶. Третье и

четвертое – Новгородское и Псковское «княжества» – таковыми в период их самостоятельности никогда не именовались даже идеологами великого князя владимирского и московского, обосновавшими верховную власть своего государя над этими землями⁷⁷. Таким образом, можно думать, что к «государствам» начала XVI в. причислялись все политические образования, обладавшие высокой степенью самостоятельности вне зависимости от форм местного «самоуправления» и вошедшие в Княжество всея Руси или Российское царство как сохранившие рудименты самоуправления. Кстати, указание второй части описи 1627 года относительно печати «Сибирского государства» может служить намеком для датировки списка региональных печатей или составления их протографа, написанного тогда, когда оно еще сохраняло какие-то следы прежней автономии.

Если предположить, что представления о «государстве» на протяжении XVI – начала XVII в. были в основном стабильны⁷⁸, то второй, поставленный выше вопрос остается в силе. Почему среди регионов Российского царства рубежа первой и второй четвертей XVII в. в глазах составителя описи печатей 1627 года только три сохранили статус «государства», хотя в первой половине предшествующего столетия политический статус Казани и Астрахани, например, различался существенно, однако Астрахань не была названа государством? Видимо, на протяжении второй половины XVI – начала XVII вв. идеологам Российского царства присоединение Астраханского ханства стало казаться менее значительным, нежели Новгорода и Казани. Что же касается Новгорода, то город, после длительного владычества шведов вернувшийся в состав Российского царства по Столбовскому миру 1617 года, снова обрел статус центра важнейшего региона, при том вторично приобретенного, а посему в особенности заслуживающего наименования «государства».

Что же касается остальных регионов Российского царства, то в описи 1627 года они названы косвенно, лишь как географические определения к слову «печать»: «печать псковская... печать астраханская... печать нижегородская... печать смоленская... печать резанская... печать тверская... печать вяцкая». Из такой формы обозначения регионов можно заключить, что в глазах составителя описи печатей 1627 года статус этих земель или городов России, что вероятнее, был весьма низок. Кроме того, ни одно из этих определений не заключало в себе этнического компонента, все это были определения административных единиц.

Любопытно сравнить характеристику печатей российских и королей польских и великих князей литовских в описи 1627 года, сделанную

третьим писцом этого документа. Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что в описи 1627 года отсутствует самоназвание соседнего с Российским царством государства. Оно фигурирует не как Речь Посполитая, но как два независимых политических организма: Корона Полская и Великое княжество Литовское. Видимо, появление в 1569 году на западных границах Российского царства большого и мощного государства даже спустя более полувека оставалось болезненным для его конкурента на земли, некогда входившие в состав «империи Рюриковичей» домонгольского времени. Было, впрочем, и другое обоснование для употребления двойного и раздельного названия государства: внутреннее устройство Речи Посполитой сохраняло федеративный характер (существовали отдельные канцелярии, отдельные войска и т.д.). В Литовском княжестве долго еще сохранялось недовольство унией⁷⁹.

Что же касается печатей Речи Посполитой, то в описи 1627 года указаны печати Владислава IV (1632–1646), сына Сигизмунда III Вазы, «Коруну Полское» – большая, на которой был орел «двоглавый⁸⁰ с короною» и вокруг него «воеводства с городами», и меньшая («орел с короною без городов»), и две печати Литовского княжества, большая и меньшая, построенные по тому же принципу, что и польские: «большая – человек на коне. А над ним корона. А около ево воеводства с городами»; «а меньшая печать – человек на коне, над ним корона без городов». Можно предполагать, что речь идет о печатях Поляновского мира, которым завершилась Смоленская война 1632–1634 годов и Збаражского договора 1649 года. Эти печати, хранившиеся «в липовом ящике», в описи Посольского приказа 1673 года охарактеризованы так: «Грамота докончалная Владислава короля полского...а у той королевской грамоты две печати, одна Коруну Полское, а другая Великого княжства Литовского на красном воску в ковчегах серебряных. Другая грамота Владислава ж короля о гетманском договоре, на которой грамоте Владислав король в другой ряд крест целовал при государевых великих послех при боярине при князе Александре Михайловиче Львове⁸¹ с товарищи за двема ж печатми Коруну Полские и Великого княжства Литовского, а те печати на красном воску под кустодьями и за королевскою рукою»⁸². Согласно этому договору «учинил король польской Богдана Хмельницкого над запорожским войском от себя гетманом над черкасы и знамя, и булаву ему дал»⁸³. Разумеется, эти документы могли оказаться в архиве Российского царства лишь после 1654 года.

Но вернемся к титулатуре российских царей и самоназванию их царства. В сношениях с Данией 1645–1653 годов, Швецией 1650–1652 годов и Англией 1647 года употреблялась печать диаметром

9 см⁸⁴, которую А.И. Андреев идентифицирует с № 6 описи 1682 года: «печать государственная болшая с стебелком серебряная ж, попорчена, с полным имянованьем и титлами. А ... в титлах нет Великой, Малой, Белой Росии, и в начале владимирский, а московский после, а киевского и смоленского нет»⁸⁵.

Б. Кене, известный своими, к сожалению изобилующими ошибками работами по сфрагистике всех стран мира, утверждал в 1861 году, будто к подтверждению Столбовского мира в 1646 году была приложена двусторонняя печать с изображением креста между головами орла и словами: «ц(а)р(ь) сл(авы); Нї | ка», изображением «ездеца» и «инрога» — единорога на груди у орлов и надписью в 3 кольца⁸⁶. А.И. Андреев такой печати не видел, но ее вариант обнаружил на жалованной грамоте Никону от 30 июля 1657 года. После титула на этой печати было дополнение: «в третье лето царства его в 156-м в третье лето царства его го(ду) зделана сия печать»⁸⁷. Для 1657 года это был несомненный анахронизм. В это время в титул вошли и иные географические определения, прежде всего, «Великая».

Однако ни при Михаиле, ни в начале правления его сына Алексея определения «Великая Россия» в их титуле не было. Естественно, определения «Великая» по отношению к России публицисты Речи Посполитой также не употребляли. Однако были и исключения. К одному из них принадлежит писатель Захарий Копыстенский. Он ввел в оборот украинской общественной мысли новое наименование Российского царства, уже не как Московского государства или просто Москвы⁸⁸, но как Великой России⁸⁹, населенной «великороссами»⁹⁰. Копыстенскому последовал Исайя Копинский. Так, 4 декабря 1622 года он адресовал свое послание о помощи Филарету Никитичу, «патриарху Великой и Малой Росии и до последних Великого океана»⁹¹. Укажем кстати, что термин «великороссы» принадлежит именно первому из вышеназванных украинских мыслителей. «З. Копыстенский, — по словам Б.Н. Флори, — называл Русское государство «Великой Росией», конечно, не потому, что отождествлял его с историческим центром Древнерусского государства. Он хорошо знал, что этот центр находился в Киеве. «Малой Росией» стали те части Древней Руси, которые оказались под чужой, иноземной властью, а «Великой Росией» стала Северо-Восточная и Северо-Западная Русь, сумевшая освободиться от иноземного господства и создать свою мощную державу»⁹². Впрочем, более вероятно, что З. Копыстенский просто следовал византийской традиции именовать подвластные церковному центру (Малой Росии) окраинные земли

термином «Великая». Именно со значением этно-конфессионального и историко-культурного единства термин «Малая Россия» упомянут в протесте Виленского православного братства против Ипатия Потея в 1601 году⁹³.

В Византии и отчасти в Северо-Восточной Руси официальным названием этой страны в XIV–XVI вв. была Малая Россия, однако это понятие включало и будущие белорусские, а порой и литовские земли, вернее, православное население этих регионов. Понятие «Малая Россия» восходило к раннесредневековой византийской православно-церковной традиции. По наблюдению А. Даниленко, в Византии XII в. бытовало понятие Великой России, о патриаршем назначении митрополита в которую сообщал норманскому королю Роджеру II (1105–1154) в 1143 году некий Нейлос Доксопатер. Ему же принадлежит список 11 епископий⁹⁴. Уже в XIII в. средневековым географам, в частности, Роджеру Бэкону, был известен термин «*Russia magna*», которым обозначалась самая восточная часть Восточной Европы⁹⁵. В связи с образованием двух митрополий на территории Руси появилось обозначение Великой и Малой Руси⁹⁶. В 1347 году император Иоанн Кантакузин и патриарх уже знали о подчиненных киевскому митрополиту епископий Галицкой, Владимирской, Холмской, Перемышльской, Луцкой и Туровской⁹⁷ Малой России, находившихся в местности, называемой Вольнюю, и четко отличали их от не названных епископий Великой России⁹⁸. Киев, «в Малой России город», занимал особое положение: в нем «изначала была соборная церковь митрополии», он «был собственным престолом и первым седалищем архиерейским»⁹⁹. В конце XIV в. в Литовском княжестве произошли некоторые сдвиги в понимании места Киева: в уже приводившемся послании Ольгерда 1371 года Киев выделен особо от Малой России¹⁰⁰. Согласно греческой традиции центр именовался Малой, а «провинции» получали определение Великой¹⁰¹ Жители всех этих территорий («всей России»¹⁰² – видимо, еще в древнерусском понимании этого термина) в патриаршем послании Филофея 1354 года именовались росами¹⁰³. Лишь в послании литовского князя Ольгерда патриарху Филофею 1371 года, сохранившемся в греческом переводе, употребляется термин «московитяне» по отношению к жителям Северо-Восточной Руси¹⁰⁴. Галицкие князья носили титул «*Dux totius terrae Russiae*», «*Dux et dominus Russiae*», «*Rex Russiae*», а самый последний галицкий князь Юрий II Болеслав именовался «*Dux totius Russiae Minoris*»¹⁰⁵. Московские же князья – Семен Гордый в 1347 году, Дмитрий Иванович и не названные по именам князья – в июне 1370 года в патриарших посланиях именовались князьями всея России¹⁰⁶. В конце

XIV в. (в июне 1380 года) отец Дмитрия Ивановича был впервые назван великим князем московским и всея Руси¹⁰⁷. Впрочем, в источниках русского происхождения его дед Иван Калита уже носил титул великого князя всея Руси¹⁰⁸. Последним всеобъемлющим титулом они отличались от польского короля земли Ляшской и Малой (только Малой) Руси¹⁰⁹. В 1371 году в Константинополе считалось, что Казимир владеет Малой Русией с епископиями Галичской, Владимирской (Волинской), Перемышльской и Холмской, но не Луцкой¹¹⁰, а в январе 1397 года в грамоте патриарха Антония Ягайле появился новый термин «Литворсия»¹¹¹, в дальнейшем не прижившийся.

Краткий обзор сведений об употреблении терминов «Великая» и «Малая Россия» в греческих посланиях константинопольских патриархов, византийского императора ясно обнаруживает их тесную связь с православными церковными центрами. Лишь с течением времени эти термины приобретали чисто географическое и политико-географическое значение. При этом можно предполагать, что происходило некоторое территориальное смещение этих терминов.

Этнополитические термины на территории Великого княжества Литовского кристаллизовались в противостоянии «литвинам» и «москвичам»¹¹² (или «московским народам, людям»¹¹³), обостренном, с одной стороны, успехами католизации, а, с другой, непризнанием московской церковью православия на территории Речи Посполитой за подлинное. Подобная трактовка лежала, видимо, в основе странного, на первый взгляд, высказывания русских дипломатов во время Столбовских переговоров 1617 года. Термин «Малая Русь» возник там в парадоксальном контексте, поскольку представители Российского царства отказывались от претензий на те части Руси, которые находились в составе Речи Посполитой: «...ваша Малая Русь, которая принадлежит к Польше и Литве, к ... царского величества именованью всея Руси не идет, применять вам этой своей Руси ко всея Руси нечего»¹¹⁴. Не только для царских дипломатов, но и для православных Речи Посполитой начала XVII в. термин «Русь» был синонимом территории, населенной православными. В своем предсмертном обращении к королю Сигизмунду III гетман Петр Конашевич Сагайдачный в марте 1622 года протестовал против введения унии, причем, только на территории «Руси». Он писал: «Особливо унея, там тепер з Русе чрез святейшего Феофана, патриарху иерусалимского знесенная, абы впред в той же Русе никогда не отновлялася и своих рогов не возносила»¹¹⁵.

Определяющим же фактором и для Копыстенского, и для Виленского братства, как и для константинопольских патриархов XIV в.,

оставалась принадлежность к православию. Копыстенский неоднократно подчеркивал наличие собственных святых и святынь, порой возвышаясь в этих утверждениях до весьма эмоционального пафоса: «Ест, ест и на востоце, ест в Греции, и в Македонии, ест в Булгарии, Сербии, Молдавии, ест в Малой России, ест и в Великой России ... премного святых и чудотворцов»¹¹⁶.

Таким образом, под пером Захарии Копыстенского «Малая Русь» не только превратилась в «Малую Россию»¹¹⁷, но и вошла в Украину в широкий оборот как политико-этногеографическое понятие для обозначения конфессионально-территориального единства, отличного от Великой¹¹⁸. В связи с этим представления З. Копыстенского о грандиозных размерах этой «Малой России», не на много уступающей Великой, не могут удивлять: по его мнению, «Россия Малая теж, то есть Киев и Литва», иногда он разделял территории Литвы и Малой России («мы в Малой России и в Литве правоверные христиане»)¹¹⁹. Включая Литву в Малую Россию или исключая ее, сводя Малую Россию к одному Киеву или расширяя ее территорию, Копыстенский очевидно предполагал, что речь идет о православном населении. «Термин (Малая Россия – А.Х.), – по утверждению Флори, – получил особое распространение в 20-е годы XVII столетия в среде запорожского казачества, в условиях притеснения со стороны польских феодалов начавшего осознавать единство происхождения с “народом российским”».¹²⁰ Эти настроения нашли отражение в «Палинодии» Захарии Копыстенского¹²¹. Думается, церковные писатели возвращались к более ранней византийской традиции, которая постепенно проникала и в среду казачьей элиты. Таким образом, национальная самоидентификация украинского народа, переживавшего процесс становления новой особой народности, в это время происходила в тех же терминах, что и великорусского, что вносило некоторую неопределенность в этот вопрос и в XVII, и в последующих столетиях.

Вслед за З. Копыстенским уже 26 января 1654 года Богдан Хмельницкий именовал Алексея Михайловича «великим государем, царем и великим князем», а также «всея Великия и Малия Русіі самодержцем»¹²². Впрочем, царская канцелярия отнюдь не сразу восприняла новое титулование своего государя, ограничиваясь словами «всеа Русии самодержец»¹²³. Тем не менее, термины «Великая и Малая Россия» постепенно получали права гражданства в царской титулатуре. 7 февраля 1654 года в посланиях волошскому воеводе Матвею и молдавскому воеводе Стефану царь именовался по примеру, данному Богданом Хмельницким, «всея Великия и Малия Росии самодержцем»¹²⁴.

4 марта того же года жалованная грамота переяславским мещанам была дана от имени «всея Великия и Малыя Росии самодержца»¹²⁵. К сожалению, неизвестно, какой именно печатью была скреплена эта грамота. В протоколе приема гетманских послов С. Богдановича и П. Тетери 13 марта и в так называемых статьях Богдана Хмельницкого 21 марта 1654 года царь именовался таким же образом¹²⁶. После 21 марта 1654 года в обращение внутри самого Росийского царства вошел новый тип титулатуры («имянованья») царя: словосочетание «Великия и Малыя Росии самодержец». В субъектной части указано «Великия и Малыя Росии самодержецъ», а в объектной на первом месте оказалось определение «московский», а «владимирский» переместилось на второе место, были добавлены определения «киевский» и после слов «Новагорода Низовские земли» — «черниговский»¹²⁷. Появление новых географических определений вполне понятно: в течение января–февраля 1654 года к присяге были приведены и Киев, и Чернигов, наряду с другими менее значительными, но многочисленными городами¹²⁸. Однако в торжествующих царских посланиях православным волошскому воеводе Матвею и молдавскому Стефану говорилось в первую очередь о том, что присягу Алексею Михайловичу принесли «гетман Войска Запорожского с городами Малыя Росии, которые належат к княжеству Киевскому и Черниговскому, и вся Малая Русь»¹²⁹. В варианте подобной печати на жалованной Богдану Хмельницкому на г. Гадяч от 27 марта 1654 года определение «киевский» стоит непосредственно за словом «московский», отодвигает «владимирский» на третью позицию. За формулой «Новагорода Низовские земли» включено прилагательное «черниговский». Характеристика именно этой печати, может быть, включена в опись 1682 года под № 5: «печать большая с стебелком, серебряная ж с полными имянованьем и титлами. А ...прибавка черниговский»¹³⁰. Правда, полной уверенности в подобной идентификации нет, поскольку не отмечено дополнение «киевский» и перестановка местами «владимирский» и «московский». Однако А.И. Андреев также идентифицирует ее с той, где в легенде на 5 концентрических кольцах отсутствовали слова «Белая Росия и смоленский» и употреблявшейся параллельно с другими аналогичными после 21 марта 1654 года до 5 сентября 1655 года¹³¹.

Наконец, 27 марта 1654 года царь отправил гетману Хмельницкому войсковую печать — «нашу государственную печать с нашим государевым имянованьем»; «новой большой печатью под гладкими кустодиями» было скреплено царское обещание гетману и казакам «быть по прежним их правам и привилеям, каковы им даны от коро-

лей польских и великих князей литовских»¹³². На этой печати помимо нового словосочетания в «именованьи» появилось и дополнение в конце «титлов» «и иным многим государствам и землям восточным и западным и севернымъ отчич и дедич и наследник и государь и обладатель»¹³³.

Некоторые из выделенных курсивом терминов «именованья» государя восходят к началу XVI в. Так, направляя послание кафинскому санчаку в июне 1516 года Василий III именовал себя так: «един правый государь всея Руси и иным многим землям восточным и северным государь и великий князь»¹³⁴ Его сын и внук – последние Рюриковичи на престоле Российского царства Иван Васильевич и Федор Иоаннович – в сношениях со Шведским королевством употребляли более развернутую формулу: «и иных многих государств государь: восточным, и западным, и северным отчичь и дедичь и наследник»¹³⁵. Можно предполагать, что основой этой формулы послужило обращение султана Баязета к Ивану III Васильевичу в 1498 году: «А ты, всея Руси Восточной и Полской и иных многих земель князь Иван» и более расширенное: «А ты, всеа Руси Восточной и Полской и Дешской и иных многих земель»¹³⁶. Если формирование титулатуры в конце XV – начале XVI вв. представляло последовательный процесс, то на конец XVI и первую половину XVII вв. приходится определенная цезура: на использование подобного, всеобъемлющего земли и государства, титула Борис Годунов, как первый избранный царь, решиться не мог. Смута разорвала традиции как в сфере внешней политики, где уже было не до вселенной, об обладании которой мечтал Иван Грозный, так и внутренней, где с трудом восстанавливались основы правопорядка «досмутного» времени. Лишь второй царь из дома Романовых смог принять эстафету последних Рюриковичей.

Дополнение титула Алексея Михайловича 1654 года, выше выделенное курсивом, составляет основную часть его титула на печати, прорись которой Ф. Бюлер опубликовал под № 51 и, по-видимому, по ошибке также отнес к жалованной Богдану Хмельницкому на Гадяч. На самом деле, возможно, это и есть отправленная 27 марта «государева печать». Она имеет изображение орла с тремя коронами, скипетром и державой в лапах, в щитке на груди всадник, поражающий копьем змея. Под орлом стол с булавой, возле которого с правой стороны государевы люди и стрельцы, а с левой гетман со знаменем, на котором находится изображение креста, и запорожцы, вооруженные саблями. Титул же на печати расположен в одной большой кайме и сокращен до одной-двух букв от каждого слова: «Б(о)ж(ьею) м(и)л(остью) м(ы),

в(е)л(икий) г(осу)д(арь), ц(а)р(ь) и в(еликий) кн(язь) Ал(ексей) М(и)х(айлович) вс(ея) В(е)л(икия) и М(алыя) и Б(елыя) Р(о)с(ии) с(а)м(одержець) и м(ногих) г(осу)д(арств) и з(емель) в(о)с(точных) и з(ападных) и с(еверных) о(т)ч(ич) и д(едичь) и н(аследник) и г(осударь) и об(ладатель)»¹³⁷. Однако эта печать имела лишь ограниченную сферу приложения – царско-гетманские отношения, хотя и содержала колоссальные претензии на все земли Малой и Белой России. Титул явно обнародовал идеологические установки подготовки войны России против Речи Посполитой. Сомнительно, однако, отнесение ее к 1654 году, хотя в пользу такого мнения свидетельствует быстрая реакция Речи Посполитой на появление печати с расширенным не только на Малую, но и Белую Россию титулом царя¹³⁸. В титулатуре на знамени Большого полка, созданном, как принято считать, 10 ноября 1653 года, царь назван «всея Великия и Малыя и Белья России и многих государств государь и обладатель»¹³⁹, если датировка и правильна, то титул можно рассматривать лишь как «именование» призывания, а не владения.

Государственные же печати, употреблявшиеся в иных областях международных отношений, прodelьывали собственную эволюцию. Трудности утверждения нового титула царя на международном уровне вызывали появление печатей с отличающейся от обобщенной титулатурой («Великой и Малой России самодержец»), которую заменяло перечисление отдельных земель. Согласно указу 28 июня 1654 года в титул были включены еще два определения – «полоцкий» и «мстиславский», которые зафиксированы в жалованной грамоте Киевскому Выдубицкому монастырю от 11 августа 1654 года¹⁴⁰. И Полоцк, и Мстиславль были взяты 27–28 июня 1654 года¹⁴¹.

Однако на этом преобразования в титуле и перемены в печатях 1654 года не ограничились. По мнению А.И. Андреева, в 1654 году была сделана печать № 3 описи 1682 года: «печать болшая серебряная ж с полным имянованьем и титлами. А...нет Белой России, а прибавка полоцкий, витебский, Мстиславский». Эта печать создана, несомненно, после 22 ноября 1654 года, когда был взят Витебск. Смоленском царские войска овладели еще раньше, 23 сентября 1654 года¹⁴². Ее, как и другой вариант – № 7 описи 1682 г. с титулом в 4 кольцах – прикладывали к грамоте шведскому королю 20 января 1655 года¹⁴³.

Но на переговорах 25 ноября 1655 года с послами Яна Казимира и в самом конце того же года в Крыму русские представители особо указывали на присоединение Волыни и Подолья¹⁴⁴. Видимо, таким

образом царские послы обосновывали дипломатам Речи Посполитой введение новой печати, известной по прориси из Копенгагенского королевского архива к грамоте 17 августа 1656 года. Здесь в «именовании» указано «всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержецъ», а в титулах имеются «великий князь литовский, смоленский тверский, волынский, подольский». Определения литовский, волинский и подольский, а также Белой Руси появились в начале сентября 1655 года¹⁴⁵, что еще раз заставляет усомниться в точности датировки печати № 51 в публикации Ф. Бюлера. Титул, по мнению новейшего исследователя В.М. Горобца, свидетельствует об ограничении территории Малой Росии одним Поднепровьем и стремлением России подчинить себе Западную Украину и Белоруссию¹⁴⁶. За «Новгородом Низовские земли» помещены титулы «черниговский, резанский, полоцкий...кондинский, витебский, мстиславский», в завершение дополнение «и иным многим государствам и землям восточным и западным и севернымъ отчич и дедич и наследник и государь и обладатель»¹⁴⁷. Эта печать представлена № 3 в описи 1653 года: легенда располагалась на 5 строках с одной каймой, видимо, небольшой в отличие от предшествующей аналогичной. Титул в этой легенде немногим отличается от предшествующего полного: вслед за словами «государь псковский» помещено дополнение «и великий князь литовский» (в связи с этим стоит вспомнить об использовании царем Алексеем Михайловичем в 1656 году личной печати с такой же легендой, о чем уже говорилось выше); за определением «тверский» идет «волынский, подольский, югорский» (см. первую таблицу № 1а.Л. 3).

На протяжении 1654–1656 годов наблюдается процесс постепенного введения расширенной титулатуры, которая отлилась в законченную, хотя и несколько отличную формулировку после Андрусовского перемирия 1667 года, когда и сама печать приобрела принципиально иной вид.

Печать № 2 в продолжении описи 1653 года описана так: «Печать царственная большая серебряная, которою печатают государевы грамоты в разные государства под кустодиею с полными царскими титулами».

В этом документе титулы были раскрыты полностью: «На другой серебряной болшой, что с стебелком, подпис в 5 строках. А около подписи болшая каима: «Божьєю милостию мы, великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великие и Малыя Росии самодержецъ московский, киевский, владимерский, новгородцкий, царь казанский, царь астораханский, царь сибирский, государь псковский

и великий князь смоленский, тверский, пермский, вятцкий, болгарский и иных, государь и великий князь Новагорода Низовские земли, черниговский, рязанский, полоцкий, ростовский, ярославский, белозерский, удорский, обдорский, кондинский, витебский, мстиславский и вся Северные страны повелитель и государь Иверские земли, карталинский и грузинских царей и и Кабардинские земли черкасских и горских князей и иным многим государствам и землям восточным и западным и северным отчич и дедичь, и наследник, и государь, и облаадатель» (№ 1а. Л. 3–4). В описи 1682 г. читаем о ней: «Печать большая со стebelком с полным имянованьем и титлами...нет Белой России, а прибавка полоцкий, витепский, мстиславский» (№ 9. Л. 3). Наконец, эпоха преобразований на время завершилась в 1655 году, когда была изготовлена печать «с полным ...имянованьем», то есть со словами «Великие, и Малые, и Белые России» (с «титлами», по терминологии посольских дьяков: в объектной, географической их части словами: «киевский, литовский, смоленский, волынский, подольский, черниговский, полотский, витебский, Мстиславский», а также «восточных, и западных и северных отчич и дедичь и наследник», закрепившие завоевания 1655 года¹⁴⁸). Видимо, именно эта печать имела в виду в более поздней описи 4 июля 1676 года, якобы цитирующей роспись 12 октября 1653 года, где упомянута «печать серебряная одинокая ... с полными новоприбылыми большими титлы. Печатали тою печатью его, великого государя грамоты во окрестные государства до Андрусовского перемирного договору 175 году». Правда, Кардисский договор со Швецией скреплял особый вариант печати: «большая двойная оловянная с полным же имянованьем и титлами. А на одной стороне в середине орел двое[главый], а над орлом животворящий крест с надписью, а в орле ездец, а на другой стороне животворящий ж крест и орел таков же, а в середине орла инрог. А в титлах ... прибавка литовский, волынский, подолский, полоцкий, витепский, мстиславский» (опись 1682 г. № 9. Л. 4. Печать № 7).

Это весьма противоречивая формулировка и именованья, и титула. В ней наряду с обобщающими терминами употребляются частные определения «новоприбылых» земель, которые, однако, дважды включаются и перекрываются обобщающими терминами; титул, а соответственно и легенда на печати носит следы недавнего прошлого, только что прошедших приобретений отдельных земель и содержит наряду с этим программу – и весьма широкую – дальнейших завоеваний.

Так, в 1343 году «Великая Россия» идентифицировалась с Киевом, как «седалищем православия», а по мере развития новых хри-

стианизированных регионов на северо-востоке Великой России стали именоваться именно эти новые для христианства земли. Уже на протяжении XIV столетия заметно влияние польско-литовской традиции наименования соседней восточной страны на географическую и этнографическую номенклатуру константинопольского патриархата (москвитяне и московские князья). Это произошло, вероятно, не без литовского влияния. Последний исследователь вопроса об этноконфессиональных стереотипах в Белоруссии И.А. Марзалюк обратил внимание на время появления терминов «Московская земля» и «москвичи» (в то время точно соответствовавшие реальности отношений с Московским княжеством)¹⁴⁹ и противопоставления им «всей Руской земли», приравненной к землям домонгольской Руси, вошедшим в Великое княжество Литовское. Летописец великих князей литовских 20-х годов XV в. утверждает, что Казимира в 1440 году «посадиша ... с честию на стольничьем граде на Вилне и на всей Руской земли»¹⁵⁰.

Что же касается Речи Посполитой, то эволюция самоназвания этого государства не столь причудлива. Главной вехой стала середина XVI в., а в истории самого государства к ней прибавилась другая – середина XVII в., когда территория Речи несколько изменилась за счет потери одного региона – юго-восточной части, того самого, на территории которого в этот период происходило становление нового народа. Здесь ситуация значительно сложнее. Этот регион в литературе обозначается политико-географическим термином – Украина.

История этого термина как политико-географического, с одной стороны, и географического, с другой, неоднократно привлекала внимание. Однако до сих пор в вопросе о времени утверждения его, как самоназвания страны и народа, ясности нет. Сложности заключаются в объективной ситуации, а именно в некоторой невнятности средневековой политико-географической терминологии – одним и тем же словом «Украина» первоначально обозначались тесно примыкавшие друг к другу окраинные земли двух крупнейших восточноевропейских государств – Речи Посполитой и Российского царства. Вторая причина более субъективного свойства. Отсутствие в течение нескольких столетий собственной украинской государственности заставляло искать ее элементы в прошлом, создавать миф о ее древности. Это характерное для всех новообразующихся и тем более новобразовавшихся государств явление (ср. мнение М.В. Ломоносова о древности Руси и ее независимости от норманнов¹⁵¹) чувствуется и в современной

украинской историографии. Псевдопатриотизм заставляет Ю.А. Мыщка, например, утверждать, что уже в конце XII в. этот термин был принят для обозначения современной Украины.

Более обоснованными представляются поиски формирования этого термина в XVI–XVII вв. Параллельно с церковно-православной традицией на протяжении XVI – первой половины XVII в. стихийно формировалось новое этногеографическое обозначение страны, соответствовавшее современному термину Украина¹⁵². Термин «Украина» первоначально употреблялся для характеристики окраинных земель Речи Посполитой, территории, соседившей с «дикими полями» – нейтральной степной и отчасти лесостепной полосы, отделявшей Речь Посполитую и Российское царство от Крымского ханства и ареала его летних кочевий. Этноним «Украина» восходит к слову *окраина*, при чем первоначально имелась в виду не столько окраина Российского царства, сколько Речи Посполитой, где это выражение приобрело определенный этногеографический смысл значительно раньше, чем в России. По мнению польского писателя XVII в. С. Грондского, термин «Украина» происходит от слова «край» и обозначал он «почти провинцию, расположенную у границ Королевства» («*inde Ukrajna quasi provincia ad fines Regni posita*»)¹⁵³. Привилеи польского короля Сигизмунда III Вазы Янушу Заславскому от 29 ноября 1620 года и Бартоломею Обалковскому от 11 августа 1621 года содержат упоминания об их правах «в земле Киевской и по всей Украине» («*z ziemi Kijowskiej i po wszystkiej Ukrainie*»)¹⁵⁴. Королевская инструкция на сеймики от декабря 1625 г. передает жалобы польской шляхты на казаков: «*Ukraina wszystka jest ot nich zholdowana, szlachnicz w domu swym nie wolny*»¹⁵⁵. В данном контексте Украина оказывается территорией, заселенной польской шляхтой. Иначе картина представлялась перемышльскому епископу Исаяе Копинскому, который в качестве «епископа и экзарха Малой России» 4 декабря 1622 года обращался к Филарету, патриарху «Великой и Малой Росии и до последних Великого океяну» (к этому титулу следует еще вернуться) с жалобой: «...не имама, где приклонити головы своя все зде на Украине, во пределе Киевском»¹⁵⁶. Последнее словосочетание «зде на Украине, во пределе Киевском» как будто ограничивает Украину Киевской землей. Позднее в листе короля Сигизмунда III от 19 января 1631 года говорилось, что казаки уже почти всю Украину подняли к восстанию¹⁵⁷. Что, впрочем, не помешало королю 6 февраля 1632 года пожаловать Ф. Мировицкому земли «за рекой Псел, лежащие на Украине в Киевском воеводстве»¹⁵⁸. Характерно, что первое

описание Украины пера француза Гийома Левассера де Боплана содержит этот термин по преимуществу в форме «Окрани» (или иногда «Украпи»), явно выдающей его польское происхождение, но в заголовке его труда слово *Украпи* попало лишь во втором издании 1660 года. В заголовке первого издания речь шла о «провинциях Польши, простирающихся от Трансильвании до Московского государства». Ясно, что к 60-м годам XVII в., когда процесс вхождения, соединения или втягивания Украины в Россию уже достиг определенных результатов, а события российско-польской войны, начавшейся в 1654 году, постоянно находились в сфере внимания европейской общественности, сам термин «Украина» получил права гражданства в быту и официальном обиходе польских властей и был признан тогдашней международной общественностью. Однако еще в 1648 году Богдан Хмельницкий идентифицировал православные «козацкие» области Речи Посполитой с Сарматией, он обвинял поляков в том, что те «подчинили истинные с древних веков земли и провинции Сарматские, альбо козацкие наши руськие от Подоля, Волыни и Волох посполу и аж до самого Вильна и Смоленска долгие и обширные границы свои имущие. А именно – земли Киевскую, Галицкую, Львовскую, Хелмскую, Бельзскую, Подольскую, Волынскую, Перемышльскую, Мстиславскую, Витебскую и Полоцкую»¹⁵⁹. Таким образом, в 1648 году для Богдана Хмельницкого еще не существовало специального термина для всей украинской территориальной общности. Позднее термин «Малая Росия» был усвоен и представителями Богдана Хмельницкого, и им самим. В речи на Переяславской раде Богдан Хмельницкий говорил о «нашей Малой Росии», подчеркивая при этом единоверие с «Великой»¹⁶⁰. Примеру гетмана следовал и его посол к царю Алексею Михайловичу Павел Тетеря, утверждавший, что в 1654 году произошло «соединение Малые Росии и прицепление оныя к великодержавному... царского величества скифетру»¹⁶¹.

Термин «Украина» лишь изредка употребляли на пограничье Российского царства и Речи Посполитой. Так, 30 апреля 1631 года пувильские воеводы доносили в Разрядный приказ, что в их город пришли «из Литовской земли литвин, с Украины из городка из Сиволожи... казачей сын», а «ис Польши на Украину х Киеву ляхи»¹⁶². Вышеприведенные формулировки ясно показывают, насколько неустойчива и внешне сумбурна была политико-географическая терминология в пограничной зоне. Хотя на самом деле она довольно точно передавала реалии своего времени. Киев и Украина действительно входили в пределы Литовского княжества, а не Польского королевства. Казачий

сын, скорее всего, был по национальности украинцем, но по своей государственной принадлежности – литвином. Таким образом, центральные российские власти могли бы иметь представление о том, что в первой половине XVII в. в пограничье имелось в виду под термином «Украина». В историографии тщательно исследовалось употребление этого термина в памятниках литературы: например, в Львовской летописи¹⁶³, равно как и в Густынской, по мнению Фр. Сысина, этот термин обозначал лишь Поднепровье¹⁶⁴. Эта же территория именовалась и «русской украиной». В послании Менгли-Гирей польскому королю от 14 июля 1507 года говорилось несколько неопределенно о том, что он пожаловал «русскую украину, городки, которые к нам прислухали, з землями и з водами, з выходы и з данми»¹⁶⁵. О той же «русской украине», видимо, шла речь 26 ноября 1507 года, когда Сигизмунд I Старый сетовал на отсутствие крымской помощи и неразбериху, в результате которой его же собственные войска «некоторые въкраинные городки наше ж отчины пожгли»¹⁶⁶. На территории «городов наших украинских» происходил, по словам короля, и мятеж Глинского¹⁶⁷. К этим украинным городам и волостям принадлежали, по его же утверждению, Смоленск, Полоцк, Витебск и «волости поднепръские», «што ж от сее стороны»¹⁶⁸, а в 1530–1531 годах среди «замъков украинных» королем назван и Киев¹⁶⁹. Его защиту согласно королевского листа литовской раде должны были осуществлять не князья и паны Волинской земли, «ино тыи от того замъку нашего у далеце суть, а имень своих прылегълых к тои украине поблизу не мають», а те, «которые князи, и панове, и бояре, и дворяне наши у повете Киевъском, и около Мозыра, и Вручого [Овруча], и у Волевъщине именья свои мают»¹⁷⁰. Во время Стародубской войны к украинным городам Великого княжества Литовского причислялись Полоцк, Витебск, Кричев, Пропойск¹⁷¹. В быту литовской знати принято было считать и Могилев принадлежащим к «украине». Находясь в Могилеве, «мешъкаючи на служъбе г(оспода)-рской на украине», Ян Щит 8 июля 1518 г. написал свое завещание¹⁷².

В Крымском ханстве понятие «окраины» также оказалось территориально ограниченными русскими землями Литовского княжества. В 1507 году хан Менгли-Гирей считал необходимым подчеркнуть, что, следуя традиции, заложенной Ач-Гиреем, он подтвердил пожалование на «русскую украину, городки, которые к нам прислухали, з землями и з водами, з выходы и з данми»¹⁷³. Понятие Украины в современном значении этого слова было закреплено прежде всего самими поляками, озабоченными сохранением ее земель под своей властью. Термин «Украина» широко употребляли польские хронисты, коронный гетман

Станислав Конецпольский и его преемник Николай Потоцкий, а вслед за ними вождь Освободительной войны гетман Богдан Хмельницкий¹⁷⁴. Несмотря на это, а может быть, именно вопреки этому российские идеологи царской власти не могли ни принять подобного названия, ни тем более ввести его в титул царя. Они придерживались терминологии 1617 года, не соблюдая, однако, смысла сказанного их предшественниками тогда. Таким образом, в историографию вплоть до 1917 года вошло этнополитическое наименование Малая Россия – Малороссия.

Таким образом, на протяжении первой трети XVII в. формировалось представление об украинских регионах Великого княжества Литовского, к которым принадлежали и будущие украинские и белорусские земли. И к тем, и к другим равным образом прилагались определения «украинных» городов, замков и волостей. Во второй половине 50-х годов XVII в. в Посольском приказе это определение прилагалось и к окраинам Российского царства (например, в переводе мохаббатнаме Мухаммед-Гирея IV 10 сентября – 9 октября 1657 года, где речь шла о грабеже крымцев «в московских украинных местах»¹⁷⁵), в связи с более поздним появлением этого термина в документах Посольского приказа его можно рассматривать в качестве результата польского или «украинского» влияния. Однако в нашем современном смысле слова этногеографический термин «Украина» еще не употреблялось ни в Речи Посполитой, ни в Российском царстве.

Что касается самоназвания населения этой территории – в нашем современном понимании – Украины, то господствующим в среде запорожского казачества для обозначения собственной этнической принадлежности оставался термин «русь». Однако, по справедливому мнению ряда украинских историков, с конца XVI в. речь шла не о единстве происхождения, но об отождествлении «русского народа» с украинским. В 1966 году И. Крипьякевич высказал мысль, что собственно термином «русский народ» и «Русь»¹⁷⁶ обозначался украинский народ¹⁷⁷. Это мнение в наши дни поддержано В.А. Смолием и В.С. Степанковым¹⁷⁸. Таким образом, национальная самоидентификация украинского народа, переживавшего процесс становления новой особой народности, в это время происходила в тех же терминах, что и великорусского, что вносило некоторую неопределенность в этот вопрос и в XVII, и в последующих столетиях. Наряду с термином «русь», как этническим, естественно было бы ожидать производного от входившего в оборот термина «Украина»¹⁷⁹. Однако производного от него существительного с суффиксом -ц-, -к- (украинец, украинка) для

обозначения представителей этнической общности, населявшей эту территорию, в пределах Речи Посполитой в первой половине XVII в. еще не существовало. Первый случай употребления этого термина зафиксирован в канцелярии Разрядного приказа Российского царства. В списке пленных запорожских казаков, составленном в этом приказе в 1619 году, значится «Олешка Захарьев, украинец з Лукомля»¹⁸⁰. Несомненно, этот термин самого военнопленного, поскольку в царских приказных учреждениях, как правило, употреблялась иная терминология – запорожские черкасы или просто черкасы¹⁸¹.

В Российском царстве население Украины выступало под названием «черкасы», иногда с уточнением «запорожские черкасы»¹⁸². Таким образом, наименование части населения, наиболее близкой к Российскому царству и чрезвычайно активной – казачества – переносилось на всю территорию, в польской традиции именовавшуюся Украиной. Термин «черкасцы», первоначально как обозначение жителей г. Черкасы, сложился в пределах Речи Посполитой еще в начале XVI в. В 1506 году крымский хан Менгли-Гирей настаивал на том, чтобы соблюдались обычаи времен короля Казимира, а именно поставка «черкасцами» 30 кадей меда, чтобы киевский воевода «в черкасцов бы клячи и колеса побрал и под то подавал»¹⁸³. Именно здесь встречали крымских послов, сюда стремились беглецы из Крымского ханства, несмотря на то, что Черкасы входили некогда в «киевскую тьму», принадлежавшую Орде до Ач (Хаджи)-Гирея¹⁸⁴. В городе действовали четыре корчмы «бражных местских» (а не королевских или магнатских, как в остальных городах Великого княжества Литовского)¹⁸⁵, что свидетельствует и о населенности города и его привилегиях. Черкасцы уже в начале XVI в. проявляли большую активность, нападая и на послов Василия III, направленных в Крым¹⁸⁶, и на кафинских купцов¹⁸⁷, и участвуя в охране окраинных земель Великого княжества Литовского от крымских набегов. В 1532 году «черкасцом 50 коп грошей сукъны, 31 коп грошей на сторожу». Это, впрочем, далеко не всегда спасало горожан. В том же году было выдано «мещаном черкасским за впад и шкodu их сто коп грошей, а пятьдесят коп сукъны простыми с скарбу»¹⁸⁸.

В Молдавской же земле с начала XVI в. бытовал иной термин для всего населения бывших ордынских «тем» (киевской, владимирской, луцкой, каменицкой, brasлавской, сокальской, черниговской), среднего Поднепровья от Киева до Глиньска, и Егалтаевой тьмы, названной именем сына хана Сарая¹⁸⁹. Так, господарь Молдавской земли Богдан в 1507 году объяснял польскому королю Сигизмунду I, каким

нечаянным образом его подданные «украинником твоей милости Коруны Полское шкоды великие починили... и многих людей у плен повели»¹⁹⁰. Речь шла о населении Волыни и Подолии.

Таким образом, можно отметить наличие различных пониманий терминов «Украина» и «Малая Россия» и наименования их населения в Речи Посполитой (при этом разное даже с точки зрения казачества, духовенства и официальных властей Речи Посполитой).

Та же картина наблюдается и в пределах Российского царства (в зависимости от местоположения и принадлежности авторов высказываний). Даже в центральных приказах России не было единообразия в вопросе наименования населения Украины, тем более что поступающие с мест документы содержали самые разные термины. Наиболее общим было словосочетание «литовские люди». Его употребляли кирилло-белозерский воевода Михаил Спешнев, калужские воеводы Афанасий и Никита Гагарины в декабре 1618 года¹⁹¹, российский посол в Крым А. Ладыженский в июле 1620 года¹⁹².

На втором месте по частоте употребления в официальной делопроизводительной переписке находился термин «черкасы»¹⁹³, в единственном числе «черкашенин»¹⁹⁴. В XVII столетии его безоговорочно приняли как служилые татары, стоявшие дозором на южной границе России, так и власти Войска Донского (в его канцелярии¹⁹⁵ этот термин употреблялся даже без определения «запорожские», поскольку казаками донцы считали только себя).

Иногда словосочетание «литовские люди» дополнялось термином «черкасы», который вводился без помощи сочинительного союза «и»¹⁹⁶ или с его помощью. В сознании российской политической элиты понятия «литовские люди» и «черкасы» приобретали постепенно различную значимость, но при этом с этническим оттенком. На последнее обстоятельство указывает трехчленная формулировка, к которой наряду с литовскими людьми и черкасами фигурируют и полские люди¹⁹⁷. Иногда в одном и том же документе шла речь «о литовских людях» и «черкасах», при этом не всегда ясно, о ком практически идет речь, входят ли «черкасы» в понятие литовских людей, как их часть, или они полностью идентичны¹⁹⁸. Особенно быстрое внедрение термина «черкасы» в русский язык связано с походом Петра Конашевича-Сагайдачного на север России в 1618 году¹⁹⁹.

Внешне похожее различие между «литовскими людьми» и «нашими изменники казаками» во время их совместного похода на русский север проводил кирилло-белозерский воевода М. Спешнев, однако он писал о российских (может быть, донских?), а не о запорожских

казаках²⁰⁰. Это соответствовало обычному словоупотреблению в России, «казаками» именовались исключительно местные – донские, кабардинские и соответствующее население центра²⁰¹. Литовские же люди у него идентичны «черкасам»²⁰². Одновременно представители последних могли оказаться киевлянами. Так, к Сагайдачному в конце августа – начале сентября 1618 года прибыл посланец королевича Владислава «черкашенин кеянин»²⁰³.

Между тем в царской канцелярии обычным было словосочетание «запорожские черкасы»²⁰⁴, весьма противоречивое по своей сущности. Существительное образовано от наименования города, а определение от иной местности, расположенной ниже днепровских порогов.

Самоидентификация трех восточноевропейских славянских народностей протекала в разном темпе, наиболее ускоренном в Российском царстве, с конца XVI в., в особенности после введения патриархата, носившем название Великой России; эта ветвь восточного славянства под пером украинских писателей получила наименование великоросов. Отличался друг от друга и темп самоидентификации двух других ветвей восточного славянства – белорусской и украинской, хотя территория, занятая ими, трактовалась как Малая Россия. Жители ее широко пользовались общим для всех трех ветвей термином «русь», наряду с ним они использовали и другие термины. Жители Белой Руси к XVII столетию уже иногда именовали себя «белорусцами» (термин впервые зафиксирован документом Разрядного приказа Российского царства 1618–1619 годов. Речь шла о неудачной попытке канцлера Льва Сапеги полоцкого «бискупа» закрыть православные церкви в Мстиславе, Кричеве, Орше, Дубровне: «... церкви у белорусцев распечатаны, а стояли ... запечатаны с осени и по всю зиму»²⁰⁵), однако трудно сказать, именовали ли жители этих городов себя сами подобным образом.

В связи с терминологическим сумбуром, свойственным эпохе быстрых перемен, полной ясности о том, население каких именно территорий стремилось поступить «под высокую руку» царя Великой России, не существовало. В связи с давней традицией церковно-географического именования территории нынешней Украины представители гетманов Войска Запорожского в своих официальных сношениях с Российским царством употребляли именно политико-географический термин «Малая Россия», первоначально обозначавший территории, в церковном отношении подвластные киевскому митрополиту. Однако жители (в особенности в пограничных районах, где проблема разделения «своего» и «чужого» стояла особенно

остро) для собственного обозначения использовали иные термины – «русины», «русак», просто «русь», то есть те же самые, которыми пользовались «великороссы» по другую сторону границы.

В России не было точного представления и о том, с кем происходило «воссоединение». По терминологии середины XVII столетия, «новоприбылые» в Российское царство земли, в отличие от «Великой Росии», именовались «Малой Россией». Термин «Украина» лишь изредка употребляли на пограничье Российского царства и Речи Посполитой. В Российском же царстве население Украины выступало под самыми различными наименованиями, можно отметить наличие различных пониманий терминов «Украина» и «Малая Росия» в пределах Российского царства (в зависимости от местоположения и принадлежности авторов высказываний) и Речи Посполитой (при этом разное даже с точки зрения казачества, духовенства и официальных властей Речи Посполитой).

Самоидентификация трех восточноевропейских славянских народностей протекала в разном темпе. Отличался друг от друга и темп самоидентификации двух других ветвей восточного славянства – белорусской и украинской, хотя территория, занятая ими, трактовалась как Малая Росия. Жители ее широко пользовались общим для всех трех ветвей термином «русь», наряду с ним они использовали и другие термины. Жители Белой Руси к XVII столетию уже постоянно именовали себя «белорусцами», в этом же качестве они признавались и в Великой Росии²⁰⁶.

Некоторое, впрочем, не всеми современниками осознаваемое внутреннее противоречие между официальным и народным пониманием политико-этно-географической ситуации, многовариантность наименований одной и той же территории и проживавшего на ней населения сказались и на ходе Освободительной войны украинского народа, в том числе и одного из главных – Переяславской рады января 1654 года и последовавших за нею переговоров в Москве

Украины религиозного центра – митрополии именовались Великой Россией, а ее центр – «с собственным престолом и первым сидищем архиерейским» в г. Киеве – Малой²⁰⁷.

Тем не менее, отношения украинских религиозных организаций с российскими укреплялись. В начале 1640 года в Греко-славянское училище в Киеве были отправлены иконы и книги²⁰⁸. Для выполнения работ в Киево-Печерский монастырь в начале 40-х годов ездил сусальник из Москвы²⁰⁹.

История так называемого «воссоединения» Украины с Россией в литературе, посвященной этому вопросу, проделала довольно сложную эволюцию. Ход переговоров 1654 года и их ближайшие итоги изучены до малейших деталей. Работы С.М. Соловьева, М.С. Грушевского и современных исследователей, казалось бы, не оставляют надежды обнаружить какую-либо новую сторону этого во многом поворотного события в истории России и Украины. Представления о ходе и результатах Переяславской рады весьма существенно менялись в зависимости от взглядов современников событий середины XVII в. (прорусски или антирусски настроенных православных церковнослужителей) до теорий нынешних идеологов извечной независимости Украины²¹⁰. Диапазон характеристик украинско-российских отношений января–марта 1654 года чрезвычайно широк. И сегодня и российские, и украинские историки, кажется, единодушны в одном – в отказе от термина «воссоединение». Действительно, к середине XVII столетия процесс формирования новых народностей, восходивших к древнерусской домонгольского времени, сделал такие успехи, что говорить об их «воссоединении» уже не приходится. Результаты Переяславской рады характеризуются ныне в Украине и России то как «союз» этих стран²¹¹, то как военный союз²¹², то как инкорпорацию Украины в Россию²¹³ или создание федерации, новый член которой пользовался самой широкой автономией²¹⁴. Украина, по словам Н.П. Ерошкина, пользовалась «известной автономией, имела особое управление, войско, судебную и налоговую системы»²¹⁵. До сих пор нет ясности в вопросе о темпе «прицепления» (термин П. Тетери, представителя Б. Хмельницкого на переговорах в Москве в марте 1654 года) Украины к России, смысле отдельных этапов его, кратко- и долгосрочных результатах Переяславской рады. Так, М.С. Грушевский растягивает процесс вхождения Украины в Российское царство вплоть до 1657 года, современный исследователь В.М. Горобец ограничивает его июлем 1654 года, когда завершились переговоры с украинским мещанством и духовенством²¹⁶.

В связи с сохраняющимися в современной исторической литературе разногласиями относительно сущности события января 1654 года, длительности самого процесса «воссоединения» стоит еще раз обратиться к рассмотрению его. Представляется крайне необходимым палеографический, филигранологический анализ всех документов, фиксировавших этот процесс. К сожалению, все авторы использовали по преимуществу лишь документы, опубликованные Г. Карповым в конце XIX в. Издатели трехтомной публикации «Воссоединение

Украины с Россией» 1953 года завершили ее 1654 годом, тогда как для квалифицированного исследования о стадиях «вхождения» Украины в Российское царство необходимы и более поздние документы. Увы, и автор настоящей заметки следует по пути своих предшественников, оставляя задачу палеографического анализа на будущее. Задача настоящей работы крайне скромна: попытаться понять влияние политико-географической ситуации и ее проекции в соответствующей терминологии на особенности «воссоединения» этих стран.

В литературе уже давно, казалось бы, разрешен вопрос об отношении к Переяславской раде православного духовенства, которое теоретически должно было быть крайне заинтересовано в объединении своих епархий с российскими в связи с притеснениями, которым оно подвергалось в Речи Посполитой. Именно это обстоятельство выдвигалось одной из главных причин соединения Украины и России. Однако дело обстояло не так просто. В.О. Эйнгорн подчеркнул опасения высшей православной церковной иерархии, прежде всего Киевской митрополии, потерять свои привилегии и права в пределах Речи Посполитой, то есть той самой Малой России, которая включала и Украину, и Белоруссию, и Литву, и оказаться под властью московского, а не далекого константинопольского патриарха, не вмешивавшегося практически в дела митрополии²¹⁷. Выводы этой работы безоговорочно приняты всеми последующими исследователями, начиная с М.С. Грушевского.

Однако во время рады 7–8 января 1654 года Богдан Хмельницкий, гетман Войска Запорожского, не вполне осмотрительно считал, что может представлять и интересы церкви Украины. Он говорил от имени Войска Запорожского «з городами и землями, которые в Малой Росии належат х княжеству Киевскому и Черниговскому, и всей Малой Росии». Из этой формулировки явствует, что: во-первых, гетман рассматривал Войско Запорожское как территориальную единицу, ограниченную пределами Киевского и Черниговского «княжеств», находящихся в Малой Росии (на самом деле в Речи Посполитой они были воеводствами)²¹⁸; во-вторых, считал себя непосредственным преемником князей Древней Руси, о чем свидетельствует употребление термина «княжества» вместо действовавшего в то время административного разделения на «воеводства»; и, наконец, в-третьих, полагал, что полномочен выступать и от остальных земель этой Малой Росии, представлявшей общность православного населения.

На Переяславской раде «на трактатех с Василием Васильевичем Бутурлиным», как говорили позднее в Речи Посполитой²¹⁹, гетман Войска Запорожского фактически провозгласил «воссоединение»

отнюдь не собственно территории Запорожского войска, а Малой России²²⁰, границы которой определялись церковно-административными отношениями с константинопольским патриархатом и, отчасти, Великой Россией. Судя по посланию И. Копинского 1622 года патриарху Филарету, часть иерархов украинской церкви признала последнего главой над собою уже в это время. Копинский в 1622 году придал Филарету титул «патриарха Великой и Малой России» (см. выше).

Промосковская позиция части духовенства объяснялась активной антиправославной политикой, проводившейся католической церковью при поддержке Сигимунда III²²¹. Куруковское соглашение 1630 года на время ослабило конфликт на религиозной почве: по словам севского воеводы «...помирились на том, что казаком быть во крестьянской вере попрежнему, а ляхом веры их не нарушати»²²². Однако уже в середине июня Сигизмунд III требовал передать Киевский Михайловский монастырь католикам²²³. Перечень жалоб православных на католиков можно продолжать практически до бесконечности. В Луцке члены иезуитского коллегіума совершили нападение на Луцкий православный Братский монастырь, били «невинного, только бы русин»²²⁴. В данном случае характерно обычное для того времени на территории Речи Посполитой смешение или, вернее, идентификация этнической и религиозной принадлежности: русин – это православный. Менее типично, что шляхтичи, поднявшие этот вопрос, были православными. Активность иезуитов отмечена и в Новгороде-Северском, где, основав собственную школу, они запретили Новгород-Северскому Спасскому монастырю иметь училище с преподаванием латыни²²⁵. Страдал и Густынский монастырь. В 1638 году его монахи опасались намерений «ляхов ... книги русские все вывезть» и превратить их храм в костел²²⁶.

Тем не менее, на протяжении 20–30-х годов XVII в. происходил процесс распространения унии. Ее принимала и часть казачества. Еще в 1632 году рада реестровых казаков ополчилась против «унейщиков» – «черкасов», которые «отступили в лятцкую веру»²²⁷.

Внутри России по отношению к выходцам из Речи Посполитой²²⁸ проводилась политика, отнюдь не благоприятствовавшая улучшению отношений киевской и московской церковью. В 1621 году на церковном соборе в Москве был принят «Указ, како изыскивати и о самех белорусцах», т. е. о способах вступления в русскую церковь при перемене государственного подданства украинцев и белорусов, принадлежавших к киевской православной и униатской митрополиям. Предписаны были три способа: крещение – для униатов и тех право-

славных, которые были ранее крещены лишь с обрядом обливания, а не погружения в купель (даже с миро- и маслопомазанием), а также тех, кто не знал способа своего первого крещения, или хоть раз принимал причастие в униатской церкви; миропомазание – для православных, крещеных в три погружения, но без предписываемого чина; просто покаяние – для тех православных, которые были крещены по обоим чинам (с тремя погружениями и миропомазанием). Таким образом, даже пребывание на территории Речи Посполитой считалось в России греховным²²⁹. Перекрещивание практиковалось не только в 20-е годы, но и в последующее время, что, разумеется, не могло не охладить стремлений украинского духовенства оказаться «под высокой рукой» царя России²³⁰. Игумен Мгарского монастыря Калистрат протестовал против того, чтобы его самого и киевского митрополита в России называли «униатами»²³¹.

Итак, изображение Богданом Хмельницким себя как представителя «всего мира христианского» можно считать некоторым преувеличением. В 1654 году киевское духовенство заняло нейтральную позицию; на переговорах и на церемонии присяги Богдана Хмельницкого царю Алексею Михайловичу в Переяславском соборе не присутствовал ни один из глав украинской церкви. Службу проводил прибывший с царскими послами казанский архимандрит Прохор, что должно было разубедить гетмана в полном единодушии церкви Малой России и представляемого им казачества – Войска Запорожского. Да и в ответах царских дипломатов Богдану Хмельницкому постоянно подчеркивалось, что царь Алексей Михайлович принял «под свою высокую руку» гетмана и Войско Запорожское²³², но о церкви не упоминалось. В контексте этно-политико-географической ситуации разность позиций церковных иерархов и гетмана Войска Запорожского становится более понятной.

Второй спорный вопрос касается обязательств, которые от имени царя дал В.В. Бутурлин 7–8 января 1654 года. Процесс «прицепления» к России представляется историками по-разному. Исходя из разных версий требований Хмельницкого, М.С. Грушевский на основе текстологического анализа пришел к выводу, что знаменитые «Статьи Хмельницкого» и, соответственно, царские ответы на них относятся к 1657 году. Однако современный исследователь вопроса В.М. Горобець датирует их, как представляется, июлем 1654 года. В пользу традиционной точки зрения советской историографии, относившей «Статьи» к марту 1654 года, говорит Опись архива Посольского приказа [Российского царства] 1673 года. В ней процитирован

документ, лишь отчасти связанный с внешней политикой, но скрепленный большой государственной печатью, употреблявшейся лишь для удостоверения внешнеполитических актов. Это жалованная грамота боярину и дворецкому Василию Васильевичу Бутурлину²³³ 7162/1654 года на колоссальные доходы в Ярославле (половину таможенных и кружечных²³⁴ доходов) и в Москве (половину доходов с печатных грамот и пошлин с таможенных откупов из приказа Большого дворца, с Костромской и Новой четвертей), которая была дана не просто с государственной печатью, но «за государственною большою двойною печатью»²³⁵. Обычно жалованные грамоты подобного содержания снабжались государевой печатью, так называемой малой или кормовой²³⁶. Приведенный выше случай использования государственной печати во внутренней политике объясняется самой причиной столь щедрого пожалования 1654 года: «за службу, что он привел к великому государю в подданство и к вере гетмана Богдана Хмельницкого»²³⁷, что свидетельствует о восприятии верховной властью этого события не только как чрезвычайно важного, но и исключительного. Выражение «в подданство» не оставляет сомнений в том, что Бутурлин в январе 1654 года сумел отделаться общими ничего не говорящими по существу словами о будущих милостях царя по отношению к Войску Запорожскому²³⁸. Несмотря на стремление Богдана Хмельницкого, ссылаясь на предшествующую практику отношений казачества с польскими королями и великими князьями литовскими, добиться от царских послов аналогичной двусторонней присяги, тем удалось «отговорить» гетмана и привести его «к вере», то есть к присяге²³⁹. Оказавшись в результате этой присяги практически с пустыми руками, гетман торопился добиться хотя бы каких-нибудь обязательств со стороны перехитрившего его «великого государя».

В «Статьях Хмельницкого», где были изложены его требования к царю Алексею Михайловичу, запоздавшие, по крайней мере, на три месяца²⁴⁰, предусматривался пункт под номером 6 о сохранении церковными институтами их владений; гетман устами своих представителей настаивал, чтобы царь «пожаловал митрополиту и всем духовного чину людем, на маетности их, которыми они ныне владеют, свою государеву жалованную грамоту дать велел»²⁴¹. Однако ответа на это требование статьи не содержат.

С российской стороны выполнение этого требования рассматривалось не столь обязательным: царю было невыгодно подтверждать привилегии на земельные владения украинской церкви, с одной стороны, поскольку в условиях распространения унии православные

церковные организации за предшествовавшее полу столетие потеряли многие владения и закреплять эту ситуацию представлялось невыгодным, с другой, очевидное нежелание киевского митрополита поступать «под великую руку» властного патриарха Никона было царю ясным после событий 7–8 января 1654 года. Представители гетмана не осмеливались возражать. Думается, одной из причин уступчивости гетмана была неурегулированность его отношений с киевским митрополитом и церковными иерархами. Российская сторона объясняла милостивое решение принять Запорожское войско «под свою высокую руку» просьбами церковных иерархов, интересы которых Богдан Хмельницкий в январе 1654 года ставил, однако, значительно ниже собственных.

Хитрая уловка Бутурлина в Переяславле развязала царю руки и в других отношениях. Попытка гетмана установить с царем такие же отношения, как с королем Яном Казимиром в 1649 году, которые теперь представлялись Б. Хмельницкому образцом, достойным воспроизведения, провалилась. Правда, Войско Запорожское сохраняло право самостоятельного выбора гетмана. Однако об условиях подобной самостоятельности можно судить по так называемой малороссийской печати, которая была отлита «в приказе Малыя России при думном дворянине при Артемене Сергеевиче Матвееве (хранилась печать. — А.Х.) для печатанья великого государя грамот к гетманом и к иным войска запорожского старшинам, как Малороссийский приказ был от Посольского приказу особо» (1676. № Л. 12), то есть между 1662 и 1667 годами²⁴². Это была печать «с королевскими титулы, а на ней орел двоеглавой с тремя коруны, под середнею коруною звезда, на персех орла воин на коне побеждает змия. В правой пазнокти у того орла скипетр, по сторонам скиптра звезда, в левой самодержавное яблоко с четвероконечным крестом, по концам по точке. Под орлом внизу стол, на столе булава, с правой стороны стола присланные на раду для гетманского обирания и ратные люди. С левой стороны новообранный гетман со знаменем, на знамени кресты, а позади войско запорожское» (1676. № Л. 12). Характеристика печати дает ясное представление о том, как в столице Великой России понимали роль «центра» в политической жизни Малороссии: выборы гетмана должны были проходить в присутствии присланных из Москвы специально «для гетманского обирания» царских представителей, а также и ратных «людей», что и было условием свободного волеизъявления запорожских казаков.

Примечательно, что легенда отсутствует, а в описании печати 1676 года нет никаких этнополитических терминов. На наш взгляд,

это свидетельствует об особом положении Запорожского гетманата в политической структуре Российского царства второй половины XVII в. Впрочем, этот вывод не нов. Малороссийская печать, судя по ее характеристике в описи, подчеркивает ту военную основу, на которой держались взаимоотношения сторон, представленных запорожским войском и царскими ратными людьми.

И в ответ на требования гетманских послов о выборе достойных людей на различные должности (ст. 1) было сказано, что все они должны будут «доходы всякие денежные и хлебные обирать на царское величество ... и отдавать в царскую казну тем людям, кого ... пришлет. Присланным людям над теми зборщиками смотреть, чтоб делали правду». Правила сбора доходов постоянно входили в договоры московских князей с удельными. В противнях договора Василия II Васильевича с галицким князем Василием Юрьевичем 30-х годов XV в. читаем: «А дань ти имати из Дмитрова, из своее вотчины, самому, а давати мне»; «А дань ми имати с Дмитровское отчины самому, давати ми тебе»²⁴³. Самостоятельный сбор дани был одним из главных и фундаментальных основ относительной автономии удельных князей – вассалов великого князя, а их вассалитет выражался, между прочим, и в правиле сдавать сюзерену все, что собрано в качестве дани. Несколько иная ситуация имела место в отношениях владимирского и московского князя Василия Васильевича с его внучатым племянником Василием Ярославичем, который еще от деда Владимира Андреевича Храброго, князя серпуховского и боровского, унаследовал некоторые права на Московское княжество: «А коли, брате, мне, великому князю, в городе на Москве или в станы в Московские послати своего данщика, и тебе послати с моим данщиком своего данщика. А што зберут наши данщики, и тому ити в мою казну, великого князя»²⁴⁴. Это, как кажется на первый взгляд, наиболее полная аналогия с русско-украинскими фискальными отношениями. Однако даньщики московских князей были более или менее (во всяком случае, теоретически) равноправными, а на «сборщиков» Алексея Михайловича возлагались функции контрольной вышестоящей организации. Сборщиков 1654 года в связи с этим можно сопоставить с приставами XV в., запрет въезда которых в чужие владения иногда специально оговаривался. Так, в середине 40-х годов суздальские князья Василий и Федор Юрьевич требовали от галицкого Дмитрия Юрьевича: «А приставов ти в нашу отчину не всылати, ни твоему сыну»²⁴⁵, а Василий II обещал это суздальскому князю Ивану Васильевичу в конце 40-х годов XV в. («А приставов ми

в твой удел, в твою вотчину ... не всылати»²⁴⁶). Установление волей царя Алексея Михайловича института «присланных людей» в Украину с контрольными функциями по отношению к местным «сборщикам» фактически уничтожил основные правовые основы казачьего самоуправления в финансовой сфере. Это правило и нашло отражение в так называемой малороссийской печати (о ней см. выше).

Можно попытаться восстановить и самые финансовые обязательства запорожского казачества. Спустя три четверти столетия, в 1722 году, в гетманской канцелярии усердно обсуждался вопрос о казачьем обложении во время «Хмельничщины», поскольку в начале XVIII в. оно было увеличено. 26 августа 1723 года «енаральная старшина» от имени «войска малороссийского и... всего народа украинского» обратилась к В.В. Голицыну с просьбой об отмене ряда новых поборов – «тютюнной» (табачной) и «медовой» десятин, которые взимались «не подлуг статей гетмана Богдана Хмельницкого... проч (кроме – А.Х.) зборов денежных, хлебных и всяких по статьям Богдана Хмельницкого»²⁴⁷. Еще ранее, 19 сентября 1722 года, аналогичное прошение было направлено относительно отмены «пчоляной десятины с державских маетностей» и не названной пошлины «с млынов купленных»²⁴⁸. Видимо, однако, в канцелярии не было достоверных материалов, по которым можно было бы установить объем и характер финансовых обязательств казаков. Поэтому прошениям предшествовали, начиная с 12 августа 1722 года, запросы на места относительно сборов «за гетманства Хмельницкого» – денежных и хлебных²⁴⁹. 22 августа лубенский полковник должен был оповестить относительно денежных, хлебных, полковых и ратушных сборах, а также «ярмарковых, пчоляной и тютюнной десятины». 24 августа в канцелярии дополнительно потребовались сведения о «зборах переяславских на булаву гетманскую и в городах на ратушные расходы». Единственным экспертом во всех этих вопросах признавался старик Середа, «под час Хмельничины писарь», по-видимому, проживавший в Стародубе, который мог ответить на вопрос, «были ли якие тогда зборы»²⁵⁰.

Очевидно, речь шла о сборах государственных и местных – на булаву, на ратушу – в городах. К первым принадлежали денежные и хлебные, которые должны были фиксироваться в центре. Розыск о «зборах» в начале XVIII в. ставит под вопрос степень самостоятельности Гетманата.

То же произошло и со второй – четвертой пунктами «Статей», где гетман предложил ставки жалования людям различных низших чинов – военным и писарям. И на это последовало согласие, но при

условии предоставлять деньги только «ис тамошних доходов». Но чтобы смягчить удар, разрешалось выделить «на ясаулов войсковых и полковых по человека по мелнице для прокормления, что расход имеют велики». Еще хуже обстояло дело с денежным жалованием военным высших чинов (ставки, существовавшие в Речи Посполитой, приведены в ст. 9). Ссылаясь на то, что «для вашей обороны собрал русские, и неметцкие, и татарские рати многие. И на тот ратный строй роздана его государева казна многая», российская сторона вообще не стала обсуждать этот вопрос. Так же «временно» был снят вопрос о формировании 60-тысячного запорожского войска, гетманские послы уверяли, что «государю в том убытка не будет, потому что жалованья у государя просить не будут». Тот же мотив звучал уже 11 марта 1651 года из уст коринфского митрополита Иоасафа, который находился у Хмельницкого. Митрополит обращался к «великому государю ... христианской благословенной Москвы и всея Руси Алексею Михайловичу, которого просил, чтобы ратные люди гетмана «были работниками царствию вашему», и уверял, что «жалования они не просят ... возмешь города свои от ляхов, и обладавши все города литовские, и учинитца соединение и единое христианство»²⁵¹. Ответ был отложен в связи с тем, «что в Малой Росии в городех и в местех каких доходов, и то не ведомо». Лишь после того, как «дворяне доходы всякие опишут и сметят», последует указ о жалованье войску, хотя согласие на сохранение 60-тысячного запорожского «спискового» воинства было получено. Столь же уклончивыми были ответы на жизненно важные вопросы для украинского населения об обороне от крымцев (донские казаки должны были выступить лишь в случае нападения самих крымцев) и о снабжении 4 000 защитников Кодака деньгами и продовольствием (указ был обещан «по рассмотрении»)²⁵².

Зато более определенными были налагаемые на гетмана Войска Запорожского запреты и обязательства. Один из запретов касался внешних сношений: «А с турским салтаном и с польским королем без нашего царского величества указу ссылки не держать»²⁵³. В несколько иной редакции эта традиционная статья включалась в междукняжеские договоры XV в.²⁵⁴, подобный запрет налагался на всех союзников Московского княжества и Великого княжества всея Руси, равно как и Российского царства в XVI в.²⁵⁵ Ответ послам Хмельницкого даже не предполагал возможности заключения гетманом каких-либо внешнеполитических договоров, запрещались даже сношения с Турцией и Речью Посполитой (видимо, на любые темы).

Продолжением этого запрета в сфере внешнеполитической деятельности гетмана было и обязательство, о котором запорожское посольство отнюдь не просило: «Наследникам ... служить и прямити ... и на наших государских неприятелей, где наше повеление будет, ходити, и с ними битись и во всем быти в нашей государской воле и послушанье навеки». Данная статья (в той части, что напечатана прямым шрифтом) – такой же обязательный элемент международных соглашений, как и предшествующая. Однако уточнение условий участия в будущих войнах запорожского казачества – распоряжениями царя (где наше повеление будет) превращало запорожское воинство в бесправную часть общероссийского. Если в предшествующее время статья, сформулированная достаточно неопределенно («кто будет тебе ... друг, и то мне друг, а кто будет ваш недруг, ино и мне недруг»)²⁵⁶, предусматривала возможность самостоятельных чисто военных решений, то требование следовать «повелениям» царя связывало руки гетмана даже в конкретной ситуации совместной войны. Наконец, заключительный пассаж формулировки военных обязательств гетмана («во всем быти в нашей государской воле и послушанье навеки») еще раз подчеркивало новый статус гетмана и Войска Запорожского. Вся эта статья, на наш взгляд, закрепляла вассальный статус гетмана Войска Запорожского, принятого «под высокую руку» государя России.

Поэтому, рассматривая события 1654 года в исторической и историографической перспективе и сопоставляя оценки «соединения в единое христианство» – как союза (В.И. Сергеевич и современные украинские историки), военного союза (В. Липинский), «воссоединения» (официальная советская историография 50–80-х годов XX в.) или установления «вассалитета» (М.С. Грушевский), следует, видимо поддержать точку зрения выдающегося украинского историка.

Царский ответ на казачье посольство С. Богданова и П. Тетери завершился патетическим заявлением: «...И ныне Бог вседаровитый совет благ в наше царского величества сердце вложил, что мы, великий государь, возревновав по Бозе над церквами божими и над всем народом христианским, умилиосердились, под нашу государскую великую руку принять вас изволили».

Представители обеих сторон были достойны друг друга. Гетман изображал из себя представителя всей Малой России²⁵⁷, хотя практически заботился лишь о собственной территории и запорожском казачестве, отодвигая проблемы сохранения православия во всей Малой России на задний план. Царь принял эту игру, но при этом сумел оставить казачество «с носом», не дав ему никаких гарантий безопасности

и благоденствия за счет царской казны. Алексей Михайлович, однако, принял титул гетмана Малой России как руководство к действию для себя²⁵⁸. Оба они создали условия для дальнейших конфликтов между Великой и Малой Россиями, как светских, так и церковных. Плоды этой «великой дружбы» гетмана и царя мы пожинаем до сих пор. А российские официальные власти не учитывают опыта более чем 350-летней давности...

Примечания

¹ Соловьев С.М. Сочинения. В 18 книгах. М, 1990. Т. 9.

² Потебня А.А. Этимологические заметки // Живая старина. СПб., 1881. Вып. 3.

³ Грушевський М.С. Велика, Мала і Біла Русь // Український світ. 1992. № 2. С. 20–31.

⁴ Толочко П.П. Русь-Мала Русь: руський народ у другій половині 13–17 ст. // Київська старовина. 1993. № 3. С. 15–21.

⁵ Флоря Б.Н. О некоторых особенностях развития этнического самосознания восточных славян в эпоху средневековья – раннего Нового времени // Россия – Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 9–27.

⁶ Опарина Т.А. Звучание слова «Русия» при переводах с «простой мовы» в Московском государстве первой половины XVII века // Studia Russica. Budapest, 2000. P. 192–198.

⁷ Вопросы формирования русской народности и нации. М.; Л., 1958. (в особенности важно: Черепнин Л.В. Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. // Там же. С. 7–107); О развитии этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма / Отв. ред. Г.Г. Литаврин, Вяч. Вс. Иванов. М., 1989; Флоря Б.Н. Исторические судьбы Руси и этническое самосознание восточных славян в XII–XV веках // Славяноведение. 1993. № 2. С. 46–61; Старостенко В.В. Становление национального самосознания белорусов: этапы и основополагающие идеи (X–XVII вв.). Могилев, 2001. См. также: Библиография истории Литовской ССР 1966–1970. Вильнюс, 1980.

⁸ Опись архива Посольского приказа 1673 года. Ч.1 / Подготовил В.И. Гальцов. Ред. С.О. Шмидт. М., 1990. (далее – ОАПП 1673 г.) С. 472.

⁹ Он получил чин думного дворянина 21 декабря 1650 г., а 6 декабря 1654 г. пожалован окольничим. Вплоть до 20 сентября 1661 г. ведал Разрядным приказом (См.: Дворцовые разряды, изданные Вторым отделением собственной Е.И.В. канцелярии СПб., 1852. Т. III (далее – ДР); Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 113).

¹⁰ Никифор Демидов с 1645/1646 по 1653/1654 г. был дьяком Печатного приказа (См.: Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 146–147).

¹¹ *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 477. Дементий Минич Башмаков 30 декабря 1670 и 30 января 1671 г. упомянут в качестве думного дьяка Посольского приказа (Дополнения к актам историческим (далее – ДАИ). Т. V. № 23. С. 90; Сборник кн. Хилкова. СПб., 1879. Прил. № IX. С. 515; *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 45).

¹² Алмаз Ерофей Иванович Иванов с 28 сентября 1653 г. по 10 марта 1667 г. – думный дьяк Посольского приказа, а с 28 сентября 1654 г. – в Печатном, с 1667/1668 г. – печатник (См.: *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. М., 1906. С. 111, 117; *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 203). Гипотезу о его прозвище от тюркского *шайтан алмас* ‘и черт его не возьмет’ см.: *Фаизов С.Ф.* Письма ханов Ислам-Гирея III и Мухаммед-Гирея IV царю Алексею Михайловичу и королю Яну-Казимиру 1654–1658 гг. // Крымско-татарская дипломатика в политическом контексте пост-перяяславского времени. М., 2003. С. 159–160.

¹³ Илларион Дмитриевич Лопухин с марта 1653 по 20 декабря 1654 г. – думный дьяк Посольского приказа (См.: Русская историческая библиотека (далее – РИБ). Т. XXIX. Стб. 614, 678, 889; *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 300).

¹⁴ *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 478.

¹⁵ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 136. Оп. 1. № 1; Собрание государственных грамот и договоров. М., 1894. (далее – СГГД). Ч. IV. № 133. С. 414.

¹⁶ *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 107.

¹⁷ РГАДА. Ф. 136. Оп. 1. № 16.

¹⁸ Там же. № 3.

¹⁹ Там же. № 4. Эта опись опубликована, см.: Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. II. № 915.

²⁰ РГАДА. Ф. 136. Оп. 1. № 15. Л. 16.

²¹ Где служил Григорий Степанович Караулов в 1670 г., неизвестно; в 1671/72–1674/75 г. он был думным дьяком Казанского дворца (ДР. Т. III. Стб. 885, 1010; ДАИ. Т. VI. № 68. С. 268; *Шумаков С.А.* Сотницы. Вып. 5. С. 99; *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 226).

²² Можно предполагать, что здесь находилась опись 7168/1660 г. (ОАПШ 1673 г. С. 478)

²³ Вероятно, это то же самое, что в Описи Печатного приказа 1673 г. носило название «со снурком» (См.: Там же. С. 331).

²⁴ Единственное исключение на протяжении конца XV – XVI в. – это жалованная меновная и отводная Ивана III волоцким князьям Федору и Ивану Борисовичам на волости Буйгород и Колпь июля 1497 г. (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подг. Л.В. Черепнин. М., 1951 (Далее – ДДГ). № 85. С. 341–344). Впрочем, этот документ оформлен как договор с иностранным государством: в титуле Ивана III употреблен *pluralis majestatis* «мы», жалованная дана «по благословен(ь)ю» митрополита Симона, скрепившего ее своей

подписью и печатью, дьяком же назван Федор Курицын, активно участвовавший в дипломатической деятельности. Возможно, такая торжественность оформления меновой объясняется независимым статусом самих князей и передаваемой им территории, еще недавно принадлежавшей Тверскому княжеству.

²⁵ Так, печати 1640-х годов хранились в Посольском приказе в ящике думного дьяка Лариона (Иллариона Дмитриевича) Лопухина, служившего там с марта 1653 г. по 20 декабря 1654 г. (См.: *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 298). Печатами ему не приходилось пользоваться с марта по 12 октября 1653 г.

²⁶ Описание печатей, хранившихся в Посольском приказе, 12 октября 1653 г. делал думный дворянин Иван Афанасьевич Гавренев и дьяк Печатного приказа Никифор Демидов, занимавший это место с 1645/1646 по 1653/1654 гг.

²⁷ РГАДА. Ф. 136. Оп. 1. № 3. Л. 1–4.

²⁸ *Андреев А.И.* Грамота 1685 г. царей Ивана и Петра Алексеевичей шведскому королю Карлу XI // *Летопись занятий Археографической комиссии.* Л., 1926. Вып. 33. С. 335.

²⁹ «Царственной» печатью было скреплено ответное письмо датских послов перед их отъездом из Москвы, написанное Григорием Васильевичем Львовым, возглавлявшим Посольский приказ с 1 сентября 1643 по 1646 год (ОАПП 1673 г. С. 475; *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 307).

³⁰ РГАДА. Ф. 136. Оп. 1. № 1. Л. 1 – «государева», Л. 2; № 1а. Л. 2 (1653 г.) – «царственные»; № 1. Л. 4 – «государственные».

³¹ ОАПП 1673 г. С. 224.

³² Там же. С. 514.

³³ Там же. С. 230.

³⁴ Там же. С. 268.

³⁵ Там же. С. 203.

³⁶ Там же. С. 229.

³⁷ *Документи російських архівів з історії України.* Т. 1: Документи до історії запорозького козацтва 1613–1620 рр. Львів, 1998. № 28, 45, 49, 68, 74, С. 88, 112–114, 116, 122, 125–126 (далее – ДРА).

³⁸ Правда, в завещании, подлинность которого ныне подвергается сомнению, Иван Грозный благословлял сына «царством Руским», но не «Российским». См. ДДГ. С. 451.

³⁹ *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI в. М., 2003. С. 58–60, 62–65, 67–70; *Она же.* Отражение представлений о регионах государства всея Руси и Российского царства в великокняжеской и царской титулатуре XVI в. // *Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen / Hrsg. von Andreas Kappeler.* Wiesbaden, 2004. S. 102–127.

⁴⁰ Соборная грамота духовенства православной восточной церкви, утверждающая сан царя за великим князем Иоанном IV Васильевичем, 1561 года. Изд.

М.А. Оболенским. М., 1850. С. 16, 21; *Хорошкевич А.Л.* Герб // Герб и флаг России X–XX века / Ред. Г.В. Вилинбахов. М., 1997. С. 169.

⁴¹ СГГД. Ч. IV. № 51. С. 75. *Опарина Т.А.* Звучание слова «Русия»... С. 192 (ошибочно Иван Федорович).

⁴² *Успенский Б.А.* Царь и патриарх: харизма власти в России (византийская модель и ее русское переосмысление) // XVIII международный конгресс византистов. Резюме сообщений. М., 1991. С. 1200–1202.

⁴³ СГГД. М., 1814. Ч. II. № 76, 95, 99. С. 159, 212, 220. 25 мая, 16 августа, 13 сентября 1605 г.

⁴⁴ Смута в Московском государстве. М., 1990. С. 45, 49.

⁴⁵ РИБ. СПб., 1909. Т. XIII. Стб. 42, 43, 46.

⁴⁶ Там же. Стб. 89, 91.

⁴⁷ Там же. Стб. 93.

⁴⁸ При этом он почти повторяет титул царя Ивана IV.

⁴⁹ РИБ. Т. XIII. Стб. 81–82.

⁵⁰ Акты, собранные и изданные С. Юшковым. СПб., 1905. № 298.

⁵¹ ДРА. № 68. С. 122. 29.V. 1618. Термин был принят и в Крымском ханстве (См.: ДРА. № 27. С. 87. После 6 июня 1615 г.)

⁵² «Жигимант король на Московское государство всякое зло умышляет», – записали в Посольском приказе. См.: ДРА. № 1. С. 62. 13 июня 1613 г.

⁵³ ДРА. № 177. С. 246. 1620.

⁵⁴ Там же. № 138, 139. С. 191, 192. Ноябрь 1618 г.

⁵⁵ Там же. № 77. С. 133

⁵⁶ РИБ. Т. XIII. Стб. 27.

⁵⁷ Там же. Стб. 37.

⁵⁸ Там же. Стб. 3.

⁵⁹ Там же. Стб. 10.

⁶⁰ Там же. Стб. С.14, 10.

⁶¹ Цит. по: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1990. Кн. V. Т. 10. С. 451.

⁶² *Фаизов С.Ф.* Указ. соч. № 4–8. С. 102, 104, 113, 118, 128, 138, 140, 144.

⁶³ Воссоединение Украины с Россией: документы и материалы. М., 1953. (далее – ВУСР). Т. III. № 225. С. 516.

⁶⁴ РИБ. Т. XIII. Стб. 10, 12, 15.

⁶⁵ СГГД. М., 1822. Ч. III. № 38. С. 165.

⁶⁶ *Бюлер Ф.* Снимки древних русских печатей, государственных, царских, областных, городских, присутственных мест и частных лиц. М., 1880/1882. № 41.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 136. Оп. 1. № 3.

⁶⁸ Это жалованная патриарху Филарету Никитичу на право суда над духовенством от 20 мая 1625 г (См.: СГГД. Ч. III. № 71. С. 275. Прорись обеих сторон см.: Бюлер Ф. Указ. соч. № 42.

⁶⁹ Бюлер Ф. Указ. соч. № 42. 20 мая 1625 г.

⁷⁰ СГГД. Ч. II. № 130. С. 280. Февраль 1605 г.; Хорошкевич А.Л. Герб. С. 220, 221, 204. Термин «самодержец», отсутствовавший в титуле Лжедмитрия I («мы, пресветлейший и непобедимейший монарх... цесарь и великий князь всея России и всех татарских царств и иных многих московских монархий покоренных областей государь и царь»). См.: СГГД. Ч. II 227, 265: *Historica Russiae monumenta*. Т. II. SPB., 1841. P. 82), имелся у его тезки и преемника («царь и великий князь... всея Руси и Московской области, великого величества самодержец и вседержитель Российского государства, царь и великий князь всея России, Богом хранимый, и Богом избранный, и Богом дарованный и Богом помазанный, и над всеми ордами превознесен, Старому Израилю уподобясь, покровением десницы вышняго Бога, едины подсолнечной хрестьянский царь и многих государств государь и обладатель»). См.: Лакиер А. История титула государей России // Журнал Министерства народного просвещения. 1847, № XI. С. 126).

⁷¹ СГГД. Ч. III. № 70. Впрочем, все эти новшества вводились уже в 1616 г., правда, не на печатях, а всего-навсего на доспехе царя, сделанном Дм. Коноваловым. В титуле на доспехе был и титул «царь сибирский», дублировавший словосочетание «всея Сибирския земли ... повелитель и государь» (См.: Описание Московской Оружейной палаты. М., 1884. Ч. III. Кн. 2. С. 95. № 4530; Хорошкевич А.Л. Герб... С. 221). Титул «царь сибирский» имелся уже во времена Бориса Годунова и был внесен в его большую государственную печать.

⁷² Бюлер Ф. Указ. соч. № 48. Включение определения «смоленский» свидетельствует о претензиях на этот город, из-за владения которым и велась одноименная война 1632-1634 г.

⁷³ РГАДА. Ф. 136. Оп. 1. № Л.

⁷⁴ Сборник Русского исторического общества. СПб., 1895. Т. 95. № 98. С. 535 (далее – Сб. РИО).

⁷⁵ ДДГ. № 89. С. 354.

⁷⁶ Там же. № 90. С. 364, 366. В противне договора от имени Юрия Ивановича однажды было уточнено, что речь шла о владении Василием III «Новымгородом и всею Новгородскою землею, и Псковом и всею Псковскою землею». (См.: Там же. С. 366–367).

⁷⁷ Принцип великокняжеского суверенитета как основы новгородского княжения утвердился уже в XIII в. (См.: Янин В.Л. Новгородские посадники. 2-е изд. М., 2003. С. 224).

⁷⁸ Действительно, и во время переговоров 1646 г. русские послы в Речь Посполитую во главе с В.И. Стрешневым заявляли: «На всех великих государствах

Российского царства самодержец один, другого нет и вперед не будет» (Цит. по: Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. V, т. 10. С. 451). Впрочем, в самом польском или скорее старобелорусском и староукраинском языках вместо термина «государство» применительно к отдельным территориям Русского государства употреблялись слова «монархия» – в титуле Лжедмитрия I и «область» – в титуле Лжедмитрия II.

⁷⁹ Lulewicz H. Gniewów o unię, ciąg dalszy. Stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588. Warszawa, 2002.

⁸⁰ Видимо, это описка, польский орел был одноглавым (*Jaworska A. Orzeł biały. Herb Państwa Polskiego. Warszawa, 2003*).

⁸¹ О пребывании Львова в Збараже см.: ВУРС. М, 1953. Т. II. С. 83, 205.

⁸² ОАП 1673 г.С. 510.

⁸³ ВУРС. Т. II. № 111. С. 244. 3.09. 1649.

⁸⁴ Датский архив № 798, 845, 849, 853, 869, 876, 878 и 881. В.Н. Щербачев указывает, что легенда располагается на пяти кругах, между головами орла корона. Печать схожа с таб. № 52 «Снимков древних русских печатей» (М., 1882. Вып. I); ДАИ. Т. VI. № 138 (I, V, VI, VII, VIII). Слепок английской печати находился, по сведениям А.И. Андреева, в архивном кабинете Ленинградского Государственного университета.

⁸⁵ Андреев А.И. Указ. соч. С. 340.

⁸⁶ Koehne B. Notice sur les sceaux et les armoiries de la Russie. Partie 1. Berlin, 1861. P. 22.

⁸⁷ Андреев А.И. Указ. соч. С. 341.

⁸⁸ Впрочем, царя он иногда называл «московским» (См.: РИБ. СПб., 1908. Т. VI. Стб. 1142).

⁸⁹ Флоря Б.Н. Древнерусские традиции и борьба восточнославянских народов за воссоединение // Пашуто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 202–205 и др.

⁹⁰ Изредка у него проскальзывали и старые привычные термины – Русь и русский (*Копыстенский З. Палинодия или книга обороны кафолической // РИБ. Т. IV. СПб., 1878. Стб. 895*).

⁹¹ ВУСР. Т. I. № 15.

⁹² Флоря Б.Н. Древнерусские традиции... С. 204.

⁹³ АВАК. Т. VIII. С. 41–42.

⁹⁴ Danilenko A. Op. cit.

⁹⁵ См. подробнее: Белы А. Хроника Белай Руси. Минск, 2000. С. 26.

⁹⁶ Соловьев А.В. Великая, Малая и Белая Русь // Вопросы истории. 1947. № 7. С. 24–38.

⁹⁷ Туровская и полоцкая епископии в 1361 г. подчинялись литовскому митрополиту Роману, имевшему местопребывания в Новогрудке (См.: РИБ. Т. VI. СПб., 1909. № 14. Стб. 86).

⁹⁸ Памятники древнерусского канонического права. Ч.1. (XII–XV вв.) // РИБ. Т. VI. № 3. Стб. 14–20; № 5. Стб. 28; № 6. Стб. 30; № 8. Стб. 40. В переводе всюду значится «Русь», как то и было в переводах XIV в., однако в греческих текстах – «Росна».

⁹⁹ Там же. № 12. Стб. 64, 68.

¹⁰⁰ Там же № 24. Стб. 140.

¹⁰¹ *Kohut Z.E.* The Development of a Little Russian Identity and Ukrainian Nationalbuilding // *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. X. № 3/4. December 1986. P. 563.

¹⁰² РИБ. Т. VI. № 14. Стб. 86. Июль 1361 г.

¹⁰³ Там же. № 10. Стб. 54.

¹⁰⁴ Там же. № 24. Стб. 138.

¹⁰⁵ Болеслав-Юрий II. Князь всей Малой Руси. СПб., 1907.

¹⁰⁶ РИБ. Т. VI. № 5, 16, 18. Стб. 26, 98, 110.

¹⁰⁷ Там же № 30. Стб. 166. *Кашианов С.М.* Социально-политическая история России первой половины XVI в. М., 1967. С.123.

¹⁰⁸ *Кашианов С.М.* Указ. соч. С.123.

¹⁰⁹ РИБ. Т. VI. № 22. Стб. 126. 1370 г.

¹¹⁰ Там же. № 25. Стб. 144, 146.

¹¹¹ Там же. № 44. Стб. 298.

¹¹² *Опарина Т.А.* Сприйняття унії в Росії XVII ст. // *Держава, суспільство і Церква в Україні XVII столітті*. Львів, 1996. С.142–149.

¹¹³ Хотя последняя ветвь восточного славянства под пером украинских писателей 20–30-х годов XVII в. получила наименование великоросов, в самой России под влиянием прежней литовско-польской традиции, восходящей к концу XV в., поддержанной Лжедмитрием I, употреблялись другие термины (См.: РИБ. Т. XIII. Стб. 5).

¹¹⁴ *Соловьев С.М.* Указ. соч.. Кн. V. Т. 9. С. 167–168.

¹¹⁵ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1864 (далее – АЮЗР). Т. II. СПб., 1848. № 47. 73. Рог в христианских представлениях, восходящих к библейскому, – признак силы. (См.: *Мурынов М.Ф.* К семантическим закономерностям лексики старославянского языка (рогъ и его связи) // *Вопросы языкознания*. 1979. № 2).

¹¹⁶ *Копыстенский З.* Указ. соч. Стб. 811, 841, 847, 849, 906.

¹¹⁷ РИБ. Т.IV. Стб. 819, 1030.

¹¹⁸ Уже в 1627 г. под пером П. Берынды «великороссии» заняли место в одном ряду с другими славянами – болгарами и сербами (*Титов Ф.И.* Матеріали до історії книжкової справи на Україні в XVI–XVIII вв. Всезбірка передмов до українських стародруків. Київ, 1924. С. 179; см. подробнее: *Флоря Б.Н.* Древнерусское наследие... С.204. Прим. 202).

¹¹⁹ РИБ. Т. IV. Стб. 819, 1030.

- ¹²⁰ Флоря Б.Н. Древнерусское наследие... С. 206.
- ¹²¹ Копыстенский З. Указ. соч. Стб. 913–914.
- ¹²² ВУСР. Т. III. № 230. С. 521. В февральских посланиях Хмельницкий придерживался той же терминологии (См.: Там же. № 235, 236. С. 546, 547).
- ¹²³ Там же. № 231. С. 523–525.
- ¹²⁴ Там же. № 233, 234. С. 543, 545.
- ¹²⁵ Там же. № 239. С. 553.
- ¹²⁶ Там же. № 240, 245. С. 555, 556.
- ¹²⁷ АЮЗР. СПб., 1872. Т. X. № 8 – XIX. Стб. 487; См. подробнее: Андреев А.И. Указ. соч. С. 337, прим. 3.
- ¹²⁸ ВУСР. Т. III. № 232. С. 531.
- ¹²⁹ Там же. № 234. С. 545.
- ¹³⁰ Андреев А.И. Грамота 1685 г... С. 341. Бюлер Ф. Указ. соч. № 50.
- ¹³¹ РГАДА. Ф. 136. Оп. 1. № Л.
- ¹³² ВУСР. Т. III. № 247. С. 566.
- ¹³³ Бюлер Ф. Указ. соч. № 52. Вариант подобной титулатуры (на печати № 7 описи 1681 г.), охарактеризованной как «большая двойная оловяная» печать, имеет «в титлах... прибавка волынский, подольский, полоцкий, витепский, мстиславский» (См.: РГАДА. Ф. 136. Оп. 1. № 9. Л. 4.).
- ¹³⁴ Сб. РИО. Т. 95. № 17. С. 336.
- ¹³⁵ Там же. Т. 129. СПб., 1910. № 16, 25. С. 228, 387, 395–396, 490. 1 августа 1572 г., 5 июня–15 июля, 5 и 29 сентября 1585 г.
- ¹³⁶ Там же. Т. 41. № 54. С. 244, 245, 247. 1498 г.
- ¹³⁷ Бюлер Ф. Указ. соч. № 51.
- ¹³⁸ В обращении политической элиты к царю в 1655 г. сенаторы во главе с Павлом Сапегой представили своего государя как «короля польского великого князя литовского Белой Руси (См.: Заборовский Л.В. Великое княжество Литовское и Россия во время польского Потопа. М., 1994. С. 67).
- ¹³⁹ Яковлев Л. Русские старинные знамена. М., 1865. Ч. I. С. 11.
- ¹⁴⁰ Акты исторические, собранные и изданные Археологическою комиссиею Т. IV. № 85. Однако в описях печать с такой легендой не указана.
- ¹⁴¹ Саганович Г. Невядомая вайна. 1654–1667. Минск, 1995. С. 16–17.
- ¹⁴² Барсуков А.П. Род Шереметевых. СПб., 1884. Кн. 4. С. 118.
- ¹⁴³ ДАИ. Т. IV. № 15; АИ. Т. IV. № 100.
- ¹⁴⁴ Соловьев С.М. Указ. соч. М., 1961. Кн. V, т. 10. С. 25; Санин Г.А. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века. М., 1987. С. 99.
- ¹⁴⁵ СГТД. Ч. III. С. 537; Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. I. № 164.
- ¹⁴⁶ Горобець В.М. Від союзу до інкорпорації. Українсько-російське відношення другої половини XVII – першої чверті XVIII ст. Київ, 1995. С. 7.

¹⁴⁷ *Бюлер Ф.* Указ. соч. № 52. Вариант подобной титулатуры (на печати № 7 описи 1681г.), охарактеризованной как «большая двойная оловяная» печать, имеет «в титлах... прибавка волынский, подолский, полоцкий, витепский, мстиславский» (См. РГАДА. Ф. 136. Оп.1. № 9. Л. 4.).

¹⁴⁸ *Андреев А.И.* Указ. соч. С. 342.

¹⁴⁹ Сам он однако неправильно истолковал их не как политонимы, а как этнонимы (*Марзалюк И.А.* Людзі даўняй Беларусі. Этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X-XVII ст.). Магілёў. 2003. С. 52).

¹⁵⁰ Полное собрание русских летописей. Т. 35. С. 60, 89.

¹⁵¹ Недавно оно подробно охарактеризовано А.А. Формозовым (См.: *Формозов А.А.* Классики русской литературы и историческая наука. М., 1995. С. 17–28). Т. А. Володиной (*Володина Т. А.* У истоков «национальной идеи» в русской историографии // Вопросы истории. 2000. № 11–12. С. 3–18) и С. И. Маловичко (*Маловичко С. И.* М. В. Ломоносов и Г. Ф. Миллер: спор разных историо-графических культур // Ейдос: Альманах теорії та історії історичної науки. Вип. 4. Київ; Інститут історії України НАН України, 2009. С. 321–249).

¹⁵² О происхождении этого термина см.: *Барвіньский Б.* Историчний розвій імені українсько-руського народу. Львів, 1909; *Он же.* Звідки пішло ім'я Україна? Відень, 1916. С. 13–16; 2-е изд. Винница, 1917; *Он же.* Наше народне ім'я (Україна, українці, український). Львів, 1916. С. 11–16; *Он же.* Исторични права українського народу до його народного імені. Відень, Київ, 1918; *Он же.* Україна (Кілька причинків про значення сеї назви). Львів, 1923; *Он же.* Велика і Мала Україна: В справі устійнення обласної словні українських земель. Львів, 1925. См. также: *Шелухин С.* Украинцы, русские, малороссы. Открытое письмо г. Шульгину и его единомышленникам // Украинская жизнь. М., 1916. № 7/8. С. 64; *Chelukchin S.* Les termes Russie, Petitt Russsie et Ukraine // Tyszkiewicz M. Documents historiques sur l'Ukraine. Lausanne, 1919. P. 59–72; *Шелухин С.* Назва України. Відень, 1921; *Он же.* Звідки походять назви «русини, Русь, галичани, малороси, українці». До курсу історії українського народу. Додаткові лекції. Прага, 1928 (літограф. изд.); *Он же.* Назва Підкарпаття Україною // Ювілейний альманах Союзу підкарпатських руських студентів у Празі: 1921–1931. Прага, 1931. С. 40–42; *Он же.* Україна – назва нашої землі з найдавніших часів. Прага, 1936–1937; *Січинський В.* Назва України, Авгсбург, 1948. Ни одна из указанных выше работ не была доступна автору.

¹⁵³ Цит. по: *Шмурло Е.Ф.* Курс русской истории. Русь и Литва. СПб., 2000. С. 415, прим. 1.

¹⁵⁴ ВУСР. М., 1953. Т. I. № 6, 10. С. 12, 19.

¹⁵⁵ Там же. № 31. С. 63.

¹⁵⁶ Там же. № 15. С. 27.

¹⁵⁷ Там же. № 55. С. 96.

¹⁵⁸ Там же. № 70. С. 121.

¹⁵⁹ АЗР. Т. V. С. 79.

¹⁶⁰ Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. VI. Т. 11. С. 597.

¹⁶¹ Там же. С. 648.

¹⁶² ВУСР. Т. I. № 59. С. 101–102.

¹⁶³ Львівський літопис // *Бевзо О.А.* Львівський літопис і Острозький літописець: Джерелознавче дослідження. Київ, 1971. С. 115.

¹⁶⁴ *Susyn F.E.* Concepts of Nationhood in Ukrainian History Writing, 1620–1690// *Harvard Ukrainian Studies. Vol. 10. 1986. No. 3/4. Concepts of Nationhood in Early-Modern Eastern Europe.* P. 404.

¹⁶⁵ Lietuvos metrika Кнуга № 8 (1499–1514) / Par. A. Baliulis, R. Firkovicus, D. Antanavicius. Литовская метрика. Книга записей 8. Vilnius, 1995. № 48, 81. L. 84, 128. 15 июля 1509 г. (далее – LM-8). Такая же неопределенность и в противные перемирной грамоты 8 октября 1508 г от имени великого князя всея Руси Василия III с Сигизмундом I, в которой упоминаются и подвластные первому «наши украинные места» (См.: Там же. № 80. L 125, 126).

¹⁶⁶ Там же. № 57. L. 95.

¹⁶⁷ Там же. № 65. L. 106.

¹⁶⁸ Там же. № 79. L. 124. 3 января 1509 г.

¹⁶⁹ Lietuvos metrika Кнуга № 15 (1528–1538) / Par. A. Dubonis. Литовская метрика. Книга записей 15. Vilnius, 2002. № 201. L. 261. 12 ноября 1530 – 4 февраля 1531 г. (далее – LM-15).

¹⁷⁰ Там же. № 138. L. 176. До 8 сентября 1532 г.

¹⁷¹ Там же. № 177. L. 229. 15 декабря 1532 – январь 1533 г. Им противостояли «украинные города» Княжества всея Руси - Великие Луки, Опочка, Красный город и Ржева (См.: Там же. С. 230).

¹⁷² Там же. № 54. L. 92.

¹⁷³ LM-8. № 48. L. 84. 14 июля 1507 г.

¹⁷⁴ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. V. Т. 9. М., 1990. С. 433, 440, 505, 507.

¹⁷⁵ Фаизов С.Ф. Указ. соч. С. 128.

¹⁷⁶ В России же избегали называть «русью» казаков. Для них существовал особый термин «черкасы», иногда с пояснением «запорожские черкасы» (См. подробнее: *Панков А.И.* Участие черкас в боевых действиях на Поле в 1632–1634 гг. (тезисы) // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура: Материалы региональной научно-практической конференции. Белгород, 1996. С. 25–27; *Он же.* Потери Белгорода и уезда от действий черкасских отрядов в 1633 и 1634 гг. (тезисы) // Материалы научно-практической конференции, посвященной 270-летию Белгородской губернии. Белгород, 1997. С. 4–5; *Он же.* Оборона Белгорода от черкас летом 1633 года // Малые города России: Материалы II всероссийской научно-практической конференции. Курск; Рьльск, 2000, и др.

¹⁷⁷ Крип'якевич І. До питання про національну самосвідомість українського народу в кінці XVI – на початку XVII в. // Український історичний журнал. 1966. № 2. С. 82.

¹⁷⁸ Смолій В.А., Степанков В.С. Українська державна ідея XVII–XVIII століть: проблеми формування, еволюції, реалізації. Київ, 1997.

¹⁷⁹ ДРА. № 69–73. 26 мая 1618 г.

¹⁸⁰ Там же. № 155. С. 226. Январь–март 1619 г.

¹⁸¹ Там же. № 16, 45, 51–67, 69–74. С. 76, 107–109, 114–122, 124–125.

¹⁸² Фаизов С.Ф. Указ. соч. № 2. С. 89. 19 октября 1654 г. Перевод с крымско-татарского в Посольском приказе.

¹⁸³ LM-8. № 7. L. 51. «Колеса» – повозка, в Великом княжестве Литовском термин бытовал уже в XVI в.

¹⁸⁴ Там же. № 4, 37, 47 L. 46, 74, 83. 1506, 1507 гг.

¹⁸⁵ Там же. №, 87, 165. L. 132, 168. 6 декабря 1506 г.

¹⁸⁶ Там же. № 53, 57. L. 91, 96. 1507.

¹⁸⁷ LM-15. № 138. L. 174. 8 сентября 1532 г. Это нападение совершили «козаки черказский».

¹⁸⁸ Там же. № 161, 161.1. L. 206, 208.

¹⁸⁹ LM-8. № 47. L. 83. Более подробно они названы 10 апреля 1535 г. в проекте договора Саиб-Гирея с Сигизмундом Старым: «Киев и з землями, и з водами и со вьсими прыходы; Луческ со тмами, и землями, и з водами и со вьсими прыходы, Смольнеск со тмою... Полоцко со тмою... Подоле со тмою... Сокал со тмою... Звинигород из землями... Бряславль со тмою и доходы, Качыбиев Маек и з землями и з водами, [местность] от Киева Днепром уверх до устья Снепорода, Глинська з людми, Жолва[ж], Ботула из землями и водами, Берынь, Синец. Хотен, Лучычын, Хотомышьле, Оскол и з землями и водами и со вьсими доходы, Корске со тмою, Сареевич Якгалдаи со тмою, Путивль, Радогощ, Ми[ло]люб и з землями, водами и со вьсими прыходы, Можеч, Стародуб, Любеч, Бранско... Бченско, Любско, Тола... Берестей, Ратно, Козелско, Бранеск, Олконя, Избаш, Донаш..., Дашев город, Балыкълы, городище Тошын, Мемижа, Охура со тмою Мамыш. Остура - вси тыи и з землями, водами и со вьсими прыходы, Буско, и Великий Новгород, и Пьсков, и Резанский Переясловль со тмою, и з людми, з лесы,, и с пущами з города, и со вьсими прыходы» (LM-15. № 180. L. 236). В другой копии этого же документа вместо «Буско» написано «Пьсков» (См.: Там же. № 150. L. 192).

¹⁹⁰ Там же. № 30. L. 65.

¹⁹¹ ДРА. № 132, 145. С. 187, 196–200. 31.X. 1618, 25–28.XII. 1618

¹⁹² Там же. № 165. С. 234. 20 марта 1619 г.; № 173. С. 242. 7 июля 1619 г.; № 185. С. 256. 2 марта 1620 г.

¹⁹³ Там же. № 115–127. С. 173–182.

¹⁹⁴ Там же. № 41, 42, 128. С. 101, 102, 183. 22 июня 1616 г., после 25 июня 1616 г., после 27 августа 1618–1619 г.

¹⁹⁵ Там же. № 130. С. 186. 18 октября 1618.

¹⁹⁶ Для дьяков Посольского приказа, священников и служилых людей г. Донкова, а иногда и кирилло-белозерского воеводы М.Спешнева эти термины составляли одно целое (См.: Там же. № 43, 167. С. 106, 234. 1616–1617 гг., 25 апрель 1619 г.; № 143, 144. С. 194, 196. 14 и 16 декабря 1618 г.)

¹⁹⁷ Там же. № 94, 95. С. 152, 154.

¹⁹⁸ Там же. № 95, 99, 101–103, 111, 112. С. 158–164, 170, 171. Сентябрь 1618 г.

¹⁹⁹ Там же. № 83–84, 88–90, 105–107. С. 140–141, 144–147, 166–169. В отдельных случаях подчеркивалась связь «черкасов» с Сагайдачным, тем более, что русские воеводы, в частности Г.К. Волконский, предполагали возможность продвижения в Россию и неорганизованных групп запорожского казачества и выспрашивали у казаков, «от гетмана л(ь) черкасы или нет» (См.: Там же. № 80–81. С.136–137. 1–2 сентября 1618 г.). Официозной мыслью России они трактовались как «разорители христианские верь» наряду с «польскими и литовскими людьми». 21 июля 1618 г. царь Михаил уверял донских казаков: «... толко запорожские черкасы польские города разорят, и вам к нашей украине прибежища не будет, и запас и товары к вам ис польских городов не пойдут, и вера наша хрестьянская в тех местех попрапа будет, и церкви божи и монастыри, где гробы родителей ваших и где вы сами для душ своих вкладчики, все разорится и будет безпамятно» (См.: Там же. № 77. С. 133. 21 июль 1618 г.). Возможно именно тогда в борьбе «за святые божи церкви, и за святую истинную православную Хр-скую веру» и складывались предпосылки для принятия указа 1622 г, предписывавшего перекрещивание «иноземцев» Речи Посполитой (См.: Там же. № 95. С. 154. 7 сентября 1618 г.)

²⁰⁰ Там же. № 141–144. С. 193–196.

²⁰¹ Там же. № 78, 81, 82, 84–85. С. 134, 137, 139, 141–142. 1–4 сентября 1618 г.

²⁰² Там же. № 143. С. 194.

²⁰³ Там же. № 86. С. 143. 4 сентября 1618 г.

²⁰⁴ Там же. №№ 76, 77. С. 130, 133. Июнь-июль, 21 июля 1618.

²⁰⁵ Цит. по: *Марзалюк І.А.* Указ. соч. С. 92; РГАДА. Ф. 79. Кн. 38. Л. 150 об., 163, 170.

²⁰⁶ Это понятие распространялось иногда и на украинцев.

²⁰⁷ РИБ. Т. VI. № 12. Стб. 64, 68.

²⁰⁸ ВУСР. Т. I. № 181. С. 299. 29 января 1640 г.

²⁰⁹ Там же. № 239. 5 апреля 1645 г.

²¹⁰ Подробный анализ историографии XIX–XX вв. см.: *Burgers J. Bohdan Chmelnyckij und der Kosakenmythos in der postsowjetischen Ukraine// Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. N.F. Jg. 50. Hf.1. 2002. S. 62–84.*

²¹¹ *Горобець В.М.* Указ. соч.

²¹² *Апанович О.М.* Українсько-російський договір 1654 р. Міфи і реальність. Київ, 1994. С. 92.

²¹³ *Алексеев А.* Русское государственное право. СПб., 1897. С. 194; *Нольде Б.* Очерки русского государственного права. СПб., 1911. С. 287–331; *Розенфельд И.Б.* Присоединение Малороссии к России (1654–1793): историко-юридический очерк. Пг., 1915. С. 71–72; *Одинец Д.М.* Присоединение Украины к Московскому государству. Париж, 1936. С. 56–57; *Андреев Н.Е.* Переяславский договор. Франкфурт, 1953.

²¹⁴ *Яковлева Т.Г.* Судьба Гетманщины в середине XVII в. // Памяти Ю. Д. Марголиса. СПб., 2000. С. 563–579.

²¹⁵ *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. 4-е изд. М, 1997. С. 65.

²¹⁶ АЮЗР. Т. X. № 8. С. 449; *Горобець В.М.* Указ. соч. С. 5.

²¹⁷ *Эйнгорн В.* Очерки из истории Малороссии в XVII в. Сношения малороссийского духовенства с московским правительством в царствование Алексея Михайловича. М. 1899 [1890]. С. 91.

²¹⁸ Неслучайно после 21 марта 1654 г. в обращение вошел новый тип печати. В объектной части титула печати, дарованной царем запорожскому гетману, на первом месте оказалось определение московский, а владимирский переместилось на второе место, были добавлены определения «киевский» и «черниговский» (См.: РГАДА. Ф. 136. Оп. 1. № 1а. Л. 6), что соответствовало территории Войска Запорожского в формулировке самого гетмана.

²¹⁹ АЮЗР. СПб., 1865. Т. III. № 369. С. 569.

²²⁰ Это не осталось незамеченным в Великой России. «На шестой малоросийской подписи около печати меж каем: „Б(о)ж(ею) м(и)л(остью) мы, в(е)л(икии) г(осу)д(арь), ц(а)р(ь) и в(еликии) кн(язь) Ал(ексеи) М(и)х(айлович) вс(ея) В(е)л(икия), и М(алья), и Б(елья) Р(о)с(ии) с(а)м(одержежь), и м(ногих) г(осударств) и з(емель) в(о)с(точных) и з(ападных) и с(еверных) о(т)ч(ич) и д(едичь), и н(аследник), и г(осударь), и о(блаадатель)» (См.: РГАДА. Ф. 136. Оп. . № 1а. Л.) Примечательно, что в титуле царя помимо Малой упоминается и Белая Россия., т.е. на печати помещен титул двойного притязания – на Малую (по образцу гетмана) и Белую (видимо по собственной инициативе) России.

²²¹ О гонениях на православных 24 августа 1624 г. повествовал «митрополит богоспасаемого града Киева» Иов Борецкий царю Михаилу Федоровичу, царю «Российския Великия державы (См.: ВУСР. Т. I. № 22. С. 47), а неделей позже – о запечатании православных церквей (См.: Там же. № 23. С. 5).

²²² Там же. № 63. С. 109. 4 июня 1631 г.

²²³ Там же. № 64. С. 111. 13/23 июня 1631 г.

²²⁴ Там же. № 80. С. 149. 11/21 августа 1634 г.

²²⁵ Там же. № 85. С. 148–149. 18/28 февраля 1635 г.

- ²²⁶ Там же. № 125, 133. С. 201, 222. 18 апреля, 5 июня 1638 г.
- ²²⁷ Там же. № 74. С. 128. 5 ноября 1632 г.
- ²²⁸ Их поток резко усиливался каждый раз после подавления казачьих восстаний.
- ²²⁹ См. подробнее: *Опарина Т. А.* Украинские казаки в России: единоверцы или иноверцы? (Микита Маркушевский потив Леонтия Плещеева) // Соціум. Альманах соціальної історії. Вип. 3. Київ, 2003. С. 33.
- ²³⁰ Подробнее см. указанную статью Т.А. Опариной.
- ²³¹ ВУСР. Т. I. № 80. С. 140. 11/21 августа 1634 г.
- ²³² Там же. Т. III. № 248. С. 567. 27 марта 1654 г.
- ²³³ Однако таким образом был вознагражден лишь глава посольства; подобные милости по отношению к Лариону Лопухину автору неизвестны.
- ²³⁴ Видимо, речь шла о пошлине с царских кабаков, где велась розничная торговля горячительными напитками.
- ²³⁵ ОАПП 1673 г. С. 485.
- ²³⁶ Личные же царские письма снабжались либо овальной печатью с трехкоронным орлом, либо печатью с изображением всадника, попирающего змея, что обнародовало претензии на все Литовское княжество. Именно такой печатью пользовался Алексей Михайлович в 1652 и осенью 1654 г. (См.: *Собрание писем царя Алексея Михайловича*. Изд. П. Баргенов. М., 1856 С. 154. 1652 г.; *Письма русских государей и других особ царского семейства*. М., 1896. Т. V. № 14. С. 13. 18 октября 1654 г.).
- ²³⁷ ОАПП 1673г. С. 485.
- ²³⁸ ВУСР. Т. III. № 288. С. 567. 27 марта 1654 г.
- ²³⁹ *Богатова Г.А.* Вера. 5 // *Словарь русского языка XI–XVII вв.* М., 1975. Вып. 2. С. 80.
- ²⁴⁰ Разумеется, настаивать на этой дате до подробного палеографического анализа всего комплекса документов – 1657 гт. было бы неосторожно.
- ²⁴¹ ВУСР. Т. III. № 245. С. 562. 27 марта 1654 г.
- ²⁴² *Ерошкин Н.П., Куликов Ю.В., Чернов А.В.* История государственных учреждений России до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1965. С. 53. Образец малой государственной печати (Малороссийского приказа), приложенной к документу от 8 августа 1672 г., опубликован в виде прориси (См.: *Бюллер Ф.* Указ. соч. С. 55)
- ²⁴³ ДДГ. № 36. С. 101, 104; СР. № 41, 42–44. С. 122, 124, 126, 128. 1445, 1447 гт. и др.
- ²⁴⁴ Там же. № 45. С. 130, 134. 1447 г.
- ²⁴⁵ Там же. № 40. С. 120.
- ²⁴⁶ Там же. № 52. С. 157.
- ²⁴⁷ *Лазаревский А.М.* Отрывки из дневника гетманской канцелярии за 1722–23 г. Киев, 1897. С. 52.

²⁴⁸ Там же. С. 19–20.

²⁴⁹ Там же. С. 7.

²⁵⁰ Там же. С. 8–10.

²⁵¹ ВУРС. Т. III. № 10. С. 20.

²⁵² Можно отметить парадоксальную ситуацию: крепость, построенная в 1635 г. как польский форпост, призванный ограничить активность казачества, теперь превратилась в опорный пункт защиты самого казачества от крымско-турецкой опасности.

²⁵³ ВУРС. Т. III. С. 569.

²⁵⁴ Как правило, ограничивались права сношений с Ордой («Орду знати») (См.: ДДГ. С. 101, 103–106, 108 и др) или Ордами (См.: Там же. С. 369), они считались прерогативой великого князя, а не удельного князя, сюзерена, а не вассала. В договоре с князем Василием Рязанским 1483 г. содержался запрет «канчивати» (т.е. заключать договоры) с ордынскими царями или царевичами, «ни съсылатися на наше лихо» (См.: Там же. № 76. С. 284, 285).

²⁵⁵ Показательно, что аналогичная статья содержалась и в шерти (присяге) крымского царевича Абдфул-Латифа (*Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым. От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI в. М., 2001. С. 290–291).

²⁵⁶ Сб. РИО. Т. 95. № 2. С. 30. Шерть Абдул-Латифа Василию III, 1508 г. Разумеется, нужно принимать во внимание и меньшую разработанность дипломатического протокола внешнеполитических актов начала XVI в. сравнительно с серединой XVII в., когда царское самодержавие усложнило условия.

²⁵⁷ В настоящее время эта претензия гетмана рассматривается как «развитие государственной идеи в Украине», которое «навел ее руководителей на мысль о необходимости освобождения всех земель, населенных украинским этносом, расширения территории казацкого государства» (*Горобець В.М.* Указ. соч. С. 7).

²⁵⁸ Подобно В.М. Горобцу можно считать, что «развитие государственной идеи в Украине» кристаллизовало аналогичную в России и привело к войне Российского царства и Речи Посполитой 1654–1656 гг.

МАЛОРОССИЙСКИЕ АРХИЕРЕИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В 1700–1771 ГОДАХ

Несмотря на огромное количество работ, посвященных Русской православной церкви XVIII в.¹, следует признать, что эта проблема изучена крайне неравномерно, что характерно как для отечественной, так и для украинской историографии. Если о деятельности Святейшего Синода, отдельных монастырей и ряда архиереев написаны фундаментальные научные работы, то заметная часть представителей высшего духовенства и церковных институтов практически пребывает в безвестности. Так, например, при внешне достаточном количестве статистических и био-библиографических справочников, посвященных православным архиереям², большинство справочников приводит только хронологию заполнения кафедр, с минимальными биографическими подробностями или вообще без них. О части епископов вообще ничего не известно, кроме имени и даты хиротонии. Ряд важных параметров (место рождения, образование, примерный возраст хиротонии и т. д.) просто пропускается, хотя он мог бы быть восстановлен из историографии³.

Подобные пробелы существуют в изучении истории Киевской митрополии⁴, которая в 1684 году вошла в состав Московского патриархата, и архиереев-малороссов⁵. Собственно биографический набор данных для каждой персоналии выглядит полнее, чем у великороссов, но представленные выводы слабо аргументированы из-за беглости изложения и неполноты иллюстративного материала: «Укажем лишь несколько имен из тех украинцев, которые были вызваны в Россию в начале XVIII в...»⁶; «перечень епископов... содержит *очень мало* великорусских имен»⁷; «архиереями во всю первую половину века в России были почти исключительно малороссы»⁸ (курсив мой. – С. Л.) и т. д. В подавляющем большинстве работ некритически воспроизводятся факты и выводы, представленные в монографии К.В. Харламповича «Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь» (Казань, 1914), практически единственном фундаментальном труде по этой теме, в котором рассмотрены основные направления взаимодействия великорусского и малорусского духовенства, в т. ч. деятельность уроженцев Киевской митрополии: архиереев, настоятелей монастырей и

вообще монашествующих, учителей духовных и светских школ, проповедников, белого духовенства, причта и паломников, а также особенности книжного оборота, применительно к трем периодам: с середины XVI в. до 1653 года, 1653–1700 годы, 1700–1762 годы. Вместе с тем, работа Харламповича имеет серьезные недостатки. Во-первых, широкие хронологические рамки исследования не позволяют сосредоточиться на специфике отдельных этапов, между тем, очевидно, что имелись существенные различия в степени взаимопроникновения культур в периоды правления Петра I, Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны. Во-вторых, как видно и из названия работы, Харлампович исследовал именно малороссийское влияние на Русскую православную церковь, но не обратный процесс. Наконец, историк обобщил огромный статистический материал, но представил его, по большей части, описательно; но не аналитически. Например, приведенные списки архиереев, выходцев из Малороссии, весьма обширны, но не исчерпывающи, отсутствует описание критериев подбора кандидатов на вакантные кафедры, механизмов принятия окончательного решения, сопоставительный материал и т. д. Эти же недостатки можно отнести и к большинству современных исследований по истории Русской православной церкви в XVIII в., отечественных и зарубежных.

Редкое исключение представляют собой исследования В.М. Живова, рассматривающие преобразования Петра I в контексте церковной политики царя Алексея Михайловича и деятельности патриархов Никона, Иоакима и Адриана. Живов доказал, что стремление Петра I заполнять вакантные церковные должности выходцами из Киевской митрополии объяснялось не столько высоким уровнем образованности малороссийского духовенства или близостью последнего к европейской культуре⁹, но, прежде всего, отсутствием у киевлян прочных социальных связей в великорусских епархиях. Этот социальный вакуум делал из малороссийских игуменов и архиереев послушных исполнителей воли императора¹⁰.

Второй проблемой, на которой хотелось бы остановиться, является отношение центральных светских и духовных властей по отношению к Киевской митрополии и киевскому православию¹¹ в целом. В дореволюционной русской историографии не признавалось специфики киевского православия, ее самоценности по отношению к великорусским обычаям и нормам, а существование различий и даже антагонизма между малороссийским и великороссийским духовенством отрицалось или сводилось до уровня исторических анекдотов. Это привело к тому, что оценки деятельности центральной власти

колебались от «устранения недочетов» до «унификации» и были, безусловно, позитивными¹².

Украинская национальная историография также последовательно говорит о «русификации» и «денационализации»: «Постепенное, но неуклонное отсекание живых национально-церковных особенностей православной церкви на Украине и превращение ее в унифицированное территориальное подразделение правительствующей Русской православной церкви»¹³. Таким образом, взаимоотношения широко понимаемого киевского православия с Россией последовательно описываются в рамках диады: самодержавно-синодальные власти (гонители) – Киевская митрополия (гонимые). Вместе с тем, никак не комментируется тот факт, что спустя очень непродолжительное время после выезда за пределы Гетманата «гонимые» становятся той самой «центральной церковной властью», составляя около половины состава высшего духовенства, и превращаются в русификаторов и «гонителей украинского православия».

Задачами настоящего исследования являются количественный анализ заполнения вакантных архиерейских кафедр Русской православной церкви, а также изучение особенностей карьеры архиереев, в первую очередь, уроженцев Киевской митрополии, в зависимости от места его рождения, образования, мест и продолжительности служения. Для воссоздания полной картины предполагается рассмотреть биографии не нескольких (наиболее ярких или «типичных») представителей социальной группы, но собрать анкетные данные обо всех архиереях-малороссах первой половины и середины XVIII в. и создать их своеобразный «групповой портрет»; сравнив его с соответствующими параметрами «группового портрета» архиереев-великороссов. Всего были подвергнуты анализу 88 биографий выходцев из Киевской митрополии, 57 биографий уроженцев великорусских земель и 8 – архиереев-иностранцев. Достоинства и недостатки такого подхода известны по другим работам в области социологии религии, изучающим массовые источники: с одной стороны, теряются подробности биографий, связанные с личностными особенностями каждого епископа или историей отдельной епархии, а с другой – проявляются общие тенденции времени, незаметные при более тщательной проработке персоналий.

Нижней хронологической границей исследования является 1700 г., год смерти патриарха Адриана и назначения на великорусскую кафедру первого выходца из Киевской митрополии – Стефана Яворского¹⁴. Верхней границей стал первый раздел Речи Посполитой

в январе 1772 г., когда в состав Российской империи вошли белорусские земли. В течение этих 72 лет можно выделить четыре этапа, связанные, в первую очередь, со сменой императора, игравшего решающую роль при заполнении церковных кафедр: правление Петра I (1700–1724), период дворцовых переворотов (1725–1741)¹⁵, правление Елизаветы Петровны (1742–1761) и Екатерины II (1762–1771)¹⁶. Таким образом, предполагается проанализировать кадровую церковную политику российских императоров XVIII в. как по отношению к Киевской митрополии в целом, так и к ее уроженцам, выявить преемственность и отличия в церковной политике отдельных периодов, что поможет выяснить роль и степень малороссийского влияния на процесс становления Русской православной церкви в начале синодального периода.

Всего в 1699–1724 годах в Русской православной церкви насчитывалось 28 епархий и викарных епархий, большинство которых располагалась на территории России, а Луцкая и Могилевская – на землях Речи Посполитой. Несмотря на то, что Киевская митрополия вошла в состав Московского патриархата в 1684 году (Черниговская епархия еще в 1667 году), по разным причинам, объединительный процесс только начался. Москва опасалась влияния авторитетного малороссийского духовенства и потому стремилась дискредитировать киевское богословие в целом – а уж затем начать активное сближение. Вследствие этого постоянно муссировался тезис о «повреждении» киевского благочестия вплоть до осуждения практически всех богословские произведений, написанных в Киевской митрополии в XVII в., на соборе 1690 года, как «имеющих единоумие с папою и западным костелом»¹⁷. Киев, со своей стороны, желал сохранить фактическую автокефалию, вместе с тем, само объединение государственных границ вынуждало к всё большей интеграции Киевской митрополии в единое российское пространство.

Всего в 1700–1724 годах было произведено 70 назначений, не только вследствие смерти архиерея, но и в результате простой смены кафедр (см. Таблицу 1). Такое перемещение могло расцениваться и как «повышение», и как «понижение» по службе в результате изменения уровня престижности, доходности кафедры и т. д. Время петровских реформ характеризуется резким изменением критериев подбора кандидатов на высшие церковные должности, по сравнению с патриаршим периодом. Если раньше только кафедры Киевской митрополии и примыкавшая к ним Смоленская заполнялись местными уроженцами, то теперь и в российскую глубинку назначались выход-

цы из Киевской митрополии, всего же было произведено 39 таких назначений (или 56 %, 27 архиереев, сведения о них см. Таблицу 5), в то время как только 19 (36 %) – к великороссам (16 архиереев, см. Таблицу 6). Выходцы с Балкан, приехавшие в Россию уже в сане епископа (см. Таблицу 7) составляли немногочисленную в абсолютных цифрах группу архиереев (5 чел.), однако, следует подчеркнуть, что по сравнению с другими десятилетиями XVIII в. их число необычайно высоко¹⁸. Таким образом, следует признать, что хотя в первой четверти XVIII в. церковные должности действительно чаще предоставлялись уроженцам Киевской митрополии, нельзя говорить о принципиальном предпочтении Петром малороссийских кандидатов (см. Диаграмму 1 и 2)¹⁹.

Среди параметров, характеризовавших архиереев петровского времени, следует обратить внимание на возраст и биографию назначаемых кандидатов. При анализе различий между архиереями-уроженцами малороссийских и великорусских земель, в первую очередь, следует указать наличие образования. Из 16 великороссов высшего образования не имел ни один, в то время как подавляющее большинство выходцев из Киевской митрополии окончили Киево-Могилянскую академию (КМА).

В отношении возраста кандидатов и срока их службы на начальствующих должностях (наместник, игумен, архимандрит, префект, ректор) какие-либо закономерности не прослеживаются. Около половины из всех назначенных были старше 50 лет и имели стаж настоятельства более 10 лет (пожилых великороссов было несколько больше, чем малороссов). Фактически, это были люди с уже сложившимися взглядами и интегрированные в систему внутрицерковных связей, а потому, по внешним признакам, мало склонные к реформаторской деятельности. Если выходцы из Киевской митрополии в первой четверти XVIII в. в великорусских епархиях были чужаками, то выбор возрастных великороссов, скорее всего, можно объяснить тем, что Петр отбирал кандидатов по принципу личной преданности и в целом не настроенных на активное сопротивление политике реформ, а возможное пассивное он рассчитывал преодолеть.

Монастыри, в которых настоятельствовали будущие архиереи²⁰, показаны в Таблице 8. Интересна взаимозависимость между местом расположения монастыря/монастырей, в которых начальствовали будущие архиереи, и их будущими кафедрами. Уроженцы Киевской митрополии, служившие за ее пределами, не получали украинско-белорусских или соседствующих с ними епархий (т. е. Киевскую,

Переяславскую, Черниговскую, Могилевскую, Луцкую, Белгородскую, Смоленскую). Немногочисленные исключения из этого правила в первой четверти XVIII в. составили Варлаам Вонатович (назначение которого после 18 лет пребывания в Великороссии на киевскую кафедру в 1719 году было воспринято малороссийским духовенством весьма болезненно²¹) и Илларион Властелинский. В свою очередь, для собственно великорусских епархий, чуть больше половины номинатов-малороссов имело опыт настоятельства или насельничества в русских монастырях (10 из 17), а семеро до хиротонии управляли только малороссийскими обителями. Здесь важно подчеркнуть, что нет разницы в принципах подбора кандидатов до и после русско-шведской войны: измена Мазепы и перестановки в среде казачьей старшины не стали поводом для корректировки церковной политики.

В первой четверти XVIII в. среди епархий Русской православной церкви отчетливо выделяются три группы диоцезов: малороссийские и пограничные с ними; великорусские провинциальные; великорусские, имеющие стратегическое значение для интересов государства. Для глав епархий с преобладанием украинско-белорусского населения назначение архиерея на кафедру становилось обычно пожизненным²². Аналогичная ситуация существовала в великорусских диоцезах, преимущественно на севере и северо-востоке России (Вологодская, Вятская, Корельская, Устюжская и т. д.). Наконец, ряд епархий имели стратегическое значение: колонизация, христианизация, русификация (Тобольская, Казанская, Архангельская), близость к западной границе империи и портам транзитной торговли (Архангельская, Смоленская, Тверская, Новгородская). На них нарекались преимущественно выходцы из Малой России и именно там происходила регулярная ротация кадров.

На особом положении была кафедра Сарская и Подонская, в состав которой входила Москва. За четверть века здесь сменилось 5 архиереев (все – великороссы), из которых четверо были переведены на другие кафедры, и только один умер²³. Таким образом, по своим параметрам московская кафедра занимает исключительное положение: перемещение епархов происходит с той же частотой, что и в северо-западных епархиях, охватывает архиереев, близкие по духу Петру, но только великороссов. Первый малороссиянин был назначен только в 1742 году, когда восприятие выходцев из Киевской митрополии как «чужаков» уже притупилось.

Великороссы, как правило, получали пожизненную кафедру (см. Таблицу 3). Исключение составляют еп. Алексей (Титов) и Иг-

натий (Смола) – по 3 кафедры в период правления Петра I, еп. Иоаким и Иларион Властелинский – 2 кафедры (и после смерти Петра эти архиереи, за исключением последнего, умершего в 1720 г., продолжают менять кафедры). По меньшей мере, 13 русских архиереев в течение всей своей жизни не меняли место служения, средний срок пребывания на кафедре – почти 9 лет. Великороссы (и выходцы с Балкан) никогда не назначались на малороссийские епархии и чрезвычайно редко – на диоцезы со смешанным населением. Исключение составили только еп. Белгородский Илларион (1711), и еп. Смоленский Филофей (1722)²⁴. В 1721 году вторым кандидатом на киевскую кафедру был великоросс Леонид, позднее архиеп. Сарский, но хиротонию получил галичанин Варлаам (Вонатович).

Карьера выходцев из Киевской митрополии (см. Таблицу 2) зависела от того, в какие епархии они получали назначение. В малороссийских и приграничных с ними диоцезах статистика такая же, как для великороссов – назначение в подавляющем большинстве случаев пожизненное. В ряд епархий «киевляне» не назначались вовсе (Вологодская, Вятская, Корельская, Устюжская). И если отсутствие выходцев из Малороссии в русской северной глубинке может быть объяснено малой привлекательностью такого назначения для малороссов (известно несколько случаев, когда номинаты-«киевляне» отказывались от нежелательного посвящения и даже принимали схиму), то принципиально важно отсутствие выходцев из Киевской митрополии на московской кафедре. Как и у великороссиян, выделяется группа архиереев, однако, гораздо более многочисленная, представлявшая собой своеобразный «кадровый резерв» петровской церковной политики, который активно перемещался из епархии в епархию и которым постепенно заполнялись вакантные стратегические для государства кафедры.

Характеризуя церковную политику Петра I, следует подчеркнуть, что он стремился к полному обновлению епископата Русской православной церкви. Ни один из хиротонисанных ранее архиереев не получил нового назначения в первой четверти XVIII в. Частично это объясняется тем, что архиереи, к которым Петр чувствовал личное расположение (еп. Воронежский Митрофаней, архиеп. Холмогорский Афанасий) – ставленники патриарха Иоакима, и они были в преклонных годах. Однако, хотя среди более молодых епископов были как сторонники нелюбимого патриарха Адриана, так и его противники (например, архиереи Киевской митрополии), ни один из них не получил активной роли в деле строительства новой, имперской церкви.

В 1725–1741 годах число епархий сократилось: Луцкая перешла в унию, а внешнеполитические обстоятельства привели к закрытию Азовской. Как упоминалось выше, Петр I заполнял вакантные места только архиереями, хиротонисанными после 1700 года, эти люди оказались востребованными и в дальнейшем: каждый четвертый епископ, участвовавший в кадровых перестановках в 1725–1741 годов – петровский ставленник. Всего за 16 лет было сделано 67 назначений²⁵, из них 38 назначений относились к выходцам из Киевской митрополии, а 27 – к великороссам (Диаграмма 1). Два назначения относились к иностранцам, грузину и волошанину. Соотношение между великороссами и малороссами, характерные для предшествующего периода, наблюдается и в численности новопоставленных епископов: 18 хиротоний (57 %) – выходцы из Киевской митрополии, 14 (43 %) – из великорусских областей (см. Диаграммы 2 и 3). Таким образом, общие пропорции, характерные для петровского времени, оказались сохранены.

Вместе с тем, нельзя утверждать, что после смерти Петра не произошло радикальных изменений в церковной политике. В первую очередь, это касается самой личности императрицы/императора, не только номинальной, но и реальной главы Русской православной церкви. После 1724 года монарх в значительно большей степени становится «коллективным лицом», зависящим от мнения ближайших советников, фаворитов и т. д. За рамками данной работы остаются вопросы о механизмах формирования внутрицерковных «клиентских» и «клановых» групп и составления списков кандидатов, представляемых монарху для утверждения, а также борьба этих группировок за власть. В этом смысле выбор окончательной кандидатуры архиерея – результат всех вышеперечисленных процессов, а потому смена императора означает существенное изменение всей внутривосточной конъюнктуры.

В указанное время правили четыре монарха: Екатерина I (1525–04.1727, 10 назначений архиереев), Петр II (05.1727–1729, 7 назначений), Анна Иоанновна (1730–1740, 47 назначений) и Иоанн VI (1741, 1 назначение). Мы можем констатировать расхождение параметров группового портрета выходцев из Киевской митрополии и великороссов, и напротив, сближение характеристик внутри каждой когорты. Так для «киевлян» возраст выбираемых кандидатов несколько снижается: не более трети из них были старше 50 лет²⁶. В дальнейшем эта тенденция к омоложению епископата будет только нарастать. Одновременно сокращается и срок служения на началь-

ствующих должностях (см. Диаграмму 3), что указывает на подбор кандидатов, по церковным меркам, незрелых, еще себя не проявивших и не обладающих высоким личным авторитетом, но обязанных своим возвышением центральным властям. Косвенным образом это свидетельствует о формализации требований, предъявляемых к кандидату, усилении значения принадлежности к определенной социальной группе и снижении действенного участия монарха в выборе будущего архиерея.

Среди архиереев-великороссов наблюдаются обратные тенденции. С одной стороны, это люди приблизительно того же возраста, что и «киевляне», но, в отличие от них, давно вошедшие в состав церковной элиты (см. Диаграмму 4), а потому приобретшие большое количество социальных связей и могущие претендовать на лидерство. Таким образом, можно говорить о приблизительном паритете роли малороссиян и великороссов в церковной жизни этого периода. В литературе приводятся сведения о том, что эти две когорты не представляли реальных сообществ; каждая из действовавших внутрицерковных группировок была полиэтничной, что, однако, не отменяло осознания этнических различий, например, в случае обострения отношений, выходцы из Киевской митрополии повсеместно презрительно именовались «черкасами»²⁷.

В 1725–1741 годах при хиротонии и назначении на великорусские кафедры подавляющее большинство номинатов (12 из 14) имели опыт настоятельства в великорусских же монастырях. Это означает, что гарантированный карьерный рост ожидал тех «киевлян», которые успешно адаптировались к великорусским условиям. Монастыри Киевской митрополии практически утратили свои позиции в качестве этапов карьеры будущего архиерея, для малороссов лидирующее положение занимает Славяно-Латинская академия (СЛА) – там служили 6 архиереев. В КМА преподавало двое кандидатов, столько же – в семинарии Александро-Невской лавры. Таким образом, можно согласиться с утверждением, что «с начала XVIII в. преподавание в духовных училищах, а затем и ректорство в семинариях, стали ступеньками лестницы, ведущей к сану епископа»²⁸ (см. Таблицу 8). Описывая топографию власти, необходимо подчеркнуть, что с начала XVIII в. наблюдается отчетливый «отток власти» из Москвы на периферию: удельный вес московских монастырей среди мест служения будущих епископов неуклонно падает.

При характеристике малороссийских и великорусских епархий отмечается сближение их параметров: в подавляющем большинстве

диоцезов правили и «киевляне», и русские. В число исключений входят Воронежская (3 архиерея, все – великороссы), Киевская, Смоленская, Тобольская и Иркутская (только архиереи-малороссы) кафедры. Стратегические интересы страны требовали, чтобы в эти последние епархии назначались только лица, годные к миссионерской деятельности, в этом отношении выпускники Киево-Могилянской академии, в которой изучалось полемическое богословие, были вне конкуренции²⁹.

Следует охарактеризовать такой инструмент церковной политики, как перемещения архиереев с кафедры на кафедру, которые указывают, в конечном счете, на степень интереса монарха к делам церкви. Екатерина I произвела семь таких переводов, но подавляющее большинство их касалось лично известных ей архиереев, и эти кадровые перестановки можно рассматривать как проявления монаршей благосклонности или награды. Петр II утвердил три перемещения. На время правления Анны Иоанновны приходится три регулярных всплеска активности (1731, 1735, 1739 гг.). Из 47 назначений, произведенных императрицей, только 16 относились к заполнению вакантных кафедр (10 архиереев умерло, 4 отпросились «на покой», 2 были подвергнуты суду), остальные – передвижения с кафедры на кафедру, следовательно, эти интервенции нельзя объяснить только естественными причинами³⁰. Из числа перемещаемых епархов 10 были малороссами, 9 – великороссами, так что в этом вопросе также можно констатировать баланс интересов. Таким образом, слова манифеста от 17 марта 1730 года о том, что все должно быть так, «как прежде сего при Их Величестве деде и отце нашем было» (т. е. при царях Алексее Михайловиче и Иоанне V), не подкрепляются реальными шагами в области церковной политики³¹.

Из общего списка диоцезов выделяются 8 епархий, с которых дальнейшие перемещения уже не производились. К ним относятся Архангельская, Киевская, Нижегородская, Новгородская, Ростовская, Сарская, Смоленская и Тобольская³². В определенном смысле слова, это костяк церковной иерархии, исключенный из игры сиюминутных политических интересов; не самые влиятельные, но наиболее традиционалистические епархии, демонстрировавшие преемственность по отношению к политике петровского времени. При Анне Иоанновне начинается отчетливый процесс иерархизации диоцезов Русской православной церкви, нашедший окончательное выражение в правление Екатерины II в разделении епархий по степеням.

Проведенный анализ позволяет констатировать отсутствие радикальных изменений церковной политики по сравнению со временем правления Петра I. Созданная им модель имперской церкви оказалась достаточно жизнеспособной и успешно развивающейся даже в условиях частой смены власти и отсутствия единства во взглядах на государственные приоритеты. Эволюция новой модели церкви проявилась в ее бюрократизации, установлении баланса сил внутрицерковных группировок и сближении великорусского и малорусского духовенства, а также сближении церковной политики в отношении малороссийских и великорусских епархий при сохранении привилегированного статуса митрополии в числе диоцезов Русской православной церкви.

В 1742–1761 годах действовало 32 епархии, в числе которых было шесть новоучрежденных: Владимирская, Костромская, Можайская, Московская, Санкт-Петербургская и Тамбовская – что в большинстве случаев было продиктовано необходимостью упорядочения территориального членения Русской православной церкви³³.

Несмотря на то, что правление Елизаветы Петровны также началось с декларации о возвращении к прошлому (порядкам Петра I), именно при ней произошло резкое изменение кадровой политики в православной церкви. Всего было произведено 78 назначений, из них на долю малороссиян пришлось 61 (78 %), великороссов – 15 (20 %), и на долю иностранцев пришлось 2 назначения (2 %), см. Таблицу 3.

Правление Елизаветы считается периодом максимального малороссийского влияния на Русскую православную церковь. В историографии этот факт объясняется близкими отношениями императрицы и Алексея Григорьевича Разумовского, которые познакомились еще в 1732 году, и при дворе цесаревны началась «мода на все малороссийское»³⁴, однако, в действительности, проводником интересов выходцев из Киевской митрополии в первые годы правления императрицы был новгородский архиепископ Амвросий (Юшкевич), который возглавил победившую внутрицерковную группировку. Всего назначения получил 41 выходец (73 % архиереев) из Киевской митрополии, около половины которых были, по церковным меркам, очень молоды (до 45 лет), а число пожилых кандидатов – невелико (пятеро). Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что радикальное омоложение епископата не означало утрату им компетентности: только 6 кандидатов занимали руководящие должности менее 6 лет, 16 успешно управляли монастырями или учебными заведениями от

6 до 10 лет, а еще 15 – от 11 до 20 лет (см. Диаграмму 3). Соответственно, речь идет о людях, рано выбравших духовную карьеру и, если так можно выразиться, профессиональных управленцах. Несмотря на то, что только четверо из них получили хиротонию при Анне Иоанновне, а подавляющее большинство (37) стали епископами после 1742 года, нельзя говорить и о полном отсутствии преемственности с предшествующим периодом – почти все они были выдвинуты на руководящие должности уже после смерти Петра I, сформировались как руководители в царствие Анны Иоанновны, и, хотя лично не контактировали с императрицей, относились к высшему духовенству. Войдя в состав епископата Русской православной церкви, они во многом продолжали заложенные ранее тенденции в развитии церкви, и принципиального разрыва с традицией, как после смерти патриарха Адриана, не произошло.

Сохранилась и установка назначать на великорусские кафедры только кандидатов, прошедших адаптацию в великорусских монастырях – только один кандидат не имел подобного опыта³⁵. В сочетании с их относительной молодостью, возникает вопрос об их этническом самосознании: с одной стороны, это люди, выросшие и получившие образование в среде с иными культурными ценностями, но с другой – изначально ориентированные на великорусскую церковную карьеру и как руководители сформировавшиеся уже в великорусских условиях. Это при Петре I вызов в Россию рассматривался, во всяком случае, некоторыми духовными лицами как принуждение, в 1720–1740-е годы привлекательность общеимперской духовной и светской карьеры осознавалась студентами КМА еще в процессе обучения. Аналогичные настроения получили распространение и среди не-школьной молодежи; общеизвестна, например, готовность молодого Алексея Григорьевича Разумовского к эмиграции в Санкт-Петербург.

Все малороссийские архиереи получили образование, подавляющее большинство – в КМА, но зачастую епископы обучались в нескольких школах. В правление Елизаветы стало заметным значение службы в духовных училищах в церковной карьере: 6 будущих архиереев были префектами КМА, еще шестеро – преподавали в СЛА, 3 – в семинарии Троице-Сергиевой лавры, четверо – в новгородской семинарии, по 2 – в семинариях Александро-Невской лавры, Харькова и Казани и по 1 – в Смоленске и Пскове. Только треть (11) архиереев не преподавали в той или иной форме.

Елизавета не использовала кадровые перестановки в числе основных инструментов церковной политики. Для ее правления характер-

ны эпизоды массовых хиротоний, которые были связаны с угрозой безопасности России. Так в начале 1745 года после выздоровления наследника престола, будущего императора Петра III, от оспы Елизавета переживала период особой набожности, который, в частности, привел к хиротонии 4 выходцев из Киевской митрополии, в т. ч. для двух новоучрежденных епархий (Костромской и Можайской) (см. Диаграмму 6). Май–июнь 1848 года прошел в страшных пожарах по всей России, и все лето императрица провела на богомолье, а кроме того – приказала хиротонисать 6 малороссиян и учредила новую епархию, Владимирскую. Выздоровление от длительного и опасного недомогания привели в 1758 году к созданию Тамбовской епархии и возобновлению викарной Кексгольмской (Корельской) и хиротонии 8 выходцев из Киевской митрополии и 3 великороссиян. Наконец, угроза смерти в декабре 1761 года стала причиной для хиротонии одного малороссиянина и пяти русских кандидатов. Это означает, что при возникновении ощущения божественной угрозы Елизавета одновременно и приводила в порядок церковные дела, заполняя пустовавшие иногда в течение нескольких лет кафедры³⁶, и назначала новых богомольцев из числа высшего духовенства за нее лично и за империю в целом.

Изменение пропорций наглядно показывает смену курса церковной политики, произошедшей в последние годы ее правления. Следует отметить, что поставления великороссов происходили только в первые годы (1742, 1743 гг. – 2 архиерея), а массово – в конце жизни Елизаветы Петровны (см. Диаграмму 6). Знаковым моментом следует считать 30 апреля 1754 года, когда был подписан указ, напоминавший, что на архимандритские и епископские должности следует ставить и великороссов³⁷. Причины изменения отношения императрицы к подбору кандидатов и обстоятельства написания этого указа не вполне известны, вместе с тем, понятно, что проблема назрела уже давно. Если при вступлении Елизаветы Петровны на престол в конце 1741 года число архиереев-великороссов и малороссов было приблизительно равно (см. Диаграмму 7), то к 1754 году «киевлян» было уже 24, а русских оставалось только 4. К концу ее правления паритет сил был приблизительно восстановлен: 19 малороссов и 11 великороссов (и один грузинский архиерей), однако восстановление равновесия выглядело как резкая смена всей кадровой политики.

Всего из не-малороссов³⁸ получили назначение 13 архиереев, из которых – только один хиротонисан при Анне Иоанновне³⁹. Как и выходцы из Киевской митрополии, они были относительно молоды (десятеро

не достигли возраста 50 лет, а семеро – и 45 лет) и достаточно профессиональны в области управления (см. Диаграмму 4). Больше половины (7) окончили духовные училища, а 5 даже преподавали в них. Монастыри, в которых они настоятельствовали, так же похожи на места служения малороссов. Таким образом, требования, предъявляемые к малороссийским и великорусским кандидатам были приблизительно одинаковыми.

Как уже упоминалось выше, Елизавета не злоупотребляла перемещением архиереев с кафедры на кафедру. С одной стороны, она не стремилась к осуществлению какой-либо особой политики в отношении Русской православной церкви, с другой – само высшее духовенство не было заинтересовано в частых кадровых изменениях, угрожавших стабильности церкви и обострявших внутрицерковную борьбу. Наконец, подобные перемещения были прямо запрещены православными канонами, о чем Священный Синод «вспомнил» в своем докладе от 28 августа 1749 года, одоблив только случай повышения из низшей степени в высшую (т. е. из епископии в архиепископию и в митрополию). Только 14 выходцев из Киевской митрополии и один великоросс меняли диоцезы, причем большинство – только единожды. Исключение составляют Вениамин (Пуцек-Григорович), сменивший в царствование Елизаветы четыре кафедры и Дмитрий (Сеченов), получивший три назначения.

Последовательное повышение по службе отдельных архиереев позволяет выстроить иерархию епархий по уровню влияния. Цепочки кадровых перестановок завершаются на Санкт-Петербургской, Новгородской, Псковской и Московской кафедрах, на которые назначали только опытных администраторов, и лишь в порядке исключения хиротонисали новичков. Именно эти диоцезы и представляли собой средоточие власти Русской православной церкви.

Положение Киевской митрополии в системе епархий претерпевает значительные изменения. Если раньше малороссийские, особенно Киевская, кафедры представляли собой окончательное, пожизненное назначение, и служение в них закрывало возможность великорусской карьеры⁴⁰, то в правление Елизаветы эти архиереи начинают перемещаться в великорусские епархии (Иосиф Волчанский в 1742 году с Могилевской на Московскую и Тимофей Щербацкий в 1757 году с Киевской на Московскую). С одной стороны, это демонстрирует достаточно высокий статус малороссийских диоцезов, поскольку из них епархи переводятся на новоучрежденную привилегированную Московскую кафедру, бывшую патриаршую область;

с другой – подчеркивает их интеграцию в систему церковных связей Русской православной церкви.

Другой аспект кадровых назначений в малороссийские диоцезы связан с проблемой возвращения этнических малороссов на родину после длительного пребывания в великорусских землях. Если в предшествующие периоды такие случаи были исключительно редки, в правление Елизаветы Петровны можно отметить два случая хиротонии кандидатов, настоятельствовавших в великорусских монастырях⁴¹ и четыре перевода архиереев с великорусских кафедр на малороссийские или близкие им диоцезы⁴². Все владыки смогли спокойно управлять вверенными им епархиями, не испытывая отчуждения или осуждения со стороны местного духовенства и мирян, что доказывает, что и в общественном сознании населения этого региона произошли существенные изменения, выдвинувшие на первый план общегосударственную, а не этническую самоидентификацию.

Несмотря на то, что три четверти архиерейских назначений Елизаветы Петровны относилось к выходцам из Киевской митрополии, ее церковную политику нельзя считать анти-великорусской. Императрица минимизировала свое воздействие на процесс церковных назначений, что и привело к упрочению положения, а затем и доминированию одной внутрицерковной группы, консолидация которой способствовала установлению ее моноэтничности. Однако в конце жизни Елизавета компенсировала возникший дисбаланс, восстановив примерное равенство малороссийских и великорусских архиереев.

Экономическая и социальная интеграция в состав империи, оказывавшая ощутимое воздействие на общественное сознание населения Малороссии с 20-х годов XVIII в., привела к повышению притягательности великорусской карьеры для киевского духовенства и способствовала формированию общегосударственного, общеимперского самосознания, которое начинает постепенно вытеснять этническое. Вместе с тем, этническая компонента не была окончательно утрачена и отчетливо осознавалась как самими малороссийскими архиереями, так и великорусскими светскими и духовными властями, что отчетливо показала резкая смена политики церковных назначений в конце правления Елизаветы Петровны.

За краткий период своего правления Петр III не сделал ни одного церковного назначения, но его отчетливо неприязненное отношение к православной иерархии стало одной из причин его смещения. Занявшая трон Екатерина II начала с удаления любимца императрицы Елизаветы архиепископа Вениамина (Пуцка-Григоровича) с

Санкт-Петербургской кафедры, его место занял епископ Казанский Гавриил (Кременецкий), тоже малоросс по происхождению, но кардинальных кадровых перестановок не последовало. В первые годы правления положение Екатерины было достаточно неустойчивым, и она не могла позволить себе спровоцировать недовольство влиятельного епископата.

Тем не менее, начатые ранее преобразования, в т. ч. непопулярные в среде духовенства, были продолжены. Секуляризация церковных имений, осуществленная в 1764 году, стала доработанной версией реформы, предпринятой Петром III в марте 1762 года, но организационно подготовленной еще в царствие Елизаветы Петровны⁴³. Все великорусские епархии делились на три класса:

I класс: Московская, Санкт-Петербургская, Новгородская;

II класс: Астраханская, Казанская, Крутицкая, Псковская, Ростовская, Рязанская, Тверская и Тобольская;

III класс: Архангелогородская, Белгородская, Владимирская, Вологодская, Воронежская, Вятская, Иркутская, Коломенская, Костромская, Нижегородская, Переславль-Залесская, Смоленская, Суздальская, Тамбовская, Устюжская, а также викарные Севская и Олонецкая⁴⁴.

Разделение епархий и монастырей на классы создавало основу жесткой иерархической структуры, которая ограничивала возможности кадровых перестановок, однако, в эту иерархию не были включены малороссийские епархии, т. е. Киевская, Переславльская, Черниговская, и заграничная Могилевская. В них реформа не проводилась (и, с точки зрения епископата, они оказались в привилегированном положении⁴⁵). Фактически, это было последним признанием де-факто особого статуса киевского православия в составе Русской православной церкви, однако, никаких официальных разъяснений, чем эти епархии отличаются от других, сделано не было⁴⁶. Все епархии со смешанным населением были приравнены к чисто великорусским, и все они были отнесены к низшему, третьему классу. Юго-западная граница Великороссии более не считалась особой проблемной зоной Российской империи

Всего за 1762–1771 годы было произведено 34 архиерейских назначения, из них 15 (44 %) относились к выходцам из Киевской митрополии и 19 (56 %) – к великороссам (См. Таблицу 4). Если исключить случаи понижения по службе лично неугодных Екатерине II и проштрафившихся архиереев, то получится статистика, более корректно отражающая сущность новой кадровой политики: 13 на-

значений малороссов и 18 – великороссов, в т. ч. 6 и 11 хиротоний соответственно (См. Диаграмму 8).

К концу исследуемого периода среди архиереев Русской православной церкви насчитывалось 14 выходцев из великорусских и столько же – из малороссийских областей (См. Диаграмму 7), с учетом того факта, что только в течение 1761 года скончалось три архиерея-малоросса и их кафедры были вдовствующими. Если сравнить динамику заполнения великорусских кафедр в зависимости от их класса (см. Диаграммы 9 и 10⁴⁷), то становится ясным, что императрица не вела активной политики по вытеснению малороссийских архиереев на периферию церковной власти. Приведенная статистика опровергает предположение о резкой смене кадровой церковной политики Екатерины II по сравнению с предшествующим периодом, особенно с последними годами царствования Елизаветы Петровны, и о принципиальном предпочтении ею великороссов перед малороссами.

За 10 лет своего правления Екатерина теоретически могла бы полностью обновить состав высшего духовенства Русской православной церкви, однако, именно она демонстрирует максимальную преемственность кадровой политики: треть повышений статуса (архиерейская хиротония или повышение в сане или должности) у выходцев из Киевской митрополии относится к ставленникам Елизаветы Петровны. Гораздо меньше Екатерину устраивали великороссы, хиротонисанные в предшествующий период: из 17 поощрений их затрагивают только два.

При характеристике кандидатов на архиерейские кафедры необходимо указать на их крайнюю, по церковным меркам, молодость: почти все они были моложе 45 лет⁴⁸, а трое имели минимально разрешенный канонами возраст 33 года. Почти половина назначенных великороссов имела минимальный стаж служения в составе высшего духовенства (см. Диаграмму 4), требования к малороссийским кандидатам были немного строже (см. Диаграмму 3). Все малороссы получили школьное образование, а из великороссов – девятеро, т. е. более 80 %. Последние числа демонстрируют устойчивую тенденцию к усилению значения «школьности» для успешной карьеры у русского высшего духовенства. Четверо малороссов и 8 великороссов в свое время возглавляли различные духовные училища. Обращает на себя внимание резкое снижение роли КМА и расцвет провинциальных учебных заведений (Казанского, Новгородского, Рязанского, Харьковского и семинарии Троице-Сергиевой лавры) при общем лидерстве СЛА. Почти все выходцы из Киевской митрополии⁴⁹ имели

опыт настоятельства в великорусском монастыре, вне зависимости от того, на какую кафедру они назначались.

Екатерина II реализовала тенденции, намеченные в предшествующий период и завершила формирование внутренней структуры имперской церкви. Кадровую политику этого времени нельзя назвать анти-малороссийской, однако, императрица отменила действовавший ранее режим максимального благоприятствования, что было болезненно воспринято выходцами из Киевской митрополии. В третьей четверти XVIII в. была завершена подготовка к полной инкорпорации малороссийских кафедр в состав Русской православной церкви.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. С начала XVIII в. в истории Русской православной церкви начинается новый этап, связанный с превращением ее в церковь российской, над-национально имперскую. Преодолению русского этноцентризма и представлений об этнической исключительности способствовали выходцы из Малороссии, которые впервые получили широкий доступ к великорусским высшим церковным должностям. Вместе с тем, «киевляне» не представляли собой сплоченной «группы реформаторов» и не составляли единой внутрицерковной группировки, а входили во все коалиции, боровшиеся за влияние в центральных органах власти. В свою очередь, великорусский епископат не решился встать в оппозицию к императорскому двору и также не объединился для защиты своих интересов. Все это привело к сглаживанию межэтнических противоречий в среде высшего духовенства.

2. Сближению мало- и великороссов способствовала политика подбора кандидатов на высшие духовные должности, которая включала в себя успешную адаптацию «киевлян» в великорусских монастырях как необходимое условие успешной карьеры, постепенное снижение возраста номинатов, которое вело к разрыву его прежних социальных связей, а также формирование стандартного набора требований, предъявляемых к будущим архиереям вне зависимости от их происхождения.

3. Политика государства в отношении церкви обеспечивалась путем прямого вмешательства со стороны императора в процесс назначения будущего епископа, перемещения архиереев с кафедры на кафедру и их увольнения на покой, выстраивания иерархической лестницы диоцезов в соответствии с интересами государства. На разных этапах эти методы использовались в различной степени в зависимости от предпочтений монарха, однако, все они способствовали превращению церкви в один из инструментов государственного управления.

4. Интеграция Киевской митрополии в Русскую православную церковь произошла в результате длительного процесса демонстрации центральными властями преимуществ великорусской карьеры и предоставления режима особого благоприятствования малороссийскому духовенству. Первоначально эта интеграция протекала несимметрично и означала безвозвратный выезд наиболее активной части духовенства за пределы Киевской митрополии. Однако со временем, в условиях интенсивного экономического и культурного обмена между обоими регионами, политика самоизоляции Киевской митрополии постепенно смягчается. В этих условиях богослужебные, языковые и пр. особенности киевского православия стали расцениваться сначала выехавшими в Великороссию, а затем и самими живущими в Малороссии как помехи успешной карьере. Со своей стороны, центральные светские власти де-факто признавали особый статус территорий, ранее входивших в состав Киевской митрополии, до 1786 года, и не стремились силовыми методами ускорить их интеграцию.

5. Архиереи-малороссы представляли собой в Русской православной церкви многочисленную, влиятельную, однако, не безусловно доминирующую силу. За исключением непродолжительного периода в царствование императрицы Елизаветы Петровны, их число составляло около 60 % списочного состава епископата. Вместе с тем, «киевляне» постоянно занимали большинство мест в высших церковных органах власти, в первую очередь, Синоде, что делает необходимым проведение тщательного анализа конкретных мер по унификации церковной жизни, которые были предприняты в 20–60-х годах XVIII в.

Таблица 1.

Архиереи, получившие назначения в 1700–1724 гг.

Епархия	Выходцы из Киевской митрополии	Хиротони	Выходцы из великорусских областей	Хиротони	Архиереи-иностранцы
Азовская					1 малоросс 1 волошанин
Архангелогородская	3	3			1 малоросс
Долмогорская					
Астраханская	1	1	1	1	
Белгородская	2	2	1		
Вологодская			2	2	
Воронежская			2	2	
Вятская			2	1	
Иркутская	1	1	1		
Казанская					

Киевская	2	2			
Коломенская	1		1	1	1 грек
Корельская			3	2	
Луцкая	2	2			
Могилевская	1	1			
Нижегородская	1	1	1	1	
Новгородская	1	1			
Переславль-Залесская	1	1			
Переяславская	2	1			
Псковская	1	1			
Ростовская	1		2	2	
Рязанская	2	1			
Сарская			5	3	
Смоленская	5	2			1 грек
Суздальская	1	1	1	1	1 серб
Тверская	4	2	1	1	
Тобольская	5	2			
Устюжская			2	2	
Черниговская	2	2			
Итого: 28 епархий, 70 назначений, 46 хиротоний 51 архиерей	39 назначений (56%), 27 архиереев	27 хиротоний (59%)	25 назначений (36%), 19 архиереев	19 хиротоний (41%)	6 назначений (8%), 5 архиереев, из них 2 грека, серб, волошанин, малоросс

Таблица 2.

Архиереи, получившие назначения в 1725–1741 гг.

Епархия	Выходцы из Киевской митрополии	Хиротонии	Выходцы из великорусских областей (русские)	Хиротонии	Архиереи-иностранцы
Архангелогородская / Холмогорская	2	2	2	2	
Астраханская	1		2	1	
Белгородская	2	1	1	1	
Вологодская	1	1	3	2	
Воронежская			3	2	
Вятская	1		2	1	
Иркутская	2	1			
Казанская	3	1	1		
Киевская	1				
Коломенская	1		3	1	
Корельская			1		1 грузин
Могилевская	2	2			
Нижегородская	1	1			
Новгородская	2				
Переславль-Залесская					
Переяславская	2		1	1	
Псковская	4	2			
Ростовская			1		

Рязанская	3	1	1		
Сарская					
Смоленская	1	1			
Суздальская	1	1	4	2	
Тверская	2	1			
Тобольская	2	1			
Устюжская	2	1	2	1	
Черниговская	2	1			1 волошанин
Итого: 26 епархий, 67 назначений, 32 хиротонии, 43 архиерея	38 назначе- ний (57 %), 23 архиерея	18 хирото- ний (57 %)	27 назначений (40 %), 18 ар- хиереев	14 хирото- ний (43 %)	2 назначения (3 %)

Таблица 3.

Архиереи, получившие назначения в 1742–1761 гг.

Епархия	Выходцы из Киевской митропо- лии	Хиротонии	Выходцы из великорусских областей (русские)	Хиротонии	Архиереи- иностранцы
Архангелогородская и холмогорская			1	1	
Астраханская			1	1	
Белгородская	3	2			1 волош.
Владимирская	1	1			1 грузин
Вологодская	1		1	1	
Воронежская	1	1	3	2	
Вятская	3	3			
Иркутская	1	1			
Казанская	1				
Киевская	2	1			
Коломенские	2	1			
Корельская / Кексгольмская	3	3	1	1	
Костромская	4	4			
Могилевская	2	2			
Можайская	1	1			
Московская	4				
Нижегородская	2	2	1	1	
Новгородская	1		1		
Переславль- Залесская	3	2	1	1	
Переяславская	3	2			
Псковская	2		1	1	
Ростовская	1				
Рязанская			2	1	
С.-Петербургская	4	1			
Сарская	3	2			
Смоленская	1				
Суздальская	2	1	1	1	
Тамбовская			1	1	
Тверская	2	1			
Тобольская	3	3			
Устюжская	2	1			
Черниговская	3	2			

Итого: 32 епархии, 78 назначения, 49 хиротоний 56 архиереев	61 назначе- ний (78%), 41 архиерей	37 хирото- ний (75%)	15 назначений (20%), 13 архиереев	12 хирото- ний (25%)	2 назначения (2%)
--	---	----------------------------	---	----------------------------	----------------------

Таблица 4.

Архиереи, получившие назначения в 1762–1771 гг.

Епархия	Выходцы из Киевской митрополии	Хиротонии	Выходцы из великорусских областей (русские)	Хиротонии	Архиереи- иностранцы
Архангелогородская и холмогорская			1	1	
Астраханская					
Белгородская	2	1			
Владимирская			2	2	
Вологодская					
Воронежская	1		1		
Вятская					
Иркутская					
Казанская	1				
Кексгольмская и Олонская			3	3	
Киевская	1				
Коломенские			1	1	
Костромская			1	1	
Крутицкая	1		1		
Могилевская					
Московская	2				
Нижегородская					
Новгородская					
Переславль- Залесская		1	1	1	
Переяславская	1	1			
Псковская					
Ростовская	1				
Рязанская					
С.-Петербургская	1		1		
Севская	2	2			
Смоленская					
Суздальская					
Тамбовская	1				
Тверская			3	2	
Тобольская			1	1	
Устюжская			2		
Черниговская	1	1			
Итого: 32 епархии, 34 назначений, 18 хиротонии, 26 архиереев	15 назначе- ний (44%), 12 архи- ереев	6 хирото- ний (33%)	19 назначений (56%), 14 архиереев	12 хирото- ний (67%)	

Таблица 5.

Биографические данные выходцев из Киевской митрополии.

Имя	Образование	Места служения до хиротонии	Кафедры РПЦ	Даты рождения, выхода на покой, † смерти
Амвросий (Дубневич)	КМА	1727 префект КМА 1731 ректор, Киево-Братский Богоявленский м-рь 1739 ТСЛавра	8.09.1742 Черниговская	к. XVII в. †23.02.1750
Амвросий (Зертис-Каменский Андрей Степанович)	Львов кат. акад. КМА СЛА	1742 префект сем. АНЛавры 1748 Ново-Иерусалимский м-рь	17.11.1753 Переславль-Залесская 7.03.1761 Сарская/ Крутицкая) 18.01.1768 Московская	1708 † 16.09.1771 убит
Амвросий (Юшкевич Андрей)	Пол. кат. шк. КМА	1731 виленск. Свято-Духов м-рь 1734 моск. Симонов Новый м-рь 1734 Троицкий Ипатьевский м-рь	2.02.1736 Вологодская 29.05.1740 Новгородская	ок. 1690 †17.05.1745
Антоний (Илляшевич/Иляшевич)	КМА	Ректор неск. уч. зав. 1739 моск. Новоспасского м-рь	25.05.1748 Вятская 1752 – неудачная попытка добиться перевода	нач. XVIII в. † 16.11.1755
Антоний (Нарожницкий)	КМА	1739 наместник ТСЛавры.	26.09.1742 Тобольская	к. XVII в. †9.10.1748
Антоний (Стаховский Андрей Георгиевич)	КМА	1700 черниговский коллегийум, кретаура Иоанна Максимовича 1709 новг.- север. Преображенский м-рь	20.09.1713 Черниговская 12.1721 Тобольская	1660-е гг. †27.03.1740
Арсений (Берло)	Львов кат. акад.	1722 Киево-Межигорский Спасо-Преображенский м-рь	30.01.1730 Могилевская 28.01.1733 Переяславская 17.09.1735 Белгородская (не приехал, управлял заочно 3.01.1736 - отменено)	1670–1680-е гг. †6.06.1744

Арсений (Мацевич Александр Иванович)	Львов кат. акад. КМА	1738 года - соборный иеромонах синодального дома и законоучитель гимназии при Академии Наук, экзаменатор ставленников при Св. Синоде	15.03.1741 Тобольская 28.05.1742 Ростовская	1697 14.1763 снят сан †28.02.1772
Арсений (Могиланский Алексей)	КМА харьк. кол-ум.	1743 придворный проповедник 1744 ректор сем. ТСЛавры	25.06.1744 Переславль-Залесская 22.10.1757 Киевская	1704 30.05.1752 г. на покой † 8.06.1770
Афанасий (Вольховский/ Волховский)	Харьк. кол-ум, КМА	Проповедник СЛА 1745 префект семинарии ТСЛавры 1748 ректор сем. ТСЛавры	23.04.1758 Тверская 26.05.1763 Ростовская	1712 †15.02.1776
Варлаам (Вонатович / Ванатович Василий)	КМА СЛА	1716 Духовник архиеп. Феодосия Яновского 1719 тихвинский Успенский м-рь	14.05.1722 Киевская	1680 25.11.1730 лишен сана †17.01.1751
Варлаам (Косовский/ Коссовский)	КМА Иезуит шк.	Нам. Николо-Пустынского м-рь в Киеве 1704 Туруханск. Мангаз. Троицкий м-рь	15.12.1706 Иркутская, оставил кафедру, 3 года жил в Москве 21.01.1714 Тверская 9.06.1720 Смоленская	1654 †24.05.1721
Варлаам (Леницкий / Левицкий/ Линицкий/ Лейницкий)	КМА	1715 Киево-Михайловский м-рь	24.05.1719 Суздальская 19.04.1724 Коломенская 7.09.1727 Астраханская 7.06.1730 Переяславская 13.04.1731 Псковская	втор. пол. XVII в. 8.01.1739 уволен на покой †8.01.1741
Варлаам (Скамницкий)	КМА СЛА	1739 моск. Чудов м-рь	27.02.1743 Вятская 28.02.1748 Великоустюжская	1697 1746 осужден на 3 года † 20.02.1761
Варнава (Волатковский/ Волостковский Василий Васильевич)	КМА	1705 пропов. моск. Заиконоспасского м-ря, СЛА	24.08.1712 Холмогорская	1672 †8.10.1730

Варфоломей (Любарский Владимир (Василий) Павлович)	КМА Черниг. кол-ум	1738 префект, ректор смолен. шк., смоленск. Авраамиев м-рь 1745 Пафнутиев боровский м-рь 1747 ярослав. Спасский м-рь	19.07.1758 Вятская	1699 †5.06.1776
Вениамин (Пуцек-Григорович Василий Григорьевич)	КМА	1741 префект казанской сем. 1744 казанск. Спасо-Преображенский м-рь, ректор казанской сем.	14.08.1748 Нижегородская 2.03.1753 Тверская 2.04.1758 Псковская 15.09.1761 С.-Петербургская 26.07.1762 Казанская	Ок.1700 17.03.1782 на покой † 21.06.1785
Вениамин (Фальковский)		1725 настоят. Преображенской посольской церкви в Стокгольме 1725 наместн. АНЛ	Назначен 1737, не хиротонисан по болезни	к. XVII в. 1739 назначен новый епископ
Гавриил (Бужинский)	КМА	1714 инспектор СЛА 1718 обер-иеромонах флота 1720 префект СЛА 1721 костром. Ипатиев м-рь 1722 ТСЛавра	30.10.1726 Рязанская	1680 1729 выехал на суд в Москву †27.04.1731
Гавриил (Кременецкий Григорий Федорович)	КМА СЛА, Харьк. кол-ум	1740 префект сем. АНЛавры 1743 ректор сем. АНЛавры 1748 Новоспасский Преображ. м-рь	17.09.1749 Коломенская 8.10.1755 Казанская 25.07.1762 С.-Петербургская 22.09.1770 Киевская	1711 †9.09.1783
Гедеон (Вишневецкий)	КМА Вильно, Ковно, Львов иезуит. шк.	1718 префект СЛА 1723 ректор СЛА, Законосасск. м-рь	19.06.1728 Смоленская	1678 †2.02.1761
Геннадий (Андреевский Григорий)	КМА	Ректор Славяно-греко-латинской школы в Пскове, Великопустын. Елеазаров м-рь 1746 Псково-Печерский м-рь	16.04.1753 Костромская	1710-е гг. 1.08.1757 «отрешен» от епархии †28.04.1758
Георгий (Конисский Григорий Осиевич)	КМА	1747 префект КМА 1751 Киево-Михайлов Златоверх. м-рь 1752 ректор КМА	20.08.1755 Могилевская	1717 †23.02.1795

Гервасий (Линцевский I Григорий)	КМА	1735 наместник Киево-Михайлова Златоверхого м-ря 1742 Киево-Михайлов Златоверхий м-рь, ректор КМА 1743-1756 миссия в Пекине. 1757 елецкий Успенский м-рь черниг. еп.	20.04.1757 Переяславская	рубеж XVII –XVIII вв. 29.10.1768 отрешен †22.12.1769
Герман (Копцевич, Концевич, Григорий)	КМА	1726 префект СЛА 1728 ректор СЛА, Заиконспасский м-рь	2.05.1731 Холмогорская	1685 †15.07.1735
Дамаскин (Аскаронский Дамиан)	КМА	1741 Деревяницкий новгор м-рь 1744 Антониев м-рь 1746 ректор новгородск. семинарии 1748 Хутынский м-рь 1751 Иверский валдайский м-рь	21.05.1758 Костромская	нач. XVIII в. † 16.07.1769
Димитрий (Савич/Туптало Даниил Саввич)	КМА, 3 года	1681 максаковск. Преображен. м-рь 1682-1683, 1686-1692 Батурицкий Никольский м-рь; 1694-1701 глухов. Петропавлов. м-рь 1697 киевск. Кирилловский м-рь 1697 елецк. Успенский м-рь 1699 новг.-сев. Преображенский м-рь	23.03.1701 Тобольская 4.01.1702 Ростовская	1651 †28.10.1709
Дорофей (Кроткевич / Кроткевич)		1710 московск. Симонов м-рь	1712 Смоленская	1676 3.06.1718
Досифей (Богданович- Любимский)	КМА	С 1718 при дворе 1727 звенигородский Саввин-Сторожевский м-рь	6.09.1731 Белгородская	к. XVII в. 09.1733 отстранен †23.03.1736
Епифаний (Тихорский)	КМА	Наст. Глуховского Петропавловского м-рь 1719 Нежинск. Благовещенский м-рь	9.07.1722 Белгородская	к. XVII в. †2.07.1731

Захария (Корнилович)		1698 Киево-Михайловский м-рь	1.10.1700 Переяславская	втор. пол. XVII в. †28.08.1715
Иероним (Волчанский)	КМА	1734 вилен. Свято-Духов м-рь	20.03.1743 Могилевская	рубеж XVII–XVIII вв. †13.10.1754
Иларион (Григорович)	КМА	1721 учитель КМА 1726 префект харьковск. коллегиума 1733 белгородск. Святогорский м-рь, Белгород. Никольский м-рь 1740 Саввино-Сторожевский м-рь 1743 Чудов м-рь 1744 воскр. Ново-Иерусалимский м-рь	22.05.1748 Крутицкая	1696 †3.12.1760
Иларион (Рогалевский)	КМА	1722 лубенск. Мгарский м-рь 1728 моск. Донской м-рь	26.03.1732 Казанская 29.03.1735 Черниговская	к. XVII в. 2.03.1738 на покой †1739
Иннокентий (Кульчицкий Иоанн)	КМА	1714 префект СЛА к. 1720 наместник АНЛ	5.03.1721 Переяславская, наместник Пекинской еп. 15.01.1727 Иркутский	1680 или 1682 †26.11.1731
Иннокентий (Неронович, Нерунович)	КМА	1730 префект СЛА	25.11.1732 Иркутская	к. XVII в.
Иоанн (Дубинский)	КМА	Андроников Троицкий м-рь Черниг. еп. 1737 Домницкий Рождествен. м-рь Черниг. еп.	25.02.1739 Нижегородская	1680 1.09.1742 на покой †21 января 1743
Иоанн (Козлович)	КМА	Учитель риторики КМА 1743 префект СЛА 1748 ректор СЛА, Донской и Заиконоспасский м-ри	7.03.1753 Переяславская	рубеж XVII–XVIII вв. †17.03.1757

Иоанн (Максимович Иоанн Максимович)	КМА	КМА, 1677-1695 монастыри Киевской митр. (?), 1695 черниг. Елецкий Успенский м-рь	10.01.1697 Черниговская 1711 Тобольская	1651 †1.07.1715
Иоасаф (Горленко Иоаким Андреевич)	КМА	1737 Лубенский Мгарский Спасо-Преображенский м-рь 1745 наместник ТСЛавры	2.06.1748 Белгородская	1705 †10.12.1754
Иоасаф (Кроковский)	КМА	КМА, 1689 ректор КМА, Пустынно-Никольский м-рь 1693 Киево-Братский м-рь 1697 КПЛавра	15.08.1708 Киевская	1650-е гг. †1.07.1718
Иоасаф (Миткевич/Меткевич)	КМА	1748 префект новгор. сем. 1750 ректор новг. семина, Антониев м-рь 1756 Хутынский м-рь	26.04.1758 Белгородская	1724 †30.06.1763
Иоасаф (Хотунцевич/Хотуневич)	КМА	1739 проповедник СЛА 1742 начальник дух. миссии на Камчатке 7.06.1748 попытки хиротонии в еп. Иркутского, отказ по болезни 1754 ректор СЛА, Законоспаск м-рь 1757 моск. Высокопетровский м-рь	24.05.1758 Ладужская	нач. XVIII в. † 29.04.1759
Иов (Базилевич)	Харьк. кол-ум	Преподаватель, префект, ректор харьков. колледжума 1763 харьк. Покровский училищ. м-рь 1770 курск. Знаменский м-рь	31.10.1770 Переяславская	1723 †2.05.1776
Иосиф (Волчанский)	КМА	1721 Киево-Братский Богоявлен. м-рь, префект, ректор КМА 1727 киевск. Пустынно-Николаев. м-рь	30.12.1735 Могилевская 1.09.1742 Московская	к. XVII в. †10.06.1745
Иракий (Комаровский Иоанн)	КМА	1731 Костянский Троицкий Суражский Благовещенский Каменно-Успенский м-рь 1737 Троицкий Ильинский черниговского м-рь	8.09.1752 Черниговская	1703 19.10.1761 уволен †26.10.1765 в ожидании кафедры

Иродион (Жураковский)	КМА	1709 киев. Межигор. Спасский м-рь	3.05.1722 Черниговская	к. XVII в. 1734 на покой †18.09.1735
Иустин (Базилевич)		Наст. ближних пещер КГЛавры	23.01.1704 Белгородская	втор. пол. XVII в. †17.08.1709
Каллист (Подборский)		1700 Спасо-Ярославский м-рь	21.02.1703 Тверская	втор. пол. XVII в. †23 июня 1711
Кирилл (Ляшевецкий/Лешевичский Федор Александрович)	КМА	1748 префект семин. ТСЛавры 1753 наместн. ТСЛавры 1758 Новоспасский м-рь	6.08.1758 Воронежская 19.10.1761 Черниговская	1720 †14.05.1770
Кирилл (Флоринский)	КМА	1764 Борисоглебский новоторж. м-рь	13.01.1768 Севская	1727 или 1729 26.04.1778 на покой †27.09.1795
Кирилл (Шумлянский)		Мирянин	1711–1712 Луцкая 1716 Переяславская 1718–1722 местоблюститель Киевской митрополии	втор. пол. XVII в. †30.11.1724
Лаврентий (Горка)	КМА	1713–1719 Киево-Выдубицкий м-рь 29.04.1722 воскресенский Ново-Иерусалимского м-рь 1722 духовник Екатерины I	8.09.1723 Астраханская 7.09.1727 Устюжская 11.05.1731 Рязанская 26.09.1733 Вятская	1671 †9.04.1737
Лука (Конашевич)	КМА	1735 моск. Симонов м-рь	28.09.1737 Устюжская 9.03.1738 Казанская 9.10.1755 Белгородская	нач. XVIII в. †1.01.1758
Маркелл (Родышевский Николай Романович)		1725 новгород. Юрьев м-рь 1741 ректор Новгородск. сем.	10.01.1742 Карельская	1670–1680 гг. †29.11.1742
Митрофан (Слатвинский)	КМА	1738 ректор СЛА, Законосасск. м-рь	8.11.1738 Тверская	рубеж XVII–XVIII вв. †7.12.1752

Никодим (Скребницкий/ Сребницкий)	КМА СЛА	1720 белгород. Никольский м-рь 1731 псковский Святогорский м-рь 1734 костромской Ипатьевский м-рь 1736 моск. Новоспаский м-рь	6.12.1738 Черниговская 29.05.1740 Тобольская, не поехал 01.09.1742 Санкт-Петербургская 02.02.1745 Переяславская	к. XVII в. † 12.06.1751
Павел (Конюшкович или Конюшкович Петр)	Самбор, КМА	1740 проповедник СЛА 1744 новгородск. Юрьев м-рь	23.05.1758 Тобольская	1705 11.01.1768 на покой †4.11.1770
Парфений (Сопковский/ Собковский Павел)	КМА	1750 префект новгор. семинарии 1756 Антониев м-рь, ректор семинарии 1758 Хутынский м-рь, ректор	6.11.1759 Ладужская (Кексгольмская) 7.03.1761 Смоленская	1717 †7.03.1795
Платон (Малиновский Павел)	КМА	1722 префект КМА 1724 префект СЛА 1726 харьковский Покровский м-рь 1729 ректор харьковск. коллегіума, Старо-Харьк. Куряжский Преображенский м-рь 1731 костромской Ипатьевский м-рь 1731-1740 разбират., суд, ссылка	19.09.1742 Сарская 5.04.1744 Московская	к. XVII в. †14.06.1754
Платон (Петрункович)	КМА	Креатура еп. Вениамина Сахновского, 1740 Севский Преображенский м-рь 1742 владимир. Рождественский м-рь	20.03.1748 Владимирская	1700 †16.04.1757
Порфирий (Крайский Петр)	СЛА	1742 Заиконоспасск. м-рь, ректор СЛА 1747+ Донской м-рь	30.05.1748 Суздальская 9.10.1755 Коломенская 29.10.1763 Белгородская	1690-е гг. † 7.07.1768
Рафаил (Заборовский Михаил)	Пол. школы КМА СЛА	Учитель риторики СЛА Обер-иеромонах на флоте 1723 Троицкий Колязин м-рь в Твери	15.08.1725 Псковская 13.04.1731 Киевская	1677 † 22.10.1747

Рафаил (Краснопольский)	КМА	1703 ректор СЛА, Зако-носасск. м-рь 1704 московский Симонов м-рь	21.03.1708 Холмогорская	1669 †4.11.1711
Савва (Шпаковский Симеон)		1720 нам. Борисоглебского черниговского м-ря 1722 нежинск. Благовещ. м-рь 1729 в Москве (?)	18.02.1739 Архангельская 30.06.1740 Коломенская	к. XVII в. †29.06.1749
Самуил (Миславский Симеон Григорьевич)	КМА	1757 префект КМА 1759 ИО ректора КМА 1762 Киево-Братский м-рь 1768 киев. Пустынно-Никольский м-рь	28.12.1768 Белгородская 24.09.1771 Крутицкая 17.03.1776 Ростовская 22.09.1783 Киевская	1731 †5.01.1796
Серапион (Лятошевич, Лятушевич Симеон)	КМА	1740 тверской Отроч м-рь 1741 Троицкий калязинский м-рь	30.03.1745 Можайская 3.03.1753 Переславль-Залесская 29.10.1753 Вологодская	1705 12.1761 уволен на покой †22.02.1762
Сильвестр (Главацкий, Гловатский Стефан)	КМА	1732 префект Казанской семинарии 1742 Свяжский Богородицкого м-рь	6.07.1749 Сибирская и Тобольская 9.10.1755 Суздальская	рубеж XVII–XVIII вв. †20.05.1760
Сильвестр III (Крайский)	КМА, Рим	КМА 1704 ректор СЛА, Зако-носасск. м-рь	11.01.1705 Холмогорская 09.1707 Смоленская	1630–1640 гг. †5.06.1712
Сильвестр (Кулябка Симеон Петрович)	КМА	1738 префект КМА 1740 ректор КМА, Киево-Братский Богоявленский м-рь	18.11.1745 Костромская 25.04.1750 С.-Петербургская	1701 или 1704 †17.04.1761
Сильвестр (Холмский-Волынец или Холмов-Волынский)	КМА	1700 Деревяниц. Воскресенский м-рь. 1701 Юрьев Новгородский м-рь 1704 ТСЛавра	14.09.1708 Нижегородская 5.03.1719 Смоленская 3.03.1720 Тверская 24.02.1724 Рязанская 25.07.1725 Казанская	сер. XVII в. 1732 на покой †31.05.1735
Сильвестр (Черницкий)		1673 Саввин-Сторожевский м-рь	25.03.1699 Смоленская	1630-е гг. †5.06.1706

Сильвестр (Четвертинский Сергей Вячеславович)		Четвертинский м-рь	1704 Могилевская	втор. пол. XVII в. †14.02.1728
Симон (Тодорский)	КМА, загранич. ун-ты	1742 законоучит. Петра III и Екатерины 1743 костромск. Ипатьевский м-рь	31.03.1745 Костромская 18.08.1745 Псковская	1701 †22.02.1754
Софроний (Кристалевский Стефан)	Переяславск. семинария	1732 красногорский Покровский м-рь переяслав. еп. 1742 наместник АНЛавры	18.04.1753 Иркутская	1703 †30.03.1771
Стефан (Калиновский)	КМА	1732 префект КМА 1733 префект, ректор СЛА, Законоспаск. м-рь 1735 АНЛавра	17.01.1739 Псковская	1700 †16.09.1753
Стефан (Яворский Симеон Иванович)	КМА + загранич.	1690 КМА 1697 Николо-Пустынный м-рь	7.04.1700 Рязанская 16.12.1701 местоблюститель патриаршего престола	1658 †27.11.1722
Тимофей (Щербатский, Щербак Тихон Иванович)	КМА	1737 Мгарский Спасо-Приображенский м-рь полтавской еп. 1737 киевский Выдубицкий м-рь 1739 Златоверхий Михайловский м-рь 1740 КГЛавра	10.05.1748 Киевская 22.10.1757 Московская	1698 5.01.1767 на покой †18.04.1767
Тихон (Якубовский)	КМА	1758 Спасо-Ярославский м-рь	8.08.1764 Севская 17.12.1767 Воронежская 19.05.1775 Суздальская	1721 †4.04.1786
Феодосий (Голосницкий)	КМА	1753 Желтиков м-рь Тверск. еп. 1755 калезинский Макариев м-рь 1758 псковск. Святогорский м-рь	11.11.1761 Устюжская 9.11.1766 Тамбовская	1723 †23.12.1786

Феодосий (Янковский)	КМА	Приближ. еп. Елифания Тихорского 1737 Ахтырский Свято-Троицкий м-рь Белгородской епархии. 1742 наместн в ТСЛавре	10.03.1745 С.-Петербургская	1696 †22.04.1750
Феодосий (Янковский) Феодор Михайлович)	СЛА?	Приближ. митр. Иова 1701 новг. м-рь? 1704 Хутынский м-рь, 1712 АНЛавра	1721 Новгородская	1650-е гг. 1725 осужден †5.02.1726
Феофан (Прокопович Елвазар)	КМА, Рим	1704 преподаватель КМА 1711 ректор КМА, Киево-Братск. м-рь	2.07.1718 Псковская 25.06.1725 Новгородская	1681 †8.09.1736
Феофан (Чарнуцкий Федор)	КМА	1735-1740, 1742 учитель СЛА 1743 серпуховск. Владыченский м-рь 1744 Николаевский Угрешский м-рь 1744 казначей и келарь ТСЛавры. 1749 наместник Лавры	14.03.1753 Нижегородская	1710 1.07.1773 на покой †8.03.1780
Феофил (Игнатович Федор)	КМА	1748 префект казанск. сем. 1751 ректор казан. сем., Зилантов Успенский м-рь 1754 казан. Спасо-Преображ. м-рь 1765 Саввино-Сторожевский м-рь	17.10.1770 Черниговская	1726 †27 сентября 1788
Феофилакт (Лопатинский)	КМА+ загр.	КМА, 1704 СЛА 1706 ректор СЛА, Законоспас. м-рь 1722 Чудов м-рь	24.02.1723 Тверская 25.06.1725 Псковская, отказался перейти	1670-е гг. †5.05.1741
Филофей (Лещинский)	КМА	КПЛавра, 1701 нам. брянского Свенского Успенского м-ря	4.01.1702 – 1711, 1715 Тобольская	1650 1722 на покой †31.05.1727
Итого: 88				

Таблица 6.

Биографические данные выходцев из великорусских областей, иностранцев, детей иммигрантов и лиц неизвестного происхождения.

Имя	Нац-ть	Образование	Места служения до хиротонии*	Епархии РПЦ	Даты рождения, выхода на покой, смерти
Аарон	?		? Ярославск. Спасский м-рь. 1734 московск. Чудов м-рь	2.12.1735 Холмогорская	1688 †7.05.1738
Аарон (Еропкин Афанасий Владимирович)	Рус.		1699 намест. Ниловой пустыни 1700 нам. кийского Крестного м-ря 1704 валдайский Иверский м-рь 1708 новгородск. Юрьев м-рь	24.01.1714-1723, 29.01.1728 Корельская	Ок. 1663 1.07.1730 на покой †01.05.1740
Алексий (Титов)	Рус.	-	1708 московск. Знаменский м-рь	9.11.1713 Тверская 21.01.1714 Сарская 25.01.1719 Вятская 26.09.1733 Рязанская	1667 †17.09.1750
Антоний (Герасимов-Зыбелин Алексей Герасимович)	Рус.	СЛА	1763 префект СЛА 1768 ректор СЛА, Законоспасский м-рь	10.10.1770 Архангельская 9.07.1773 Нижегородская 25.04.1782 Казанская	Ок.1730 5.03.1785 на покой †27.09.1797
Антоний (Одинович)	?		1689 московск. Донской м-рь	18.03.1705 Коломенская	? †01.06.1716
Антоний (Ферапонтов)		+?	Келарь ТСЛавры 1764 Хутынский м-рь	12.08.1767 Олонецкая	? †7.06.1774

Арсений (Костюрин)	Рус.		1684 ярославск. Преображенск. м-рь 1687 моск. Андроников м-рь 1692 Чудов м-рь	2.07.1704 Воронежская	1637 †18.07.1712
Афанасий (Кондиди Анастасий Наусиос)	Грек	обуч. в Италии	Преп. СЛА Протоиер. петерб. Петропавловского соб. 1722 ярославск. Толгский м-рь 1723 ярославск. Спасский м-рь	9.10.1726 Вологодская 17.09.1735 Суздальская	? †10.10.1737
Боголеп (Адамов)	Рус.		1700 казначей Чудова м-ря 1716 Уставщик АНЛавры	25.01.1719 Устюжская	Сер. XVIII в. †13.01.1726
Варлаам (Петров)	Рус.	-	1764 Спасо-Елеазаров м-рь псков. еп. 1768 Новоторжский Борисоглебский м-рь тверской еп	5.10.1768 Тобольская	1728 †27.12.1802
Варсонофий (Василий Арефьевич)	Рус.	Москва (СЛА?)	1720 Соловецкий м-рь	13.07.1740 Архангельская	1694 †8.11.1759
Вениамин (Сахновский)	Серб	валаш. катол. шк.	Креатура Пахомия Шпаковского 1726 Святогорский м-рь псковск. еп. 1730 Псково-Печерский м-рь	25.07.1731 Коломенская 18.05.1739 Вятская 2.12.1742 Воронежская	1693 †28.03.1743
Гавриил (Петров-Шапошников Петр Петрович)	Рус.	СЛА	1758 ректор сем. ТСЛавры 1760 ректор СЛА, Заиконоспасский м-рь	6.12.1763 Тверская 22.09.1770 С.-Петербургская 1.01.1775 Новгородская	1730 16.10.1799 на покой с СПб каф., 19.12.1880 на покой с Новгор.к. †26.02.1801
Гавриил (Русской/Русский Григорий)	Рус.	-	Ризничий митр. Тихона Воинова 1722 Спасский Юнгинский м-рь 1726 Успенский Свяжский м-рь 1731 владимир. Рождеств. м-рь	24.11.1731 Суздальская 17.09.1735 Казанская 9.03.1738 Великоустюжская	1690-е гг. 28.02.1748 на покой †16.01.1753

Гедеон (Криновский / Ричковский Григорий Андреевич)	Рус.	Казан. семья СЛА	1753 придворный проповедник 1757 Саввин-Сторожевский м-рь 1758 ТСЛавра	7.10.1761 Псковская	1726 †22.06.1763
Геннадий (Границкий / Грацинский, Кратинский или Бороницкий Геннадий)	?	+ ?	Псковский Успенский Святогорский м-рь 1764 ректор СЛА, Законоспаск. м-рь	13.04.1768 Переславль-Залесская	1735 †16.08.1773
Геннадий (Драницын, Границкий Григорий Андреевич)	?	СЛА	1754 префект СЛА 1757 ректор СЛА, Законоспас. м-рь 1758 Иосифо-Волоколам. м-рь	13.12.1761 Суздальская	Ок. 1726 †12.04.1775
Георгий (Дашков)	Рус.		1711 ТСЛавра	13.07.1718 Ростовская	? 28.12.1730 лишен сана †17.04.1739
Димитрий (Сеченов Даниил Андреевич)	Рус.	СЛА	1738 проповедник СЛА 1738 Свяжский Успенский м-рь	14.09.1742- 9.08.1748 Нижегородская, просил об увольнении 21.06.1752 Рязанская 22.10.1757 Новгородская	1709 †14 декабря 1767
Дионисий (Ушаков) Дмитрий)	Рус.	-	1697 московский Данилов м-рь	4.08.1700 Вятская	? 1718 на покой †1721
Досифей (Глебов Диомид)	Рус.		1701 сновичский Благовещенск. м-рь 1709 Евфимиев судд. Преображ. м-рь	17.06.1711 Ростовская	? 27.02.1718 лишен сана. †17.03.1718 казнен
Игнатий (Смола)	Рус		1709 моск. Богоявленский м-рь	7.09.1712 Суздальская 25.01.1719- Сарская, осужден, 8.09.1721 – Иркутская, отпросился на покой 13.07.1727 Коломенская	? 2.12.1730 осужден †25.12.1741

Иероним (Формаковский)	?	Казан. дух. сем.	1764 Кизический м-рь 1765 префект казанской семинарии. 1766 ректор казанской семинарии, казанский Спасо-Преображенский м-рь 1767 свяжск. Богородицкий м-рь	25.12.1770 Владимирская	1732 †3.08.1783
Иларион	Рус.		астраханск. Преображенский м-рь	15.08.1731 Астраханская	? † 9.06.1755
Иларион (Властелинский)	?		1699 моск. Новоспасский м-рь 1701 ТСЛавра	21.03.1703 Сарская 11.03.1711 Белгородская	? †4.04.1720
Иннокентий (Нечаев)	Рус.	СЛА	1758 проповедник, префект СЛА 1761 нам. ТСЛавры	23.02.1763 Кексгольмская 28.05.1763 Тверская 04.10.1763 Псковская	1722 22.09.1770 уволен на покой † 24.01.1799
Иоаким	Рус.		1715 монах АНЛавры	22.01.1716 Астраханская 23.06.1723 Корельская 16.03.1726 Вологодская 22.04.1726 Суздальская 13.04.1731 Ростовская	ок. 1651 †25.12.1741
Иоаким (Струков Иван Федорович)	Рус.		1714 Селижаровск. м-рь 1721 Донской м-рь	4.06.1727 Переяславская 7.06.1730 Воронежская	1674 †1.09.1742
Иоани (Никитин)	Рус.		1758 Новгород-Деревяницкий м-рь 1762 Хутынский Спасо-Варлаамиев м-рь	15.07.1764 Олонецкая 9.06.1767 Устюжская	? 9.07.1786 на покой † 13.10.1799
Иоанникий (Павлуцкий Иоанн Степанович)	Рус.		1723 казначей и эконом Тобольского арх. дома 1750 енисейский Спасский м-рь 1758 Саввино-Сторожевский м-рь	6.12.1761 Воронежская	1699 † 2.01.1763

Иоасаф (Лисянский Иван)	?		1755 псков. Спасо-Мирожский м-рь.	2.12.1761 Холмогорская	1715 †1.05.1769
Иоиль (Вязьмитин)	Рус		Духовник новгород. митр. Иова. 1700 Ефимовский новоторжский Борисоглебский м-рь 1701 Антониев новгородский м-рь.	18.01.1708 Корельская	пер. пол. XVII в. †17.07.1712
Иосиф	Рус.		После 1688 владимирск. Златовратский м-рь	03.03.1700 Устюжская	пер. пол. XVII в. 1718 г. на покой †04.01.1720
Иосиф	Рус.		1702 моск. Знаменский м-рь	17.10.1708 Вологодская	? 18.01.1716 на покой †1719
Иосиф	Рус.		Свящ. в Москве 1714 переясл. Никитинский м-рь 1724 моск. Спасо-Андрониевск. м-рь	31.10.1725 Воронежская	1672 †27.12.1726
Иосиф (Золотой, Золотов Иоанн)	Рус.	СЛА	1748 проповедник СЛА 1750 серпуховск. Владычный м-рь 1755 устюжск Архангельский м-рь. 1758 тульский Предтеченский м-рь 1758 моск. Высокопетровский м-рь	16.12.1761 Вологодская	1720 †25.12.1774
Киприан (Скрипицын, Скрыпицын)	Рус.	-	1719 Спасо-Ярославский м-рь 1723 Ново-Иерусалимский м-рь 1727 дмитр. Борисоглебский м-рь 1732 моск. Знаменский м-рь 1733 Спасо-Андрониевский м-рь 1736 моск. Чудов м-рь	31.12.1737 Вятская 18.05.1739 Коломенская	? †16.06.1740

Лев (Юрлов/ Орлов Лаврентий)	Рус.	-	1718 Донской м-рь 1720 переславльск. Горицкий м-рь	28.05.1727- 06.1730 Воронеж- ская. 08.06.- 03.12. 1730 Астраханская Осужден, оправдан,	ок. 1678 22.04.1742 восстан., но ушел на покой †28.01.1755
Леонид	Рус.		1711 моск. Высоко- петровский м-рь	1721 второй кандидат на киевскую кафедру 18.02.1722 Сарская	? 01.09.1742 на покой †18.02.1743
Мефодий	Рус.		1731 астрахан. Пре- ображенский м-рь	10.05.1758 Астраханская	1700 †20.05.1776
Павел (Васильев)	Рус.		Иером. АНЛавры	29.01.1716 Вологодская	? †5.02.1725
Павел (Гребневский Петр Степано- вич)	Рус.	СЛА	Пропов. Петропавл.. СПб собора 1762 Петропавлов- ский собор в СПб, наместн. Тихвина Успенского м-ря	6.07.1763 Владимирская	ок. 1711 г. †9.08.1770
Палладий (Юрьев Павел)	Рус.	Ниже- гор. семин.	1751 нижегор. Ива- новский м-рь 1752 Дудин Амвроси- ев Николаевский м-рь 1753 нижег. Печер- ский м-рь	18.06.1758 Рязанская	1721 20.03.1778 на покой †2.12.1779
Пахомий (Симанский)	Рус.		Лукьянов Рождество- Богородицкий м-рь 1753 переслав. Никит- ский м-рь 1753 волоколам. Иосифов м-рь	25.05.1758 Тамбовская 9.11.1766 Устюжская	1709 11.07.1767 на покой †5.05.1789
Пахомий (Шпаковский)	Серб		Бессериканский м-рь (Валахия).	25.04.1714 Воронежская	1672 †23.09.1723
Петр (Смелич/ Сумилявич)	Серб		1713 моск. Симонов м-рь 1725 АНЛавра 1733 ректор сем. АНЛавры	20.06.1736 Белгородская	? 11.09.1742 на покой †27.11.1744
Пимен (Савелов Петр)	Рус.		1718 Толгский Богородицкий м-рь 1736 костромской Ипатьевский м-рь	29.06.1740 Вологодская	1678 †26.05.1753

Питирим (... Петр)	Рус.		1717 Кержебельбаш- ский м-рь	23.03.1719 Нижегородская	1665 †8.05.1738
Платон (Левшин Петр Георгиевич)	Рус.	Коло- менск. сем., СЛА	1759 префект сем. ТСЛавры 1761 ректор сем. ТСЛавры 1762 придворный проповедник, зако- ноучитель наследника престола 1763 наместник ТСЛавры 1766 ТСЛавра	10.10.1770 Тверская 15.11.1775 дирек- тор СЛА 29.06.1787 Мо- сковская	1737 13.06.1811 на покой † 11.11.1812
Сергий (Белоградский)	Рус.		1721 иеромонах АНЛавры 1722 моск. Высоко- петровский м-рь	9.12.1731 Устюж- ская	? †6 октября 1735
Сильвестр (Страгород- ский, сын Или Гаврилова)	?	АНев. Сем.	1753 префект, ректор сем. АНЛавры 1760 г. Высоко- Петровский м-рь Переславский Никит- ский м-рь и ректор Переславской сем.	23.12.1761 Переславль- Залесская 4.02.1768 Кру- тицкая	1725 24.02.1771 на покой по подозр. в сочувствии Арсению Мациевичу †19.10.1802
Симон (Лагов/ Лаговский Стефан)	Рус.	Новг. семин.	1758 префект новг. семинарии 1759 новгор. Антониев м-рь, ректор новгор. семинарии 1761 Кирилло- Белозерский м-рь 1764 московск. Ново- спасский м-рь	6.09.1769 Ко- стромская 31.03.1778 Рязанская	1720-е гг. † 17.01.1804
Симон (Тихомиров Стефан Иоан- нович)	Рус.		Наместник АНЛавры 1734 Горницкий Успен- ский м-рь 1735 Саввин- Сторожевский м-рь	21.11.1739 Суз- дальская	1683 †15.12.1747
Тихон (Соколов Тимофей Савельевич)	Рус.	Новг. сем.	1759 префект новг. семинарии, Желтиков м-рь 1759 Отроч тверской Успенский м-рь, ректор тверской семинарии	13.05.1761 Ке- сгольмская 3.02.1763 Во- ронезская	1724 17.12.1767 уволен на покой †13.08.1783

Феодосий (Вадбольский Феодор Феодорович)	Рус.		1702 Можайск. Лужецкий Рождество- Богородицкий м-рь 1704 Чудов м-рь	25.03.1711 Сарская	1663 †13.08.1712
Феодосий (Михайловский-Прокофьев Андрей)	Рус.	Ряз. дух. сем. СЛА	1755 префект рязанск. семинарии 1759 рязанск. Духов м-рь 1761 ректор рязанской семинарии, рязанск. Богословский м-рь 1763 солотчинск. Рождество-Богородичный м-рь рязанск. еп.	28.12.1763 Коломенская	1723 †30.01.1787
Феофилакт	Рус.		С 1724 архим. ? Креатура Амвросия Юшкевича 1737 Комельский м-рь 1740 костромской Ипатьев м-рь	14.09.1743 Воронежская	1695 †30.11.1757
Итого: 57					

* Архимандрит или игумен указанного монастыря, если не указано другое.

Таблица 7.

Биографические данные архиереев, приехавших из-за границы.

Имя	Нац-ть	Предшествовавшие места служения	Епархии РПЦ	Дата (выхода на покой) смерти
Антоний (Багратиони Теймураз, царевич Карталинский)	Груз.	Патриарх-католикос 1757 выехал в Россию	23.11.1757 Владимирская	17.10.1720 20.03.1763 выехал обратно в Грузию † 1.03.1788
Антоний (Черновский)	Волошанин	Митрополит Сочавский С 1739 в России	29.05.1740 Черниговская 6.09.1742 Белгородская	†1.01.1748
Досифей (Хореско)	Волошанин	1696 из польского плена Митр. Сочавский	1703 Азовская	†1711
Иоанникий	Грек	Митр. Ставропольский	1718 Коломенская	†24.03.1724

Иосиф	Грузин	Архиеп. Самебельский и Цилканский, архиеп. Самтаврский и Горский 1730 выкуплен русским правительством у грузин	29.08.1734 Корельская	16.10.1740 на покой, моск. Знаменский м-рь †01.09.1750
Ефрем (Янкович)	Серб	Митр. Скопийский, 1705 прибыл в Россию	24.08.1708 Суздальская	†18.03.1712
Парфений (Небоза)	Малоросс	Митр. Лаодикийский	21.06.1701 Азовская 03.12.1703 Холмогорская	†2.01.1704
Филофей	Грек	Архиеп. Охридский	13.02.1722 Смоленская	1727 отрешен от должности †02.02.1761
Итого: 8				

Таблица 8.

Монастыри, в которых настоятельствовали будущие архиереи.

Название монастыря или учебного заведения	Класс (по штатам 1764 г.)	Выходцы из киев. митроп.	Выходцы из великорусских областей
Славяно-Латинская академия, Заиконоспасский монастырь		19	7
Киево-Могилянская академия, Киево-Братский Богоявленский монастырь	КМ	16	
Троице-Сергиева лавра	сверхшт.	8	6
Семинария Троице-Сергиевой лавры (ректор, префект)		3	3
Александро-Невская лавра	сверхшт.	5	6
Семинария Александро-Невской лавры		2	1
Харьковский коллегиум, Покровский монастырь	КМ	3	
Новгородская семинария		4	1
Белгородский Никольский монастырь		2	
Валдайский Иверский монастырь	1	1	1
Виленский Свято-Духовский монастырь	КМ	2	
Владимирский Рождественский монастырь	архиер.	1	1

Волоколамский Иосифов монастырь	2		2
Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь	1	3	1
Глуховский Петропавловский монастырь	КМ	2	
Деревяницкий Воскресенский монастырь новгородской епархии	3	2	1
Елецкий Успенский монастырь черниговской епархии	КМ	3	
Звенигородский Саввин-Сторожевский монастырь	1	4	3
Киево-Выдубицкий монастырь	КМ	2	
Киево-Межигорский Спасо-Преображенский монастырь	КМ	2	
Киево-Михайловский монастырь	КМ	5	
Киевский Николо-Пустынский монастырь	КМ	5	
Киево-Печерская лавра	КМ	3	
Костромской Троицкий Ипатиев монастырь	архиер.	5	2
Лубенский Мгарский Спасо-Преображенский монастырь	КМ	3	
Московский Спасо-Андроников монастырь	2		3
Московский Высоко-Петровский монастырь	2	1	4
Московский Донской монастырь	1	3	3
Московский Знаменский монастырь	3		3
Московский Новоспасский монастырь	1	4	2
Московский Симонов Новый монастырь	1	4	1
Московский Чудов монастырь	архиер.	3	5
Нежинский Благовещенский монастырь	КМ	2	
Новгород-Северский Преображенский монастырь	КМ	2	
Новгородский Антониев монастырь	2	3	2

Новгородский Юрьев монастырь	1	3	1
Новоторжский Борисоглебский монастырь	2	1	2
Переславльский Горницкий Успенский монастырь женский	1		2
Переславльский Никитский монастырь	3		3
Псково-Печерский Успенский монастырь	2	1	1
Псковский Спасо-Великопустынский Елеазаров монастырь	3	1	1
Псковский Успенский Святогорский монастырь	3	3	1
Санкт-Петербургский собор			2
Свияжский Богородицкий Успенский монастырь	1	1	3
Сергуховской Введенский Владыченский монастырь		1	1
Тверской Желтиков монастырь		1	1
Тверской Отроч монастырь	2	1	1
Тверской Троицкий Калязин Макарьев монастырь	1	3	
Тихвинский Успенский монастырь	2	1	1
Хутынский Спасо-Варлаамиев монастырь	1	4	2
Ярославский Спасо-Преображенский монастырь	1	3	4

Диаграмма 1.

Соотношение числа назначений на архиерейские кафедры выходцев из великорусских областей и Киевской митрополии по периодам.

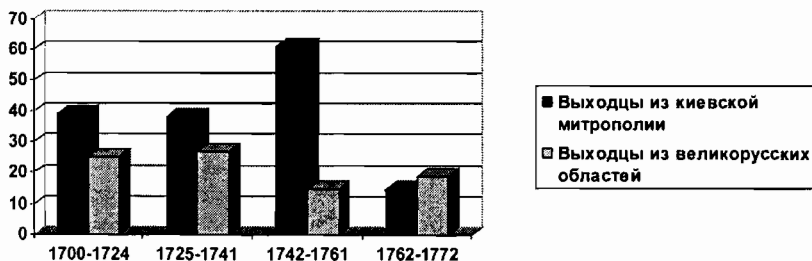

Диаграмма 2.

Соотношение числа хиротоний выходцев из великорусских областей и Киевской митрополии по периодам.

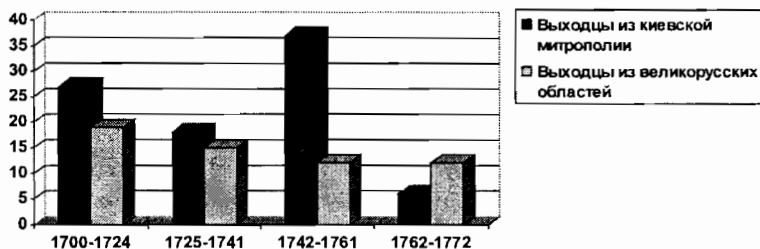

Диаграмма 3.

Сроки служения выходцев из Киевской митрополии на начальствующих должностях до хиротонии.

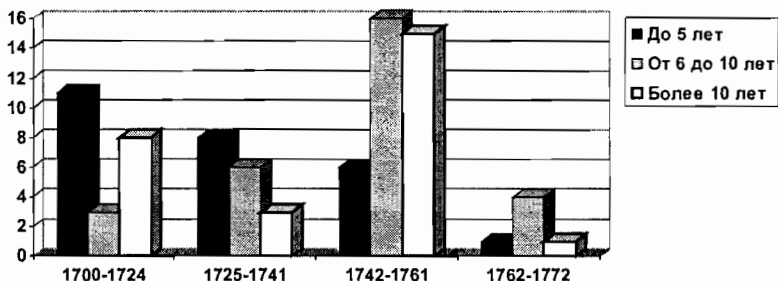

Диаграмма 4.

Сроки служения выходцев из великорусских областей на начальствующих должностях до хиротонии.

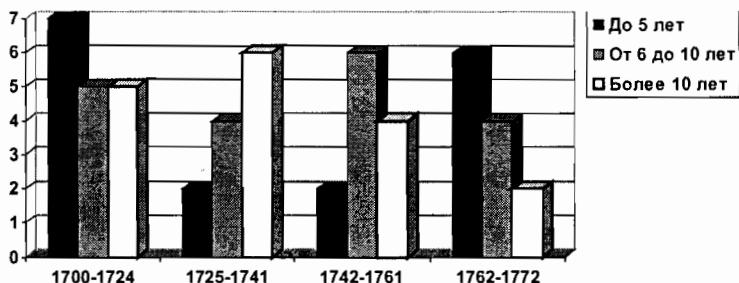

Диаграмма 5.

Архиерейские назначения в 1725–1741 гг.

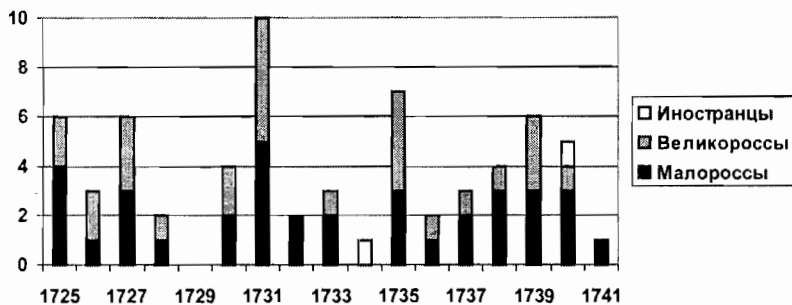

Диаграмма 6.

Архиерейские хиротонии в 1742–1761 гг.

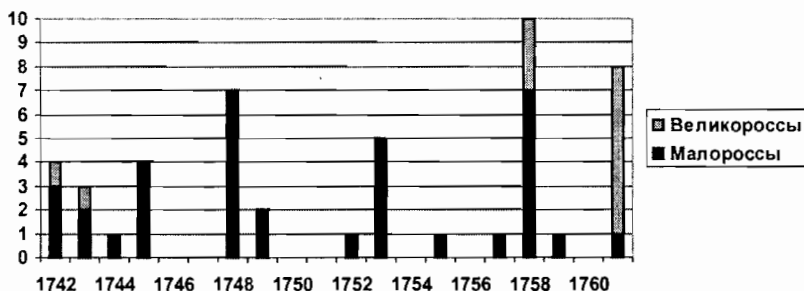

Диаграмма 7.

Соотношение выходцев из малороссийских и великорусских областей на архиерейских кафедрах в 1741–1771 гг.

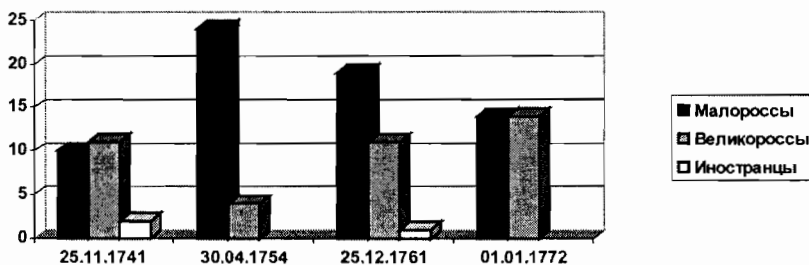

Диаграмма 8.

Архиерейские хиротонии в 1762–1771 гг.

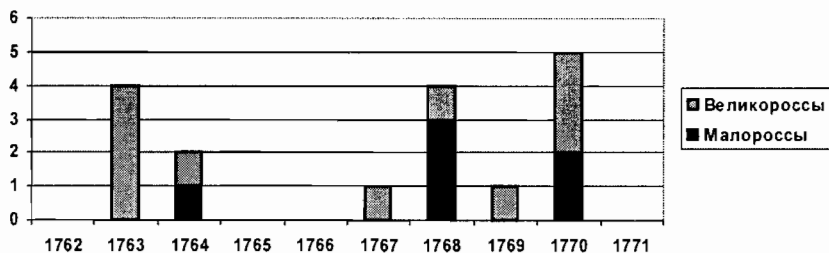

Диаграмма 9.

Заполнение архиерейских кафедр к 26.02.1764 г.

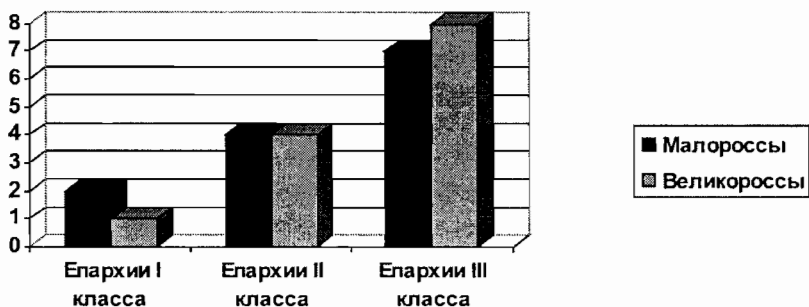

Диаграмма 10.

Заполнение архиерейских кафедр к 01.01.1770 г.

Примечания

¹ Важнейшими исследованиями по являются монографии: *Верховский П.В.* Очерки по истории русской церкви в XVIII–XIX ст. Варшава, 1912. Т. 1; *Попов М.С.* Арсений Мациевич и его дело. СПб., 1912; *Покровский И.М.* Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы. Казань, 1897–1913. 2 т.; *Рункевич С.Г.* История Русской церкви под управлением Св. Синода. СПб., 1900; *Смирнов С.К.* История Московской Славяно-греко-латинской академии. М., 1855; *Смолич И.К.* История русской церкви. 1700–1917 // История русской церкви. Кн. 8. Ч. 1. М., 1996; *Филарет (Дроздов), митр.* История русской церкви. М., 1848; *Чистович И.А.* Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868; *Шляпкин И.А.* Св. Димитрий Ростовский и его время. СПб., 1891.

² История Российской иерархии. СПб., 1807–1815. 6 т. в 7 кн.; *Толстой Ю.В.* Списки архиереев и архиепископских кафедр иерархии российской со времени учреждения св. Синода (1721–1871). М., 1872; *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877; *Н. Д.* Иерархия Всероссийской Церкви от начала христианства в России до настоящего времени. М., 1892–1896. 3 т.; Списки архиереев, и иерархии всероссийской, и архиерейских кафедр со времени учреждения Святейшего Правительствующего Синода (1721–1895). СПб., 1896; *Мануил (Лемешевский), митр.* Русские православные иерархи периода с 992 по 1892 годы (включительно). Куйбышев, 1971. Ч. 1–5 (машинопись); Архиереи русской православной церкви (1700–1917) // *Смолич И.К.* История русской церкви 1700–1917. Ч. 1. М., 1996. С. 670–782; История иерархии Русской Православной Церкви. Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. / Сост. М.Е. Губонин, П.Н. Грюнберг, Ф.А. Гайда и др. М., 2006; электронный ресурс благотворительного фонда «Русское православие» <http://www.ortho-rus.ru>. Также имеются справочники, посвященные архиереям отдельных кафедр, а также статьи в православных энциклопедиях и энциклопедических словарях.

³ В настоящее время этот пробел частично ликвидирует издание Православной энциклопедии под редакцией патриарха Кирилла, однако, и в нее не вошли некоторые персоналии XVIII в.

⁴ *Антонович В.В.* Очерк истории православной Церкви в Юго-Западной России с половины XVII столетия до конца XVIII столетия // Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Киев, 1885; *Власовский И.Ф.* Нарис історії Української Православної Церкви. Нью-Йорк, 1957. Т. 3. Репринтне вид. Київ, 1998; *Титов Ф.И.* Православная Русская Церковь в Польско-Литовском государстве в XVII–XVIII веке. Киев, 1905. Т. 3; *Шпачинский Н.* Киевский митрополит Арсений Могилянський и состояние киевской митрополии в его правление (1757–1779). Киев, 1907; *Історія церкви та релігійної думки в Україні.* Кн. 3. *Крижанівський О.П., Плохій С.М.*: Кінець XVI – середина XIX століття. Київ, 1994. Современный справочник об иерархах Киевской митрополии см.: *Блажейовський Д.* Ієрархія Київської Церкви (861–1996). Львів, 1996.

⁵ Киевская митрополия включала в себя земли, в настоящее время населенные не только украинцами, но и белорусами, таким образом, называть всех поголовно «украинцами» было бы ошибочным. Автор считает более корректным говорить о «выходцах из Киевской митрополии», не акцентируя проблемы собственно этнической принадлежности. Соответственно, «киевским духовенством» или «киевлянами» в данной статье называются духовенство Киевской митрополии или выпускники Киево-Могилянской академии. Формулировка «украинско-белорусский епископат» также не представляется удачной, во-первых, из-за своего анахронизма, а во-вторых, из-за отчетливой национальной ориентированности, не характерной для духовенства того времени, и связи с понятием «национальная церковь» (см. ниже ссылку 8). Кроме того, в качестве эндо- и экзогенного названия в XVIII в. преимущественно использовался термин «малоросс» и его производные, который иногда распространялся также и на жителей Правобережья Днепра (напр.: «малороссияне польской породы») и не имели ни малейшего уничижительного оттенка, зачастую придаваемого этим словам в современной историографии. «Великороссами» или «русскими» в статье называются лица, выросшие в великорусских областях, также без учета их этнической самоидентификации.

⁶ *Харишин М., Мордвінцев В.* Російське самодержавство та Київська митрополічна кафедра, або як Українська православна церква позбулася автокефалії. Київ, 1999. С. 201.

⁷ *Смолич И.К.* История русской церкви 1700–1917. Ч. 1. С. 556.

⁸ *Верховский П.В.* Очерки по истории русской церкви в XVIII–XIX ст. С. 611.

⁹ Ср.: «Петр рано заметил разницу между культурным и широко образованным духовенством украинским и темным и духовно заскорузлым московским» (*Огієнко Іларіон, митр.* Українська церква. Нариси з історії української православної церкви. Вінніпег, 1982. С. 246); «Особые надежды возлагались на тех, кто обучался в западноевропейских образовательных учреждениях» (*Харишин М., Мордвінцев В.* Російське самодержавство та Київська митрополічна кафедра, або як Українська православна церква позбулася автокефалії. Київ, 1999. С. 201); «Украинское духовенство стало культурным мостком между Московской Русью и Западной Европой, по которому эпоха «просвещенного абсолютизма» распространилась и на отсталую Московию» (*Євсєва Т.М.* Роль церковної еліти у формуванні політичної самосвідомості українців XVII–XVIII століть // Український історичний журнал. 1999. № 2. С. 102).

¹⁰ *Живов В.М.* Из церковной истории времен Петра Великого: Исследование и материалы. М., 2004. С. 43, 45, 125.

¹¹ Говоря о киевском православии, имеются в виду особенности богослужения, паралитургических практик, административного управления и церковной жизни в целом, сложившиеся в Киевской митрополии и отличавшиеся от традиций великорусских епархий. Автор предпочитает не пользоваться термином «украинская

национальная церковь», поскольку понятие «национальная церковь» включает в себя осознание ее членами, в первую очередь, духовенством, внутреннего единства и своей «инакости» по отношению к другим представителям той же конфессии. Разделяло ли духовенство XVIII в. подобные представления, еще предстоит выяснить.

¹² *Титлинов Б.В.* Правительство Анны Иоанновны в его отношении к делам православной Церкви. Вильно, 1905; *Веделянин П.* Законодательство императрицы Елизаветы Петровны относительно православного духовенства // Православное обозрение. 1865. № 5–7; *Климов М.* Постановления по делам православного духовенства и Церкви в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1902; *Беликов В.* Отношение государственной власти к Церкви и духовенству в царствование Екатерины II // Чтения в Обществе любителей древней письменности. 1874–1875.

¹³ *Історія православної церкви в Україні. Збірка наукових праць / Відп. ред. П. Яроцький. Відділення релігієзнавства ін-ту філософії НАНУ. Київ, 1997. С. 158–159. Аналогічні висказування см.: Українська церква між сходом і заходом / Відп. ред. А. Колодний. Відділення релігієзнавства ін-ту філософії НАНУ. Київ, 1996. С. 110.*

¹⁴ Фактически новый этап в заполнении вакантных должностей начинается с хиротонии 10.01.1697 г. епископа Смоленского Сильвестра (Черницкого), уроженца Полоцка, в течение 26 лет служившего архимандритом звенигородского Саввино-Сторожевского монастыря, пользовавшегося покровительством и Алексея Михайловича, и Петра I. Вместе с тем, это назначение, как и назначение уроженца г. Нежина, архимандрита елецкого Успенского монастыря Иоанна (Максимовича) епископом Черниговским 25.03.1699 г., не вызвало такого общественного резонанса, как поставление Стефана (Яворского), поскольку и смоленская и черниговская епархии были «не вполне» великорусскими, о чем см. сноску 23.

¹⁵ На этап 1725–1741 гг. приходится четыре смены монарха: Екатерины I, Петра II, Анны Иоанновны и Иоанна VI. Вместе с тем, анализ назначений на архиерейские кафедры, представленный ниже, позволяет утверждать, что этот период может быть рассмотрен как единое целое.

¹⁶ В правление Петра III не был назначен ни один архиерей.

¹⁷ *Добротворский А.П.* Руководство по истории Русской Церкви. М., 2001. С. 370; *Живов В.М.* Из церковной истории времен Петра Великого: Исследование и материалы. М., 2004. С. 26–31.

¹⁸ Промежуточное положение занимал архиеп. Парфений (Небоза), уроженец Киевской митрополии, проведший большую часть жизни на православном Востоке. Сведения о лицах с неизвестным происхождением, детях иммигрантов в великорусские области и иностранцах, не хиротонисанных за границей, учитываются в таблицах и графах, относящихся к великороссам. Два исключения из этого правила: серб Савва (Шпаковский) и волошанин Вениамин (Пудек-Григорович), выросшие в Малороссии и близкие по своим параметрам именно этой группе архиереев.

¹⁹ Таким образом, мнение, что «в начале XVIII в.... едва ли не все российские церковные кафедры были заняты украинцами» (*Федорів Ю.* Історія Церкви в Україні. Репринт. Львів, 2001. С. 267) является явным преувеличением.

²⁰ В таблицу внесены монастыри, в которых настоятельствовали не менее двух будущих архиереев.

²¹ Ср. точку зрения украинского исследователя XX в.: «Родом из Галиции,... Ванатович зачем-то забрел в Тихвинский монастырь...» (*Федорів Ю.* Історія Церкви в Україні. С. 268).

²² Некоторое исключение в первой четверти XVIII в. составляет Черниговская викарная епархия, которая служила своеобразной школой для подготовки служителей для Тобольской кафедры.

²³ И в XVII в. переводы архиереев из Сарской епархии не были редкостью, достаточно упомянуть еп. Евфимия (Рылкова) и Тихона (Воинова), перешедших на Новгородскую кафедру.

²⁴ Смоленская епархия занимала промежуточное положение между малороссийскими и великороссийскими диоцезами. С одной стороны, политическая история и культурные предпочтения населения (и духовенства в т. ч.) сближали ее с епархиями Киевской митрополии, с другой – на официальном уровне Смоленская земля декларировалась как «исконно русская», выходцы из нее – как чисто русские. Т.А. Опарина отмечает, что и в документах XVII в. уроженцы Смоленщины квалифицировались как «полоняне», т. е. выходцы из (польского) плена (см.: *Опарина Т.А.* «Исправление веры греков» в русской церкви первой половины XVII в. // Россия и христианский Восток. М., 2004. Вып. II–III. С. 288–325). Вопрос о представлениях, бытовавших в общественном сознании, остается открытым.

²⁵ Такое значительное их число объясняется высоким уровнем смертности среди выходцев из Киевской митрополии – за 17 лет умерло 18 архиереев-малороссов, назначенных в этот и предшествующий период. Вместе с тем, нельзя утверждать, что речь идет о массовых преждевременных смертях: только четверо архиереев умерли в возрасте моложе 50 лет.

²⁶ Даты рождения, даже приблизительные, известны только у двух третей архиереев этого периода, однако, косвенным свидетельством молодости номинатов служит непродолжительный период служения на начальствующих должностях.

²⁷ В имеющихся источниках подобное наименование несет отчетливо оскорбительный оттенок, поэтому необходимо дополнительно проверить предположение А.И. Папкова о нейтральности этого термина, который утверждал, что «к середине XVII в. «черкасами» в официальных российских документах именовали уже всех жителей Украины» (*Папков А.И.* Содержание терминов «черкасы» и «люди литовские», использовавшихся в русском делопроизводстве XVII в. для обозначения населения украинских земель Речи Посполитой // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние

века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А.И. Филошкин. СПб., 2010. С. 237).

²⁸ Смолич И.К. История русской церкви. Ч. 1. С. 290. Следует отметить, что повышение роли образования в карьере великороссов станет заметным в правление Елизаветы Петровны.

²⁹ Суровый климат, удаленность от центральных областей и обширность епархий вели к тому, что назначения на эти две епархии зачастую не расценивались самими номинатами, как удача, были случаи отказов. Назначения на эти кафедры обычно становились пожизненными. С другой стороны, назначения на сибирские кафедры никогда не использовались в качестве ссылки или проявления неблагожелательности монарха.

³⁰ Существовала практика не заполнять вакантные кафедры немедленно после смерти епископа, а поручать их управление соседствующим епархам (Смолич И.К. Указ. соч. Ч. 1. С. 263). В результате можно наблюдать «всплески» подобных назначений, происходившие обычно после восхождения монарха на престол (1725, 1727, 1731 гг.), а также через определенные промежутки времени – см. Диаграмму 3.

³¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. СПб, 1830 (далее – ПСЗ). Т. VIII. № 5518.

³² С Иркутской епархии было только одно перемещение при Петре II. Переславль-Залесская кафедра в течение всего периода пустовала.

³³ Исключением можно считать только учреждение Можайской викарной епархии, созданной для Серапиона (Лятошевича).

³⁴ Напр. Смолич И.К. Указ. соч. Ч. 1. С. 555.

³⁵ Этим исключением был Сильвестр (Кулябка), ректор КМА, назначенный костромским епископом в 1745 г.

³⁶ Несмотря на то что, Елизавета Петровна не любила заниматься государственными делами лично, при ней период вдовствования епископских кафедр, по сравнению с предшествующим периодом, сократился.

³⁷ ПСЗ. Т. XIV. № 10216. Смолич утверждает (Смолич И.К. Указ. соч. Ч. 1. С. 556), что поводом для написания этого указа стал доклад Св. Синода от 28 августа 1749 г. (Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1912. Т. III. № 1121). Однако в этом докладе проблема происхождения будущих иерархов никак не затрагивается, а запрещается впредь перемещать архиереев с кафедры на кафедру, не избирать престарелых и слабых здоровьем, а также проводить избрание непредвзято.

³⁸ Как уже упоминалось, вместе с русскими учитываются лица с неизвестным происхождением, дети иммигрантов и иностранцы, например, сербы.

³⁹ Это Вениамин (Сахновский), серб по национальности, что только подтверждает общую закономерность.

⁴⁰ Кроме Черниговской викарной кафедры, о чем указано выше.

⁴¹ Назначения Амвросия (Дубневича) на Черниговскую кафедру (1742 г.) и Иоанна (Козловича) на Переяславскую (1753 г.).

⁴² В 1745 г. Никодим (Скребницкий) по собственному желанию получил перевод с Санкт-Петербургской (!) кафедры в Переяславль, что было явным понижением по службе (15 лет пребывания в Великороссии). В 1757 г. киевским митрополитом стал бывший еп. Переславль-Залесский Арсений (Могилянский) (18 лет службы в Великороссии). В 1761 г. были назначены еп. Воронежский Кирилл (Ляшевецкий) на Черниговскую кафедру (19 лет отсутствия) и еп. Кексгольмский Парфений (Собковский) – на Смоленскую (16 лет отсутствия).

⁴³ Смолич И.К. Указ. соч. Ч. 1. С. 251–254.

⁴⁴ ПСЗ. Т. XVI. С. 555.

⁴⁵ Реформирование малороссийских епархий началось в 1786 г. Вопрос о том, насколько реформа была в действительности выгодна духовенству, остается за рамками данной работы.

⁴⁶ Секуляризация, естественно, не могла быть проведена в пределах Могилевской епархии, находившейся на землях Речи Посполитой, однако, финансирование как раз этого диоцеза было прописано отдельной строкой в Книге штатов 1764 г. (ПСЗ. Т. XLIV. Ч. 2. С. 25)

⁴⁷ Диаграмма 9 составлена по состоянию на 1764 г., поскольку в этот день был подписан Указ о секуляризации церковных земель, викарные кафедры в этот момент пустовали. Диаграмма 10 представляет заполнение великорусских кафедр по состоянию на 01.01.1771 г., чтобы учесть и овдовевшие в течение этого года епархии. Малороссийские кафедры были полностью укомплектованы местными уроженцами

⁴⁸ За исключением малороссов Иова (Базилевича) и Павла (Гребневского) – им было около 50 лет. О возрасте хиротонии Иоанна (Никитина) сведения не были найдены.

⁴⁹ За исключением Самуила (Миславского).

«УКРАИНСКИЙ ВОПРОС» НА СТРАНИЦАХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Со времени распада Древнерусского государства территория современной Украины принадлежала разным государственным образованиям. Значительная часть ее входила в состав Литовского и Польского государства, а затем Речи Посполитой. После длительного раздельного существования восточных славян сначала Левобережное Поднепровье вошло в состав Русского государства по решению Переяславской рады 1654 года, а после разделов Речи Посполитой Волынь, Подолье и Правобережье Днепра также оказались в составе Российской империи.

С XIX в. начинается новый этап в истории Украины. Он был отмечен не только новыми социально-политическими, но и культурными условиями развития украинского народа, поставившими на повестку дня вопрос о месте и перспективах украинского языка и литературы в общерусском культурном дискурсе.

В рассматриваемый период в России сложилась и впоследствии долго доминировала оформленная в исторических трудах Н.М. Карамзина концепция триединого русского народа. Она исходила из общего исторического прошлого восточных славян. Отличия между ними считались «племенными», а разница в языке восточнославянских этносов рассматривалась как областные наречия общерусского языка¹. Тем не менее, российское правительство, осуществляя административно-политическую унификацию, не покушалось на этнические особенности Малороссии. С начала XIX в. в русском обществе наблюдается живой интерес к народному творчеству края. Этот интерес развивался на фоне популяризации в Европе идей немецких философов-романтиков (в первую очередь И.Г. Гердера), с их концепцией равноправия народов и их неповторимого своеобразия.

Именно в этот период начинается славянское национальное пробуждение, рост национально-этнического самосознания. У образованных кругов малороссийского общества процесс национального пробуждения выразился в повышенном внимании к местному языку, народному творчеству, историческому прошлому. Оживление

национального чувства и обращение к народной стихии началось с появления литературы на национальном языке в Восточной Украине, которое датируется последними годами XVIII в. (первое издание «Энеиды» И.П. Котляревского было опубликовано в 1798 году).

В первой половине XIX в. Харьковский университет становится культурным центром Восточной Украины. В его стенах развернулась оживленная литературная деятельность. В этот период появляются такие яркие представители новой малороссийской литературы, как Г.Ф. Квитка (Основьяненко), профессор А.Л. Метлинский, поэт Е.П. Гребенка и др. Народная поэзия Малороссии, обычаи и музыкальные формы стали предметом изучения и собирания – сборники старинных малороссийских песен были составлены князем Н.А. Церетелевым и профессором М.А. Максимовичем. Начинает издавать свою «Запорожскую старину» И.И. Срезневский. Выходит первая «Грамматика малороссийского наречия» А. Павловского, «История Малой России» Д.И. Бантыш-Каменского и другие исторические сочинения. В 1834 году в Киеве открывается новый университет Св. Владимира. С ним связано возникновение в 1840-е годы политических взглядов в среде украинской молодежи. В середине 40-х годов XIX в. особенно ярко проявляется талант Тараса Шевченко, чьи стихи оказали решающее действие на идейное развитие участников Кирилло-Мефодиевского общества².

Кирилло-Мефодиевское общество возникло в Киеве в 1846 году как кружок, сложившийся на почве интеллектуального общения и просветительства. Участники общества – молодой преподаватель Киевского университета, в будущем известный историк Н.И. Костомаров, писатель и этнограф П.А. Кулиш, историк права Н.И. Гулак, учителя В.М. Белозерский и Д.П. Пильчиков, поэт Т.Г. Шевченко и группа студентов в своей программе выступали поборниками славянской федерации, восстановления былой автономии украинских земель³.

Со второй четверти XIX в. в русском обществе начинается длительная полемика вокруг украинского языка и появляющейся национальной литературы, достигшая пика в 1840-е годы. В русской прессе поднимается вопрос о специфике украинской культуры, в частности, взаимной дополняемости великорусов и малороссов, возможности самостоятельного существования украинского языка и литературы, степени понятности украинского языка для великороссиян, об областях функционирования украинского языка. Разгром Кирилло-Мефодиевского общества в 1847 году открыл новый этап в формировании украинского

вопроса и восприятию украинской проблематики русским обществом. Правительством был принят целый ряд мер по борьбе с «малороссийским особничеством» и «ложными идеями славянства». Нарождающийся конфликт получил свое отражение в общественном мнении.

Многие периодические издания, особенно «толстые» журналы, проявляли особый интерес к украинской теме и задавали тон в ее интерпретации: «Северная пчела», «Сын Отечества», «Библиотека для чтения», «Маяк», «Москвитянин», «Телескоп», «Вестник Европы», «Отечественные записки».

Литературно-политическая газета «Северная пчела» выходила в Петербурге в 1825–1864 годах. Издателем и редактором газеты был один из крупнейших, если не самый крупный, журналист второй четверти XIX в., и видный литератор своего времени поляк по происхождению Ф.В. Булгарин. С 1831 до 1860 год газету издавали совместно Ф.В. Булгарин и Н.И. Греч. «Северная пчела» являлась единственной частной газетой в России, имевшей право помещать не только отечественные, но и зарубежные политические известия. Помимо официальных новостей, газета давала своему читателю и статистику, и объявления о спектаклях, и иностранные и внутренние известия, и отклики на новые книги, и «физиологию» Петербурга (автор очерков о столице был часто сам Булгарин), и стихи, и моду, и литературные обзоры, и многое другое. На ее страницах регулярно присутствовал такой жанр, как фельетон, – доверительный разговор редактора с подписчиком на разные темы – от бытовых до философских. Кроме того, газета уделяла пристальное внимание «научным изысканиям», особенно способствующим познанию России, помещая информацию о литературе, быте и нравах, истории народов России. Все это делало газету необычайно популярной (4000 подписчиков в начале 30-х годов)⁴: ее читали и в провинции и в столицах, на нее ссылались, потому что это был единственный «живой» листок, который выделялся среди бесстрастно-сучных казенных губернских ведомостей.

Программа газеты заключалась в пропаганде «благонамеренных патриотических воззрений», проповеди преданности престолу, охранительной морали. Газета выступила популяризатором и в значительной степени даже разработчиком «теории официальной народности». По сложившейся традиции, «Северную пчелу» принято относить к реакционной прессе⁵. К числу наиболее болезненных вопросов истории русской журналистики относится тесное и многолетнее сотрудничество Булгарина с III Отделением. Вместе с тем, последние иссле-

дования показали, что особое покровительство Николая I Булгарину – явное преувеличение⁶. Издатели газеты придерживались умеренно-западнических позиций в рамках охранительной идеологии.

Основной структурной частью газеты, отразившей отношение авторов к малороссийской проблематике, является раздел «Новые книги». Эта рубрика была посвящена обзору новой отечественной и зарубежной литературы. Литературными обозревателями и критиками газеты, касавшимися интересующей нас темы, в 1830–1850-е годы были В.С. Межевич, В.И. Даль, Л.В. Брант, А. Афанасьев. С 1850-го года этот вопрос неоднократно затрагивается и самим Булгариным, в первую очередь в рубрике «Журнальная всякая всячина», которую он вел с конца 1840-х годов.

Исторический и политический журнал «Сын Отечества» выходил в Москве в 1812–1844 годах и в 1847–1852 годах. Это был один из старейших русских журналов, сыгравших важную роль в развитии общественной жизни в России первой половины XIX в. «Сын отечества» был основан Н.И. Гречем в 1812 году, и с тех пор сменил немало редакторов и издателей, среди которых Н.И. Греч, Ф.В. Булгарин, А.Ф. Воейков, О.И. Сенковский, А.Ф. Смирдин и др. В 1829 году «Сын Отечества» слился с альманахом Ф.В. Булгарина «Северный архив».

В 1838–1840 годах редактором журнала был критик, прозаик, драматург, журналист и историк Н.А. Полевой. Во второй четверти XIX в. его заметки, очерки и статьи появлялись во многих журналах. В 1825–1834 годах Полевой издавал свой собственный журнал – «Московский телеграф». С 1837 по 1838 год он заведовал литературным отделом «Северной пчелы», а с 1841 года вместе с Гречем издавал журнал «Русский вестник». Для этого «богатыря журналистики» (В.Г. Белинский)⁷ было характерно резко отрицательное отношение к перспективам развития украинского языка и литературы.

«Библиотека для чтения», журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод, выходил в Петербурге в 1834–1865 годах. Журнал начал издаваться по инициативе ученого, журналиста, прозаика и востоковеда, поляка О.И. Сенковского, который был его редактором до 1856 года. Человек незаурядных способностей, наделенный острым умом ученого, ярким дарованием литератора и журналиста, он вошел в историю русской литературы и журналистики как «Мефистофель николаевской эпохи» (А.И. Герцен)⁸.

Наибольший интерес представляют литературно-критические отделы данных изданий, отразившие отношение авторов к малороссийской проблематике. В «Северной пчеле», как уже отмечалось, это

был отдел «Новые книги», в «Библиотеке для Чтения» – «Литературная летопись», в «Сыне Отечества» – «Критика и библиография». Эти рубрики были посвящены обозрению новой отечественной и зарубежной литературы. Списки новых книг, как правило, печатались с рецензиями и аннотациями; нередко этот раздел, как, например, в «Библиотеке для чтения», превращался в библиографический фельетон.

Литературно-политический журнал «Маяк» (полное название – «Маяк современного просвещения и образованности») издавался в Санкт-Петербурге в 1840–1845 годах С.А. Бурачком, инженером-кораблестроителем по специальности. В истории журналистики «Маяк» заслужил печальную известность своим «воинствующим мракобесием» и «псевдонародностью»⁹. Редактор отличался крайним консерватизмом своих общественно-политических взглядов. Главной целью своего журнала он провозгласил воспитание общества в духе «официальной народности», призывая «сделать великое отечество наше всемирным училищем истинного благопочитания и благочестия, убежищем мира и спасения»¹⁰.

Любопытно понимание авторами «Маяка» идеи народности. Согласно их представлениям, «народность не есть что-либо случайное, зависящее от произвола людей, от взаимного их уровня. Народность есть проявление права и дарований Божьих народу; у каждого народа своим образом»¹¹. Исходя из этого определения делался вывод о необходимости следования «стихиям» своей народности: «народ счастлив, пока растит свою жизнь в пределах своей народности. Народ слабеет и падает, когда забывая и презирая свои, увлекается чуждыми стихиями народности, ему несродными, не ему принадлежащими»¹². Подобное положение во многом объясняет заинтересованность, которую демонстрировали авторы «Маяка» в отношении к украинской проблематике. В различных рубриках, таких как «Наука», «Материалы для истории словесности», «Критика», «Смесь» сотрудники журнала К.М. Сементовский, Н. Тихорский, П.А. Корсаков и сам С.А. Бурачек нередко касались различных областей украинской культуры. На протяжении всего времени существования журнала в нем постоянно печатались произведения украинских литераторов. Помимо этого, на страницах журнала периодически появлялись этнографические материалы, касающиеся не только Украины, но иногда также и Белоруссии, фактически обойденной в то время вниманием русского общества. Материалы эти касались некоторых особенностей быта малороссийского и белорусского крестьянства, календарной обрядности, фольклора (песни, загадки, гадания, поверья). Следует

отметить, что позиция, занимаемая «Маяком» по украинской проблематике очень сильно отличала его практически от всех остальных русских периодических изданий того времени.

В разгоравшемся в 40-е годы XIX в. споре западников и славянофилов о дальнейших путях развития России журнал находился на стороне славянофилов¹³. Постепенно популярность издания падала. Начав издание с 800 подписчиками, «Маяк» к 1844 году имел их менее 400 и закрылся.

Еще одним глашатаем «официальной народности» являлся журнал «Москвитянин», издававшийся в 1841–1856 годах. Его редактором и издателем был М.П. Погодин – известный русский историк, публицист, литератор, в известной мере «соавтор»¹⁴ теории официальной народности, ее активный пропагандист и защитник. Его помощником, другом и единомышленником выступал С.П. Шевырев – профессор русской словесности в Московском университете, специалист по истории древнерусской литературы и литературный критик. Именно он возглавлял литературно-критический отдел, представляющий для данного исследования особый интерес в плане отношения журнала к произведениям украинских авторов. Созданный при поддержке министра народного просвещения С.С. Уварова, «Москвитянин» занимал в целом весьма консервативную позицию¹⁵.

Определенное внимание к украинской проблематике проявлял «журнал современного просвещения» «Телескоп», выходивший в 1831–1836 годах. Издавал журнал Н.И. Надеждин, он был и литературоведом, и критиком, и философом, много занимался проблемами эстетики. В 1846 году Надеждин стал членом Русского географического общества (РГО), а в 1848 году был избран управляющим его этнографическим отделом. «Телескоп» сыграл значительную роль в развитии русской общественной мысли первой половины XIX в. В своем журнале Надеждин развивал идеи народности, связи литературы с жизнью. Редактором затрагивались вопросы, связанные с местом украинцев и белорусов в Российской империи, особенностями их истории, языка и культуры, а также перспективами этнического развития восточнославянского мира. Эти исследования Надеждин впоследствии продолжил уже в РГО. Именно с «Телескопа» началась литературная карьера В.Г. Белинского, который в 1833 году стал сотрудником, а с 1834 года – помощником Надеждина¹⁶. Политическая программа журнала была консервативной. Надеждин резко осудил июльскую революцию во Франции 1830 года и польское восстание 1830–1831 годов¹⁷.

В качестве приложения к «Телескопу» выходил журнал мод и новостей «Молва» (1831–1835), в котором также встречались публикации, посвященные украинским реалиям. В октябре 1836 года за помещение «Философического письма» П.Я. Чаадаева «Телескоп» был запрещен, а Надеждин сослан.

В конце 1820-х годов постоянное внимание Украине уделял журнал «Вестник Европы» (1802–1830), основанный Н.М. Карамзиным. С 1815 по 1830 год его редактором был М.Т. Каченовским, харьковский уроженец, историк и литературный критик. Большое значение при Каченовском приобретает научный отдел, в котором печатаются в основном исторические статьи. В своих статьях Каченовский неоднократно высказывал мысль о необходимости изучения славянских языков для более глубокой разработки проблем отечественного языкознания, для правильного толкования текстов и древних памятников. Редактор «Вестника Европы» также проявлял интерес и к фольклорному наследию славянских народов, рассматривал, в частности их песни как важный исторический источник¹⁸. Все это касалось и украинских материалов.

«Отечественные записки» выражали достаточно противоречивые и неоднозначные взгляды на Украину, в первую очередь на ее литературу. Учено-литературный журнал «Отечественные записки» выходил в Петербурге в 1839–1884 годах. Журнал был основан П.П. Свиньиним еще в 1818 году, однако вплоть до 1839 года выходил достаточно нерегулярно. С 1839 года по договору со Свиньиним журнал стал издаваться А.А. Краевским, остававшемся его издателем и редактором до 1860 года.

«Отечественные записки» – энциклопедический журнал, цель которого, как определил ее Краевский, «преподавать отечественной публике все, что только могло встретиться в литературе и жизни замечательного, и полезного, и приятного»¹⁹. Первое время Краевский вел журнал без какой-либо ясной общественно-литературной программы. В журнале участвовали публицисты и писатели самых различных общественных групп: С.П. Шевырев, М.П. Погодин, А.С. Хомяков, С.Т. Аксаков, П.А. Вяземский, Д.В. Давыдов, И.И. Панаев, В.А. Жуковский и многие другие. Их объединяло лишь общее стремление противостоять «журнальному триумвиату» Ф.В. Булгарина, Н.И. Греча и О.И. Сенковского.

С середины 1839 года В.Г. Белинский возглавил отделы критики и библиографии и стал вскоре идейным руководителем журнала. Для выдающегося критика были характерны весьма скептические

взгляды на украинский язык и литературу, можно сказать даже ее глубокое неприятие. Это выражалось в рецензиях критика на произведения украинских авторов. Любопытен тот факт, что, являясь в первой половине 1840-х годов одним из самых передовых демократических журналов, в оценках украинского литературного возрождения «Отечественные записки» целиком и полностью были солидарны с позицией консервативной прессы.

В 1846 году Белинский покинул «Отечественные записки». Уже с 1848 года направление журнала резко меняется в связи с реакцией, наступившей после революций в Европе. А.А. Краевский, вызванный в III Отделение, где ему было сделано «внушение» за «вредное» направление журнала, заявил о своей готовности сделать «Отечественные записки» «органом правительства»²⁰. В период так называемого «мрачного семилетия» (1848–1855) журнал превратился в умеренно-либеральный орган. С 1858 года (после наступления в журналистике некоторого оживления), журнал по разрешению правительства, принимал участие в обсуждении крестьянского вопроса, а с 1859 года вел отдел политики. Следует отметить, что в этот период отношение авторов журнала к украинскому языку и литературе диаметрально изменилось.

Украинское национальное пробуждение в зеркале русской общественной мысли

Формирование национального самосознания в украинском культурном и политическом дискурсе XIX в. происходило в тесной связи с развитием литературного языка²¹. По мнению большинства исследователей, новый этап в развитии украинской литературы начался с выходом в свет «Энеиды» И. Котляревского, заложившей основы украинского литературного языка на народной разговорной основе. В 20–40-е годы XIX в. формируется базовый корпус жанров новой литературы²².

Рассматриваемая проблема нашла свое отражение в первую очередь в журнальной полемике об украинской литературе, начавшейся в 1830-е годы. При этом полемика относительно самой возможности существования высокой литературы на украинском языке не прекращалась на протяжении всего XIX в. Следует отметить, что рассуждения о языке имели прямую связь с рассмотрением литературы, на нем написанной.

Отношение русского общественного мнения к Малороссии было далеко неоднозначным. В России первой половины XIX в. малороссийские сюжеты вызвали интерес и симпатию. Но это были симпатия и заинтересованность по отношению к одной из частей русской

земли и русского народа. Литературные опыты на «малороссийском наречии», отражавшие специфику местной жизни и наполненные этническим колоритом, вызывали благожелательный интерес в Петербурге и Москве как часть русской литературы, однако любые попытки трактовать это наречие как отдельный от русского самостоятельный литературный язык были для сторонников концепции большой русской нации неприемлемы²³.

Русские современники смотрели на Южную Русь не без некоего «любования», как на край, который, хотя «во многом и отличается от Великой России», но все же является «сыном одной матери Славянской и подданным одного царя русского, православного»²⁴. С другой стороны, в ней видели край чужой и отсталый. Так, уже в конце XIX в. Н. Коробка, автор исследований по украинскому фольклору и литературе в статье о детстве и юности Н.В. Гоголя утверждал: «Европеизм не затронул эту среду, она не слыхала о Вольтере, бывшем властителе дум передовых русских людей второй половины XVIII в. Тут не было ни Радищевых, ни Новиковых... Миросозерцание здесь было средневековое...». Вывод автора весьма жесткий: «Среда эта была «темным царством»²⁵. Такое представление об Украине – черта не столь уж редкая для многих исследователей малороссийских реалий.

Главным предметом полемических нападок многих исследователей и журналистов изучаемого времени был украинский язык, украинская литература и, в этой связи, украинская национальность как таковая. Уже в тот период язык считался одним из обязательных условий существования этноса. Украинский язык многие исследователи, например, И.А. Кулжинский, оценивали как «нечто среднее между польским языком и русским, так точно, как уния в свое время была среднею религиею между католичеством и православием»²⁶. В одном из фельетонов «Северной пчелы» за 1851 год Ф.В. Булгарин, поляк по происхождению, говоря об украинском языке, употреблял термин «язык униатский», т.е. «плохой полу-польский»²⁷. Сторонники этой точки зрения отвергали всякие попытки утверждения украинского языка в качестве литературного, пропагандировали необходимость слияния «малороссийского наречия» с великорусским.

Тем не менее, для 1820–1830 годов XIX в. характерен весьма теплый прием, оказываемый литературными кругами Москвы и Петербурга украинской литературе. Центрами новой украинской словесности в XIX в. были не столько Киев и Полтава, сколько Петербург и Москва²⁸. Русские сочинения на украинские темы и украинские

произведения на страницах русских журналов – весьма частое явление в 1820–1830-е годы. Появление сборников украинских народных песен и первых произведений новой украинской литературы встречалось хвалебными, и даже часто восторженными, отзывами. «Как жаль, что большая часть русских не могут понимать украинских песен, полных неподдельного чувства и поэзии!» – писала «Северная пчела» в 1834 году²⁹.

В той же «Северной пчеле» в 1835 году в разделе «Новые книги» был опубликован обзор книги «Малороссийские повести, рассказанные Грицком Основьяненком»³⁰. Уже в самом начале своей статьи автор рецензии «казак В. Луганский» (под этим псевдонимом писал В.И. Даль) утверждает, что «язык малороссов имеет большое преимущество перед русским языком в области той отрасли словесности, которую именем *простодушный* отличают от так называемой *чувствительной*. Если всю изящную словесность разделить, как Шиллер это сделал, на *наивную* и *сентиментальную*, то быт и язык Украины присваивает себе преимущественно первую». Рассуждая о национальном характере, автор пишет, что «быт малороссов прост, ум не туп, воображение игриво, шутки отзываются какой-то негою и ленью». «Язык, – отмечает Даль, – в окончаниях слов и в самом образовании и сочетании их имеет что-то детское, милое, гибкое, напоминающее нам некоторые славянские наречия – сербское, болгарское, которые как-то поражают нас простотою прадедовских времен; кажется, мы слушаем предков своих». Таким образом, автор обращал внимание на большое количество архаизмов, сохранившихся в украинском языке. Даль также сравнивает украинский язык с русским и замечает, что русский язык неоднороден и имеет несколько видов: язык крестьян или простолюдинов, разговорный язык – «пестрый, несвязный», книжный язык, разделяющийся по слогу на высокий, низкий, средний, шуточный, важный и т.д. Язык же малороссов, «напротив того, сохранил всю девственную простоту свою и силу и всюду себе равен». Трудно написать по-русски книгу о каком бы то ни было предмете, чтобы ее понял каждый мужик, ясно, как то, что он сам говорит; таким языком у нас доселе ничего не написано: задача эта не разгадана». «Между тем, – утверждает Даль, – возьмите любое малороссийское письмо, читайте его чумакам, дивчатам, парубкам, кому хотите: если предмет не будет выходить из круга их понятий, то язык и смысл целого будет им понятен вполне. Вот она неподражаемая простота и естественность в рассказе, облагороженный язык народа силен, ясен, прост, богат на мелочи, на шутки ему

доступные, а подделать все это невозможно». Автор далее сравнивает язык малороссиян с польским, приходя к выводу о том, что язык Украины для русских гораздо ближе польского, который «слишком удалился, перемешался и переродился» вследствие смешения с западными языками³¹.

Даль выступает в защиту родственного языка: «Не знаю, можно и должно ли говорить, что для нас язык малороссов не нужен, что воскрешать его не к чему и прочее. Разве есть на свете язык – живой или мертвый – которым люди говорят или говорили, плакались или радовались и который бы не стоил внимания нашего? А если еще и поныне сотни тысяч людей говорят этим языком, да если язык этот еще и наш кровный, родной, братский, одного с русским корня, так неужели он и тогда для нас лишний? По-моему, не только можно им заниматься для удовольствия и любопытства, – должно изучать его, как пособие нашего языка»³².

Журнал «Отечественные записки» сохранял консервативное направление до 1839 года, когда с ним стал сотрудничать В.Г. Белинский. До этого момента было опубликовано несколько обзоров украинских книг, весьма благожелательных по своему характеру. В целом, можно констатировать, что консервативная пресса оказывала украинской литературе весьма теплый прием. Не ощущая потенциальной угрозы культурного сепаратизма, исходящей от украинского национального пробуждения, эти издания, в число которых до 1839 года входили также «Отечественные записки», изначально оказывали ему полную поддержку. Будучи глубоко уверенными в незыблемости Империи, их авторы не видели ничего опасного в развитии украинского языка и литературы, рассматривая их, как правило, в русле теории «официальной народности»³³.

Характерным примером подобных взглядов может служить рецензия В. Межевича на пьесу Иеремии Галки (псевдоним Н.И. Костомарова) «Сава Чалый», помещенная в «Отечественных записках» в 1839 году. «Литература, или, лучше сказать, поэзия южных русинов, потому что их литература почти вся полностью ограничивается чисто поэтическими произведениями, приковывает к себе внимание всякого мыслящего литератора», – писал Межевич³⁴. По его мнению, несмотря на то, что язык малороссов еще окончательно не сформировался, «не сознал сам себя, не оковался в прочные формы», именно малороссийский язык и, в связи с этим, литература гораздо ближе к понятию «народность». Свою мысль критик аргументирует следующим образом: «Возьмите вы любое, напечатанное даже, сочинение

на малороссийском языке, прочтите его первому встретившемуся вам малороссиянину, – он поймет вас без затруднения». Русский же литературный язык, считает автор, пока еще очень далек от языка народного: «На русской литературе и на языке, которым эта литература выражается, лежит печать искусственности, труда, усилий внешних; поэзия малороссийская и язык ее, как сказано, не созданы усилиями ума, а порождены народом бессознательно, возлелеяны в лоне его: литература русская – цветок оранжерейный, искусственный; литература малороссийская – цветок, возникший на родной почве, под открытым небом, вспыснутый его росой, согретый его солнцем».

Согласно Межевичу, у нее две возможные перспективы. В соответствии с первым вариантом, малороссийская литература или уже совершила полный круг своего развития, достигнув той конечной точки, за которой следует «склонение» и «уничтожение», высказала все, что суждено было высказать, и, следовательно, ждать от нее более нечего. В этом случае «явления ее, как бы на вид не были прекрасны, суть пустоцветы, обманчивые, ложные». Вторая перспектива оптимистическая: малороссийская литература «едва только успела пролепетать первые, младенческие звуки, бессознательно пропела первые юношеские песни и, полная свежих, роскошных сил, вступает в тот период сознательного творчества, который знаменуется явлениями прочными, обещает жизнь долгую и могучую». Сам Межевич больше склоняется ко второму выводу, так как было бы нелогичным наступление «старости» и «одряхления» прежде стадии «возмужалости». Поскольку о последней пока говорить не приходится, критик склоняется к заключению, что малороссийская литература пребывает только в зародыше, и расцвета еще следует ожидать. «Это заключение, – подводит итог Межевич, – отрадное и утешительное для всей нашей северно-русской литературы... Литературная Малороссия – наша отрадная надежда, утешительный залог, обетованная земля, где возрастет русское искусство во всем блеске неподдельности, во всей полноте своей!»³⁵ Приведенная цитата демонстрирует весьма популярные в изучаемый период мотивы взаимной дополняемости восточнославянских народов, их обновления.

Все же, несмотря на позитивную оценку украинских произведений в российской журналистике в 1830-е годы, следует отметить, что общественное мнение в сфере отношения к украинскому национальному возрождению очень быстро разделилось: наряду с хвалебными отзывами на украинские произведения стали появляться статьи с негативной оценкой и враждебными взглядами на развитие украинской

литературы. Показательно, что в разные периоды многие критики и публицисты меняли свою точку зрения. Это во многом было связано с тем, что 1830-е годы явились своеобразным переходным периодом в развитии имперской идеологии³⁶. Именно в это время продолжается разработка проекта «большой русской нации». При этом в сознании правителей и русских элит вопрос об образе нации, которая занимала бы ядро империи, и месте, которое принадлежало бы в нем Украине, оставался открытым. Новые веяния очень быстро выразились в общественном мнении, превратившись в дискуссию по украинской проблематике, продолжавшуюся весь XIX в.

Уже в 20-е годы XIX в. в российской прессе наблюдается пробуждение интереса к украинской литературе. В конце 1820-х годов постоянное внимание Украине уделял «Вестник Европы», издаваемый Михаилом Каченовским, харьковским уроженцем, пользовавшимся поддержкой графа А.К. Разумовского. Еще в 1815 году журнал выступил с критикой позиции польского ученого Бандтке, защищавшего «богатую украинскую литературу»³⁷. Позднее, в «Вестнике Европы» были опубликованы украинские анекдоты, собранные Квиткой, при этом журнал заострял внимание читателя на их безусловной литературной ценности. В 1827 году на страницах журнала было опубликовано письмо князя Цертелева, автора одного из первых сборников малороссийских песен, адресованное М.А. Максимовичу, в котором Цертелев как можно скорее просил опубликовать свое собрание малороссийских народных песен³⁸. В том же году в «Вестнике Европы» в сокращенной версии появилось предисловие Максимовича к выходу своего сборника. В дополнении к нему журнал напечатал ряд произведений украинских литераторов: П.П. Гулак-Артемовского, Л.И. Боровиковского и А.Г. Шпигоцкого. В нескольких редакторских комментариях Каченовский посчитал нужным объяснить политику своего издания. Так, в предисловии к балладе Гулак-Артемовского «Рыбалка», Каченовский указал на то, что «малороссийский диалект», на котором говорят пять миллионов жителей империи, заслуживает пристального внимания филологов-славистов. Каченовский высказал мнение о близости малороссийского и немецкого языков в области народной поэзии³⁹. Подобную точку зрения разделял и Максимович, считавший, что малороссийский, как и немецкий годятся только для создания народных песен. Во взглядах Каченовского прослеживался пристальный интерес филолога, защищавшего малороссийский язык, как своего рода лингвистический раритет. Помимо этого, редактора «Вестника» особенно интересовали исследования,

касающиеся киевских древностей, и фольклорные традиции этого региона. Однако, вне зависимости от внутренних мотивов, результатом стало появление украинских произведений на страницах ведущего журнала империи.

В какой-то степени схожую позицию по украинской проблематике занимали журнал «Телескоп» и газета «Молва», издаваемые Николаем Надеждиным. Можно сказать, что в отношении к украинской литературе и языку Надеждин мыслил в духе теории официальной народности. «Литературные опыты на малороссийском наречии» представлялись ему отнюдь не «бессмысленной и бесполезной забавой». По мнению Надеждина, «малороссийское наречие» может также служить к обогащению русского языка. «Пусть украинцы знакомят нас с ним в своих добродушных «казках»! Мы им должны быть душевно благодарны», – писал он в 1836 году⁴⁰. «Телескоп» горячо приветствовал выход «Украинского альманаха» и прочил серьезное будущее поэтическому наследию Малороссии, «общему для нас всех»⁴¹. В своих рецензиях Надеждин с уважением отзывался о деятельности О.М. Бодянского, И.И. Срезневского, Г. Квитки. Второе собрание малороссийских песен М.А. Максимовича было отмечено в «Телескопе» появлением пространного обзора Ю. Венелина, рассуждавшего о характере народной поэзии у славян.

Еще раз отметим, что во второй половине 1830-х годов, наряду с хвалебными отзывами, в русской прессе все чаще становятся заметны рецензии, содержавшие негативную оценку развивающейся литературы.

В качестве примера можно привести критические отзывы на появление в печати книги А. Могилы (псевдоним профессора Харьковского университета А.Л. Метлинского)⁴² «Думки и песни, та шче де шчо» (Харьков, 1839). Раздел критики в «Сыне Отечества» вел тогда Н.А. Полевой. Свою рецензию он начал словами: «Признаемся: мы все не понимаем издания книг на малороссийском наречии!». По мнению автора рецензии, если любовь уроженцев Малороссии к родной культуре понятна и заслуживает уважения, то этого нельзя сказать по поводу попыток написания и издания книг на «малороссийском наречии», переводов на него целых поэм и стремления создать «целую литературу малороссийскую». Молодые уроженцы Малороссии – люди чисто русские, и, следовательно, зачем им писать по-малороссийски? Мысль автора достаточно ярко выражает сложившийся в русском консервативно настроенном обществе взгляд на украинскую проблематику в тот период: «Думать, что может образоваться отдельная

малороссийская словесность – странно; да если бы и могла она образоваться, разве малороссияне, прежде всего, не русские, не должны посвящать своего дарования русскому, богатому, общему нашему, национальному языку? Не потребует ли после того особой словесности зырянин, олончанин, белорус, вотяк, все племена и наречия, слившиеся в одну могучую громаду, Россию?»⁴³. В заключении своего обзора Полевой приходит к выводу, что современные произведения на малороссийском языке – есть не что иное как прихоть умных людей, литературная шалость.

Весьма примечателен отзыв Полевого на «Украинский сборник», издаваемый И.И. Срезневским. В 1838 году вышла первая книжка сборника, содержащая пьесу И.П. Котляревского «Наталка-Полтавка». Полевой, подобно многим другим русскими критикам, с большим пиететом отзывался о Котляревском, ставя его в один ряд с такими выдающимися украинцами, как С. Климовский и Г.С. Сковорода. «Вся пьеса дышит таким добродушием, народные песни введены в нее так кстати и у мест, язык ее так хорошо выдержан, что мы не дивимся ее народности у малороссиян, и причисляем ее к прекрасным произведениям народного ума русского», – писал Полевой о «Наталке»⁴⁴. Далее критик обращается к общей характеристике сборника Срезневского. Издание малороссийских дум и песен, пословиц, загадок, украинских летописей и всего, «что поясняет народную местность, нравы и характер Малороссии», Полевой оценивает как предприятие, достойное всяческих похвал. Однако автору рецензии показался странным тот факт, что Срезневский в своем сборнике собирается публиковать произведения современных малороссийских литераторов, таких, как Л.И. Боровиковский, П.П. Гулак-Артемовский, А.Г. Шпигоцкий и Е.П. Гребенка. Новейшие произведения малороссийских авторов чрезвычайно далеки от «народного украинского духа», и введение «ложного рода стихотворений на украинском наречии» – дело абсолютно бесперспективное. «От малороссийского наречия стихи его лучше не будут, – писал он о Гребенке. – Зачем же их печатать?» Публикация поэтических опытов на малороссийском языке, согласно «Сыну Отечества», ничего хорошего сборнику Срезневского не принесет, и даже, напротив, только повредит.

В этих суждениях можно усмотреть озабоченность консервативной общественности новыми литературными веяниями на Украине, а также попытку направить этот процесс в нужное русло. В противном случае, по мнению русских авторов, в подобных сборнику

Срезневского изданиях не будет никакой пользы, ибо они перестанут быть «зеркалом украинской народности»⁴⁵.

В литературной летописи «Библиотеки для чтения» за 1839 год находим рецензию О.И. Сенковского на «Думки» А.Л. Метлинского. Редактора журнала также весьма занимает проблема существования малороссийского языка. Согласно Сенковскому, этот язык «доселе не имеет правописания, и люди, занимающиеся обработкой его, беспрестанно придумывают новые способы выражения его слов». В предисловии к «Думкам» Метлинский привел образцы пяти различных систем правописания или, скорее, произношения на малороссийском языке – М.А. Максимовича, И.П. Котляревского, И.И. Срезневского, П.П. Гулак-Артемовского и, наконец, свою собственную. Сенковский приходит к выводу, что система Метлинского является одной из самых неправильных, а наиболее близкая к чистому и настоящему выговору – система Гулак-Артемовского⁴⁶.

Ранее уже приводился отзыв В.С. Межевича на пьесу Н.И. Костомарова «Сава Чалый». В период своего сотрудничества с «Северной пчелой» Межевич кардинально изменил взгляды на современную малороссийскую словесность, заняв в отношении ее жесткую, даже непримиримую позицию. Являясь одним из ведущих журналистов в рубрике «Новые книги», он достаточно критически оценивал малороссийскую литературу и язык: «Возможна ли теперь малороссийская литература? Посмотрите на Малороссию в теперешнем ее положении – и получите ответ отрицательный»⁴⁷. При этом, любопытен тот факт, что сам критик происходил из польских шляхтичей⁴⁸. Таким образом, поляки активно участвовали в обсуждении украинской тематики, выступая от имени русской общественности. В своих прежних работах Межевич не раз с почтением отзывался о И.И. Срезневском, И.П. Котляревском, П.П. Гулак-Артемовском и том вкладе, который они внесли в изучение «украинской народности». Однако теперь на попытки развития малороссийского языка и создания малороссийской литературы критик смотрит как на «усилия несбыточные и почти бесполезные... Котляревский, Гулак-Артемовский составили удачные опыты, но они не имели последствий, как и всякое действие в начале своем лишнее или неосновательное»⁴⁹. Свой обзор «Малороссийских повестей» Г. Основьяненко Межевич также заканчивает пожеланием малороссийским авторам писать по-русски⁵⁰.

В рубрике «Журнальная всякая всячина», высказываясь о перспективах развития русского языка и, в частности, опасаясь его «загрязнения», Ф.В. Булгарин писал: «Ужели суждено прекрасному,

звучному, богатому языку низойти на степень провинциального наречия, как язык белорусский!»⁵¹ Это высказывание, как, впрочем, и весь тон фельетона достаточно ясно характеризует позицию редактора «Северной пчелы». Следует отметить, что одним из важных для Булгарина вопросов было состояние русского языка⁵², без которого, по его убеждению, «при всех познаниях, невозможно с пользою служить русскому царю и Отечеству». В качестве еще одного примера можно привести рассуждения Булгарина о европейских ученых обществах и академиях, существующих в Европе «для утверждения правил, чистоты и ясности современных языков»⁵³. «Один только русский язык, — писал он, — можно назвать *первоначальным*, т.е. составленным не из смеси различных языков, но из слов, происходящих от корней языка древнего племени, известного под общим наименованием *племени славянского*»⁵⁴.

На страницах «Северной пчелы» не раз обсуждались дальнейшие перспективы развития малороссийского общества в связи с проникновением «даже в степи Украины» образованности. Фактически это был призыв к русификации региона, созвучный тогдашней имперской политике. «Как скоро образованность коснется Малороссии, то непременно должны изгладиться и последние черты ее самобытности и оригинальности, потому именно, что эта самобытность заключается в материальных условиях, в коснении, в неподвижности, в отчуждении от всего, что составляет интерес человечества»⁵⁵. Если верить авторам газеты, то прогресс в этом отношении был очевиден: «Все пишущие и читающие малороссияне отказались от родного языка; помещики в домашнем быту говорят не иначе как по-русски; одни только чумаки сохранили свое старинное наречие. Малороссийские паны и помещики отказались от своего национального костюма, оделись в петровские фраки и сюртуки, в циммермановские шляпы и фуражки; они хотят быть русскими, не хотят быть похожими на малороссиян. Они с радостью променяют свой Статут на наш Свод Законов, и все потому, что в высших сословиях нет уже малороссийского духа»⁵⁶. Авторы обзрений малороссийской литературы, полагали, что история, язык и обычаи Малороссии сохранились только в низшем классе ее народа, тогда как все прочие обрусели. А потому «к чему создавать литературу в таком народе, который утратил свою особенность, свою частную физиономию»⁵⁷.

Чрезвычайно большой интерес к украинской проблематике проявлял журнал «Маяк», издаваемый С.А. Бурачеком. В истории журналистики «Маяк» принято относить к одному из самых ультраофи-

циальных изданий второй четверти XIX в.⁵⁸ Между тем, именно на страницах данного издания украинские литераторы, такие как П.П. Гулак-Артемовский, Г.Ф. Квитка, А.А. Корсун, Н.И. Костомаров, А.Л. Метлинский, Т.Г. Шевченко и др., получили возможность регулярно помещать свои произведения и статьи. Мало того, в защиту украинского языка и литературы в «Маяке» выступали его сотрудники К. Сементовский, Н. Тихорский, П. Корсаков и сам С. Бурачек. Известно, что многие украинские авторы, включая Шевченко, приветствовали сотрудничество именно с «Маяком»⁵⁹. Помимо произведений украинских литераторов, на страницах журнала периодически появлялись этнографические материалы не только по Украине, но иногда также и Белоруссии, фактически обойденной в то время вниманием русского общества. Материалы эти касались некоторых особенностей быта малороссийского и белорусского крестьянства, календарной обрядности, фольклора (песни, загадки, гадания, поверья).

В 1843 году в обзоре трагедии Иеремии Галки (псевдоним Н. Костомарова) «Переяславська ніч» сотрудник «Маяка» литератор К. Сементовский достаточно точно обрисовал ситуацию, сложившуюся в России вокруг восприятия малороссийской словесности, сделав особый акцент на позиции журнала в отношении данной проблемы. «Малороссийская письменность, – писал он, – обращает на себя слишком малое внимание наших журналов. В одном, не веря существованию малороссийского языка, доказывают невозможность существования и письменности его в настоящее время; в другом, хотя не соглашаются с подобным мнением, но не решаются высказать собственные мысли вполне, откровенно, ясно и точно, а довольствуются какими-то намеками, общими местами (за которыми, правду сказать, наши журналы привыкли чаще всего скрываться); в третьем, наконец, вовсе молчат о малороссийском языке и письменности его, как будто бы то и другое совершенно чуждо сферы деятельности, не забудьте, русского литературного журнала, где, без сомнения, все касающееся великого отечества нашего должно иметь свое место». В критических выступлениях русских журналистов Сементовский усматривает попытки людей, плохо разбирающихся в малороссийской проблематике, «убить в самом зародыше отрадное возрождение малороссийской письменности, возрождение, в котором они же сами когда-то видели залог таких утешительных надежд!»

Как видим, автор очень точно выразил характерные для конца 1830-х – начала 1840-х годов тенденции изменения отношения к украинскому литературному возрождению в русском обществе. Критикуемым

взглядам К. Сементовский противопоставляет позицию своего журнала: «Потому-то все любители малороссийской народности с радостью увидели, что в последнее время «Маяк» принял под особенное свое покровительство малороссийскую письменность: да и от какого же другого журнала малороссийские литераторы могли ожидать подобной защиты? – какой другой журнал, как не «Маяк», постоянно, в самой строгой точности выполняющий свою программу в духе русского слова, русского благонравия, русских доблестей и народности, мог первый соединить на своих страницах с произведениями литературы русской – произведения и родной, хотя и старшей ее сестры – малороссийской?» (Заметим, что термин «русский» автор употребляет в значении «великорусский»). Благодаря «Маяку» все «увидели малороссийскую прозу и стихотворения, прочли и повести, взятые из малороссийского быта, и разные исторические статьи, касающиеся Малороссии, и, наконец, разборы некоторых книг, писанных на малороссийском языке, о котором кое-кто хоть и отзывался нелестно»⁶⁰. Статья сопровождалась коротким комментарием редактора журнала С.А. Бурачека: «С моей стороны, вполне разделяю разумные суждения критика». Несмотря на общий пафос статьи, во многом с автором можно согласиться, особенно с последним его пассажем, касающемся публикаций в «Маяке» разнообразных материалов касающихся Малороссии.

Ранее уже упоминалось о том, что именно в «Маяке» впервые достаточно регулярно стали появляться материалы, связанные с Беларуссией. Это можно объяснить тем, что, являясь сторонником общерусской концепции, Бурачек уже в то время осознавал всю важность и необходимость попытки обратить внимание русского общества на Западный край. Так, в приписке к письму белорусского литератора Цытовича «Слова два о языке и грамотности Белой Руси» редактор журнала заверял белорусов в полной готовности «Маяка» помещать материалы, касающиеся их края – «умные, прекрасные и необходимые». «Все просвещенные русские, – писал Бурачек, – давно уже поняли необходимость изучения белорусской старины и грамотности: но до сих пор оно оставалось краем непочатым; тогда как он не менее других богат... Дай Бог, чтобы с легкой руки г. Цытовича эта статья послужила добрым почином будущих успехов поэзии, истории и письменности Белой Руси, без которой поэзия, история и письменность всей Руси есть и будет односторонняя и неполная»⁶¹.

Публикации такого характера, посвященные белорусскому языку, являлись скорее исключением из правил. Обращение русский публицистов к белорусским сюжетам в тот период было большой

редкостью. Тем более, в вопросах, связанных с белорусским языком, не вызывавшим особого интереса у русской общественности. В качестве иллюстрации можно привести отзывы периодических изданий на вышедший в 1839 году сборник «Опыты в русской словесности воспитанников гимназий белорусского округа». В «Библиотеке для чтения» утверждалось, что «Опыты» имеют большое значение для жителей западных губерний. Незнание русского языка обрекало юношество Западного края «на жизнь без цели, без будущности, без радости, без славы». Более того, все нравственные страдания Западного края в последнее сорокалетие простирались именно от этого «нестественного» отчуждения. Однако перемены в системе образования в «возвращенных от Польши» губерниях позволили «исторгнуть белорусов из этой бездны, сблизить их, посредством языка, с забытым общим отечеством, воскресив, тем самым их прежний русский патриотизм». Белорусов как членов одного великого семейства призывали «объясниться на семейном языке, слить вместе свои чувства и понятия, и дружно пойти к одной цели»⁶². Во многом сходную позицию занял журнал «Сын Отечества». Язык белорусов определялся как «чуждый», насильственно навязанный, в отличие от «коренного, родного белорусцам» русского языка⁶³. Таким образом, одним из главных условий нормального существования белорусского этноса в империи, по мнению многих русских общественных деятелей, является обязательное знание и употребление русского языка.

Политика «Маяка» в области малороссийского и белорусского языка и литературы была связана с попытками его издателей внести свой вклад в дальнейшую разработку идеологии официальной народности. Примечательно в этом плане, что от «Маяка» всячески открещивались остальные теоретики официальной народности, идейную близость с которыми С.А. Бурачек всегда старался подчеркнуть. М.П. Погодин, О.И. Сенковский, Н.И. Греч и Ф.В. Булгарин, каждый со своих позиций, достаточно остро критиковали отдельные крайности философских, исторических, критико-литературных концепций «Маяка»⁶⁴. Особую позицию столь консервативного издания можно в известной мере объяснить также и тем, что его редакторы были «россиянами» украинского происхождения, сохранившими свои украинские симпатии с детских лет.

Украинская проблематика занимала важное место в длительной полемике между «Маяком» и «Отечественными записками». Два этих журнала находились в постоянном состоянии войны, и украинская литература стала камнем преткновения в споре русских либералов

и консерваторов. В качестве примера так называемой «украинской войны» в российской русской журналистике⁶⁵ можно привести статью А.А. Корсуна, написанную под псевдонимом Антипенко, в которой автор подверг серьезной критике журнал А.А. Краевского за его антиукраинскую направленность⁶⁶. Это было связано с приходом в «Отечественные записки» В.Г. Белинского. С этого момента отношение журнала к украинской литературе сильно изменилось. Именно в вопросах, связанных с отношением к украинской проблематике, один из самых радикальных русских критиков занимал весьма жесткую, бескомпромиссную позицию, во многом схожую с позицией лидеров «реакционной» прессы. А.Н. Пыпин объяснял это тем, что малороссийскую литературу того периода Белинский считал делом народно-романтической прихоти и моды. «В самом деле, — писал Пыпин, — по тогдашним началам трудно было ожидать, чтобы малорусская литература могла быть или стать достоянием и потребностью народа, средством его образования; а малорусской литературы в более широком объеме он не считал возможной...»⁶⁷. По мнению Белинского, в то время, когда высшие классы малороссийского общества, лучшие его таланты, как Гоголь, присоединились к русскому обществу и образованию, было бы напрасной тратой сил стремиться к основанию особой малороссийской литературы. Можно предположить, что, будучи гораздо более дальновидным, чем многие другие критики того времени, Белинский понимал, что дальнейшее развитие украинской литературы может привести к возникновению культурной автономии региона, которая, в свою очередь, чревата серьезными политическими последствиями⁶⁸.

В путевых записках, дневниках и воспоминаниях о пребывании в Малороссии многие представители русской общественности также касались малороссийского языка. По утверждению А.И. Левшина, он происходит от «древнего славянского, но смешан с немецкими, латинскими и польскими, перековерканными словами, отчего делается почти непонятным великороссиянину». Несмотря на то, что в этом языке отсутствуют какие-либо грамматические правила, он «до сего времени составляет язык народа», хотя «некоторые ученые малороссияне употребляют его в сочинениях» (в качестве примера приводилась «Энеида» Котляревского). Левшин рассматривал возможность научной разработки литературного языка, возможность, которая поставила бы малороссию в один ряд с «просвещеннейшими народами Европы». Однако выводы, к которым он приходит, весьма пессимистичны: «Тщетна надежда сия ибо нет побудительных причин

и самая малая возможность к составлению языка из наречия, оставленного почти всеми образованными коренными жителями здешней страны»⁶⁹.

Издатель журнала «Отечественные записки» П.П. Свиньин в своем «Живописном путешествии по России», осуществленном в 1830 году, характеризует малороссийский язык как довольно звучный, находящийся гораздо ближе к церковнославянскому, нежели русский, несмотря на обилие «татарских слов, принятых им». В своих заметках Свиньин попытался очертить ареал распространения малороссийского языка, который, «находясь под влиянием Польши и Литвы, во многих местах, особенно в пограничных, претерпел большое изменение». Колыбелью малороссийского языка издатель «Отечественных записок» называл Полтаву, где язык сохранился в первоначальной чистоте своей и «без посторонней примеси звучит по хуторам и селам. При приближении к Чернигову он заметно начинает портиться, за Черниговым изменяется в литвинский, в Киеве смешивается с польским, а за Киевом совершенно исчезает». Подобно А.И. Левшину, П.П. Свиньин обращает внимание на тот факт, что обороты и фразы, частые междометия и местоимения украинского языка нередко непонятны не только иностранцам, но и самим малороссиянам. Автор объясняет это тем, что «всякий малороссиянин думает, что говорящий с ним непременно должен понимать его». В подтверждение этого он даже приводит случай, когда помещик, желая посоветоваться со своим мужиком в довольно затруднительной ситуации, получает от него ответ на совершенно непонятном языке. По мнению Свиньи́на, лучше всего малороссийский язык, «с малейшими изменениями и оттенками», выразился в народных песнях⁷⁰.

Таким образом, в поле зрения русского общественного мнения в рамках малороссийской тематики находилось несколько вопросов. Пожалуй, центральный из них заключался в отношении к возможности существования малороссийских языка и литературы. В конечном итоге, примерно к началу 1840-х годов большинство касавшихся его, приходит к отрицательному выводу. Малороссийская литература должна «иссякнуть, умереть в архивах». Всякие попытки возродить ее объявляются критиками «бесплодными» и «неосновательными». Малороссийским литераторам указывался другой плодотворный и полезный род занятий в русле умонастроений эпохи романтизма, а именно – изучение и разработка местной истории, фольклора и быта. Не только их, но и читателей со всей России, призывали знакомиться с культурой Малороссии. Можно сделать вывод о том, что

начало 40-х годов XIX в. стало определенным рубежом в развитии дискуссии по украинской тематике в русском обществе.

Источники дают основание говорить о двух разновидностях малороссийского языка: с одной стороны, это язык простого народа, не всегда понятный образованному сословию, а с другой, — зарождающийся литературный язык, который во многом отличался от языка простонародья.

Печатные органы, и в особенности «официозная» пресса, призывали малороссийских литераторов к изучению истории малороссийской народности, обращению к богатому руднику ее преданий и поверий. Богатство и достоинство народной малороссийской литературы или, лучше сказать поэзии, так как, по мнению авторов публикаций, вся малороссийская литература ограничивается почти исключительно одной поэзией, никогда не вызвали сомнения у журналистов. «Вся жизнь малороссийского народа, вся его история выразилась в песнях, так, что полное собрание малороссийских песен составит целый эпос, своего рода «Илиаду», достойную полного и глубокого изучения... Разрабатывайте же для нас эти сокровища, завещанные вам предками; уясняйте минувшие деяния по этим живым поэтическим преданиям старины. Мы скажем вам полное душевное спасибо»⁷¹, — писала в 1841 году «Северная пчела». Подобную позицию можно связать с господствующим в то время периодом романтизма, а также со свойственной ему во всей Европе тенденцией изучения народа.

Остроту дискуссии об украинской литературе и языке можно во многом объяснить, взглянув на нее сквозь призму российских идеологических конфликтов, а именно, полемики между либералами и консерваторами, западниками и славянофилами.

Восприятие русской общественностью малороссийских периодических изданий

В 1820–1830-е годы центром развития малороссийской романтической культуры являлся Харьков с его университетом, основанным в 1805 году. Существенный вклад в собирание народного творчества и этнографическое изучение малороссов внесли М.А. Максимович, И.И. Срезневский, А.Л. Метлинский, О.М. Бодянский и др. Роль Харьковского университета в истории украинской литературы занимает значительное место, так как связана с появлением и развитием украинского романтизма. Харьковские романтики впервые в истории украинской словесности провозгласили принцип народности литературы,

источником и основным условием развития которой является ее связь с фольклором⁷². По инициативе литературных и научных сил Харьковского университета начали выходить журналы и альманахи, издаваться книжки и сборники. Оживление издательской и литературной деятельности было связано с тем обстоятельством, что цензурный устав 1803 года устанавливал правило, гласящее: «Цензура всех печатаемых в губернии книг имеет принадлежать единственно университетам, коль скоро они в округах открыты будут»⁷³. Согласно этому положению, фактически, цензура перешла в руки харьковских коллегий. Университет даже имел свою типографию.

Первым печатным органом в Харькове был «Харьковский еженедельник» (1812), позднее выходили «Харьковские известия» (с 1816 года), «Украинский вестник» (1816–1819), «Харьковский Демокрит» (1816), «Украинский журнал» (1824–1825), «Украинский альманах» (1831), «Утренняя звезда» (1833), «Запорожская старина» (1833–1838), «Сніп» (1841), «Молодик» (1834–1844) и другие. За первое десятилетие существования университета (1805–1815) вышло в свет 210 изданий, из которых 90 работ принадлежало его профессорам, 16 – студентам⁷⁴.

Подобная инициатива находила поддержку русской прессы, на страницах которой регулярно появлялись хвалебные отзывы о деятельности Г. Квитки-Основьяненко, Е.П. Гребенки, М.А. Максимовича, И.П. Котляревского, а также «неутомимого собирателя украинских памятников» И.И. Срезневского⁷⁵.

Как правило, малороссийские издания 1830-х – начала 1840-х годов принимались русским обществом весьма благожелательно. Отчасти это можно объяснить тем фактом, что в большинстве случаев харьковские журналы выходили на русском, и лишь изредка в них появлялись произведения на украинском языке⁷⁶. Так, украинский литературный сборник «Молодик» за 1844 год получил весьма положительный отзыв журнала «Библиотека для чтения» во многом оттого, что «песнопений на малороссийском диалекте» в нем было только два⁷⁷. Но даже впоследствии, когда следующий номер «Молодика» вышел почти целиком на малороссийском, особого протеста у авторов столь консервативного издания это не вызвало. Даже напротив, анонимный критик, рассматривая творчество малороссийских литераторов, писал, что, на его взгляд, для них предпочтительней писать на своем родном языке, ибо, подобно Цезарю, «лучше быть первым у себя в деревне, чем вторым в Риме». Помимо этого журнал констатировал, что подобные издания гораздо более интересны украинским читателям⁷⁸.

«Отечественные записки» также приветствовали выход в свет новых малороссийских изданий, указывая на то, что они должны печатать произведения скорее исторические, чем литературные⁷⁹. В рецензии на практически полностью русскоязычный выпуск «Молодика» в 1843 году Белинский писал: «В Украине есть своя литература; после «Молодика» в этом не остается никакого сомнения... Харьков... сравнительно с другими губернскими городами, есть некоторым образом столица Украины, а следовательно, и столица украинской литературы, украинской прозы, стихов... Боже мой, сколько поэтов на Украине!»⁸⁰

Чрезвычайно высокую оценку получили малороссийские журналы на страницах «Маяка». В своем обзоре альманаха «Сніп», Н. Тихорский приветствовал стремление харьковских литераторов «усовершенствовать, возвысить малороссийскую словесность»⁸¹. П. Корсаков в рецензии на «Киевлянин» М. Максимовича обещал оказывать этому изданию всяческую поддержку «и словом, и делом»⁸².

Здесь следует отметить, что малороссы-укаинофилы поколения, к которому принадлежали М.А. Максимович, А.Л. Метлинский, И.П. Котляревский, Е.П. Гребенка, по мнению А.И. Миллера, в строгом смысле слова националистами не были и не стали ими даже в последующие десятилетия. Так, малороссийский патриотизм профессора, впоследствии ректора Киевского университета Максимовича не находился в непримиримом конфликте с его общерусской идентичностью. До конца жизни он не ставил под сомнение единство Южной и Северной Руси, даже в отдаленной перспективе. Он просто не мыслил националистическими категориями⁸³. В предисловии к «Киевлянину» Максимович указывал на исключительно историко-этнографическую направленность его деятельности: «Исследование и приведение в надлежащую известность всего, что относится к бытию Киева и всей южной Руси – Киевской и Галицкой, составляет особенную и существеннейшую цель “Киевлянина”». Известно, что министр народного просвещения граф С.С. Уваров весьма благожелательно относился к деятельности Максимовича. Так, в 1837 году, будучи в Киеве, Уваров посетил университет, где в это время Максимович выступал с речью «Об участии и значении Киева в общей жизни России». Уваров был так впечатлен ею, что, едва дав оратору закончить, бросился к нему с горячим рукопожатием⁸⁴.

Аналогичным образом можно охарактеризовать деятельность профессора Харьковского и Киевского университетов А.Л. Метлинского. В предисловии к сборнику южно-русских песен, изданному им

в Киеве в 1854 году, он писал: «Я утешился и одушевился мыслью, что всякое наречие или отрасль языка русского, всякое слово и памятник слова есть необходимая часть великого целого, законное достояние всего русского народа, и что изучение и разъяснение их есть начало его общего самопознания, источник его словесного богатства, основание славы и самоуважения, несомненный признак кровного единства и залог святой братской любви между его единоверными и единокровными сынами и племенами»⁸⁵.

Таким образом, ранние «украинофилы» в большинстве случаев не только не противопоставляли украинского начала русскому, но всячески подчеркивали свою общероссийскую принадлежность.

Возникновение в 1840-е годы в среде малороссийской молодежи политических мотивов уже больше связано с Киевом и его новым университетом Св. Владимира, основанным в 1834 году вместо закрытого после польского восстания 1830–1831 годов Виленского университета. В своих стихах середины 1840-х годов Т. Шевченко впервые сформулировал идею воскрешения Украины, ее особой будущности, оказав решающее воздействие на идейное развитие участников Кирилло-Мефодиевского общества⁸⁶. Члены общества – Н.И. Костомаров, П.А. Кулиш и Н.М. Белозерский – стали, наряду с самим Шевченко, тем новым поколением, которое приступило к разработке украинской национальной идеологии.

Однако еще до ареста членов Кирилло-Мефодиевского общества стал очевидным тот факт, что всякие попытки малороссийских ученых и литераторов, связанные с развитием украинского литературного языка, встречают глубокое неприятие и непонимание в русском обществе.

Одним из ярких примеров восприятия русской общественностью проявления малороссийской литературной самобытности может служить реакция ряда журналов на альманах «Ластовка», вышедший в 1841 году в Петербурге. На страницах «Ластовки» печатались повести и рассказы, народные малороссийские песни, поговорки, пословицы, стихотворения и сказки, собранные Е. Гребенкой. В альманахах вошли произведения таких видных украинских литераторов, как Квитка-Основьяненко, И. Котляревский, П. Кулиш, Т. Шевченко, П. Боровиковский, А. Чужбинский и др.

Весьма показателен отзыв на «Ластовку» В. Межевича, помещенный в «Северной пчеле» за 1841 год. В обзоре этой книги журналист подробнейшим образом обосновал невозможность существования малороссийской литературы. «Мы совершенно согласны с мнением тех,

которые думают, что в наше время писать на малороссийском языке значит идти вовсе ложным путем», — так начинает критик свою статью, и далее: «Малороссийская литература, преимущественно, или лучше сказать, исключительно народная, совершила свой круг, так же точно, как и отдельная, самобытная история Малороссии, как и сама жизнь малороссийского народа». Это высказывание хорошо демонстрирует сложившееся в России отношение к украинскому вопросу, мнению об украинском национальном возрождении, стремление к политике унификации. Произведения новейшей малороссийской литературы автор характеризует как «нетвердое повторение задов», плохую переделку старинных песен и сказок или неудачное подражание двум-трем талантливым писателям, появившимся в Малороссии в последнее время, писателям, «которые вовсе не думали *воссоздать* литературы малороссийской, а написали, можно сказать, для шутки несколько повестей и т.п. на малороссийском языке».

Далее Межевич приводит доказательства того, что в Малороссии нет ни одного из условий для создания, развития и процветания собственной литературы. Первое условие всякой литературы — язык. «Но существует ли язык малороссийский?» — спрашивает автор «Северной пчелы». — «Если существует, то где именно? В памятниках старины, в песнях и думах древней Малороссии? Но это язык мертвый, язык отжившего народа; как же вы хотите создать новую свежую, живую литературу на мертвом языке?» Межевич не отрицает использования малороссийского языка «простым народом», однако, по его мнению, «простой народ, plebs, не составляет еще целого народа». Между тем, в настоящее время только он является на Украине хранителем национального языка, притом языка искаженного, утратившего свою чистоту: «Где еще он сыскал себе приют и опору? Есть ли это язык религии, язык правительства, по крайней мере? Какие дела на нем производятся? Какие истины возвещаются? И почему после этого вы не хотите признать языком какого-нибудь наречия суздальского, олонецкого и т.п.?»

Следующее условие существования литературы рецензент видит в жизни, одухотворенной просвещением, стремлением к прогрессу: «Где же это образование? Где же это стремление вперед?» Межевич обвиняет малороссийскую литературу в косности, в неподвижности: «Возьмите все новейшие произведения на малороссийском языке, везде вы увидите одну манеру, одни приемы, одну форму, везде малороссиянин низшего класса, простолюдин с его особенностями материальной жизни, галушками, варениками, вишневкой и т.п.». Вывод

следует весьма жесткий: «На галушках и вишневках литературы создать невозможно ..., что для нас и для вас толку в дурных стихах, да в плохих повестях новейшего изделия, которыми вы так усердно надеваете весьма мало читающую Малороссию? Плохие писания и на русском языке порядочно всем надоели». В заключение автор рекомендует использовать книгу «для домашнего обихода»⁸⁷. Остается добавить, что это была одна из самых резких рецензий в «Северной пчеле» за двадцать первых лет ее существования.

Появление сборника «Ластовка» не осталось без внимания и редактора «Библиотеки для чтения». Продолжая свои рассуждения о малороссийском языке, О. Сенковский утверждал, что авторы сборника, в особенности Г. Основьяненко, используют искусственный язык, который «непохож даже и на малороссийский язык, самый непохожий на русский из всех языков, ни на что не похожих». Далее Сенковский информирует читателей о том, что в Малороссии этот новый литературный язык называют русским, в то время как в Велкороссии он, напротив, почитается чистым малороссийским. Таким образом, по мнению автора рецензии, в книгах, написанных на «неизвестном», «гибридном» языке, который ни один народ не признает своим, нет никакой пользы⁸⁸.

Впрочем, подобный взгляд на малороссийский язык и литературу был характерен не только для консервативно настроенных органов печати. Ранее уже упоминалась позиция В.Г. Белинского, напечатавшего целый ряд рецензий на появлявшиеся тогда публикации на малороссийском. В 1841 году в «Отечественных записках» была опубликована его рецензия на альманах «Ластовка» Е. Гребенки. Свою статью критик начинает с очень серьезного вопроса: «Есть ли на свете малороссийский язык, или это только областное наречие?» По мнению Белинского, украинский язык действительно существовал во времена «самобытности Малороссии» и продолжает существовать теперь в памятниках народной поэзии. Но это еще не означает, что «у малороссиян была литература: народная поэзия еще не составляет литературы». Вследствие разделения сословий при Петре I украинское дворянство, в силу исторической необходимости, восприняло русский язык и русско-европейские обычаи в образе жизни. Это привело к тому, что язык самого народа начал портиться, – и теперь «чистый малороссийский язык» находится преимущественно в одних книгах. «Следовательно, – заключает Белинский, – мы имеем полное право сказать, что теперь уже нет малороссийского языка, а есть областное малороссийское наречие, как есть белорусское, сибирское и

другие, подобные им областные наречия»⁸⁹. На вопрос, «может ли существовать малороссийская литература и должны, и могут ли наши литераторы из малороссиян писать по-малороссийски?» автор также дает отрицательный ответ: малороссийский язык никогда уже не станет литературным языком, ибо «сделался теперь провинциальным и простонародным наречием».

По мнению Белинского, памятники народной поэзии драгоценны, и сохранение их само по себе похвально. Что же касается индивидуального творчества, то позиция критика оставалась прежней: «Поэзия есть идеализирование действительной жизни: чью же жизнь будут идеализировать наши малороссийские поэты? Высшего общества Малороссии? Но жизнь этого общества переросла малороссийский язык, оставшийся в устах одного простого народа, и это общество выражает свои чувства и понятия не на малороссийском, а на русском и даже на французском языках»⁹⁰. Белинский указывает на весьма существенную разницу между «малороссийским наречием» и русским языком. Русский писатель может изобразить в своем романе представителей всех сословий и каждого заставит говорить своим языком: «образованного человека языком образованных людей, купца по-купчески, солдата по-солдатски, мужика по-мужицки». Малороссийское же «наречие» исключительно крестьянское. Поэтому, заключает критик, малороссийские литераторы и поэты пишут только повести на простонародные темы, знакомя читателя с одними Марусями, Одарками, Прокипами, Кандзюбами, Стецьками и тому подобными персонажами. Содержание таких повестей всегда однообразно, а главный интерес их – крестьянская наивность и «наивная прелесть мужицкого говора». Из этого никак не следует, считал Белинский, что в простонародном быте нет поэзии. Однако для этой поэзии нужны «слишком огромные таланты». «Мужицкая жизнь» сама по себе мало интересна для образованного человека, следовательно, необходимо обладать большим дарованием, чтобы идеализировать ее до поэзии. На это, по мнению Белинского, таланта хватило только у Гоголя. Подводя итог, критик восклицал: «Хороша литература, которая только и дышит что простоватостью крестьянского языка и дубоватостью крестьянского ума!»

Можно предположить, что именно в появлении сборника «Ластовка» Белинский усмотрел манифест самостоятельной малороссийской литературы и начал против нее решительную борьбу, высмеивая ее «крестьянский» характер и призывая малороссийских литераторов, последовав примеру Гоголя, писать на русском языке,

указывая на бесперспективность самостоятельного развития малороссийской литературы.

Следует отметить, что далеко не все литераторы разделяли позицию известного критика. Так, «Литературная газета», очень близкая по духу к «Отечественным запискам», в отношении к малороссийской проблематике занимала куда более благожелательную позицию. Периодически она помещала хвалебные статьи Н.А. Некрасова о трудах Г.Ф. Квитки и Е.П. Гребенки. Газета критиковала роман П.А. Кулиша «Михаил Чарнышенко», написанный по-русски, и при этом приветствовала «Ластовку». «Не следует бояться того, что «Ластовка» написана на малороссийском, – призывал обозреватель, – он так близок к русскому, что русским не нужно даже изучать его, чтобы понять»⁹¹.

Тем не менее, украинская общественность весьма болезненно отреагировала на выступления Белинского и многих других русских журналистов против своей литературы. «“Не пишите помалороссийски! Как это смешно!” – только и читаешь в журналах», – писал в 1841 году А. Чужбинский. В письмах к А. Краевскому Г.Ф. Квитка-Основьяненко сообщал о возмущении студентов Харьковского университета, собиравшихся серьезно спорить с Белинским: «Здесь все взбунтовались против Вашего журнала, изменившего суждения свои насчет малороссийской литературы... Трудно уверить десятки миллионов людей, на своем языке говорящих, пишущих, читающих с наслаждением..., уверить их же, что они не имеют его. Зачем же издаются их книги? Требуют второго, третьего издания? Надобно бы противникам нашего языка последить бы на месте появление книжки на малороссийском языке... Мы просили бы рецензентов оставить нас в покое, а заниматься разбором своих... Она (литература. – И.А.) движется и будет жить. Журналы не сотрут ее с лица земли», она «одолеет противников и гонителей»⁹².

Из переписки Г.Ф. Квитки с М.А. Максимовичем и из других источников мы узнаем о том, что в конце 1830-х годов «Отечественные записки» собирались выпускать приложение к журналу под названием «Литературные прибавления на малороссийском языке» с Е. П. Гребенкой в качестве редактора. Издатель журнала А.А. Краевский в письме к Максимовичу признавался: «Звуки поэтической Украины всегда были приятны моему сердцу, в них всегда веяло для меня что-то родное, что-то близкое к русско-идеальному»⁹³. Однако переговоры между Краевским и украинской стороной закончились безрезультатно. В 1839 году Гребенка в письме Квитке сообщал о

том, что «цензура о нашем предположении насчет прибавления к “Отечественным Запискам” не говорит ни то, ни другое. Все как будто чего-то боятся!». «Бог с ними!» – пишет далее Гребенка и делится своими намерениями выйти на самостоятельный путь, издав сборник произведений на малороссийском языке⁹⁴.

Таким образом, изначальная симпатия к малороссийской литературе многих русских любителей всего малороссийского имела литературно-эстетический либо исторический характер. Малороссия рассматривалась как необходимое дополнение Великороссии⁹⁵. Но как только стало ясно, что малороссийская литература совсем не собирается быть «дополнением» русской литературы и культуры, а, напротив, стремится пойти по отдельному, независимому пути развития, отношение полярным образом менялось.

В конечном итоге и реакционеры, и либералы в большинстве своем обнаруживали единодушие в отрицании украинской литературы⁹⁶.

Н.В. Гоголь и Т.Г. Шевченко в русской критике и публицистике

В предыдущих частях отмечалось, что рассуждения об украинском языке, как правило, сопровождалась попытками определить место украинской литературы в общерусской культуре. Вопрос о дальнейших перспективах развития литературы на украинском языке, как мы уже могли убедиться, привлекал внимание многих русских исследователей и литераторов. Хотелось бы отдельно остановиться на реакции в русском обществе на творчество Н.В. Гоголя и Т.Г. Шевченко. Учитывая огромный массив как российских, так и украинских работ, посвященных этим выдающимся литераторам, следует сразу же оговориться, что автор не ставит перед собой задачи изучения их творчества как такового. Его цель – представить наиболее характерные отклики на произведения Гоголя и Шевченко, с помощью которых можно было бы дополнить сделанные выше наблюдения об отношении русской общественности к украинскому языку и литературе, а также о взглядах касательно дальнейшего их развития.

Н.В. Гоголь, наряду с К.Ф. Рылеевым, О.М. Сомовым, Н.А. Марквичем, а позднее и Ф.В. Булгариным, М.П. Погодиным, В.И. Далем и др., являлся одним из создателей своеобразного украинского направления в русской литературе⁹⁷. Окрашенные малороссийской спецификой ранние произведения писателя восторженно принимались московской и петербургской публикой⁹⁸. Показателен тот факт,

что, когда Гоголь прибыл в Петербург, он не собирался писать на малороссийские темы, намереваясь идти дорогой современной литературной моды. Однако некоторое время спустя он уже направлял своим родным письма с просьбами присылать подробные описания малороссийского быта⁹⁹. Этот пример может послужить яркой иллюстрацией настроений в русском обществе.

История отношений Н.В. Гоголя и В.Г. Белинского достаточно основательно изучена как в отечественном, так и в зарубежном литературоведении. Остановимся лишь на нескольких моментах. Известно, что критик очень высоко оценивал творчество Гоголя. При этом Белинский всячески приветствовал обращение писателя к национальной тематике, восхищался его способностью «изображать народность». В статье «О русской повести и повестях Гоголя» в 1835 году Белинский писал: «Как малороссу, г. Гоголю с детства знакома жизнь малороссийская, но народность его поэзии не ограничивается одною Малороссией... Не оставляя своей любимой, своей прекрасной, своей ненаглядной Малороссии, Гоголь пошел искать поэзии в нравах среднего сословия России. И Боже мой, какую глубокую и могучую поэзию нашел он тут! Мы, москаля, и не подозревали ее!.. Я забыл еще об одном достоинстве его произведений: это лиризм, которым проникнуты его описания таких предметов, которыми он увлекается... Описывает ли он красоту своей родной, своей возлюбленной Малороссии – это сын, ласкающийся к обожаемой матери! Помните ли вы описание безбрежных степей днепровских! Какая широкая, размашистая кисть! Какой разгул чувства! Какая роскошь и простота в этом описании! Черт вас возьми, степи, как вы хороши у г. Гоголя!..»¹⁰⁰ При этом великий критик неоднократно подчеркивал, что народность поэзии Гоголя не ограничивается одной Малороссией.

Одним из главных аргументов Белинского в борьбе против литературы на малороссийском языке стал именно тот факт, что Гоголь свои произведения писал по-русски: «Какая глубокая мысль в том, что Гоголь, страстно любя Малороссию, все-таки стал писать по-русски, а не по-малороссийски»¹⁰¹. Произведения Гоголя критик оценивал с точки зрения общечеловеческих ценностей. «В малороссийском быте, – писал он, – Гоголь сумел найти нечто общее и человеческое». И далее: «В его произведениях не одни малороссы, но и русские, и не одни русские, но человек и человечество»¹⁰².

Позднее А.И. Герцен также обращал внимание на украинский характер творчества Гоголя, противопоставляя его русским литературным произведениям на народную тему: «Не будучи по происхождению,

подобно Кольцову, из народа, Гоголь принадлежал к народу по своим вкусам и по складу своего ума. Он больше сочувствовал народной жизни, чем придворной, что естественно со стороны украинца... Рассказы, которыми дебютировал Гоголь, составляют ряд картин украинских нравов и видов истинной красоты, полных веселости, грации, движения и любви. Такие повести невозможны в Великороссии за неимением сюжета, оригинала. У нас народные сцены тотчас принимают мрачный и трагический вид, что угнетает читателя... В этих случаях скорбь превращается в бешеную злобу и отчаяние, а смех – в горькую и злобную иронию»¹⁰³.

Вслед за многими исследователями можно констатировать некий литературно-исторический парадокс: будучи украинцем по происхождению, прекрасно знающим родную культуру и родной язык, Гоголь становится одним из крупнейших русских писателей¹⁰⁴. Вместе с тем, творчество Гоголя сыграло особую роль в русско-украинских культурных связях, знакомя русских с Украиной и ее культурой. Русские журналы 1830-х годов были переполнены восторженными откликами на его ранние произведения. Большинство авторов рецензий ставило раннему Гоголю в заслугу то, что он привнес в русскую литературу красочный образ украинского народа, живописные картины его жизни, его легенды и героическое прошлое, его неповторимый юмор и особенности языка. «Они расцвечены украинскими красками, освещены украинским светом... У него национальный мотив украинского наречия переведен, так сказать, на москальские ноты, не теряя своей оригинальной физиономии... От описаний дышит Украиной», – писал «Телескоп»¹⁰⁵. «Московский Телеграф», в свою очередь, отмечал, что «автор открывает или, лучше сказать, поясняет нам те свойства малороссийского характера, которые бесспорно принадлежат одним малороссиянам»¹⁰⁶. «Северная пчела» в 1831 году, сравнивая произведения Гоголя с произведениями русских писателей, пришла к выводу, что украинцы, в отличие от русских, обладают выразительным национальным обликом, что особенно заметно в повестях Гоголя: «Дух малороссиян обнимает тебя с этакой крепостью и силой, которые могут принадлежать одной только оригинальности... Малороссияне имеют свою особенную физиономию». В противоположность малороссам, у великороссов «элементы собственного русского характера до сих пор остаются неуловимы. По крайней мере, мы не имеем еще ни одного произведения, которое можно было бы поставить в параллель с повестями пасечника Рудаго Панька. Обстоятельство сие заставляет думать, что идея национальной литературы образовалась у нас, как и все, подражательно»¹⁰⁷.

Менее сочувственно, а иногда и вовсе враждебно относились к Гоголю представители малороссийской общественности. «Конечно, – писал Н. Костомаров в «Молодике» за 1844 год, – Гоголь в своих высоких созданиях много выразил из малороссийского быта на прекрасном русском языке; но надобно сознаться: знатоки говорят, что многое то же самое, будь оно на природном языке, было бы лучше»¹⁰⁸. Повести Гоголя на малороссийскую тему впоследствии жестко критиковал П. Кулиш в предисловии к своему историческому роману «Черная Рада» и в «Обзоре украинской литературы», опубликованном в журнале «Основа».

Еще раньше, в 1832 году, в «Сыне Отечества» появилась рецензия Андрия Царинного (псевдоним Я. Стороженко) под названием «Мысли малороссиянина, по прочтении Повестей Пасичника Рудаго-Панька, изданных им в книжке под заглавием Вечера на хуторе близ Диканьки». Свой разбор «Вечеров» Стороженко начинает заявлением, будто Гоголь никак не может являться малороссом: «Панек не наш! Ей ей не наш!... так назвал его москаль, никогда не живший в Малороссии». Следует пояснить, что сразу после выхода в свет «Вечеров на хуторе близ Диканьки» многие не только русские, но и украинские читатели не знали, кто скрывался под псевдонимом. Неоднократно подчеркивая свое малороссийское происхождение и любовь к родному краю, Стороженко указывал, что автор не может относиться к категории «истинных малороссийских писателей» по причине того, что пишет по-русски. Помимо этого, автор рецензии упрекал Гоголя в незнании малороссийских обычаев, манеры разговора, а также многих речевых оборотов. «Зачастую, – читаем у Стороженко, – его выражения ни русские, ни малороссийские»¹⁰⁹.

С появлением «Ревизора» и «Мертвых душ» в значительной мере обозначился конфликт Гоголя уже с русской общественностью. Круг его недоброжелателей постепенно все более расширялся. Теперь противниками были не только те, кто ревностно боролся за чистоту русского языка, но и многие великороссийские патриоты, уязвленные в своем национальном чувстве. По мнению последних, в «Ревизоре» и «Мертвых душах» Гоголь показал Россию столь нелюбезным образом исключительно для контраста с Украиной¹¹⁰.

В «Северной пчеле» в разделе «Русский театр» вышла рецензия В.С. Межевича на постановку «Ревизора» Н.В. Гоголя. Вот что критик пишет о персонажах комедии: «Помещиков автор вытащил из Малороссии. Это настоящая малороссийская или белорусская шляхта, во всей красе... Купцы его не русские люди, а просто жида. Женское

кокетство также не русское. Да и сам городничий не мог бы взять такую волю в великороссийском городке, между служащими и отставными дворянами». Автор статьи упрекает Гоголя в том, что, желая представить русский уездный городок, с его бытом и нравами, тот изобразил городок малороссийский или белорусский: «Незачем было и клепать на Россию», – заключает журналист. Кроме того, по мнению Межевича, Гоголь не умеет писать по-русски, не знает русского просторечья, и его язык «слишком отзывается малороссиянизмом»¹¹¹. Впоследствии художественная проза Гоголя и его последователей была определена как «натуральная школа»¹¹². Впервые Булгарин ввел этот термин в уничтожительном значении в 1846 году¹¹³. Даже после смерти Гоголя издатели «Северной пчелы» продолжали занимать непримиримую позицию в отношении его творчества. В 1852 году в рубрике «Журнальная всякая всячина» Булгарин писал о том, что покойный Гоголь, «которого величают *народным* писателем, величали даже и русским Гомером, не знал вовсе России и правил великороссийского, т.е. общеупотребительного языка»¹¹⁴. Критика творчества Н.В. Гоголя во многом была связана с нападками на малороссийскую среду, из которой, по мнению авторов, Гоголь черпал материал для своих произведений: «Беспоместная малороссийская шляхта, упражняющаяся в ябедничестве, послужила ему (Гоголю. – И.А.) для изображения русского дворянства в Ревизоре, в котором нет ни одной картины, списанной с натуры. Может ли существовать в России город, в котором приняли бы повесу, мальчишку Хлестакова за ревизора?».

Рассуждая о «Мертвых душах», Ф.В. Булгарин также ссылаясь на Малороссию, в частности, говоря о «небывалом городе», созданном Гоголем, и о его обитателях, которых автор «заставил веселиться у губернатора, как веселятся в малороссийских корчмах, т.е. плясать вприсядку и продавать мертвые души»¹¹⁵. В конце статьи Булгарин ставит вопрос о том, «на сколько Гоголь принес пользы русскому языку». В том же самом году Булгарин вновь обращается к творчеству Гоголя. Касаясь народности, редактор «Северной пчелы» выражал сомнение, что ее можно изучать «в Украине». По его мнению, «народность состоит в том, чтобы возбудить в читателе народное чувство, любовь к отечеству, представить образцы, которым каждый должен следовать, и покрыть стыдом то, чего должно избегать!»¹¹⁶ «Стыдно тому, кто бы по «Мертвым душам» и «Ревизору» стал определять русскую народность!» – заключал Булгарин¹¹⁷.

Можно констатировать, что тема малороссийского происхождения Гоголя звучала лейтмотивом в большинстве рецензий на его

произведения. Так, К.С. Аксаков в 1842 году в работе «Несколько слов о поэме Гоголя “Похождения Чичикова или Мертвые души”» утверждал, что именно этот факт в значительной степени способен объяснить явление Гоголя в русской литературе. При этом писатель указывал, что «только пишущи по-русски, может явиться поэт из Малороссии; только русским может и должен явиться он». «Теперь с Гоголем, — писал Аксаков, — обозначился художественный характер Малороссии из ее прекрасных малороссийских песен, ее прекрасного художественного начала». Согласно автору, творчество Гоголя прекрасно демонстрирует взаимодополняемость велико- и малороссов: «Возник, наконец, уже русский гений, когда общая жизнь государства обняла все свои члены и дала ему обнаружиться в колоссальном объеме; новый элемент искусства втек широко в жизнь искусства в России». Именно Гоголь, по мнению Аксакова, привнес в русскую культуру новый, малороссийский элемент, с помощью которого так много выразил и «оправдал» (не в смысле: извинил, но объяснил) Малороссию. На основании именно этого автор делает вывод, что Гоголь — русский, «вполне русский... Вместе с тем элемент малороссийского языка прекрасно внесен Гоголем в наш русский»¹¹⁸.

Со своей стороны, Н.А. Полевой обвинял Гоголя сразу в четырех грехах против русской литературы: в «желании подделаться под малоруссизм», «скудости изобретения», «отступлении от устава вкуса и законов изящного» и «ошибках против правописания»¹¹⁹.

Известно, что Гоголь очень болезненно переживал враждебный прием своих произведений. Так, в письме к Н. Щепкину он писал: «Все против меня. Чиновники пожилые и почтенные кричат, что для меня нет ничего святого, когда я дерзнул так говорить о служащих людях; полицейские против меня; купцы против меня; литераторы против меня... Малейший призрак истины и против тебя восстают, и не один человек, а целые сословия»¹²⁰. В письме к В.А. Жуковскому Гоголь просил: «Найдите случай и средство указать как-нибудь государю на мои повести: “Старосветские помещики” и “Тарас Бульба”. Это две счастливые повести, которые нравились совершенно всем вкусам и всем различным темпераментам»¹²¹. Однако после выхода «Ревизора» и «Мертвых душ» ситуация настолько изменилась, что даже украинские повести Гоголя все чаще стали рассматриваться как противопоставление Малороссии Великороссии. Для того периода нередки высказывания о том, что «Гоголь не любит России». Многие в его поздних произведениях усмотрели стремление автора к «подрыву государственной машины»: «Он зажигатель! Он бунтовщик!»¹²²

Еще более остро стоял вопрос восприятия творчества «одного из самых сильных и характерных явлений украинской литературы»¹²³ – Т.Г. Шевченко. Написанные на украинском языке, уже первые его произведения встретили неоднозначную, зачастую враждебную оценку в русской критике начала 1840-х годов. С одной стороны, большинство критиков обращали внимание на безусловный талант нового украинского поэта, приветствовали его обращение к «элементам народной поэзии юга нашего отечества»¹²⁴. С другой стороны, написанные на украинском языке, стихи Шевченко, встречали искреннее недоумение и даже неприятие.

В качестве примера можно привести несколько рецензий на первый сборник стихов Шевченко «Кобзарь», вышедший в Петербурге в 1840 году. «Отечественные записки» в целом весьма благосклонно приняли «Кобзаря». В своем отклике неизвестный автор обратил внимание на «полное одобрение» русской критикой новой книги. Он указывал, что «стихотворения г-на Шевченко ближе всего подходят к так называемым народным песнопениям: они так безыскусственны, что вы их легко примите за народные песнопения и легенды малороссиян: это одно уже много говорит в их пользу».

Обращаясь к малороссийскому языку, на котором написаны стихи, критик задается вопросом: «Но зачем же г. Шевченко пишет на малороссийском, а не на русском языке? Если он имеет поэтическую душу, почему не передает ее ощущений на русском?» Ответ облекся в форму риторического вопроса: «А если г. Шевченко вырос в Малороссии, если его поставила судьба в такое отношение к языку, на котором мы пишем и изъясняемся, что он не может выразить на нем своих чувств? Если с младенчества его представления одевались в формы южного наречия, то неужели для этого должно зарывать талант в землю? Неужели должно заглушить в душе святые звуки, потому только, что несколько человек в модных фраках не поймет этих звуков, не поймет или не захочет понять родного отголоска славянского языка, отголоска, летящего с юга, из колыбели славы и религии России...» Помимо этого, в рецензии указывалось на безусловную пользу, которую принесут книги, написанные по-малороссийски, например, «Лысты до землякив» Основьяненко, или «Приказки» Гребенки «южно-русским простолюдинам-читателям»¹²⁵.

Очень скоро, однако, «Отечественные записки» кардинально изменили свою позицию. Как уже ранее указывалось, во многом на это повлияло обращение к украинской теме В.Г. Белинского. В своем отзыве на поэму Шевченко «Гайдамаки» Белинский поставил под сомнение не

только талант поэта, но и пользу от подобных сочинений. По мнению критика, новейшие произведения «так называемой малороссийской литературы» издаются «только для услаждения и назидания самих авторов: другой публики у них, кажется, нет». «Если же господа кобзари думают своими поэмами принести пользу низшему классу своих соотчичей, то в этом очень ошибаются», – писал Белинский. Критик указывал на то, что произведения современных малороссийских литераторов, «несмотря на обилие самых вульгарных и площадных слов и выражений», часто «нисколько не народны». Тот факт, что подобные произведения подкрепляются ссылками на историю, песни и предания, по мнению Белинского, напротив, «делает их непонятными простому народу» и «не имеет в себе ничего с ним симпатизирующего». Шевченко и всем остальным малороссийским литераторам критик советует «отбросить всякое притязание на титул поэта» и рассказывать народу простым, понятным ему языком «о разных полезных предметах гражданского и семейного быта»¹²⁶.

Ранее уже отмечалось, что в отношении к украинской проблематике В.Г. Белинский, один из ведущих российских либералов, занимал весьма жесткую позицию, во многом созвучную складывающемуся в этой области правительственному курсу. Так, свое мнение о слухах по поводу раскрытия Кирилло-Мефодиевского общества, Белинский в начале декабря 1847 года выразил в письме к П.В. Анненкову, в котором с особенной враждебностью отозвался об отданном в солдаты Шевченко: «Мне не жаль его, если бы я был его судьей, я сделал бы не меньше. Я питаю особую неприязнь к таким либералам». Об обществе в целом Белинский писал: «Ох мне эти хохлы! Ведь бараны – а либеральничают во имя галушек и вареников с свиным салом! И вот теперь писать ничего нельзя – все марают. А с другой стороны, как и жаловаться на правительство? Какое же правительство позволит печатно проповедовать отторжение от него области?»¹²⁷ Как видим, в указанном вопросе Белинский мыслил и руководствовался имперскими интересами.

Подобную позицию в той или иной степени занимало большинство русских критиков, касавшихся творчества Шевченко и других украинских литераторов, в первую очередь, с точки зрения их вклада в общерусскую культуру, ее обогащения. И в этой перспективе использование русского языка становилось обязательным условием.

Характерна в этом отношении помещенная в «Северной пчеле» в 1840 году рецензия неизвестного автора на «Кобзаря». Заметка начиналась словами: «Признаемся, грустно смотреть на литературу

тех славянских наречий, которые должны, по воле судеб иссякнуть в производителях, умереть в архивах, потеряв даже самые слова и звуки, которыми они облакались». Автор сожалеет, что на «этих наречиях» пишут люди, произведения которых могли бы украсить русскую литературу. К последней применяются эпитеты «главная», «первенствующая», «всепоглощающая». При этом достоинство таланта Шевченко не умаляется – ему советуют «рассказывать свои прекрасные ощущения по-русски: тогда бы цветки его, как называет он стихи свои, были бы роскошнее, душистее, а главное – прочнее»¹²⁸.

Близкую позицию занимали «Сын Отечества» и «Библиотека для чтения». В своем отзыве на «Кобзаря» Н.А. Полевой определил современную малороссийскую поэзию как нечто «искусственное», применив к ней такие эпитеты, как «шалость» и «прихоть». «Мы, признаемся, не понимаем: как можно людям с дарованием заниматься такими пустяками?» – вопрошал Полевой. По мнению критика, писать малороссийские стихи так же бессмысленно, как и «учиться играть на варгане, либо на балалайке». Полевой приходит к выводу, аналогичному с мнением авторов «Северной пчелы»: «...Жаль видеть г-на Шевченко, когда он уродует мысль и русский язык, подделываясь под хохляцкий лад! У него есть душа, есть чувство, и его русские стихи, вероятно, могли бы прибавить долю хорошего в нашу русскую поэзию»¹²⁹.

В то же время журнал «Маяк» оказывал на своих страницах произведениям Шевченко всяческую поддержку. В 1842 году в журнале вышла большая статья Н. Тихорского, посвященная обзору новой поэмы Шевченко «Гайдамаки». Критик обращает внимание читателей на народный характер произведения, а также на особенную певучесть малороссийской народной поэзии. Появление «Гайдамаков» Тихорский рассматривает как определенную веху в развитии малороссийской литературы и сожалеет, что русские читатели не смогут многого понять по причине незнания малороссийского языка. Автор рецензии, сам малоросс, специально даже перевел на русский несколько наиболее характерных отрывков из произведения. Немало говорится в рецензии и о достоинствах самого поэта. Тихорский призывает Шевченко стать новым «Рафаэлем» малороссийской поэзии, ибо «много было званых, и пока еще – ни одного избранного!» Статью завершает напечатанное на украинском языке обращение журнала ко всем малороссийским литераторам: «Братјки, голубчики – послухайтесь добрых совјтив: геть-јх, Москалив, и з их теоріями! Спјвайте, та спјвайте так, щоб, письменним, дрюкованним було завидно, а добрј, разумнј Москалј почали учиться нашему языку!»¹³⁰ Как видим, в пер-

вой половине 1840-х годов, вплоть до закрытия журнала в 1845 году позиция «Маяка» в плане отношения к украинской проблематике оставалась во многом уникальной для русской журналистики.

Приведенные материалы являются еще одним подтверждением сделанных ранее выводов о сложившихся во второй четверти XIX в. взглядах на место украинского языка и литературы в общерусской культуре. Обращение в данном параграфе к наиболее характерным отзывам на произведения столь разных, но, безусловно, знаковых не только для русской и украинской, но и для мировой культуры литераторов, как Н.В. Гоголь и Т.Г. Шевченко, не случайно. Уже само использование ими языка, в одном случае русского, в другом украинского, во многом обусловило определенное отношение в русском обществе не только к их творчеству, но зачастую и ко всей украинской литературе. Для Гоголя малороссийская специфика была лишь внешней оболочкой, одним из средств достижения целей, а цели он ставил перед собой высокие, общечеловеческие, универсальные¹³¹. Ясно, что на пути к ним украинский язык творчества в тех условиях оказался бы непреодолимым барьером. В этом отдавал себе отчет не один Н. Гоголь. Неслучайно многие украинские писатели – Г. Квитка-Основьяненко, Е. Гребенка, Т. Шевченко, Н. Костомаров, П. Кулиш, А. Стороженко, ученые и публицисты М. Максимович, О. Бодянский – пользовались двумя языками; известно, что Шевченко даже свой дневник писал по-русски¹³². Необходимо еще раз обратить внимание на тот факт, что 30-е – начало 40-х годов XIX в. явились своеобразным переходным периодом в формировании имперской идеологии. Дальнейшее уточнение и развитие представлений об «официальной народности» в значительной мере связано с реакцией правительства на разработку общественной мыслью славянофильских и украинофильских концепций¹³³. Материалы по делу Кирилло-Мефодиевского общества хорошо демонстрируют сложившиеся в высших правительственных сферах во второй половине 1840-х годов новые идеологические установки. Новые веяния очень быстро отразились и в реакции общественного мнения на украинскую проблематику. Произведения украинских авторов все чаще стали подвергаться критике, связанной в первую очередь с нежеланием многих русских общественных деятелей воспринимать художественную литературу, написанную на малороссийском языке. Примером этому является большинство рецензий 1840-х годов на произведения Шевченко. В отношении Гоголя следует отметить, что, несмотря на русскоязычность творчества, при обращении автора в поздних произведениях к изображению великорусских реалий, его украинское происхождение сыграло с ним злую шутку.

Следует отметить, что, несмотря на то, что полемика относительно самой возможности существования «высокой литературы» на украинском языке не прекращалась на протяжении всего XIX века, в разные периоды она приобретала различные оттенки. Уже первые шаги по либерализации режима в начале царствования Александра II затронули положение сторонников украинского национального движения. Это выразилось и в восстановлении в правах репрессированных членов Кирилло-Мефодиевского общества, и в уменьшении бдительности властей к украинофильству, а также в начавшемся периоде гласности. Подобные изменения нередко приводили к изменению в русском обществе прежних взглядов на украинскую проблематику или, по крайней мере, делали эту дискуссию более разносторонней. Для следующего примера нам придется несколько расширить хронологические рамки очерка и привести отзыв «Отечественных записок» на «Кобзарь» Т. Шевченко, вновь изданный в 1860 году. В 1860-е годы «Отечественные записки» заняли совершенно противоположную Белинскому позицию в отношении украинского языка и литературы. В рецензии на новое издание «Кобзаря» дается не только высокая оценка поэзии Шевченко («Шевченко принадлежит к первоклассным поэтам славянского мира. Его место рядом с Мицкевичем и Пушкиным»), но и критикуются прежние взгляды, высказанные в первую очередь Белинским в 1830–1840-е годы. Уже в самом начале обзора читаем: «Некогда появление малороссийской книжки возбуждало в нашей критике охоту к нравоучениям, имевшим целью вразумить пишущих и убедить их, чтобы они не тратили времени и способностей на переряживание в мужицкую свитку и усвоение необразованной речи грубых плугарей и свинопасов с грязными руками и в заплатанных чоботах... В те времена нам случалось не раз спорить против многих, которые никак не хотели и слышать, чтоб малороссийский язык мог быть языком... Писать на провинциальном наречии! Это и смешно, пошло... Несмотря на то, что много лет ученые критики судили и пересуживали, нужно ли писать по-малороссийски, и наклонялись к отрицанию, один за другим являлись малороссийские писатели; стремление, называемое критиками капризом, возрастало, несмотря на всевозможные препятствия...» Приведенные цитаты являются прямо противоположными взглядам Белинского на украинскую литературу. Не называя фамилии Белинского, автор рецензии, как видим, ведет с ним полемику. Любопытно, что в данном обзоре критикуется также взгляд Белинского на Гоголя. Белинский указывал на прогрессивное значение того, что Гоголь писал на русском,

благодаря чему стал великим писателем. Взгляды автора рецензии полностью противоположны и направлены на то, чтобы подчеркнуть то влияние, которое оказала на талант Гоголя южнорусская стихия. При этом по мнению критика: «Это влияние видно не в тех сочинениях, которые заимствованы из украинского быта, сочинениях, которые слабее других. Если где Гоголь является вполне малороссиянином, то в произведениях, которые относятся к быту великорусского общества». Сравнивая Гоголя и Шевченко, автор приходит к следующему выводу: «Если Гоголь напоминает собою запорожца, то Шевченко является олицетворенною душою малороссийского селянина... Если Гоголь употребил малороссийскую натуру для того, чтобы показать русскому обществу безотрадную его пустоту, от которой приходится бежать в монастырь, то Шевченко, вводя нас в свежий неиспорченный мир простого народа, содержащий в себе начатки нравственно-благородные и ожидающего лучших условий, чтобы проявить себя, Шевченко тем самым является после Гоголя поэтом-утешителем». В отзыве 1860 года отмечается большой вклад Шевченко в развитие украинского литературного языка: «Речь малороссийская, до того времени или служившая предметом насмешки и доставлявшая интерес для пародий Котляревского и Артемовского-Гулака, или впадавшая в чопорную книжность..., у Шевченко приняла такое течение, которое естественно, не отступает от усвоенного народом способа, но вместе с тем, не чуждо современных идей образованного человека»¹³⁴.

Данная рецензия свидетельствует о том, что в русском обществе третьей четверти XIX в. крепнет точка зрения, принимавшая украинское литературное пробуждение за свершившийся факт.

Таким образом, один из главных вопросов, находившихся в поле зрения русского общественного мнения в связи с украинской проблематикой, заключался в отношении к возможности существования украинского языка и литературы. Рассуждения о языке имели прямую связь с оценками литературы, на нем написанной. Полемика относительно самой возможности существования «высокой литературы» на украинском языке не прекращалась на протяжении всего XIX в.

В конечном итоге примерно к началу 1840-х годов большинство русских участников обсуждения приходит к отрицательному выводу на сей счет. Малороссийская литература должна «иссякнуть, умереть в архивах». Всякие попытки возродить ее объявляются критиками «бесплодными» и «неосновательными». Украинским литераторам указывался другой плодотворный и полезный род занятий в русле

эпохи романтизма, а именно – изучение и разработка местной истории, фольклора и быта. Не только малороссийских авторов, но и читателей всей России периодические издания призывают знакомиться с культурой Малороссии.

Печатные органы, и в особенности «официозная» или реакционная пресса, выступавшая популяризатором и, в значительной степени, разработчиком правительственного курса в русле пропаганды «благонамеренных патриотических воззрений», проповеди преданности престолу, охранительной морали, «теории официальной народности», призывали украинских литераторов к изучению истории малороссийской народности, обращению к богатому руднику ее преданий и поверий. Богатство и достоинство народной малороссийской литературы, или, лучше сказать поэзии, так как, по мнению большинства авторов, вся малороссийская литература ограничивается почти исключительно одной поэзией, никогда не вызывали сомнения у журналистов. Подобную позицию можно связать с господствующим в то время периодом романтизма, а также со свойственной ему во всей Европе тенденцией изучения народа.

При обращении к украинскому языку русские исследователи часто расходились во мнениях о степени его понятности великорусу. Уже в 1840-е годы большинство из них выступает с ярко негативной оценкой украинского языка, призывая украинских литераторов писать по-русски.

Помимо этого, всю остроту дискуссии об украинской литературе и языке можно во многом объяснить, взглянув на нее сквозь призму русских идеологических конфликтов (прежде всего, полемики между либералами и консерваторами, западниками и славянофилами). Тем не менее, следует отметить, что, с другой стороны, полемика вокруг украинской темы часто находилась за рамками русских общественных движений. В большинстве своем и консерваторы, и либералы, и радикалы-прогрессисты были единодушны в своем отрицании украинской литературы. Тем не менее, следует учитывать, что в обозначенный период данная тема для русского общества была столь нова, что сторонники различных общественно-политических течений еще не успели определить к ней своего отношения.

Применительно к первой половине 1840-х годов этот вывод можно отнести и к правительственным сферам. На это указывает в частности подробное изучение «Журнала министерства народного просвещения», который никак не участвовал в полемике вокруг украинской проблематики.

Идея «комплементарности» белорусов, малорусов и великорусов во многом связана проектом «большой русской нации». После объединения в рамках Российской империи трех восточнославянских народов возникают определенные предпосылки для складывания восточнославянского суперэтноса. Будучи этнической концепцией и проводя четкую грань между русскими и другими народами империи, проект «большой русской нации» в то же время отрицал качественный характер этнических различий между великороссами, малороссами и белорусами, включая всех их в единую этническую общность. Проект «большой русской нации» не может рассматриваться исключительно как продукт деятельности административного аппарата самодержавной России. Концепция пользовалась широким признанием образованного общества и разделялась большинством ученых того времени (тезис о воссоединении народов и собирании русских земель задавал известную направленность работе исследователей).

В этом ключе идея о взаимной дополняемости малорусов и великорусов постоянно выходила на первый план. В истории и характерах Южной Руси искали те романтические краски и мотивы, которых не хватало в истории Руси Московской.

Малороссийский язык многие исследователи рассматривали как «пособие русского языка», а «литературную Малороссию» – как отчаянную надежду, утешительный залог, обетованную землю, где произрастает русское искусство во всем блеске неподдельности, во всей полноте своей!

Таким образом, отношение русского общественного мнения к Украине было далеко неоднозначным. В России первой половины XIX в. малороссийские сюжеты вызвали интерес и симпатию. Но это были симпатия и заинтересованность по отношению к одной из частей русской земли и русского народа. Литературные опыты на «малороссийском наречии», отражавшие специфику местной жизни и наполненные этническим колоритом, вызвали благожелательный интерес в Петербурге и Москве как часть русской литературы. Однако любые попытки трактовать это наречие как отдельный от русского самостоятельный литературный язык были для сторонников концепции большой русской нации неприемлемы.

Во взглядах русских исследователей на специфику украинской культуры можно отметить некую парадоксальность. С одной стороны отмечалась ее древность и богатое наследие, с другой же – ее провинциальность и отсталость в сравнении с великорусской. Из России на Южную Русь смотрели не без некоего «любования», как на край,

который, хотя «во многом и отличается от Великой России», но все же является «сыном одной матери Славянской и подданным одного царя русского, православного». С другой стороны, в ней видели край чуждый и отсталый. Большинство путевых записок, мемуаров, а также наблюдений русских исследователей Украины проникнуты превосходством столичного жителя над провинциалом. Многие наблюдатели малороссийских реалий отмечали некую культурную отсталость украинцев, их косность и отсутствие любознательности.

С другой стороны, существовала противоположная точка зрения, основанная на представлении о весьма высоком уровне просвещения на Украине в прежнее время. Сторонники этой точки зрения, помимо прилежания и способности украинцев к наукам, обращали внимание также на их заслуги перед российским Отечеством в деле образования в XVII–XVIII вв. Авторы подчеркивали преемственность русской культуры от культуры Киевской Руси, высокий уровень ее образованности (Стефан Яворский и Феофан Прокопович), во многом способствовавший просвещению России «при введении европейского просвещения» во времена Петра Великого.

Исследования русских ученых по украинской этнической истории не носили еще в первой половине XIX в. определенного систематического характера. Тем не менее, можно выделить ряд вопросов определенно интересовавших авторов. Первый, и, пожалуй, самый главный заключался в стремлении по возможности представить историю Украины как часть общерусской истории, истории одного народа. По мнению некоторых исследователей, история Российского государства должна начинаться с истории Малой России. Киев – «мать городов русских», место обретения православной веры и государственности являлся некоей идеологической основой для России, в частности в борьбе с польским движением. Помимо этого, в первой половине XIX в., овеянной духом романтизма, казачество и его фольклор становятся объектом живого интереса исследователей.

Формирование культуры и самосознания украинцев происходило в обстановке борьбы между польским и русским влиянием. При этом, по мнению многих исследователей, для русской культуры эпохи романтизма украинская тема была менее важна, чем для польской. Укратиофильство в польском случае выступало как любовь к краю, бывшему когда-то частью Речи Посполитой. Украинская специфика трактовалась либо просто как региональная, либо как этническая, но не исключая Украину из польского мира. Стремление усилить влияние русской культуры на украинский народ, как видно из источ-

ников, нередко приводило ко всякому отрицанию какой-либо малороссийской самобытности.

Следует отметить, что вопрос отношения и определения украинского языка стоял весьма остро на протяжении всего XIX в. и начала XX в. Это нашло отражение и в политике российских властей (вспомним, например, валуевский циркуляр). Вопрос об украинском языке рассматривался в начале XX в. на уровне Академии наук.

Особое внимание следует обратить на периодизацию. 1830-е годы явились своеобразным переходным периодом в развитии теории официальной народности. Именно в это время начинается разработка проекта «большой русской нации». В 1830-е годы в сознании правителей и русской элиты вопрос об образе нации, которая занимала бы ядро империи, и месте, которое принадлежало бы в нем Украине, оставался открытым. Развернувшаяся дискуссия по украинской проблематике продолжалась весь XIX в.

Примечания

¹ Михутина И. В. Украинский вопрос в России (конец XIX начало XX в.) М., 2003. С. 12.

² Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 55.

³ О Кирилло-Мефодиевском обществе и идеологии его членов см.: Зайончковский П.А. Кирилло-Мефодиевское общество (1846–1847). М., 1959.

⁴ Досталь М.Ю. Славистика в «Северной пчеле» в 40-е годы XIX века. Балканские исследования. М., 1992. Выпуск 16. С. 189.

⁵ George S.N. Luckyj. Between Gogols and Sevcenko. Polarity in the literary Ukraine: 1798–1847. München, Wilheem Fink Verl., 1971. P. 74.

⁶ Рейтблат А.И. Видок Фиглярин. Письма и агентурные заметки Ф.В. Булгарина в III отделение. М., 1998. С. 12.

⁷ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1979. Т. 9. С. 688.

⁸ Русские писатели XIX в. М., 1996. С. 230.

⁹ Русская периодическая печать 1702–1894. М., 1959. С. 291.

¹⁰ Досталь М.Ю. Об элементах романтизма... С. 18.

¹¹ «Маяк». 1841. Т. 5. С. 20.

¹² Там же.

¹³ Досталь М.Ю. Об элементах романтизма в русском славяноведении второй трети XIX в. (по материалам периодики) // Славяноведение и балканистика в отечественной и зарубежной историографии. М., 1990. С. 20.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Русская периодическая печать 1702–1894... С. 277.

- 16 Русские писатели XIX в... С. 348.
- 17 Русская периодическая печать 1702–1894... С. 165.
- 18 Славяноведение в дореволюционной России. М., 1979. С. 180.
- 19 Русская периодическая печать 1702–1894... С. 274.
- 20 Там же. С. 279.
- 21 *Грушевский М.С.* Очерк истории украинского народа. СПб., 1904. С. 345.
- 22 Там же.
- 23 *Миллер А.И.* Указ. соч. С. 53.
- 24 Северная пчела. 1839. № 32.
- 25 *Барабаш Ю.* Почва и Судьба. Гоголь и украинская литература: у истоков. М., 1995. С. 47.
- 26 *Барабаш Ю.* Указ. соч. С. 66.
- 27 Северная пчела. 1851. № 25.
- 28 *Ульянов Н. И.* Происхождение украинского сепаратизма. М., 1996. С. 143–144.
- 29 Северная пчела. 1834. № 248.
- 30 Северная пчела. 1835. №№ 17 и 18.
- 31 Северная пчела. 1835. № 17.
- 32 Северная пчела. 1835. № 18.
- 33 *George S. N. Luckyj.* Op. cit. P. 70.
- 34 Отечественные записки. 1839. Т. 3. С. 43–49.
- 35 Отечественные записки. 1839. Т. 3. С. 43–49.
- 36 См.: Горизонтов Л. Е. «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001. С. 136.
- 37 *George S. N. Luckyj.* Op. cit. P. 71
- 38 Вестник Европы. 1827. № 12. С. 273.
- 39 Вестник Европы. 1827. № 20. С. 286–287.
- 40 Телескоп. 1836. № 2. С. 247.
- 41 Телескоп. 1831. № 18. С. 106.
- 42 Прим. автора.
- 43 Сын Отечества. 1839. Т. 8. С. 150–151.
- 44 Сын Отечества. 1839. Т. 9. С. 141–142
- 45 Там же.
- 46 Библиотека для чтения. 1839. Т. 34. С. 26–28.
- 47 Северная пчела. 1834. № 248.
- 48 Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. Т. 3. М., 1994. С. 562.
- 49 Там же.
- 50 Северная пчела. 1834. № 248.
- 51 Северная пчела. 1846. № 10.
- 52 *Рейтблат А.И.* Указ. соч. С. 134.

- ⁵³ Северная пчела. 1852. № 22.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Северная пчела. 1841. № 143.
- ⁵⁶ Северная пчела 1834. № 248.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ См.: *Досталь М.Ю.* Об элементах романтизма в русском славяноведении ... С. 17–56.
- ⁵⁹ *George S. N. Luckyj.* Op. cit. P. 73.
- ⁶⁰ Маяк. 1843. Т. 12. С. 42–43.
- ⁶¹ Маяк. 1843. Т. 9. С. 39.
- ⁶² Библиотека для чтения. 1839. Т. 36. С. 2–4
- ⁶³ Сын Отечества. 1839. Т. 10. С. 43.
- ⁶⁴ *Досталь М.Ю.* Об элементах романтизма в русском славяноведении... С. 21.
- ⁶⁵ *Голубенко П.* Україна і Росія у світлі культурних взаємин. Київ, 1993. С. 334.
- ⁶⁶ Маяк. 1842. Т. 6. 55–56.
- ⁶⁷ *Пыпин А.Н.* характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов. СПб., 1909. С. 464–465.
- ⁶⁸ Подробнее о взглядах Белинского см. следующий очерк.
- ⁶⁹ *Левшин А.И.* Письма из Малороссии. Харьков, 1816. С. 78.
- ⁷⁰ Отечественные записки. 1830. № 120. С. 31–37.
- ⁷¹ Северная пчела. 1841. № 143.
- ⁷² *Досталь М.Ю.* И.И. Срезневский // Белоруссия и Украина: История и культура. М., 2003. С. 171.
- ⁷³ *Голубенко П.* Указ. соч. С. 162.
- ⁷⁴ Там же. С. 163.
- ⁷⁵ Сын Отечества. 1839. Т. 9. С. 141.
- ⁷⁶ *Ульянов Н.И.* Указ. соч. С. 141.
- ⁷⁷ Библиотека для чтения. 1844. Т. 64. С. 19.
- ⁷⁸ Библиотека для чтения. 1844. Т. 62. С. 13–16.
- ⁷⁹ Отечественные записки. 1840. Т. 13. С. 17.
- ⁸⁰ *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 7. С. 280–282.
- ⁸¹ Маяк. 1842. Т. 5. С. 1.
- ⁸² Маяк. 1840. Т. 15. С. 209.
- ⁸³ См.: *Миллер А.И.* Указ. соч.
- ⁸⁴ *Пыпин А.Н.* История русской этнографии. СПб., 1891. Т. III. С. 20.
- ⁸⁵ Цит. по: *Ульянов Н.И.* Указ. соч. С. 143.
- ⁸⁶ *Миллер А.И.* Указ. соч. С. 55.
- ⁸⁷ Северная пчела. 1841. № 143.
- ⁸⁸ Библиотека для чтения. 1841. Т. 48. С. 43–45.
- ⁸⁹ Отечественные записки. 1841. Т. 16. № 6. С. 32–33.

- ⁹⁰ Там же. С. 34.
- ⁹¹ Литературная газета. 1840. № 36.
- ⁹² Голубенко П. Указ. соч. С. 334
- ⁹³ Цит. по: *Филлипович П. П.* Забуті рецензії сорокових років на Шевченкові твори // Україна. 1930. № 3–4. С. 76–77.
- ⁹⁴ Там же. С. 26.
- ⁹⁵ См.: *Каппелер А.* Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии российской империи // Россия – Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 125–144.
- ⁹⁶ *George S.N. Luskj.* Op. cit. P. 75.
- ⁹⁷ Голубенко П. Указ. соч. С. 244–245.
- ⁹⁸ См. *Барабаш Ю.* Указ. соч.
- ⁹⁹ *Ульянов Н.И.* Указ. соч. С. 144.
- ¹⁰⁰ Телескоп. 1835. Ч. 26. С. 592.
- ¹⁰¹ *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. М., 1979. Т. 4. С. 418.
- ¹⁰² Там же.
- ¹⁰³ Н.В. Гоголь в русской критике и воспоминаниях современников. М.–Л., 1951. С. 173.
- ¹⁰⁴ Русско-украинские литературные связи. М., 1951. С. 13.
- ¹⁰⁵ Телескоп. 1835. Ч. 26. С. 576.
- ¹⁰⁶ Московский Телеграф. 1832. Ч. 44.
- ¹⁰⁷ Северная пчела. 1831. № 219.
- ¹⁰⁸ Цит. по: *Петров Н.И.* Очерки истории Украинской литературы XIX столетия. Киев, 1884. С. 189.
- ¹⁰⁹ Сын Отечества. 1832. Т. 25. С. 43–46, 115–162.
- ¹¹⁰ См.: Н.В. Гоголь в русской критике и воспоминаниях современников...; см. также: *Барабаш Ю.* Указ. соч.
- ¹¹¹ Северная пчела. 1836. № 97–98.
- ¹¹² *Золотуский И.* Неистовый Фиглярин. Новый мир. 1996. № 2. С. 201.
- ¹¹³ Северная пчела. 1846. № 27.
- ¹¹⁴ Северная пчела. 1852. № 87.
- ¹¹⁵ Там же.
- ¹¹⁶ Северная пчела. 1852. № 99.
- ¹¹⁷ Там же.
- ¹¹⁸ *Аксаков К.С., Аксаков И.С.* Литературная критика. М., 1981. С. 149–150.
- ¹¹⁹ Цит. по: *Голубенко П.* Указ. соч. С. 258.
- ¹²⁰ *Вересаев В.* Гоголь в жизни. М., 1933. С. 163.
- ¹²¹ Там же. С. 164.
- ¹²² Там же. С. 164–165.

- ¹²³ *Пытин А.Н. Спасович В.Д.* Обзор истории славянских литератур. СПб., 1865. С. 197
- ¹²⁴ Отечественные записки. 1840. Т. 10. С. 24.
- ¹²⁵ Отечественные записки. 1840. Т. 10. С. 23–25.
- ¹²⁶ Отечественные записки. 1842. Т. 22. С. 12–13.
- ¹²⁷ *Белинский В.Г.* Письма. СПб., 1914. С. 318.
- ¹²⁸ Северная пчела. 1840. № 101.
- ¹²⁹ Сын Отечества. 1840. Т. 2. С. 837.
- ¹³⁰ Маяк. 1842. Т. 4. С. 87–106.
- ¹³¹ *Барабаш Ю.* Указ. соч. С. 78.
- ¹³² Там же.
- ¹³³ См.: *Горизонтов Л.Е.* Указ. соч.
- ¹³⁴ Отечественные записки. 1860. Т. 3. С. 44–50.

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ
ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ
И ПОЛЕМИКИ О СТАТУСЕ
МАЛОРОССИЙСКОГО ЯЗЫКА В
ЛИТЕРАТУРНОЙ И НАУЧНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ XIX ВЕКА**

Начиная с античности описания различных народов включали изображение как специфических черт их внешнего облика, особенностей характера (нрава), так и отличительных свойств «материальной» и «духовной» культуры. Нарративное иллюстрирование природного разнообразия постепенно обрело фиксированные традицией формы и оценки. Наблюдения и описания Других стали не только важным и обязательным инструментом познания человеческих сообществ, но и способом освоения географического и политического пространства. Однако последовательность и, главное, – интенция – оставались неизменными со времен Геродота: в их основе лежал так называемый псевдо-etic подход к иной культуре, когда она является объектом сравнения с собственной, и не интересует наблюдателя сама по себе, интрити¹, поэтому его взгляд вычлняет из действительности те элементы, которые определяются как похожие на «свои» и те, которые квалифицируются в качестве отличных. Эти описания не были построены по строгим схемам, они лишь фиксировали области максимального или минимального расхождения между «иным» и «своим».

Поэтому в каждой культуре описания Других и «своих других» всегда были востребованы, и им принадлежала главенствующая роль в процессе научного освоения «нравов и обычаев», форм самобытности и культуры племен и народов. В российской культуре украинская тема занимала важное место в общественном сознании, актуализируясь после присоединения к государству территорий с родственным в этническом и конфессиональном отношении населением, а также в периоды интенсивного осмысления национальной и имперской идентичности. К эпохе Просвещения, в частности, восходит научное исследование и обсуждение вопросов, связанных с историей и нормами русского языка, о соотношении антропологического, языкового и самобытно-культурного факторов формирующейся национальной общности. Все эти проблемы

нельзя было разрешить без разработки научной этногеографической терминологии. Хотя начало институционализации этнографии как отдельной дисциплины началось в России лишь с середины XIX в., исследования по истории народов и языков Российской империи велись за полтора столетия до этого – в России эпохи Просвещения они протекали под сильным влиянием немецкой научной школы.

Параллельно с развитием науки шел процесс освоения имперской истории и пространства как единого «тела», общественного организма, состоящего из различных народов, языков и культур. Данные концепции нашли отражение в беллетристике, мемуаристике и публицистике. В этом контексте описания и размышления о Малороссии, малороссах и украинской культурной самобытности вплоть до середины XIX в. теснейшим образом были связаны именно с осмыслением собственно «русскости»² и стремлением определить ее специфические черты, формы и границы.

Современная российская, польская и украинская историография неоднократно обращалась к истории русско-украинских отношений, но специальные исследования о формировании и эволюции представлений русских (великорусов) о малороссах (украинцах) в XIX столетии с использованием лингвистических и историко-культурных методов не столь многочисленны. Наиболее часто фиксация образов и стереотипов малоруса в русском сознании является лишь иллюстрацией, дополнительным аргументом в пользу той или иной авторской концепции. В данном очерке мы обратимся лишь к некоторым тенденциям освещения вопросов этнокультурного своеобразия украинского этноса³ в первой половине XIX в. и связанной с ними дискуссии о малороссийском языке / наречии.

Для подробного освещения спектра воззрений на язык и литературу, национальный характер и этническое происхождение малорусов прежде всего будут использованы материалы наиболее популярных и влиятельных периодических изданий этого периода, формирующих общественное мнение и выражающих политические и научные позиции различных направлений и групп.

1. Национальный характер малороссов в журнальной публицистике и записках первой половины XIX в.

Проблема становления концепции национального характера и ее значения в научно-этнографических описаниях народов XIX в. уже рассматривалась нами в ряде работ⁴, поэтому упомянем лишь ее некоторые

основные теоретические последствия, оказавшие воздействие и на изображение малоросса (украинца) в российском общественном сознании. Эпоха Просвещения во многом определила точку зрения Наблюдателя (ученого, путешественника, литератора) в отношении описываемого им этнокультурного сообщества – как европейского, так и «дикого туземного»: она исходила из разделения на цивилизованные / просвещенные (культурные) и нецивилизованные / непросвещенные (варварские) народы. Эта оценочная дифференциация в некотором смысле заменила прежнее противопоставление христиан и нехристиан, включив дополнительные критерии идентификации – такие как наличие общественной организации (высшей формой которой объявлялось государство) и право. Немецкий просветитель И.Г. Гердер был уверен, что истинная цивилизация состоит «не только в даровании законов, но и в воспитании нравов»⁵. Такая упрощенная классификация стала универсальной, поскольку она могла быть применима как к европейским народам, в той или иной степени входящим в орбиту христианского мира, так и к тем, принадлежность которых к человеческому роду вызывала сомнения⁶. В основе отнесения к цивилизованности / нецивилизованности лежало различие разумности / неразумности, совершенства / несовершенства, а также сложности / простоты. Чем более сложен язык, законы, строй народа, тем более развитым он считался, и потому был достоин занимать высшее место в иерархии этносов.

Малороссия и малороссы в свидетельствах «очевидцев» начала XIX в.

Именно эти идеи просветителей нашли выражение в первых подробных описаниях Малороссии. Записки о путешествиях приобрели особенную популярность на рубеже веков, именно благодаря им складывался определенный эталон изображения обычаев и нравов. «Литература путешествий» имела давнюю европейскую традицию, но как жанр сложилась в конце XVIII в. – начале XIX в., когда на него возникла литературная мода. Ее определяли «Сентиментальное путешествие» Л. Стерна (1768), «Итальянское путешествие» И.В. Гёте (1818–1829) и де Сталь (1820-е годы), позже – сочинения романтиков (Ф.Р. Шатобриана, А. Ламартина, Г. Гейне). Говоря о «географических» путешествиях того времени – т. е. о дневниках и заметках о реально совершенных путешествиях, осуществленных с познавательными целями, – следует отметить влияние на них данной художественной традиции⁷. Литература путешествий, в частности,

способствовала складыванию Аркадийского мифа: чертами утопической Аркадии наделялись «плодоносные страны Юга» – в качестве таковых репрезентировались и государства Средиземноморского региона⁸, и далекие земли, населенные дикими первобытными народами. В Российской империи ею легко оказывалась «Южная Россия» – Малороссия⁹.

На протяжении первой половины XIX в. Южная Россия («Полуденная Россия») была одним из излюбленных регионов в путешествиях по России. Именно утопическим краем благоденствия виделась Малороссия князю П. Шаликову¹⁰, который, отвечая критикам, упрекавшим его в идеализации, писал, что стремился видеть только прекрасное, ибо вокруг существует так много всего отвратительного, недостойного созерцания: «Я хотел представить Малороссию еще одной Аркадией»¹¹. Подобное восприятие характерно для многих современников автора. Следует согласиться с Е.Е. Левкиевской, что именно по этой причине жители Украины наделялись качествами, которые эпоха Просвещения приписывает «детушкам-крестьянам» – они воплощали «человека природного», «естественного», «дитя природы»¹². Представители «простого народа» Малороссии, как виделось Шаликову, обладали и такими важными свойствами, как соблюдение старинных традиций и установлений, которые, как казалось, ничуть не изменились с древнейших времен. В «Путешествии» В.В. Измайлова¹³ подчеркивалось, что «малороссияне сохранили еще остатки своего древнего характера. Они любят отечество и его славу...». Он отмечал, что малороссияне предпочитают скотоводство земледелию, «искусство которого еще находится в колыбели». Обращалось внимание на согласие и порядок в семейной жизни. Сын XVIII столетия, Измайлов называл местных крестьян «самыми просвещенными поселянами» за их любовь к природе: «Кажется, что сам вкус малороссийского народа есть любовь к изящному, и что сей вкус образовался по натуре, которая так великолепна перед их глазами». Следует обратить внимание на такую трактовку «любви к природе», в полной мере отражающую идеалы хорошего вкуса просвещенного обывателя. Наблюдения путешественника заканчивались заключением: «малороссийский народ достоин любопытства и, может быть, славы»¹⁴.

Согласно идеям ученых-просветителей, все многообразие человеческих сообществ могло быть распределено по стадиям развития. Воплощением этой стадильности стало отождествление жизни человека с историей общества, метафорой – этапы жизненного цикла. Такое

«биологизаторское» видение также носило оценочный характер: детство наделялось свойствами врожденной нравственной чистоты и добродетелями невинности, юность и молодость – способностями к обучению, восприимчивости к просвещению со стороны старших (зрелых цивилизаций), зрелость – полнотой форм и совершенством знаний и культуры, старость (дряхлость) – закатом форм общественного бытия, разложением и упадком. Все эти категории и метафоры активно использовались и применялись и позже, будучи усвоенными и став важнейшими в немецкой философии и поэтике романтизма¹⁵.

Заметно их влияние в описании В.В. Измайловым киевского дворянства, которое проникнуто превосходством жителя цивилизованной столицы над провинциалами: «Киевляне имеют вообще характер народов недавно вышедших из младенчества гражданских учреждений; лучи европейского просвещения светят к ним из отдаленности». Подобно многим наблюдателям малороссийских реалий, Измайлов отмечал некую культурную отсталость киевлян, их косность и отсутствие любознательности: «Никто не составляет себе собственных понятий; никто не определяет мнений по своему рассудку, но по рассудку других, никто не делает усилий, чтобы вознестись выше обыкновенного...». Киевские жители еще только «прикасаются к развитию всех нравственных способностей». Однако, находясь в составе Российской империи, в которой, «по необходимому течению вещей, народы и нравы сближаются, киевские жители заимствуют новые обычаи и мнения», и, следовательно, цивилизуются. Пройдет совсем немного времени, – уверен наблюдатель, и «они потеряют все, что показывает в них юность рода человеческого; приобретут некоторые блестящие качества, которые приносят с собой более славы»¹⁶.

Идеалы эпохи Просвещения продолжали формировать вкусы и оценки и в первой трети XIX в. Побывавший в 1820 году в Волынской и Подольской губерниях ученый, редактор журнала «Библиотека для чтения» О.И. Сенковский обращает особое внимание на отсталость и невежество местных жителей. «Важные события последних тридцати лет, – писал он, – великие перемены в делах политических и с ними вместе приметно возвысившееся просвещение, говоря вообще, имело влияние на образ мыслей, на склонности и обычаи соотечественников наших. Но выгоды ума, оттуда проистекшие, не везде одинаково распространились»¹⁷. Автор отмечает повсеместную нелюбовь малороссов к наукам и чтению, аргументируя ее тем фактом, что в этих местах, в нескольких даже губерниях не было прежде и нет поныне ни одного книгопродавца¹⁸. Говоря о малороссийском дво-

рянстве, Сенковский, как и Измайлов, указывает на то, что владельцы имений ничего не знают об окружающем мире, не читают книг, редкий из них выписывает газету, причину он видит в недостаточном количестве училищ на Волыни и в Подолии. По его мнению, мещане или зажиточные крестьяне охотно отдали бы своих детей учиться, но они не в состоянии посылать их миль за двадцать-тридцать от своего дома, а зачастую сведения о существовании каких-либо учебных заведений до них просто не доходят¹⁹. Оценка малорусов как невежественных обусловлена, как показано в современных исследованиях, вовсе не современными авторам реалиями (в этом отношении уровень образованности в малороссийских губерниях вряд ли кардинально отличался от ее состояния в тех же сословиях губерний великороссийских), а исключительно позицией наблюдателя, расценивающего этнический объект как носителя свойств и примет «нецивилизованности»²⁰, исходя из собственных представлений об этом.

Европейская философия романтизма XIX в. разрабатывала идеи духовной культуры, стремясь выявить «общий дух» народа (И.Г. Фихте) как внесоциального единого организма (И.Г. Гердер); влияние немецкой философии и мифологической теории братьев Гримм привело к преобладанию мнения о том, что изучение национального духа «своего» народа должно опираться на изучение жизни «простых людей» – крестьянства. Российские последователи Руссо и гегелевского романтизма начала XIX в. идеализировали его, видя в нем воплощение истинного, незамутненного национального начала. Иначе говоря, носителем «чистых» этнических признаков во всей их полноте признавались представители лишь одного сословия. Именно так обосновывает свой подход А.И. Левшин: приступая к описанию малороссиян, он подчеркивает, что все его наблюдения относятся к «простому сословию», т.к. именно оно способно дать наиболее полное представление обо всем народе²¹.

Философы и историки Просвещения и романтизма в рамках основополагающего – цивилизационного подхода, – развивая идеи этнокультурных отличий разных народов, использовали архаическую концепцию о существовании национальных характеров. Спектр интерпретаций вопроса об истоках их различий полностью определялся естественно-научными теориями, хотя одни настаивали на доминировании природных условий (Ш. Монтескье, Д. Дидро), а другие доказывали преобладание социально-политических обстоятельств в их формировании. Монтескье полагал, что климат определяет «дух народа»: он негативно влияет на жителей жаркого Юга (они ленивы

и медлительны, склонны к наслаждениям и фантазии), и, напротив, закаляет северные народы (он описывал их как мужественных, воинственных и выносливых). Косвенное воздействие климата проявлялось, с его точки зрения, в зависимости общественных форм от природных факторов²². Большое влияние приписывалось также племенной истории народа – в особенности ее раннего этапа, когда закладывались и выкристаллизовывались черты так называемого «общественного быта».

Поиски национальной самобытности в русском образованном обществе после войны 1812 года не могли не отразиться на актуализации проблемы определения своеобразных черт не только русских, но и других народов Империи. Изучение отличительных свойств различных этносов стало в некотором смысле источником интереса к «своему» экзотизму и программным для русского романтизма: «Столько различных народов слилось в одно название русских или зависят от России, не отделяясь ни пространством земель чужих, ни морями далекими. Столько разных обликов, нравов и обычаев представляются испытующему взору России совокупной»²³. Для этой эпохи характерна еще одна особенность: внешние приметы описываемой «этнографической реальности» заменяли внутренние качества, порождая так называемый «романтический этнографизм», который по отношению к российским сюжетам вполне справедливо можно именовать «прото-фольклористическим освоением крестьянской территории»²⁴. В этих довольно многочисленных (и, кстати сказать, популярных) произведениях предметом художественного изображения стал образ жизни русского народа (в узком смысле, т. е. великорусского, малорусского и белорусского) крестьянства, мещанства, купечества. Под влиянием романтической эстетики «дикая» или не освоенная человеком природа окраинных земель легко «переписывалась» в литературе в новом качестве, а их коренные жители наделялись патриархальными добродетелями не испорченного цивилизацией народа. Весьма значительная часть этой литературы изображала малороссийский и казачий быт, кавказскую экзотику²⁵. Малороссы не стали исключением, поэтому в 1820–1830-е годы в их внешнем облике, поведении и даже языке многие наблюдатели обнаруживали признаки «необычного», чаще всего фиксировали явные отличия от знакомого (точнее, кажущегося знакомым) образа жизни «простых людей», либо оценивали их жизнь как реализованную утопию крестьянского благоденствия.

В 1816 году в Харькове была издана книга студента харьковского университета (сорок лет спустя ставшего товарищем министра вну-

тренних дел) А.И. Левшина «Письма из Малороссии». Свой очерк автор начинает с констатации, что «русские и малороссыяне происходят от общих предков; как в тех, так и в других течет кровь древних славян, но нравы их несходны, обыкновения отличны, законы неодинаковы». Среди основных черт национального характера малороссиан Левшин выделяет, с одной стороны, любовь к отчизне, честность, мужественность, презрение к воровству, веселый нрав и склонность к забавам. С другой стороны, он отмечает в них скрытность, гордыню, злопамятность и лукавство. Причины этих «пороков» автором видятся в недостатке «ласковости и обходительности». Левшин указывает на укоренившуюся ненависть, питаемую «малороссиянами» к великорусам. Это чувство они внушают даже детям, пугая их «москалями»: «при сем имени утрашенное дитя перестает кричать». Малороссию Левшин называет «прекрасной, но малообработанной страной», причину чего видит в еще одной черте малороссийского характера – отсутствии «нужнейшей к благосостоянию человека добродетели» – трудолюбия. «Бедность малороссийского народа на каждом шагу ощутительна; особенно для того, кто видит, что она происходит от беспечности»²⁶, – отмечает он.

Впрочем, личные впечатления о свойствах народного нрава высказывали не только путешественники. Например, автор одной из первых малороссийских грамматик А. Павловский среди отличительных свойств малорусов указывал на что-то «приятно-меланхолическое», убежденно свидетельствовал об их «природной вникательности, остроте» и, конечно, музыкальных способностях. Отмечая хлебосольство и простоту нравов, он классифицировал их качества по следующим параметрам: поступки и дела, разговоры, намерения, страсти, склонности к наукам. Малорусы, по его мнению, основательны, расположены к наукам «с природы», справедливы, откровенны и умеренны в страстях, работают «тихо, но прочно»²⁷.

Пространство в повествованиях о Других выступает как сочетающее в себе черты символической и реальной географии, когда локусы рассматриваются в аксиологической системе координат: «географический фактор ... оказывается наиболее чувствительным к динамике доминирующих процессов ... культуры. Такие особенности, как материковое расположение (в центре, на побережье) данной культурной ойкумены, место на военно-политической карте эпохи или же в религиозном пространстве греха и святости, задают и “географическую судьбу” культуры, и некие метафорические константы, и столь же постоянную борьбу между “мифологической” географией и географией “реальной”»²⁸.

В XVIII в. и в начале XIX в. части света и связанные с ними оценки цивилизованности и характеристики нравов диктовались позицией наблюдателя, находящегося в Центральной Европе – его точка зрения определяла ориентиры так называемой «ментальной карты»; они легко поддавались изменению в зависимости от географического и идеологического «положения» наблюдателя. Оппозиции север / юг, запад / восток в эпоху романтизма легко меняли свое семантическое наполнение, причисляя те же характеристики к противопоставлению север / запад²⁹, – так же, как в пространстве мифа о Европе «Азия» или «Сибирь» понимались в первую очередь метафорически, а «восток» и «запад» могли оказаться важными маркерами в идентификации «центрального» и «периферийного» в пространстве культуры. Кроме того, за этими частями света сохранялись цивилизационные характеристики (юг и восток – чаще всего область отсталости, косности и замедленного развития; запад – регион Просвещения, культуры). Неслучайно столь устойчивы по отношению к Малороссии определения как «страна Юга» или «азиатский край» или «узнавание» в малороссах черт южан (особенно в сравнении со «своими» – великорусами-северянами) или турок, сильное воздействие которых на антропологический облик малоросса часто отмечалось в парэтнографической литературе.

Иллюстрациями могут служить описания народов в различных путешествиях по России (часто они именовались «живописными путешествиями») в 1830-е годы. Так рассуждал издатель журнала «Отечественные записки» П.П. Свиньин в цикле «Живописного путешествия по России» об особенностях малороссийского характера: своими внешними признаками – лицом, стройностью стана и такими врожденными свойствами темперамента как лень и беззаботность, малороссыне «более сходны с роскошными обитателями Азии», «но не имеют тех буйных, неукротимых страстей, свойственных поклонникам исламизма». В характере малороссиян автор отмечает также «флегматическую беспечность», горячую любовь к родине, смелый европейский ум и чувства пламенные, «одетые первоначальной простотой»³⁰.

«Азиатским» же влиянием объяснял эти и другие малороссийские свойства и черты и М.А. Максимович. В предисловии к малороссийским народным песням (1827) он рассматривал основные этапы истории малороссийского этноса. Он полагал, что тот представляет собой результат слияния не только славянских и древнеевропейских племен, но и «азиатцев»³¹. Характер народа складывался под воздействием стремления обрести независимость, но такие свойства как

«отвага в набегах, буйная забывчивость в веселии и беспечная лень в мире»³² – от «диких азиатов, жителей Кавказа». Однако, судя по описанию, Максимович в этом фрагменте ведет речь о казачестве, и далее замечает, что свойства коренного племени (т. е. славянского – поскольку он разделял бытовавшую тогда теорию об иноэтническом происхождении казаков) более сохранились в женщинах, которые пребывали, в отличие от мужчин, «в мирных занятиях сельской жизни». Именно соединением в прошлом трех первоначальных хозяйственно-культурных типов – военного, земледельческого и пастушеского – объяснял автор своеобразие малороссийского жителя. Максимович одним из первых попытался структурировать и объяснить различия великорусских и малороссийских песен, всегда обращающие на себя внимание как исследователей, так и простых обывателей: грусть и покорность судьбе в первых и борьбу духа с судьбою, порывы страсти, твердость и сила чувства – во вторых³³. Великорусские песни, с его точки зрения, унылы и протяжны, малороссийские – поэтичны, часто содержат лирические описания природы, что говорит о таланте и более тонкой эмоциональной восприимчивости южнорусского племени.

Соответствие языка народному характеру стало одной из научных теоретических установок в 1820–1830-е годы, когда в среде европейских ученых-фольклористов разработана была теория, согласно которой народное творчество и язык выражают характерные свойства народа, и потому наиболее точный метод обнаружения «народности» – анализ содержания, формы и лексики этих произведений. Неслучайно Ю. Венелин писал: «Что язык, что наречие, то и образ мыслей, то и характер!»³⁴.

Русская литература 1820–1830-х годов большое внимание уделяла «героической теме», связанной с историческим прошлым русских (т.е. восточнославянских) народов, среди которых большую популярность приобрели сюжеты периода Смутного времени³⁵, а также – под влиянием впечатления, произведенного на русскую общественность введением в научный оборот произведений малороссийского фольклора – истории борьбы казаков с поляками³⁶. Интерес к прошлому Украины в русском обществе первой половины XIX в. удовлетворялся не столько научными трудами, сколько публикациями фольклорных текстов – прежде всего так наз. «казацких дум» (т.е. песен исторического содержания)³⁷ и историческими романами: «Зиновий Богдан Хмельницкий» (1819) Ф.Н. Глинки, «Запорожец» (1824) В.Т. Нарезного, «Наливайко, или Времена бедствия Малороссии» (1833, ч. 1-6) и «Иван Мазепа» (1832, ч. 1-4) П.И. Голоты,

«Мазепа» Ф.В. Булгарина и др. В центре внимания почти всех авторов два периода украинской истории – Запорожская Сечь и измена гетмана И.С. Мазепы Петру I. Последнюю эпоху затрагивали и поэмы Д. Байрона «Мазепа» (1818), К.Ф. Рыльева «Войнаровский» (1825), А.С. Пушкина «Полтава» (1830)³⁸. В них казаки представляли не только борцами за родину и веру из прошлого, отвечая эталонным свойствам типичного героя романтизма³⁹. Одним из центральных мотивов стал патриотический: русские (по религиозной и этнической принадлежности) воины отстаивали общее для всех русских племен Отечество. Поляки выступали в ряду главных «захватчиков» и вековых «угнетателей». Важно отметить, что эти произведения создавались на основе малороссийского фольклора и по канонам разработавшейся в литературной среде концепции народности.

Антипольская тема актуализировалась и в период после Ноябрьского восстания, поэтому особое значение приобрели мотивы русского (православного, «русского») патриотизма в борьбе с иноверными поработителями. Именно в этом контексте развивается тема формирования малороссийской культуры и самосознания на географическом и идейном пограничье – т.е. в обстановке борьбы между польским и русским влияниями.

Стремление усилить воздействие русской культуры нередко приводило к отрицанию какой-либо малороссийской самобытности. Примером этого могут служить мемуары известного историка и общественного деятеля И.Е. Кулжинского, написанные в 1832 году и примечательные тем, что автор ни разу не упомянул ни о малороссийском языке, ни об этнокультурной самобытности его носителей. Крестьянское население Волыни автор называет «русским народом», который, «несмотря на носимое им тяжелое иго – крепостного подданства польской шляхте и арендаторства жидам, – не изменил ни своему славяно-русскому языку, ни своей православно-русской вере, – не ополячился, не олатинился и не ожидался». Рассуждая о колонизации населения юго-западных областей, Кулжинский отмечал, что сложнее всего колонизаторам пришлось с простонародьем, в котором даже церковная уния не истребила памяти о русском его происхождении: «волынский крестьянин всегда называл себя “русским”»⁴⁰.

По мнению некоторых исследователей, в русской культуре эпохи романтизма украинская тема занимает меньшее место, чем в польской⁴¹. Польское украинофильство выступало как любовь к краю, бывшему когда-то частью Речи Посполитой, а собрание малороссийского фольклора и первые исследования народной словесности и

языка проводились польскими историками и учеными с не меньшей, а в некоторых областях и с большей интенсивностью, чем в российской науке 1820–1850-х годов⁴². Украинская специфика трактовалась либо просто как региональная, либо как этническая, не исключая, однако, Украину из польского мира. Во многом подобный интерес к малороссийской тематике соответствовал российской схеме, но польские мотивы усиливались «ностальгией» по потерянным территориям. Украинская, а, точнее, казацкая тема входит в моду у многих польских магнатов Правобережья Днепра. Именно в польском украинофильстве уже в 30-е годы XIX в. начинают отчетливо звучать политические мотивы, что было связано с поиском потенциальных союзников в борьбе с Российской империей после поражения восстания 1830–1831-го годов⁴³.

Вопрос польского влияния на малороссию был затронут также писателем П.А. Габбе, который в путевых записках 1827 года пытался обозначить пространственные границы русской и польской культур: «За пять верст не доезжая Василькова находится корчма, называемая Карантинною; там со времен присоединения Киева к России до второго раздела Польши находилась граница между Россией и Польшей, граница, с лишком сто лет существовавшая. Вот почему небольшой клочок правого берега Днепра, между реками Стугною и Ирпенью заключающийся, носит на себе отпечаток русских обычаев, в то время как остальная часть Украины сохраняет польские нравы»⁴⁴.

Как и в случае с путешественниками, рассуждения российских литераторов и критиков о малороссийской литературе и языке часто сопровождалась попытками определить украинский национальный характер. Важно отметить одну особенность, присущую, прежде всего, восприятию художественных и драматургических произведений, неоднократно отмечаемую исследователями: это комичность образов малороссийского крестьянина или казака. Несомненно, она в той или иной степени воспринята из самой народной культуры – и, в частности, из традиций старинного театра интермедии с его фольклорным смеховым началом⁴⁵. Не стоит игнорировать и то обстоятельство, что эталон и маска Простеца играли в поэтике украинской барочной литературы и драматургии весьма значимую роль, задавая интерпретацию сюжета и персонажей, позицию идеального зрителя⁴⁶. Нельзя не отметить и воздействие форм и функциональных особенностей жанра гавенды, столь популярного в польской литературе конца XVIII – начала XIX в., оказавшего несомненное влияние на

традицию украинской прозы начала XIX в.⁴⁷ (в частности, на творчество Г. Квитки-Основьяненко).

Почти во всех публикациях 1830–1840-х годов, посвященных малороссийской проблематике, отличительной чертой малороссов считается их «оригинальный быт» и «живой, непритворный юмор». Так, в «Северной пчеле» про «Малороссийские присказки» Е.П. Гребенко сказано, что «они дышат воздухом Малороссии и носят отпечаток ее характера, простодушного и насмешливого»⁴⁸. Однако в той же «Северной пчеле» в отзыве на вольный малороссийский перевод Гребенко поэмы А.С. Пушкина «Полтава» неизвестный автор выступил против однобокого восприятия особенностей малороссийского языка и национального характера: «На малороссийском языке, как и на всяком другом, можно писать в таком тоне, какого требует предмет, и забавная, комическая сторона не есть еще отличительная черта национального языка и характера!»⁴⁹. Переводчика упрекали в чрезмерном увлечении «шуточным и смешным»⁵⁰. Эта мысль была продолжена в обзоре второй книги «Малороссийских повестей, рассказанных Грицко Основьяненко»: «Давно кто-то сказал, что на малороссийском языке можно писать только комическое», – свидетельствовал автор рецензии, и в этой связи упоминал «Энеиду» И.П. Котляревского как пародийное произведение «во вкусе фламандской школы». Однако далее читателю рекомендовалось прочесть историю Малороссии, вникнуть в характер ее героев, прислушаться к ее песням, чтобы убедиться в том, что «народ с таким железным характером с такими глубокими чувствами может и не смеяться»⁵¹. Подобного рода рассуждения не раз появлялись на страницах русских журналов в 1830-е годы.

Большой отклик в русской прессе получили ранние произведения Н.В. Гоголя – «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород», «Тарас Бульба». Благожелательные рецензии появлялись одна за другой в колонках как консервативных, так и радикальных обозревателей. При этом они нередко становились стимулом к новым дискуссиям по малороссийской теме. Так, в рецензии Я. Стороженко на «Вечера на хуторе близ Диканьки»⁵², автор, сам малоросс, вменял Гоголю в вину плохое знание малороссийских обычаев и характера земляков, упрекая писателя в том, что тот «наводнил Сорочинскую ярмарку “олухами”»⁵³. Иначе говоря, он не мог согласиться с активно критикуемым позже, во второй половине столетия, изображением малороссов как забавных и недалеких простаков, доминировавшим в художественной литературе этнографического романтизма (как и во многих произведениях украинских писателей). Стороженко вол-

нует и моральная репутация малороссов, которая может пострадать от художественного преувеличения Гоголя: «Молодые парубки у нас не напиваются допьяна; они стараются казаться скромными, отдают должное почтение всякому старшему летами; вся гульба их состоит в вечерних песнях и прогулках по селу»⁵⁴. Впрочем, в реальной действительности встречались и иные факты: в одном из предписаний малороссийского генерал-губернатора Н.Г. Репнина полтавскому гражданскому губернатору от 17 июня 1824 года сообщалось, что уличные гуляния, или вечерницы, нередко имели самые печальные последствия. «Ныне, — писал Репнин, — обычай сей превратился в разврат самой величайшей степени. Ночи проходят в пьянстве, в бесчинстве всякого рода и в драках, нередко оканчивающихся смертоубийством, а многие из сельских девок сделались самыми непотребными... Сверх сего, немалая часть поселян, проводящая ночи в разврате, делается уже днем неспособными к работам, или занимаются оными весьма худо»⁵⁵. Данный пример служит наглядной иллюстрацией того, как мнения современников относительно некоторых особенностей малороссийского быта не совпадали, оказываясь в зависимости не столько от идеологической точки зрения, сколько от жанра и целей нарратива.

По мнению Я. Стороженко, Малороссия всегда привлекала «в юдоль житья-бытья своего» многих поэтов и прозаиков, но попытки в «описательной поэзии» и в изображении народности не вполне удавались. Автор берется за труд сам познакомить русских читателей с некоторыми особенностями малороссийского быта и национального характера. Он выделяет в малороссах целый комплекс качеств: мрачность и беззаботную веселость, доброту и упрямство, бескорыстие и неуступчивость в самой малой безделице (если дело коснется их собственности), почтительность к старшим, строгое сохранение приличий и простоту в обращении, молчаливость и словоохотливость, простосердечие и хитрость⁵⁶. Источники всех этих разнообразных и противоречивых свойств нрава критик усматривал в прошлом малороссийского народа, «то защищавшего свою родину с оружием в руках, то несших тяжкое иго, налагаемое на них сильнейшими»⁵⁷. Указывал он также спокойствие и миролюбивость земляков. Статья изобилует этнографическими подробностями быта, обычаев и нравов малороссийской деревни, однако цель их — не только просветительская. Стороженко довольно в резкой форме «разоблачает» этнографические ошибки Гоголя, обвиняя его в надуманности образов и обыденных реалий малороссийского быта. Его явно задевают

некоторые сцены, которые он рассматривает как недобросовестное изображение «малороссов». Для него повести Гоголя – не вполне художественные произведения.

Приводя альтернативную характеристику малоросса, он, таким образом, воспроизводит ранние стереотипы и клише, сложившиеся под воздействием концепции патриархальных добродетелей всякого народа-земледельца, особенно акцентируемые славянофильской историографией⁵⁸ (на которой мы остановимся ниже). Отметим, что новой приметой этнографического описания можно считать указание на исторические обстоятельства, способствовавшие сохранению этнической самобытности.

Затрагивая проблему польского влияния, Стороженко утверждал, что польские обычаи в народе совсем исчезли. А в своих рассуждениях об уровне образованности критик признает, что во времена гетманов образованных людей в Южном крае было гораздо больше, чем в современную ему эпоху. Причину этого, как и многие современники, автор видит в том, что малороссийские «грамотеи рассеялись по всему обширному Русскому государству»⁵⁹.

Хотя романтический этнографизм зачастую отрицательно оценивался так называемой «передовой» критикой, он играл важную роль в формировании представлений о широко понимаемой народности. Равноценными с этнографической точки зрения оказывались и сочинения с экзотическим колоритом, пьесы «из народной жизни», поскольку их авторы передавали как собственные реальные впечатления, так и воспроизводили ожидаемые публикой клише. Изображение внешних примет часто становилось главным содержанием этих произведений: в них включались собственные этнографические наблюдения и авторски переработанные фольклорные тексты, что формировало круг образов Другого, в которых народность приравнивалась к этнографичности.

Не следует забывать: в фольклористике этого периода доминировала убежденность в том, что проявления «духовной культуры», нравственных и эстетических идеалов и особенности характера находят свое полное выражение в народной словесности. Причем сам метод выявления не был реконструкцией, а подразумевал довольно прямолинейную зависимость: персонажи, сюжет и поэтический строй, как казалось, выражают все этнокультурные черты. Они, в свою очередь, представляют древние пласты культуры, и по ним можно установить образ жизни и быта племени в его историческом прошлом. Активное изучение малороссийского фольклора осуществлялось в том же рус-

ле⁶⁰, единственной отличительной тенденцией можно считать обилие, богатство и жанровое разнообразие собираемых источников, что позволило именно малороссийскую народную словесность считать в некотором смысле «образцовой»: в сравнении с ней великорусская и другие славянские выглядели «бедными и бледными».

В 1840-х годах весьма значимое место заняли размышления об истории Малороссии и подробные рассуждения о произведениях малороссийских писателей (как на украинском, так и в переводах), которые стали своеобразным поводом для высказывания о самобытности и языке ее жителей. Например, в обширной рецензии на повесть о казацкой старине сотрудник «Маяка» Н. Тихорский в том же духе, что и А. Стороженко, пытался защитить ее автора от обвинений в «вычурности» используемого для диалогов языка пояснениями о национальном характере: климат и природа, с его точки зрения, способствуют «утончению и ума, и чувства, и воображения». Там сама кровь быстрее бежит по жилам, и «подобно всем уроженцам жаркого климата, настраивает малороссиянина ко всем злоупотреблениям мечтательности и романтизма, если вера, благочестие и страдания не обуздывают (как и произошло с малороссиянами в ходе трудной истории. – И.А., М.Л.) тех злоупотреблений»⁶¹. Он полагает, что малороссиян отличает сила духа, твердость воли и «склонность к лыцарству», воспринятые из рыцарского польского кодекса.

Почти все без исключения исследователи усматривали связь между различными признаками этнической принадлежности: такими как язык народа, его национальный характер, особенности внешнего облика и обычаев. Поскольку единая классификация этнических групп и народов еще не была разработана вполне, то и иерархические отношения между различными сообществами устанавливались в зависимости от того, как трактовали авторы соотношение сходств и различий родственных племен. Отсюда – неясность критериев отнесения. Начиная с XVIII в. язык считался одним из наиболее важных этнических признаков, обнаружение его означало существование народа, при условии, что можно было установить какие-нибудь дополнительные приметы этнокультурной самобытности. Поэтому даже региональные особенности могли иногда рассматриваться как этнодифференцирующие признаки общности. Очевидно, что при таком взгляде на этническое, заключения зависели от позиции наблюдателя или исследователя.

Приметы нового этапа в освоении украинской темы можно увидеть в содержании периодических изданий в 1850-е годы. Значительно

сокращаются разделы, посвященные литературным обзорениям, сменяются многие журналисты. Информация о выходе в свет новых художественных произведений встречается в журналах все реже, на ее месте в литературных разделах помещаются обзоры литературы научно-популярной, технической, духовной и др. В них можно проследить и новые тенденции в изображении малороссийской специфики.

Ф.В. Булгарин «в борьбе» с предрассудками в отношении малорусов

Рассмотрим некоторые из них на материале газеты «Северная пчела». В конце 1840-х годов в ней появляется гораздо больше публикаций самого Ф.В. Булгарина, который вел сразу несколько рубрик – раздел «Журнальная всякая всячина», а также «Заметки, выписки и корреспонденция Ф.Б.». Взгляды Булгарина на концепцию «единой русской нации» хорошо известны, но это не означает, что он не принимал идеи отличительных свойств малорусского и великорусского нравов. Одна из важнейших, с его точки зрения, черт малорусов – трудолюбие, говоря о котором, автор выражает несогласие со сложившимся мнением об украинской лени: «правда, сами малороссыяне говорят о своей лени; но это только малороссийский юмор, которым они прикрываются. Малороссыянин вам скажет: мы люди простые, ленивые, а между тем он весьма далек от простоты и трудолюбив»⁶². Интересно, что автор ссылается на личный опыт общения с малороссыянами. По мнению Булгарина, малороссыянская лень и простота – это не более чем маска: «малороссыяне вовсе не ленивы, но беспечны». Однако в сравнении с «великороссыянами» они не столь ловки, быстры и расторопны. «В службе, – продолжал Булгарин, – я никогда не слышал жалоб на малороссыяскую лень, а, напротив, слышал шутки, делающие им честь, что они тянут тяжесть, как волю. В земледельческих работах малороссыянин не спешит, потому что торопливость вообще не в его характере, но во всякой работе, умственной и физической, которая приносит несомненные выгоды, малороссыянин неутомим, тянет потихоньку, но дотягивает до конца, пока не довершит начатого»⁶³. Булгарин также выступал против распространенного представления о малороссыяском упрямстве, утверждая, что малороссыяне не упрямы, но постоянны и упорны в достижении цели.

В 1856 году вновь появляется булгаринский очерк о Малороссии, в котором автор еще раз приводит сравнительные описания малорусов и великорусов: «Вообще, на поприще науки, литературной и государ-

ственной службы малороссыяне отличаются познаниями, прилежанием и усердием, и, сказать по правде, хотя и великороссыяне обладают пронизательным умом и необыкновенною ловкостью, однако только одни малороссы исключительно обладают прилежанием, неутомимостью и тем качеством ума, которое англичане называют юмором»⁶⁴. Под малороссийским юмором Булгарин понимал шутки и насмешки («малороссийская жартобливость»), «которыми малороссыяне умеют вести все свои сношения и беседы, и всегда с серьезным видом; выдумывают сами на себя презабавные анекдоты, и великие мастера вообще смешить, ...они только прикидываются простаками»⁶⁵.

Помимо прилежания и способностей малороссыян к наукам (особенно к медицине)⁶⁶, Булгарин обращал внимание также на их заслуги перед Отечеством в деле образования: «При введении европейского просвещения в России императором Петром Великим малороссыяне способствовали ему гораздо более, нежели немцы, потому что великий преобразователь России нашел в Малороссии и ученых пастырей (Стефана Яворского и Феофана Прокоповича), и множество способных людей для образования русского народа, учителей, приказных и даже ученых, которые обучались в Киеве или в польских школах и скоро сроднились с великороссийским наречием»⁶⁷. Он доказывал, что даже нахождение в составе Польши не способствовало «нравственному слиянию» малороссов с поляками, потому что православие и язык удерживали в пределах русской народности: «Душой и сердцем малороссыяне были всегда русскими и всегда сочувствовали со своими одноверными единоплеменниками»⁶⁸. Булгарин выделял в малороссийской письменности народную (в песнях и сказках), ученую (в исторических сказаниях и летописях) и духовную (в проповедях и религиозных сочинениях) литературу⁶⁹. Позиция газеты касательно художественной литературы на малороссийском языке осталась прежней. «Давно прошли времена казачества и гетманщины, — убежден Булгарин, — и в Малороссии все дворянство и все образованное сословие говорят, пишут и читают по-великоросски, т. е. на языке официальном и литературном нашего общего отечества»⁷⁰. Малороссийское или южное наречие, по Булгарину, осталось только у одних простолюдинов — крестьян, однодворцев и мещан. Касаясь проблемы ассимиляции, Булгарин высказывал довольно популярное в России мнение о Малороссии, где крестьяне, продолжавшие жить в традиционном мире, оставались доброжелательными, безобидными, даже колоритными в своих танцах и песнях, но в целом некультурными и отсталыми⁷¹.

Автор не отрицает, что при этом даже самые образованные люди из малороссиян, которые превосходно не только говорят, но и «пишут по-великороссийски», любят, однако же, слышать родное наречие, и, чтобы им угодить и обратить на себя общее внимание на родине, некоторые литераторы из Малороссии «вздумали писать литературные произведения прозою и стихами на малороссийском наречии, которым говорят одни простолюдины»⁷². Булгарин не отрицает художественной ценности произведений И.П. Котляревского, Г. Квитки-Основьяненко и других, но утверждает, что все эти сочинения не могут быть причислены к настоящей русской литературе. Тем не менее, автор отдает должное малороссийской народной поэзии, сравнивая малороссийскую думу с испанским романсом.

Эти и другие высказывания Булгарина, на наш взгляд, являются ярким выражением позиции определенных консервативных кругов общества, не возражающих, однако, против этнографической беллетристики о малороссийской действительности, если она не выходит за рамки повествования о жизни одного из крестьянских народов, населяющих Россию, не позволяя, однако, ей претендовать на особое место в русской литературе и культуре.

Однако следует обратить внимание, что формулировки Булгарина выдают явное стремление полемизировать с теми, кто имеет целью «опорочить» малороссов. Во многих высказываниях он почти дословно высказывает те же опасения, что и Стороженко. Налицо то же, что и у Стороженко очевидное желание «обелить» и оправдать их. Это свидетельствует не только о более детальной разработке концепции триединого русского народа, но, быть может, и о возможностях, которые предоставляла такая объяснительная схема для общеимперской национальной концепции в целом.

Из других публикаций на страницах «Северной пчелы» в 1850-е годы интересны первые опыты этнографического описания малороссов, в это время выстраивающиеся на неприменном сравнении великороссов и малороссов по тем этнокультурным признакам, которые установлены были, в частности, в программных сочинениях Н.И. Надеждина, возглавившего этнографический отдел Русского географического общества в 1846 году. В 1856 году в рубрике «Заметки, выписки и корреспонденция Ф. Б.» Булгарин заявлял: «Малороссияне и украинцы те же русские по вере, по коренному языку, по духу и чувствованиям, но в характере, в языке и даже в физиономии сохранили по сие время свой отдельный тип или первообраз. Малороссияне и украинцы бреют бороду, носят длинные усы и до половины нынешнего столетия

брили даже голову и оставляли на маковке головы хохол»⁷³. Основным отличием малороссийского помещика от великорусского, по наблюдениям Булгарина, является пища (борщ, вареники, пампушки и т. д.), и то, что в произношении великороссийских слов малороссийское образованное общество сохраняет некоторые оттенки в звуках, обороты и ударения малороссийского наречия⁷⁴.

Говоря о Малороссии, Ф.В. Булгарин использовал такие эпитеты, как «гостеприимная», «умная», «добрая». «Весьма похвальна, — пишет он, — и пламенная любовь малороссиянина к своей родине, так как тот, кто любит свою родину, тот любит и отечество, т.е. Россию, в которой лежит его родина»⁷⁵. Булгарин высоко отзывается об уровне малороссийской промышленности, хотя замечает, что ни в Петербурге, ни в Москве нет значительных малороссийских торговых домов. Этот факт объясняется им склонностью малороссиян к оседлости, в особенности среднего сословия: «если у человека есть горшок галушек, да блюдо вареников, если он легко может лакомиться своим салом, своими пампушками и фруктами, то он за бóльшим не гоняется по белу свету, торгует на родине и живет спокойно»⁷⁶.

Некоторые общие с Булгариным способы иллюстрации «верного» ракурса в отношении малороссов, и даже лексическое тождество демонстрируют и славянофильские тексты. К.С. Аксаков в 1842 году писал: «Малороссия — живая часть России, созданной могущественным великорусским духом; под его сенью может она явить свой характер и войти, как живой элемент, в общую жизнь Руси, объемлющей равно все свои составы и не называющейся Великороссиею (так бы она удержалась в своей односторонности, и прочие части относились бы к ней, как побежденные к победителю), но уже Россиею». Аксаков указывал на особую роль великорусской ветви в процессе складывания единого восточнославянского этноса: «великорусское племя... создало целое государство и дало в нем развиваться свободно всем частям», при этом он также подчеркивал ценность комплиментарности великорусов, белорусов и малороссов: «разумеется, единство вытекло из великорусского элемента; им дан общий характер; за ним честь создания; при широком его размере свободно может развиваться все, всякая сторона, — и он сохранил свое законное господство, как законно господство головы в живом человеческом теле; но все тело носит название человека, а не головы; так и Россия зовется Россией, а не Великоруссией». Несмотря на то, что Аксаков определял Малороссию как «важнейшую составную часть многообъемлющего отечества», в общерусской

жизни он настаивал на «законном преимуществе великорусского элемента над малороссийским»⁷⁷.

Этническая история малороссов

Начиная с 1830-х годов, с развитием научной славистики, филологи и историки обратились к исследованиям этнической истории трех русских (восточнославянских) «племен». Важно отметить, что уже на раннем этапе они осуществлялись при помощи сравнительного подхода и реализовывались как сопоставление главным образом мало- и великорусов, причем центральной стала проблема времени и условий возникновения племенных и языковых отличий двух восточнославянских групп, которая рассматривалась как северно- и южнорусская вариации единой праобщности. Однако такая постановка вопроса неизбежно возвращала исследователей к обозначенным еще в трудах российских и немецких историков XVIII в. о сущности «русскости» – т.е. об антропологическом типе, культурной традиции и преемственности этих народов с другими славянскими и неславянскими этносами Европы.

Одним из первых исследователей, поставивших в начале 1830-х годов вопрос о происхождении малороссов, был Ю.И. Венелин. В своей неоконченной статье под названием «О споре между южанами и северянами на счет их россизма» автор предпринял попытку разобраться в общих корнях населения Северной и Южной Руси. Вопрос этот еще не формулировался в научной литературе, но, по выражению А.Н. Пыпина, «молчаливо велся с обеих сторон и сказывался в обыденных отношениях»⁷⁸. Венелин не одобрял этого «спора», не считал его разумным, и полагал, что и южане, и северяне равны в своем «россизме». Согласно его точке зрения, весь русский народ разделяется на две части: северную и южную. Эти ветви обособились из-за постепенного накопления различий в языке, из которых сформировались два «наречия» – соответственно, северное и южное. Важную задачу исследователя Венелин видел в систематизации этнонимов. «Что такое Украина, что такое казаки, что Малая Россия, что Мало-Россы?» Автор воспроизводит сложившееся в Великороссии представление о том, что, как правило, «малороссом слывет тот, кто из Черниговской или Полтавской губернии; казаками слывет люди военные, – конные; Украиною – хоть Харьковская или Полтавская губерния». С этого времени вопрос о соотношении великорусов и малорусов как двух племен единого русского народа или

о происхождении велико- и малорусского наречий стал рассматриваться в категориях «северных» и «южных» вариаций «русскости». Такая понятийная перемена отнюдь не была формальной, напротив, она «переводила» двусмысленные для обывателя термины «Малый» и «Великий» применительно к землям и народам в сферу региональных особенностей, притом акцентируя уже упоминавшиеся коннотации с универсальными отличиями «южан» от «северян» в разных областях жизни и менталитета.

Численность обеих ветвей, по мнению ученого, почти одинакова (Венелин приводит цифры в 21 млн для северной и до 20 млн для южной ветви, из которых 15 млн расселяются на территории Российской империи в губерниях Подольской, Волынской, Киевской, Черниговской, Полтавской, Минской, Гродненской, Могилевской, Екатеринославской, Херсонской, Слободско-Украинской, Таврической, Витебской, Воронежской, Курской и Виленской)⁷⁹. При этом автор принимает во внимание потери, понесенные «южанами» за всю историю, и приходит к выводу, что некогда южная ветвь была на треть многочисленнее северной. При этом перечень губерний, населенных «южанами», дает основание предполагать, что к ним он относил и белорусов. Самоназвания этнических групп восходят к общему корню «рус»: «Северяне называют себя прилагательным, производимым от Русь ... – русские; Южане, напротив, еще ближе и естественнее... – русинами»⁸⁰.

Для Венелина вопрос о «россизме» южан и северян очевиден: ни у тех, ни у других нет в этом отношении никакого преимущества: «Те и другие – такие же русские, и спорить им не о чем». По мнению автора, для того, чтобы обе стороны поняли это, необходимо глубже знакомиться с историей, в ходе которой единый народ разделился на две ветви. С осознанием своих отличий, согласно Венелину, закончится спор между двумя отраслями одного народа. Причину этих различий автор усматривает в нашествии на Россию в разное время: «татар с Востока, турок с татарами с Юга и германцев с Запада»⁸¹.

Рассматривая проблему иноплеменного влияния на русских, Венелин указывал, что «нашествие татар, влияние турок, было механическое, материальное, кровное; нашествие германцев было мирное, бескровное, политическое, нравственное нашествие по заключенному условию». Если первым двум можно было противопоставить «материальную, физическую преграду, приостановить мечом», то последнее требовало «духовного противодействия, ибо никакой меч не мог приостановить оного». Владычество первых давно кончилось,

но влияние поляков еще продолжается, и «продолжается нравственно»⁸². Такая интерпретация славянской и германской стихий, как известно, была заимствована Венелиным от Гердера и немецких романтиков⁸³.

Гораздо более основательным трудом по истории Украины была многотомная «История Малой России» Д.Н. Бантыш-Каменского, с 1816 года служившего при генерал-губернаторе Малороссии Н.Г. Репнине⁸⁴. Впервые она вышла в свет в 1822 году и с тех пор неоднократно переиздавалась⁸⁵. Второе издание, посвященное императору, в отличие от первого, в котором повествование начиналось с момента вхождения украинских земель в состав Московского царства при Алексее Михайловиче, было значительно расширено. Первый том включал историю украинских земель до Богдана Хмельницкого. Бантыш-Каменский всячески стремился «сгладить» противоречия и напряжение, обозначившиеся в дискуссии по украинской проблематике. На это указывал еще Н.А. Полевой, обративший, в частности, внимание в своем обзоре «Истории» на тот факт, что у читателей может создаться такое впечатление, будто «малороссийские» земли отличаются от «великороссийских» не более чем Ярославль от Владимира. По мнению Полевого, Бантыш-Каменский недостаточно четко обрисовал основные отличия «южан» от «северян», акцентируя особенности скорее материального, нежели духовного характера⁸⁶.

Особое место среди многочисленных исторических трудов занимали исследования по истории казачества. Не останавливаясь на их анализе более подробно (они довольно хорошо изучены), укажем лишь на некоторые наиболее репрезентативные отклики в русской периодике первой половины столетия. Действительно, значение казачества в социально-политической жизни Украины была настолько велико, а его связи с народом так прочны, что украинцев, судя по документам XVI-XVIII вв., стали называть нацией казаков или «украинской казацкой нацией», а Украину — «страной казаков» (*Cosacium*)⁸⁷. В первой половине XIX в. казачество и его фольклор становятся объектом живого интереса и своего рода модой среди поэтов, писателей и этнографов, причем не только русских, но и польских⁸⁸. Следует подчеркнуть, что вопрос о происхождении казачества рассматривался исследователями того времени в контексте этнической истории малорусов. Но в научно-этнографических трудах не наблюдалось единства в вопросе о классификационном соотношении казаков и малорусов, поскольку доминировала идея о том, что только крестьянство является носителем этнических черт. Некоторыми

племенное (расовое) родство казаков и малорусов ставилось под сомнение. Так или иначе, важным отличием крестьянства и казачества оказывался даже не образ жизни, а сословные права и обязанности. Впрочем, это противоречие легко сглаживалось, когда авторы обращались к различным периодам истории, обнаруживая сочетание военных и земледельческих занятий или разделение их по гендерному принципу (мужчины выполняют обязанности службы, женщины сохраняют традиции оседлого земледелия⁸⁹).

Объявление Н.В. Гоголя от 30 января 1834 года в «Северной пчеле» о готовящейся им «Истории малороссийских казаков» вызвало большой резонанс. Можно предполагать, что она должна была отличаться от труда Бантыш-Каменского, концепции которого Гоголь категорически не разделял. В объявлении «Северной пчелы» о замысле писателя говорилось как о попытке определения места украинского народа во всемирной истории. Бантыш-Каменский в своей работе такой задачи перед собой не ставил. Основными намерениями Гоголя-историка было углубление истоков казачества, а также рассмотрение его исторической роли.

Многие российские периодические издания так или иначе затрагивали на своих страницах проблемы истории и культуры казаков в малороссийской словесности. К. Семеновский, харьковчанин, на страницах «Маяка» горько сетовал на неприятие и даже негативное восприятие некоторыми русскими литературными журналами малороссийской современной письменности, целенаправленно стремясь «убить в самом зародыше отрадное возрождение»⁹⁰ ее. В рецензии на повесть А. Кузьмича «Казачи» «природный украинец» (как сам он подчеркивал) Н. Тихорский рассуждал об отличительных свойствах и месте казаков в истории Украины и всей Русской земли, рассматривая их в качестве военного сословия, сложившегося еще в киевский период истории: «Та самая казачина, которая с Аскольдом и Диром, Олегом, Игорем и Святославом язычески гарцевала по всему Югу, Юго-Западу, Юго-Востоку и Северу, по кругу коему средоточье – Киев, а на окружности – Новгород, мордва, Волга, Кавказ, Черное море, Болгария и Дунай, Польша и Литва, та самая Казачина, обратившаяся со святым Владимиром к истинному Богу и его Евангелию, не успела еще при Владимире отрешиться от своего языческого рыцарства, как уже оскудение благочестия, а где и явное нечестие, честолюбие и свары князей, потомков Ярослава за великокняжение и уделы... снова раздуло страсть к битвам и молодечеству по всей тогдашней Руси, особливо Украине. Но вот явились татары, погромили Украину, потом Украина примкнула к Литовской и Галицкой Руси и

присмирела. Наконец все это явилось под именем Польши. Происки папской пропаганды, явно и тайно угнетавшей и преследовавшей все не папское, с самой первой поры соединения с Польшей Руси Малой, Галицкой и Литовской, наконец, стали явно, сильно и злобно стеснять и угнетать православие... Казачество, под священным предлогом защиты веры вырвалось из должных границ... Оно стало защищать свое православие мечом и буйством». Выводы автора сводились к тому, что никогда «Украина не считала себя подданною Польши», и «после пяти столетий страдания целого народа» казачество «радушно и добровольно» перешло в подданство московского царя⁹¹.

О казачестве рассуждал издатель «Маяка» С.А. Бурачек. Ссылаясь на работы Н.В. Савельева и Ф.Л. Морошкина, он выделял два периода образования казачества: «первоначальные образования казаков (в XIII в.) и систематические, следовавшие за тем образования их». Под последним автор подразумевал два главных казачьих «отдела»: Донской и Украинский. «Донские казаки с 1499 года известны уже как сильное политическое общество. Украинские являются такими же с 1517 года; следовательно: отнести к половине XV в. начало систематического образования казаков имеем мы полное право. Вскоре после татарского нашествия первоначальное составление казаков имело свое начало»⁹², – писал С.А. Бурачек.

Видный историк, член Одесского общества истории и древностей А.А. Скальковский в работе «Очерки Запорожья» (1840) указывал, что «все казачество произошло от Руси, Южной (запорожцы) или Северной (донцы, уральцы и др.)» и относил зарождение «всех казачьих обществ» к началу XVI в. «Их появление или учреждение произошло, кажется, не от случайного скопления пришельцев с разных концов земель славянских. Это произвольное, самоотверженное оставление своего домашнего крова: лесов Волинских, богатых садов и пажитей Украины... для того, чтобы в степи, или в низовьях Днепра соорудить живую, вечно вооруженную препону против неслыханного Оттоманского могущества». Запорожские казаки, указывал Скальковский, произошли от Руси или «русняков» – т. е. жителей Украины, Волыни, Подолии, Галича. Донские же – от славян северных, т. е. великороссов. В работе неоднократно отмечаются определенные различия между донскими и запорожскими казаками: «Довольно взглянуть на казаков донских, слышать их язык, сравнить их с запорожцами или настоящими их потомками, сравнить даже их имена, чтобы удостовериться в этнографическом оттенке двух народов славянских»⁹³.

Интерпретация места и значения казачества в истории и племенной самобытности малороссийского этноса и языка в целом не была единодушной, но очевидна тенденция русских «патриотических» и консервативных деятелей рассматривать его как явление общерусского масштаба, помещая в контекст военно-патриотической истории или сословной специфики русского общества.

Несмотря на то, что исследования русских ученых по малороссийской истории не носили еще в первой половине XIX в. систематического характера, все же можно выделить некоторые наиболее существенные вопросы, оказавшиеся в центре их внимания. Первый, и, пожалуй, самый главный заключался в стремлении представить историю Украины частью общерусской истории, истории одного народа. По мнению некоторых ученых, история Российского государства должна начинаться с истории Малой России⁹⁴. Помимо этого, казачество и его фольклор становятся объектом живого интереса исследователей. Многие авторы рассматривали казачество как этнообразующий элемент малороссийской народности.

А.В. Никитенко в своем дневнике от 12 января 1844 года описывал конфликт в связи с жалобой киевского генерал-губернатора Д.Г. Бибилова министру народного просвещения С.С. Уварову на статьи Н.А. Маркевича об истории Малороссии, помещенные в «Библиотеке для чтения» за 1843 год⁹⁵. Журнал, а также цензоры, пропустившие статьи, обвинялись в явном пристрастии к Польше, в «неблагоприятных» отзывах о России и Малороссии, в оскорблении малороссийской национальности утверждением, что «народ ее составил из беглых холопов» (речь шла о роли казачества). Такое заключение кажется не совсем понятным, если учесть, что в этих статьях (вошедших позже в первый том «Истории»), в которых Маркевич описывал раннюю историю жителей Южной России, по отдельности рассматривалось земледельческое население и сборные «ватаги» только складывающегося казачества.

Автора упрекали в «ругательном» тоне, а цензоров – в пособничестве самому пагубному антинациональному направлению. Министр народного просвещения сделал выговор цензорам П.Н. Корсакову и А.В. Фрейгангу. Последние составили объяснительную записку, где указывали на то, что «Библиотека для чтения» изъявила только свое ученое мнение относительно малороссийского народа – мнение, «в котором всякий волен». Цензоры настаивали на беспочвенности обвинений журнала в отношении поддержки польских идей. Однако главную защиту Корсаков и Фрейганг построили на основном, по их

мнению, лейтмотиве труда: «Малороссия никогда не составляла отдельного политического общества, делала много глупостей и зла соседям и что все это кончилось лишь с тех пор, как она соединилась с Россией». Жалоба Бибикова дошла до Николая I. Император решил дело следующим образом: «Если в статьях “Библиотеки для чтения” заключается ложь, то ее и должно опровергнуть литературным образом, только без брани»⁹⁶.

Никитенко приводит еще один эпизод, характеризующий реакцию властей на исследования по истории Малороссии. В 1846 году в нескольких номерах детского журнала «Звездочка», издаваемого А.И. Ишимовой, была напечатана краткая история Малороссии П.А. Кулиша. Некоторое время спустя Академия наук признала Кулиша достойным командирования за границу на казенный счет с целью изучения «славянских наречий». Как пишет Никитенко, Кулиш взял с собой пачку оттисков своей «Истории Малороссии» и по дороге раздавал их, где мог. В Варшаве он был схвачен. Когда на допросе у цензора Ивановского спросили, как тот пропустил сочинение Кулиша, он ответил, что «это ошибка и что он виноват». На отдельных оттисках стояло имя цензора Куторги, который также был призван к допросу. По свидетельству Никитенко, «государь, увидев под отдельными книжками имя цензора Куторги, велел посадить его в крепость». Никитенко напрямую связывал данную историю с обстоятельствами раскрытия в Киеве Кирилло-Мефодиевского общества, а также последовавшими за этим уваровскими циркулярами⁹⁷.

2. Вопрос о происхождении и статусе малороссийского языка/наречия

В начале XIX в. «языковая проблема, – по утверждению Б.А. Успенского и Ю.М. Лотмана, – становится тем камертоном, который отвечает на звучание всех наиболее острых проблем в России»⁹⁸. Можно добавить, что эта тенденция сохраняется и позже, будучи переосмыслена в контексте новых – прагматических – задач художественной литературы и критики, а также в связи с развитием этнографии и лингвистики как отдельных отраслей науки. В российском обществе «борьба церковнославянской и русской языковой стихий претворяется в борьбу книжного и разговорного языка»⁹⁹, которая в процессе выработки норм и стандартизации национального / литературного языка осуществляется в рамках семиотических оппозиций «демократическое / кастовое», «общее / элитарное»,

«благородное / простое» и «естественное / искусственное». Интерпретация простонародного как живого, разговорного и грубого («lingua rustica»¹⁰⁰) языка в противопоставлении «деликатному», литературному, нормативному («правильному») в полной мере нашла выражение в полемике о малороссийском языке / наречии. Размышляя о его статусе, «соотношении» с вырабатываемым русским языковым стандартом и его «перспективности» как языка литературного, критики, беллетристы, историки, поэты и публицисты в той или иной мере высказывались по вопросу о национальном языке, косвенно или открыто апеллируя к значимой в первой трети столетия дискуссии, знаменовавшей освоение новых стандартов нормативности.

Необходимо отметить характерное для изучаемого периода несовершенство научных классификаций, в том числе этнографических и лингвистических, и сопутствующую им неразработанность этногеографической номенклатуры, относящейся к восточнославянскому культурно-языковому пространству. Это напрямую затрагивало такие важные лингвистические понятия как «язык» и «наречие». Впрочем, несмотря на то, что формирование данных научных дефиниций началось еще в конце XVIII в., и поныне их содержание неверно оценивать как однозначно-бесспорное. В.В. Виноградов, рассматривая ключевые проблемы науки о языке, отмечал: «Трудно указать другое языковое явление, которое понималось бы столь различно, как литературный язык»¹⁰¹. В современном языкознании принято выделять несколько главных признаков и функций, позволяющих определять его как «обработанную, регламентированную форму», выстроенную на основании установленных грамматических стандартов, предполагающую нормированность, общеобязательность для всех членов сообщества, стилистическую дифференцированность и полифункциональность. Наиболее сложным остается вопрос о соотношении литературного языка с разговорными формами (просторечием, простонародным языком, диалектами)¹⁰², хотя именно противопоставление языка территориальным *диалектам*, разным типам обиходно-разговорных койне и просторечию в диахронии и синхронии является теоретической константой лингвистической иерархии¹⁰³, так как стандартность и наддиалектный характер литературного языка представляются его дифференцирующими признаками. Наречия / диалекты отделяют от него на основании узкой локализации в пространстве и социуме, ограниченности общественных функций, отсутствии или неразвитости книжно-письменного языка и регламентированности в целом. Важным следствием данных

различий является возможность создания иерархии лексических единиц, позиция в которой определяется грамматикой и фонетикой разновидностей устной речи. Однако место «диалекта» труднее поддается фиксации – в первую очередь из-за многозначности самого термина, а также из-за несогласия в оценках его соотношения с языковым стандартом¹⁰⁴ – поскольку «канонизация» национальных языков протекает в разных историко-культурных условиях, что осложняет выработку единой методики конструирования на базе отдельных наречий/диалектов. В настоящее время под диалектом понимается одна из основных социальных форм существования языка, объединяющая группу говоров¹⁰⁵, термин «наречие» для обозначения территориально-социальной разновидности языка не применяется, его заменило более общее понятие «идиом»¹⁰⁶. Однако синонимичность понятий «говор», «диалект», «наречие» (существовавшая с XIX в. и до середины XX века) не способствует прояснению процесса, особенно когда необходимо описать ранний период лингвистической кодификации и унификации литературного языка. Неупорядоченность и многозначность отдельных понятий в публицистике и неразработанность лингвистических терминов были преодолены к концу XIX в., но содержание многих из них в более ранний период возможно установить лишь на основании контекста и с учетом истории языкознания. Кроме того, весьма размытыми представлялись границы и других элементов языковой иерархии – таких как наречие, арго, просторечие и др.¹⁰⁷. Следует отметить и двузначность используемого в текстах XIX в. понятия «литературный язык», употребляемого для обозначения языка художественной литературы и как наименование языкового стандарта.

Рассмотрение дискуссий по поводу состояния, статуса и соотношения малороссийского языка/наречия с общерусским языком, продолжавшихся в России на протяжении всего XIX столетия¹⁰⁸, осложняется не только многозначностью понятий. Создание норм литературного языка как общенационального современные исследователи анализируют во взаимодействии с процессом конструирования нации, делая акцент на выработке комплекса представлений о типичных признаках «русскости» – в том числе и языковых. Важен и другой аспект: его взаимодействие с процессом создания этногеографической и антропологической классификаций в российской науке. Мы проследим лишь некоторые основные тенденции интерпретации проблемы малороссийского языка/наречия в контексте формирования историко-лингвистических и этнографических концепций.

У полемики о малороссийском наречии довольно рано возник определенный идеологический и политический подтекст, в котором номинации «язык» и «наречие» приобретали особый смысл в связи с трактовкой данных терминов как единиц иерархии лингвистической классификации. Употребляя в отношении украинского языка термин «наречие», многие исследователи и общественные деятели как бы «приносили» его, подчеркивали его «неполноценность», противопоставляя ему язык русский или общерусский как соответствующий более высокой стадии этнонационального развития. Такой вывод лежит на поверхности, хотя, строго говоря, подобная трактовка слишком общая и потому не совсем корректна. На наш взгляд, необходимо различать несколько аспектов интерпретации данного вопроса – изначально возникших из-за неразработанности не только самих терминов, но и из-за объективных сложностей в изучении истории языков, что приводило к разногласиям в методах и версиях классификации. Точкой отсчета, образцом для авторов высказываний в той или иной степени служил процесс кодификации общерусского литературного языка, который рассматривался как сложившийся на базе великорусского разговорного языка (великорусского наречия русского языка)¹⁰⁹.

Первый аспект этой проблемы касается возможности складывания малороссийского литературного языка как кодифицированного на основе разговорного языка – наречия, которая рассматривалась в контексте социокультурных процессов в малороссийском обществе. Два других связаны с изучением истории восточнославянских народов: второй – с проблемой установления времени возникновения различий между мало- и великорусской этническими и языковыми группами, которые объединялись в «единый русский народ». Третий аспект обусловлен пониманием процесса формирования этнорегионального своеобразия Малороссии и Великороссии: различные гипотезы были порождены версиями о преемственности и древнерусском наследии в общественных, политических, религиозно-культурных и др. особенностях двух племен / народов, выразившихся в народной словесности. Наконец, четвертый порожден теоретическими разногласиями относительно позиции языка в классификационной лингвистической иерархии, полнота развития которого (определявшаяся и тогда грамматической кодифицированностью, наличием письменных и устных фольклорных форм, разнообразием и «понятностью» говоров) становилась косвенным аргументом в пользу «зрелости» племени как народа-нации.

Именно этот ракурс – эксплицитно или имплицитно – оказывался в центре дискуссии об «историчности»¹¹⁰ малороссийского этноса, ведь ее главным признаком служила способность к государствообразованию. Великорусы в этом отношении однозначно признавались историческим, и, следовательно, цивилизованным, народом. Отказ малорусам в подобных же притязаниях (потенциально, однако, существовавших в прошлом) косвенным образом отзывался на всем комплексе свойств и признаков этнокультурной самобытности, который, начиная с этнографических трудов Н.И. Надеждина конца 1840-х годов получил наименование «народности» (в значении этничности¹¹¹).

Наречие и литературный язык как этапы развития языка

В 1818 году в Петербурге вышла «грамматика малороссийского наречия», написанная А. Павловским. У автора не было лингвистической подготовки для обоснования далеко идущих выводов (будучи великорусом, он «случайно познакомился с украинским языком»). В самом названии книги содержится противопоставление «чистого русского языка» «малороссийскому наречию». Стремясь пробудить в российском обществе интерес к украинской проблематике, Павловский писал: «Если разбирание архангельского, новгородского, полоцкого, стародубского, муромского и других наречий (не говорю о финских, ордынских, югорских, сибирских, камчатских языках), которые отличаются только несколькими или нечистыми или смешными, или весьма странными словами, занимает иногда любознательные и время многих ... людей ...; то для чего же не заняться сколь-нибудь и таким наречием, которое составляет *почти настоящий язык* (выделено нами – И.А., М.Л.)?»¹¹². Как видим, автор именует «наречиями» региональные языковые формы великорусского языка – т.е. говоры, а «языками» называет языковые семьи. Малороссийское наречие, таким образом, приравнивается к известным региональным вариантам великорусского наречия, но с вероятной перспективой его «дозревания» до стадии «настоящего языка». В этом случае автор рассматривает язык и наречие как два элемента не только уровней (в синхронии), но и стадий (в диахронии) лингвистической иерархии, на вершине которой находится язык.

В категориях стадийности и зрелости определял перспективы малороссийского языка и его современник А.И. Левшин, полагая,

что наличие кодифицированного письменного языка – примета цивилизованности народа. Для него различия между языком и наречием связаны с противопоставлением письменных и устных форм бытования. Он утверждал, что, несмотря на отсутствие в малороссийском языке каких-либо грамматических правил, он «до сего времени составляет язык народа», хотя «некоторые ученые малороссияне употребляют его в сочинениях» (в качестве примера приводилась «Энеида» И.П. Котляревского). Левшин рассматривал возможность научной разработки литературного языка, – возможность, которая поставила бы малороссию в один ряд с «просвещеннейшими народами Европы». Однако выводы, к которым он приходит, весьма пессимистичны: «Тщетна надежда сия, ибо нет побудительных причин и самая малая возможность к *составлению языка из наречия* (выделено нами – И.А., М.Л.), оставленного почти всеми образованными коренными жителями здешней страны»¹¹³. Обращает внимание то, что в духе Просвещения трактуются автором очевидные prerogative «образованного сословия» в выработке – т. е. в упорядочивании – языкового стандарта. Важно здесь отглагольное существительное «составление» в отношении «языка», указывающее на способы, которыми осуществляется данный процесс: наречие преобразуется в язык не в итоге естественной эволюции, а в результате целенаправленных усилий просветителей. Это важное свидетельство того, что представления о данном «способе» регламентации литературного стандарта не только были известны, но и прочно утвердились в кругах образованной элиты российского общества конца XVIII – начале XIX вв. (18-летний Левшин тогда был далек от лингвистических и литературных дискуссий).

В 1830-х годах, на волне идеализации романтиками народной словесности, язык фольклорных текстов расценивался как отражение «духа народа», а его изучение и использование в художественном творчестве отвечало требованиям народности в литературе. Так, В.И. Даль, исходя из убежденности в необходимости «подпитки» литературного языка богатством простонародной и диалектной речи, в одной из ранних работ усматривал в малороссийском наречии стилистическую разновидность русского языка, делающую возможным его применение как раз в области изящной словесности. Он утверждал, что «язык малороссов имеет большое преимущество перед русским языком в области той отрасли словесности, которую именем *простодушный* отличают от так называемой *чувствительной*. Если всю изящную словесность разделить, как Шиллер это сделал, на

наивную и сентиментальную, то быт и язык Украины присваивает себе преимущественно первую»¹¹⁴.

На наш взгляд, именно в этом ключе следует рассматривать аргументы в «защиту» малороссийского языка в ранних работах И.И. Срезневского, который в 1834 году, в частности, утверждал: «В настоящее время нечего доказывать, что язык украинский (или, как угодно называть другим, малороссийский) есть язык, а не наречие, как доказывали некоторые, и многие уверены, что этот язык есть один из богатейших языков славянских, что он едва ли уступит богемскому в обилии слов и выражений, польскому в живописности, сербскому в приятности, что это язык, который, будучи еще не обработан, может уже сравниться с языками образованными по гибкости и богатству синтаксическому, — язык поэтический, музыкальный, живописный»¹¹⁵.

В программе изучения русской народности в этнографическом ключе, составленной в 1846 году как научный проект для Русского географического общества, Н.И. Надеждин представил уже более зрелые с позиции лингвистической науки взгляды на язык с точки зрения «этнографической лингвистики». «В этнографическом изучении языка» он обозначил несколько аспектов: во-первых, создание языковых классификаций и приведение их в соответствие с этническим делением («разнообразие «слова», распадающегося, соответственно разнообразию народов, на различные «языки, наречия и подречия»); во-вторых, он уточняет, что только «язык народа» «был, так и останется навсегда — главным залогом и главным признаком народности», поэтому необходимо осуществить процедуру различения языка по преимуществу «народного» и литературы ... в собственном смысле «народной». Предмет этнографического изучения он ограничивает «устным словом», «живым языком» во «всенародном», «простонародном» употреблении. В-третьих, такое ограничение ведет за собой различение терминов, в частности «русского» и «российского» языка. Под первым Надеждин понимает тот, «которым Русь запросто пробавляется», под вторым — находящийся в официальном употреблении. В связи с чем Надеждин предлагает изучить «главные видоизменения» между великороссийским, малороссийским и белорусским языками¹¹⁶.

В такой интерпретации Надеждина необходимо выделить несколько теоретических проблем. Первое: следует установить критерии «российского языка» — т.е. русского литературного и обозначить его четкое отличие от устной, «народной» речи. Второе:

методы создания и определения языковой иерархии – т.е. выявление комплекса признаков, по которым можно было бы установить статус языка, наречия, подречия. Эта задача усложняется и тем, что ее необходимо сочетать с этнографической классификацией. Но самым, пожалуй, острым вопросом оказывается интерпретация границ между родственными языковыми и этническими группами – в частности, русскими (т.е. восточно-славянскими).

Во многих статьях о малороссийском наречии подчеркивалось сохранение в нем незамутненных древних элементов – и в лексике, и в грамматике, и даже в звучании («славянская напевность»), а также цельность (под которой понималась незначительная вариативность региональных поднаречий), утраченная или видоизмененная, как казалось, поздними иноязычными (неславянскими) влияниями в великорусских говорах. Так, К.Д. Ушинский был уверен, что малороссийское наречие осталось «нетронутым в своих основах», не раздробилось на разные говоры и эта «целость» есть признак «первобытности языка» и одновременно преграда к его дальнейшему развитию¹¹⁷. Основанием для такого заключения становится принцип прямого уподобления: однообразная местность («однообразная тучная равнина») порождает «столь же однообразное племя» и – как следствие – лингвистическое единство. Это же благоденствие становится препятствием к развитию, но способствует сохранению архаических форм языка. «Отказывая» малороссийскому наречию в достижении стадии создания литературного языка, Ушинский оценивает его как самоценное, исходя из идеи взаимообусловленности исторической эволюции и лингвистического совершенствования книжно-письменных норм.

Однако эти же приметы архаики могли интерпретироваться совершенно иначе. В качестве примера можно привести рецензию А. Афанасьева на «Байки и прибаутки» Л. Боровиковского. Наречие, подобное малороссийскому, по мнению Афанасьева, не создает классической литературы и остается достоянием «простого народа» – отсюда стагнация малороссийского наречия, не имеющего данных для развития. Малороссам «в поэзии своей должно сохранять первобытные формы, потому что попытки поставить подобный язык на ходули будут казаться неестественными и даже смешными»¹¹⁸.

Однозначно позитивно оценивал «языковое детство» малороссийского племени В.И. Даль: его «язык в окончаниях слов и в самом образовании и сочетании их имеет что-то детское, милое, гибкое, напоминающее нам некоторые славянские наречия – сербское, болгарское,

которые как-то поражают нас простотою прадедовских времен; кажется, мы слушаем предков своих»¹¹⁹. В данном случае язык находился в полном соответствии с самим «детским» возрастом малороссийского племени – если переводить эту метафору в значения эволюции народов, которые активно пропагандировались так наз. прогрессистами-«западниками», последователями Гегеля и Шеллинга.

Рассмотренные выше позитивные оценки «архаичности» малороссийского наречия, сохранившегося в своей исторической неприкосновенности и чистоте, полностью разделяются В.И. Далем, но объясняются довольно оригинально. Он усматривает его «достоинства» как раз в нерасчлененности языковых форм общеупотребительного наречия, утерянных языками на более высокой стадии развития. Даль замечает, что русский язык неоднороден и имеет несколько видов: язык крестьян или простолюдинов, разговорный язык – «пестрый, несвязный», книжный язык, разделяющийся по слогу на высокий, низкий, средний, шуточный, важный и т.д. Язык же малороссов, «напротив того, сохранил всю девственную простоту свою и силу и всюду себе равен»¹²⁰. При этом и письменный малороссийский язык, в отличие от литературного русского, сохраняет в полной мере эти особенности: трудно написать по-русски книгу о каком бы то ни было предмете, чтобы ее понял каждый мужик, ясно, как то, что он сам говорит; таким языком у нас доселе ничего не написано: задача эта не разгадана». Большую роль придает Даль и взаимопониманию устной речи представителями разных социальных слоев, усматривая в этом «живость» и «богатство» разговорного языка. «Между тем, – пишет он, – возьмите любое малороссийское письмо, читайте его чумакам, дивчатам, парубкам, кому хотите: если предмет не будет выходить из круга их понятий, то язык и смысл целого будет им понятен вполне. Вот она неподражаемая простота и естественность в рассказе, облагороженный язык народа силен, ясен, прост, богат на мелочи, на шутки ему доступные, а подделать все это невозможно»¹²¹.

Важно отметить, что аргументацией в пользу современной «чистоты» языка представлялась в ту эпоху его «древность» и «неиспорченность» – теми же критериями руководствовались, занимаясь поисками истоков «коренного» племени всякого народа. Это, бесспорно, является свидетельством не только общности принципов определения древности происхождения, устойчивости и преемственности тех или иных этнических примет, но и признаком отчетливого «собирания» элементов национальной мифологии на стадии «нациестроительства»¹²². При этом не только язык, но и малороссийская история

и культура понимались как сохранившие древние элементы славянской (и восточнославянской в том числе) первобытности в целом; они могли помочь в реконструкции прошлого тех племен и народов, которые ее утратили. Это нашло отражение и в художественных интерпретациях малороссийской темы. Н.И. Надеждин в рецензии на гоголевские повести писал, что для русских писателей «Малороссия естественно должна была сделаться заветным ковчегом, в коем сохраняются живейшие черты славянской физиономии и лучшие воспоминания славянской жизни»¹²³.

В период активной разработки концепций «народности» и «русскости» в российском обществе доминировала, как известно, концепция единства трех «отраслей» единого русского народа. Ее разделял и Даль. Его «защита» малороссийского наречия и призывы изучать его, в конечном итоге исходят из идеи о том, что общерусский литературный язык – как в своей письменной, так и разговорной формах должен «питаться» народной речью, языком всех родственных восточнославянских наречий русского языка: «Не знаю, можно и должно ли говорить, что для нас язык малороссов не нужен, что воскрешать его не к чему и прочее. Разве есть на свете язык – живой или мертвый – которым люди говорят или говорили, плакались или радовались и который бы не стоил внимания нашего? А если еще и поныне сотни тысяч людей говорят этим языком, да если язык этот еще и наш кровный, родной, братский, одного с русским корня, так неужели он и тогда для нас лишний? По-моему, не только можно им заниматься для удовольствия и любопытства, – должно изучать его, как пособие нашего языка»¹²⁴. Аналогичным образом понимал значение наречия «малороссийского племени» и педагог К.Д. Ушинский, обозначая «истоки» русского языка, который он описывал как «бесконечное море, питающееся из бесконечного множества наречий»¹²⁵.

Профессор Харьковского и Киевского университетов А.Л. Метлинский в предисловии к сборнику южнорусских песен, изданному в Киеве в 1854 году, писал о важности изучения малороссийского фольклора как «отрасли» русской словесности: «Я утешился и одушевился мыслью, что всякое наречие или отрасль языка русского, всякое слово и памятник слова есть необходимая часть великого целого, законное достояние всего русского народа, и что изучение и разъяснение их есть начало его общего самопознания, источник его словесного богатства, основание славы и самоуважения, несомненный признак кровного единства и залог святой братской любви

между его единовверными и единокровными сынами и племенами»¹²⁶. Малороссийское наречие – одно из трех русских наречий как региональных вариантов единого языка – вот тезис, ставший доминирующим в научных и публицистических произведениях и отразивший «языковой аспект» концепции триединого русского народа¹²⁷. В такой интерпретации «наречие» выступало не как одна из разговорных форм, находящаяся в оппозиции к письменному и нормированному литературному языку, но как территориальная разновидность русской речи, носителем которой являются жители одной из областей единого этнокультурного и политического организма – Руси (России).

Литературный язык и язык литературы. Эволюция языка в наречие (В.Г. Белинский)

Подобный взгляд на малороссийский язык был характерен для многих как консервативных, так и либерально настроенных русских общественных деятелей. Особое место среди них занимают те, кто был связан с журнальной и издательской деятельностью и литературной критикой. Следует подчеркнуть, что при анализе мнений представителей этой профессиональной среды необходимо разделять позиции в отношении двух типов произведений: а) сочинений, написанных на малороссийском языке и в определенном смысле репрезентировавших украинскую литературу; б) поэзии, драматургии и беллетристики, обращавшейся к малороссийской теме в соответствии с канонами романтического этнографизма, используя ее зачастую в качестве источника экзотической занимательности. Представлявшие их авторы стремились передать особенности малороссийского быта и речи, но делали это по-разному, поэтому неверно было бы смешивать отношение в 1840–1850-е годы к малороссийской художественной литературе, с одной стороны, и к малороссийскому наречию / языку, – с другой. Это два разных аспекта одной проблемы. Непросто выявить данные нюансы и в творчестве В.Г. Белинского.

Его позиция нашла отражение прежде всего в рецензиях на публикации на малороссийском языке. Заметку 1841 года в «Отечественных записках» об альманахе «Ластовка» Е. Гребенки критик начинает с принципиального теоретического вопроса: «есть ли на свете малороссийский язык, или это только областное наречие?»¹²⁸ По мнению Белинского, малороссийский язык действительно существовал во времена «самобытности Малороссии», но ныне продолжает существовать только в памятниках народной поэзии – т. е. в

разговорной форме. Однако он разделяет литературный язык и язык литературы: историческое прошлое еще не означает, что «у малороссиян была литература: народная поэзия еще не составляет литературу»¹²⁹. Таким образом, критик ограничивает период существования малороссийского языка определенным историческим отрезком, полагая, что в начале XIX столетия он сохраняется лишь в фольклоре, которому Белинский отказывал в праве именоваться литературой.

Фиксируя области бытования разговорных форм языка (наречия) и книжно-письменных текстов, Белинский указывает на то, что, начиная с XVIII в. (вследствие разделения сословий при Петре I) малороссийское дворянство, в силу исторической необходимости, восприняло русский язык и «русско-европейские» обычаи. Это привело к тому, что язык самого народа начал «портиться», — и теперь «чистый малороссийский язык» находится преимущественно в одних книгах. Значит, можно предполагать, что под определением «чистый малороссийский язык» кроется нормативный «язык литературный». «Следовательно, — заключает Белинский, — мы имеем полное право сказать, что теперь уже нет малороссийского языка, а есть областное малороссийское наречие, как есть белорусское, сибирское и другие, подобные им областные наречия»¹³⁰. Таким образом, исчезая из письменности, за существование и развитие которого ответственны образованные слои общества, язык становится наречием. Солидаризируясь с А. Павловским, в качестве основных критериев различения наречия и языка критик, как видим, использует оппозицию устно-разговорный / письменно-книжный. А сформировавшимся литературным языком, таким образом, именуется тот, который выражен в обеих формах, и который используется всеми сословиями — т. е. является общеупотребительным в широких кругах этнокультурной общности.

Поэтому на два других вопроса, — «может ли существовать малороссийская литература и должны, и могут ли наши литераторы из малороссиян писать по-малороссийски?» — автор дает отрицательный ответ: малороссийский язык существует, но никогда уже не станет языком изящной словесности, ибо «сделался теперь провинциальным и простонародным наречием». В современной критике русскоязычной драматургии и беллетристике значение малороссийского наречия ограничивалось областью создания речевой характеристики персонажа, приданием этнографического колорита сюжету. В этом отношении позиция Белинского определялась его видением отношения искусства и действительности: «Поэзия есть идеализирование

действительной жизни: чью же жизнь будут идеализировать наши малороссийские поэты? – Высшего общества Малороссии? Но жизнь этого общества переросла малороссийский язык, оставшийся в устах одного простого народа, – и это общество выражает свои чувства и понятия не на малороссийском, а на русском и даже на французском языках»¹³¹. Белинский указывал на весьма существенную разницу возможностей между малороссийским «наречием» и общерусским «языком», отмечаемую ранее В.И. Далем: русский писатель может изобразить в своем романе представителей всех сословий и каждого заставит говорить своим языком: «образованного человека языком образованных людей, купца по-купчески, солдата по-солдатски, мужика по-мужицки»¹³². Малороссийское же «наречие», с его точки зрения, исключительно крестьянское. Поэтому, заключает критик, малороссийские литераторы и поэты пишут только повести на простонародные темы, знакомя читателя с одними «Марусями, Одарками, Прокипами, Кандзюбами, Стецьками» и тому подобными персонажами. Малороссийское наречие он, иначе говоря, отождествлял с исключительно с разговорной формой локальных групп, отказывая ему в возможностях адекватного (понимаемого как реалистическое) выражения всех граней жизни малороссийского общества.

Содержание повестей на малороссийскую тему, по мнению Белинского, всегда однообразно, а главный интерес их – крестьянская наивность и «наивная прелесть мужицкого говора». Из этого никак не следует, считал Белинский, что в простонародном быте нет поэзии. Однако для этой поэзии нужны «слишком огромные таланты». «Мужицкая жизнь» сама по себе мало интересна для образованного человека, следовательно, необходимо обладать большим дарованием, чтобы идеализировать ее до поэзии. На это, по мнению Белинского, таланта хватило только у Гоголя. Подводя итог, критик иронично восклицал: «Хороша литература, которая только и дышит что простоватостью крестьянского языка и дубоватостью крестьянского ума!»¹³³. Негативно оценивал Белинский и публикацию произведений на малороссийском языке для русской читательской аудитории, отдавая предпочтение переводам: в связи с публикацией рассказа Г. Квитки-Основьяненко «Солдатский портрет» по-русски критик откровенно писал: «Так-то лучше: а то мы, москали, немного горды, а еще более того ленивы, чтобы принуждать себя к пониманию красот малороссийского наречия»¹³⁴. Вторил ему и О.И. Сенковский, о языке повести Г. Квитки-Основьяненко он замечал: «говорят, будто в Малороссии его называют нашим языком, русским ... Мы не понима-

ем этого гибридного языка! У нас он, напротив, почитается чистым малороссийским»¹³⁵.

На наш взгляд, позицию Белинского по вопросу о малороссийском языке отличает явное стремление к четкой иерархизированности понятий и нормативности, опирающейся на жесткое соответствие категориальных рядов: а) областное наречие – разговорный язык – крестьянское сословие – племя; соответствующие древности и архаичности и б) язык – литература – образованный слой общества – народ; соответствующие представлениям о способности к новаторству и эволюции. Такая позиция находится в логическом соответствии с разработанной критиком концепцией народности (народность – начальная стадия формирования этнокультурной самобытности, ее «внешнее выражение», а следующий этап – национальность – означает самосознание этой отличительности, фаза, в которой народ выступает как сознающий себя национальный «дух»). Одним из аргументов становится уже рассмотренный выше важный для признания малороссов как этнокультурной единицы классификации мотив архаической «чистоты» древних языковых форм.

Подобный взгляд на перспективы развития малороссийского литературного языка и украинской литературы был широко распространен в 1830–1840-е годы. В своем отношении к малороссийскому наречию В.Г. Белинский несколько не отличался от Н.И. Греча, Н.В. Кукольника, Ф.В. Булгарина, О.И. Сенковского и др., разделяя расхожее мнение о том, что «малороссийское наречие» пригодно только на «жарты».

Однако в российской публицистике этого времени бытовала и другая точка зрения – «защитники» малороссийской письменности и языка отстаивали свои позиции на страницах журнала «Маяк». Вряд ли правомерно заключение, что они являлись сторонниками «украинофильского» направления или выражали сходные с ним идеи, скорее они рассуждали о малороссийской самобытности и важности украинской темы в литературе со славянофильской точки зрения¹³⁶. Многие авторы и критики этого издания были родом с Украины, любили и знали ее язык и культуру. Н. Тихорский, например, категорически не принимал высказываний Белинского о малороссийском наречии как языке социальных низов и писал, обращаясь к оппонентам: «Оставьте, ради Бога, ложное мнение, что на малороссийском языке надо говорить мужицким языком. Малороссийский язык звучен, гибок, и может выражать самые высокие мысли»¹³⁷. Он рассматривал лексическое «богатство» украинского языка как потенциал развития

полифункциональности в рамках самостоятельного литературного языка, а не источник, питающий «реку» общерусского языка или российской истории.

Вопрос о происхождении малороссийского языка /наречия.

Наречие и язык как синонимы

Свое мнение о происхождении малороссийского языка высказывали не только историки и филологи, но и многие наблюдатели и путешественники. В первой половине столетия считалось возможным установить истоки и заимствования, не прибегая к специальным аналитическим процедурам, а опираясь исключительно на свой опыт и произвольное сравнение со своим собственным языком – оценивая в первую очередь понятность и фонетические особенности речи. По утверждению А.И. Левшина, малороссийский язык происходит от «древнего славянского, но смешан с немецкими, латинскими и польскими, перековерканными словами, отчего делается почти непонятным великороссиянину»¹³⁸. Довольно веским аргументом считалось наличие или отсутствие в языке некоторых лексем, свидетельствовавших о бытовании или нераспространенности в народной нравственности негативных явлений. В одном из этнографических очерков о малорусах указывалось, что в малороссийском наречии нет слова «вор», которое заменяется более общим по смыслу «злодій», на основании чего делался вывод, что и само явление весьма редко в этом народе¹³⁹.

Одна из первых русскоязычных научных классификаций и описаний языков была опубликована в 1820 году, ее автором был известный российский ученый, финн по происхождению П.И. Кеппен. Он однозначно относил «русские наречия» к славянской группе и полагал, ссылаясь на труды А.С. Шишкова, что их существует всего два: суздальское и украинское. «Кривичское» он называл наречием, употребляемым в Белоруссии и представлял его как «нечто среднее» между малороссийским и польским¹⁴⁰. Подчеркивалось, что на протяжении веков «коренной славянский язык» претерпевал изменения, причем в разных регионах Европейской России по-разному, в зависимости от включения в его состав слов неславянских языковых групп. Украинскому наречию автор приписал включение множества слов «немецкого происхождения», а также влияние «латинского языка науки»¹⁴¹.

Многие как научные, так и обывательские версии происхождения малороссийского языка исходили из сравнения его с другими – прежде всего родственными западно- и восточнославянскими языками,

что порождало заключения о его «промежуточном», переходном характере, подтверждения чему находились главным образом в лексике. Издатель журнала «Отечественные записки» П.П. Свиньин характеризовал малороссийский язык как довольно звучный, находящийся гораздо ближе к церковнославянскому, нежели русский, однако различия между русским и украинским объяснял не западным, а татарским влиянием: в нем он обнаружил обилие «принятых им татарских слов»¹⁴². В своих заметках Свиньин попытался очертить ареал распространения малороссийского языка, который, «находясь под влиянием Польши и Литвы, во многих местах, особенно в пограничных, претерпел большое изменение». «Столицей» малороссийского языка Свиньин называл Полтаву, где язык сохранился в первоначальной чистоте своей и «без посторонней примеси звучит по хуторам и селам. При приближении к Чернигову он заметно начинает портиться, за Черниговом изменяется в литвинский, в Киеве смешивается с польским, а за Киевом совершенно исчезает»¹⁴³. Всякая «примесь» трактовалась автором негативно, рассматривалась как «порча» коренного языка. По мнению Свиньи́на, лучше всего чистый малороссийский язык, «с малейшими изменениями и оттенками», выразился в народных песнях.

Подобно А. Левшину, Свиньин обращает внимание на тот факт, что обороты и фразы, частые междометия и местоимения украинского языка нередко непонятны не только иностранцам, но и самим малороссиянам. Автор объяснял это тем, что «всякий малороссиянин думает, что говорящий с ним непременно должен понимать его». В подтверждение этого он даже приводит случай, когда помещик, желая посоветоваться со своим мужиком в довольно затруднительной ситуации, получает от него ответ на совершенно непонятном языке¹⁴⁴. Любопытно, что пример этот доказывает не столько «характер малоросса» (как это пытался доказать автор), сколько иллюстрирует уже указанную особенность очевидных различий между языком разных социальных групп Малороссии.

В «Северной пчеле» от 1835 года был опубликован обзор повестей Г. Основьяненко. Автор рецензии В.И. Даль¹⁴⁵ сравнивал язык малороссиян с польским, приходя к выводу о том, что язык Украины для русских гораздо «ближе польского», который «слишком удался, перемешался и переродился» вследствие смешения с западными языками¹⁴⁶. Отношение к малороссийскому наречию как к русскому, «испорченному» польским влиянием, было довольно распространенным в первой половине XIX в. Н.И. Греч в «Опыте истории русской

литературы» писал: «Малороссийское наречие родилось и усилилось от долговременного владычества поляков в юго-западной России, и может даже называться областным польским»¹⁴⁷. И.А. Кулжинский также усматривал в малороссийском «нечто среднее между польским языком и русским, так точно, как уния в свое время была среднею религиею между католичеством и православием»¹⁴⁸.

Подобное объяснение казалось в тот период наиболее естественным по причине долгого нахождения южнорусских земель под польским владычеством, а также наличия в малороссийском языке полонизмов. Подобный взгляд на малороссийский язык (вплоть до концепции о том, что малороссийское наречие есть региональный польский язык) был характерен и для польской науки данного периода. И.И. Срезневский в 1834 году писал профессору И.М. Снегиреву, что «украинский язык есть язык, а не наречие – русского или польского, как доказывали некоторые...»¹⁴⁹. Одним из первых, кто провозгласил малорусский язык не только в качестве самостоятельного, но и отличающегося от великорусского и от польского, стал в 1827 году М.А. Максимович¹⁵⁰.

Его позиция оказалась созвучна И. Могилевскому, который в своей статье, впервые опубликованной на польском языке в 1829 году, и увидевшей свет на русском в 1837 году¹⁵¹, подробно рассмотрел существовавшие к 1830-м годам концепции происхождения и истории малороссийского языка. Он – как и другие исследователи, занимавшиеся изучением лингвистического родства, был вынужден обращаться к данным о прошлом народов и племен. Исходная посылка рассуждений такова: первоначальный общий восточнославянский язык разделился на разные ветви, среди которых и малорусское наречие, притом на протяжении истории менявшее свое название. Именно эти разночтения в именовании и породили путаницу в определении происхождения языка и народа¹⁵². Автор видит причину в том, что единый народ, именуемый некогда «русью», был носителем русского языка, а с распространением русского племени по более обширным пространствам Европейской России сам язык мог измениться лишь в незначительной степени, потому верно именовать его «русским» для всех трех ветвей единой русской народности. Эта одна из наиболее популярных, восходящих еще к теориям эпохи Просвещения, концепций происхождения и эволюции восточнославянских языков, оказавших существенное влияние на их позднейшие классификации.

Малороссийское «наречие» понималось как региональный вариант некогда единого русского языка, употребляемого населением

тех русских земель, которые вошли в состав Польского государства (притом «на правах равного польскому народу»¹⁵³). Важно отметить акцент автора на том, что русский язык на южнорусских землях не только был «языком народным, но и правительственным»¹⁵⁴ – т.е. функционировал в различных формах. Это был действительно важный аргумент, учитывая, что статус «наречия» так или иначе соотносился с диалектами и с языком «простонародным» – в отличие от литературного языка. Данная концепция эволюции языка прибегала к аргументации в пользу старшинства малороссийского наречия среди других восточнославянских, при этом акцентировала древность его происхождения, наличие книжных форм еще в период средневековья, а разделение трех наречий трактовала как «порчу» русского внешними воздействиями.

Представители харьковской литературной школы, весьма болезненно отреагировавшие на рассмотренную выше рецензию В.Г. Белинского, посвященную «Ластовке», разделяли, как и многие украинофилы, взгляды Могилевского на «старшинство» малороссийского наречия среди восточнославянских. В письме редактору «Отечественных записок» А.А. Краевскому Г. Квитка писал: «Должен Вам сказать, что при появлении у нас той книги «Отечественных Записок» здесь все взбунтовались против Вашего журнала... И знаете ли? Этот раскол, произведенный русскими журналами против нашего языка, недолго будет существовать. Дайте нашим юношам возмужать, опереться, т.е. познакомиться с пером, они докажут и утвердят, что великороссийский язык есть только наречие нескольких губерний, дитя-то не старше нашего языка, старшего сына коренного славянского»¹⁵⁵.

Могилевский настаивал на том, что «южнорусский язык» – лишь неверное наименование той разновидности русского языка, которая складывалась на территории русских земель (позже именуемых малороссийскими и белорусскими), оказавшихся в составе польского государства, а схема его разделения на великорусское (московское), белорусское и малорусское наречия неверна. Ликвидация письменного варианта сложившегося южнорусского языка была осуществлена «сверху» в имперский период российской истории в связи со стремлением к языковой и государственной унификации¹⁵⁶. Вывод сводится к тому, что южнорусское наречие не является диалектом ни русского, ни польского языков, он «всегда различествовал от прочих ветвей славянского языка, в особенности же от церковнославянского, от польского и великороссийского», и представляет

собой исторически сложившийся самостоятельный язык, некогда общий у всех русских племен. С момента присоединения Малой, Белой, Червонной Руси к Российскому государству он потерял свой официально-государственный статус и сохранился лишь в устно-разговорной форме.

Могилевский, детально разбирая отличия «книжной», «письменной» и «народной» или «гражданской» (т. е. разговорной) форм южно-русского языка¹⁵⁷, расценивал отличия первой от второй как весьма существенные: под «книжным наречием» понимается «церковный язык», под «письменной» формой – используемый в официально-деловых документах, школьном обучении, письменно-бытовом общении и вероятно в публицистике южнорусский язык, который, впрочем, Могилевский предлагает называть просто «русским». Иначе говоря, различия в малороссийском и белорусском наречиях стали отмечаться под влиянием распространения топонимов «Малая» и «Белая» Россия.

Вовсе не разделявший такую концепцию этногенеза восточнославянских племен и происхождения их языков Ф.Б. Булгарин в «Ливонских письмах» 1852 года так же, как и Могилевский, связывал формирование отличий в некогда едином русском языке с историческим разделением Руси на Великую, Малую, Белую и Черную Росии. «Жители всех этих четырех исторических отделений, – писал он, – различаются друг от друга наречием»¹⁵⁸.

Таким образом, разные источники указывают и на то, что существовало еще не формализованное, но уже сложившееся и имплицитно функционирующее в научных текстах соответствие социальных и территориальных вариантов языка определенным типам этнических общностей: оно связывало «народ» с «языком», а «племя» с «наречием». При этом лингвистическая и этнографическая классификации не просто были взаимосвязаны, они могли использовать общие термины для обозначения одноуровневых единиц таксономии. Ф.Б. Булгарин не сомневался и даже подчеркивал, что «наречие не то, что язык, но есть только различие главного языка у племен, составляющих один *народ*»¹⁵⁹. Он разделяет говор, жаргон и наречие, ставя последнее в зависимость от этнокультурных различий родственных племенных сообществ, сформировавших на определенном этапе единый организм – народ. Именно в этом контексте, а не иначе, следует расценивать заявления о статусе малороссийского языка – такие, например, как в рецензии Н. Тихорского, где автор от имени журнала «Маяк» отстаивал право малороссийского народа и языка на самобытность, возмущаясь сложившимся в русском обществе мнением о том, будто

это «не особый язык, а наречие русского языка!»¹⁶⁰. Не получившее еще лингвистического статуса, данное соответствие не воплощалось в формулу только потому, что само понятие «народ» как нация также находилось еще в стадии складывания.

Однако преобладала в русской публицистике концепция взаимообусловленности этнической и языковой иерархий и идея о том, что самостоятельный (национальный) язык есть свидетельство высокого развития национального самосознания и определенной стадии развития духовной жизни, что ставит народ, не сформировавший нормы (носителя устной его формы, наречия) на более низкую ступень в этнической иерархии. Применительно к малороссийскому языку / наречию эти стереотипы в полной мере выразил литературный критик А. Милюков. В работе «Вопрос о малороссийской литературе», относящейся к середине 1850-х годов, он писал: «Местные патриоты уверяют, что малороссийский язык есть такой же отдельный, самостоятельный славянский язык, как болгарский, чешский, польский — и, следовательно, называть его наречием русского языка несправедливо. Последователи этих мнений, прямо уже называют украинцев особым народом, наречие свое — самостоятельным языком». В этих словах ясно прослеживается точка зрения автора на этнолингвистическую классификацию (народ (этнос) обладает языком, «отрасль» народа (субэтнос) является носителем наречия). Фиксированным можно считать и вопрос о полифункциональности как признаке литературного языка: «украинцы, говоря о возможности развития своего наречия, спрашивают: неужели одному русскому языку принадлежит у нас монополия быть проводником образованности и органом науки? Да, без сомнения теперь общерусскому языку принадлежит эта монополия во всей русской земле». Эту монополию, — как утверждает Милюков, — дал русскому языку не «кружок патриотов», а «ход самой истории». В доказательство своей мысли он приводит в пример существующие в европейской культуре соотношения между литературными языками и наречиями, обусловленные племенной принадлежностью и государствообразующим народом: между английским языком и шотландским наречием, а также итальянско-флорентийским языком и пьемонтским и неаполитанским региональными вариантами. Таким образом, по мнению автора, «в истории мы не находим малороссийского народа и малороссийского языка, точно также, как не находим белорусского или сибирского народа, а знаем один только русский народ с племенными наречиями белорусским и малороссийским»¹⁶¹.

Мы сознательно не упоминаем об идейно-политических позициях всех вышеуказанных авторов (об этом существует значительное число исследований¹⁶²), поскольку, на наш взгляд, обнаруженные параллели между этнографической и лингвистической классификациями убедительно свидетельствуют о том, что различие точек зрения в научной среде были зависимы прежде всего от понимания сущности и методов установления границ этнических групп и трактовки этничности, и лишь затем диктовались политическими взглядами и предпочтениями.

Язык, наречие и жаргон: место в языковой иерархии как основание для исторического статуса

Следует подчеркнуть, что вопрос о статусе малороссийского наречия / языка стал неперенным элементом как украинофильского, так и антиукраинского (иногда именуемого правоконсервативным или «патриотическим»¹⁶³) дискурса. Наиболее частым предметом полемики оказывался вопрос о соотношении малороссийского языка / наречия и русского языка / великорусского наречия. Сама номинация «наречие» указывала на диалектность, или, точнее, региональность малороссийского языка в его отношении к общерусскому литературному национальному языку. В качестве устно-разговорной формы оно сопоставлялось с великорусским и белорусским наречиями, но претензия его на статус самостоятельного славянского языка – равнозначного чешскому, польскому или русскому – вызывала несогласие ряда исследователей. Основанием для этого служили три группы уже упоминавшихся аргументов, отражавших в целом уровень развития лингвистической теории: а) история происхождения малороссийского и великороссийского племен и их речевого своеобразия; б) потенциальные возможности создания литературного «полноценного» языка на основании малороссийского наречия (подобно тому, как русский литературный был создан на базе великорусского наречия); в этом аспекте водораздел между языком и наречием был связан с наличием разработанных книжно-письменных форм (в языке) и бытованием наречия лишь в устно-разговорной разновидности; в) терминологическая упорядоченность языка описания и классификации самой лингвистической науки.

Рассмотренная выше тенденция к установлению взаимосвязей между этнической и политической историей племен и формирующимися диалектными или просторечными языковыми особенностями во вто-

рой половине XIX в. не только сохранялась, но оказалась доминирующей. Развитие славистики в целом, а также новые концепции русской истории, данные этнографии и фольклористики, антропологические исследования позволили во многом скорректировать представления об этногенезе восточнославянских племен и складывании культурно-региональных отличий «русского» населения Европейской России (как писал в указанной статье Н.И. Надеждин, «восточно-русский и западно-русский» «оттенки русской народности»). По-прежнему не подвергалась сомнению идея о соответствии этапов этнического самосознания (народности) стадиям развития языков из наречий.

К теоретическим вопросам классификации «языковой действительности» обращались прежде всего те, кто занимался кодификацией языка – в частности, составители словарей. К середине столетия было создано три так называемых «академических словаря» русского языка: Словарь Академии Российской (1789–1794), «Словарь церковно-славянского и русского языка» (1847), и «Опыт областного великорусского словаря» (1852). Новаторскими считаются принципы, положенные В.И. Далем в основу создания «Толкового словаря живого великорусского языка» (1862). Даль отстаивал идею о том, что «обработанный» (т.е. кодифицированный литературный) язык должен создаваться на базе «народного»: «у нас нет еще достаточно обработанного языка, и что он, не менее того, должен выработаться из языка народного»¹⁶⁴. Язык народный, в свою очередь, «слагается», по мнению составителя, из наречий и говоров.

В статье 1852 года Даль указывал на трудность разграничения понятий: наречием он называл а) «язык не довольно самостоятельный, и притом столь близкий к другому, что, не нуждаясь ни в своей особенной грамматике, ниже в словаре, может быть хорошо понимаем теми, кто знает первый»; б) наречием «более в политическом смысле» он именовал «областной, местный говор небольшой страны»; а также считал наречием в) язык «местный, искаженный, как полагают, отщепенный от коренного языка»¹⁶⁵. Однако главным критерием отличия наречий и говоров от языка стало для Даля отклонение от литературной нормы: «язык, которым говорит большинство, а тем более сословие образованное, язык письменный, принимается за образцовый, а все уклонения его – за наречия». Впрочем, он отдавал себе отчет в том, что «господство одного наречия над другим» случайно и довольно условно и объясняется чаще всего политическими обстоятельствами¹⁶⁶. Такая позиция определила и понимание «самостоятельного» языка: «за самостоятельный, по развитию и обращению, язык должно

признать тот, у которого есть своя грамматика и письменность, за наречие – незначительное уклонение от него, без своей грамматики и письменности, говор – еще менее значительное уклонение»¹⁶⁷.

Однако через 10 лет, в предисловии к первому изданию толкового словаря, дефиниции трех важнейших лингвистических единиц уже не вызывали у него никаких сомнений и давались в весьма упрощенном виде: «дело это просто и ясно. За исключением на юге и западе ближайшего соседства Малой и Белой Руси, у нас, во всю ширь Великой Руси, нет *наречий*, а есть разве только одни *говоры*. Говор отличается от языка и наречия одним только оттенком произношения, с сохранением нескольких слов старины и с прибавкою весьма немногих, образованных на месте, речений, всегда верных общему духу языка»¹⁶⁸. Таким образом, на первое место в процессе выявления «уклонений» у Даля теперь выходит фонетика, а вовсе не степень кодифицированности и наличие письменных форм.

Именно поэтому, на наш взгляд, настаивая на том, что малорусский и белорусский есть наречия одного языка, Даль объединил диалекты Великодержавии в «язык», а не в великорусское наречие, – несмотря на то, что главным материалом для словаря избрал именно говоры, а церковный язык и «русский обветшавший» он из словаря исключил¹⁶⁹. Ему представлялось, что малая вариативность, понятность и естественная однородность великорусских говоров делает их бесспорной и естественной базой общерусского литературного языка, а отличающиеся в большей степени региональные особенности языка Малой и Белой России следует расценивать как локальные инварианты.

Даль делает акцент на сходстве и взаимном понимании носителями различных великорусских говоров друг друга, хотя в словарь вошло довольно много малороссийской и белорусской лексики, бытующей на великорусских территориях. Немаловажно и то, что основным критерием определения ареала великорусских говоров Даль сделал пространственный: языковые границы обуславливались историко-культурным регионом¹⁷⁰, а не наоборот. На наш взгляд, основной интенцией автора было зафиксировать сходства, лежащие в основании единства различных форм великорусского / русского языка как национального, несколько «сгладив» отличия – объяснимый процесс, типичный для выявления всякой этнокультурной общности на данном этапе развития науки, аналогичный акцентированию этнодифференцирующих различий для установления границ между этническими и племенными группами. Можно согласиться с исследователями, усматривающими во взглядах Даля, быть может,

неосознанное, но отчетливое стремление «гомогенизировать сложную лингвистическую реальность»¹⁷¹.

Интересно обращение Даля к сравнению европейских локальных вариантов национального языка и великорусских говоров. Такое обращение неслучайно – например, помимо термина «наречие» в отношении малороссийского употреблялось и обозначение «жаргон». В лингвистической иерархии того времени понятие «жаргон» не обладало четкими критериями, но чаще всего оно использовалось для описания западноевропейских языковых процессов и понималось либо как социолект, либо как городское койне, существующие лишь в разговорной речи; но так или иначе «жаргон» воспринимался как отклонение от принятых норм языковой коммуникации. В рецензии на «Кобзаря» Т. Шевченко, помещенной в журнале «Маяк» в 1840 году, П. Корсаков писал о малороссийском наречии: «В нем таится еще много драгоценных преданий, недоступных для тех исследователей истории, которые говорят о нем с презрением, как о каком-нибудь безграмотном *jargon*»¹⁷². Безграмотность, искаженность – вот основные приметы жаргона, которым очень часто именовали речь городской прислуги («приказное» и «галантерейное» наречия – в определении Даля) и просторечие, носители которого «оторвались» от чистого (естественного) диалекта, но не освоили еще стандарты литературного устного языка. Об этом пишет Даль, будучи убежден, что «у нас вовсе нет того, что другие народы зовут *жаргоном*, чему у нас нет даже названия, то есть наречия искаженного, картавого, порождения племени, принявшего, по обстоятельствам, чужой язык и обработавшего его по-своему; у нас есть нечто подобное только у полуобрусевших инородцев»¹⁷³, поэтому «в сем отношении мы поставлены в более счастливое положение, чем западные европейцы»¹⁷⁴. Можно в связи с этим упомянуть мнение Ф.Б. Булгарина, высказанное чуть ранее в связи с рассуждениями о малороссийской литературе: «Наречие вовсе не то, что французы называют *patois*, англичане *brogue*»¹⁷⁵.

И гораздо позднее «жаргон» понимался как искусственный язык, но не в значении стандартизации, а в смысле неестественности, оторванности от истоков и потому нежизнеспособности его. В 1914 году В.Н. Перетц в письме к А.А. Шахматову писал о жаргоне как о плодах самодеятельности невежд: «Грушевский и его соратники – Дорошенко и Ко (у нас в «Украине») хотят (сами того не подозревая) ожаргонить язык, ибо старого не знают, с историей языка совсем не знакомы и либо сами пускают (по выражению Тимченко) в ход «какотворы», либо коверкают русские слова...», и далее «...Грушевский

с Дорошенко – гордятся, что спасли отечество, насовавши в работу Тимченка своего жаргону... Суди их Бог!»¹⁷⁶.

История языка через этническую историю: основание для классификации

Языковые классификации славянских языков имели ряд вариаций, обусловленных существовавшими теориями этно- и лингвогенеза. В работе 1845 года И.И. Срезневский выделял два наречия, принадлежащие к «восточному отделу» славянских языков: великорусское (с поднаречием белорусским) и малорусское (Восточное и Западное, в котором представлен также Закарпатский говор)¹⁷⁷, что позволило другим исследователям однозначно утверждать, например, что великорусский язык, сложившийся из областной разновидности, ныне нельзя назвать наречием, ибо он представляет собой особую ветвь славяно-русской речи¹⁷⁸. Однако, как известно, взгляды ученого на происхождение украинского языка подверглись серьезным изменениям на рубеже 1860–1870-х годов, когда Срезневский стал рассматривать малороссийское наречие лишь как один из региональных диалектов русского языка.

М.А. Максимович предложил собственную классификацию «словенских языков», разделив их на восточно-словенский и западно-словенский «разряды». Первый разряд он отождествлял с русскими языками, носителей которых он распределил в две группы: северовосточные словены (северные руссы). Северно-русский язык представлен великорусским и литовско-русским (белорусским) языками, юго-восточная группа (южные руссы) состоит из одного языка – южнорусского, однако разделяющегося на малороссийское (украинское) наречие и червонорусское (галицкое)¹⁷⁹. Таким образом, получилось, что русский язык состоит из трех языков, а не наречий. Сам термин «наречие» был для Максимовича неприемлем потому, что он обозначал для него «диалект»¹⁸⁰.

Классификация Максимовича опиралась на его видение истории восточнославянских племен¹⁸¹, в связи с чем необходимо упомянуть некоторые обстоятельства дискуссии между М.П. Погодиным и И.И. Срезневским, с одной стороны, и малороссийскими деятелями, с другой, относительно формирования малороссийского языка, которое теснейшим образом соотносилось с историей киевского наследия. М.П. Погодин в одном из опубликованных писем к И.И. Срезневскому¹⁸² оспаривал его мнение о том, что, поскольку в языке киевских ле-

тописей до XIV в. не встречается никаких элементов малороссийского языка, то и сами малороссийское и великороссийское наречия появляются позже этого времени. Историк утверждал, что язык летописей – «церковный», был книжным языком, разговорную разновидность которого представляло великороссийское наречие¹⁸³, его использовали – великорусы, жившие в Киевском государстве вплоть до татарского нашествия, после чего переселились в Северо-Восточные земли. А Киевские княжества заселили выходцы «с Карпатских гор», которые и были носителями малороссийского наречия¹⁸⁴. При этом оба наречия – «ровесники», родившиеся уже в IX в., но малороссийское не нашло воплощения в письменной форме, так как летописание осуществлялось в церковно-великороссийском варианте.

Эта работа вызвала резкую критику со стороны «украинофилов» – в частности, М.А. Максимовича. М.А. Максимович приводил аргументы, позволяющие опровергнуть мнение о том, что Киевская и вся Западная Русь стали именоваться Малой лишь после присоединения к «Восточной Руси», апеллируя к разножанровым текстам, в которых термины «Россия» и «Малая Россия» применялись, начиная с конца XVI века¹⁸⁵, доказывая тем самым и глубокую древность малороссийского языка¹⁸⁶. М.А. Максимович и П.И. Житецкий строили свои доказательства исходя из того, что письменный книжный язык не может отражать формы разговорной речи и потому неверно делать выводы о позднем разделении великорусского и малорусского наречий на основании изучения древнерусских памятников: язык этих текстов не рисует нам картины местных наречий, но очевидно, что «из первобытной почвы русского праязыка выросло малороссийское наречие»¹⁸⁷.

А. Афанасьев-Чужбинский, составивший словарь «малороссийского наречия», считал статус «наречия» довольно высоким, вполне совместимым с определенной самостоятельностью и высоким уровнем развития языка. Он сетовал на различное отношение к нему со стороны ученых и обывателей: «Второе отделение Академии Наук признало его за отдельное наречие и приобрело у меня словарь этого наречия, начатый Академией в 1854-м году, однако это несколько не мешает многим считать его испорченным великорусским ... Но ... малороссы наследовали свой язык от предков. ... славяне эпохи дотатарской и дохристианской не говорили как теперь говорят великорусы ... но не говорили они и по-малорусски, однако последнее наречие нельзя сказать чтобы уж слишком удалилось от первобытного источника»¹⁸⁸. С присоединением Малой России к Московскому государству «грамотный люд» стал стремиться употреблять великорусские

обороты вместе польских, а к XIX в. «образованное сословие приняло и усвоило русский язык, простолюдины сохранили свой»¹⁸⁹. Таким образом, составитель словаря рассматривал малороссийское наречие как «коренной» язык, носителем которого осталось крестьянское население Малороссии, а его отличия от великорусского сформировались лишь с политическим обособлением регионов Киевской Руси.

А.А. Потехня соглашался с существованием прарусского языка, отличного от других славянских, но считал, что различие малорусского и великорусского наречий существовало исстари – его можно отнести к периоду «много раньше XII в.» и что оба они являются двумя главными наречиями русского языка¹⁹⁰.

Некоторые последствия дискуссии о статусе языка/наречия

Следует отметить, что вопрос соотношения двух восточнославянских наречий стоял весьма остро на протяжении всего XIX в., сделавшись одним из инструментов политики – особенно в связи с польскими событиями 1860-х годов. Это нашло отражение и в политике российских властей. Точка зрения правительства была выражена в «высочайше одобренном» циркуляре министра внутренних дел графа П. Валуева от 20 июня 1863 года. Опираясь на высказываемые в прессе (например, в киевском «Вестнике Юго-Западной России») лояльные украинофильские взгляды об употреблении украинского языка, Валуев писал, что «большинство малороссов сами весьма основательно доказывают, что никакого малороссийского языка не было, нет и быть не может, и что наречие их, употребляемое простонародьем, есть тот же русский язык, только испорченный влиянием на него Польши...»¹⁹¹. Запрет на преподавание малороссийского языка был подтвержден и Эмским циркуляром 1876 года¹⁹², впрочем, на практике, как показано в работе А. Каревина, валуевские меры оказались не столь жесткими, как на бумаге¹⁹³. Тем не менее, в 1860–1890-е годы всякая – даже сугубо научная – дискуссия по вопросу о языке (и тем более «русском») в той или иной степени обретала политический ракурс, что неизбежно придавало ей новое – идеологическое – измерение¹⁹⁴.

Проблема языка в практическом аспекте (всегда детально рассматриваемая в современных исследованиях о национальной политике Российской империи), актуализировала прежнюю полемику о его статусе, тесно связанную с версиями происхождения восточнославянских народов. Кроме того, она стала важной и в связи с другими, педагогическими вопросами – в частности, о языке преподавания в

народной (начальной) школе, поскольку и в учительской среде не было единства мнений о методике и языке преподавания даже в границах великорусского региона (именно в связи с различиями местных диалектов).

Довольно полную картину последствий теоретических и политических дискуссий дает статья этнографа и общественной деятельницы проукраинского толка А.Я. Ефименко¹⁹⁵. В 1870-х годах шла острая полемика вокруг методики преподавания в крестьянской школе. Одним из ее пунктов и стал вопрос не столько о русском языке на занятиях, сколько об использовании понятных детям из разных регионов страны различных – в том числе, кстати, и великорусских – диалектов и говоров. Автор, разбирая позицию противников употребления в школе малороссийского наречия, указывает на использование ими «научных» аргументов, среди которых наиболее весомым является утверждение о том, что малороссийский язык представляет собой только наречие, поднаречие или говор общерусского языка, и потому не имеет права на самостоятельное существование¹⁹⁶. Эту точку зрения Ефименко последовательно отвергает, полагая, что термин «общерусский язык» является условным, поскольку «вообще русского языка» нет, а есть русский литературный и две группы народных говоров – южно- и северно-русская¹⁹⁷. Но качественная степень отличий между малорусским *наречьем* и великорусским *языком* с ее точки зрения не была установлена лингвистами однозначно, поэтому главный вопрос: понимания учениками учителя и учебников, можно решить лишь исходя из практики преподавания. Важно отметить, что автор подтверждает свое позицию ссылкой на реализованные в Европе решения о преподавании на диалектах и их теоретической базой (в частности, во Франции и в Германии), которые также стояли перед проблемой использования региональных говоров в процессе выработки общей для всех регионов государства системы образования¹⁹⁸.

Этнограф приводит мнения тех, кто считает малороссийский самостоятельным языком и указывает на неопределенность хронологических рамок выделения его из общерусского праязыка, поскольку возможно точно установить лишь расхождения между письменными (книжными) языками, но не разговорными формами. Оспаривает она и один из аргументов сторонников запрета преподавания на малорусском языке, состоящего в том, что украинцы настолько хорошо понимают русский язык, что вполне способны обучаться на нем; Ефименко приводит многочисленные (и весьма красноречивые) примеры недоразумений, связанных с разным значением одинаковых слов.

Даже приняв отнесение малороссийского языка к статусу наречия, – убеждена автор, – необходимо ввести в начальной школе Малороссии преподавание на понятном для детей языке – т.е. на малороссийском – равно как и в других областях Империи разрешить использование местных диалектов / наречий. Впрочем, как указано в работе А. Каревина, в официально утвержденной «Методике первоначального обучения» 1876 года уже содержалось замечание о допустимости использования родного языка на первичной стадии школьного образования¹⁹⁹.

Резюмируя, отметим, что современные исследователи приходят к выводу о том, что на протяжении XIX в. украинский язык обсуждался с точки зрения трех проблем, так или иначе связанных с вопросом о его зрелости, «полноценности», функциональности, лингвистическом статусе и месте в языковой иерархии. С середины века эти вопросы рассматривались с позиции политических притязаний народа, его носителя – как в кругу славян, так и среди племен единого русского этноса. Малороссийский трактовался как «самостоятельный» язык или наречие (диалект) великорусского или общерусского (русского) языка; устанавливалась его древность и «развитость» форм по сравнению с великорусским; обсуждались возможности употребления данного языка не только в художественной литературе, но и в других областях.

Спектр существовавших ответов условно можно обозначить следующим образом: а) малорусское наречие – самостоятельный славянский язык (Ф. Миклошич, А. Шлейхер, В.П. Науменко²⁰⁰, О. Огоновский²⁰¹, П.И. Житецкий, В.В. Антонович), или трем русским племенам соответствуют «три особые однородные языка» (М.А. Максимович); б) малорусское наречие – диалектная группа общерусского языка, сформировавшегося еще в древнерусский период (до XIV в.), когда сложилось языковое единство. На ее возникновение оказали влияние историко-политические факторы (А.И. Соболевский, М.Н. Погодин, П.А. Лавровский²⁰², Е.Ф. Карский, А.А. Потеня); в) малорусское наречие – территориальный вариант русского языка в границах прежде всего Малороссии, «испортившийся» под польским влиянием (М.В. Ломоносов, И.А. Кулжинский, Ф.В. Булгарин) или «наречие языка польского» – Н.И. Греч, Ф. Духинский). Последнюю версию из всех трех можно считать наиболее архаической, во второй половине XIX в. она имела сторонников главным образом в польской научной среде.

Своеобразным итогом дискуссий XIX века о происхождении и статусе малороссийского языка можно считать ряд статей в энциклопедии Брокгауза и Ефрона – «малорусское наречие», «великоруссы», «малоруссы» и «русский язык». В первой²⁰³, опирающейся на наиболее полное исследование А.И. Соболевского²⁰⁴ (который полагал, что в Киевской Руси господствовало великорусское наречие, а малорусское бытовало в среде мигрировавших в Поднепровье только в XV в. групп), рассмотрены различные варианты интерпретации лингвистического статуса. Автор статьи С.К. Булич утверждал, что наречием следует именовать «разновидности более нового происхождения», и поскольку фонетические особенности малороссийского наречия, отличающие его от прочих русских, возникли после отделения общерусского языка от славянского, то «малорусский говор есть наречие». Языковые отличия, в свою очередь, сформировались из некогда «диалектических особенностей». Разница между наречием и языком, по мнению автора, связана лишь с древностью отличительных признаков – «возрастом языковой разновидности». «До известного возраста языковая разновидность носит название наречия, а после него – языка», – указывает автор, поэтому малороссийское наречие имеет полную возможность сделаться со временем языком. Но на современном этапе подобные предпосылки еще не созрели: степень различий между русскими наречиями недостаточно значительна (не такова, чтобы затруднять взаимное понимание), и нормы литературного языка не сложились еще вполне. Иначе говоря, малороссийскому наречию отказано в «полноте» признаков языка²⁰⁵. Однако Булич затрагивает и вопрос о национальных притязаниях малороссов: он уверен, что они никак не должны быть аргументированы этими лингвистическими данными ни сторонниками, ни противниками, так как апелляция к ним в политической борьбе есть выражение невежества, и полагает, что у малороссийского наречия есть все объективные возможности «дозреть» до стадии языка.

А.А. Шахматов, рассматривая гипотезы о времени разделения русских говоров на великорусское, белорусское и малорусское наречия, склонен был считать, что их возникновение связано «с образованием трех великих народностей, на которые распалось русское племя» – это произошло не ранее XII века, однако и до этого существовали северный, южный и средний говоры. Ученый был убежден, что литературный русский язык сложился на основании великорусского наречия, но полагал вполне естественным, что «в Малороссии образовался свой литературный язык: его будущая судьба и

отношение к великорусскому литературному языку не могут быть определены теперь, когда взаимные отношения малорусского и великорусского наречий регулируются не жизнью, а административными распоряжениями и в значительной степени ими вызванным украинофильством»²⁰⁶.

Разбор исторических аргументов каждой из сторон отражен в статье Д.Н. Анучина о великорусах²⁰⁷, который можно расценивать как один из научных итогов истории малорусского языка / наречия позапрошлого века. Он считал вполне убедительными доказательства того, что «южноруссы, несмотря на тюркскую и иную примесь, могли сохранить свой язык и народность», однако указывал, что в этом случае «это было возможно и для тех русских племен, которые двинулись на север и северо-восток, тем более, что им пришлось здесь иметь дело с более мирными и слабыми племенами финскими»²⁰⁸. Ученый полагал несостоятельными гипотезы о том, что малорусский язык есть древний язык Киевской Руси, который, подвергшись влиянию церковнославянского, финского и др. языков, «испортил» свою «чистую» первоначальную малорусскую основу. Он признавал, что «малорусский язык есть, несомненно, самостоятельное наречие русского языка, сохранившее в себе даже некоторые большие признаки древности, чем великорусское и, во всяком случае, ему равноправное и более обособленное, чем, например, наречие белорусское», а образование великорусского и малорусского наречий «должно быть отнесено к тому же времени как и вообще расхождение первоначального русского языка на главные свои ветви» — т.е. после XIII века.

Необходимо остановиться также на тех общетеоретических положениях о лингвистической иерархии и дефинициях ее отдельных единиц, которые были выработаны российским языкознанием, в том числе и благодаря полемике вокруг малороссийского вопроса. Терминологическое и теоретическое разнообразие лингвистических концепций и научных классификаций в европейской науке второй половины столетия нашло отражение, в частности, в дефинициях понятий «наречие», «говор», «язык», соотношение которых было упорядочено на основании сложившихся представлений о формировании и функционировании литературного языка.

Наречие понималось как диалект, носителем которого была «часть однородного населения той или другой страны, представляющий, наряду с общими характерными признаками данного языка, и известные отличия, настолько значительные, что устные сношения данной части населения с прочими довольно затруднительны»²⁰⁹. Наречие,

в свою очередь, делится на поднаречия, а последние – на говоры. Главным отличием говора от наречия представляется незначительность его отличий, не затрудняющих «устные сношения» с другими представителями этого же народа²¹⁰, хотя на практике, как отмечает С. Булич, понятие «говор» нередко смешивают с понятием «наречия». Русский язык подразделяется на великорусское, малорусское и белорусское наречия. В определении указывается историческая эволюция этих единиц языка: предполагается, что наречие древнее говоров. Основным критерием отличия языков от наречий и говоров являются, как указывает С. Булич, главные («единственные») существенные признаки – фонетические особенности²¹¹.

А.А. Шахматов дал определение понятий «язык», «наречия» и «поднаречия» уже как вполне сложившихся классификационных терминов, находящихся в иерархическом соотношении: «... разнообразные оттенки языка, состоящие в различном произношении звуков, в замене одних звуков другими, в изменении грамматических форм и синтаксических оборотов, называются наречиями, поднаречиями, говорами. Различие между этими терминами вполне относительное: о наречиях говорят там, где имеется в виду противопоставить им язык, характеризующий более или менее значительную народность в ее настоящем или прошедшем; о поднаречиях – там, где требуется указать, что они, как части, связаны с целым, определяемым как наречие, в противоположении к еще более обширному целому, называемому языком, и т. д. Строго говоря, каждая мелкая общественная группа имеет свой язык: его можно назвать языком, когда о нем говорят безотносительно; его назовут говором, поднаречием, наречием, если потребуются определить его отношение к языку тех более крупных единиц, в состав которых входит эта общественная группа»²¹². Таким образом, дефиниции терминов стандартизируются, установление лингвистической иерархии происходит с учетом или на основании исследований политической и племенной истории этнических групп, а также эволюции их племенного и культурного развития (включая внешние воздействия и внутреннюю дифференциацию).

Единообразие и стройность принципов лингвистической классификации проявились, в частности, в утверждении о том, что «в логическом отношении понятие «наречие» может быть сравнено с понятием *вида* в естественных науках»²¹³, а термин «говор» – с понятием «разновидности»²¹⁴. В этом контексте чрезвычайно значима одна оговорка: определение «вполне твердых и незыблемых границ между

понятиями говор, наречие и язык невозможно» из-за существования ряда промежуточных форм, которые не всегда могут быть уложены в рубрики. Важно отметить, что лингвисты XIX в. (начиная с В.И. Даля) осознавали условность и модальность категорий, используемых для выделения элементов и уровней языка: эти «рубрики» – т.е. классификационные единицы, именуются «в действительности чистыми абстракциями»²¹⁵. В наиболее полной мере позитивистская абсолютизация научно-эволюционных схем в различных областях науки подверглась критике в интерпретации И. А. Бодуэна де Куртене. В статье «язык и языки» энциклопедии Брокгауза и Ефрона, вышедшей позднее, в 1907 году, он подчеркивал искусственность лингвистических классификационных понятий – в частности, такого как «национальный язык», расценивал его как «фикцию», не имеющую опоры в реальной действительности, как элемент научного инструментария. «Язык племенной и национальный, – писал он, – является чистой отвлеченностью, обобщающей конструкцией, созданной из целого ряда реально существующих индивидуальных языков. Такой племенной и национальный язык состоит из суммы ассоциаций языковых представлений с представлениями внеязыковыми — ассоциаций, свойственных индивидам и, в *отвлеченном*, абстрактном смысле, в виде *среднего вывода*, также народам и племенам»²¹⁶. Национальный литературный язык в этом смысле есть конструкт, «освященный обычаем и «невольным соглашением» всех членов данного языкового общества» с приписанными ему идеальными нормами, объединяющими предписаниями и правилами. С его точки зрения реальны только индивидуальные языки²¹⁷. Именно в этом контексте следует, на наш взгляд, интерпретировать слова Т.Д. Флоринского из статьи 1900 года, в которой он писал, что если и есть особая разница между терминами «язык» и «наречие», то «в науке это дело второстепенное»²¹⁸. Процесс выработки норм языка в этом смысле является одним из способов реализации политики лингвистического конструктивизма.

Обращение к источникам убедительно свидетельствует, что несовершенство научных знаний и неустоявшийся понятийный аппарат способствовали широкому хождению политически ангажированных концепций. Однако, несмотря на то, что некоторые ученые и общественные деятели употребляли обозначенные понятия достаточно произвольно, расценивая различие между ними как незначительное, они, тем не менее, в той или иной степени апеллировали к существующим научным классификациям.

Интерпретация «малороссийскости» как региональной специфики русской народности, языка, культуры не была оригинальной, но она не может быть расценена как выражение негативного отношения к малороссам, хотя вполне правомерно усматривать в ней признаки этнокультурного предубеждения и комплекса превосходства «цивилизаторов». Но в сравнении с представлениями о других народах Империи следует отметить, что подобная позиция являла собой довольно типичный для своего времени ход рассуждений об этничности как таковой – ее формах, эволюции, сущности. И в этом контексте она вовсе не отрицала существование конкретной малороссийской этнической группы. На том этапе развития научно-этнографических знаний и методов любое отличие часто толковалось в качестве этнодифференцирующих признаков (в этом случае усматривались разные этнические черты, например у великорусов – жителей соседних сел) или напротив – сходство казалось более явным, а степень различий между родственными этническими сообществами недооценивалась, и они квалифицировались как региональные варианты представителей одного этноса. Однако в случае со статусом великорусов и малорусов каждая из сторон могла, разумеется, видеть в этой классификационной нечеткости определенный идеологический подтекст. Так, в частности, именование малороссийского языка наречием воспринималось зачастую как принижение его значения, расценивалось в категориях высокое / низкое.

Итак, можно еще раз констатировать, что вопрос о статусе малороссийского языка на протяжении всего XIX столетия оставался не только в сфере внимания ученых-лингвистов и историков, но подвергался серьезному влиянию со стороны политических групп, имперской идеологии и был включен в процесс формирования национальных проектов²¹⁹. В основе аргументации сторон находилась вербализуемое или неосознанное сравнение с великорусским (языком или наречием) и общерусским языком, что позволяет предполагать, что, поскольку формирование этнолингвистической иерархии осуществлялось в признанных бесспорными границах славянской общности, то и разработка концепций «великорусскости» и «малорусскости» шли рука об руку – ведь одно устанавливалось через другое.

Следовательно, признание таких отличительных особенностей малороссийской (украинской) этничности от великорусской – как наличие национального характера и языка/наречия не означало для русских наблюдателей-путешественников и ученых XIX в. еще объективного и бесспорного существования двух самостоятельных,

хотя и родственных народов. Проблема заключалась в том, что, несмотря на доминировавшую в имперской науке концепцию о триедином «русском» народе, значение и место каждого из них в его составе были определены как неравные – и внутри общности велико-, мало- и белорусов существовала очевидная иерархия. Можно согласиться с некоторыми общими принципами ее политических и исторических оснований, смоделированных А. Каппелером²²⁰. Однако в отношении роли таких «культурных» признаков как язык, «цивилизованность» и национальный характер следует отметить, что к концу столетия представление об именно этих критериях отнесения к иерархии видится исследователем не совсем верно: оно было уже вполне точно сформулировано – во всяком случае, в лингвистическом и в меньшей степени в этнографическом аспектах. Племена и языку для получения определенного места в ней необходимо было обладать рассмотренными выше приметами «полноты» и зрелости, а также играть совершенно определенную роль в государстве. Статус «главного» и нациеобразующего этноса был присвоен только великорусскому народу как основателю Московской, а потом и Имперской государственности. Одной из причин «непризнания» претензий ученых-украинофилов на национальную (а не только этнографическую) самостоятельность, могло стать, как мы полагаем, резкое отторжение так называемого «украинского национального проекта», который рассматривался как угроза раскола – в том числе и в той важной для всякой формирующейся националистической доктрины области, которая связана с утверждением и научным обоснованием древности народа и культуры, его «коренных» территориальных, политических и идеологических «прав» на преобладание²²¹ – даже в сугубо этнокультурной сфере. Однако способы и аргументы полемизирующих сторон дают основание предполагать, что противоречия по ряду научных вопросов (использовавшиеся потом в аргументации совсем иного рода) не всегда были вызваны только политико-идеологическими (национальными) разногласиями, но зачастую диктовались сложностью решения научных задач, недостатком имеющихся сведений и несовершенством методики исследований.

Примечания

¹ Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 2000. С. 37–40.

² Вишленкова Е.А. Визуальная антропология империи, или «увидеть русско-го дано не каждому». Препринт WP6/2008/04. М., 2008; Мартин А. Изображение

«русскости» в конце XVIII – начале XIX в. // *Ab Imperio*. 2003. №3. С. 119-134; Степанов Ю.С. Русь, Россия, русские, россияне // *Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры*. М., 2004. С. 151-165; Трубачев О.Н. Русский – российский. История, динамика, идеология двух атрибутов нации // *Трубачев О.Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси*. М., 2005. С. 225-236.

³ В рассматриваемых нами источниках второй половины XIX в. для обозначения жителей Малой России (Малороссии) применялись этнонимы «малорусы», «малороссы», а также «малороссияне» и «украинцы» (последние два – довольно редко, при этом «украинцами» могли именовать как этнос, так и только отдельные региональные группы малорусов, составлявшие его). Трудно однозначно определить принципы словоупотребления понятий «великорусы», «великороссы» или «великороссийский», «великорусский», хотя в первой половине столетия явно преобладала форма, производная от топонима – т. е. «великороссийский» и «малороссийский». В данной статье в авторском тексте термины «малорусы» / «малороссы» и «великорусы» / «великороссы» используются как синонимичные.

⁴ *Лескинен М.В.* Понятие «нрав народа» в российских этнографических концепциях второй половины XIX века // *Славянский альманах*. 2006. М., 2007. С. 281-311; *Она же.* Понятие «нрав народа» в российской этнографии второй половины XIX в. Описание малоросса в научно-популярной литературе и проблема стереотипа // *Украина и украинцы: образы, представления, стереотипы. Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии*. М., 2008. С. 67-94; *Она же.* Поляки и финны в российской науке второй половины XIX века: «Другой» сквозь призму идентичности. М., 2010. Гл. 1; 4.

⁵ Цит. по: *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу. М., 2003. С. 451.

⁶ *Ионов И.Н.* Цивилизационная самоидентификация как форма исторического сознания // *Искусство и цивилизационная идентичность*. М., 2007. С. 169–187; *Слэзкин Ю.* Естествоиспытатели и нации: русские ученые XVIII века и проблема этнического многообразия // *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. Антология*. М., 2005. С. 120–154.

⁷ *Куприянов П.С.* Представления о народах у российских путешественников начала XIX в. // *Этнографическое обозрение*. 2004. №2. С. 21–38. С. 24–25.

⁸ Там же. С. 28–31.

⁹ *Левкиевская Е.Е.* Стереотип украинца в русском сознании // *Украина и украинцы: образы, представления, стереотипы. Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии*. М., 2008. С. 154–176. С. 157.

¹⁰ Путешествие кн. Петра Шаликова в Малороссию. М., 1803; Другое путешествие князя П. Шаликова в Малороссию. М., 1804.

¹¹ Путешествие. С. 17.

¹² *Левкиевская Е.Е.* Указ. соч. С. 157.

¹³ *Измайлов В.В.* Путешествие в полуденную Россию в 1799 г. М., 1805.

¹⁴ Там же. С. 3–8.

¹⁵ *Зенкин С.Н.* Французский романтизм и идея культуры. Аспекты проблемы. М., 2001. С. 50–53; *Софронова Л.А.* Романтический герой // *Софронова Л.А.* Культура сквозь призму поэтики. М., 2006. С. 471–496.

¹⁶ *Измайлов В.В.* Указ. соч. С. 93–102.

¹⁷ *Сенковский О.И.* Путешествие на Волынь и в Подолию // *Вестник Европы.* 1820. Ч. 109. № 1. С. 19–33. С. 20–21.

¹⁸ Там же. С. 23.

¹⁹ Там же. С. 24.

²⁰ *Левкиевская Е.Е.* Указ. соч. С. 158–160.

²¹ *Левшин А.И.* Письма из Малороссии. Харьков, 1816. С. 4.

²² *Монтескье Ш.* О духе законов // *Монтескье Ш.* Избр. произведения. М., 1955. С. 412–414.

²³ *Сомов О.* О романтической поэзии. Опыт в трех статьях (вторая и третья статьи) // «Их вечен с вольностью союз». Литературная критика и публицистика декабристов. М., 1983. С. 158–173. С. 167–168.

²⁴ *Богданов К.* О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмом. М., 2006. С. 134.

²⁵ *Суни Р.* Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самознание и теории империи // *Ab Imperio.* 2001. №1–2. С. 9–72. С. 49–53. См. также: *Лавренова О.А.* Географическое пространство в русской поэзии XVIII– начала XX вв. М., 1998.

²⁶ *Левшин А.И.* Указ. соч. С. 58–73.

²⁷ *Павловский А.* Грамматика малороссийского наречия или грамматическое показание существеннейших отличий, отдаливших малороссийское наречие от чистого русского языка, сопровождаемое разными по сему предмету замечаниями и сочинениями. СПб., 1818. С. I.

²⁸ *Лотман Ю.М.* Современность между Востоком и Западом // *Лотман Ю.М.* История и типология русской культуры. М., 2002. С. 744–763. С. 744.

²⁹ О механизмах переориентирования ментальных карт в XVIII – начале XIX вв. с оппозиции юг/ север на запад/ восток см., например: *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу. М., 2003; о ее польских смещениях: *Мочалова В.В.* Миф Европы у польских романтиков // Миф Европы в литературе и культуре Польши и России. М., 2004. С. 129–146. С. 139–141; *Софронова Л.А.* Образ Европы в русском культурном контексте XVIII в. // Там же. С. 97–109; *Филатова Н.М.* Россия и русские в поэзии польского восстания 1830–1831 гг. // Историк и художник. 2008. №1–2 (15–16). Польша и Россия. С. 10–24.

³⁰ *Свиньин П.П.* (Из живописного путешествия по России). Полтава // Отечественные записки. 1830. Ч. 42. (№120). С. 1–45. С. 31–32. Позже вышла книга:

Свиньин П.П. Картины России и быт разноплеменных ее народов. Из путешествий П.П. Свиньиного. СПб., 1839.

³¹ Максимович М.А. О малороссийских народных песнях. Предисловие // Максимович М.А. Собр. соч. В 3-х тт. Киев, 1876–1880. Т. 2. Киев, 1877. С. 439–457. С. 440.

³² Там же.

³³ Там же. С. 443–444.

³⁴ Венелин Ю. О характере народных песен у славян задунайских // Телескоп. 1835. Ч. XXVII. № 9–11. №10. С. 167.

³⁵ Хорев В.А. Стереотип Польши и поляков в русской литературе накануне и после национально-освободительного восстания 1830 г. // Хорев В.А. Польша и поляки глазами русских литераторов. М., 2005. С. 35–59; Зорин А. Народная война // Зорин А. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2004. С. 157–186.

³⁶ Левкиевская Е.Е. Указ. соч. С. 157–158; Манн Ю. У истоков русского романа // Нарезный В.Т. Собр. соч. в 2-х тт. М., 1983. С. 31–38.

³⁷ Для первой половины столетия характерен интерес к народной малороссийской словесности как со стороны украинских, так и русских собирателей фольклора и первых его исследователей. Необходимо отметить, что малороссийская тема в фольклористике зародилась несколько ранее, нежели сформировался устойчивый интерес к великорусской словесности. Подробнее об украинской теме в фольклористике см.: Азадовский М.К. История русской фольклористики. В 2-х тт. М., 1958–1963. Т. 1. М., 1958. Т. 1. С. 254–276.

³⁸ Формозов А.А. Классики русской литературы и историческая наука. М., 1995. С. 64.

³⁹ Софронова Л.А. Романтический герой; Манн Ю.В. Динамика русского романтизма. М., 1995.

⁴⁰ Кулжинский И.Е. Воспоминания о Вольни // Вестник Западной России. 1865. Т. 1. Кн. 1. Отдел IV. С. 3.

⁴¹ Грабович Г. Грані міфічного: образ України в польському й українському романтизмі // Грабович Г. До історії української літератури: Дослідження, есе, полеміка. Київ, 1997. С. 177–190. Общие тенденции в польском и русском «вариантах» украинофильства этого периода рассмотрены в: Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. Гл. 1.

⁴² Азадовский М.К. Указ. соч. Т. 1. С. 276–287.

⁴³ См.: Миллер А.И. Указ. соч. С. 53–54; Лисяк-Рудницький І. Історичні есе. Т. 1. Київ, 1994. С. 276; Пыпин А.Н. История русской этнографии. В 4-х тт. СПб., 1890–1892. Т. 3. Этнография малорусская. СПб., 1891. С. 262–272.

- ⁴⁴ Габбе П.А. Прогулка за Днепром // Московский телеграф. 1827. Ч. 14. №5. С. 17.
- ⁴⁵ Софронова Л.А. Старинный украинский театр. М., 1996. С. 75–86.
- ⁴⁶ Там же. С. 84–85.
- ⁴⁷ Билютенко Е.И. Романтическая шляхетская гавэнда в польской прозе XIX в. Гродно, 2008.
- ⁴⁸ Северная пчела. 1836. № 50. С. 197 (В «Северной пчеле» нумерация страниц здесь и далее сквозная по годам).
- ⁴⁹ Северная пчела. 1836. № 162. С. 645.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Северная пчела. 1837. № 260. С. 1037.
- ⁵² Царынный А. (Стороженко Я.) Вечера на хуторе близ Диканьки Н.Гоголя // Сын Отечества и Северный архив. 1832. Т. XXV. №2–5 (третий отдел).
- ⁵³ Там же. №4. С. 225.
- ⁵⁴ Там же. №2. С. 110.
- ⁵⁵ Цит. по: Шандра В. Малоросійське генерал-губернаторство 1802-1856. Київ, 2001. С. 273.
- ⁵⁶ Царынный А. Указ. соч. № 2. С. 107.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Досталь М.Ю. Об элементах романтизма в русском славяноведении второй трети XIX века (по материалам периодики) // Славяноведение и балканистика в отечественной и зарубежной историографии. М., 1990. С. 4–116.
- ⁵⁹ Царынный А. Указ. соч. №5. С. 107. С. 290–298.
- ⁶⁰ Азадовский М.К. Указ. соч. Т. 1. М., 1958. Гл. 2, 4, 5; Токарев С.А. История русской этнографии (дооктябрьский период). М., 1966. Гл. 5.
- ⁶¹ Тихорский Н. «Казачи» А. Кузьмича // Маяк. 1843. Т. 12. Кн. XXIV. Гл. IV. С. 75–147. С. 109.
- ⁶² Булгарин Ф.В. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1852. № 104. С. 413.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Булгарин Ф.В. Заметки, выписки и корреспонденция Ф.Б. // Северная пчела. 1856. № 14. С. 73-74.
- ⁶⁵ Там же. С. 74.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Булгарин Ф.В. Ливонские письма. XVII // Северная пчела. 1852. № 221. С. 381.

- ⁷¹ Каппелер А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии российской империи // Россия – Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 125–144. С. 137.
- ⁷² Булгарин Ф.В. Ливонские письма. XVII. С. 381.
- ⁷³ Булгарин Ф.В. Заметки. С. 73.
- ⁷⁴ Булгарин Ф.В. Журнальная всякая всячина. С. 413.
- ⁷⁵ Булгарин Ф.В. Ливонские письма. XVII. С. 381.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Аксаков К.С. Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души // Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика. М., 1981. С. 142–150. С. 149–150.
- ⁷⁸ Пыпин А. Н. История русской этнографии. Т. 3. С. 302.
- ⁷⁹ Венелин Ю. И. О споре между южанами и северянами на счет их россизма. М., 1848. С. 3.
- ⁸⁰ Там же. С. 3–4.
- ⁸¹ Там же. С. 9.
- ⁸² Там же.
- ⁸³ См.: Досталь М.Ю. Указ. соч.
- ⁸⁴ См.: Шандра В. Указ. соч. С. 280.
- ⁸⁵ Славяноведение в дореволюционной России. М., 1979. С. 59.
- ⁸⁶ Saunders D. Ukrainian Impact on Russian Culture. 1750 – 1850. Edmonton, 1985. P. 187.
- ⁸⁷ Украинцы / Отв. ред. Н.С.Полищук, А.Д. Пономарев. М., 2000. С. 20.
- ⁸⁸ Миллер А.И. Указ. соч. С. 52.
- ⁸⁹ Ефименко А.Я. Очерки истории Правобережной Украины // Ефименко А.Я. Южная Русь. Очерки, исследования, заметки. В 2-х тт. СПб., 1905. Т. 1. С. 1–144. С. 11.
- ⁹⁰ Сементовский А. «Переяславская ничь» И. Галки // Там же. Т. 12. Кн. XXIII. Гл. IV. С. 44–73. С. 44–45.
- ⁹¹ Тихорский Н. «Казачи» А. Кузьмича. С. 127–128.
- ⁹² Бурачек С.А. «История Малой России» Д.Н. Бантыш-Каменского // Маяк. 1842. Т. 5. Кн. IX. С. 23–47. С. 34.
- ⁹³ Скальковский А.А. Очерки Запорожья // Журнал Министерства Народного просвещения. 1840. Ч. 25. № 1. С. 194–199.
- ⁹⁴ Бурачек С.А. «История Малороссии». С. 24, 46.
- ⁹⁵ Полностью вышла позже: Маркевич Н.А. История Малороссии. В 5-ти тт. М., 1843–1845.
- ⁹⁶ Никитенко А.В. Дневник. В 3-х тт. Л., 1955–1956. Т. I. Л., 1955. С. 277–278.
- ⁹⁷ Там же. С. 303–304.

⁹⁸ Успенский Б.А., Лотман Ю.М. Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры // Успенский Б.А. Избр. труды. В 2-х тт. М., 1996. Т. 1. С. 411–572.

⁹⁹ Там же. С. 491.

¹⁰⁰ Там же. С. 547 (сноска 121).

¹⁰¹ Виноградов В.В. Литературный язык // Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978. С. 288.

¹⁰² Там же; Он же. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М., 1938. С. 387.

¹⁰³ Литературный язык // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1990.

¹⁰⁴ Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика. М., 2001. С. 47–49. Эдельман Д.И. К проблеме «язык или диалект» в условиях отсутствия письменности // Теоретические основы классификации языков мира. М., 1980. С. 127–147.

¹⁰⁵ Язык // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 604; Коряков Ю.Б. Проблема «язык» или «диалект» (статья не опубликована, доступна в Интернете по адресу: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Проблема «язык» или «диалект»](http://ru.wikipedia.org/wiki/Проблема_«язык»_или_«диалект»)); Беликов В.И., Крысин Л.П. Указ. соч. С. 63–69.

¹⁰⁶ Беликов В.И., Крысин Л.П. Указ. соч. С. 48.

¹⁰⁷ Д.И. Эдельман приводит в пример словосочетание, используемое В.А. Жуковским: «наречие каждой деревни», название которого фиксируется по наименованию населенного пункта (Там же.)

¹⁰⁸ Основная библиография научных исследований XIX в. и основные тенденции полемики по этому вопросу отражены в статье: Малорусское наречие // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.Е. Ефрона. В XLI тт. (82 полутт.) / Под ред. Е.И. Андреевского. СПб., 1890–1907. Т. IXа (п/т 18). СПб., 1899. С. 485–487 (Автор – С.К. Булич). Более подробная характеристика истории концепций содержится в вводной части работы Д.И. Абрамовича (Абрамович Д.И. Из лекций по русскому языку и славяно-русской палеографии – текст доступен на сайте: <http://spbda.ru/node/4327>). Анализ и оценки лингвистических теорий XIX в. современными исследователями представлены в историографических разделах следующих трудов: Москаленко А.А. История украинского мовознавства. Київ, 1991; Трубачев О.Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. М., 2005; Остапчук О.А. Изменение государственных границ как фактор формирования языковой ситуации на Правобережной Украине в конце XVIII – первой половине XIX в. // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе. М., 2005. С. 53–92. Одна из новейших монографий принадлежит киевскому историку А. Каревину (Каревин А. Русь нерусская. Как рождалась «рідна мова». М., 2006), в которой истории складывания лингвистических концепций XIX века посвящены главы 1–2 (Там же. С. 5–24.)

¹⁰⁹ Россия. Русский язык // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.Е. Ефрона. Т. XXVIII (п/т. 55). СПб., 1899. С. 564–581 (автор – А. Шахматов). С. 564.

¹¹⁰ Разделение народов на «исторические» и «неисторические» было воспринято из гегелевской философии истории и стало центральным в том числе и в разработке этнической классификации, поэтому не совсем верно связывать ее с политикой в отношении племен и народов (полемика об этом, в частности: *Лисяк-Рудницький І.* Зауваги до проблеми «історичних» і «неісторичних» націй // *Лисяк-Рудницький І.* Історичні есе. Київ, 1994. Т. 1. С. 27-47; *Грабович Г.* Ще про «неісторичні» нації і «неповні» літератури // *Грабович Г.* До історії української літератури. С. 543–570).

¹¹¹ Подр. об этом: *Лескинен М.В.* Поляки и финны. Гл. 2–3.

¹¹² *Павловский А.* Указ. соч. С. II.

¹¹³ *Левшин А.И.* Указ. соч. С. 78.

¹¹⁴ *В. Луганский.* Малороссийские повести, рассказанные Грицком Основьяненко // Северная пчела. 1835. №17-18. № 17. С. 65.

¹¹⁵ *Срезневский И.И.* Взгляд на памятники украинской народной словесности // Ученые записки Московского университета. 1834. Ч. IV. С. 136.

¹¹⁶ *Надеждин Н.И.* Об этнографическом изучении народности русской // Этнографическое обозрение. 1994. №1. С. 111–112.

¹¹⁷ *Ушинский К.Д.* Труды Уральской экспедиции. Три статьи. Рецензия (1853) // *Ушинский К.Д.* Собр. соч. в 11-ти тт. М.–Л., 1948–1953. Т. 1. М.–Л., 1948. С. 449.

¹¹⁸ *Афанасьев А.* Рецензия на «Байки и прибаутки» Боровиковского // Северная пчела. 1852. № 168.

¹¹⁹ *В. Луганский.* Малороссийские повести. С. 65.

¹²⁰ Там же. С. 65-66.

¹²¹ Там же.

¹²² *Шнирельман В.* Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов. М., 2000. С. 12–33.

¹²³ *Надеждин Н.А.* Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные Пасичником Рудым Панько // *Надеждин Н.А.* Литературная критика. Эстетика. М., 1972. С. 280–282. С. 281.

¹²⁴ *В. Луганский.* Малороссийские повести. С. 66.

¹²⁵ *Ушинский К.Д.* Указ. соч. С. 449–450.

¹²⁶ *Метлинский А.Л.* Предисловие // *Метлинский А.Л.* Народные южнорусские песни. Киев, 1854. С. 12.

¹²⁷ *Горизонтов Л.Е.* «Большая русская нация» в имперской и национальной стратегии самодержавия // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001. С. 129–150.

¹²⁸ *Белинский В.Г.* Е. Гребенка «Ластовка» // *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. В 13-ти тт. М., 1951–1959. Т. V. М., 1954. С. 176–178. С. 176.

¹²⁹ Там же. С. 177.

- ¹³⁰ Там же.
- ¹³¹ Там же. С. 177.
- ¹³² Там же. С. 178.
- ¹³³ *Белинский В.Г.* Е. Гребенка «Ластовка». С. 179.
- ¹³⁴ *Белинский В.Г.* Литературная хроника 1838 г. (Современник. Тт. IV–VIII) // *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. в 13-ти тт. Т. 2. М., 1952. С. 346–356. С. 355.
- ¹³⁵ *Сенковский О.И.* Литовская летопись // Библиотека для чтения. 1841. Т. 48. С. 43–59. С. 44.
- ¹³⁶ См.: *Досталь М.Ю.* Указ. соч.
- ¹³⁷ *Тихорский Н.* Скјп. Украинский новорочник // Маяк. 1842. Т. V. Кн. IX. Гл. IV. С. 1–20. С. 20.
- ¹³⁸ *Левшин А.И.* Указ. соч. С. 78.
- ¹³⁹ Малорусы (Народы России. Этнографические очерки) // Природа и люди. 1878. №2. С. 1–51. С. 2.
- ¹⁴⁰ Обзорение всех языков и наречий, составленное по донесениям П.И. Кепена П.Ф. Аделунгом. СПб., 1820. С. 22.
- ¹⁴¹ Там же. С. 24.
- ¹⁴² *Свиньин П.П.* Указ. соч. С. 34.
- ¹⁴³ Там же. С. 34–35.
- ¹⁴⁴ Там же. С. 36.
- ¹⁴⁵ *В. Луганский.* Малороссийские повести, рассказанные Грицком Основьяненко // Северная пчела. 1835. №17–18.
- ¹⁴⁶ Там же. № 17. С. 66.
- ¹⁴⁷ *Греч Н.И.* Опыт истории русской литературы. СПб., 1822. С. 12.
- ¹⁴⁸ Цит. по: *Барабаш Ю.* Почва и Судьба. Гоголь и украинская литература: у истоков. М., 1995. С. 66.
- ¹⁴⁹ Цит. по: [Досталь М.Ю.] На путях становления украинской и белорусской наций: факторы, механизмы, соотношения. М., 2004. С. 125.
- ¹⁵⁰ *Максимович М.А.* Указ. соч.
- ¹⁵¹ Б.а. (*Могилевский И.*) О давности и самобытности южнорусского языка // *Кулиш П.* Записки о Южной Руси. В 2-х тт. Репринтное изд. 1856–1857 гг. Киев, 1994. Т. 2. С. 261–279.
- ¹⁵² Там же. С. 261.
- ¹⁵³ Там же. С. 263–264.
- ¹⁵⁴ Там же. С. 264–266.
- ¹⁵⁵ Цит. по: *Голубенко П.* Україна і Росія у світлі культурних взаємин. Київ, 1993. С. 157.
- ¹⁵⁶ Б.а. (*Могилевский И.*) Указ. соч. С. 267–270.
- ¹⁵⁷ Там же. С. 270, 276.
- ¹⁵⁸ *Булгарин Ф.Б.* Ливонские письма // Северная пчела. 1852. № 221. С. 381.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Тихорский Н. «Кзаки» А. Кузьмича. С. 127.

¹⁶¹ Милуков А. Вопрос о малороссийской литературе // Милуков А. Отголо-ски на литературные и общественные явления. Критические очерки. СПб., 1875. С. 126–163. С. 131–132, 141–142.

¹⁶² Наиболее важными, на наш взгляд, являются труды А.Н. Пыпина (*Пыпин А.Н.* История русской этнографии. В 4–х тт. СПб., 1890–1892. Т. 3. СПб., 1891), М.К. Азадовского (*Азадовский М.К.* История русской фольклористики. В 2–х тт. М., 1958–1963) и С.А. Токарева (*Токарев С.А.* История русской этнографии (дооктябрьский период). М., 1966) – главы и разделы о развитии украинской темы в российской историографии.

¹⁶³ Подтверждением могут служить интерпретации вопроса о малороссийском языке со ссылками на научные лингвистические исследования XIX в. в работах более позднего времени – начала и первой четверти XX вв., опубликованные в сборнике «Украинский сепаратизм в России» или статьи и монографии Н.И. Ульянова (*Ульянов Н.И.* Происхождение украинского сепаратизма. М., 1996).

¹⁶⁴ Даль В.И. Напутное слово (1862) // Толковый словарь Живаго великорусского языка. В 4-х тт. СПб. – М., 1880-1882. Т. 1. СПб. – М., 1880. С. XIV.

¹⁶⁵ Даль В.И. О наречиях русского языка. По поводу опыта областного великорусского словаря, изданного вторым отделением Императорской Академии наук (1852) // Там же. С. XLVIII.

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ Даль В.И. Напутное слово. С. XVII.

¹⁶⁹ Там же. С. XXI.

¹⁷⁰ Даль В.И. О русском словаре (1860) // Толковый словарь Живаго великорусского языка. Т. 1. С. XXXVII-XXXVIII.

¹⁷¹ Vitalich K. Dictionary as Empire: Vladimir Dal's Interpretative Dictionary of the Living Great Russian language // *Ab Imperio*. 2007. №2. P. 153–178.

¹⁷² Корсаков П. Рецензия на «Кобзаря» Т. Шевченко // Маяк. 1840. Часть VI. С. 94.

¹⁷³ Даль В.И. Напутное слово. С. XVII.

¹⁷⁴ Там же. С. XVIII.

¹⁷⁵ Patois – местный говор, местное наречие; brogue – провинциальный акцент. Булгарин Ф.Б. Ливонские письма // Северная пчела. 1852. № 221. С. 381.

¹⁷⁶ Письмо В.Н. Перетца к А.А. Шахматову от 7 апреля 1914 года / Публикация, комм. и прим. П.П. Елецкого // Минувшее. Исторический альманах. Т. 23. СПб., 1998. С. 257–258.

¹⁷⁷ Срезневский И.И. Обзорение черт сродства звуков в наречиях славянских // Журнал министерства Народного просвещения. 1845. Ч. 48. № 12. Отд. II. С. 149–186.

¹⁷⁸ Н.Н. (Надеждин Н.И.) Великая Россия // Энциклопедический лексикон / Под ред. Н.И. Греча и О.И. Сенковского. Изд. А.А. Плюшара. В 17-ти тт. (неокончено). СПб., 1834–1841. Т. IX. СПб., 1837. С. 273.

¹⁷⁹ Максимович М.А. Критико-историческое исследование о русском языке // Максимович М.А. Собр. соч. В 3-х тт. Киев, 1876–1880. Т. 2. Киев, 1877. С. 3–24.

¹⁸⁰ Максимович М.А. Начатки русской филологии // Там же. С. 25–155. С. 58–59.

¹⁸¹ Максимович М.А. Откуда идет русская земля, по сказанию несторовой повести и по другим старинным писаниям и рукописям (1837) // Там же. Т. 1. Киев, 1876. С. 5–92; он же. О происхождении варяго-русов (Письмо к М.П. Погодину) // Там же. С. 93–110.

¹⁸² Погодин М.П. Записки о древнем языке русском // Известия Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности. Т. V. Вып. 2. СПб., 1856. Стлб. 70–92.

¹⁸³ Там же. Стлб. 79.

¹⁸⁴ Там же. Стлб. 80.

¹⁸⁵ Максимович М.А. Новые письма к М.П. Погодину о старобытности малорусского наречия (1863) // Максимович М.А. Собр. соч. в 3-х тт. Т. 3. Киев, 1880. С. 273–311.

¹⁸⁶ Максимович М.А. Начатки русской филологии. С. 25–155.

¹⁸⁷ Житецкий П.И. Очерки звуковой истории малорусского наречия. Киев, 1876. С. 257.

¹⁸⁸ Афанасьев-Чужбинский А. Поездка в Южную Россию. В 2-х ч. СПб., 1863. Ч. 1. Очерки Днепра. С. 8.

¹⁸⁹ Там же. С. 9.

¹⁹⁰ Потебня А. Заметки о малорусском наречии. Воронеж, 1871.

¹⁹¹ Цит. по: Миллер А.И. Указ. соч. С. 240–241.

¹⁹² О причинах и последствиях этих постановлений подробно: Миллер А.И. Указ. соч. Гл. 4.

¹⁹³ Каревин А. Указ. соч. Гл. 2.

¹⁹⁴ Миллер А.И. Язык, идентичность и лояльность в политике властей Российской Империи // Россия и Балтия. Остзейские губернии и Северо-Западный край в политике реформ Российской империи. Вторая половина XVIII – XX вв. М., 2004. С. 142–155; Сталюнас Д. Идентификация, язык и алфавит литовцев в российской национальной политике (1860-е гг.) // Ab Imregio. 2005. №2. С. 225–254.

¹⁹⁵ Ефименко А.Я. Малорусский язык в народной школе // Ефименко А.Я. Южная Русь. Очерки, исследования, заметки. В 2-х тт. Т. 2. СПб., 1905. С. 208–235.

¹⁹⁶ Там же. С. 218.

- ¹⁹⁷ Там же. С. 219–220.
- ¹⁹⁸ Там же. С. 229–233.
- ¹⁹⁹ Каревин А. Указ. соч. Гл. 1.
- ²⁰⁰ Науменко В.П. Обзор фонетических особенностей малорусской речи. Киев, 1889.
- ²⁰¹ Огоновский О. (Е.М.). История литературы русской. В 2-х чч. Львів, 1887–1889.
- ²⁰² Лавровский П.А. Обзор замечательных особенностей наречия малорусского сравнительно с великорусским с другими славянскими наречиями // Журнал Министерства Народного просвещения. 1859. №6. С. 225–266.
- ²⁰³ Малорусское наречие. С. 485–487.
- ²⁰⁴ Соболевский А.И. Очерки из истории русского языка. Киев, 1884; Он же. Лекции по истории русского языка. СПб., 1891.
- ²⁰⁵ Малорусское наречие. С. 486.
- ²⁰⁶ Там же.
- ²⁰⁷ Великоруссы // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.Е. Ефрона. Т. Va (п/т. 10). СПб., 1892. С. 828–843 (автор – Д. Анучин).
- ²⁰⁸ Там же.
- ²⁰⁹ Наречие // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.Е. Ефрона. Т. XXa (п/т. 40). СПб., 1897. (автор – С. Б-ч). С. 611–613.
- ²¹⁰ Говор // Там же. Т. IX (п/т. 17). СПб., 1893. С. 10–11.
- ²¹¹ Малорусское наречие. С. 485.
- ²¹² Россия. Русский язык. С. 564–565.
- ²¹³ Наречие. С. 611.
- ²¹⁴ Говор. С. 10.
- ²¹⁵ Наречие.
- ²¹⁶ Язык и языки // Там же. Т. XLI (п/т. 81). СПб., 1904. (автор – И. Б. де К.). С. 529–548.
- ²¹⁷ Там же.
- ²¹⁸ Флоринский Т.Д. Малорусский язык и «українсько-руський» литературный сепаратизм // Украинский сепаратизм в России. М., 1998. С. 330–384. С. 337.
- ²¹⁹ См.: Миллер А.И. «Украинский вопрос»; Горизонтов Л.Е. Указ. соч.
- ²²⁰ См.: Каппелер А. Указ. соч.
- ²²¹ См.: Шнирельман В. Указ. соч.

**«МАЛОРОССИЙСКАЯ НАРОДНОСТЬ»
В РОССИЙСКОЙ НАУКЕ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА:
ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО
ОПИСАНИЯ**

История представлений народов друг о друге, «формулы» национальных характеров и этнокультурных стереотипов «своего» и «чужого» в последние полвека привлекает к себе пристальное внимание ученых различных гуманитарных дисциплин. Особое место занимает реконструкция принципов восприятия Другого в исследованиях аксиологической «картины мира» этнических групп – как традиционного, так и современного общества, а также в трудах специалистов, занимающихся проблемами межкультурной коммуникации в широком смысле. Кроме того, психологические и исторические предубеждения становятся важным элементом и зачастую аргументом в ходе полемики между представителями разных национально-исторических школ – в особенности в последние два десятилетия. Видение этнокультурных сходств и отличий в ценностях, идеалах и традициях во многом определяет способы объяснения своеобразия исторического и политического пути и социального опыта соседних государств.

Взаимные образы, представления и стереотипы русских и украинцев неоднократно становились предметом изучения, в последние годы их рассмотрение привлекало внимание участников многих международных конференций и коллективных трудов. В данном очерке мы обратимся к тому аспекту, который давно и плодотворно изучается гуманитариями Польши, Украины и России – восприятию и описанию малороссов (украинцев) в российской общественной мысли XIX века. Однако, в отличие от предшественников, мы не столько сосредоточимся на содержательной и оценочной сторонах этнокультурной характеристики, сколько попытаемся показать, как стереотипы и каноны изображения малоросса вписывались в концепцию этнографического изучения народов Империи и как она менялась в связи с развитием языка и инструментария народоописаний и классификаций.

Для этого необходимо осветить вопрос о том, как именно виделись, трактовались и репрезентировались в научной и научно-популярной литературе отличия между двумя родственными этническими группами, которые в позапрошлом веке рассматривались как «ветви» или «отрасли» единого русского народа. Именно вопрос о степени и статусе отличий стал одним из наиболее острых и в официальной полемике с украинскими (малороссийскими) патриотами, и в конфликте «идеальных Отечеств» и соответствующих ему идеологических проектов¹ периода формирования российской национальной мифологии XIX в. Так или иначе, наиболее вескими аргументами объявлялись те, которые подкреплялись объективно-научными данными, хотя зачастую дискутирующие стороны опирались не на противоборствующие теории, а на различные интерпретации одного и того же комплекса фактов позитивистского толка.

Объяснением истории и сущности этнической (племенной или расовой – в терминологии эпохи) самобытности с середины столетия занималась этнографическая отрасль географии, которая также внесла весомый вклад в способы формализации, постановки и «решения» «украинского вопроса». Поэтому главными источниками анализа станут географо-статистические, историко-этнографические, антропологические и избранные фольклористические сочинения. Задача данного очерка – показать основные тенденции становления этнокультурных характеристик малоросса (малоруса, малороссиянина, украинца) в научно-этнографическом дискурсе и параэтнографической популярной учебной литературе Российской империи XIX в.

«Отрасли» русского народа: традиции этнографического описания

Очевидным рубежом в эволюции изображения этнической самобытности жителей Малороссии можно считать 1840-е годы. Это было обусловлено следующими обстоятельствами: 1) расширением деятельности основоположников украинского «национального проекта» и так наз. «укаинофилов»; 2) созданием Императорского русского географического общества (ИРГО) в 1845 году, которое стало начальной точкой процесса институционализации российской этнографии как науки. Программная статья второго председателя этнографического отделения ИРГО Н.И. Надеждина «Об этнографическом изучении народности русской»² заложила теоретическую базу, способы описания и масштабного «собирания сведений по

этнографии» восточнославянских народов, которые были объявлены теперь главным объектом этнографических исследований в широком смысле (включая археологические и антропологические экспедиции, запись и анализ диалектов и фольклористические изыскания³). Чуть позже, в пореформенный период, формулируются задачи и стандарты описания народов Империи в научно-популярной литературе для детей и для народа. В сочинениях этого жанра, включаемых по-прежнему в географические нарративы, этнографические очерки занимали важное место. С учетом того, что в общей иерархии этносов Империи русские (восточнославянские народы) рассматривались как главенствующий единый народ, сведения о Малороссии (Украине) и малороссах (малорусах) приводились обширные и сопровождалась многочисленными иллюстрациями. 3) Славистические исследования создали методологическую и источниковую базу для более углубленного изучения вопросов этногенеза, происхождения языков и племенных метисаций, в том числе и восточнославянских этнических групп. 4) Формирование физической антропологии как самостоятельной дисциплины к 1880-м годам позволило начать реализацию масштабных проектов по установлению отличительных физических признаков малороссов – в сравнении с великорусами. 5) На планомерное и разностороннее изучение малороссийского региона в целом (именуемого Юго-Западной Россией, «Украиной и Южной Россией») заметно повлияли события и последствия польского Январского восстания 1863 года, способствовавшие интенсификации научных исследований в области географии, статистики, этнографии и истории – теперь, однако, с открыто сформулированной политической задачей деполонизации: определить исторические права и современное состояние быта, нравов, экономического положения и этнокультурной ориентации, единства традиций русского народа – т.е. малороссов и белорусов прежде всего – в Западном крае⁴.

В чем состояла принципиальная новизна научно-исследовательской программы изучения «русской народности» по отношению к уже сформировавшемуся в российской науке арсеналу сведений об украинцах (малороссах) как этнокультурной общности, обладающей чертами самобытности? Чтобы определить ее, напомним некоторые общие тенденции, сложившиеся в их описаниях и характеристиках к середине XIX в. и подробно рассмотренные в ряде работ⁵. Сформировался перечень свойств малороссийского нрава, среди которых можно выделить универсальные для любого земледельческого народа, находящегося на определенной стадии развития, элементы патриархальности, трак-

туемые как добродетели традиционного общества, нетронутого дурным влиянием цивилизации: смирение, гостеприимство, привязанность к обычаям, честность, отсутствие стяжательства, предпринимательской «жилки» и стремления к получению денежной выгоды, неприятие всего нового. Все эти черты в романтической и ранней славянофильской историографии приписывались многим (прежде всего славянским) народам, и малороссы не составляли исключения.

Второй важной особенностью являлось утверждение – в соответствии с господствующей концепцией географического детерминизма – о том, что причинами формирования таких качеств как спокойствие, медлительность, лень (лень), неразговорчивость, стала пышная природа Юга вообще и Российского «юга» в частности, жителям которого издревле приписывались подобные особенности темперамента и нрава. Идея зависимости «нрава народа» от природных условий населяемой им области по-прежнему выражалась в формулах французских энциклопедистов⁶; неизменными оставались общие представления о теплом или умеренном климате, благоприятном для земледелия и нрава населяющих эти зоны народов. Однако архаические идеи противопоставления жителей Севера и Юга подверглись корректировке – впрочем, это касалось лишь ракурса. Данные представления связаны с категорией пространства; оно в повествованиях о Другом выступает как сочетающее в себе черты символической и реальной географии, когда локусы рассматриваются в аксиологической системе координат⁷.

Так, например, представил теорию зависимости национального характера от климата А. Терещенко: «климат, резко высказывающийся во всем существующем в природе, отпечатывается равномерно в умственных и физических свойствах человека, в его способностях и деятельности, росте и силе. Жители жаркого пояса ... предаются неге и беспечности. С воображением пламенным, с начинаниями решительными, они весьма скоро охлаждаются ... к своим предприятиям. Рассудок их постоянно заглушается страстями. Мстительность и отчаяние, лукавство и малодушие – вот главные качества этих племен»⁸. Перед нами – свойства жителей «абсолютного» юга – т.е. южных районов земного шара. Однако русские племена – часть славянских народов – как и другие так называемые «кавказские народы» (ныне именуемые индоевропейскими), населяют земли юга «относительного» – российского. Поэтому когда речь заходит о региональных отличиях «русских» групп, то налицо определенные закономерности в распределении свойств по категориям «севера» и

«юга»: жители юго-западной части, «избалованные расточительной природой, более ленивы, но пламенны. Они роста высокого, гибкие телом, ... страстные поклонники неги. ... страстно любят умственные занятия»⁹. Заметим, что «лень» интерпретировалась в этом контексте не как нравственное качество (леность), а именно как врожденное свойство нрава (темперамента).

Однако существовал и способ обрести черты нрава, не присущие народу изначально: это путь племенной метисации. Примесь «крови» (как представлялось) давало то, чего нельзя было обрести вековым опытом приспособления к окружающей среде – качества другого племени. Однако всякое смешение расценивалось скорее как негативный процесс, поскольку «замутняло» истинный этнический тип. Правда, убедительно доказать масштаб подобных тенденций в первой половине столетия практически не представлялось возможным, поэтому главными показателями иноэтничного субстрата являлись внешние (антропологические) приметы и все те же национальные «духовные» свойства. Так, М.А. Максимович вслед за своими современниками усматривал в малорусах влияние «типа азиатцев», развившееся в необузданной дикости и жажде набегов¹⁰. Некоторые объясняли племенные различия между малорусами (южноруссами) и великорусами (северноруссами) именно наличием в их общей славянской крови разных этнических «примесей»: финской – у «северян» и «татарской», «турецкой» или «тюркской» – у «южан». Н.И. Надеждин в работе «Об этнографическом изучении народности русской» писал, что для «нашей Малороссийской Украины» на протяжении всей ее истории характерны контакты «со стихиями азиатскими», с «татарщиной», «туречиной» и Кавказом. Он также был убежден, что это наложило отпечаток и на антропологический тип малорусов: в «юго-западной разновидности народности русской, особенно в том ее оттенке, который принадлежит казачеству», многое отзывается «чистой Азией»¹¹. Впрочем, даже в историко-антропологических исследованиях конца века отмечалось, что неизбежность контактов жителей Южной Руси с тюркскими племенами, берендеями и печенегами, половцами и др. очевидна еще в ранний – Киевский – период «славяно-русской» истории. «Уже в то отдаленное время славянское население Киевской земли стало ассимилироваться с соседними тюркскими элементами, а позже, в эпоху казачества и Запорожья, южнорусское население восприняло в себя еще более разного инородческого элемента»¹², – писал в энциклопедии Брокгауза и Ефрона «патриарх» отечественной антропологии Д.Н. Анучин.

Вопрос о метисации в ходе формирования малорусского этнокультурного типа очень часто обсуждался в исторических и этнографических сочинениях (так же, как и вопрос о значении финского субстрата в физическом облике, языке и культуре великорусов) и, начиная с 1870-х годов, оказался одним из важнейших в полемике о чистоте древнерусского наследия (культурного, языкового и антропологического) в велико- и малорусской вариациях единого русского племени.

Третьей отличительной «приметой» всякого нарратива о малороссиянах начиная с 1810-х годов становится обсуждение богатства их фольклорной традиции и склонности к самовыражению себя в песнях. Подчеркивалась задушевность и лиричность их музыкальных произведений, обусловленные природными особенностями региона, способности и любовь народа к песенному творчеству, а также характерный набор мотивов. Согласно мнению, широко распространенному среди собирателей и исследователей народной словесности, она, как никакая другая область «духовной» деятельности, выражает не только особенности народного склада и образа мысли, но и содержит в себе сугубо исторические свидетельства о материальном и общественном быте племен в древности. Изучение фольклора становится «ключом» к истории языка и письменности, и даже к эволюции физического облика народа.

К середине столетия не вызывало сомнений, в частности, то, что «южнорусская» народная поэзия представляет совершенную противоположность поэзии «северно-русской»¹³. В песнях великорусов заключается глубокая унылость, мрачность, покорность судьбе, томность и «какое-то раздолье и плавная протяженность», обуславливаемые, по мнению О.М. Бодянского, влиянием суровой, бедной, однообразной природы¹⁴. Поэзия же южноруссов (малороссиян), «переживших бурную историю», постоянно борющихся с ордами азиатов, с татарами, турками, поляками, «выработавших себе такие исторические явления, как казачество и “гайдамацтво”», иная: в ней слышится горькая жалоба на судьбу, изложение «везде почти драматическое», и в этом отношении она единственна в своем роде и стоит выше песен всех прочих славян. Описания в песнях лишь эпизодические, «всегда притом удивительно согласные с природой», «всюду порыв страсти, сжатость, лаконизм выражения, простодушие, естественность, особенная нежность и сила чувств»¹⁵.

Вполне естественно, что в русской литературе и научно-публицистических описаниях малорусов постоянно проводилось

вполне закономерное сравнение их с ближайшим родственным и единокровным, как полагали в начале XIX в., – великороссийским племенем. Но поскольку выразителем свойств этнической группы считались представители лишь одного сословия, то и сравнение осуществлялось исключительно на примере крестьян – их облика, творчества, нрава.

Малорусы и великорусы – своеобразие как отличие

Н.И. Надеждин также фиксировал характерные свойства малорусов, исходя из выявления их отличий от великорусов. В одной из своих первых «этнографических» статей для словаря Плюшара он перечислил следующие качества «малоросса»: живость черт, «огонь глаз», которые отражают эмоциональные свойства – энергию чувств и пылкость страстей, способность к порывам, «упрямое своенравие», отсутствующие у «великороссов»¹⁶. В определении частей триединого народа он указывал на так наз. «восточно-русский оттенок» общерусской народности – т.е. этнические особенности «великороссийской» ее отрасли, которая обладает существенными отличиями от западно-русского (малороссийского) «оттенка»¹⁷. Впрочем, по мнению автора, они не являются столь значимыми, чтобы можно было говорить о том, «будто это не один русский народ, а две отдельные народности, каждая с равным самобытным значением в общей великой семье славянской»¹⁸. Вторит ему в своей книге о великорусах и А. Терещенко: «Между малороссиянами и русскими нет никакого различия: один дух и одно благородное желание управляет ими». Если мы и видим различие нравов, то это не есть «противодействие народности», ведь она основывается на общественном стремлении к единству»¹⁹.

На первый взгляд, перечисленные принципы изображения и даже отдельные характеристики малороссов в этногеографических очерках второй половины XIX в. не претерпели существенного изменения по сравнению с предшествовавшим периодом: по-прежнему «южными» свойствами считались медлительность и лень, так же неизменно отмечались богатство и своеобразие украинского фольклора, сохранение в языке и так наз. «суевериях» древних славянских представлений и связанных с ними поверий и обрядности. Однако теперь образцы истинно малороссийской речи или примеры сохранившейся в традиционном сознании веры в мифологические существа черпались не из оригинальных фольклорных текстов, а из многочисленных к

середине столетия художественных произведений на малорусском и русском наречиях, выполненных по канонам «романтического этнографизма» и претерпевшие в связи с этим вполне отчетливые аберрации²⁰ (безусловными «лидерами» по частоте цитируемости можно считать Н.В. Гоголя, П.А. Кулиша и Г. Квитку-Основьяненко).

Необходимо также учитывать, что в научных и научно-популярных (в том числе и в учебных) описаниях регионов и народов Империи использовался весь комплекс информации – свидетельства путешественников, материалы научных экспедиций, записи добровольных информаторов, очерки и публицистика и др., формировавшийся в течение предшествующего столетия. Все эти разножанровые и разновременные источники использовались как равнозначные, не расценивались критически и не столько цитировались, сколько включались в очерки зачастую без указания авторства. Впечатление о том, что свойства и внешние признаки малорусов остаются неизменными в такого рода изданиях, объясняется именно принципом подбора этнографических материалов. Однако подавляющее большинство ставших клишированными характеристик малорусов 1830–1850-х годов теперь начинает «вписываться» в новую – научную и потому наделенную статусом объективности картину естественной и социальной истории, что отчетливо меняет прежнюю интерпретацию и задает новые акценты в описании Малороссии и качеств ее жителей.

Так, активно развивавшаяся в том числе и под влиянием славянофильских исследований идея сохранности патриархальных славянских добродетелей, присущих народам-земледельцам, стала подвергаться критике. Одним из первых поставил под сомнение этот тезис еще в 1850-е годы К.Д. Кавелин. В рецензии на сочинение А. Терещенко он заострил вопрос об эволюции крестьянского общества, которое для Терещенко – как и для многих других современных ему авторов, – было неизменным и сложившимся раз и навсегда социальным организмом. Он весьма скептически отозвался об идеализации морали древних славян как этнокультурного сообщества, рассматривая комплекс подобных добродетелей как культурную универсалию на стадии первобытного состояния²¹. Однако К.Д. Кавелин не был услышан.

В том же ключе рассуждали исследователи этнокультурных традиций «общественного» или «общинного» быта, истоки которого искали в далеком прошлом народов, изучая юридические памятники и записки путешественников. Правовые представления и нормы обычного права, как было принято считать, определяли современное политическое

устройство и «общественные склонности» тех или иных народов в той же степени, что и их национальные свойства²². Отсюда – новый мотив сравнения велико- и малорусов как носителей самодержавной и федеративной традиций государственного и общественного строя, который особенно ярко выразился в идеях украинской «федеративной школы» в 1860-е годы. Нормы обычного права крестьянского сообщества в целом и внутри семьи в частности демонстрировали, по мнению исследователей, противоположность малорусов и великорусов.

Примером текста, в котором характерные для описания нрава и поведения малоросса романтические клише сочетаются с новым аспектом представлений о народной самобытности «южнорусов», можно считать работу А. Афанасьева-Чужбинского. Подробно разбирая отличительные особенности семейного и общинного быта великорусов и малорусов, автор отмечает обычай выделения семей из большой (зачастую эта разновидность обозначалась как «задруга» – именование типу дала сербская «большая семья»), несхожий с великорусским объединением нескольких семей в едином хозяйствовании, различия усматривает он и в том, что малорусам неизвестна великорусская община-мир²³.

Климат, ландшафт и характер: природные свойства «южан» и «северян»

В эти же годы претерпевает некоторые изменения и трактовка основополагающей для этнографии XIX в. концепции географического детерминизма (зависимости человека от природной среды, доминирования природных факторов над историческими и культурными), которая безраздельно господствовала не только в общественном сознании XIX века, но и в теоретических основаниях естественных и социальных наук. Особую роль в ее распространении играли труды европейских географов К. Риттера, Ф. Ратцеля и Э. Реклю. Первый обосновывал четыре рода воздействия природы на человека, одним из которых было «влияние на тело или дух отдельного человека, ведущее к прочным изменениям последнего, распространяясь на целые народы или части народов»²⁴ и подчеркивал, ссылаясь на авторитет Реклю²⁵, что особенности психического склада и воли, зависящие от природных условий, не всегда могут быть определены как единый «народный» характер, поскольку в каждом народе можно выделить отдельные типы жителей севера и юга, а также тех, кто вырос в горах, на равнинах или на побережье. Они, в свою очередь, похожи на

«северян», «южан», «горцев» и «мореплавателей», живущих в других странах и регионах, и имеют мало общего со своими соотечественниками²⁶. При описании отличий «южан» от «северян» Ратцель почти буквально повторял рассуждения еще французских энциклопедистов, исходя из того, что климат на севере всегда более холодный и неблагоприятный для ведения хозяйства, поэтому он формирует выносливых, энергичных, активных людей – в отличие от мягких, изнеженных и спокойных жителей «юга».

С развитием начиная с 30-х годов XIX в. страноведения – области географии, изучающей природно-экономическое своеобразие отдельных государств – точка отсчета (условного центра) для определения сторон света на ментальной карте помещается в границах каждой из стран, что приводит к обнаружению темпераментных «южан» и суровых и молчаливых «северян» среди представителей одного народа и даже племени – в зависимости от региона проживания. Такая детализация значима только в рамках одной общности, и содержательное наполнение этих ориентиров может не признаваться даже ближайшими соседями. Символическая география, таким образом, легитимизируется в науке, позволяя еще более детально развивать сформировавшиеся ранее этнокультурные стереотипы – в том числе и в отношении малороссов как «южных» русских (в отличие от северных – великоросов). Данные утверждения давали научное обоснование также сходствам всех «южных», «северных» или «горских» народов между собой: поэтому внешность и характер южнороссов теперь могли совершенно формально соответствовать облику и нраву, например, итальянцев, турок, сербов и т.п., а в качествах великоросов можно было найти «очевидные» черты финнов не только из-за их кровного родства.

И в области этногеографической номенклатуры понятие «Южная Россия» наряду с «Малороссией» занимало явно лидирующее положение и использовалось для наименования региона, когда речь шла о некой исторической и геополитической преемственности, а вот термин «Украина», во-первых, понимался весьма противоречиво (зачастую включая только отдельные территории Малороссии или отождествляясь лишь с некоторыми ее административными единицами – не всегда губерниями²⁷). А, во-вторых, в научно-популярных очерках он использовался весьма условно и очень широко, без определения содержания, и даже как наименование региона Юго-Западной России.

Интересна рецепция идей К. Риттера, которую можно проследить на примере ранней рецензии Ушинского на публикацию одной

из первых комплексных экспедиций ИРГО: будущий педагог расценивал отношения между местностью и «народным характером» как прямую взаимозависимость²⁸, иллюстрируя эту закономерность на примере Малороссии (и также прибегает к сравнению с Великороссией!), и подчеркивал особенности ее ландшафта в сравнении с великорусскими губерниями: «земля (Малороссии – М.Л.)... в противопоставление ...местностям, возникшим из ... смешения различных видов поверхностей (т. е. Великороссии – М.Л.), – предстает однообразною тучной равниною, богатою водой... это богатство нигде не переходит в излишество... На этой типической однообразной местности живет столь же типическое и столь же однообразное племя. Оно подобно земле своей, осталось цельным, несмешанным, хотя и отразило в себе различные явления»²⁹. Таким образом, Ушинский видит доказательства сохранения «чистоты», неизменности и однородности малорусского племени в «однообразии» природного пространства. Вполне закономерно, что и нравы народа он описывает как «кроткие», а наклонности как «тихие», свидетельствующие о «первобытной чистоте»; при этом «население предано земледелию», а ... все «обычаи малоросса отличаются необыкновенной нежностью, которой, кажется, нельзя ожидать от этих неподвижных физиономий»³⁰.

Важным новаторством в трактовке характера народов и малорусов в частности, стала разработка в теории географической науки XIX в. концепта «ландшафт». На смену довольно общим и абстрактным представлениям о взаимосвязи природы и этноса пришла научно обоснованная идея о существовании типов земной поверхности (первыми термин начали использовать А. Гумбольдт и К. Риттер³¹). Ландшафт объявлялся главной географической единицей с хорошо выраженными естественными границами, устанавливаемыми исходя из природных факторов³². Так называемый «ландшафтный подход» в географических исследованиях имел важные последствия. Главные идеи географического детерминизма обусловили прямолинейность трактовки: человек неизбежно вынужден приспособляться к природе, формы и привычки этого приспособления диктуют эволюцию сообщества. Поэтому «сами исторические и культурные особенности региона начинали восприниматься как часть «естества» по мере того, как жители края растворялись в окружающем их ландшафте»³³. Такое понимание – общее для европейской науки 1860–1900-х годов³⁴, – в этнографическом описании стало важным критерием в процессе установления границ этнического типа

и территории, занимаемой племенем или народом (а не только их локализации).

Это приводило к тому, что при отсутствии четкой этнической классификации описание шло от частного к общему, т. е. региональные сообщества (границы которых определялись исходя из карты ландшафтов) описывались как элементы больших этнографических групп – народов (этносов), в то время как характеристики сообществ зачастую не интересовали описателей. В этом случае устанавливались общие признаки, однако их приметы имели значение только для выделения крупных этнических единиц и, как правило, в сравнении с неродственными группами (например, славяне и финны, русские и татары и т.д.). А региональные вариации языка, характера, «материальной и духовной» культуры наблюдателю-волонтеру было выявить очень трудно, отсюда – тенденция абсолютизировать увиденное, определять его своеобразие в статусе этнического. Именно эта вторая тенденция зачастую преобладала в любительских описаниях малороссов: изначально подходя к объекту изучения как к региональной разновидности «русских», авторы усматривали во всех областях уникально-этническое.

Такое явление было отражением общеевропейского процесса формирующегося страноведения, поэтому региональные этнокультурные и языковые особенности, столь явственные во всех странах Европы, отличия быта и характера этих групп в рамках одного народа или нации приводило к (вначале сугубо этнографическому, позже – политическому) вопросу о том, какую этническую группу считать главной или типичной.

С образованием ИРГО в 1845 году начинается новый этап этнографического изучения народов Империи. Хотя этнография в качестве отдельной дисциплины выделена не была, а рассматривалась как одна из составных частей географии. Но создание в ИРГО отделения сразу же поставило вопрос о предметном поле, методах и задачах этой научной «отрасли». Не останавливаясь подробно на хорошо изученных особенностях начального периода функционирования Общества, который отличает борьба так называемых «немецкого» и «русского» течений³⁵, обратимся к программной работе следующего после К.М. Бэра главы отделения этнографии Н.И. Надеждина – «Об этнографическом изучении народности русской». В ней Надеждин определил в качестве основополагающей задачи исследование прежде всего «своего» – русского народа – в том понимании, которое существовало в науке начиная с конца XVIII в. – как восточнославянской

общности. Мы уже писали об особенностях эволюции надеждинских взглядов на народность и этнографию³⁶, однако еще раз выделим наиболее существенные аспекты его интерпретации.

Благодаря этнографической программе и постановке задач исследований «русских» племен, разработанных Н.И. Надеждиным, само описание народа обрело теоретически и практически обоснованную структуру, принципы и способы анализа. Доминирующим методом были провозглашены *описание и сравнительный подход*, которые Надеждин продемонстрировал в своей работе на примере сопоставления восточнославянских племен, главным образом – малорусского и великорусского. Народность понималась Надеждиным как этническая самобытность, комплекс черт, характеризующих сообщество или группу как обладающую этническим своеобразием («физиономией»), в который включаются и те признаки, которые можно квалифицировать как этнодифференцирующие. Термин «народность» трактовался не как единица в этнографической иерархии (в ряду таких как «народ», «племя», «отрасль» или «поколение» племени³⁷), а как комплекс отличительных черт и качеств, составляющих совокупность проявлений антропологической, лингвистической, этнокультурной и психологической «особости» общности – т.е. она соответствует современным терминам «этничность» или «этническая идентичность». При этом Надеждин, – как впрочем, и его предшественники и последователи – не принимал во внимание самосознание рассматриваемой группы. В области самоопределения он учитывал лишь самоназвание.

Еще одной существенной деталью концепции народности стал очевидный акцент на установлении особенностей «духовной культуры» и «психологии» народа, к которым – в соответствии с представлениями эпохи о народе – ученый относил язык, нрав народа (национальный характер), идеалы и представления, реконструированные на материале произведений народного творчества. В предисловии к малороссийским песням, изданным в 1827 году, М.А. Максимович писал, что есть «памятники, в коих полнее» выражается «народность: это суть песни, где звучит душа, движимая чувством, и сказки – где высвечивается фантазия народная»³⁸. В них, как считалось, воплотились и отразились те качества этноса как обобщенной личности, которые невозможно установить при помощи непосредственного наблюдения – так, как фиксировались исследователем-описателем черты физического облика, религиозные верования, элементы быта, обрядности и т.п. Методом выявления непосредственных свойств на-

родности – оригинальности различных племен («отраслей» или «поколений» – в существовавшей тогда терминологии) единого русского народа (а позже и для создания этнической классификации) стало сравнение сообществ по «списку» признаков.

В ходе эволюции научных представлений об истории восточнославянских языков и племен, а также с появлением новых теоретических объяснений этнического разнообразия человеческих сообществ в целом, изменяются акценты и объяснения уже известных врожденных и исторически обусловленных качеств малорусов. Особую роль в переосмыслении их сыграл один из главных и наиболее болезненных вопросов украинско-русских отношений этого времени: существования исторической и культурной общности и времени ее распада, породивших различия великорусов и малорусов. Поиски предпосылок обособления, установления его причин и следствий для этнической самобытности двух «отраслей» русского народа привели к противоречивым заключениям. В этом русле сложилась отличная от надеждинской точка зрения на сходства и различия великороссийской и малороссийской «народностей», принадлежащая Н.И. Костомарову.

Н.И. Костомаров об отличиях «народностей русского народа»

В статье Н.И. Костомарова «Две русские народности» (1861) понятие народности использовалось в надеждинском смысле – это «особые черты народа», которые он именовал «духовной сущностью». Ее характеристика включала описание следующих элементов – «духовный состав, степень чувства, его приемы или склад ума, направление воли, взгляд на жизнь духовную и общественную, все, что образует нрав и характер народа, – это сокровенные внутренние причины, его особенности, сообщающие дыхание жизни и целостность его телу»³⁹. Данное определение важно с точки зрения интерпретации костомаровской концепции: он писал не об отличиях двух *народов*, но о разнице тех самых этнических «физиономий», т.е. *народностей*. Означало ли это, что Костомаров расценивал данную разницу как значительную, что давало бы основания говорить о принципиальном обособлении двух народов-этносов? Такого вывода из этой работы сделать нельзя. (Косвенным подтверждением тому может служить выделение историком отличительных свойств (народности) еще одной региональной группы, никак не могущей претендовать на статус этноса – новгородской.) Однозначно можно утверждать лишь,

что отличия между малорусами и великорусами представлялись историку более существенными, нежели Надеждину.

Однако современники не стали углубляться в нюансы терминологии и научной интерпретации этнографических сюжетов. Эта работа, названная Д. Дорощенко «Евангелием украинского национализма»⁴⁰, была опубликована в журнале «Основа» (1861), и потому была воспринята – и выразителями украинофильства, и его противниками – как доказательство того, что великороссийская и малороссийская «отрасли» не являются «ветвями» одного этноса, а представляют собой две самостоятельные этнические группы родственного происхождения, самобытность которых определена природными и историческими условиями формирования и развития.

Важно отметить, что Костомаров, как и многие его современники, использовал термины «южноруссы» и «северноруссы», в той или иной степени восприняв с ними и весь комплекс бытовавших ранее представлений о коренных отличиях между народами Севера и Юга. Делая акцент на сопоставлении именно субстанций «духа» двух племен, он непрестанно подчеркивает это совсем не формально-географическое различие: «Одни и те же общия начала на юге устанавливались, утверждались, видоизменялись иным образом, чем на севере»⁴¹. В историческом очерке русских земель историк выделял ряд обстоятельств, породивших главные отличительные особенности племен, среди которых разные свойства религиозности, несходные традиции общественного строя, семейной собственности и, как следствие, политической организации государства, противоположные формы выражения эмоций и воли, разница темперамента, «умственных и нравственных способностей». Данные характеристики представлены по ходу сравнения комплекса духовных особенностей, проявляющихся вовне – в соотношении личности и власти, в формах религиозной и умственной жизни, в поведении, народном творчестве и т.п.

Кроме языковых критериев, важным доводом становится для него и этногеографическая терминология. Под «Русью», согласно историку, «разумели вообще юго-запад нынешней России в собирательном смысле» – в отличие от Москвы, Литвы, Новгорода. Сам термин «южно-руссы», с его точки зрения, является книжным, не распространенным в языке «простого народа», использующего именование «хохол» – причем как в великорусской, так и в малорусской среде. Ученый противопоставляет не только северную (великорусскую) и южнорусскую группы русской народности, но и выделяет отдельно

новгородский ее вариант, который он описывает как типологически близкий малорусскому наследию и отличающийся от московского типа. Одним из важных аргументов в пользу самостоятельного существования южнорусской народности, несхожей с великорусской (севернорусской) для Костомарова становится близость новгородского и малорусского наречий. Согласно этой логике, великорусами можно именовать с рядом оговорок только ту часть племени, которая сформировалась в ранний период истории Северо-Восточных земель.

Вполне очевидно, что в качестве отличительных этнических черт малорусов указываются те, которые в наибольшей степени демонстрируют не близость, но расхождения между двумя народностями. Среди них, в частности, такое общественное устройство, в котором демократические традиции и свобода не сдерживаются державным началом, «развитие личного произвола, свобода, неопределимость форм ... были отличительными чертами южно-русского общества в древние периоды, и так оно явилось впоследствии» — «перевес личной свободы над общинностью»⁴². От жителей Северо-восточных русских земель южноруссов отличало «непостоянство, недостаток ясной цели, порывчатость движения, стремление к созданию и какое-то разложение недосозданного, все, что ... вытекало из перевеса личности над общинностью. Южная Русь отнюдь не теряла чувства своего народного единства, но не думала его поддерживать». Даже православие великоруссов, по мнению Костомарова, было несколько иным, нежели в Южной Руси: оно укрепляло идею монархизма и единодержавия, одной из важнейших «склонностей» которого было стремление к расширению территории.

Особенностями малорусской религиозности он называет отсутствие акцента на внешней обрядности, «формульности» веры, терпимость к иноверцам и чужим религиозным традициям. «У южно-русского народа много именно того, чего недостает у великоруссов: у них сильно чувство всеприсутствия Божия, душевное умиление, внутреннее обращение к Богу, тайное размышление о Промысле над собой, сердечное влечение к духовному миру». Костомаров резко отвергает упреки в природной «лености» южноруссов, утверждая, что они трудолюбивее своих «северных» сородичей и всячески подчеркивает их свободолюбивый характер, сформировавшийся в вековой борьбе с иноземным и иноконфессиональным влиянием.

Историк пытается определить причины возникновения такой трудноопределимой, но отчетливо уловимой черты великоруссов как «материализм» (практицизм), отсутствие которого часто упоминается в

характеристике малорусов начиная с 1830-х годов – их отличает возвышенность натуры, упорство, трудолюбие, поэтичность и отсутствие склонности к предпринимательству. Истоки этого он усматривал как в благоприятном для земледелия климате, так и в нраве. В южнорусской натуре, по мнению историка, не было и «твердости на пути к предназначенной цели» или интенции к целенаправленной политике, в том числе и в сугубо материальном отношении – в отсутствии того торгового, промышленного духа, который отчетливо выражен в натуре великоруса. Такая «нетвердость» малорусов компенсируется терпимостью, миролюбием и демократическими нормами сосуществования.

Важнейшим следствием всего комплекса отличий двух народностей историк считает «склонность» малорусов и великорусов к разным социально-политическим формам общественного уклада и государственности: первые развили федеративное начало и демократические принципы, вторые – единоначалие (самодержавие) и стремление к унификации (в широком смысле).

В сущности, за исключением выводов о политических склонностях двух народов, характеристика Костомаровым так наз. «нравственных черт» малорусов, среди которых он особенно выделял упорство, задушевность, «нематериальность» и т.д., совсем не новы. Но иначе интерпретирует историк причины и последствия этого душевного народного склада: он воплощает более «мягкое», даже несколько «компромиссное» начало, в котором явно прослеживаются черты, приписываемые начиная со времен Просвещения народам-«детям». Костомаров очень часто прибегает к этой метафоре для обоснования «простоты» и «доброты» малорусов в сравнении с жесткой позицией великорусов, проявляющихся в социальных (государственных, общинных и семейных) формах общежития. То есть он отталкивается от хорошо известной позиции великорусского превосходства⁴³, переосмысляя ее в позитивном ключе. Любовь к природе, лиричность и эмоциональность служат весомым аргументом для доказательства неагрессивности народа в широком смысле – начиная от отношения к иноверцам и чужеземцам и заканчивая объяснением нереализованности «федеративного проекта». Для Костомарова наиболее важны такие категории этнической самобытности двух «народностей», которые связаны с характером личности индивидуума (переносимые на коллектив, сообщество): темперамент, отношения с другими индивидами и народами, с природой.

И нравственные, и творческие, и бытовые отличия племен в той или иной степени связаны с традициями общественной жизни; все они

тракуются как имеющие далеко идущие политические последствия: велико- (северно)руссы создали государство, южноруссы оказались носителями федеративного начала, однако не смогли полностью реализовать свои «демократические» принципы общественного быта в политической форме. Более подробное обоснование теория малороссийского «федерализма» получила и в других работах Н.И. Костомарова, однако этнокультурные особенности двух народностей в наиболее полном виде сформулированы именно в этой статье.

Следует отметить, что заключения о современных национально-политических последствиях этнографического обособления народностей Костомаров делает весьма осторожно. Он подчеркивает, что близость («соединение и братство») малорусов с великорусами (в отличие от вековой вражды с поляками) исторически предопределена, и что «южнорусское влияние ... должно не разрушать, а дополнять и умерять то коренное начало великорусское, которое ведет к сплочению, к слитию, к строгой государственной и общинной форме, поглощающей личность, и стремление к практической деятельности, выпадающей в материальность, лишенную поэзии. Южнорусский элемент должен давать нашей общей жизни растворяющее, оживляющее, одухотворяющее начало»⁴⁴. Прославляя федеративные начала малорусов, историк признает их неспособность к государственной жизни и потому считает неизбежным объединение двух племен под великороссийским главенством в прошлом – когда русская государственность складывалась. Однако на современном этапе он полагает «естественным», если «народность с другим противоположным основанием и характером вступит в сферу самобытного развития и окажет воздействие на великорусскую»⁴⁵.

Важным «примирительным» выводом историка является идея о взаимодополняемости противоположных свойств и качеств двух народностей: «именно это и служит ручательством необходимости этой связи: у великорусов есть то, чего у нас нет, а мы с своей стороны можем наполнить пробелы в их народности», и даже «мы не останемся лишними для нравственной цивилизации великоруссов»⁴⁶. Такое кажущееся на первый взгляд неожиданным заключение о желательной перспективе не разделения, а объединения (однако не народов, но народностей) оказалось весьма востребовано, и в научном сообществе в том числе.

Своеобразным парадоксом, на наш взгляд, можно считать то, что эта статья Н.И. Костомарова была воспринята некоторыми общественными деятелями и политиками как украинофильская по содержанию⁴⁷ – это было связано, видимо, с неоднозначным пониманием в том числе

и термина «народность», вынесенного в заглавие. Одной из наиболее адекватных оценок современников в отношении взглядов историка представляется нам точка зрения М.О. Кояловича. Он рассматривал их как весьма сходные со славянофильскими – с точки зрения важности выявленных особенностей для «изучения внутреннего быта народа, уяснения особенностей его духа»⁴⁸. Впрочем, эту близость он трактовал как «невольную»: при всех «предубеждениях против великоруссов» «народная самобытность славянофилов неизбежно требовала глубокого изучения народного быта, как он есть, со всеми местными особенностями, следовательно, требовала изучения и малорусского быта – как естественного и не подлежащего насильственному пересозданию»⁴⁹. Действительно, «этнографический» ракурс позволял несколько сгладить намеченные выводы национально-политического плана: осмысляемая в категории не *национальности*, но *народности* идея этнокультурной самобытности в некотором смысле оказывалась бесспорной⁵⁰.

Именно поэтому костомаровская интерпретация места и роли трех племен в составе единого русского народа и сравнительная характеристика южноруссов и северноруссов стали в прямом смысле слова хрестоматийными, вошли в научную литературу и в энциклопедические издания о Малороссии как наиболее полное, разностороннее и объективное описание нрава⁵¹. Редкий этнографический очерк о великорусах, малорусах или русских в целом не включал бы выводов и примеров Костомарова именно из этой работы.

Необходимо отметить, что в описании различий историк никак не мог претендовать на оригинальность. Аналогичные идеи о коренных отличиях (свойств и потенциальных способностей) двух русских племен содержались в работах других исследователей – например, в статьях К.Д. Кавелина конца 1840-х годов⁵², а также в «Истории России» С.М. Соловьева (1851), позже – в лекциях В.О. Ключевского. Соловьев указывал на различие в характере «южного и северного народонаселения Руси», вызванное природой страны⁵³. Историки доказывали, что благоприятные условия «усыпляют» умственную и телесную деятельность человека, делая его способным лишь на кратковременные усилия или напряжение сил («порывистость»). Скупая же природа, напротив, «держит всегда в возбужденном состоянии», «его деятельность постоянна». Племена, формирующиеся в такой обстановке, способны подчинить себе более слабых и создать «крепкие основы государственного быта». Но «приятный» климат развивает в народе чувство красоты, стремление к искусствам, веселость, и, напротив, среди небогатой природы чувство изящного развивается плохо, а народ отличает практическое,

деятельное начало, и «суровость нравов» в целом. Однозначно подчеркивая «неблагоприятность» условий северо-востока Руси в сравнении с ее юго-западной частью⁵⁴, примером первого «типа» Соловьев считает будущих малорусов («жителей южного народонаселения Руси»), второго – великорусов (северной ее части)⁵⁵.

Для С.М. Соловьева и В.О. Ключевского представлялось бесспорным, что малорусское и великорусское племена – ветви русского народа⁵⁶; но в отличие от Костомарова они связывали разделение на две «отрасли» в этнографическом отношении прежде всего с природными и антропологическими (т. е. внеисторическими) факторами, а именно: со славяно-финской метисацией в великорусском регионе и с изменившимися географическими условиями бытования переселенцев с юга. В хорошо известной этнокультурной характеристике великорусов – предпринятой Ключевским в соответствии с параметрами, «установленными» еще Надеждиным, не указаны отличия великорусов и малорусов, однако все самобытные свойства «северного» племени дают возможность легко реконструировать (по принципу антагонизма) соответствующие особенности «южного»⁵⁷, и они совпадают с описанием Костомарова – в той его части, которая касается сферы «народности», т.е. этнокультурного своеобразия. Сам Н.И. Костомаров тоже вряд ли рассматривал проблему племенных русских различий как «антивеликорусскую» или «антирусскую» в целом, во всяком случае, он писал о том, что вплоть до польского восстания «идея двух русских народностей не представлялась в злобном виде, и само стремление к развитию малороссийского языка и литературы не только никого не пугало призраком разложения государства, но и самими великороссами принималось с братской любовью»⁵⁸.

Вместе с тем даже обострение «украинского вопроса», вызванное польскими событиями 1863–1864-х годов и последовавший за ними период ужесточения мер в отношении украинофильского движения⁵⁹ никак не отразились на содержании и оценочных характеристиках малорусов в этнографической научной литературе.

Описания путешественников: опыт очевидца или пересказ известного

В предисловии к повествованию о путешествии в Южную Россию А. Афанасьева-Чужбинского содержится довольно обширный очерк этнографического, языкового и исторического своеобразия

малороссийского племени, составленный по материалам имевшейся в распоряжении литературы, так и с использованием личных впечатлений. Начинает автор с обоснования необходимости «защитить» украинский народ от «несправедливых нападков» – так определяет Чужбинский бытующие в русском обществе представления о малорусах. Из наиболее «обидных» и «ложных» упомянуты черты народного нрава, (которые, как указывает Е.Е. Левкиевская, стали стереотипными в первой половине XIX века, – в том числе и под влиянием украинской беллетристики и драматургии⁶⁰), актуализирующие комические признаки внешности, речи, нрава, поведения и т.п. Для исправления репутации Чужбинский прибегает к известному приему: указать на позитивные свойства малороссийского племени в сравнении с великорусами. Он именует соотечественников «народом тихим и добрым, резко отличающимся (выделено мною – М.Л.) от своего северного собрата типом, языком одеждою, нравами и обычаями»⁶¹. Во многом вторя Костомарову и обильно цитируя (без ссылок) М.А. Максимовича, Чужбинский признает, что великорусы обогнали малорусов «в промышленности», но не сохранили «удобства домашней жизни», столь почитаемые «хохлами». Он часто останавливается на преимуществах климата и природных условий, определяющих средства и возможности для благополучной и сытой жизни, но не добавляя ничего нового к соответствующим пассажам Максимовича: природные факторы обусловили свойства нрава (добродушие и спокойствие), а занятия земледелием сформировали медлительность и беззаботность. «Хлебопашество и скотоводство, – утверждает он, – не могут расшевелить человека»⁶². Трактовка подобного заявления становится возможной лишь при обращении к тексту оригинала: Максимович в духе антропогеографических размышлений указывал, что «пастушество» вырабатывает «скудость жизни», а земледелие – ее «ленивое однообразие»⁶³.

Афанасьев-Чужбинский не сомневается в «азиатском» воздействии на антропологический малороссийский тип, однако полагает, что на народном характере оно почти не отразилось⁶⁴; так, он категорически не согласен с приписыванием малорусам лени (которую он требует не путать с леностью). Он усматривает в них хитрость и ум, но отличные от расчетливости и предприимчивости великоруса, которые, в свою очередь, сложились из-за неблагоприятных природных условий севера. К врожденным чертам Чужбинский относит насмешливость, чувство юмора, а также наблюдательность. Вместе с

тем он не отрицает качеств, присущих всякому народу на стадии патриархальности: простодушие и гостеприимство. К особым формам выражения народного характера он, как и ранее, относит песенное творчество.

«Путешествие» Афанасьева-Чужбинского представляет собой весьма распространенную разновидность рассказа о непосредственных «впечатлениях», которые заданы и в сущности продиктованы установкой наблюдателя. Повествователь считает необходимым привести научно подтвержденное и хорошо известное мнение (или мнения), чтобы по ходу рассказа на основании «увиденного собственными глазами» подтвердить или опровергнуть те факты, которые вызывают его сомнение. Иначе говоря, своеобразной познавательной целью путешествия становится верификация *знания*. Однако и эта характерная для эпохи позиция автора позволяет установить область бесспорно-стереотипных суждений и более неустойчивую пограничную сферу возможных вариаций. В тексте Чужбинского последняя связана с уже отмеченным стремлением «обелить» образ малоруса-простака, пересмотреть позицию великороссийского превосходства в цивилизационном (культурном) отношении.

Новые области этнографического изучения: обычное право и антропология

В 1870–1880-е годы в этнографические описания малорусов включаются – наряду с костомаровскими характеристиками – заключения, сделанные на основании анализа материалов этнографических экспедиций (в особенности тех, которые осуществлялись под эгидой ИРГО). К ним относятся сведения о состоянии и правах отдельных членов крестьянских семей в разных регионах «русской» России. Исследователи подтверждают статистическими выкладками выводы о том, что патриархальность великорусской семьи, с полным подчинением «большаку», с общностью семейного имущества, со стеснением свободы личности (особенно женщины), является противоположностью семейным отношениям у малорусов. «Общинное начало» в обычном праве великорусов выражается максимально полно, в том числе и в земельных отношениях. В «южнорусской» «громаде» отмечается независимость всех членов. Отсюда делался вывод о том, что для малорусов характерно большее развитие «личного начала» и слабость начала общинного⁶⁵. Другими словами, подтверждаются

идеи Н.И. Костомарова сравнительно-обобщающего характера о коллективизме великорусов и индивидуализме малорусов⁶⁶.

Наконец, принципиально новым этапом в этнографических описаниях народов и малорусов в частности можно считать введение в них информации, связанной с антропологическими данными и результатами исследований племенного родства и отличий между близкими этническими группами. С развитием антропометрии и расширением возможностей изучения соответствий между языковыми, физическими, материальными и «культурно-бытовыми» признаками этнической принадлежности проблема степени древности и «чистоты» «отраслей» русского народа, а также характерных для каждой из них внешних объективных примет получила шанс на точное решение – создавались первые антропологические классификации народов.

В этом процессе большое значение имело введение в научную терминологию этнографии понятия «тип», заимствованного из естественнонаучного инструментария. Выделение параметров и особенностей физического типа становилось своеобразной отправной точкой в предварительной классификации народов; затем учитывалась языковая группа, происхождение, этноним и другие признаки этноса. По-прежнему важным принципом оставалось соответствие антропологического типа природно-географическим свойствам территории заселения (ландшафту в том числе), а также учет миграций и метисаций, известных из археологических данных и исторических свидетельств. Впрочем, неосознаваемые в категориях антропологического (т. е. поддающиеся точной фиксации и измерению) внешние отличительные признаки, разумеется, постоянно отмечались в описаниях малорусов в сравнении с великорусами. Источниками этих сведений о чертах лица, особенностях фигуры, мимики и пластики тела служили, с одной стороны, мнения наблюдателей-путешественников, а, с другой – представления о стандартах красоты в фольклорных произведениях и осуществленные на их основании реконструкции идеалов мужчины и женщины.

В российских репрезентациях разного рода – в том числе и визуальных – в XIX в. малорусы представляли как смуглолицые и румяные, черноглазые и черноволосые, статные, дородные, весь их облик был исполнен жизненной энергии и силы⁶⁷. Аналогичные малороссийские «типы» фигурировали в качестве персонажей художественной литературы (украинско- и русскоязычной) – особенно многочисленной в 1840–1860-е годы⁶⁸. Подобно тому, как не подвергалось сомнению,

что только крестьянский тип воплощает этнические приметы во всей полноте, так же распространено было (в научной и обыденной практике) представление о том, что женский физический тип в наименьшей мере подвержен изменениям и потому воплощает антропологические признаки племени в максимальной степени⁶⁹. Поэтому в этнографические очерки часто включали описания малороссиянок (именуемых «хохлушками» – в отличие от «казачек»), заимствованные из беллетристики или составленные на основании литературных произведений (прежде всего, повестей Гоголя, а также из романтических произведений малороссийских авторов). Если в начале XIX в. описания «малороссийских красавиц» составлялись без учета их сословной принадлежности – в их число попадали представительницы провинциального общества («Женщины здесь очень милостивы, почти все с томными и вместе пламенными глазами, в которых чувствительность души и сердца так ясно изображается. Природа положила на лицах их печать любви и нежности»⁷⁰, – писал князь П.И.Шаликов в 1803 году), то во второй половине столетия эталон женского типа формировался исключительно на примере низших социальных слоев.

Следует отметить, что образ «простого малороссиянина» – «хохла» функционировал в российских этнографических описаниях на протяжении всего XIX в. и комплекс внешних примет, существовавших до научно-антропологической реконструкции, вовсе не является плодом одной лишь украинской романтической литературы⁷¹, однако стремление обозначить значимое физическое различие малоруса и великоруса, разумеется, играло большую роль в украинофильских исследованиях⁷², в то время как аналогичные поиски идеального великоруса, как правило, оказывались безуспешными – в связи с большим количеством вариаций типа⁷³.

Внешние черты, по убеждению эпохи, всегда отражают свойства народного нрава (физиогномика⁷⁴) и наоборот, что позволяет по визуальному наблюдению делать выводы о национальных качествах народов. Поэтому признаки красоты и «довольства», которые можно считать типичными в этнографических очерках о малорусах, являются важными показателями их благополучия и добродетельности. Представителей малорусского племени отличает также физическая выносливость и крепость. Малороссиянкам приписывается красота, живость и веселость (последнее свойство отличает их от мужской угрюмости – стереотипного качества малорусского крестьянина), при этом авторы подчеркивают, что эта «живость не переходит в бабность и нескромность»⁷⁵.

О женской красоте «хохлушек» упоминается и в «Живописной России», автор очерка об Украине при этом подчеркивает, что «страстность» и «грациозность» отличает малороссийскую женщину от другой русской красавицы-сестры: «Украинка совсем не похожа на свою великорусскую сестру — лебедушку белую»⁷⁶. Это несходство связано, прежде всего, с уже знакомыми представлениями об отличительных особенностях жителей «юга»: невысокий рост, телесная «крепость», витальность, темный цвет глаз и волос, выразительность черт лица и «статность» фигуры. Но эти приметы пылкого темперамента и живости «природного склада», казались также признаками чувственности, чреватых «злоупотреблениями» в нравственной сфере. Отсюда — настойчивое стремление авторов оградить читателей от поспешных выводов. Характерным примером может служить следующее заключение, в котором также содержатся обязательные элементы сравнения — теперь уже с другим славянским народом: «Малороссиянки одарены всею тою прелестью обхождения, которую так прославляют в польках, но превосходят их в искренности и прямотушии, чужды их навязчивого кокетства и никогда не теряют власти над собой даже в минуты самого страстного увлечения»⁷⁷. Некоторые другие особенности характера малороссиянок (верховенство над мужчинами, решительность и др.) связываются с более высоким (вплоть до лидерства), нежели у великорусов, правовым и семейным статусом женщины в семье.

Таким образом, любое этнографическое описание содержало в себе элементы романтического образа и этнические стереотипы, предрассудки морализаторского толка и вербальные клише, а также строго научные заключения. Наиболее репрезентативными в 1880–1890-х годах из последних представлялись те, которые можно было выразить в фактах, цифрах (таблицы) и картах — это статистическая информация (о количестве населения, языковой, сословной и конфессиональной принадлежности, роде деятельности и т.п.), и данные антропометрии. Однако антропологические сведения, помещавшиеся в этнографические обзоры зачастую в общем, описательном виде, порождали много вопросов — особенно если учесть обязательность сопоставительного подхода.

Проблема заключалась в соотношении двух понятий — «антропологический тип» и «этнографический тип». Под антропологическим типом мог пониматься физический вид («телесный вид и сложение») — т. е. олицетворением его мог стать представитель определенно го сообщества, обладающий характерными внешними признаками

группы. Но, как писал Д.Н. Анучин, в процессе его установления большую роль играют и другие факторы – такие как темперамент и характер (антрополог разделял их как врожденные и приобретенные свойства), а также «известные черты духовного склада», «способные отчасти отразиться и на этнографических особенностях»⁷⁸. При этом он подчеркивал, что антропологические типы не совпадают с этнографическими (племенными) абсолютно, так как последние являются продуктом не биологического развития, а культурно-исторических воздействий. Классификация вторых основана в первую очередь на лингвистическом принципе⁷⁹ (язык, как полагал ученый, с одной стороны, передается подобно телесным признакам – по рождению, а, с другой, формируется в процессе воздействия социума).

Однако даже на рубеже XIX и XX вв. задача «разложить (этнический состав населения России – М.Л.) на входящие в него элементы, выделить среди последних главные и второстепенные, подметить у них черты сходства и различия, выявить степень родства ...»⁸⁰ оставалась по-прежнему в перечне главных целей российских антропологов – хотя первые масштабные усилия в этом направлении были предприняты еще в процессе подготовки Этнографической выставки (1867) и Первой антропологической выставки в Москве (1879).

Общие выводы относительно главных физических отличий малорусов от великорусов даны Д.Н. Анучиным в соответствующих статьях энциклопедии Брокгауза и Ефрона. Обобщая все имеющиеся научные данные и исследования, он утверждал, что «малорусская народность» сложилась в Галиции и на Волыни «отчетливо, с особенностями своего языка», в XIV веке и потом расселялась в Поднепровье⁸¹. Антропологические отличия, по мнению Анучина, связаны с преобладанием у первых более высокого среднего роста, большим процентом темноволосых, темноглазых и смуглокожих – однако исключительно в сравнительном отношении (например, брюнеты преобладали лишь в процентном, но не в абсолютном значении). По форме черепа преобладает брахицефалия и небольшой размер головы в отношении роста, более заметны выступающие скулы. Отличия двух русских антропологических типов Анучин связывает с процессами метисации «русских славян» Южной и Восточной Руси в ходе колонизации территорий и на этапе их политического обособления. «Не подлежит сомнению, – пишет он, – что малорусы должны были воспринять в себя немало крови древних тюркских народов Южной России – больше, чем великорусы»⁸², хотя последние также ассимилировали финские народности. Что касается великорусов, то

их главной физической особенностью является такое разнообразие типов, которое практически не позволяет выявить общий для всех комплекс черт. Иначе говоря, можно говорить с уверенностью лишь о том, что малорусы, по имевшимся в распоряжении исследователя данным, обладают несколько более выраженными (но отнюдь не чистыми) физическими приметами славянского типа.

Однако антрополог предупреждал, что «костики и черепа могут дать понятие только о признаках расы, породы, а не племени или народности; ... в составе одного и того же племени могут присутствовать различные расовые элементы и, наоборот, одни и те же краниологические признаки могут встречаться у представителей различных племен или народностей. Кроме того, известный физический тип может подлежать в течение веков изменению» вследствие различных процессов⁸³. Вполне естественно, что такая позиция Анучина рассматривалась и украинофилами, и видится некоторыми современными учеными как доказательство «имперского национализма» в науке – ведь он, в сущности, отрицал, или, точнее, игнорировал попытки выявления этнодифференцирующих антропологических признаков, доказывающих принципиально различный статус малорусов и великорусов в классификации славянских этносов. Анучин – так же, как и Костомаров, различал признаки двух племен в «теле» единого русского народа по многим параметрам, важнейшим из которых для него был язык, «материальная» и «духовная культура», а также темперамент и характер.

Кзаки и малороссийский тип

Если выделение среди «русских» народов великорусов, малорусов и белорусов не подвергалось сомнению, то соотношение малорусов и казаков как двух этнических групп можно считать одной из наиболее спорных проблем этнической идентификации, не решенных окончательно до сих пор. Некоторые взгляды по этому вопросу, содержащиеся в русскоязычной исторической и художественной публицистике 1840–1860-х годов, были освещены нами в другой работе⁸⁴, поэтому мы обозначим лишь ключевые точки полемики, оказавшие влияние на концепции этнической истории малорусов.

В 1847 году благодаря усилиям О.М. Бодянского вышел ряд работ о Малороссии, написанных в XVIII веке. Увидели свет, в частности, сочинения Г.Ф. Миллера, написанные в 1760-х годах. В одном из них он писал, что «народ малороссийский разделяется на нижесле-

дующие состояния: шляхетство, духовный чин, воинство или козаки, мещане, мужики»⁸⁵. Этот перечень сословий, однако, не позволяет точно интерпретировать, что понимал Г. Миллер под термином «народ малороссийский», поскольку сама работа имеет подзаголовок «географическое описание» — следовательно, под ним могло скрываться как «население Малороссии», так и некая этнокультурная общность⁸⁶.

Во второй половине XVIII в. происхождение казачества пытались установить, определив этимологию наименования («козаки», «черкасы»⁸⁷). Единства мнений об этнической принадлежности, впрочем, не сложилось, однако утвердилось положение о том, что некоторые известия античных авторов о кочевых племенах относятся к казакам, их объединяли с хазарами, половцами, скифскими и «кавказскими народами» древности⁸⁸. Из многочисленных казачьих региональных групп самой древней было признано казачество запорожское («малороссийское»). К середине XIX в. наиболее полный обзор исторических сведений о казачестве и анализ существующих концепций их этнической истории содержался в монографиях Д.Н. Бантыш-Каменского⁸⁹ и Н.А. Маркевича⁹⁰ по истории Малороссии в разделе о ранней истории племен, обитавших в этом регионе. Точку зрения украинской историографии о том, что казачество представляет собой одно из древнейших южнорусских племен, отстаивали в своих сочинениях М.А. Максимович и В.Б. Антонович⁹¹. Входили в широкий обиход и заключения, которые делались специалистами по древней славянской истории⁹². В целом можно говорить о бытовании нескольких наиболее распространенных версий о месте казачества в этнической классификации: 1) самостоятельная племенная группа древнего происхождения, этногенез которой не представляется возможным установить; 2) сообщество свободных в правовом отношении людей, занимавшихся военным делом, преобразовавшееся к XV–XVI вв. в сословие, в этническом отношении — продукт метисации разных рас и этнических образований; 3) некогда самостоятельная в этническом отношении группа южнорусского земледельческого населения православного вероисповедания, со временем составившая основу малороссийского племени; 4) наименование военного сословия для защиты границ, возникшее еще в Киевской Руси, а позже существовавшее в составе различных государств — Речи Посполитой и Московского государства⁹³.

Неопределенность происхождения казачества и неизученность проблемы этнического наследия в физическом и культурном отношении

с разными типами сообществ приводили к тому, что место его в формирующихся классификациях народов Империи постоянно менялось. Некоторые исследователи рассматривали казачество как отдельную, отличную и от великорусов, и от малорусов, группу. Современник Н.И. Надеждина А.В. Терещенко включил в состав славянских племен Империи «русских, малороссиян, казаков ... и поляков»⁹⁴. Основанием для этого служил сословный статус казачества – как в историческом прошлом, так и на современном этапе: ведь носителем «чистых» этнических свойств выступало лишь крестьянство. В этнографическом обзоре племен Империи учебника по географии 1863 года казаки указаны в составе группы славянских племен, однако с припиской о том, что они «происходят от великороссиян и малороссов, и не составляют особенного племени»⁹⁵. Против «смешения истории Малороссии с историей Сечи или Запорожья» выступал, в частности, Афанасьев-Чужбинский, предлагая разделять их⁹⁶, что влекло за собой отделение казачества от малороссиян в этническом отношении.

В этнографических очерках второй половины столетия можно выделить две позиции в отношении казачества: а) отождествление разных войсковых групп с великороссиянами (донское, уральское, оренбургское, терское и кубанское) или малороссиянами (главным образом запорожцами) на основании истории формирования и б) утверждение о том, что не крестьянство, а казачество есть главная социальная группа, воплощающая типические этнические свойства малороссийского племени в целом (П.А. Кулиш) как «исконное землевладельческое и земледельческое туземное южнорусское население, сознающее свою национальную особость» (В.Б. Антонович, И.М. Каманин), даже если принимать версию о ее древнеславянском или иноэтничном происхождении (Н. Маркевич). Другие рассматривали казачество вообще не как «остатки вольных общин» а как «вооруженные артели промышленников» или «бродников», привилегии и свободы которых формировались на пограничье с течением времени (М.К. Любавский). В целом доминировал первый подход, однако основание для включения казаков в состав малороссийского племени были как исторические, так и племенные: одни полагали, что «малороссийские казаки – те же крестьяне»-пахари (В.И. Даль, А.Я. Ефименко) по своему образу жизни и потому исполнение ими воинской службы в современной ситуации никак не меняет их малороссийской принадлежности.

В работах 1880–1890-х годов в целом преобладал стремление обойти вопрос о казачестве в этногеографических описаниях малору-

сов, что позволял сам географо-региональный принцип описания Империи: характеристика разных групп казаков помещалась в отдельные разделы – в соответствии с административно-территориальным делением (термин «земля» был введен в официальное наименование «дарованных» Донскому и Черноморскому Войскам областей). Например, «черноморских» (кубанских) казаков описывали в отдельном очерке о «земле Черноморского войска»⁹⁷, а рассказ о запорожском казачестве включался лишь в отдельную подглавку исторического раздела⁹⁸ или в очерк о Левобережной Украине как части Малороссии⁹⁹. Но и в этом случае наблюдатели или цитировавшие их составители чаще фиксировали «сохранение черт малороссийской народности в нравах, обычаях, поверьях, в быту домашнем и общественном», в верности православной религии, поскольку специфический образ его жизни не позволяет ему приобретать отличительных свойств¹⁰⁰.

Этнический характер малоруса в описаниях 1870–1900-х годов

Хорошо известно, что традиционные типичные качества земледельцев всегда оценивались в этнографии второй половины XIX в. исключительно позитивно: любому народу на этой стадии (и особенно славянским) присущи, как полагала наука того времени, такие качества как гостеприимство, добродушие, открытость, а также высокий уровень нравственности. Термин «патриархальная нравственность» часто использовался в этнографической литературе эпохи применительно ко многим народам¹⁰¹. Признаками архаических добродетелей являются: неизвестность этническому сообществу разновидностей пороков, присущих исключительно цивилизованным народам (алчность, воровство, обман и др.), религиозность, честность, равнодушные и даже «брезгливость» к наживе и обогащению¹⁰². Однако если в трактовках этих позитивных черт в первой половине столетия отчетливо преобладали явные или скрытые мотивы «нецивилизованности» и даже «варварства» их обладателей, то в 1880-е годы под воздействием эволюционистских теорий на развитие человеческих сообществ оценки изменились. Теперь главной интенцией подобных рассуждений стало признание того, что представители европейского крестьянства независимо от этнической принадлежности сохраняют в себе архаические свойства, что «сняло» этноспецифический и «цивилизаторский» акценты, оказываясь подтверждением особенности социальной универсалии традиционного сообщества¹⁰³.

Отсюда – уже открыто сформулированная идея о нравственном превосходстве малорусов над великорусами, которых суровые природные условия и вовлеченность в процесс социальной и культурной модернизации (цивилизация как таковая) «испортили» стремлением к «промышленности» (т.е. работе за денежное вознаграждение). Поэтому главные особенности велико- и малорусов по-прежнему связывала с успехами в предпринимательстве и торговой деятельности (что выражалось, в том числе, и в их склонности «к перемене мест») в отличие от исключительно оседлого крестьянского образа жизни вторых. Теперь эти свойства часто выступают и как важные причины, призванные объяснить несходное экономическое развитие великорусских и малорусских регионов Европейской России. Кроме того, «привязанность» малорусов к земле и нежелание заниматься «промышленной деятельностью» трактуется как значимая позитивная черта его эмоционально-душевного склада – не государственно-го, а регионального патриотизма (сильная любовь к своей «Малой» Родине¹⁰⁴), отличающая его от великоруса – особенно в современной пореформенной России. А.Я. Ефименко даже обозначила разницу «интеллигентских групп» двух народов, коренящуюся, по ее мнению, в особенностях общественной психологии: в малороссиянине гораздо живее чувство любви к малой родине, «к том углу, с которым связываются его первые впечатления», а «великорус по преимуществу скиталец, у которого есть отечество, но нет родины»¹⁰⁵. Именно поэтому, полагала исследовательница, малорусский интеллигент соединяет свои «теоретические симпатии к народу с конкретным образом мужика-хохла», в то время как его великорусский соратник больше тяготеет к «отвлеченному мужику, к обще-мужику»¹⁰⁶.

Образ малоруса – «простодушного» сына природы, наивного «простака» и потому непрактичного в сравнении с великорусом – рожденный в эпоху романтизма, также сохранен в характеристике нрава народа. Однако многие авторы (как Костомаров, Чужбинский, Ефименко и др.), упоминая его, пытаются оспорить некоторые из черт, полагая их несправедливыми обвинениями. Аргументация позволяет выявить содержание понятия «простак» в представлениях наблюдателей и исследователей последней трети столетия. Эта характеристика кажется им принижающей умственные свойства малоруса, и потому они приводят примеры, свидетельствующие о его тонком прощательном уме и сообразительности, глубине¹⁰⁷. Столь же обидными кажутся обвинения малорусов в медлительности, что зачастую выступает либо синонимом, либо причиной лени, которые авторы

конца столетия вслед за Костомаровым категорически не приемлют. Они видят в них проявление приспособления организма человека к жаркому климату или врожденное свойство – темперамент¹⁰⁸.

Важное место в этнографических характеристиках приобретает рассказ об истории региона и племени, в очерках о Малороссии и ее жителях исторический раздел – как и в описаниях других славянских народов Империи – весьма обширен (в отличие от кратких исторических экскурсов неславянских этнических групп). Наиболее значимыми для этногенеза и сохранения этнокультурной самобытности представляются авторам два этапа: период нахождения Украины в составе Польского государства, когда «выработался» казацкий тип, и вхождение украинских земель сначала в состав Российского государства (а в XVIII в. – и в Империю). Первый способствовал развитию таких качеств как упорство и упрямство («упартость») – оцениваемые русскими авторами позитивно¹⁰⁹. Угроза внешней агрессии и стремление разных завоевателей лишить его этнокультурной самобытности, родного языка и веры породили необыкновенную привязанность ко всему, связанному со «старинной» – речи, преданиям, песням, обычаям и резко негативное отношение к любым нововведениям, именуемая «закоснелостью»¹¹⁰. Те же исторические обстоятельства способствовали «выработке» духа независимости и глубокого сознания человеческого достоинства, наиболее полно выразившегося в казачестве¹¹¹. Оно, в свою очередь, в той или иной степени повлияло на формирование таких свойств малороссиянина как упрямство и безграничный консерватизм. Так, этнограф А.Я. Ефименко, сравнивая народные восстания на Украине и в России («гайдамачину» и «пугачевщину») как малороссийское и великорусское народные движения, связывала их отличительные особенности с «типическими племенными» чертами: малорусов она характеризовала как апатичных и в то же время настойчивых – в противоположность «подвижным и порывистым» великорусам¹¹².

Несколько отлично от костомаровской трактовки объясняются теперь стремление малоруса к «обособлению личности». Различия в устройстве «общественного быта» малорусов и великорусов (раздробление семьи и мир, склонность малорусов к «индивидуализму» и «коллективизм» великорусов) связываются не столько с материальными условиями жизни и политическими традициями двух народов, сколько с историческими причинами. Ценность личной независимости иногда критикуется авторами народнических убеждений,

рассматривающих ее в качестве основания для равнодушия к общественным интересам¹¹³.

В этнографических очерках народов Империи 1880–1900-х годов описания внешности, обычаев, нравственности и нрава малорусов получает завершённую форму и окончательные оценки. Характеристики народов в этой литературе однотипны и восходят к литературе и публицистике предшествующего времени. Наиболее важной их чертой продолжает оставаться принцип сравнения: своеобразие образа жизни малоруса и его «народности» в надеждинском смысле неизменно связано со сравнением двух восточнославянских народов – малорусов и великорусов¹¹⁴. Ещё одна особенность этих описаний связана со стремлением не выходить за рамки сопоставления «русских племен» между собой, в то время как в отдельных очерках о великорусах (в работах того же жанра) они часто рассматриваются в сопоставлении с другими славянскими народами, финнами и др.

Новыми можно считать интерпретации, объясняющие формирование свойств этнического нрава не столько, как ранее, природными условиями (благодатной ее щедростью, способствующей экономическому процветанию народа и консервации им патриархальных свойств), сколько историческими и социальными обстоятельствами. Во всех этнографических очерках и научно-популярных сочинениях о народах Российской империи второй половины столетия содержится заключение о том, что сходства между племенами великорусов и малорусов по всем принятым в то время этническим признакам преобладают над различиями, которые трактуются как вариации в границах единой этнокультурной общности – русского народа. А сами отличия провозглашаются весьма плодотворными с точки зрения перспектив развития Империи и ее этнокультурного нациеобразующего ядра. Идея благотворной взаимодополняемости свойств великорусов, малорусов (в меньшей степени белорусов) не только оказывается результатом конструирования позитивных в основе своей образов родственных племен, но и сама уже становится сильным аргументом в пользу концепции единства русского народа как возглавляющего иерархию народов Империи.

Если описания малоруса в научных и беллетристических сочинениях первой половины столетия демонстрируют зависимость от теоретических установок и культурных предубеждений эпохи Просвещения, канонов романтического изображения крестьянства как носителя типичных этнических свойств, а также стереотипных оценок качеств «южного» народа, то характеристики и оценки 1860–

1890-х годов строятся на признании объективности научного знания: как в области информации, так и в сфере интерпретации. Общим для всех этнографических и параэтнографических обзоров и мнений этого столетия можно считать равнозначность непосредственного визуального восприятия, литературных клише и заключений исследователей (главным образом филологов и фольклористов). Господство принципа широко понимаемой иллюстративности, примордиалистское толкование этнического «тела» как объективно существующей реальности, отождествление внешнего наблюдения с анализом приводит к тому, что не увиденное определяло заключения, а, напротив, знание организует и упорядочивает восприятие.

Примечания

¹ Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 12, 35–37.

² Надеждин Н.И. Об этнографическом изучении народности русской // Записки Русского географического Общества. 1847. Кн. 2. С. 61–115.

³ Семенов П.П. История полувековой деятельности Императорского Русского Географического Общества. 1845-1895. В 3-х тт. СПб., 1896. Т. 1. СПб., 1896. С. 16, 39–40.

⁴ Долбилов М.Д. Культурная иднома возрождения России как фактор имперской политики в Северо-Западном крае в 1863-1865 гг. // *Ab Imperio*. 2001. №1-2. С. 227–268; *Он же*. Полонофобия и политика русификации в северо-западном крае империи в 1860-е гг. // *Образ врага*. М., 2005. С. 127–174; *Западные окраины Российской Империи* / Ред. М. Долбилов, А. Миллер. М., 2006. Гл. 7.

⁵ Миллер А.И. Указ. соч.; Левкиевская Е. Стереотип украинца в русском сознании // *Украина и украинцы: образы, представления, стереотипы*. Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии. М., 2008. С. 154–176; Александровский И.С., Лескинен М.В. Некоторые вопросы этнографического изучения и полемики о статусе малороссийского языка в российской литературной и научной публицистике XIX в. (статья в данном сборнике).

⁶ Лескинен М.В. Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «другой» сквозь призму идентичности. М., 2010. Гл. 1.

⁷ Лотман Ю.М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // *Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров*. М., 1999. С. 239–275. С. 239–248.

⁸ Терещенко А. Быт русского народа. СПб. 1848. С. 1.

⁹ Там же. С. 139.

¹⁰ Максимович М.А. О малороссийских народных песнях. Предисловие // *Максимович М.А. Собр. соч.* В 3-х тт. Киев, 1876-1880. Т. 2. Киев, 1877. С. 440.

¹¹ *Надеждин Н.И.* Об этнографическом изучении народности русской. С. 103.

¹² Великоруссы // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.Е. Ефрона В XLII тт. (82 полутт.) / Под ред. Е.И. Андреевского. СПб., 1890–1907. Т. Va (п/т. 10). СПб., 1892. С. 828–843 (автор – Анучин Д.).

¹³ См.: *Максимович М.А.* Указ. соч.; *Бодянский О.М.* О народной поэзии славянских племен. М., 1837.

¹⁴ *Бодянский О.М.* Указ. соч. С. 114.

¹⁵ Там же. С. 135, 136.

¹⁶ *Н.Н. (Надеждин Н.И.)* Великая Россия // Энциклопедический лексикон / Под ред. Н.И. Греча и О.И. Сенковского. Изд. А.А. Плюшара. В 17-ти тт. (неокончено). СПб., 1834–1841. Т. IX. СПб., 1837. С. 267, 268.

¹⁷ *Надеждин Н.И.* Об этнографическом изучении народности русской. С. 101.

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Терещенко А.* Указ. соч. С. 140.

²⁰ *Левкиевская Е.Е.* Восточнославянский мифологический текст: семантика, диалектология, прагматика. Диссерт. на соискание степени д.фил. наук. Рукопись. М., 2007. Раздел III. Мифологические рефлексии в литературных текстах. Гл. 1–3.

²¹ *Кавелин К.Д.* Быт русского народа. Сочинение А. Терещенко // Сочинения К.Д. Кавелина. В 4-х тт. СПб., 1897–1900. Т. 4. СПб., 1898. С. 6–167. В 1860-е годы такая трактовка станет общепринятой, однако на этом этапе она казалась почти революционной.

²² Работа, подробно освещающая основные тенденции данного направления: *Собестинский И.М.* Учения о национальных особенностях характера и юридического быта древних славян. Историко-критическое исследование. Харьков, 1892.

²³ *Афанасьев-Чужбинский А.* Поездка в Южную Россию. В 2-х ч. СПб., 1863. Ч. 1. С. 33–35.

²⁴ Цит. по: *Корончевский Д.А.* Значение «географических провинций» в этногенетическом процессе. Диссертация на степень магистра. СПб., 1905. С. 48. Следует упомянуть и о прямом воздействии идей К. Риттера на деятелей российской культуры, и многих историков-славистов (*Сухова Н.Г.* Карл Риттер и географическая наука в России. Л., 1990. С. 74–75.)

²⁵ *Реклю Э.* Земля и люди. Всеобщая география. В 19-ти тт. СПб., 1877–1896. Характеристика народов Европейской России содержится в пятом томе этого издания (Т. V. Вып. II. Европейская Россия. СПб., 1883.).

²⁶ *Ратцель Ф.* Земля. 24 общедоступных беседы по общему землеведению. Географическая книга для чтения. М., 1882. С. 507–509.

²⁷ Подр. об этом: [*Горизонтов Л.Е.*] Материалы «круглого стола» в Институте славяноведения РАН // Белоруссия и Украина: История и культура. М., 2003. С. 135; о терминологии в этнографических очерках: *Лескинен М.В.* Понятие «нрав

народа» в российской этнографии второй половины XIX в. Описание малоросса в научно-популярной литературе и проблема стереотипа // Украина и украинцы: образы, представления, стереотипы. Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии. М., 2008. С. 67–94.

²⁸ Ушинский К.Д. Труды Уральского экспедиции. Три статьи. Рецензия // Ушинский К.Д. Собр. соч. В 11-ти тт. М.–Л., 1948–1953. Т. 1. М.–Л., 1948. С. 350–511. С. 436.

²⁹ Там же. С. 448–449.

³⁰ Там же. С. 452.

³¹ Сухова Н.Г. Развитие представлений о природном территориальном комплексе в русской географии. Л., 1981. С. 45.

³² Берг Л.С. География и ее положение в ряду других наук // Вопросы страноведения. М.–Л., 1925. С. 8–13; Сухова Н.Г. Развитие представлений.

³³ Лоскутова М. С чего начинается Родина? Преподавание географии в дореволюционной школе и региональное самосознание (XIX – начало XX века) // Ab Imperio. 2003. № 3. С. 182.

³⁴ Саушкин Ю.Г. История и методология географической науки. М., 1976; Сухова Н.Г. Развитие представлений. Лоскутова М. Указ. соч. С. 174–175.

³⁵ Семенов П.П. Указ. соч. Гл. I–III; Токарев С.А. Вклад русских ученых в мировую этнографическую науку // Токарев С.А. Избранное. В 2-х тт. М., 1999. Т. 1. С. 69–101; Найт Н. Наука, империя и народность: этнография в Русском географическом обществе. 1845–1855 // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. Антология. М., 2005. С. 155–198; Knight N. Ethnicity, Nationalism and the Masses: *Narodnost'* and Modernity in Imperial Russia // Russian Modernity: Politics, Knowledge, Practices. NY, 2000.

³⁶ Лескинен М.В. Поляки и финны. Гл. 1–2.

³⁷ Следует заметить, что четкая этнографическая номенклатура и иерархия этих этнических единиц находилась в стадии разработки, поэтому мы можем говорить о ней лишь как о результате нашей реконструкции научных текстов.

³⁸ Максимович М.А. Указ. соч. С. 439.

³⁹ Костомаров Н.И. Две русские народности // Исторические монографии и исследования Н. Костомарова. В 20-ти тт. СПб., 1863–1889. Т. 1. СПб., 1863. С. 51–109. С. 52.

⁴⁰ Миллер А.И. Указ. соч. Гл. 2.

⁴¹ Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 64.

⁴² Там же. С. 67–82.

⁴³ См.: Левкиевская Е.Е. Стереотип украинца.

⁴⁴ Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 108.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. С. 108–109.

- ⁴⁷ *Миллер А.И.* Указ. соч. Гл. 2.
- ⁴⁸ *Коялович М.О.* История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1884. С. 501.
- ⁴⁹ Там же. С. 498.
- ⁵⁰ О различении «народности» и «национальности» в этнографическом дискурсе см.: *Лескинен М.В.* Поляки и финны. Гл. 2.
- ⁵¹ Подробнее об этом см.: *Лескинен М.В.* Понятие «нрав народа».
- ⁵² *Кавелин К.Д.* Мысли и замечания о русской истории // Сочинения К.Д. Кавелина. Т. 1. СПб., 1897. С. 583–676.
- ⁵³ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // *Соловьев С.М.* Сочинения в 18-ти кн. М., 1988–1995. Т. 1. М., 1988. С. 73.
- ⁵⁴ Там же. Кн. VII. Т. 13. М., 1991. С. 24.
- ⁵⁵ Там же. Т. 1. С. 73.
- ⁵⁶ Там же. Кн. VII. Т. 13.. С. 25; *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Часть первая. Лекция XVI // *Ключевский В.О.* Собр. соч. В 9-ти тт. М., 1987–1990. Т. I. М., 1987. С. 275–294. С. 289; *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Часть первая. Лекция XVII // Там же. С. 295–317. С. 295.
- ⁵⁷ *Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн. VII. Т. 13. С. 296; *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Часть первая. Лекция XVI. С. 289; *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Часть первая. Лекция XVII.
- ⁵⁸ Цит. по: *Ульянов Н.И.* Происхождение украинского сепаратизма. М., 1996. С. 144.
- ⁵⁹ *Миллер А.И.* Указ. соч. Гл. 2.
- ⁶⁰ *Левкиевская Е.Е.* Стереотип украинца.
- ⁶¹ *Афанасьев-Чужбинский А.* Поездка в Южную Россию. В 2-х ч. СПб., 1863. Ч. 1. Очерки Днепра. С. 7.
- ⁶² Там же. С. 22.
- ⁶³ *Максимович М.А.* Указ. соч. С. 441.
- ⁶⁴ *Афанасьев-Чужбинский А.* Указ. соч. Ч. 1. С. 7.
- ⁶⁵ Великорусы. С. 846–850.
- ⁶⁶ *Афанасьев-Чужбинский А.* Указ. соч. Ч. 1. С. 33–35.
- ⁶⁷ Некоторое общее представление о начальной стадии визуальной дифференциации «русских» (не по этническому, а по сословному принципу и роду занятий, среди которых есть и праобраз «будущих» малорусов можно составить по: *Мартин А.* Изображение «русскости» в конце XVIII – начале XIX в. // *Ab Imperio.* 2003. №3; *Вишленкова Е.А.* Визуальная антропология империи, или «увидеть русского дано не каждому». Препринт WP6/2008/04. Серия WP6. Гуманитарные исследования. М., 2008.
- ⁶⁸ *Александровский И., Лескинен М.* Указ. соч.
- ⁶⁹ Об этом: *Лескинен М.В.* Поляки и финны. С. 175–178.

⁷⁰ Другое путешествие князя П.И. Шаликова в Малороссию. М., 1804. С. 4.

⁷¹ Так пишет, анализируя работы первого десятилетия XX в., написанные украинским антропологом Г. Вовка, М. Могильнер (*Могильнер М. Homo Imperii. История физической антропологии в России.* М., 2008. С. 294).

⁷² *Екельчик С.* Человеческое тело и национальная мифология: некоторые мотивы украинского национального возрождения XIX века // *Ab Imperio.* 2006. №3. С. 23–54.

⁷³ Подробнее об этом: *Лескинен М.В.* Поляки и финны. С. 105–111; *Она же.* Великороссы / великорусы в российской научной публицистике (1840–1890) // *Славяноведение.* 2010. №6. С. 3–17.

⁷⁴ *Богданов А.П.* Антропологическая физиогномика // *Русская расовая теория до 1917 г. Сборник оригинальных работ русских классиков / Под ред. В.Б. Авдеева.* В 2-х вып. Вып. 1. М., 2004. С. 111–144.

⁷⁵ Руководство к изучению русской земли и ее народонаселения. По лекциям М. Владимирского–Буданова сост. и издал преподаватель гимназии во Владимирской киевской военной гимназии А. Редров. Киев, 1867. С. 261, 324.

⁷⁶ Очерк I. Малороссийское племя // *Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении.* Под ред. П.П. Семенова. В 12-ти тт. Т. 5. Малороссия, Подолия и Волынь (Полтавская, Черниговская, Волынская, Херсонская и Киевская губернии). Ч. 1. СПб.-М., 1897 (автор – Д.Л. Мордовцев). С. 6.

⁷⁷ *Тихорский Н.* Повесть А. Кузьмича «Казак» (СПб., 1843). Рецензия // *Маяк.* 1843. Кн. XXIV. Гл. IV. С. 110.

⁷⁸ Россия. Население. Россия в антропологическом отношении // *Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.Е. Ефрона.* Т. XXVIIa (п/т 54). СПб., 1899. С. 128–139.

⁷⁹ Россия. Население. Россия в этнографическом отношении // *Там же.* С. 139–152. С. 139–140.

⁸⁰ *Ивановский А.* От Антропологического Отдела ОЛЕАЭ // *Русский антропологический журнал.* 1900. Кн. 1. С. 1.

⁸¹ Малоруссы (в антропологическом отношении) // *Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.Е. Ефрона.* Т. IXa (п/т 18). СПб., 1899. С. 484–485.

⁸² Там же. С. 486.

⁸³ Великоруссы. С. 838.

⁸⁴ *Александровский И., Лескинен М.* Указ. соч. Раздел «Этническая история».

⁸⁵ *Миллер Г.Ф.* Сокращенное уведомление о Малой России (географическое описание) // *Миллер Г.Ф.* Исторические сочинения о Малороссии и малороссиянах. М., 1847. С. 25–36. С. 32.

⁸⁶ Для верного понимания данного термина необходимо детальное изучение языка самого ученого и эпохи в целом.

⁸⁷ Татищев писал, что «черкасы зовутся казаки малорусские, а для чего, никто неизвестен» (*Татищев В.Н.* Введение к гисторическому и географическому описанию Великороссийской империи (1744) // *Татищев В.Н.* Избранные труды по географии России. М., 1950. С. 182.)

⁸⁸ *Симоновский П.И.* Краткое описание о козацком малороссийском народе и о военных его делах (1765). М., 1847 / Публикация О. Бодянского. С. 1-2; *Ригельман А.* Летописное повествование о Малой России (1785). М., 1847 / Публикация О. Бодянского. С. 5.

⁸⁹ *Бантыш-Каменский Д.Н.* История Малой России. В 2-х тт. (Впервые опубликована в 1822). М., 1830.

⁹⁰ *Маркевич Н.А.* История Малороссии. В 5-ти тт. М., 1843–1845.

⁹¹ *Максимович М.А.* Исторические письма о казаках приднепровских (к М.В. Юзефовичу) // *Максимович М.А.* Собр. соч. В 3-х тт. Т. 1. Киев, 1876. С. 277–316; *Антонович В.Б.* Исследование о казачестве по актам с 1500 по 1648 гг. Киев, 1863.

⁹² *Морошкин Ф.Л.* Историко-критические исследования о русских и славянах. СПб., 1842.

⁹³ Россия. История: Малороссия: Теории происхождения казачества // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.Е. Ефрона. Т. XXVIII (п/т 55). СПб., 1899. С. 492–493.

⁹⁴ *Тереженко А.* Указ. соч. С. 136-137.

⁹⁵ *Белоха П.* Учебник географии Российской Империи. СПб., 1863. С. 82.

⁹⁶ *Афанасьев-Чужбинский А.* Указ. соч. С. 3.

⁹⁷ Отечественноеведение. Россия по рассказам путешественников и ученым исследованиям. Учебное пособие для учащихся. В 6-ти тт. / Сост. Д.Д. Семенов. СПб., 1866–1870. Т. II. Южный край (Малороссия, Новороссия, Крым и земли Донского и Черноморского войска). СПб., 1866.

⁹⁸ Очерк III. Киевская Русь после татарского погрома // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Под общей редакцией П.П. Семенова, вице-председателя Императорского Русского Географического Общества. В 12-ти тт. (19 кн.). СПб.–М., 1881–1901. Т. 5. Малороссия, Подолия и Волынь (Полтавская, Черниговская, Волынская, Харьковская и Киевская губернии). Ч. 1.

⁹⁹ Руководство к изучению русской земли и ее народонаселения.

¹⁰⁰ Отечественноеведение. С. 150.

¹⁰¹ Подр. об этом: *Лескинен М.В.* Поляки и финны. Гл. 7-2.

¹⁰² Народы России. Малороссы // *Природа и люди.* Иллюстрированный журнал литературный, научный и политический. 1878. №2. С. 1-50. С. 2; Очерк I. Малороссийское племя. С. 16.

¹⁰³ *Петри Э.Ю.* Антропология. Основы антропологии. СПб., 1890. С. 125–130.

¹⁰⁴ Очерк I. Малороссийское племя. С. 13; Народы России. С. 4.

¹⁰⁵ *Ефименко А.Я.* Малорусский язык в народной школе // *Ефименко А.Я.* Южная Русь. Очерки, исследования, заметки. В 2-х тт. СПб., 1905. Т. 2. С. 228.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Народы России. С. 2; Русская земля. Природа страны, население и его промыслы. Сборник для народного чтения / Сост. Я. Руднев. В 10 тт. Т. V. Очерки Малороссии. СПб., 1899. С. 35; Очерк I. Малороссийское племя. С. 19.

¹⁰⁸ Русская земля. С. 34.

¹⁰⁹ Очерк I. Малороссийское племя. С. 10; *Ефименко А.Я.* Очерки истории Правобережной Украины // *Ефименко А.Я.* Южная Русь. Т. 1. С. 1–5.

¹¹⁰ Народы России. С. 3–4.

¹¹¹ Народы России. С. 4; Очерк I. Малороссийское племя // Живописная Россия. Т. 5. Ч. 1 (автор – Д.Л. Мордовцев). С. 12–13; *Риттих А.Ф.* Этнографические очерки Харьковской губернии. Харьков, 1892. С. 7–8.

¹¹² *Ефименко А.Я.* Из истории борьбы малорусского народа с поляками // *Ефименко А.Я.* Южная Русь. Т. 2. С. 12–125. С. 29.

¹¹³ Русская земля. С. 35; Очерк I. Малороссийское племя. С. 19.

¹¹⁴ Подробнее об этом: *Левкиевская Е.Е.* Стереотип украинца; *Лескинен М.В.* Понятие «нрав народа».

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ АВСТРО-ВЕНГРИИ ГЛАЗАМИ РУССКИХ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКОВ)

Территория современной Украины на протяжении нескольких столетий входила в состав ряда государств. Следствием этого стало образование нескольких исторических областей, специфика формирования национального самосознания в которых весьма заметно различалась. В период возникновения и развития украинского национального движения (в XIX – начале XX вв.) украинские земли оказались разделены между двумя империями – Романовых и Габсбургов. Этим были созданы предпосылки для возникновения двух центров национального движения, которыми стали Киев и Львов.

В Габсбургской империи восточнославянское («руськое») население проживало на территории Галиции и Буковины, а также Угорской Руси, входившей в состав Венгерского королевства. Значительной часть населения этих земель принадлежала к восточнославянскому племени, что выражалось, в том числе, и в его самоназвании – «руський», «русин». Сходным было и официальное название – «Rusen, Rothrussen». При этом в Галиции около 60% населения составляли поляки, здесь также проживали евреи, немцы. В Буковине наряду с русинами проживали румыны, евреи, немцы, армяне, а в Угорской Руси – русины, венгры, евреи. Особенности исторических судеб этих регионов, принципов центральной политики в отношении каждого из них, имела следствием то, что развитие национального самосознания восточнославянского населения в каждом из регионов шло по собственному пути. Наиболее динамично процесс вызревания национального самосознания восточнославянского населения и формирования его национально-культурных, а позднее национально-политических движений шел в Галиции. Здесь существовало одновременно несколько проектов нациостроительства. Наиболее развитым и влиятельным являлось, несомненно, польское национальное движение. В Галиции – провинции, вошедшей в состав Габсбургской

империи после разделов Речи Посполитой – поляки не только составляли большинство, но и, в лице польской аристократии, владели основными рычагами управления. Это способствовало тому, что и внутри империи, и за ее пределами Галиция воспринималась, прежде всего, как польский край, здесь имели возможность развития фактически все направления польского национального движения.

В среде восточнославянского населения основное соперничество развернулось между украинским и пророссийским, получившим наименование русофильского, направлениями. В основе идеологии русофильского движения лежала концепция, согласно которой Восточная Галиция, а также другие «русские» земли Габсбургской империи, считались неотъемлемой частью единого русского мира, сегментом общего русского культурно-исторического пространства. Участниками украинского движения Галиция воспринималась как элемент единой «соборной» Украины, своего рода лаборатория, где нарабатывался опыт культурной, общественно-политической, экономической деятельности, который затем предстояло перенести на российскую часть Украины. Именно конкуренция между двумя этими проектами нациостроительства, на рубеже XIX–XX вв. оформившимися в полноценные национально-политические движения, находилась в центре общественно-политической жизни восточнославянского населения Галиции.

Безусловно, большое влияние на развитие обоих направлений оказывал такой фактор как отношения между Российской и Австрийской империями, значение которого возрастало по мере того, как в отношениях между этими державами усиливалась напряженность. Возможность использования национальных движений как инструмента влияния на соседнюю державу рассматривалась обеими сторонами. При этом важно отметить, что существенное влияние на развитие обоих направлений в национальном движении восточнославянского населения Габсбургской монархии оказывала внутренняя политика как самой Австрии, так и соседней России.

Прежде всего, на положение восточнославянского населения Австрийской империи существенным образом повлияло ее преобразование в дуалистическую Австро-Венгрию в 1867 году. Процесс децентрализации внутреннего управления империей затронул и Галицию. Одним из элементов этого процесса стало создание особого министерства для Галиции, что являлось одним из элементов расширения автономии. В значительной мере это отразилось на судьбах в тот момент еще формирувавшихся русофильского и украинского

движений. В новых условиях они еще в большей степени, нежели ранее, зависели как от взаимоотношений с имперскими властями, так и польской элитой.

Немаловажным фактором также стала и негативная политика официального Петербурга по отношению к украинскому движению внутри Российской империи¹, что привело к значительному оттоку активистов национального движения из России. В результате, именно в Галиции сформировались наиболее благоприятные условия для развития украинского движения. Начав с работы культурно-просветительской, украинцы постепенно перешли к политической деятельности. В начале XX в. ведущей силой в украинском политическом лагере стала Украинская народно-демократическая партия (УНДП). Главными своими задачами украинцы считали борьбу за избирательную реформу, развитие национальной высшей школы, удовлетворение крестьянских требований. Представители украинского движения стремились сделать Галицию своего рода плацдармом украинского национального движения, откуда оно могло распространиться и на российскую часть Украины. Не случайно с подачи видного деятеля украинского движения, горячего сторонника концепции «соборной Украины» М.С. Грушевского, получило широкое распространение выражение «украинский Пьемонт», по аналогии с итальянской областью, ставшей центром объединения Италии. Создание украинской политической партии подтолкнуло к аналогичному шагу и сторонников общерусской ориентации. Таким образом, начало политического этапа в развитии национального самосознания «русского» населения Восточной Галиции привело к окончательному складыванию самостоятельных национально-политических движений, возглавляемых партиями.

Растущее влияние украинского движения в Галиции было замечено российскими наблюдателями. В целом представители внешнеполитического ведомства сохраняли приверженность той сдержанной позиции, которая была выработана еще в последние десятилетия XIX века, когда основной задачей российской внешней политики было сохранение status quo в отношениях с соседними государствами, а использование в своих интересах национальных движений было редким. Однако дипломаты, работавшие непосредственно «на местах», в консульствах во Львове и Черновцах (Черновицах), нередко поддерживали достаточно тесные отношения с активистами русофильского движения, старались оказать им посильную помощь, что не всегда встречало понимание вышестоящего начальства, поскольку нередко

подобные контакты использовались австрийскими властями для дискредитации как русофилов, так и российских представителей.

Во многом благодаря инициативе сотрудников львовского и черновицкого консульств, украинское и русофильское движения начали привлекать все больше внимания со стороны официального Петербурга. Особенно пристальное внимание уделялось тем моментам общественно-политической жизни Галиции, в которых претензии украинского движения проявлялись особенно ярко: например, в связи с так называемым «университетским вопросом».

Украинский университет: «очаг сепаратизма на нашей границе» или «духовная потребность» украинского народа?

«Университетский вопрос», или вопрос о создании во Львове университета с преподаванием на украинском языке, оставался одним из наиболее сложных моментов общественно-политической жизни Галиции в первые годы XX века, вплоть до начала Первой мировой войны. Именно здесь наиболее ярко проявились такие моменты как усиление польско-украинских противоречий по мере развития обоих национальных движений, рост влияния центральной имперской администрации на решение, казалось бы, сугубо внутригалицийских проблем, наконец, усиление внешнеполитического влияния национальных движений, в том числе, украинского.

Борьба за создание украинского университета имела длительную историю. Львовский университет был основан в 1774 году. Несмотря на то, что одной из целей создания университета было «удовлетворение культурных нужд русинов», обучение в нем велось преимущественно на польском языке. Создание ряда кафедр в Львовском университете, где преподавание велось на «русинском», то есть, фактически, на украинском языке, являлось одним из условий заключения польско-украинского соглашения 1890 года, известного как «соглашение Бадени-Романчука». Однако, несмотря на то, что в 1892 году была создана, в частности, кафедра украинской (в официальных документах – восточнославянской) истории, которую двумя годами позднее занял молодой ученый из Киева М.С. Грушевский, сыгравший в дальнейшем значительную роль в развитии украинского движения, вопрос о дальнейшем развитии образования на украинском языке оставался открытым.

Именно влиянию Грушевского на украинских профессоров и студентов следует приписать и активизацию борьбы за создание университета

и усиление антипольской направленности этой борьбы. Грушевского вообще нередко упрекали в ненависти ко всему польскому, однако сам он утверждал, что «как киевлянин по происхождению и воспитанию, силою обстоятельств перенесенный в центр галицких польско-русских отношений, я считал своим долгом посылно содействовать выяснению польско-украинских отношений Галиции»². Высказывая свое мнение о сущности польско-русинского спора, Грушевский писал, что «русины домогаются, чтобы с ними считались как с национальностью, наравне с польскою и дали им то место в Восточной Галиции, какое поляки занимают на своей этнографической территории Галиции. Поляки подерживают принцип неравноценности национальностей и ссылаются на свое культурное и экономическое превосходство. Следовательно, сторонники украинского движения должны прежде всего доказать свою состоятельность, доказать, что украинский народ способен к ведению самостоятельной политической жизни»³.

Грушевский не только поддерживал выступления украинских студентов во Львовском университете, но и во многом был их инициатором. Именно конфликт Грушевского с университетской коллегией в июле 1901 года стал причиной студенческих волнений. На заседании Совета университета Грушевский вопреки принятым правилам говорил не по-польски, а по-украински, аргументируя это тем, что недостаточно знает польский язык. В ответ на замечание декана философского факультета о том, что в таком случае следовало бы попросить кого-либо из профессоров о переводе, Грушевский демонстративно покинул заседание⁴.

Демарш Грушевского послужила толчком к началу активной конфронтации. В октябре 1901 года студенты-украинцы провели ряд демонстраций с требованием создать отдельный украинский университет. Одновременно украинские депутаты Рейхсрата подготовили и внесли в парламент ряд запросов и предложений, касающихся университетского вопроса⁵. В ответ студенты-поляки также провели несколько собраний, на которых протестовали против удовлетворения украинских требований. Периодически происходили стычки между польскими и украинскими студентами, иногда доходившие до кровопролития. Наконец, в ноябре 1901 года большая группа студентов-украинцев (около 600 человек) покинула Львовский университет, позднее поступив в другие университеты Австро-Венгрии.

С этого времени борьба за украинский университет стала одним из постоянных элементов украинской политики в Австро-Венгрии, ее альфой и омегой, по словам одного из ведущих украинских политиков

К. Левицкого⁶. На протяжении нескольких лет продолжались выступления украинских студентов, парламентские выступления украинцев в Вене, кампании в прессе и т. п.

Стремление к созданию в стенах Львовского университета украинских факультетов, то есть утрата его «польскости», вызывало резкую неприязнь со стороны польской общественности. Не было ни одной польской партии, готовой пойти на уступки в этом вопросе. В 1903 году на съезде польских политиков основной задачей была провозглашена борьба против «украинизма» и «германизма», а на проведенном в ответ украинском съезде было заявлено о необходимости вести массовую работу для защиты национальных прав. Львовский университет оказался в эпицентре национальной борьбы⁷. При этом борьба эта носила драматический, а порой и кровопролитный характер. Неоднократно происходили столкновения между студентами обеих национальностей⁸. Тот же Грушевский писал, что «украинский университетский вопрос... идет от одного конфликта до другого, от одной катастрофы к другой»⁹. «Когда в крае воцарялось спокойствие, в университете происходила какая-нибудь авантюра», – писал другой непосредственный свидетель и участник происходившего наместник Галиции М. Бобжинский¹⁰. Действительно, практически ежегодно происходили стычки между украинскими и польскими студентами, которых поддерживала польская университетская коллегия. О сессии (выходе из университета) в 1901 году около 600 студентов-украинцев уже говорилось выше. Стычки отмечались и в 1904 году, когда польские студенты избили группу студентов-богословов, требовавших преподавания на «русском» языке¹¹, и в 1905 году, когда состоялось настоящее побоище между польским и украинскими студентами в стенах университета, и в 1907 году, когда студенты-украинцы забаррикадировались в аудиториях, подняв над университетом украинский флаг¹². Покушение на наместника Потоцкого, убитого в апреле 1908 года украинским студентом М. Сичинским, Бобжинский также считал результатом чрезмерной радикализации студенческого движения.

Новый виток борьбы вокруг университетского вопроса начался в 1910 году. На этот раз инициатором конфликта стала польская сторона. В начале года совет университета выступил с заявлением, в котором говорилось о необходимости сохранения и защиты польского характера университета. Это вызвало острую ответную реакцию со стороны Украинского клуба в Рейхсрате и Сейме, с протестом выступали профессора-украинцы, вновь прозвучали требования о создании

украинского университета. 24 апреля 1910 года состоялось «великое вече русинов города Львова», выступая на котором, депутат А. Колеса также призвал к созданию самостоятельного украинского университета¹³.

В апреле того же года польские студенты организовали так называемую «блокаду» университета, не допуская проведения студентами-украинцами никаких собраний и постоянно устраивая против них провокации. Ситуация постепенно накалялась, и 19 мая украинские студенты провели в стенах университета собрание, на котором потребовали от правительства скорейшего разрешения университетского вопроса, а от сената – снятия блокады и обеспечения студентам-украинцам возможности спокойно посещать занятия¹⁴. Напряжение усилилось, когда в конце июня украинские студенты организовали всеобщее собрание, на которое, помимо львовян, съехалось несколько десятков студентов из других городов¹⁵. В свою очередь, польские студенты вступили с украинцами в настоящее сражение, забаррикадировав выход из аудитории, в которой собрались украинцы. Следует отметить, что полиция не имела права входить на территорию университета, однако наместник Бобжинский, зная заранее о проведении мероприятия, поскольку, как он писал, «речь могла идти о криминале... уполномочил полицию войти безотлагательно на территорию университета, если события примут таковой оборот»¹⁶. Действительно, и украинские, и польские студенты явились в университет с оружием, и драка между ними закончилась перестрелкой, в которой погиб украинский студент А. Коцко, были ранены с обеих сторон. Поляки и украинцы обвиняли друг друга в развязывании перестрелки, причем польские студенты уверяли, что с их стороны выстрелов не было, и украинский студент погиб от случайного выстрела, и даже что он был убит своими товарищами. Украинская сторона указывала на явную предвзятость властей, вставших на сторону поляков. Арестованы были только украинские участники конфликта, поляки же проходили как свидетели, территория университета, где произошла драма, не была осмотрена полицией, не было найдено оружие, которое могло бы принадлежать польским студентам. Опасаясь, что похороны убитого студента будут превращены украинцами в демонстрацию, наместник предпринял все возможные меры безопасности. Никаких инцидентов не произошло, однако сам трагический случай красноречиво свидетельствовал о том, насколько накалена обстановка в университете.

Посол России в Вене Л.П. Урусов, с большим вниманием следивший за событиями в Галиции, отметил в своем донесении, что «эти

беспорядки не явились неожиданностью. Взаимные отношения между польскими и украинскими студентами всегда были враждебными и между ними неоднократно происходили более или менее серьезные столкновения»¹⁷. Оценивая политическое значение произошедших во Львове беспорядков, Урусов отмечал, что, хотя они и не приведут к созданию отдельного украинского высшего учебного заведения, но они создали новые затруднения правительству, которому приходится учитывать позиции обеих сторон¹⁸. Очевидно, по мнению Урусова, что правительство постарается найти компромиссное решение, поскольку «ему одинаково невыгодно вооружить против себя и поляков, и украинцев. От первых зависит правительственное большинство в Парламенте. Украинцы же необходимы Австро-Венгерскому правительству как противовес влиянию поляков в Галиции, а, кроме того, из Вены должны поддерживать эту, искусственно созданную Австрией партию, в особенности после того, как Русская партия получила политическое значение»¹⁹. В конце донесения посол приходил к выводу, что позиция Вены, от которой и зависело в итоге решение проблемы, была непосредственно обусловлена политическим расчетом. Необходимость сохранить политическое равновесие в Галиции, с одной стороны, и не допустить усиления здесь пророссийских настроений с другой, вынуждали правительство приложить все возможные усилия для урегулирования конфликта. Посол отмечал также, что за последнее время, несмотря на усилия со стороны властей как-то сгладить ситуацию, противостояние между польским и украинским студенчеством только усилилось: «не дожидаясь результата переговоров между вождями украинской партии и правительством по этому вопросу, радикально настроенная университетская молодежь решила на месте доказать невозможность сожительства представителей обеих национальностей в стенах одного и того же университета»²⁰. Основную вину за кровавый оборот посол возлагал на украинцев, поскольку именно они первыми пустили в ход огнестрельное оружие, отмечая при этом, что польское студенчество «тоже виновно в этом прискорбном событии, своим нетерпимым отношением всячески раздражая студентов других национальностей»²¹.

Украинские политики долгое время не могли оказать реально-го влияния на ситуацию, поскольку университетский вопрос, как и большинство других, связанных с внутренним устройством Галиции, находился в ведении провинциальных органов власти. Вена не желала вмешиваться во внутренние дела провинции, и неоднократные попытки украинских деятелей вынести на обсуждение в Вене вопрос

об университете не имели успеха. Так, в феврале 1907 года депутат Е. Олесницкий и митрополит А. Шептицкий выступили с предложением о создании во Львове отдельного украинского университета, отмечая, что существующий университет полностью узурпирован поляками, и создание нового позволит разрешить ситуацию. Однако галицийская Школьная комиссия дала этому проекту негативную оценку²². Желая добиться благоприятного для себя разрешения университетского вопроса, и польская, и украинская стороны неоднократно апеллировали к Вене. В марте 1907 года делегация польских профессоров побывала в Вене с декларацией о польском характере Львовского университета и получила поддержку Министерства просвещения. В ответ через некоторое время Вену посетила делегация украинских профессоров и членов Научного общества им. Шевченко (*Наукове товариство ім. Шевченка, НТШ*), которые также встретились с премьер-министром М. фон Беком и министром просвещения Г. Маркетом, которым были представлены предложения о расширении прав украинских студентов и развитии национальной украинской науки. Однако делегация не получила сколько-нибудь конкретного ответа, лишь пожелания о мирном разрешении конфликта. Очевидно, с точки зрения центрального правительства университетский вопрос должен был оставаться внутренним вопросом Галиции.

Новые возможности перед участниками украинского движения открыла т.н. конституционная эра, начавшаяся в 1907 году с введением всеобщего избирательного права. Участие в избирательной кампании, создание собственного парламентского клуба, возможность прямого участия в политической жизни государства – все это имело огромное значение для развития украинского движения, до сих пор не имевшего своего парламентского представительства. Уже в первые дни работы нового Рейхсрата известный юрист, профессор Львовского университета С. Днистрянский предложил проект создания самостоятельного украинского университета во Львове, который состоял бы из трех отделений – правового, теологического и философского. С аналогичными предложениями выступали и представители Научного товарищества им. Шевченко, и профессора-украинцы Львовского университета²³. При этом основной акцент делался на том, что университет необходим не только для развития национальной жизни австрийских украинцев, но и для всего украинского народа. Тем не менее, это предположение, явно указывавшее на возможность влияния Австро-Венгрии на российских украинцев,

в 1907 году не встретило поддержки центрального правительства. Аналогичный проект создания отдельного украинского университета был вновь представлен Днистрянским в январе 1909 года. Украинский активист особо подчеркнул, что его создание положит конец студенческим волнениям. Его выступление вызвало негативную реакцию польских парламентариев, которые в свою очередь угрожали тем, что в том случае, если не будет оговорен польский характер Львовского университета, могут возникнуть волнения среди польских студентов²⁴. Таким образом, разрешение университетского вопроса вновь зашло в тупик. После этих неудач, интерес украинских политиков к этому вопросу заметно уменьшился. Как саркастически заметил М. Грушевский, «украинские представители, как и раньше, могли лишь призывать молодежь к пассивности и терпению, обещая достижения на пути парламентаризма, чтобы потом... заявить, что они бессильны»²⁵.

События 1910 года сделали университетский вопрос вновь актуальным. Еще в начале марта состоялось совещание у министра просвещения Г. Маркета, на которое были приглашены украинские депутаты Рейхсрата А. Колесса и Ю. Романчук. На совещании украинские представители заявили, что принципиальное согласие с их стороны на признание польского характера Львовского университета может быть получено лишь при условии одновременного создания отдельного украинского высшего учебного заведения. Министр отметил, что разрешение университетского вопроса возможно лишь при обоюдном согласии сторон, и одностороннее разрешение этого вопроса исключено²⁶.

Вопрос о необходимости удовлетворения в той или иной форме украинских требований одновременно обсуждался и на заседаниях Рейхсрата. Здесь вопрос об учреждении украинского университета оказывался связанным с аналогичными требованиями относительно итальянского и словенского университетов. Так, депутат С. Днистрянский на заседании, посвященном созданию итальянского юридического факультета в Триесте, заявил, что русины имеют преимущественное право на аналогичные меры, поскольку являются наиболее многочисленным народом империи, не имеющим собственного университета²⁷. При этом, по словам украинского публициста Л. Цегельского, «как словенцы, так и украинцы понимают, что с основанием итальянского университета их позиции ослабнут»²⁸ и настойчиво требовали одновременного учреждения всех трех новых национальных университетов.

По плану, предложенному украинским парламентским клубом, для разрешения конфликта одновременно с законодательным признанием польского характера Львовского университета должна была бы быть создана из уже существующих украинских кафедр отдельная университетская коллегия с правом учреждения новых кафедр, на основе которых впоследствии был бы основан украинский университет, а за Львовским университетом окончательно был бы признан польский характер²⁹. Первоначально этот план был одобрен не только премьер-министром Бинертом, но и председателем польского клуба Гломбиньским, однако резкое неприятие Национально-демократической партией вынудило Гломбиньского отказаться от соглашения³⁰.

Как и в случае с итальянским университетом, основание которого в Триесте служило не только внутри-, но и внешнеполитическим интересам Австро-Венгрии, так и основание украинского высшего учебного заведения во Львове не только изменило бы соотношение национальных сил в самой Галиции, укрепив положение украинцев, но также имело и внешнеполитическое значение и могло бы способствовать усилению австрийского влияния в российской Украине. По свидетельству К. Левицкого, министр иностранных дел А. Эренталь, отвечая на вопрос украинского политика о значении украинского университета, прямо заявил, что необходимо удовлетворить основные требования украинцев, с тем, чтобы у них не было бы оснований тяготеть к России, а также и у России не было бы оснований вмешиваться во внутренние дела Австрии, что могло бы послужить *casus belli*, и что открытие университета – это первое, что должна сделать Австрия, дабы опередить Россию³¹.

На принципиально новый уровень университетский вопрос вышел в 1912 году. Считая, что «университет украинцы должны получить из рук центрального правительства³², украинские активисты основную борьбу по этому вопросу развернули в общеимперском парламенте. В апреле 1912 года К. Левицкий созвал совещание Украинского парламентского союза, на котором представители входивших в него объединений (Украинская национально-демократическая партия, Русько-украинская радикальная партия (РУРП) и буковинские украинцы), единогласно пришли к выводу, что университетский вопрос является важнейшим для всего украинского народа. При этом украинцы подчеркивали, что создание украинского университета необходимо и для самой Австро-Венгрии. Как заявил несколько позднее, в мае того же года, депутат Окуневский, если Россия одумается, изме-

нит свою национальную политику и «начнет собирать свои народы», положение Австрии заметно осложнится³³. При этом украинские представители резко выступали против того, чтобы университетский вопрос рассматривался в связи с подготовкой избирательной реформы. Таким образом, украинская сторона стремилась избежать нажима со стороны правительства, которое по традиции не вмешивалось во внутргалицийские дела, в том числе и в подготовку избирательной реформы, но могло бы увязать выгодное для украинцев решение университетского вопроса со смягчением их позиции по вопросу реформы.

В борьбе за самостоятельный университет украинцы прибегли к своему излюбленному приему – обструкции, которая грозила сорвать принятие важнейших для государства законопроектов, в том числе военных, что в условиях роста международной напряженности было крайне нежелательно. Как отметил украинский публицист, «украинское представительство могло не допустить принятия ни одного из них и вынудить правительство и связанных с ним поляков к разрешению университетского вопроса», добавляя при этом, что момент был «настолько выгодным, что вряд ли он может наступить еще раз»³⁴. Это, несомненно, побудило правительство пойти навстречу украинским требованиям и ускорить принятие решения по университетскому вопросу. В начале мая министр-президент К. Штюргк пригласил к себе К. Левицкого и в доверительной беседе сообщил тому, что правительство вскоре предложит свой проект разрешения университетского вопроса³⁵. Вскоре начались переговоры об условиях создания украинского университета.

Согласно проекту, представленному правительством, а точнее министром по делам Галиции В. Залесским, император направил бы министру просвещения письмо, в котором русинам было бы обещано создание университета, состоящего из трех факультетов, в течение десяти лет. В течение этого времени министр просвещения должен был бы подготовить преподавательские кадры путем предоставления стипендий для научных поездок за границу. По мнению авторов, проект этот реально разрешал существующие противоречия. Поляки не могли бы протестовать против него, поскольку проект не ущемлял их интересов, а украинцы (русины) должны были бы направить свои усилия на подготовку научных кадров и отказаться от политических авантур³⁶. В целом, обе стороны были согласны с тем, что украинский университет будет создан по инициативе Вены, и при этом будут учтены пожелания как польской, так и украинской

сторон. Определенную сложность, надолго затормозившую процесс подготовки послания императора, представляло то, что текст письма должен был быть полностью одобрен обеими сторонами, с тем, чтобы впоследствии можно было бы избежать дальнейшего продолжения противостояния. Кроме того, правительство настаивало на окончательном согласовании сторонами не только основных положений, но и общего стиля императорского письма, что в свою очередь требовало согласования сторонами буквально каждого его положения.

Участие правительства как одного из участников переговорного процесса во многом способствовало тому, что стороны перешли к конкретному обсуждению пунктов соглашения, однако сохранялись те непримиримые противоречия, которые не позволяли процессу сдвинуться в мертвой точки. Польские партии, прежде всего, Национально-демократическая, всегда последовательно выступавшая против создания украинского университета, в целом одобрили проект. Однако с их стороны были выдвинуты следующие требования: учебное заведение должно находиться в другом городе, одновременно должен был быть признан польский характер Львовского университета, профессора-русины не будут иметь права голоса при обсуждении дел университета. Также предлагалось отменить преподавание на «руськом» языке.

В мае 1912 года правительство выступило с предложением, согласно которому в послании императора не будет говориться о месте создания украинского университета. Кроме того, правительство предложило профессорам-русинам принимать участие лишь в обсуждении тех вопросов, которые непосредственно касаются подготовки создания самостоятельного университета. Согласно предложениям правительства, польский характер университета признавался бы в отдельном положении письма императора, поскольку ранее польский язык уже был признан языком управления, преподавания и экзаменов во Львовском университете. Преподавание же на «руськом» языке сохранялось «в виде исключения» до создания самостоятельного украинского университета³⁷. Представители Украинского парламентского клуба подобные предложения отвергли, расценив их как провокацию с польской стороны. Российский посол Н.Н. Гирс отметил, что «украинский парламентский клуб категорически отверг такие условия как неприемлемые, считая, во-первых, что вопрос об университете нельзя ставить в связь с обструкцией, так как последняя будет продолжаться до тех пор покуда не будет проведена угодная украинцам выборная Сеймовая реформа, отказываясь от обструкции, они тем самым согла-

шаются с желаемой польским большинством Сейма реформой, что невозможно. Во-вторых, 10-летний срок, то есть переходное время, есть ни что иное как требование польского клуба, имеющего в виду за этот срок окончательно ополячить существующий ныне университет, причем украинцам не дается никаких гарантий, когда где и как будет учрежден их самостоятельный университет. Что же касается месторасположения одного, то он не может быть иным, как тот же Львов, столица Червонной Руси, иначе, по мнению клуба и самый университет не имеет смысла. Соглашаясь на какой-либо другой город Галиции украинцы тем самым уступили бы полякам все права, как на Львов, так и на всю провинцию»³⁸. Таким образом, с точки зрения российского дипломата, украинцев не устраивал вариант, фактически исходящий из польских кругов и защищающий в большей степени польские национальные интересы. Важно отметить, что Н.Н. Гирс был уверен в том, что украинцы увязывают решение университетского вопроса с вопросом о проведении избирательной реформы в Сейм. В свою очередь, украинские активисты рассматривали эти вопросы в отдельности, не обуславливая их взаимное решение³⁹.

Говоря о позиции польской стороны, Гирс отмечал, что «поляки, считающие ныне существующий университет исключительно своим... находят, что Указ о будущем русинском университете только закрепляет польский характер нынешнего университета и находят требование о предварительном прекращении обструкции вполне справедливым». Польское коло приняло резолюцию, согласно которой будущий «русинский» университет не может быть учрежден во Львове, что в корне противоречило требованиям украинцев. Однако Н.Н. Гирс замечал, что такая резолюция «не исключает еще и того, что в будущем, во время переговоров касательно соглашения с украинской партией и при рассмотрении всей совокупности связанных с ней вопросов, поляки согласятся на постройку русинского университета во Львове». По мнению посла, согласие на учреждение будущего университета во Львове Польское коло считало «наибольшей уступкой, которую поляки вообще могут сделать и держат эту уступку про запас»⁴⁰. Таким образом, обе стороны продолжали настаивать на тех пунктах, которые каждая из них считала принципиальными. В первую очередь это относилось к месту открытия нового университета, а также к тому, какой статус будет до того момента иметь в Львовском университете «русский» (украинский) язык.

4 июня правительство представило Польскому коло и Украинскому клубу свой проект письма, в котором содержались положения,

согласно которым польский язык в университете Львова являлся административным, а также языком преподавания и экзаменов. Одновременно предполагалось, что постановления относительно прав «русского» языка будут правомочны до момента основания самостоятельного университета с преподаванием на украинском языке⁴¹. Также в представленном проекте письма император поручал подготовить законодательные меры для выделения в 1920–1921 годах из Львовского университета кафедр и научных институций с преподаванием на украинском языке и организации на их основе самостоятельной высшей школы. Украинский клуб отверг эти условия как неприемлемые, поскольку признание польского характера Львовского университета откладывалось до момента официального открытия украинского университета. Таким образом, только начавшись, переговоры зашли в тупик.

Для центрального правительства такой ход событий был нежелателен. Прежде всего, его беспокойство вызывала продолжавшаяся украинская обструкция, которая, в том числе, тормозила принятие военных законов, столь важных для монархии в условиях роста международной напряженности. Именно с целью вынудить Украинский клуб прервать обструкцию 18 июня с письмом к украинцам обратился император Франц-Иосиф. В письме император указывал на их патриотизм и выражал огорчение, что они тормозят ход военной реформы. При этом, император впервые употребил термин «украинский» вместо традиционного «рутенский» (*Ruthenen*), что многими наблюдателями было расценено как официальное признание нового термина⁴². Письмо императора произвело нужное впечатление и украинский клуб приостановил обструкцию.

Употребление нового этнонима вызвало негодование с польской стороны, и министр внутренних дел барон Гейнольд вынужден был извиниться за «ошибку». Кроме того, другой австрийский сановник, граф Тун, подчеркнул, что «поведение правительства относительно русинов вызывалось интересами внешней политики». То, что университетский вопрос имел не только внутривосточное значение, но мог оказать большое влияние и на русско-австрийские отношения, было очевидно и для российских наблюдателей. Посол в Вене Н.Н. Гирс в подробной записке, посвященной переговорам по университетскому вопросу, подчеркивал, что «что учреждение такого высшего учебного заведения в столице Червонной Руси было бы для интересов императорского правительства крайне нежелательным, так как могло бы в будущем послужить могучей опорой растущему у

нас украинскому сепаратизму и привлекло бы к себе симпатии нашей малорусской квази-интеллигенции. Рассадник «украинского просвещения», конечно, не имел бы других целей, кроме политических и притом революционных по отношению к нашему отечеству»⁴³. Позицию центрального австрийского правительства в университетском вопросе Гирс оценивал достаточно скептически, отметив, что она, несомненно, во многом определяется внешнеполитическими факторами, а именно желанием Вены усилить влияние украинской идеи не столько в самой Австро-Венгрии, сколько в Российской империи. Так, сообщая о прекращении украинским клубом обструкции военным законам, Гирс отметил, что «поощрение украинцев как партии, открыто высказывающей свою вражду к России, находится в связи с общими настроениями в Австрии, не слишком дружелюбными к нам»⁴⁴. При этом посол выразил уверенность в том, что «австрийское правительство, вероятно, думает создать для нас серьезные затруднения в будущем. Нельзя отрицать вреда, который может принести нам создание малороссийского университета в Галиции, ввиду несомненно существующего в России сепаратистического течения. Я не берусь судить о степени опасности, представляемой им для нас, хотя убежден, что расчеты наших недоброжелателей в этом вопросе очень преувеличены»⁴⁵. Рассуждая о том, какую линию поведения следует выбрать российской дипломатии, посол отметил, что, несмотря на то, что «воздействовать против учреждаемого университета мы не можем, но от нас зависит не слишком подчеркивать в прессе враждебного отношения к России галицких украинцев: это лишь поощряет австрийцев к удовлетворению их домогательств»⁴⁶. Очевидно, дипломат имел в виду ряд публикаций в российских изданиях, в которых обращалось внимание на явный внешнеполитический подтекст университетского вопроса⁴⁷.

Новый этап переговоров по университетскому вопросу начался осенью 1912 года после окончания парламентских каникул. На открытии сессии министр-президент Штюргк подчеркнул, что для империи в равной степени необходимы как чешско-немецкое, так и польско-украинское примирение. Это говорило, прежде всего, о том, что урегулирование польско-украинских противоречий расценивалось официальной Веней как одна из первоочередных задач внутренней политики. Вскоре министр просвещения М. Гуссарек вновь предложил украинским и польским участникам переговоров придти к окончательному соглашению относительно содержания императорского письма. По словам М. Бобжинского, это становилось все

сложнее из-за возросшего сопротивления польского общественного мнения. При этом наместник отмечал, что к польской оппозиции в университетском вопросе присоединились и представители польской аристократии, в том числе и «бывший наместник, бывший профессор Львовского университета, депутат Сейма и Рейхсрата граф Л. Пининьский»⁴⁸, которого, как и графа В. Дзедушицкого, отличали «не только социальное положение и обширные владения на Руси, но и широкие взгляды, и европейские культура и образование». И хотя, как отмечал М. Бобжиньский, оба они были гораздо большим, нежели обычные «подоляки», все же они трактовали свою политическую задачу как сохранение «польскости» края и, соответственно, борьбу с «украинизмом». В результате, объединение в борьбе против украинского университета и национальной демократии, и восточногалицийских консерваторов, в других вопросах, в том числе и реформы Сейма, занимавших противоположные позиции, существенно осложнило переговоры по университетскому вопросу.

Против создания, пусть даже в отдаленном будущем, украинского университета, выступали все новые польские представители, основные аргументом большинства из которых была угроза утраты «польскости» Львовского университета в переходный период⁴⁹. Теперь и представители широкого спектра польских политических партий, и представители руководства Львовского университета протестовали не против самой идеи создания «русского» (украинского) университета, но настаивали, что в императорском послании должен быть закреплен польский характер существующего университета, причем не после создания украинского, а немедленно. При этом закрепление польского характера существующего университета предполагало практически полное прекращения преподавания на «русском» языке, ликвидацию существующих кафедр и т.д. Это, разумеется, вызывало среди представителей украинского движения недовольство и опасения, что процесс создания украинского университета может пойти в тупик и украинское движение утратит те завоевания, которые удалось приобрести за десятилетия борьбы.

Центральное правительство, в лице министра просвещения Гуссарака, опасаясь того, что решение университетского вопроса, а, следовательно, и польско-украинское примирение будут отложены на неопределенный срок, выступило с новыми предложениями, согласно которым предполагалось ускорить создание украинского университета, и открыть его уже в 1916 году, с тем, чтобы сохранить за Львовским университетом польский характер.

29 ноября 1912 года министр-президент передал украинским депутатам новый вариант письма императора относительно создания университета. На основе этого проекта 1 декабря начался новый тур польско-украинских переговоров. Принципиальным пунктом, который оставался основным предметом дискуссии между сторонами, по-прежнему было признание польского характера Львовского университета. При этом украинская сторона была воодушевлена благожелательным отношением к ее представителям императора на его встрече с депутатами в Будапеште в ноябре того же года. На этой встрече К. Левицкий в беседе с Францем-Иосифом настойчиво подчеркивал, что лояльность украинского населения Австро-Венгрии во многом зависит от того, насколько Вена будет склонна удовлетворить его культурные потребности, в том числе и в сфере высшего образования. Со своей стороны, поляки активно отстаивали свою позицию, стремясь доказать, что «польскость» не только университета, но и самого Львова находится под угрозой. Несмотря на эти постоянные противоречия, к концу декабря в деле переговоров наметился определенный прогресс. В ответ на высказанные польскими представителями опасения о том, что 10-летний переходный период пагубно отразится на польском характере Львовского университета, министр просвещения выдвинул предложение сократить переходный период до четырех лет, и таким образом украинский университет должен был быть создан уже к 1916 году. И хотя, по мнению заместителя Бобжинского, это было для украинцев «даром данайцев», поскольку за столь короткое время они не могли бы подготовить достаточное количество квалифицированных преподавательских кадров, украинские представители в целом согласились с предложениями и прервали свою обструкцию в парламенте⁵⁰.

Анализируя результаты переговоров, посол в Вене Гирс, несмотря на то, что вопрос «является принципиально решенным», отмечал все же некоторые различия в польских и украинских формулировках. В изложении посла условия украинской стороны звучали следующим образом: до учреждения «рутенского» университета (Гирс отметил, что слово «рутенский», то есть официальное название восточнославянского населения Австро-Венгрии, не без умысла употребляется вместо слова «украинский») во Львовском университете никаких перемен не предстоит. В 1914 году правительство обязалось внести в Рейхсрат закон об учреждении самостоятельного «рутенского» университета. Если до октября 1916 года законопроект не станет еще законом, то будет основана декретом правительства самостоятельная

высшая школа с преподаванием на «рутенском» языке. Одновременно с созданием «рутенского» университета или такой высшей школы состоится признание за ныне существующим Львовским университетом исключительно польского его характера⁵¹. При этом последствия создания украинского высшего учебного заведения «близ нашей границы», Гирс оценивал как негативные, поскольку «каковы ни будут научные достоинства этого университета, он главным образом станет центром сепаратистической политической пропаганды, могущей, особенно при шумном, слишком резко к ней отношении наших властей, производить самое вредное действие на умы населения наших юго-западных губерний»⁵². Еще более негативную оценку перспективе создания украинского университета давал поверенный в делах посольства в Вене Н.А. Кудашев. Будучи активным противником украинского движения, он писал, что «нетрудно будет себе представить, во что обернется такое quasi-научное учреждение, как высшая украинская школа во Львове, если она в самом деле возникнет. В умелых руках австрийского правительства и, конечно, тех же поляков, она будет орудием борьбы с Россией и со всем русским»⁵³.

Подобное отношение к возможности возникновения на территории соседнего государства украинского университета высказывали и представители других российских ведомств. Так, в сводке агентурных сведений разведывательного отделения Киевского военного округа также высказывалось твердое убеждение, что «львовский украинский университет построен не для украинцев-австрийцев. Он имеет целью дать возможность украинцам русским... поступить в родной национальный университет и там дополнить свое политическое воспитание. Таким образом, Львовский университет будет служить постоянным связующим звеном между украинцами русскими и австрийскими»⁵⁴.

Несмотря на то, что российские наблюдатели говорили об украинском университете как о решенном вопросе, участники переговорного процесса к концу 1912 года еще не пришли к соглашению. Наибольшие противоречия вызывал вопрос о том, как будет гарантирована в императорском послании «польскость» львовского университета, и как при этом будут гарантированы права украинцев. Наместник М. Бобжинский отметил в своих воспоминаниях, что в проекте письма, предложенного в декабре 1912 года, польские права гарантировались следующим образом: новые профессора-украинцы (в официальном документе – русины) не будут входить в состав университетской коллегии; вплоть до открытия украинского университета все права «русского» и польского языков сохраняются без из-

менений, после же открытия нового учебного заведения, польский язык станет официальным языком в Львовском университете. Это не в полной мере удовлетворяло польскую сторону, которая стремилась добиться того, чтобы польский характер университета был констатирован уже в послании императора, то есть до фактического создания украинского университета. Кроме того, польская сторона продолжала настаивать на том, чтобы украинский университет был бы создан не во Львове. Бобжиньский не без раздражения вспоминал о том, что представители польской общественности, в том числе и ректор, и деканы Львовского университета, требовали от него гарантий того, что украинского университета во Львове не будет, что было практически невыполнимо. Наместник отказался каким-либо образом обсуждать вопрос о месте будущего учебного заведения, а в отношении гарантий «польскости» Львовского университета, предложил компромиссный вариант, который одновременно упоминал и удовлетворение потребности русинов в создании нового университета, и сохранение польского характера ныне существующего⁵⁵. Свой вариант Бобжиньский обсудил и с председателем Польского коло Ю. Лео и с председателем Украинского клуба К. Левицким, которые оба высказались одобрительно о предложении наместника. Этот вариант был представлен министру просвещения Гуссаруку. На основании достигнутого компромисса переговоры возобновились в начале января 1913 года.

Первая попытка возобновления переговоров оказалась неудачной. Несмотря на то, что руководитель польской парламентской фракции Лео высказал согласие с компромиссным вариантом письма, значительная часть членов фракции категорически настаивала на том, чтобы в более определенной форме обозначить необходимость сохранения и утверждения польского характера университета. Министр просвещения выразил согласие с требованиями поляков, однако это вызвало неприятие с украинской стороны. Украинцы выражали согласие на упоминание в письме признания польского характера Львовского университета только при условии гарантии открытия университета украинского. На совещании у министра просвещения польских и украинских представителей с участием наместника Бобжиньского стороны не пришли к компромиссу. Наместник вспоминал о том, как Гуссарек обратился к Левицкому, указывая на лежащий перед ним проект письма со словами: «Чтобы получить университет, вам нужно лишь протянуть руку»⁵⁶. В ответ на это, Украинский клуб выступил с заявлением, в котором говорилось, что правительство приняло сторону поляков, поэтому украинская сторона от переговоров на таких

условиях отказывается⁵⁷. По мнению Бобжинского, неуступчивость украинской стороны объяснялась тем, что университетский вопрос в тот момент был ключевым пунктом их политической программы, в том числе и потому, что рассчитан был не только на австрийских украинцев, но и на украинскую молодежь из России. Эти соображения, как и политическая неуступчивость польской стороны, прежде всего национальных демократов, делали соглашение по университетскому вопросу практически недостижимым. М. Бобжинский также высказывал предположение, что украинская сторона намеренно тормозила переговорный процесс, поскольку в реальности еще не была готова к созданию высшей школы⁵⁸. Поскольку обе стороны проявляли полную неготовность к достижению компромисса, правительство практически устранилось от участия в переговорах, в результате чего процесс создания украинского университета был приостановлен.

На протяжении 1913 года украинские представители в Рейхсрате неоднократно пытались вернуться к вопросу о создании университета. Основной акцент теперь ими делался на том, что именно удовлетворение справедливых требований украинского народа (при этом неоднократно подчеркивалось, что в пределах Австро-Венгрии проживает именно украинский народ, обладающий развитым самосознанием) сделает его неуязвимым для русофильской агитации⁵⁹. При этом украинцы практически отказались от своего прежнего намерения не связывать решение университетского вопроса с подготовкой избирательной реформы и все чаще говорили об одновременном решении этих важнейших для украинского движения вопросов. Новый импульс процессу его создания был придан уже в начале 1914 года, когда митрополит А. Шептицкий, приняв участие в переговорах по избирательной реформе в качестве посредника, высказал предположение, что согласие польской стороны на открытие украинского университета послужило бы проявлением стремления поляков к достижению национального примирения. Успешное окончание переговоров по избирательной реформе, сделало возможным и компромисс по университетскому вопросу. Польская сторона выразила согласие на возобновление переговоров, более того, выразила согласие смягчить свои требования⁶⁰. Украинцы восприняли это как свою победу, однако конкретных шагов к открытию украинского университета так и не было сделано, а начавшаяся вскоре мировая война превратила создание украинского университета в дело далекого будущего.

В ходе кампании за создание университета галицийские украинцы сумели утвердить себя в качестве выразителей интересов всего

восточнославянского населения Габсбургской империи, что позволило им заметно продвинуться по пути консолидации украинского движения Австро-Венгрии. Одновременно, украинцы Восточной Галиции позиционировали себя как авангард национального движения украинского народа по обе стороны австро-российской границы. Однако следует отметить, что единство украинского народа, несмотря на несомненные успехи австрийских украинцев, оставалось все еще недостижимым. Более того, та активная, даже иногда агрессивная интеграция в общеимперскую политическую систему, которую проводили представители украинского движения в Австро-Венгрии, препятствовала их сближению с единомышленниками в России. В конечном итоге, успешное для украинской стороны завершение борьбы за создание украинского университета, был успехом именно украинского движения в Австро-Венгрии, но не украинского движения в целом.

Итак, российские наблюдатели долгое время считали деятельность украинских партий исключительно результатом стремления австрийского правительства ослабить польское влияние в крае. Украинское движение представлялось как не имеющее корней в массе населения, но, тем не менее, опасное для России. Отмечая радикализм национально-политических устремлений украинцев, поверенный в делах посольства в Вене писал, что «для нас это движение представляет большой интерес, так как рядом с ее официальной программой (культурной автономией в Восточной Галиции) украинцы явно стремятся к революционным целям и отдаленным их идеалом является образование единой украинской республики... будучи движением революционным, оно всячески старается содействовать подпольным силам, действующим у нас на родине»⁶¹. Не менее опасным, с его точки зрения является и то, что украинцы получают поддержку Австро-Венгрии и Германии и являются поэтому орудием борьбы против России. Таким образом, можно сказать, что украинское движение рассматривалось исключительно как враждебное по отношению к России. Особую озабоченность вызывали попытки ряда галицийских украинских деятелей перенести свою деятельность на территорию Российской империи.

Украинское движение все чаще стало расцениваться российскими наблюдателями не просто как искусственно созданное польской администрацией или центральным венским правительством, а как самостоятельная политическая сила, имеющая определенное влияние как в Галиции, так и в Габсбургской империи в целом. Украинское

движение оценивалось также и с точки зрения его потенциальной опасности для целостности Российской империи: всеобщие выборы в Австро-Венгрии проводились во время работы II Государственной думы, на заседаниях которой нередко обсуждались те или иные аспекты национальной политики, в том числе польский и украинский вопросы. Победа или же поражение национальных партий в Галиции самым непосредственным образом должны были повлиять и на внутреннюю жизнь Российской империи.

Оценивая национальные движения восточнославянского населения Галиции, российские дипломаты руководствовались такими критериями как отношение к России, степень политического влияния в крае и Габсбургской империи в целом, а также возможность влияния на состояние австро-российских отношений. Поэтому не удивительно, что особое беспокойство российских дипломатов вызвала активная позиция Вены в вопросе урегулирования польско-украинских противоречий. Точку зрения МИД выражает записка представителя С.-Петербургского Телеграфного агентства в Кракове С.П. Колосова, в которой стремление австрийских властей к развитию украинской идеи и заключению соглашения между поляками и украинцами рассматривается как элемент антироссийской политики Австро-Венгрии⁶².

Украинское движение во внешнеполитических расчетах Вены и Петербурга

Накануне Первой мировой войны, в 1912–1914 годах, проявилась и новая тенденция в освещении проблем региона со стороны российских наблюдателей. Эти годы стали важнейшим этапом в развитии системы международных отношений. Завершилось формирование военно-политических блоков – Антанты и Тройственного союза, обозначились основные «болевые точки» в европейской политике. В отношениях России и Австро-Венгрии, принадлежавших к противоборствующим блокам, стало очевидным нарастание напряженности, чреватой в будущем военным столкновением. Изменение международной ситуации не могло не сказаться и на развитии национальных движений в рассматриваемом регионе. Как в Вене, так и в Петербурге осознавали возможность использования в своих интересах национальных движений в случае возникновения межгосударственного конфликта. По мере роста напряженности в австро-российских отношениях, в Вене все более позитивно относились к украинскому движению. Прежде всего,

Габсбургской империи была жизненно необходима внутренняя консолидация, возможная лишь при разрешении основных национальных конфликтов, к числу которых принадлежал и польско-украинский. Сохраняла свою актуальность традиционная причина поддержки Веной украинского движения – создание противовеса польскому влиянию в Галиции. Наконец, поддержка австрийскими властями украинского движения в пределах Габсбургской монархии могла бы способствовать росту проавстрийских настроений не только среди ее восточнославянского населения, но и среди украинского населения Российской империи. Нет сомнений, что в Вене и раньше отчетливо осознавали реальную возможность использования украинского движения в Галиции против России. Не случайно в первый раз открытая поддержка украинскому движению была оказана на рубеже 1870–1880-х годов, когда столкнулись интересы России и Австро-Венгрии на Балканах. В XX веке украинское движение вновь привлекло внимание австрийского правительства не только в качестве противовеса польскому влиянию в Галиции, но и как возможный инструмент внешней политики в ходе аннексионного кризиса 1908 года. По выражению поверенного в делах посольства в Вене С. Свербеева, австрийское правительство «сочло снова необходимым задобрить враждебный нам элемент на нашей границе, и идет навстречу украинофильским вождедениям»⁶³. Свербеев высказывал убежденность, что это напрямую связано с кризисом в австро-российских отношениях, поскольку «за последние годы, вместе с улучшением наших отношений с Австро-Венгрией, центральное венское правительство решилось было лишиться своего покровительства радикальную пропаганду младорусин»⁶⁴, теперь же они вновь обрели поддержку Вены. Также поверенный в делах отметил, что подобная политика поддерживалась и Германией, которая «не доверяя России и опасаясь ее, видела в революционных тенденциях украинцев, стремящихся к объединению с нашей Малороссией, своего естественного союзника»⁶⁵.

Все чаще усилия правительства в Вене были направлены на то, чтобы, удовлетворив часть требований украинцев в Галиции, сделать, по выражению министра иностранных дел Австро-Венгрии А. Эренталя, «Галицию центром притяжения всей украинской национальности». Как отметил германский исследователь А. Миттер, «ко всей украинской национальности принадлежало и более 20 млн живущих в России украинцев, ...которых стремились сделать опорой Дунайской монархии в случае ее конфликта с Россией»⁶⁶. Эренталь был одним из первых австрийских политиков имперского масштаба, осознавших

возможность использования украинского движения для решения не только внутри-, но и внешнеполитических задач в условиях роста напряженности в отношениях с Россией. Летом 1911 года состоялась его встреча с К. Левицким. Последний вспоминал, что был удивлен, насколько хорошо осведомлен Эренталь о ситуации в Галиции, в том числе, и о польско-русинских отношениях. Как с сожалением отмечал Левицкий, со смертью Эренталя, подобные контакты практически прекратились⁶⁷.

Мысли о внешнеполитическом значении украинского вопроса в Габсбургской монархии периодически высказывали и видные украинские политики. Так, еще в 1908 году, желая подчеркнуть симпатии к Габсбургам не только галицийских и буковинских украинцев, но и их малороссийских соплеменников, один из лидеров РУРП К. Трилёвский заявлял, что центр украинского движения «находящийся теперь в Киеве, может быть перемещен во Львов»⁶⁸. Позднее, в связи с обсуждением вопроса об украинском университете в Австро-Венгрии украинский историк и политик А. Колесса, отметил в одном из своих парламентских выступлений, что «правительство должно понимать, что путем создания украинского университета во Львове и присвоения НТШ статуса Академии... центр культурной жизни всего украинского народа переносится на галицкую почву»⁶⁹. Тем не менее, интерес австрийских верхов к украинскому движению как фактору внешней политики был еще непостоянным.

Ситуация постепенно начала меняться в 1912 году, когда с ростом международной напряженности, и в данном контексте, напряженности в австро-русских отношениях, Вена вновь обратила внимание на украинское движение. Несмотря на то, что основная часть украинских депутатов заявляла о своей оппозиции правительству, с их стороны все чаще раздавались антирусские высказывания, находившие поддержку у части австрийских политиков. Наиболее последовательно выступал с этих позиций лидер буковинских украинцев Н. Василько, еще недавно заверявший русского консула в Черновцах, что лично он является искренним другом русского народа⁷⁰. Посол в Вене Н.Н. Гирс в одном из своих донесений подробно передал содержание речи Василько, который в начале марта 1911 года «заявил, что он приветствует стремление австро-венгерского правительства поддерживать хорошие отношения с Россией в интересах сохранения общего мира, но он должен объявить себя врагом существующего в России государственного строя, так как под покровительством русского правительства в Галиции происходит русская пропаганда среди местных украинцев»⁷¹. Василь-

ко обвинил российские власти в поддержке русофильских настроений среди местного населения с целью «увлечь его на путь национального и государственного соединения с русским народом, с которым украинцы ничего общего не имеют»⁷². Оратор высказал надежду, что австрийское правительство предпримет самые энергичные меры против русской пропаганды в Галиции и Буковине. Посчитав, что «подобная речь представителя партии, пользующейся поддержкой Австрийского правительства, не может способствовать улучшению отношений между обоими государствами», Гирс обратился к временному управляющему Министерством иностранных дел барону Мюллеру, «с просьбой передать министру... сколь я поражен и огорчен речью г-на Василько, которая отнюдь не может способствовать улучшению отношений между обоими правительствами, к которому, насколько мне известно, стремиться г-н Эренталь»⁷³. Представитель министерства с сочувствием выслушал слова российского посла и заверил его, что австрийский министр иностранных дел А. Эренталь огорчен провокационной речью депутата Василько не меньше его. Однако посол с горечью отметил, что вряд ли все в Вене разделяют подобную позицию, поскольку «в газетах появилось известие о том, что император Франц-Иосиф в Будапеште на приеме... обратился к г-ну Василько и благодарил его за патриотическую деятельность в Делегациях»⁷⁴.

Следует отметить, что основной акцент в своих антироссийских выступлениях украинские политики делали на противодействии усиливавшейся, по их мнению, российской агитации в регионе, которая могла бы нанести вред Габсбургской империи. При этом они прямо обвиняли как российских представителей в Австро-Венгрии, так и С.-Петербург в инспирировании и поддержке русофильского движения, представляя его, таким образом, исключительно как российскую креатуру. Примером может служить речь Ю. Романчука по вопросу о русской агитации в Галиции. Романчук, будучи одним из наиболее умеренных украинцев, заявил, что русины имеют полное основание желать добрых отношений Австрии с Россией, но в России в последнее время в газетах было заметно враждебное Австрии течение, имеющее целью внушить русинам, что они не составляют отдельной народности, а должны соединиться с русскими и перейти в православие. Депутат подчеркнул, что «эта пропаганда причиняет в Галиции немалый вред, тем более что в Галиции существует русофильская партия, которая желает слиться с русской национальностью вследствие недостатка веры в самое себя и вследствие способа обращения с нею правительства и господствующей партии»⁷⁵.

Наметившаяся тенденция вызывала недовольство со стороны российских наблюдателей. Поддержка украинцев в Галиции и Буковине рассматривалась как одновременное содействие украинскому сепаратизму в России. Анализируя позицию официальной Вены, посол в Вене Гирс писал, что «остается допустить, что поощрение украинцев как партии, открыто высказывающей свою вражду к России, находится в связи с общими настроениями в Австрии, не слишком дружественными к нам»⁷⁶. По его словам, в последние дни «в газетах и журналах все чаще появляются статьи, разъясняющие публике, что такое украинцы, а что малороссы. При этом делаются самые неожиданные, но не лишённые находчивости подтасовки общеизвестных исторических фактов. От чтения этих статей остается впечатление, будто Малороссия своего рода Польша, покоренная Россией окраина, не примирившаяся со своею неволей и ждущая лишь случая, чтобы освободиться от русского владычества»⁷⁷. Особое внимание Гирс обратил на то, что такие статьи, не редкие для галицийской прессы, появлялись в эти дни в близких правительству органах, как, например, «Oesterreichische Rundschau», что произвело на него весьма негативное впечатление. Посол неоднократно подчеркивал, что, «поощряя украинофильство в Галиции, австрийское правительство, вероятно, думает создать для нас серьезные затруднения в будущем»⁷⁸.

Касаясь позиции самой России в этом вопросе, Гирс отмечал, что, не имея возможности вмешиваться во внутренние дела Габсбургской монархии, она, тем не менее, может существенно ослабить позицию украинцев, «не слишком подчеркивая в прессе враждебного отношения к России галицких украинцев: это лишь поощряет австрийцев к удовлетворению их домогательств»⁷⁹. Таким образом, посол придерживался традиционного для российской дипломатии подхода к становившемуся все более актуальным вопросу использования националистических движений народов Австро-Венгрии во внешнеполитических целях. Следует отметить при этом, что значительно большее значение российские наблюдатели придавали активизации польского движения и контактам с ними представителей австрийских верхов. Особое беспокойство вызывала поддержка австрийскими властями польских военизированных формирований – «Сокола» и «Стрелецкого союза», в которых видели реальную силу, способную нанести Российской империи чувствительный удар⁸⁰.

В октябре 1912 года произошел еще один инцидент, вызвавший недовольство не только представителей дипломатического ведомства, но военного агента в Австро-Венгрии полковника М.И. Занкевича,

сменившего на этом посту М.К. Марченко. На заседании парламентских делегаций, один из представителей УНДП С. Смаль-Стоцкий, выступил с обвинениями в адрес России и российских представителей в Австро-Венгрии. Он обращал внимание военного министра на полученные им сведения о продолжающейся пробной мобилизации русских войск у австрийской границы. Военный агент в Вене полковник Занкевич привел почти полностью слова Смаль-Стоцкого: «Россия в широких размерах мобилизует свои силы в Галиции, Буковине, северной Венгрии, что представляет серьезную опасность для монархии. Целое войско русских шпионов и агентов разгуливает по этим землям. Такая пропаганда идет со времени поездки в Галицию члена Русской Государственной Думы гр. Бобринского»⁸¹. Австрийский военный министр Ауффенберг не стал отрицать обвинения Смаль-Стоцкого, а, напротив подтвердил, что военное министерство располагает подобными сведениями. В заключение министр выразил сожаление, что подобное явление имеет место, и что армия может сделать лишь очень немного для борьбы с этим явлением, однако компетентным властям следовало бы обратить серьезное внимание на борьбу с этой опасностью. И посол в Вене Гирс, и военный агент Занкевич немедленно отреагировали и на обвинения Смаль-Стоцкого и, в особенности, на слова военного министра Ауффенберга. Посетив помощника начальника канцелярии военного министра, Занкевич заявил, что «последняя речь генерала Ауффенберга произвела неприятное впечатление на нашего посла. Посол убежден, что такое же впечатление она произведет и в России вообще, тем более что австрийская пресса, несмотря на официальное опровержение с нашей стороны продолжает обсуждать выдумку о будто бы сказанной нашим военным министром воинственной речи по поводу Австрии»⁸². Со своей стороны, Н.Н. Гирс, посетив министра иностранных дел О. Берхтольда, также заявил о негативном впечатлении, произведенном на него не сколько выступлением «мазепинского» депутата, сколько ответом военного министра. Посол высказал мнение, что такой инцидент не в коей мере не может способствовать улучшению отношений двух держав⁸³. Со стороны австрийских властей последовали формальные выражения сожаления, однако Гирс пришел к выводу, что антиросийские высказывания ряда украинских представителей находят поддержку в австрийских верхах.

Осенью 1912 года состоялось несколько важных встреч руководителей украинского движения с первыми лицами империи. Так, в ноябре в Будапеште состоялась встреча императора Франца-Иосифа

с представителями парламентских групп, в ходе которой не раз были затронуты вопросы внешней политики. Представлявший Украинский клуб К. Левицкий, заявил, что в России преследуют украинцев за их мнимую симпатию к Австрии, в то время как население Галиции и Буковины испытывает затруднения, поскольку австрийское правительство не может удовлетворить его культурные запросы, прежде всего, украинский университет. Это вызывает недоверие украинского населения к политике властей в целом. Говоря о международном положении, он отметил, что, с его точки зрения, складывающаяся ситуация не выгодна для Австрии, поскольку очевидно, что Англия и Франция поддерживают позицию России, и неочевидно, что Германия и Италия окажут поддержку Австрии. Он заявил, что украинцы поддерживают Тройственный союз, но союз этот должен быть действенным. Левицкий подчеркнул, что украинский народ с симпатией относится к борьбе балканских народов за свободу и считает австрийскую политику недальновидной, поскольку необходимо установить с ними славянские отношения. Именно независимость балканских государств положит конец российскому панславизму. При этом украинским лидером было высказано опасение, что благоприятный момент может быть упущен. Несколькими днями позднее, выступая в Рейхсрате, Левицкий вновь отметил, что украинский народ поддерживает борьбу балканских народов. Он подчеркнул, что без поддержки со стороны народов Австрийской монархии, ее внешняя политика обречена на поражение. При этом центр тяжести внешней политики неизбежно будет перенесен на отношения с Россией. Эти отношения необходимо упорядочить. Австрия имеет право требовать, чтобы Россия не поддерживала русофильское движение в австрийских землях, но и Австрия должна иначе трактовать украинский народ, если хочет избежать этой опасности⁸⁴.

Позднее, министр-президент Штюргк лично представил Левицкого императору. В ходе беседы Франц-Иосиф подчеркнул необходимость примирения обоих народов Галиции. Левицкий в ответ указал на два важнейших условия этого примирения – избирательную реформу в Сейм и создание украинского университета. Также Левицкий подчеркнул, что личное письмо императора усилило неприязнь украинского народа Галиции к «руссофильским махинациям» и отметил, что было бы крайне желательно, чтобы правительство как можно скорее удовлетворило справедливые чаяния украинцев для того, чтобы украинские депутаты «могли бы предложить нашей нации позитивные успехи». Император ответил уклончиво, но достаточно благожелательно, что позволило Штюргку обратить внимание

Левицкого на то, что правительство заинтересовано в позитивном разрешении конфликта⁸⁵. Таким образом, Левицкий, подчеркнув косвенное внешнеполитическое значения урегулирования университетского вопроса, встретил понимание со стороны, как императора, так и министра.

Эта встреча не была единичным случаем. В ноябре того же 1912 года состоялась беседа одного из украинских лидеров Е. Олесницкого с министром иностранных дел Л. Берхтольдом, во время которой Олесницкий особенно подчеркивал проавстрийскую ориентацию не только галицийских, но и российских украинцев, что, по его мнению, должно было облегчить организацию восстания против России в случае войны. При этом украинский политик обращал внимание на то, что пассивное отношение австрийских властей может перечеркнуть это, поскольку «возникнет сомнение в том, что австрийские власти заинтересованы в поддержке украинского движения». Реформа избирательного закона в галицийский Сейм и создание украинского университета – вот условия, которые позволяют Австро-Венгрии использовать украинское движение. Олесницкий пытался убедить Берхтольда, что монархия стоит перед выбором – польский вопрос или украинский, утверждая, что русины немедленно выступят против Австрии, если возникнет хоть малейшее подозрение в том, что будет восстановлено независимое польское государство. После разговора с Олесницким, Берхтольд в письме к министру-президенту Штюргку высказал соображение, что если не удовлетворить требования украинцев об избирательной реформе и университете, их лояльность окажется под вопросом⁸⁶. Все это свидетельствовало о том, что в Вене всерьез рассматривали возможность использования украинцев в борьбе против России.

Благожелательность, с которой в Вене относились и к украинским заверениям в лояльности, и к украинским требованиям, заметно повлияло на усиление антироссийской позиции украинцев. 7 декабря 1912 года во Львове было проведено собрание представителей всех украинских партий, на котором было принято решение, что «ради блага и будущего всего украинского народа по обе стороны границы» в случае вооруженного конфликта между Россией и Австро-Венгрией, все украинское общество займет сторону Австрии против России «как наибольшего врага Украины»⁸⁷. Позднее К. Левицкий еще раз подчеркнул, выступая в парламенте, что украинцы Галиции и Буковины ориентируются не на Россию, где преследуется украинский народ, а на Австрию, и в случае австро-российского военного

конфликта все они встанут на стороне Австрии. Эта же мысль была отражена и в резолюции Национального съезда УНДП, состоявшегося в конце 1912 года⁸⁸.

М. Бобжиньский в своих воспоминаниях отметил, что реакция Вены на эти декларации была весьма благожелательной, поскольку давала основания надеяться на то, что на сторону Австрии встанут и миллионы российских украинцев. Сам Бобжиньский относился к этим уверениям скептически. Он неоднократно подчеркивал в беседах с членами австрийского кабинета, что не все «рутенское» население Галиции разделяет точку зрения украинских политиков, и здесь сильны русофильские тенденции. Наместник стремился доказать, что горстка украинских политиков в Киеве и, тем более во Львове, не имеет значительного влияния на многомиллионный украинский народ, который хранит верность царю и православию. Те же аргументы привел Бобжиньский и на встрече с императором Францем-Иосифом и наследником Францем-Фердинандом. Император подтвердил, что никогда не рассчитывал на поддержку украинцев по ту сторону границы⁸⁹. Таким образом, правящие круги Габсбургской монархии не рассматривали идею привлечь на свою сторону украинское население Российской империи в случае войны в качестве реального плана. Скорее, благожелательное отношение вызывала постоянно подчеркиваемая лояльность австрийских украинцев, которая была в определенном смысле гарантией того, что в регионе в случае войны не возобладают пророссийские настроения.

Следует отметить, что и украинские политики, заверяя Габсбургов в своей лояльности и подчеркивая угрозу, исходящую из России, преследовали свои прагматические цели. Они полагали, что Вена, желая сохранить и развить лояльность «русинов» поддержит их требования, в первую очередь, о создании украинского университета, именно потому, что оно имело бы важное внешнеполитическое значение. При этом улучшение австро-российских отношений было для украинских политиков очевидно нежелательным. Именно поэтому они с большим опасением восприняли назначение в конце 1913 года нового российского посла в Вене Н.Н. Шебеко. В австрийской прессе активно обсуждались предположения, что одной из задач нового посла является достижение соглашения между Австро-Венгрией и Россией, в том числе и по вопросу о статусе русского языка в Галиции⁹⁰. Это вызвало обеспокоенность со стороны украинских представителей в Рейхсрате, в результате чего К. Левицкий и Н. Василько обратились с запросом о полномочиях вновь назначенного россий-

ского посла Н.Н. Шебеко. В запросе содержались сведения о миссии, возложенной якобы на Шебеко «достигнуть соглашения с Австрией по вопросам, касающимся Галиции»⁹¹. Выступая 12 декабря 1913 года на заседании парламента с запросом, К. Левицкий, заявил, что «критическая точка внешней политики лежит теперь не на юге, в Албании, а на востоке, в Галичине, где существует реальная опасность войны». Он обратил также внимание на жалобы российского премьер-министра В.Н. Коковцова по поводу притеснений русских в Галиции, «хотя их тут нет», а также на назначение волынского архиепископа Антония (Храповицкого) главой православной церкви в Галиции. В конце Левицкий подчеркнул, что основной заботой Австрии должен быть не страх перед Россией, а улучшение положения ее собственных народов и предложил заменить краевую автономию автономией народов. В том же ключе прозвучало и выступление лидера буковинских украинцев Василько⁹². Министр иностранных дел Берхтольд категорически опроверг подобные слухи, однако сама постановка вопроса вызвала недовольство российских представителей в Вене. Сообщивший об этом запросе поверенный в делах в Вене Н.А. Кудашев заметил, что «инцидент этот, по существу своему не имеющий никакого значения интересен лишь как иллюстрация обычных в Вене приемов... Чуть ли не в самый день приезда нового посла в Вену дать ему понять, как относится общественное мнение и Правительство ко всякому вмешательству в дела Австрии»⁹³.

В апреле 1914 года Василько и Левицкий вновь обратились к министру иностранных дел Берхтольду с запросом по поводу обложения в России особой таможенной пошлиной книг и газет на малороссийском языке, что было расценено ими как попытка прямого вмешательства во внутренние дела иностранного государства⁹⁴. Позднее теми же делегатами украинцами внесена была по адресу министра иностранных дел другой запрос. Поводом стали слова российского министра иностранных дел С.Д. Сазонова. Сазонов в своей речи в Государственной думе в мае 1914 года выразил надежду, что «австрийское правительство не допустит, чтобы замеченное в последнее время среди антирусски настроенных элементов в Галиции враждебное движение, стремящееся создать затруднения в русских пограничных губерниях, нарушало добрососедские отношения обеих держав»⁹⁵. Эти слова дали украинским лидерам повод заявить, что «в Галиции не существует русофобского движения и что напротив того, из соседнего государства ведется руссофильская и австрофобская агитация», и обвинить Сазонова в том, что «эта часть речи русского министра

может быть понята следующим образом: что противодействие этому движению Министр считает русофобией, с одной стороны отождествляя с этим себя самого, с другой, требуя его спокойного допущения австрийским правительством». Далее депутаты заявили, что «слова русского министра можно понять и в том смысле, что стремление нашего народа к культуре и экономическому развитию Галиции он называет русофобией, потому что оно противоречит желанию России и требует как условие дружбы обеих сторон противодействия этому стремлению»⁹⁶. В конце украинцы обратились к министру иностранных дел графу Берхтольду с рядом вопросов сводившихся к тому были ли известны министру эти заявления до изложения их в Думе и не считает ли он эти заявления попыткой вмешательства во внутренние дела монархии. В ответ на запрос украинцев граф Берхтольд не без раздражения заявил: «Те разъяснения, которые я дал комиссии делегаций о наших отношениях с Россией, делегаты Левицкий и Василюк признали недостаточными. Возможность проявления влияния России на характер наших внутренних отношений естественным образом исключается, поэтому все высказанные в этом смысле опасения необоснованны»⁹⁷. В конце Берхтольд заверил украинских депутатов, что австрийское правительство с величайшим интересом относится к культурным достижениям австрийских украинцев.

Вскоре в австрийском Рейхсрате прозвучали новые обвинения в адрес России со стороны украинских депутатов. По сообщению посла Н.Н. Шебеко, «большинство ораторов резко критиковали заявления гр. Берхтольда касательно отношений Австро-Венгрии к России. При этом указали на усиление вооружения России, на антиавстрийскую агитацию в Галиции и Буковине, а также на наводнение будто бы страны целой армией русских шпионов, как на весьма тревожные симптомы, противоречащие заявлениям министра иностранных дел»⁹⁸. Граф Берхтольд вновь не отрицал «прискорбного факта антиавстрийской агитации в Галиции», заверив, что «правительство со своей стороны зорко следит за этим движением, источник коего кроется в известных политических течениях в соседнем Государстве»⁹⁹. В качестве примера министр сослался на недавний процесс над русофилами во Львове. Важно отметить, что один из непосредственных участников этих событий, граф Бобринский, обвинявшийся в разжигании антиправительственной агитации на территории «русских» земель Австро-Венгрии, заявил позднее в своем выступлении в Государственной думе, что слова Берхтольда призваны подчеркнуть весомость обвинений¹⁰⁰.

В это же время в ходе дискуссии о бюджете министерства иностранных дел 8 мая 1914 года К. Левицкий заявил, что русско-австрийские отношения в данный момент являются важнейшим обстоятельством для украинского народа. Подчеркнул, что в Австро-Венгрии нет россиян, а в Галиции, Буковине, Угорской Руси живут украинцы, и заявил, что Россия, парализовав каждый шаг Австро-Венгрии на Балканах, мобилизует силы на австро-российской границе, а пропаганда православия суть подготовка русской национальной идеи, и является шагом на пути отрыва Галиции и Буковины от Австрии. Это, по словам Левицкого, явилось следствием недалеконзидной политики австрийских властей, отдавших украинский народ под власть поляков, а российское правительство смогло использовать это недоверие в своих интересах. При этом Левицкий высказал требование, с некоторого времени вновь появившееся в программе украинских партий, о создании национальной автономии в составе Восточной Галиции и Буковины¹⁰¹.

Российские наблюдатели, оценивая современный этап развития украинского движения, с заметным беспокойством отмечали укрепление его связей с австрийскими верхами. При этом, несмотря на то, что традиционное восприятие его как польской или же австрийской креатуры сохранялось, все чаще об украинском движении говорилось как о самостоятельной политической силе. В то же время, видя в нем одного из своих главных противников в Галиции, российские дипломаты не могли не отметить внутренних противоречий в украинском движении в период, непосредственно предшествовавший началу мировой войны. Особое внимание на это обратил в июле 1914 года российский консул во Львове Верховцев, направивший в МИД обширную записку о политической ситуации в Галиции в целом и о современном положении всех существовавших в это время национальных партий¹⁰². Верховцев, хорошо знавший галицийские реалии, отмечал падение украинского влияния буквально в последние месяцы «отчасти вследствие значительного падения интереса сельского населения к политической жизни вообще, отчасти потому, что парламентская политика украинцев в течение последних лет сделалась явно оппортунистической и потому не соответствует больше нуждам крестьянского населения»¹⁰³. Он также отметил, что политическая деятельность украинцев в последнее время сводилась, главным образом, к более или менее удачным политическим комбинациям с венским кабинетом и польским клубом, что не могло не привести к падению ее популярности в народе. Таким образом, по мере развития украинского движения в Австро-Венгрии

отношение российских дипломатов подвергалось некоторой корректировке. Оценка его как движения революционного, социалистического уступила место восприятию как движения националистического, сепаратистского. При этом особое беспокойство вызывала возможность использования украинской идеологии для привлечения симпатий малороссийского населения Российской империи в случае военного конфликта с Австро-Венгрией.

Следует отметить, что возрастающее влияние украинцев в Австро-Венгрии как самостоятельной политической силы отмечали не только сотрудники российского внешнеполитического ведомства. О том, что украинский вопрос имеет, прежде всего, политическое значение не раз говорилось с трибуны российской Государственной думы. Так, зимой 1914 года при обсуждении вопроса о праздновании юбилея Шевченко, вызвавшем жаркие споры, депутаты не раз обращались к обсуждению международного аспекта украинского вопроса. Например, представитель правых В.М. Пуришкевич заявил в своем выступлении по этому поводу, что именно активное развитие украинского движения в соседней монархии не позволяет либерально отнестись к вопросу о праздновании юбилея. По его словам, «в данный момент это движение тем опаснее, что и у соседа нашего, с которым мы, по-видимому, находимся в добрососедских отношениях, но если покопаться поглубже, то будет видно нечто совсем иное, за рубежом, в Австрии, самым усиленным образом пропагандируется идея украинофильской самостоятельности»¹⁰⁴. В заключение Пуришкевич подчеркнул, что политика Вены в этом вопросе ничто иное как «желание раздуть то движение, которое может, перекинувшись в Россию и охватив народные массы, создать благоприятную почву для нашего соседа в минуты ожидаемых боевых схваток, которые, может быть, не за горами»¹⁰⁵. О том, что явно оказываемая Венной поддержка украинского движения в Австро-Венгрии имеет несомненный внешнеполитический аспект, говорили также лидер кадетов П.Н. Милюков, и ряд других депутатов. Милюков отметил, что, «когда австрийское правительство поняло великое значение украинского культурного центра в пределах Австрии, то сам Император повлиял известным образом на хозяев этого края... на поляков»¹⁰⁶. Депутат Александров напомнил, о том, что «в прошлом году в рескрипте австрийского Императора говорилось об украинстве»¹⁰⁷, отметив, «что этот момент совпал с тем моментом, когда мы думали, что мы накануне войны с Австрией»¹⁰⁸. Этого же мнения придерживались и меньшевик Чхеидзе, согласившийся, что украинское движение в Австро-Венгрии есть движение политическое, и многие другие депутаты.

Таким образом, в 1911–1914 годах положение национальных движений восточнославянского населения Галиции напрямую зависело от состояния австро-российских отношений. Как в Вене, так и в Петербурге осознавали возможность использования в своих интересах национальных движений в случае возникновения межгосударственного конфликта. В свою очередь, лидеры украинского движения понимали, что только помощь центральных властей обеспечит достижение преследуемых целей. Именно поэтому, в их выступлениях все чаще звучали заверения в лояльности Габсбургам и, одновременно, резкие антироссийские высказывания. Подобная направленность украинского движения, подчеркнутая преданность империи, и, одновременно, его зависимость от благожелательного отношения имперского центра, способствовали тому, что украинское движение в Галиции и других частях Австро-Венгрии, все чаще воспринималось как возможный инструмент в борьбе против России.

Если в предыдущие годы основное внимание российские наблюдатели уделяли Восточной Галиции, то теперь в материалах, связанных с деятельностью непольских движений, все чаще упоминаются Буковина, и Угорская Русь. При этом они нередко противопоставляются Галиции, где украинская идея была распространена шире. Особенно способствовала этому активизация в Черновцах радикальной части москвофильства, сплотившейся вокруг газеты «Прикарпатская Русь». Буковина теперь рассматривается как центр москвофильского движения. После начала в 1913 году в прикарпатском городе Мармарош-Сигет процесса над православными крестьянами по обвинению в шпионаже в пользу России, внимание российской общественности, в том числе и МИДа было привлечено и к проблемам населения Угорской Руси. Благодаря подробному освещению в прессе этого процесса, Прикарпатье, ранее мало известное широкой общественности, стало восприниматься как оплот православия и лояльности к России. Галиция же все более рассматривалась если не как потерянная для «русского дела» территория, то нуждающаяся в усилении русской пропаганды¹⁰⁹.

Накануне Первой мировой войны российское внешнеполитическое ведомство фактически отказалось от традиционного благожелательного нейтралитета, начав выработку программы целенаправленной поддержки, в том числе и финансовой, пророссийских настроений местного населения. Украинское движение теперь оценивалось как не просто искусственно созданное австрийскими властями в противовес польскому и москвофильскому, но в качестве

самостоятельного и опасного противника. Особые опасения вызывали идеи консолидации украинского движения Галиции и российской части Украины.

В российском общественном мнении в изучаемый период наблюдался устойчивый рост интереса к проблемам «русского» населения Австро-Венгрии и, в частности, Галиции. Все решительнее высказывалось мнение о необходимости участия России в судьбах русинов. Этот вопрос не раз обсуждался на заседаниях Государственной думы, поднимался на страницах прессы. Представители националистических кругов настаивали на необходимости расширения помощи русофильским организациям, поддержке православного движения. Однако со стороны официального Петербурга, несмотря на то, что поддержание пророссийских настроений среди населения Галиции признавалось полезным, постоянно высказывались опасения, что подобные действия могут быть расценены Веней как вмешательство во внутренние дела Австро-Венгрии, и будут способствовать ухудшению австро-российских отношений.

Позиция официального Петербурга была во многом обусловлена позицией внешнеполитического ведомства. Оценивая национальные движения восточнославянского населения Галиции, российские дипломаты руководствовались такими критериями как отношение к России, степень политического влияния в крае и Габсбургской империи в целом, а также возможность влияния на состояние австро-российских отношений. Украинское движение, благодаря его последовательной антироссийской позиции и стремлению привлечь на свою сторону жителей российской части Украины, оценивалось крайне негативно и одной из основных задач российской политики в регионе признавалось противодействие развитию украинского движения. При этом, традиционное для российских наблюдателей восприятие украинского движения в качестве польской или австрийской креатуры сменилось признанием его самостоятельности и возрастающей роли во внутренней политике как Галиции, так и Австро-Венгрии в целом.

Одновременно сотрудники российского внешнеполитического ведомства, в целом доброжелательно относившиеся к русофильскому движению, достаточно сдержанно оценивали его перспективы и стремились избегать излишне, на их взгляд, оптимистических прогнозов. Во многом это определялось тем сложным положением, в котором находилось русофильское движение, но также большое влияние имели и традиции внешней политики Российской империи, которые

предполагали сохранение нейтралитета в отношении внутренних дел соседней монархии. В целом, политика официального Петербурга по отношению к национальным движениям русинов Галиции предполагала противодействие развитию антироссийских настроений и распространению их на территорию самой Российской империи.

Таким образом, на развитие украинского и русофильского движений значительное влияние оказывали внешние факторы, такие как взаимоотношения с региональными элитами, центральными венскими властями, а также состояние международных отношений. Во многом именно последние два фактора, а именно позитивное отношение Вены к украинскому движению на фоне роста напряженности в австро-российских отношениях, стали причиной того, что украинское движение стало основным выразителем интересов восточнославянского населения Габсбургской империи.

Восточнославянское население Галиции в годы Первой мировой войны

Эскалация напряженности в австро-российских отношениях не могла не сказаться и на судьбе русофильского движения в Австро-Венгрии. В 1909–1910 годах в результате внутренних противоречий, а также усиления негативного отношения со стороны галицийской и общеимперской администрации, русофильское движение лишилось сколько-нибудь заметного политического влияния. Его представители сосредоточились на культурной и религиозной деятельности, что во многом отвечало изначальным установкам русофилов, считающих политическую борьбу вредной для культурного развития «русского» населения Австро-Венгрии. Также углублению именно культурно-религиозного направления в работе русофилов способствовали их контакты со своими единомышленниками в России. Это послужило толчком к переходу русофильского движения на новый уровень развития, осознанию русофилами себя как части единого русского народа. Следствием усиления пророссийских симпатий в среде русофилов стало усиление подозрительности по отношению к ним со стороны австро-венгерских властей. На фоне роста напряженности в отношениях между двумя монархиями, Вене было очень выгодно обвинить Россию во вмешательстве в ее внутренние дела и скомпрометировать как самих русофилов, так и их российских единомышленников. Имперскими властями были организованы два политических, «шпионских» процесса – в 1913 году в венгерском Мармарош-Сигете и в 1914 году в Львове. Обвиняемыми на этих

процессах выступали как активные деятели русофильского движения, так и его рядовые участники. Вина подсудимых в обоих случаях заключалась в их приверженности православию и контактах с Русской православной церковью. И хотя в обоих случаях подсудимые были оправданы судом присяжных, для русофильского движения в Австро-Венгрии это был тяжелый удар. Практически, русофилы лишились возможности открытой, легальной деятельности в «русских» провинциях Габсбургской монархии. Но подлинной трагедией для русофильского движения стали события Первой мировой войны.

Австро-Венгрия объявила войну России 6 августа 1914 года. С этого момента судьба жителей Галиции, прежде всего это относится к русинам, зависела от того, к какому из национально-политических движений они принадлежали. Представители украинского движения активно выступили в поддержку Габсбургов. Уже 3 августа 1914 года была создана Главная украинская рада, во главе с председателем украинского парламентского клуба К. Левицким, в своей программной декларации объявившая Россию главным врагом украинского народа¹¹⁰. Тогда же, 4 августа 1914 года во Львове группой украинцев-эмигрантов из России – Д. Донцовым, Н. Зализняком, В. Дорошенко – был создан Союз освобождения Украины (СВУ), также связывавший будущее украинского народа с разгромом России. По инициативе Рады были созданы добровольческие военные формирования—«Украинские сичевые стрельцы» (УСС). Украинские активисты говорили о 30 тысячах добровольцев, однако правительство ограничило их число 2,5 тысячами. Следует отметить, что австрийское командование, вопреки ожиданиям украинцев, не торопилось использовать их на фронте в качестве самостоятельных соединений. Фактически, можно говорить лишь об одной военной операции, в которой «сичевики» принимали участие – это взятие гора Маковка в Карпатах весной 1915 года в рамках контрнаступления австрийской армии¹¹¹. Австрийское командование, с осторожностью относясь к «сичевикам», считало полезным поддерживать их проавстрийские настроения, которые возможно было бы использовать против России. Следует отметить, что деятельность Главной украинской рады, Союза освобождения Украины, Украинских сичевых стрельцов нашли отражение в достаточном количестве публикаций, как научных, так и публицистических, в то время как судьбы русофилов в эти годы остаются по сей день практически неизученными, не смотря на то, что это, несомненно, одна из самых трагических страниц истории мировой войны.

С первых дней войны в отношении русофилов и их единомышленников Вена проводила максимально жесткую политику. Уже в ночь с 30 на 31 июля 1914 года арестованы были депутаты Рейхсрата Д. Марков и В. Курилович, ряд других активистов русофильского движения. Несколько месяцев они провели в тюрьме в ожидании суда, который начался 11 июня 1915 года. Суть обвинений сводилась к тому, что подсудимые после начала войны и объявления мобилизации продолжали состоять в русских организациях, что являлось, по мнению обвинения, государственной изменой. На суде Д.А. Марков настаивал на лояльности русофилов, подчеркивая, что они «не выступали ни против династии, ни против государства и, никто из нас, даже никто из депутатов не выступал никогда с антимилиитаристской пропагандой»¹¹². Марков настаивал на том, что вся деятельность русофилов была направлена лишь на сохранение национального самосознания «русского» населения Австро-Венгрии, что ни в малейшей степени не могло нести угрозу безопасности и целостности империи. Свидетелями обвинения выступали также депутаты, но уже «Украинского клуба» К. Левицкий, А. Колеса, другие видные представители украинского направления, настаивавшие на том, что деятельность подсудимых носила антигосударственный характер и направлена была на отторжение Галиции от Австро-Венгрии. Как заявил один из свидетелей обвинения, «кто употребляет русский язык, не может быть хорошим австрийцем»¹¹³. В то же время, никаких реальных примеров антигосударственной деятельности русофилов их противниками приведено не было. Обвиняемые были приговорены к смертной казни, которая, по ходатайству российского императора Николая II при посредничестве испанского короля, была заменена пожизненным заключением. На свободу Марков и другие смогли выйти лишь после смерти императора Франца-Иосифа.

Еще более суровой была участь рядовых русофилов. С первых дней войны в Галиции начались массовые репрессии. Как писали составители «Талергофского альманаха», самого полного на сегодняшний день собрания воспоминаний очевидцев и участников событий, «весь ужас и мучения, перенесенные русским населением в Австро-Венгрии, главным образом, на первых порах войны, т.е. до момента вытеснения русской армией австро-мадьярских войск за Дунаец и по ту сторону Карпатского хребта, не имели предела: это была сплошная полоса неразборчивого в средствах, бессистемного террора, через которую прошло поголовно все русское население Прикарпатья»¹¹⁴. «Талергофский альманах» содержит подробные сведения о расправах

над мирным населением. Арестам и казням подвергались крестьяне, учителя, священники. Далеко не все из них были сознательными сторонниками идеи «общерусского единства». Многие были просто подписчиками русофильских изданий, членами просветительского Общества им. Качковского. По словам очевидцев, «много народа погибло только за то, что не научилось говорить по-немецки»¹¹⁵, носили православные кресты, просто стали жертвами наветов. По свидетельству одного из переживших австрийские репрессии, незадолго до своего ареста он ознакомился со служебной инструкцией галицийского жандармского управления, в которой содержались указания из Вены за арест неблагонадежного интеллигента выдавать сумму в 50 крон, за крестьянина – 8 крон, а за изобличение диверсантов или лиц, могущих совершить диверсию, предлагалось вознаграждение в 200 крон¹¹⁶. Как горько заметил автор воспоминаний, «темные личности, желающие выручить грош хотя бы ценой жизни своего ближнего, находятся везде в изобилии». Активную и притом весьма неприглядную роль в расправе над своими политическими конкурентами сыграли украинские активисты. Если лидеры украинского парламентского представительства обвиняли своих недавних коллег по парламентской деятельности в государственной измене, то рядовые участники движения не только доносили на своих соседей-русофилов, но и принимали участие в арестах и расправах над ними. По свидетельству одного из крестьян «наша жизнь и свобода зависели от священника-«украинца»...Он был всесилен, арестовывал и освобождал по своему усмотрению. Предавали нас и свои же братья-крестьяне, украинофилы»¹¹⁷.

Одним из самых кровавых эпизодов первых недель войны стало массовое убийство арестованных русофилов в г. Перемышль. Здесь, во время отступления австрийской армии, 15 сентября 1914 года на группу из 46 человек, которых вели в городскую тюрьму, напали венгерские солдаты. Сначала арестованных избивали палками и камнями, затем в дело пошли сабли и огнестрельное оружие. Как писал В.Р. Ваврик, участник русофильского движения, переживший австрийские репрессии, «из тел изрубленных людей образовалась сплошная груда разможенного мяса»¹¹⁸. Только двоим из арестованных удалось выжить.

Большинство было казнено без суда и следствия. Но и те, кто предстал перед судом, были обречены. Наиболее известным и в то же время показательным стал процесс в Новом Сонче, когда 26 августа перед судом предстали семь человек, обвиняемые в государственной измене.

Все подсудимые были активистами русофильского движения, некоторые из них еще до войны были подвергнуты судебному преследованию по обвинению в государственной измене. Но если судебный процесс во Львове весной 1914 года проходил в соответствии с общепринятыми нормами правосудия, что и привело к вынесению оправдательного приговора, то теперь обвинявшиеся русины были лишены всяческих прав. Они не имели возможности защищаться, суд заслушал лишь свидетелей со стороны обвинения, заявлявших о том, что подсудимые придерживались русофильской ориентации и вели агитацию «против украинства». Суд увидел в этом признаки государственной измены и на этом основании вынес смертный приговор обвиняемым. По аналогичному сценарию проходили и другие судебные процессы. Нередко австрийские судебные чиновники сами высказывали недоумение по поводу неубедительности доказательств вины.

Свою жестокость по отношению к мирному населению австрийские власти объясняли соображениями безопасности. Один из руководителей австрийской контрразведки М. Ронге писал, что «мы столкнулись с враждебностью, которая не снилась даже пессимистам. Пришлось прибегнуть к таким же мерам как в Боснии – брать заложников»¹¹⁹. В подтверждении своих слов о крайней неблагонадежности русофилов Ронге приводил брошюру «Современная Галиция», составленную отделом военной цензуры при штабе Юго-Западного фронта. В брошюре, составленной как справочник по политическим группам и организациям Галиции, перечислялись среди прочих и русофильские организации, помощь которых могла бы быть полезной в случае вступления русской армии на территорию провинции. Однако стоит отметить, что брошюра попала в руки австрийской контрразведки только в 10-х числах октября, в то время как репрессии против населения начались с первых дней войны.

От карательных мер также страдало городское население. Во Львове с началом военных действий были закрыты все русофильские учреждения – организации, приюты, редакции газет – имущество их было разграблено. Активно шли аресты и уже к концу августа 1914 года в тюрьме оказалось около 2 тысяч человек. Многие из них были повешены. В.Р. Ваврик вспоминал, что «в темном углу Бригидок (известной Львовской тюрьмы – М.К.) шла экзекуция за экзекуцией»¹²⁰, в которых участвовали палачи-добровольцы. Как правило, казнили крестьян, заподозренных в симпатиях к приближавшимся русским войскам. Нередкими были случаи, когда людей арестовывали прямо на улицах города по малейшему подозрению в русофильстве.

Нередко арестам подвергались дети двенадцати-тринадцати лет. По мнению представителя австрийской военной комендатуры во Львове, эти меры были продиктованы необходимостью «как острастный пример одним и доказательство другим, что австрийское правительство имеет власть и силу для того, чтобы наказать виновных и охранять невинных»¹²¹. С началом наступления русской армии в Галиции террор приобрел новый размах. Как отмечал автор приведенного выше донесения «продвинувшиеся на восточной границе русские войска... произвели на русофильское население Восточной Галиции, находящееся уже издавна в изменнических сношениях с Россией огромное впечатление»¹²², что, по его мнению, служило лучшим доказательством необходимости принятия строгих мер.

Местные власти с трудом размещали огромное, к тому же постоянно возраставшее, количество арестованных. Опасаясь эпидемий, а также вероятного общественного возмущения, они поспешили организовать вывоз арестованных вглубь страны. Такой поспешности способствовало, безусловно, и стремительное продвижение по территории Галиции русской армии. Условия, в которых ехали арестованные, были чудовищными. Помимо скученности, духоты, отсутствия еды и воды, они вынуждены были переносить резко негативное отношение, а нередко и просто ненависть, польского и венгерского населения. Практически на каждой станции около вагонов с арестованными русофилами собиралась толпа, выкрикивающая оскорбления. Конвоиры не только не препятствовали этому, но и принимали участие в оскорблениях, а нередко и избивении несчастных¹²³.

Первым лагерем, куда были привезены арестованные, стал Терезин, крепость в северной Чехии. До начала мировой войны крепость использовалась в качестве казармы, а также как место заключения для военных и политических преступников. 3 сентября 1914 года, в день, когда русскими войсками был взят Львов, сюда прибыли первые заключенные, которые находились здесь до весны 1915 года. Заключенные Терезина вспоминали, что, несмотря на полную непригодность старой крепости к тому, чтобы в ней находилось несколько сотен человек разных возрастов, условия содержания здесь были относительно мягкими¹²⁴. Этому способствовало не в последнюю очередь и благожелательное отношение местного чешского населения. Как впоследствии вспоминали заключенные Терезина, еще в пути они встретили горячее сочувствие и поддержку со стороны как мирных жителей, так и чешских солдат, едущих на фронт: «на пути через Чехию не было станции, где бы нам не дали кое-чего,

по крайней мере, братского приветия и доброго слова»¹²⁵. В самом Терезине заключенные также ощущали доброжелательное отношение чешского населения, в том числе части администрации лагеря. Именно благодаря снисходительности администрации, позволявшей местным жителям оказывать помощь заключенным, жизнь в Терезине была относительно легкой. Несмотря на постоянные допросы, а также ужесточившийся после развития наступления русской армии в Галиции режим, смертных случаев в лагере было немного. Недалеко располагался также лагерь русских военнопленных, с которыми заключенным в Терезине изредка удавалось контактировать. С особым чувством вспоминали заключенные Терезина о праздновании Пасхи в 1915 г., объединившим всех русских лагеря, как российских, так и австрийских подданных. Однако уже через несколько основной контингент заключенных был отправлен в другой лагерь, Талергоф, условия содержания в котором были намного хуже.

Лагерь Талергоф находился в Штирии, в предгорьях Альп. В первые месяцы своего существования лагерь представлял собой участок неводеланного поля в виде длинного прямоугольника. На первых порах эту площадь солдаты отделили деревянными кольями и колючей проволокой. Первые заключенные, около 2 тысяч человек, прибыли сюда также в начале сентября 1914 года. К концу осени, согласно официальному рапорту фельдмаршала Шлеера, в Талергофе в то время находилось 5 700 русофилов. Имеются сведения о том, что осенью того же года в лагере находилось 8 тысяч человек¹²⁶.

Условия пребывания в Талергофе были крайне тяжелыми. Первые дни заключенные находились под открытым небом, позднее их стали размещать в ангарах (ранее неподалеку находилась летная часть). В каждом помещалось несколько сотен человек. Скученность, а также несоблюдение каких-либо санитарных норм, стали причиной постоянных эпидемий и высокой смертности среди заключенных. Практически во всех воспоминаниях бывших узников упоминается громадное количество вшей, трудности борьбы с ними. По словам В.Р. Ваврика, «смерть в Талергофе редко была естественной. Там ее прививали ядом заразных болезней. О каком-либо лечении не было и речи. К заключенным враждебно относились даже врачи»¹²⁷. Уже в конце октября в Талергофе вспыхнула первая эпидемия тифа, продолжавшаяся до конца марта. Свиристествовали также грипп, дифтерия, холера, другие инфекции. Еще одним источником постоянных страданий был голод. О крайне скудном рационе вспоминали практически все бывшие узники лагеря. Смертность в таких условиях была

чрезвычайно высокой. В течение полутора лет умерло 15% талергофцев, т.е. свыше 3 000 галичан и буковинцев¹²⁸.

Тяжелым был также моральный настрой интернированных. Постоянные издевательства охраны, допросы военных следователей, тяжелый физический труд подрывали душевные силы узников. Многие из них с горечью вспоминали о том, что «мы подняли народ на значительный культурный уровень, а теперь, когда австрийское беснование завело нас, русскую интеллигенцию и наше, будто бы к лучшему преобразованное простонародье, сюда... с изумлением увидели, что многие из них с враждебностью к нам относятся и даже досаждают нам всячески. Лишь малая, лучшая часть прихожан осталась нам верною, хорошо понимая, что терпят вместе с нами за народ, за обряд, за народную русскую речь, за русскую историю, за правду, за идею»¹²⁹. Многие из узников упрекали священников, бывших активными участниками русофильского движения, в том, что именно они виноваты в злоключениях своих прихожан. Таким настроениям способствовало и то, что находившиеся в лагере сторонники украинского направления были относительно быстро освобождены, благодаря активным действиям украинских политиков. К. Левицкий вел активную борьбу за освобождение из Талергофа «сознательных украинцев», поскольку, согласно его заявлению на втором Венском процессе, «те, кто принадлежат к этому направлению со своей стороны не допустили никакой измены». Его инициатива нашла поддержку у центральных властей, и зимой 1915 года в Грац прибыла комиссия, в составе которой находился, наряду с представителями военных и полицейских властей, видный украинский политик И. Ганкевич. Задачей комиссии было выявление среди заключенных членов украинской партии, а также ее сторонников. По воспоминаниям одного из узников лагеря, священника Г. Полянского, уже в начале зимы 1914 года украинские агитаторы вели работу среди русинов, убеждая их «вписаться на украинском листе»¹³⁰, то есть признать себя сознательными украинцами. Часть заключенных признала себя украинцами и через какое-то время была освобождена из лагеря, поскольку «эти личности попались только по ложному недоразумению или же ложным доносам»¹³¹. Нахождение этих лиц в лагере было признано нецелесообразным, поскольку их принадлежность к украинской партии являлась, по мнению властей, гарантией благонадежности. Всего усилиями комиссии было освобождено из лагеря около 200 человек.

Постепенно заключенные добились постройки церкви, ставшей, несмотря на скудность убранства, центром духовной жизни лагеря. Налаживался и быт. Родные находившихся в лагере узников получили возможность присылать им деньги и вещи, были построены новые бараки, проведены электричество и водопровод. В начале 1916 года Талергоф, по словам одного из его бывших узников, священника Григория Макара, «принял европейский вид»¹³².

Первые освобождения заключенных начались летом 1915 года. Освобождались, помимо признанных благонадежными украинцев, женщины, старики, больные. На протяжении 1915–1916 годов освобождения продолжались, но продолжалось и пополнение лагеря новыми узниками. После того, как русские войска оставили Галицию, репрессии возобновились с новой силой. Были арестованы практически все имевшие какие-либо связи с русской военной или гражданской администрацией – не только сторонники русофильской ориентации, но также и поляки, и евреи, и украинцы. В Талергоф попадали даже те, кто сам принимал участие в арестах русофилов в 1914 года. К началу 1917 года в лагере осталось около 3 тысяч человек, «наиболее стойких русских, насколько сот поляков, столько же румын и евреев»¹³³. В марте 1917 года в лагере пронесся слух о возможном скором освобождении. Вскоре он был подтвержден рескриптом нового императора Карла I от 8 марта 1918 года. В нем император объявил о своем желании освободить всех интернированных лиц, к которым относились и узники Талергофа. В конце апреля была освобождена первая группа заключенных, а 10 мая 1917 года лагерь прекратил свое существование. Все бывшие узники были разделены на несколько групп – с правом проживания в Галиции или без такового, а также имеющие материальные средства или не имеющие. Не все смогли вернуться к родным местам, но большинство бывших узников, особенно представителей интеллигенции и священников уже 10 мая были дома.

Значительная часть населения Галиции, в том числе и русинов, покинула родные места в качестве беженцев. Вместе с отступавшей австрийской армией Галицию оставили не только активисты украинского движения или лица по тем или иным причинам опасавшиеся преследования со стороны российских оккупационных властей. Более многочисленную категорию представляли эвакуированные в качестве потенциальной рабочей силы, которая могла бы быть использована на австрийских предприятиях. Предполагалась также эвакуация материальных ценностей, в том числе и предприятий,

однако вследствие стремительного наступления русских войск, эти меры осуществлены не были.

Размах переселенческих процессов и опасность потери контроля над потоком беженцев вынудили австрийские власти приступить к организации лагерей для перемещенных лиц. Уже в августе 1914 года было создано «Центральное представительство опеки над беженцами из Галиции и Буковины», выпущены инструкции по размещению и трудоустройству беженцев. В начале января 1915 года был создан «Украинский комитет помощи» во главе с видным украинским политиком Ю. Романчуком, который вскоре был признан государственной структурой, и которому оказывалась серьезная материальная поддержка. Важно отметить также, что при организации переселенческих лагерей венское правительство стремилось учитывать национальную принадлежность перемещенных лиц. Несколько лагерей были созданы исключительно для русинов, которых именовали уже украинцами. Лагеря беженцев были сравнительно хорошо обустроены, соблюдались санитарные нормы. Для удовлетворения духовных нужд открывались национальные школы, театры, издавались газеты¹³⁴. В этом просматривался и определенный политический расчет. С точки зрения официальной Вены, только украинский вариант национальной идентичности русинов мог быть признан приемлемым для Габсбургов, отсюда и настойчивое стремление убедить людей, оторванных от привычной культурно-национальной среды в том, что они являются именно украинцами.

Потоки беженцев направлялись и в обратном направлении, в глубь России, вместе с отступавшей весной 1915 года русской армией. Стоит отметить, что «русское» население в массе своей встретило приход русской армии положительно. Близость языка, веры, а, как правило, различиям между православным и греко-католическим обрядами, ни русинами, ни русскими солдатами в расчет не принимались, послужили основой для возникновения взаимной симпатии и ощущения этнического родства. Этому способствовала и достаточно мягкая по отношению к населению политика, проводимая российской военной и гражданской администрацией на оккупированных территориях. В ее основе лежала сложившаяся к началу войны концепция, согласно которой, одной из главных, если не основной задачей России в начавшейся войне являлось завершение исторической миссии собирания русских земель¹³⁵. Галиция, Буковина, Угорская Русь рассматривались в рамках этой концепции не как оккупированные провинции Австро-Венгрии, а как исконные русские земли¹³⁶. Соответственно,

восточнославянское населения Австро-Венгрии рассматривалось как часть единого русского народа, а не как население враждебной державы. Вследствие этого, легальными представителями интересов «русского» населения признавались сторонники общерусского единства – русофилы, участники украинского движения оказывались вне закона. Были закрыты украинские школы, издания, многочисленные украинские общественные и хозяйственно-экономические организации. В отношении украинских активистов также применялись репрессивные меры. Наиболее ярким примером стал арест и высылка митрополита Галицкого А. Шептицкого. Его как в Галиции, так и вне ее, воспринимали не только как иерарха Греко-католической церкви, но и как крупную политическую фигуру. Несмотря на то, что он не занимал открыто антироссийской позиции, ряд его выступлений был воспринят российскими властями как враждебный. 19 сентября А. Шептицкий был выслан в Киев, затем в Нижний Новгород, Курск. В то же время был арестован и сослан вернувшийся в Киев в начале войны видный деятель украинского движения М.С. Грушевский. С началом Горлицкой операции – наступления австро-германских войск весной-летом 1915 года – русская армия вынуждена была оставить Восточную Галицию. Вслед за ней родные места покинули и многие тысячи мирных жителей, бежавших от боевых действий или опасавшихся новой волны репрессий со стороны австрийцев. Только за последнюю неделю перед оставлением Львова канцелярией генерал-губернатора было выдано 10 926 пропусков. Важно отметить, что пропуска выдавались мужчинам призывного возраста, а в пропуске указывалось количество членов его семьи. Всего Галицию покинуло более 100 тысяч жителей. О стихийном и трагическом отступлении из Галиции вспоминал А.И. Деникин в «Очерках русской смуты»: «За войсками стихийно двигалась, сжигая свои дома и деревни, обезумевшая толпа народа, с женщинами, детьми, скотом, скарбом»¹³⁷ После долгого, мучительного для многих пути около 6 тысяч беженцев осели в Ростове-на-Дону. Во главе беженцев встал один из лидеров Русско-народной партии В.Ф. Дудыкевич, незадолго до начала войны покинувший Австро-Венгрию. Он приложил немало усилий к тому, чтобы для беженцев были созданы приемлемые условия существования. Тем не менее, их жизнь была нелегкой. Большинство жило во временных жилищах, отношение местного населения было неоднозначным, иногда прямо враждебным. После революции 1917 года, а затем и распада в 1918 года Габсбургской империи основная часть беженцев вернулась на родину. Многие не

сразу покинули Россию, разделив с нею многочисленные испытания революции и гражданской войны.

Восточнославянское население Галиции понесло за годы войны серьезные потери. Около 35 тысяч человек погибло в первые месяцы войны, несколько тысяч умерло в лагерях. Это серьезно повлияло не только на демографическую ситуацию, но и на расстановку национально-политических сил в регионе. Практически утратило свое влияние русофильское движение. Помимо физического уничтожения значительного числа его сторонников (а как уже отмечалось, большинство погибших в первые недели войны и интернированных в Терезин и Талергоф, были именно русофилами), движение лишилось практически всей материальной базы. Были уничтожены все русофильские институции, газеты, общества. Практически отсутствовала какая-либо политическая структура, да и в целом, по словам Н.М. Пашаевой, «собственно русское движение в межвоенной Галичине не имело политических союзников — ему было не по пути с коммунистами, ориентировавшимися на III Интернационал. Полонизаторская политика польского правительства была явно враждебна русским галичанам, тем более чужд им был украинский национализм. Не по пути им было и с русской эмиграцией»¹³⁸. Основными, если не сказать единственными выразителями интересов восточнославянского населения в межвоенной Польше стали представители украинского движения. Таким образом, исчезла существовавшая вплоть до начала Первой мировой войны реальная альтернатива в определении национальной идентичности восточнославянского населения бывших провинций Австро-Венгерской монархии.

Примечания

¹ См. Миллер. А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении. СПб., 2000.

² Грушевский М. Из польско-украинских отношений в Галиции. СПб., 1907. С. 212.

³ Там же.

⁴ *Partacz Cz. Od Badeniego do Potockiego. Stosunki polsko-ukraińskie w Galicji w latach 1888–1908.* Toruń, 1996. S. 128.

⁵ Левицький К. Історія політичної думки галицьких українців. 1848–1914. На підставі спомніків. Львів, 1926. С. 335.

⁶ Там же. С. 366.

- ⁷ *Зашильняк Л., Крикун М.* Історія Польщі: Від найдавніших часів до наших днів. Львів, 2002. С. 418.
- ⁸ *Щеголев С.П.* Історія «українського» сепаратизма. М., 2004. С. 368.
- ⁹ *Грушевський М.* Над свіжою могилою // Літературно-науковий вісник (ЛНВ). 1910. Т. 51. Кн. 7. С. 157–159.
- ¹⁰ *Bobrzynski M.* Z moich pamiętników. Wrocław-Kraków, 1957. S. 302.
- ¹¹ *Левицький К.* Указ. соч. С. 550.
- ¹² *Щеголев С.П.* Указ. соч. С. 368.
- ¹³ *Левицький К.* Указ. соч. С. 557.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ *Spectator.* Процесс 101 // ЛНВ. 1911 Т. 54, кн. 5. С. 362–377.
- ¹⁶ *Bobrzynski M.* Op. cit. S. 206.
- ¹⁷ Л.П. Урусов – А.И. Извольскому 23 июня /6 июля 1910 г.— Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 133. Оп. 470. Д. 6. Л. 133–135.
- ¹⁸ Л.П. Урусов – А.И. Извольскому. 23 июня/6 июля 1910 г. – АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1910 г. Д. 6 Л. 133.
- ¹⁹ Там же. Л. 133.
- ²⁰ Там же. Л. 133.
- ²¹ Там же. Л. 133.
- ²² *Partacz Cz.* Op. cit. S. 140.
- ²³ *Partacz Cz.* Op. cit. S. 146.
- ²⁴ *Bobrzyński M.* Op. cit. S. 306.
- ²⁵ *Грушевський М.* Над свіжою могилою// ЛНВ. 1910. Т. 51. Кн. 7. С. 157–159.
- ²⁶ *Левицький К.* Указ. соч. С. 538.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ *Цегельський Л.* З австрійської України // ЛНВ. 1910. Т. 51. Кн. 7. С. 172–179.
- ²⁹ *Левицький К.* Указ. соч. С. 541.
- ³⁰ *Цегельський Л.* Указ. соч. С. 172–179.
- ³¹ *Левицький К.* Указ. соч. С. 606.
- ³² *Ignotus.* З австрійської України. Деякі підрахунки // ЛНВ. 1913. Т. 62. Кн. 3. С. 557–564.
- ³³ *Левицький К.* Указ. соч. С. 613.
- ³⁴ *Ignotus.* Указ. соч. С. 557–564.
- ³⁵ *Левицький К.* Указ. соч. С. 612.
- ³⁶ *Bobrzynski M.* Op. cit. S. 310
- ³⁷ *Ibidem.* S. 312
- ³⁸ Н.Н. Гирс – С.Д. Сазонову 24 мая /6 июня 1912 г. – АВПРИ. Ф. 133. 1912 г. Д. 124/ Л. 64–66.
- ³⁹ *Ignotus.* Указ. соч. С. 557–564.

- ⁴⁰ Н.Н. Гирс – С.Д. Сазонову 24 мая /6 июня 1912 г. – АВПРИ. Ф. 133. 1912 г. Д. 124. Л. 64–66.
- ⁴¹ *Левицкий К.* Указ. соч. С. 618.
- ⁴² *Щеголев С.* Указ. соч. С. 369.
- ⁴³ Н.Н. Гирс – С.Д. Сазонову 24 мая /6 июня 1912 г. – АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1912 г. Д. 124. Л. 64–66.
- ⁴⁴ Н.Н. Гирс – С.Д. Сазонову 16/29 июня 1912 г. – АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1912 г. Д. 124. Л. 73–75.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ *Щеголев С.* Указ. соч. С. 369.
- ⁴⁸ *Vobrzyński M. Z moich pamiętników...* S. 313.
- ⁴⁹ Op. cit. S. 313.
- ⁵⁰ Op. cit. S. 315.
- ⁵¹ Н.Н. Гирс – С.Д. Сазонову 18/31 декабря 1912 г. — АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1912 г. Д. 124. Л. 131–132.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Н.А. Кудашев – А.А. Нератову 24 окт./6 нояб. 1913 г. – АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1913 г. Д. 14. Л. 52–54.
- ⁵⁴ Агентурные сведения 30 янв. 1912 г. / 3 янв. 1914 г. – РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1388. Л. 55.
- ⁵⁵ *Vobrzyński M. Z moich pamiętników...* S. 315.
- ⁵⁶ Ibid. S. 316.
- ⁵⁷ *Левицкий К.* Указ. соч. С. 642.
- ⁵⁸ *Vobrzyński M.* Op. cit. S. 317.
- ⁵⁹ *Левицкий Л.* Указ. соч. С. 678
- ⁶⁰ Там же. С. 686.
- ⁶¹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1908 г. Д. 136.
- ⁶² Там же. Ф. 135. Оп. 747. 1912 г. Д. 45.
- ⁶³ С. Свербеев – А.П. Извольскому 28 мая /10 июня 1908 г. — АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1908 г. Д. 136. Л. 177–180.
- ⁶⁴ Там же. Л. 177.
- ⁶⁵ Там же. Л. 178.
- ⁶⁶ *Mittler A.* Польский вопрос в отношениях Германии с Австро-Венгрией и Россией. // Исследования по истории германского империализма. М., 1978. С. 214–224.
- ⁶⁷ *Левицкий К.* Указ. соч. С. 612.
- ⁶⁸ Записка С.П. Колосова «Поляки об украинофильской политике» 5/18 июля 1912 г. – АВПРИ. Ф. 138. Д. 744. Л. 213–215.
- ⁶⁹ *Левицкий К.* Указ. соч. С. 543.

- ⁷⁰ Донесение консула в Черновцах Доливо-Добровольского. 4/11 ноября 1903 г. – АВПРИ. Ф. 155. 1–4. Оп. 456. 1903. Д. 29. Л. 16–41.
- ⁷¹ Н.Н. Гирс – С.Д. Сазонову 16 февраля /1 марта 1911 г. – АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1911 г. Д. 6. Л. 69–72.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ Н.Н. Гирс – С.Д. Сазонову 16 февраля / 1 марта 1911 г. – АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1911 г. Д. 6. Л. 70.
- ⁷⁴ Н.Н. Гирс – С.Д. Сазонову 16 февраля /1 марта 1911 г. — АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1911 г. Д. 6. Л. 72.
- ⁷⁵ Выдержки из некоторых речей, произнесенных в Делегациях в мае. – АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1912 г. Д. 124. Л. 59–61.
- ⁷⁶ Н.Н. Гирс – С. Д. Сазонову, 16/29 июня 1912 г. – АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1912 г. Д. 124. Л. 73–75.
- ⁷⁷ Н.Н. Гирс – С. Д. Сазонову, 16/29 июня 1912 г. – АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1912 г. Д. 124. Л. 73–75.
- ⁷⁸ Н.Н. Гирс – Сазонову. 24 мая/6 июня 1912 г. – АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1912 г. Д. 124. Л. 64.
- ⁷⁹ Н.Н. Гирс – Сазонову. 24 мая/6 июня 1912 г. – АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1912 г. Д. 124 Л. 64.
- ⁸⁰ Донесения обзоры, записки Сватковского за 1912–1914 гг. – АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 745/802.
- ⁸¹ Рапорт военного агента в Австро-Венгрии Занкевича 11 октября 1912 г. – РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7305. Л. 71–72.
- ⁸² Там же. Л. 72.
- ⁸³ Н.Н. Гирс – С.Д. Сазонову 3/16 сентября 1912 г. – АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1912 г. Д. 124. Л. 110.
- ⁸⁴ *Левицкий К.* Указ. соч. С. 630–632.
- ⁸⁵ Там же. С. 633.
- ⁸⁶ *Gruchala J.* Polityka zagraniczna Austro-Więgr a stosunki polsko-ukraińskie (1908–1914) // *Studia z dziejów ZSRR i Europy Środkowej.* Т. XXIV. Wrocław, 1988. S. 35–53.
- ⁸⁷ *Левицкий К.* Указ.соч. С. 634–635.
- ⁸⁸ Там же. С. 638.
- ⁸⁹ *Bobrzyński M.* Op. cit. S. 297-298.
- ⁹⁰ Н.А. Кудашев –С.Д. Сазонову 16/29 декабря 1913 г. – АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1913. Д. 4. Л. 31.
- ⁹¹ Секретная телеграмма поверенного в делах в Вене Н.А. Кудашева 3/16 декабря 1913 г. – АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1913 г. Д. 4. Л. 27.
- ⁹² *Левицкий К.* Указ. Соч. С. 676.

- ⁹³ Н.А. Кудашев – С.Д. Сазонову 16/29 декабря 1913 г. – АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1913. Д. 4. Л. 31.
- ⁹⁴ Н.Н. Шебеко – С.Д. Сазонову 17/30 апреля. 1914 г. – АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1914. Д. 158. Л. 2–4.
- ⁹⁵ Россия. Государственная Дума. 4-й созыв. Сессия II. 10 мая 1914 г. Ст. 338.
- ⁹⁶ Н.Н. Шебеко – С.Д. Сазонову 17/30 апреля. 1914 г. – АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1914. Д. 158. Л. 2–4.
- ⁹⁷ Там же. Л. 4
- ⁹⁸ Секретная телеграмма посла в Вене Н.Н. Шебеко 27 апр./10 мая 1914 – АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1914 г. Д. 163. Л. 19–20.
- ⁹⁹ Там же. Л. 19.
- ¹⁰⁰ Россия. Государственная Дума. 4-й созыв. Сессия II. 10 мая 1914. Ст. 382.
- ¹⁰¹ *Левицкий К.* Указ. соч. С. 706.
- ¹⁰² Н.Н. Шебеко – С.Д. Сазонову, 17/30 апреля 1914 г. – АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1914. Д. 158. Л. 2–4.
- ¹⁰³ Копия с донесения Императорского Консула во Львове в Императорское Российское посольство в Вене от 9/22 июля. 1914 г. за № 86. Секретно. – АВПРИ. Ф. 133, Оп. 470. 1914 г. Д. 165. Л. 19–29.
- ¹⁰⁴ Россия. Государственная Дума. 4-й созыв. Сессия II. Заседание 37. 11 февраля 1914 г. Ст. 722.
- ¹⁰⁵ Там же.
- ¹⁰⁶ Россия. Государственная Дума. 4-й созыв. Сессия II. Заседание 37. 19 февраля 1914 г. Ст. 914.
- ¹⁰⁷ Там же. Ст. 925.
- ¹⁰⁸ Там же.
- ¹⁰⁹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1913. Д. 4.
- ¹¹⁰ *Михутина И.В.* Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). М, 2003. С. 170.
- ¹¹¹ *Каширин В.* «Усусам» по сусалам, или взятие Маковки // Родина. 2010. № 4. С. 82.
- ¹¹² Талергофский альманах Пропамятная книга австрийских жестокостей, изверств и насилий над карпато-русским народом во время всемирной войны 1914–1917 гг. // Русская Галиция и мазепинство. М., 2005. С. 199.
- ¹¹³ Талергофский альманах... С. 215.
- ¹¹⁴ Там же.
- ¹¹⁵ Там же. С. 250.
- ¹¹⁶ Там же. С. 364.
- ¹¹⁷ Там же. С. 283.
- ¹¹⁸ *Ваврик В.Р.* Терезин и Талергоф. К 50-летней годовщине трагедии Галицко-русского народа. М., 2001. С. 73.

- ¹¹⁹ Ронге М. Разведка и контрразведка. СПб., 2004. С. 104.
- ¹²⁰ Ваврик В.Р. Указ. соч. С. 68.
- ¹²¹ Талергофский альманах. С. 229.
- ¹²² Там же.
- ¹²³ Там же. С. 322.
- ¹²⁴ Ваврик В.Р. Указ. соч. С. 83.
- ¹²⁵ Талергофский альманах... С. 324.
- ¹²⁶ Пашаева Н.М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX – XX вв. М., 2007. С. 107.
- ¹²⁷ Ваврик В.Р. Указ. соч. С. 90.
- ¹²⁸ Там же. С. 91.
- ¹²⁹ Талергофский альманах... С. 470.
- ¹³⁰ Там же. С. 480.
- ¹³¹ Там же. С. 504.
- ¹³² Там же. С. 439.
- ¹³³ Там же. С. 501.
- ¹³⁴ История Украины. Киев, 2008. С. 428.
- ¹³⁵ Бахтурина А.Ю. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М., 2000. С. 125.
- ¹³⁶ Там же.
- ¹³⁷ Деникин А.И. Очерки русской смуты. // Антон Деникин. Путь русского офицера. М., 2002. С. 132.
- ¹³⁸ Пашаева Н.М. Указ. соч. С. 123.

**ВОСПРИЯТИЕ
ЭТНОЯЗЫКОВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ РУСИНОВ
ИЗ АВСТРО-ВЕНГРИИ РУССКИМ
ПРАВОСЛАВНЫМ ДУХОВЕНСТВОМ
В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКОВ)**

Несмотря на очевидную этноязыковую и конфессиональную (по крайней мере, обрядовую) близость восточнославянского населения по обе стороны российско-австрийской границы, еще в конце XIX в. подавляющее большинство жителей империи Романовых, в т.ч. малороссов, не имело никакого понятия о Галиции, Буковине, Угорской Руси и их обитателях. В лучшем случае, это были крайне размытые представления, основанные на обрывочных сведениях. Так, например, живо интересовавшийся судьбами австро-венгерских русинов¹ М.П. Драгоманов (1841–1895) отмечал: «Серед звичайних російських громадян усяких напрямків панує повнісінький індіферентизм до Галичини. Не всі навіть знають, що там живуть «русские», чи русини, «малороссы», а хто й зна, то якось не пам'ята того»². Спустя несколько десятилетий после Драгоманова с его мнением согласился в своей статье «Що знали на Полтавщині про Галичину у 80–90-х рр. XIX в.» В.В. Дорошенко (1879–1963): «Народ, очевидно нічого не знав, а інтелігенція мала неясне поняття про Галичину як край, населений словянським племенем «руссинов», ніби споріднених із «руським» народом великого російського царства, але що це за племя, – 99 % «малороссов» знало стільки ж, що й пересічний москаль...»³. Объяснялась такая ситуация отсутствием в то время у широких масс россиян современных этнонациональных идентичностей. Неотъемлемой частью последних являются ментальные карты, которые конкретизируют представления о границах своего народа. Такие карты (с уже введенными туда провинциями Австро-Венгрии с русинским населением) через соответствующие идентичности начали получать повсеместное, а не элитарное распространение только в первой половине XX в.: в случае общерусского национализма, по-видимому, в годы Первой мировой войны, в случае

национализма украинского – при присоединении Восточной Галиции, Северной Буковины и Закарпатья к СССР.

Однако вне прямой зависимости от этнонациональных процессов в Центральной и Восточной Европе период конца XIX – начала XX вв. был ознаменован всплеском непосредственных контактов между россиянами и русинами вдали от родины, а именно в Северной Америке. Учитывая низкую степень осведомленности большинства российских подданных о русинах, изучение данных контактов приобретает особый интерес. В рамках настоящего очерка предпринята попытка на основе доступных источников проанализировать лишь один из аспектов указанных американских встреч – восприятие этноязыковых особенностей русинов из Австро-Венгрии русским православным духовенством.

Основными источниками для нас явились публикации в заокеанской и отечественной русскоязычной печати, в т.ч. статьи, лекции, дневники, путевые заметки, воспоминания, письма и служебные отчеты, принадлежащие перу находившихся в Северной Америке русских священнослужителей и содержащие упоминания о русинах. Львиную долю проанализированных текстов составили материалы «Американского Православного Вестника» – официального печатного органа Православной церкви, издававшегося в Нью-Йорке⁴. При этом следует подчеркнуть, что сами авторы источников не составляли единого целого, по крайней мере, в том же этноязыковом отношении. Разнились также степень образованности и время пребывания этих священнослужителей в Америке. Поэтому неудивительно, что оценки, высказанные ими, иногда противоречивы. Указанное обстоятельство является причиной нашего специального интереса к поиску закономерностей в восприятии русинских этноязыковых особенностей представителями различных слоев духовенства.

Отдельно отметим, что мы сознательно не сужали круг авторов источников до лиц исключительно великорусского (т.е. русского в современном смысле слова) происхождения. Общеизвестно, что русская культура и, особенно, русский язык традиционно были достоянием широкой аудитории, включавшей далеко не только тех, кто мог претендовать на них по праву рождения. Что же касается конкретно тогдашних малороссов и белорусов, для них (причем особенно для их клерикальных кругов) была актуальна концепция большой русской нации⁵. Поэтому, говоря об интересующем нас периоде, выделение невеликорусских восточных славян с русским самосознанием из широкой русской общности представляется более чем искусственным⁶. Примечателен и тот факт, что считавшее себя русскими православное духовенство в Северной

Америке в значительной, если не подавляющей части, происходило как раз с юго-западных, этнически малорусских окраин Российской империи⁷. В данной связи очень важно по возможности выявить понимание разными священнослужителями самой русскости, критерии которой, как известно, могли заметно варьироваться, в т.ч. вследствие изначальных свойств и жизненного опыта конкретного индивидуума. Таким образом, восприятие этноязыковых особенностей русинов в каком-то смысле является дополнительным индикатором для уточнения содержания и границ русскости в течение интересующего нас периода.

* * *

Как известно, последние десятилетия XIX и первые десятилетия XX вв. были ознаменованы массовой трудовой миграцией населения из Австро-Венгрии на американский континент. Среди временно или навсегда покидавших Габсбургскую монархию далеко не последнее место занимали русины. Так, по мнению исследователей, общее количество русинов в США накануне Первой мировой войны могло достигать 500 и более тысяч⁸. В соседней Канаде их численность составляла тогда порядка 150–160 тысяч⁹.

Приблизительно в тот же период набирала обороты эмиграция из Российской империи. Правда, она носила преимущественно инородческий – еврейский, польский, литовский, финский, немецкий – характер. С 1820 по 1917 годы из России в США прибыло не менее 3,3 миллионов человек (без учета повторных въездов и реэмиграции)¹⁰. При этом русские составляли к 1899–1913 годам, когда их количество среди эмигрантов стало ощутимее, лишь 7 % от общего числа въезжавших в Штаты российских подданных. Всего за указанные полтора десятилетия в страну было впущено 165 тысяч русских¹¹. В данной связи заметим, что, по мнению отечественных и американских специалистов, до 1906 года среди русских эмигрантов преобладали великороссы и белорусы, а после 1906 года – малороссы и белорусы. Это влекло за собой уменьшение доли (но не абсолютной численности) великороссов¹². В Канаду только с 1900 по 1913 год прибыло около 92 тысяч россиян. Из них чуть менее половины были русскими¹³.

Хотя вопрос о точном количестве русинов и русских в Северной Америке вследствие несовершенства статистического учета конца XIX – начала XX вв. принадлежит к числу дискуссионных, очевидно, что русинов было гораздо больше, чем вместе взятых великороссов, малороссов и белорусов. Так, например, русский публицист

Евгений Николаевич Матросов (псевдоним – Граф Лелива) утверждал в 1896 году, что «Русь из России, то есть великоруссы, малоруссы и белоруссы» составляет лишь «двадцатую часть американской Руси»¹⁴. Остальные девятнадцать частей приходились, по его мнению, на долю русинов. Исходя из этого, можно сделать вывод о значимости русинского присутствия для русских, которое последние вряд ли могли игнорировать.

Важно отметить, что, попадая в Новый свет, восточнославянские выходцы из России и Австро-Венгрии, будучи обычно представителями одних и тех же социальных слоев, часто оказывались в непосредственном соседстве друг с другом. Так, и те, и другие в качестве неквалифицированных рабочих нередко попадали на одни фабрики, заводы, шахты и т.п. Зачастую рядом располагались их фермерские наделы. Поскольку иммигранты на первых порах испытывали сложности с английским языком, неудивительно, что славяне из разных уголков Европы невольно были обречены на взаимные контакты, т.к. хотя бы отчасти понимали речь друг друга. В этой связи интересно, что отдельные русины, которые уже освоились в Америке, работали переводчиками не только со своими земляками, но и с уроженцами России¹⁵. Часто русские бывали постояльцами у русинов. Получили распространение и браки русских мужчин с русинками¹⁶.

Однако особенно важным фактором сближения являлась конфессиональная принадлежность¹⁷. Так, буковинские русины вообще, как и большинство русских, исповедовали православие. Русины же из Галиции и Угорской Руси были греко-католиками (униатами), т.е. принадлежали к переходной конфессии, появившейся в результате нескольких церковных уний православных с Римом. Соединяя католическое вероучение с православной обрядовостью, греко-католики осознавали свою близость к православию, а многие рядовые верующие даже не подозревали о различии между Греко-католической и Православной церквями¹⁸. Вследствие непродуманной политики американских римо-католических церковных властей по отношению к попавшим в их юрисдикцию греко-католикам, среди русинов-униатов началось движение за переход в православие. Первым конвертитом стал в 1890 году священник Пряшевской греко-католической епархии о. Алексей Товт (1854–1909), который вначале сам перешел в Православную церковь, а затем увлек за собой и многих своих прихожан. Начавшееся в 1892 году официальное включение русинских приходов в состав Алеутской и Аляскинской епархии способствовало укреплению контактов русинов и русских. Со временем именно русины составили основной костяк американских

православных. Показательно, что во многих населенных пунктах, где православных выходцев из России было сравнительно мало, они не основывали новые церковные приходы, а присоединялись к уже существовавшим приходам русинов¹⁹. Однако при этом православное духовенство было в подавляющей части именно русским²⁰.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что в целом русские (и в т.ч. особенно священнослужители) имели на переломе XIX и XX столетий достаточно возможностей ближе узнать доселе им не известных или же знакомых только понаслышке русинов. Начиная с этого времени, мы можем говорить о постепенном складывании взаимных представлений, основанных на непосредственных человеческих контактах.

Наиболее раннее свидетельство восприятия русинов русским духовенством в Америке, которое удалось нам обнаружить, относится к началу 90-х годов. Оно принадлежит игумену Георгию Чудновскому, малороссу по происхождению²¹, находившемуся в Сан-Франциско. В своем известном письме о. А. Товту от 1 января 1891 года игумен следующим образом охарактеризовал уровень информированности православных миссионеров о русинах до знакомства с Товтом и его прихожанами: «... только по одному какому то неопределенному и ходячему слуху мы знали, что в Америке находится большое число православных переселенцев – русских галичан и угорщан из Австрии, но где их местопребывание, о том не могли узнать от верных источников»²². Ниже в тексте игумен прямо говорит о «русских с Австрийских земель»²³, тем самым однозначно относя русинов (сам этот этноним им не был употреблен) к русским. «Русских же из России Вы мало здесь встретите, да и то не из благожелательных личностей»²⁴, – отозвался далее Чудновский о тех русских, которые являлись его соотечественниками. Учитывая то, что в США тогда находилось множество уроженцев Российской империи, считавшихся в ней инородцами, следовательно, слова Чудновского относятся исключительно к восточным славянам и тем самым несут в себе отчетливый этнонациональный подтекст.

Несколько забегаая вперед, отметим, что впоследствии подобное автоматическое отнесение русинов к русским в этнонациональном смысле стало в среде православного духовенства типичным. Хотя Чудновский отмечал, что ни он, ни его окружение не знало о местонахождении русинов в Америке, как вытекает из письма, сам факт их существования не являлся новостью. Это не удивительно, т.к. православная печать в России активно интересовалась судьбами православных и униатов в Габсбургской монархии. Поэтому можно пред-

положить, что все более-менее образованные духовные лица имели заочное представление о русинах, причем именно как о русских, которое было сформировано под воздействием отечественных кликальных изданий. Таким образом, в своем, по крайней мере, первоначальном, восприятии русинов на американской земле русское духовенство, видимо, опиралось на уже имевшиеся у него стереотипы.

Следует отметить, что тексты православных священнослужителей весьма богаты яркими, положительно окрашенными формулировками, относящимися к русинам (особенно единоверцам). Например, епископ Алеутский и Аляскинский Николай (Зиоров, 1851–1915), происходивший из Херсонской губернии²⁵, называл русинов «братьями нашими по вере и плоти»²⁶. Иеромонах Арсений (Чаговцев, 1866–1945), родом из Харьковской губернии²⁷, долгие годы духовно окормлявший в основном русинскую паству, писал, что «... труд наш протекает преимущественно среди братьев по крови – русских, хотя и неподвластных нам (России. – М.Д.), но все же взирающих на св[ятую] Русь как на мать свою»²⁸. Пришедший на смену владыке Николаю уроженец Псковской губернии Тихон (Беллавин, 1865–1925), будущий патриарх, видел в своих русинских прихожанах «единокровных нам русских переселенцев из Австрии, ставших с нами и едиными по вере православной»²⁹. Как можно заметить, в подобных высказываниях подчеркивается этническая близость или даже тождество русских из Российской и Австро-Венгерской империй.

Однако внимательный анализ текстов свидетельствует о заметной поливариантности понимания русскости русинов. В качестве ярких примеров, иллюстрирующих это утверждение, можно привести цитаты из двух статей, принадлежащих, соответственно, о. Александру Немоловскому (1876–1960)³⁰ и псаломщику Прокофию Авдееву³¹. Так, описывая торжественное богослужение у могилы о. А. Товта в Свято-Тихоновском монастыре в Пенсильвании, Немоловский следующим образом передал свои впечатления: «Лица у богомольцев какие то милые, дорогие. Так радостно и думается: а ведь Русь одна – святая. Никакие Америки не в состоянии вытравить из русских душ это желание святости, – стремление ко св[ятой] Прав[ославной] вере. Никакие революционеры не убьют в русинах любви к их матери – России Великой. В монастыре на отпуске было наверно не больше двух трех десятков переселенцев из России, – остальные же все Австр[ийские] русины. А я так себя чувствовал, как будто нахожусь между своими людьми на отпуске в Киеве или в Почаеве»³². А вот как построил свой не менее эмоциональный рассказ о встрече с русинами, конкретно о

посещении одного из приходов в штате Огайо, Авдеев: «Нельзя сказать, что эти люди из польско-жидовской Австрии. Нет! по вере и по духу и по всему они именно – «Русские». Например, в доме Председателя братства все напоминало что то Российское, – и самые иконы, висящие по стенам, из России, а на столе я видел молитвослов С[анкт-]П[етер]Б[ургской] Синодальной Типографии 1898 года, с надписью «Михаил Юлианович Шкирпан». Замечательно, что даже и отчество Шкирпана прописано, хотя это в Австрии и не принято»³³.

Хотя обе цитаты посвящены русскости русинской паствы, между ними пролегают существенные внутренние различия. Несмотря на то, что и о. А. Немоловский, и П. Авдеев являлись носителями русской идентичности (судя по коннотациям, даже горячими русскими патриотами), они происходили из разных уголков Российской империи. Как уже было отмечено, среди русского духовенства было много малороссов. Некоторые из них родились в регионах, непосредственно граничивших с Австро-Венгрией. В частности, это можно сказать о Немоловском, происходившим с Волыни. Видимо поэтому при своем описании русинов он подчеркнул их «милые, дорогие лица», опираясь на сходство русинских верующих и тех богомольцев, которые стекались в духовные центры Киевской и Волынской губерний. Таким образом, точка отсчета русскости для Немоловского (по крайней мере, в данном случае) начинается с жителей его малой родины, во многих отношениях схожих по языку и культуре с русинами. Принадлежность последних к русскому народу являлась для него очевидной и вытекала из русинской этнической специфики. При этом православность, хотя и признавалась крайне важным маркером русскости, как можно заметить из контекста («желание к святости» ведь относится к обращавшимся в православие греко-католикам) и, добавим, многочисленных других статей, не была для Немоловского этноопределяющим признаком.

Совершенно на иных деталях остановился великоросс Авдеев. Характеризуя своих новых знакомых – выходцев из Горлицкого повета Галиции, он как бы сам себя убеждал в их русскости. Ее главными маркерами в данном случае выступают «вера», «дух» и вдобавок расплывчатое «все». Конкретизируя, что же именно имелось в виду, Авдеев обратил внимание на такие важные, по его мнению, символы, как новые иконы и молитвослов из России, а также использование на российский манер отчества. При этом в процитированной выше статье отсутствуют намеки, например, на близость внешнего облика, языка или традиций русинов и соответствующих черт русских. Сравнивая оба подхода – правобережного малоросса Немоловского и великоросса Авдеева –

можно констатировать, что в первом случае русскость уже изначально заложена в русинах и только подтверждена православной верой, а во втором – русскость заключается преимущественно в нематериальных категориях и чуть ли не является приобретенной путем подражания российским стандартам церковной жизни. По нашим наблюдениям, подобная описанной корреляция конкретной русской народности (или места рождения наблюдателя) и замеченных им аспектов русскости русинов является довольно типичной.

В данном контексте представляются крайне ценными лексические методы разделения русских и русинов. Они заметно детализируют наши познания о восприятии русским духовенством этнически родственного населения из Австро-Венгрии. Как показывают источники, этих методов было довольно много.

Пожалуй, наиболее простым способом выделить русинов являлось употребление самого этого этнонима (как с одной литерой «с», так и с двумя), который не распространялся авторами текстов на выходцев из России. Впрочем, некоторые пастыри, как, например, уроженец Самарской губернии архимандрит Анатолий (Каменский) (1863–1925)³⁴, сознательно старались не использовать это слово на письме, отдавая предпочтение этнониму «русские»³⁵. Активно использовались различные региональные названия – «галичане», «угроруссы», «буковинцы», «лемки» и т.д., относившиеся только к конкретным группам русинов.

Епископ Николай, рассказывая о перипетиях жизни православной общины в Чикаго, писал о «наших русских людях», т.е. российских подданных, с одной стороны, и «русинах», с другой. Правда, это не мешало ему ниже в том же абзаце назвать приход, образованный из представителей обеих групп, «совершенно русским приходом»³⁶, имея в виду, что его прихожане не являются сербами, греками или арабами. Сходным образом противопоставлял русских и русинов уроженец г. Кременца на Волини о. Александр Хотовицкий (1872–1937)³⁷, называвший своих соотечественников «нашими российскими людьми», а русинов «нашими русскими эмигрантами из Австрии»³⁸. Впрочем, подобное разделение на «наших» и остальных, которое возможно в рамках любого коллектива и по самым разным критериям, наименее интересно. К тому же служившие среди русинов священники порой так сближались со своей русинской паствой, что в определенных контекстах «нашими» называли и русинов (как, например, тот же Хотовицкий). «... Наш русин теряет веру и народность в шуме американской цивилизации», – отмечал подобным образом иеромонах Арсений³⁹.

Гораздо хуже поддаются современной интерпретации другие бытовавшие в языке оппозиции. Так, к примеру, неподписавшийся автор статьи-хроники путешествия епископа Тихона по приходам епархии в 1899 году, сообщая об одном из проведенных богослужений, отмечал: «Среди богомольцев были и коренные русские и австрийские, сербы, греки, арабы, американцы...»⁴⁰. В другом материале, «По обозрению епархии», особенно лестном для русинов, сообщалось: «Вообще в Вилькесбаррском приходе, как почти во всех приходах нашей америк[анской] миссии, населенных русскими выходцами из Австрии, сильно доброе русское чувство, чувство полной благожелательности по отношению к России и ее державному венценосному Вождю, чувство, которое, к сожалению, во многих коренных россиянах не только здесь, но и в самой России, значительно выветрилось и разменялось на бесцветные разглагольствования...»⁴¹. Следовательно, «коренные русские» (или «коренные россияне») противопоставлялись другим, «австрийским русским» – нужно думать, «некоренным». Логично предположить, что прилагательное «коренной» здесь использовалось в известном переносном значении «основной, начальный, настоящий, первобытный» (пример по аналогии: коренной житель – «исконный, не переселенец») ⁴². Этим, по-видимому, подчеркивалось определенное преимущество русских из Российской империи перед их собратьями из Австро-Венгрии. Однако, если принять указанный смысл слова, получится, что по крайней мере, галичан, как наследников жителей одного из важнейших княжеств Киевской Руси, тоже бы следовало считать коренными. Но в Северной Америке к последним русинов из Галиции чаще всего не относили. Поэтому, на наш взгляд, семантика словосочетаний «коренные русские», «коренные россияне» и т.п., как и их оппозиций, нуждается в дополнительном изучении – с привлечением аналогий из собственно российских текстов указанного периода⁴³.

Пожалуй, не менее запутанной, с точки зрения сегодняшнего дня, является следующая пара названий для обозначения русских и русинов – «чисто русские» и «нечисто русские» (последнее не всегда упоминалось, но, судя по контексту, подразумевалось). Так, например, о. Иоанн Недзельницкий (1866–1946), сам происходивший из Одессы⁴⁴, описывая посещение епископом Аляскинским Иннокентием (Пустынским) прихода в г. Питтсбурге, отмечал: «Близ и в храме встретили Владыку чисто русские люди Черниговской, Гродненской, Минской, Плоцкой, Виленской и др[угих] губерний»⁴⁵. Несомненно, что речь, в первую очередь, идет о белорусах и малороссах из Российской империи⁴⁶. Не вызывает сомнений, что подчеркивая массовое присутствие

«чисто русских людей», автор тем самым акцентировал отсутствие среди паствы русинов. Эту же терминологию активно использовал в своей публицистике и о. А. Немоловский: «А едва-ли многие в России и о том знают, что русские деньги не идут на одних австрийских русинов. Наша миссия опекает и наших соотечественников. В Нью-Йорке, Филадельфии, Чикаго, Питтсбурге почти чисто русские приходы.

А сколько чисто-русских людей рассеяно по другим градам и весям Америки?!»⁴⁷.

Конечно же, можно предположить, что в «чистоту» в первую очередь вкладывался определенный этнический смысл. Известно, что среди русинов в Америке преобладали выходцы из западных районов Галиции и Угорской Руси, в этноязыковом отношении испытывавшие на себе сильнейшее влияние соседей, в первую очередь, словаков⁴⁸. Т.к. одним из главных этноопределяющих признаков является язык, напрашивается предположение, что к «нечисто русским» могли относить тех, кто говорил на родственном, но не достаточно понятном языке. К примеру, приведем случай из пастырской практики того же о. А. Немоловского: «Двое, напр[имер], грамотных (правда, очень умеренно) из Харьковской губ[ернии] побыв в униатской церкви в Shenandoah, Pa. были убеждены, что это церковь православная, «только священник не умеет чисто по русски говорить»»⁴⁹. Немоловский не уточнил, были ли это великороссы или малороссы, назвав их только «коренными русскими»⁵⁰. В то же время очевидно, что грекокатолический священник, по мнению рассказавших эту историю Немоловскому, говорил все-таки по-русски, только не чисто. Таким образом, можно предположить, что именно через язык (конкретно, например, через совершенно не привычные для уроженцев Российской империи словакизмы и унгаризмы) и устанавливалась по отношению к русинам эта специфическая дистанция.

Однако нельзя игнорировать тот факт, что среди русинских иммигрантов находились также люди, которые по языку и культуре были весьма близки, по крайней мере, наиболее западным малороссам из России. При этом вопреки логике, последние, в отличие от своих соседей галичан и буковинцев, все-таки чаще попадали в число «чисто русских».

Примечательно, что нам удалось обнаружить сходную русскую точку зрения о русинах в тот же период и вне церковной ограды. Так, постоянно проживавший в Северной Америке великоросс Петр Алексеевич Дементьев (псевдоним Тверской, 1850–1919)⁵¹, описывая специфику американской православной жизни, отмечал, что здесь

«приходится иметь дело не с чисто русскими людьми, а исключительно или с разными мелкими иностранными славянскими народностями, – русинами, словаками, сербами, или с православными других наций – арабами, греками, сирийцами и т.д. Чисто русских людей – великороссов, или малороссов – в Америке так мало...»⁵². Хотя из контекста не совсем ясно, насколько Дементьев оценивал «чистоту» малорусских соотечественников⁵³, очевидно, что зарубежные славяне в отношении своей русскости не ставились с ними в сравнение.

Основываясь на приведенных примерах, можно сделать вывод, что значение словосочетания «чисто русские» (как и противоположного ему) могло варьироваться в зависимости от того, кем и в какой ситуации оно употреблялось. При этом, по-видимому, в различных случаях могли вместе или по отдельности актуализироваться его собственно этноязыковой, а также подданнический и конфессиональный аспекты.

Крайне близок, если не синонимичен, предыдущему другой термин – «настоящие русские». Например, о. И. Недзельницкий также употреблял этот эпитет для обозначения прихожан упомянутого питтсбургского прихода⁵⁴. В данной связи следует напомнить, что указанная формулировка была позаимствована нами из текста, предназначавшегося для широкого круга читателей. Таким образом, не исключено, что Недзельницкий, как и его коллеги, намеренно употребил языковое клише, распространенное в среде русских мирян. На эту мысль наталкивают как уже процитированный текст П.А. Дементьева, так и другие известные нам отзывы о русинах, принадлежащие светским лицам родом из России. Наиболее ярким пассажем может являться отрывок прожившего один год в США народного учителя из Сибири Иннокентия Петровича Сысоева: «... в Америке живет очень много русин. Эту темную массу из Галиции и Австрии американцы принимают за русских и удивляются, когда скажешь, что это не Русские. Русских великороссов из Нижегородской и Ярославской губ[ерний] очень мало. Русские там по преимуществу из Западного края, Могилевской, Минской губ[ерний]...»⁵⁵. Примечательно, что, несмотря на заметный великорусский патриотизм, Сысоев (как, впрочем, и Дементьев) не отрицал русскость восточнославянских уроженцев западных окраин России, однако категорически не признавал настоящими русскими русинов. Поэтому не исключено, что священники (в т.ч. малороссы), используя формулировки «настоящие русские» и «чисто русские» применительно к русским и их оппозиции применительно к русинам, тем самым подстраивались

под существовавший узус, хотя сами считали иначе. Косвенным подтверждением этой гипотезы может являться, например, следующее суждение того же Недзельницкого, найденное в одном из других его текстов: «... целых 3 миллиона в Галиции и ½ миллиона в Угрии чистокровного русского народа томится в когтях австрийского орла...»⁵⁶. Ясно, что в данной цитате русскость русинов никоим образом не подвергается сомнению и не умаляется.

Для большей полноты упомянем еще один частый способ различения на письме русских и русинов, а именно обращение к патетической символике, восходящей к идее «России-Матушки»⁵⁷. Так, например, иеромонах Арсений, критикуя позицию отдельных американских русинов во время Русско-японской войны, относил себя к «родным сынам России», а своих оппонентов – к «людям, родственным по крови»⁵⁸. В более доброжелательных контекстах на страницах «Американского Православного Вестника» можно встретить пару «сыны великой России» и «сыны несчастной подъяремной Австрийской Руси»⁵⁹, в принципе типичную для риторики сторонников проекта большой русской нации. При этом в большинстве проанализированных нами статей, несмотря на признание русско-русинской этнической и конфессиональной близости, постоянно констатируется отсутствие «сыновней» связи русинов по отношению к Российской империи: «... здешние русские люди [...] в большинстве чужие России, как не российские подданные...»⁶⁰ или «... в Америке Прав[ославные] австр[ийские] русины гораздо больше любят Россию чем к сожалению некоторые сыны нашей великой родины...»⁶¹. Однако при этом, конечно же, были и попытки представить русинов в виде полноценных «сыновей» России (см. выше у о. А. Немоловского) или, на худой конец, ее «пасынков» (см. выше у о. Арсения).

Примечательно, что общим местом всех приведенных нами лексических приемов, использовавшихся духовенством для различения русских и русинов, являлось разделение по подданническому принципу. Таким образом, почти всегда на одной стороне оказывались русины из трех австро-венгерских провинций, а на другой – великороссы, малороссы и белорусы вместе взятые, которые, на первый взгляд, меньше похожи друг на друга, чем русины между собой. Причины данного факта, по-видимому, следует искать, прежде всего, в социально-психологической плоскости. Как констатировал в этой связи внимательно наблюдавший за жизнью восточных славян в США Е.Н. Матросов, «... как великороссы, так и белорусы, не распространяющиеся вовсе за пределы Русского государства и

в значительной степени уже овеликоруссившиеся, равно и малоруссы, в этих пределах находящиеся и также в большей или меньшей степени овеликоруссившиеся, представляют несомненно тип великого русского народа, отличный от австро-угорского типа того же народа»⁶². К слову, в текстах как самого русского духовенства в Северной Америке, так и внешних наблюдателей часто отмечается сильнейшая разница, прежде всего, в менталитете русских священников (в т.ч. малороссов) и их русинских прихожан, которая являлась распространенной причиной внутрприходских конфликтов⁶³. «Сильно ошибется тот, кто американ[ские] приходы будет представлять в виде западно-русских, обратившихся из унии или нечто в этом роде»⁶⁴, – призывал российского читателя адекватнее воспринимать русинов архимандрит Анатолий. Поэтому, хотя православное духовенство и декларировало русинскую русскость, жизненные реалии заставляли уроженцев России больше учитывать специфику своей паствы из Австро-Венгрии.

Определенная двойственность восприятия русинов отразилась даже на статистических данных Православной церкви. Так, например, в своем «Отчете о состоянии Алеутской еп[архии] за 1899 г.» прибывший незадолго до этого в Америку епископ Тихон писал о наличии среди своих прихожан 7498 русских, причем «в том числе из России до 600 ч[еловек]»⁶⁵. Однако в подобном же отчете за 1905 год, говоря о разделении паствы «по племенам и народностям», иерарх отмечал, что среди почти 55 тысяч православных было «русских 2735, галичан 7801, угророссов 5016, буковинцев и румын 6023...»⁶⁶. Годом ранее сходным образом, разделяющим восточных славян на несколько групп, классифицировал американскую православную паству о. А. Хотовицкий⁶⁷. При этом его коллега архимандрит Анатолий, приводя те же данные, что и Хотовицкий, сообщал о численности «русских из России», а также именно «русских из Галиции», «русских из Угрии» и «русских из Буковины»⁶⁸. Таким образом, может создаться впечатление, что церковь в лице духовенства то признавала русинов русскими, то, напротив, выделяла их в отдельные категории. Однако, как можно убедиться из других, в т.ч. уже процитированных текстов тех же лет, ни Тихон, ни Хотовицкий, ни другие православные миссионеры в целом не отказывали русинам в русскости⁶⁹ (в каком-то смысле подтверждением этому является также использование этнонима «угророссы»). Тем не менее, напрашивается предварительный вывод, что этноним «русские» имел в узусе духовенства, как минимум, два значения – узкое, относившееся только к восточным славянам из Российской империи,

у которых этничность совпадала с подданством, и широкое, которое могло распространяться также на иностранцев русинов, более или менее близких собственно русским в этноязыковом и конфессиональном отношениях. Учитывая преимущественно публичный, порой даже сугубо официальный характер наших источников, мы не беремся судить, какая из этих трактовок была в реальной жизни духовенства более распространена. Очевидно, они актуализировались в зависимости от конкретных ситуаций. То же обстоятельство, что указанная двойственность присутствует даже в статистических сведениях, свидетельствует о крайней запутанности бытовавших представлений.

Поскольку выше затрагивалась преимущественно проблематика восприятия духовенством отношения русинов ко всем русским, уместно отдельно коснуться понимания им места русинов в меньшей, малорусской, общности, к которой они относились согласно научным классификациям. Большинство русских священнослужителей не отрицало принадлежности русинов конкретно к малорусскому племени. Например, о. А. Хотовицкий, будучи многолетним редактором «Американского Православного Вестника», писал о своем журнале, что поскольку он «на великоросс[ийском] языке; – значит, уже поэтому – почти недоступный тем тысячам людей, которых я имею в виду, ибо все таковые малороссы, из Австр[ийской] Руси»⁷⁰. В другой статье, описывая одно из богослужений, Хотовицкий объяснял читателям, что ему пришлось проповедовать «на малороссийском языке для большего понимания предстоящих, из коих все – переселенцы из Австрии, знакомые именно с этим наречием»⁷¹. «Нет! мы не ломаем русинов, а наоборот – самих себя переделываем, всячески приспособляемся к русинам (и к их несчастному провинциализму). И проповедуем то мы по малорусски...»⁷², – отмечал в полемическом задоре о. А. Немоловский. Отметим, что словосочетания «малорусский язык», «малорусское наречие» и т.п. встречаются в текстах, где говорится о русинах, достаточно часто. Возможно, это также связано с тем, что декларируемая православными миссионерами принадлежность русинов к малороссам должна была психологически больше сблизить первых с Россией и выходцами из нее⁷³.

В то же время в отдельных проанализированных нами текстах малороссы противопоставлены угроруссам или же малорусская речь – угрорусской. Например, архимандрит Анатолий, описывая специфику церковных служб в Америке, позволил себе такую формулировку: «Проповедь – смотря по обстоятельствам – на русском, малорусском, угрорусском, словацком и сербском и друг[их] языках»⁷⁴. Скорее всего,

угрорусский язык выделялся отдельно из-за многочисленных словакизмов и унгаризмов, которые отличали эту речь от того, что в сознании священнослужителей понималось под малорусским языком. В защиту нашего мнения можно привести хотя бы следующий журнальный пассаж о. И. Недзельницкого: «За литургиею говорили поучения сам Владыка (епископ Тихон. — М.Д.) на русском языке и Благочинный на малорусском наречии с примесью словацких слов в виду того, что в храме было много словаков, да и прихожане — пословаченные угроруссы»⁷⁵. Последовательное же перечисление малорусского языка и угрорусского языка, хотя теоретически может толковаться двояко, как равноценные позиции, по-видимому, типологически близко последовательному упоминанию русского и малорусского. При этом последняя модель, которая активно использовалась в российской печати (и в цитируемых нами американских текстах), как известно, далеко не обязательно предполагает полное взаимоисключение. Например, в статьях священников, признававших единство русского народа, могли находиться такие формулировки: «За литургией сказаны поучения — одно на малорусском наречии священником а другое по русски самим Владыкою»⁷⁶ или же «... местный приходский хор [...] доставил нам немалое эстетическое наслаждение умелым и изящным исполнением русских и малорусских песен»⁷⁷.

Коснувшись феномена малорусскости, сложно не затронуть отношение русских священнослужителей к модерной украинской этнонациональной идентичности, которая начала активно распространяться в среде русинов США и Канады как раз в интересующие нас годы. Как правило, оно было более или менее негативным, что, по-видимому, также было переплетено с конфессиональными чувствами по отношению ко греко-католикам, в среде которых культивировалась упомянутая идентичность. «Выдумана Украина, выдуман особый русский язык, так называемая фонетика; сочиняются поддельные истории русского народа. И все это даже имеет некоторый успех...»⁷⁸ — например, утверждал архимандрит Анатолий. А о. Арсений (Чаговцев) мог дать человеку следующую положительную характеристику: «честный русин, не зараженный социализмом, радикализмом и украинизмом»⁷⁹.

Пожалуй, единственным священнослужителем, в чьих писаниях нам встретились своеобразные нотки симпатии к украинофилам, был о. А. Немоловский: «Уж до чего — кажется — сепаратичны украинофилы, считающие украинцев особым племенем, совершенно отличным от великорусского. Но они, так сказать, до боли чувствуют свою связь с 30 миллионами проживающего в России малорусского

народа и – при некоторых уступках с нашей стороны [...] – могут присоединиться к нам»⁸⁰. Впрочем, в другой своей статье, написанной через несколько лет после процитированных строк, Немоловский уже утверждал, что «враги наши – униаты и украиноманы»⁸¹.

Необходимо упомянуть, что в среде русского духовенства не раз раздавались здравые голоса против излишнего обострения национально-языковых споров в русинской среде. Так, например, иеромонах Арсений в приводимом им вопросе некоего миссионера к своему более опытному коллеге, «как учить детей крайн? по какой книге, – по русской (литературной), или лемковской?», соглашался с ответом: «учите как подскажет сердце»⁸². «... при выборе чтений необходимо избегать и тех крайностей, какими полны читальни в Галицкой Руси. Там вечная борьба двух партий – твердо русской и украинской. [...] Нам всего этого необходимо избегать...»⁸³, – считал этот миссионер. Показательно, что он также не придавал решающего значения количеству букв «с» в написании слова «русский»⁸⁴.

* * *

Исходя из проанализированных текстов конца XIX – начала XX вв., восприятие этноязыковых особенностей русинов из Австро-Венгрии русским православным духовенством в Северной Америке в указанный период имело следующую специфику:

1. Русины, как правило, признавались частью единого русского народа, однако при этом они чаще всего четко отделялись от русских из Российской империи («наших русских», «коренных русских», «чисто русских» и т.п.). В некоторых контекстах русины вообще не включались в число русских;

2. В целом, по сравнению с русскими мирянами, духовенство было более склонно трактовать русинов русскими;

3. В языковом и этнографическом отношениях, в основном, акцентировалась принадлежность русинов к малороссам. Иногда несколько обособлено могли рассматриваться угроруссы;

4. Очевидно, что русины более всесторонне вписывались в представления о русскости, имевшиеся у русских малороссов, нежели великороссов;

5. В вопросе принятия русинами современной украинской этнонациональной идентичности прослеживалось отторжение или скепсис.

В заключение необходимо подчеркнуть, что наши выводы основаны на ограниченной источниковой базе, а потому нуждаются в

уточнении. Кроме малодоступных для отечественных исследователей американских архивов и библиотек огромное количество информации по интересующей нас теме содержится в Российском государственном историческом архиве (фонды Святейшего правительствующего Синода) и Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге. Значительно углубить проработку темы способствовало бы привлечение текстов не только публичного, но и сугубо личного характера. Обращение к этим новым источникам, несомненно, позволит существенно конкретизировать наши познания о восприятии русским духовенством этнокультурных особенностей русинов.

Примечания

¹ Следует обратить внимание, что этноним «русины» и производные от него в рамках настоящего очерка используются для обозначения коренного восточнославянского населения всех австро-венгерских провинций, в которых оно проживало. Таким образом, указанное значение не совпадает с тем, которое наиболее распространено в наши дни и связано с современным русинским этнонациональным движением. Нужно отметить, что данный этноним используется нами лишь как историографический *terminus technicus*, берущий свое начало в публицистических и научных публикациях интересующего нас и предшествующих ему периодов. В реальной жизни далеко не все из восточнославянских уроженцев Галиции, Буковины и Угорской Руси использовали его в качестве самоназвания. Поскольку в отдельных регионах Российской империи (например, на Холмщине) в конце XIX – в начале XX в. тоже бытовало название «русин», необходимо оговориться, что использование в очерке этого этнонима без уточняющих прилагательных автоматически означает исключительно русинов из Австро-Венгрии.

² [Драгоманов М.П.] Австро-руські спомини (1867–1877) // Драгоманов М.П. Літературно-публіцистичні праці у двох томах. Київ, 1970. Т. II. С. 228.

³ Дорошенко В. Що знали на Полтавщині про Галичину у 80–90-х рр. XIX в. // Наша Батьківщина. 1937. № 9. С. 197. Цит. по: Райківський І.Я. Взаємини галицьких і наддніпрянських діячів у 1830–1840-х рр. // Український історичний журнал. 2009. № 1. С. 50.

⁴ Об «Американском Православном вестнике» (далее – АПВ) см.: Андреев Г.Л. Христианская периодическая печать на русском языке 1801–1917 гг. Библиографический указатель. New York, 1998. С. 1–2; Троицкий А., свящ. «Американский православный вестник» // Православная энциклопедия (далее – ПЭ). Т. II. М., 2001.

⁵ Подробнее см.: Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.) СПб., 2000. С. 31–41; Горизонтов Л.Е. «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия // Пространство власти: Исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001.

⁶ Отметим, что в историографии наметилась тенденция брать этноним «русские», если он понимается расширительно, как совокупность великороссов, малороссов и белорусов, в кавычки. Однако, приняв подобную методику, во многих конкретных случаях становится совершенно не ясным, нужно такое выделение или нет. К тому же в работах по истории эмиграции в США и Канаду «русскими» (в кавычках) часто называются не только и не столько вместе взятые восточные славяне, сколько прибывшие из Российской империи представители других этносов. Поэтому во избежание путаницы и постоянного перечисления в скобках подразумевающихся слагаемых, этноним «русские» (без кавычек) и связанные с ним прилагательные используются нами далее именно в указанном архаичном значении. При этом для удобства изложения мы без особой на то надобности не называем русскими русинов (о конвенциональном значении последнего этнонима см. сноску 1).

⁷ *Бачинський Ю.* Українська імміграція в Сполучених Штатах Америки / 2-е вид. Київ, 1994. С. 184, 277; *Григорьев Д., протоиерей.* От древнего Валаама до Нового Света. Русская Православная Миссия в Северной Америке. М., 2007. С. 67.

⁸ *Троциньський В.П., Шевченко А.А.* Українці в світі. Київ, 1999. С. 50. Справедливости ради необходимо уточнить, что указанные цифры называются в связи со всем потенциально украинским (в современном понимании) населением США того периода. Следовательно, они включают в себя также выходцев из Российской империи. Однако, учитывая известную малочисленность последних, это обстоятельство абсолютно не влияет на порядок приводимых цифр.

⁹ Там же. С. 74.

¹⁰ *Нитобург Э.Л.* Русские в США: История и судьбы, 1870–1970: Этноисторический очерк. М., 2005. С. 23, 44.

¹¹ Там же. С. 23, 44, 48.

¹² Там же. С. 28–29, 45.

¹³ *Кукушкин В.Е.* Славянская трудовая эмиграция из Российской империи в Канаду в начале XX в. // Этнографическое обозрение. 2002. № 4. С. 127–128, 138.

¹⁴ *Граф Лелива (Матросов Е.Н.).* Заокеанская Русь. (Социологическо-описательный очерк) // Исторический Вестник. Т. LXVIII. СПб., 1897. С. 450.

¹⁵ *Сулерджицкий Л.* В Америку с духоворами. (Из записной книжки). М., 1905. С. 110, 148–149; *Тан [Богораз В.Г.]*. Духоборы в Канаде. Очерки / Изд. испр. и доп. М., 1906. С. 17, 69–70.

¹⁶ *Вильчур М.* Русские в Америке. Нью Йорк, б.г. С. 61, 65, 85.

¹⁷ Интересно, что конфессиональный фактор сближения работал даже при восприятии русинов старообрядцами (см.: *Граф Лелива (Матросов Е.Н.)*. Указ. соч. С. 450), однако, следует думать, не действовал в случае достаточно многочисленных в Северной Америке русских сектантов (духоборов, молокан и др.).

¹⁸ *Кустодиев К.* Церковь угорских русских и сербов в их взаимоотношении. М., 1873. С. 3–4; *Немский [Немоловский А.]*. Первые шаги православного миссионерства в С. Америке // АПВ. 1902. № 17. С. 365.

¹⁹ *Коханик П., протопресвитер.* Начало истории Американской Руси // *Свис-тун Ф.И.* Прикарпатская Русь под владением Австрии / 2-е доп. изд. Trumbull, 1970. С. 501.

²⁰ *Бачинський Ю.* Указ. соч. С. 276–277.

²¹ *Коханик П., протопресвитер.* Указ. соч. С. 488.

²² Там же. С. 490.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ «Благодаря его (Николая. – М.Д.) светлому уму и энергии, знанию духа и языка галицко-русского народа, потому что преосвящ[енный] Николай родился и вырос в Малороссии, сродной Галиции, – движение (по переходу греко-католиков в православие. – М.Д.) получило правильный ход» (*Недзельницький И.* Галицкие и угорские русские в Соединенных Штатах Северной Америки. Доклад в публичном заседании одесского отделения галицко-русского благотворительного общества 24 ноября 1913 года. Одесса, 1913. С. 11). Также о нем см.: *Георгий (Грязнов), игумен.* Архиепископ Варшавский и Привислинский Николай (Зиоров). (К 125-летию со дня рождения) // Журнал Московской Патриархии. 1976. № 12.

²⁶ *Николай, епископ Алеутский и Аляскинский.* Из моего дневника. (Мои впечатления и заметки во время пребывания на всемирной выставке в г. Чикаго и – путешествия по Американским Соединенным Штатам) // Прибавления к Церковным ведомостям. 1894. № 11. С. 362.

²⁷ Об Арсении (Чаговцеве), впоследствии архиепископе Виннипегском, см.: *Примечания / Тихон, Архиепископ Алеутский и Североамериканский.* Отчет о состоянии Алеутской Епархии за 1905 г. / Публ. А. Ефимова, П. Грюнберга // *Богословский сборник.* Вып. VI. К 75-летию со дня кончины святого Патриарха Тихона. М., 2000. С. 200; *Солдатова Н.В.* Отражение: История Православия в Америке в истории Свято-Тихоновской обители. М., 2006. С. 23–24.

²⁸ *Арсений, иеромонах.* Из дневника миссионера // АПВ. 1904. № 8. С. 148.

²⁹ Высочайшая благодарность // АПВ. 1904. № 13. С. 246.

³⁰ Об о. А. Немоловском см.: *Куренков А., свящ.* Александр (Немоловский Александр Алексеевич; 30.08.1876, Волынь – 11.04.1960, Брюссель), митр. Брюссельский и Бельгийский // ПЭ. Т. I. М., 2000; *Нивьер А.* Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. 1920–1995. Биографический справочник. М.; Париж, 2007. С. 56–57; *Солдатова Н.В.* Указ. соч. С. 53–54.

³¹ Для точности отметим, что псаломщик (чтец) – это не священно-, а церковнослужитель. Однако, принимая во внимание вовлеченность П. Авдеева в церковные сферы, выражающуюся как минимум в месте публикации его статьи, мы сочли возможным использовать его текст в качестве источника по нашей теме.

³² Нем-ский [Немоловский А.]. Отпуст в Св. Тихоновском монастыре // АПВ. 1909. № 11. С. 196.

³³ Авдеев П. Поездка по миссии // АПВ. 1904. № 11. С. 223–224.

³⁴ Об Анатолии (Каменском), впоследствии архиепископе Иркутском см.: Саяпин В.В. Анатолий (Каменский Алексей Васильевич; 3.10.1863, Самарская губ. – 20.09.1925, Омск), архиеп. Иркутский // ПЭ. Т. II. М., 2001.

³⁵ Так в своей книге о. Анатолий использует слово «русины» только раз, причем заключает его в кавычки («так называемых «русинов»...»). См.: Анатолий, архимандрит. Американские очерки. Одесса, б.г. С. 66.

³⁶ Николай, епископ Алеутский и Аляскинский. Указ. соч. С. 358.

³⁷ Об о. А. Хотовицком, причисленном к лику священномучеников, см.: Цыпин В., прот. Александр Александрович Хотовицкий (11.02.1872, г. Кременец, Волынь – 19.08.1937), сщмч. (пам. 21 нояб. и в Соборе новомучеников и исповедников Российских) // ПЭ. Т. I. М., 2000; Священномученик Александр Хотовицкий (биографические сведения) // Миссионерское обозрение. 2001. № 11.

³⁸ А.Х. [Хотовицкий А.] Из дневника // АПВ. № 2. С. 48–49.

³⁹ Арсений, иеромонах. Отправление в школу // АПВ. 1905. № 19. С. 385.

⁴⁰ Путешествие Его Преосвященства, Преосвященнейшего Тихона, Епископа Алеутского и Аляскинского // АПВ. 1900. № 1. Цит. по: Материалы к житию святителя Тихона Московского. Американский период жизни и деятельности святителя Тихона: Первые годы служения епископа Тихона в Соединенных Штатах Северной Америки / Сост. А.В. Попов. СПб., 2008. С. 58. Хотя эта статья не подписана, не возникает сомнений, что она принадлежит перу священнослужителя, скорее всего редактора. Это же замечание относится и к другим, цитируемым ниже, неподписанным текстам «АПВ».

⁴¹ По обозрению епархии. Монастырь. – Вилькесбарре. – Бриджпорт // АПВ. 1907. № 20. С. 377–378.

⁴² Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка / 2-е изд. Т. II. СПб.; М., 1881. Репринт: М., 1981. С. 163.

⁴³ В данной связи, например, интересно расширенное определение понятия «коренной народ русский», данное еще декабристом П.И. Пестелем (1793–1826): «Племя славянское, коренной народ русский составляющее, имеет пять оттенков: 1) Собственно так называемые россияне, населяющие губернии Великороссийские. 2) Малороссияне, населяющие Черниговскую и Полтавскую губернии. 3) Украинцы, населяющие Харьковскую и Курскую губернии. 4) Жители Киевской, Подольской и Волынской губерний, называющие себя руснаками и 5) Белорусцы, населяющие Витебскую и Могилевскую губернии» (*Пестель П.И.* Русская Правда. Наказ Временному Верховному Правлению. СПб., 1906. С. 38–39). Пестель подчеркивал единство языка и веры между разными «оттенками». При этом этому не мешали там же упомянутые факты, что язык распадается на наречия, а часть ука-

занного населения еще исповедует унияство. Примечательно, что, размышляя во вполне современных, этнонациональных, категориях, Пестель не отнес к «коренному народу русскому» (и вообще не упомянул) восточных славян соседней Габсбургской монархии. По-видимому, определенные трудности в отождествлении себя с «коренными русскими» возникали в XIX в. и у самих русинов, в т.ч. даже их русофильской интеллигенции. Так, к примеру, решившийся перебраться в Российскую империю галичанин Я.Ф. Головацкий (1814–1888) сообщал в 1867 г. о. М. Раевскому (1811–1884): «Я переехал опять в Россию с крепким намерением переселиться сюда и стать коренным русским» (Зарубежные славяне и Россия. Документы из архива М.Ф. Раевского. 40–80 годы XIX века. М., 1975. С. 146. П. 115).

⁴⁴ Об о. И. Недзельницком см.: Примечания... С. 203.

⁴⁵ *Недзельницкий И., протоиерей*. Посещение Его Преосвященством, Преосвященнейшим Иннокентием, Епископом Аляскинским, приходов в Питтсбурге и Аллегени // АПВ. 1904. № 7. С. 130.

⁴⁶ Некоторые сомнения вызывает лишь упоминание Плоцкой губернии Царства Польского, не включавшей в свой состав районы с коренным восточнославянским населением.

⁴⁷ *Нем-ский [Немоловский А.]*. Как нам быть? // АПВ. 1905. № 16. С. 326.

⁴⁸ Как, например, писал южнокарпатский этнограф о. Ю.К. Жаткович (1855–1920), к слову, близкий родственник американских русинских деятелей Жатковичей, «из чистых русинов до теперь еще ледви пошов дако до Америки, бо оти русине, што из Угорщини у Америци суть, не суть чисти русине, бо давно уже помішалися из словаками и переяли из бульшой части сих обычаи и нравы» (*Жаткович Ю.* Етнографический очерк угро-русских // *Мазурок О.* Юрий Жаткович як историк та етнограф. Ужгород, 2001. С. 235).

⁴⁹ *Нем-ский [Немоловский А.]*. Первые шаги... С. 365.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ О П.А. Дементьеве см.: *Поведская И.* Русские в Америке: Петр Дементьев // Тверская старина. 2002. № 21–22.

⁵² *Тверской П.А.* Духоборческая эпопея. СПб., 1900. С. 93. Свидетельство П.А. Дементьева тем любопытнее, что, видимо, вынеся из России представления о «чистой русскости» великороссов и, возможно, малороссов, он в то же время не отождествлял восточных славян из Австро-Венгрии с малороссами (с. 97), а также каким-то образом разделял для себя «галичан», «русинов» и «угорскую русь» (с. 96, 97, 105, 106).

⁵³ Задуматься, считал ли Дементьев «чисто русскими» не только великороссов, но и малороссов заставляет, например, следующий отрывок его книги, касающийся восприятия автором языка его русинских собеседников в Миннеаполисе: «...вместо буквы ъ они употребляют и, как и малороссы, выговаривая вик, дило, мисто,

но у них больше чисто русских слов, и склонения ближе к великорусским, чем к малорусским» (Там же. С. 97).

⁵⁴ *Недзельницкий И., протоиерей.* Путешествие Его Преосвященства, Преосвященнейшего Тихона, Епископа Алеутского и С.-Американского, по Епархии. I. В Питтсбурге, Аллегени и окрестностях // АПВ. 1904. № 20. С. 398.

⁵⁵ *Сысоев И.П.* Путешествие в Америку или в стране «Help your self». Лекция читанная 1 марта 1910 г. в большой новой аудитории политехнического музея в пользу комиссии по постройке учительского дома в Москве. М., 1910. С. 74–75. В рассуждениях Сысоева заметно акцентирование подданнического аспекта русскости. В то же время последующее упоминание в тексте евреев отдельно от «русских из Западного края» говорит в пользу того, что речь все же идет об этнических категориях.

⁵⁶ *Недзельницкий И.* Галицкие и угорские русские... С. 2–3. Правда, следует иметь в виду, что данная брошюра появилась уже в России незадолго до Первой мировой войны и была адресована не знакомой с описываемыми реалиями российской аудитории.

⁵⁷ Подробнее об этой идее см.: *Рябов О.В.* «Россия-Матушка»: история визуализации // Границы. Альманах Центра этнических и национальных исследований ИвГУ. Вып. 2. Иваново, 2008.

⁵⁸ *Арсений, иеромонах.* Посещение Его Преосвященством, Преосвященнейшим Тихоном, Епископом Алеутским и С.-Американским православной Филадельфийской церкви // АПВ. 1904. № 6. С. 112.

⁵⁹ См., например: Политическая роль православно-русского духовенства в С. Америке // АПВ. 1909. № 11. С. 198.

⁶⁰ Извлечение из Протоколов Собрания Духовенства Северо-Американской Епархии, состоявшегося в Ольдфордж, Па 20 Июля – 2 Августа 1905-го года // АПВ. 1905. № 21. С. 428.

⁶¹ О. протоиерей А. Товт, как русский патриот // АПВ. 1909. № 10. С. 191.

⁶² *Граф Лелива (Матросов Е.Н.).* Указ. соч. С. 450–451.

⁶³ *Анатолий, архимандрит.* Указ. соч. С. 88–89; *Бачинский Ю.* Указ. соч. С. 184.

⁶⁴ *Анатолий, архимандрит.* Указ. соч. С. 84.

⁶⁵ *Тихон, епископ.* Отчет о состоянии Алеутской еп. за 1899 г. // Материалы к житию святителя Тихона Московского. Американский период жизни и деятельности святителя Тихона: Первые годы служения епископа Тихона в Соединенных Штатах Северной Америки / Сост. А.В. Попов. СПб., 2008. С. 152–153.

⁶⁶ *Тихон, Архиепископ Алеутский и Североамериканский.* Отчет о состоянии Алеутской Епархии за 1905 г. / Публ. А. Ефимова, П. Грюнберга // Богословский сборник. Вып. VI. К 75-летию со дня кончины святого Патриарха Тихона. М., 2000. С. 193. Далее им были перечислены соответственно сербы и другие славяне, греки,

сиро-арабы, креолы, индийцы (видимо, индейцы. – М.Д.), алеуты, эскимосы, эстонцы, американцы и другие.

⁶⁷ Братский ежегодник. Православные церкви и русские учреждения за границую. Справочная книжка с календарем на 1906 год. Пг., 1906. С. 251. О том, что автором сведений является о. А. Хотовицкий см. на с. 5.

⁶⁸ *Анатолій, архимандрит.* Указ. соч. С. 32.

⁶⁹ Несмотря на то, что с интересующего нас периода прошло только около столетия, этнические представления конца XIX – начала XX вв. поддаются реконструкции с большим трудом. Естественно, в особенности это касается случаев, когда за дело берутся люди, далекие от исторической науки. В качестве яркого и особенно уместного в контексте нашей темы примера можно привести роман известного российского писателя Владислава Бахревского (р. 1936) «Святейший патриарх Тихон» (М., 2001). Так, при знакомстве с этим художественным произведением не возникает сомнения, что автор проштудировал огромное количество литературы, которая прямо или косвенно касается жизни и служения патриарха, в т.ч. его пребывания на епископской кафедре в Америке. Однако, несмотря на формально соблюденную фактологию, Бахревский, например, смело вкладывает в уста о. А.Хотовицкого этноним «украинцы», который используется им наравне с этнонимом «русские». «У вас ведь и Канада! И Аляска с Алеутами! [...] Русские, украинцы, сербы, греки, арабы, креолы, индейцы... Господи, эскимосы, алеуты, колоши... Негры, наконец», – якобы рассказывал о православной пастве только что прибывшему в США Тихону встречавший его Хотовицкий (с. 199). При этом он ни слова не упоминает о галичанах, угурорусах или угорщанах и буковинцах. Судя по всему, Бахревскому не было известно о происхождении Хотовицкого, поэтому в предлагаемой системе координат у читателя нет никаких оснований предполагать, что он не русский. Еще больший нонсенс являют собой слова, вложенные в уста редактора малорусской (у Бахревского – украинской) газеты «Свет» галичанина о. Григория Грушки (1860–1913) (у Бахревского – украинца и почему-то Грушко) на Пушкинском празднике, с которыми этот известный священник обращается от имени «украинцев» к «русским людям» за некогда оказанную ими помощь Т.Г. Шевченко (с. 213). Несмотря на то, что Грушка неоднократно менял свои национально-языковые взгляды и конфессиональную принадлежность (см.: *Ажнюк Б.М.* Мовна єдність нації: діаспора й Україна. Київ, 1999. С. 62–63), приписываемый ему монолог в подобном виде вряд ли мог прозвучать во время пребывания Грушки на посту редактора «Света» – издания, которое, как раз, и противодействовало украинофильству в малорусской среде. Сложно представить себе Грушку, который, как следует из предлагаемого Бахревским контекста, под самым благовидным предлогом не включает своих земляков в число «русских людей» (о Грушке в памяти русских американцев см.: *Александров Е.А.* Русские в Северной Америке. Биографический словарь. Хэмден, Сан-Франциско; СПб., 2005. С. 155).

Детальный анализ подобных ляпов в романе о патриархе Тихоне вполне мог бы претендовать на специальную статью.

⁷⁰ Х. [Хотовицкий А.] Новое знамение Архипастырского попечения. Что нашей миссии потребно? // АПВ. 1904. № 17. С. 341.

⁷¹ Хотовицкий А., прот. Путешествие Его Преосвященства, Преосвященнейшего Тихона в С. Луис. Посещение Всемирной выставки. Освящение церкви в Мадисоне // АПВ. 1904. № 23. С. 459.

⁷² Нем-ский [Немоловский А.]. Нечто о русских партиях в С. Америке и о возможности объединения их // АПВ. 1905. № 13. С. 265.

⁷³ Думается, что, по крайней мере, в случае православных русинов шаги по распространению малорусской идентичности в их среде в Северной Америке имели успех. При этом не исключено, что в течение XX в., вследствие изначального численного доминирования выходцев из Австро-Венгрии, могла несколько измениться даже семантика этнонима «малороссы». На данную мысль нас натолкнуло знакомство со статьей современного исследователя истории православных приходов Новой Англии Роберта Джона Клянско, являющегося потомком русинов и считающего себя русским американцем. В его понимании, великороссы – это все русские из Российской империи («из Великороссии – областей, включавших Москву, Минск, Санкт-Петербург, Киев»), тогда как малороссы – русские из Габсбургской монархии, т.е., следуя терминологии нашего очерка, русины. См.: Клянско Р.Д. Русские православные храмы в Коннектикуте / Перевод С. Генебарта // Русский американец. 1995–1997. № 21. С. 175. Впрочем, действительно ли изменилась семантика слова или это частное мнение Р.Д. Клянско, еще нуждается в уточнении.

⁷⁴ Анатолий, архимандрит. Указ. соч. С. 33.

⁷⁵ Недзельницкий И., протоиерей. Путешествие Его Преосвященства... С. 400.

⁷⁶ Там же. С. 399.

⁷⁷ Хотовицкий А., прот. Торжество в Ольдфордже // АПВ. 1905. № 16. С. 325.

⁷⁸ Анатолий, архимандрит. Указ. соч. С. 74.

⁷⁹ Арсений, игумен. По Миссии (Из впечатлений миссионера) // АПВ. 1909. № 5. С. 90.

⁸⁰ Нем-ский [Немоловский А.]. Нечто о русских партиях... С. 264–265.

⁸¹ А.Н. [Немоловский А.] Наши друзья (?!) // АПВ. 1909. № 9. С. 160.

⁸² Арсений, иеромонах. Чем утвердить нашу связь с пасомыми? Церковь и школа // АПВ. 1904. № 13. С. 247–248.

⁸³ Арсений, иеромонах. О наших читальнях // АПВ. 1904. № 22. С. 436.

⁸⁴ Там же.

РУССКИЕ ОБ УКРАИНЦАХ И УКРАИНИЗАЦИИ 1910-1930-Х ГОДОВ

Русско-украинские взаимоотношения претерпели существенные изменения под влиянием социально-политических, экономических и культурных трансформаций XX века. Весьма показательна в этом плане динамика взаимного культурного восприятия в межвоенный период, во многом обусловленная повышенным вниманием общества к национальным проблемам. Именно в этот период украинская идентичность одержала окончательную победу над малороссийской культурной спецификой, что привело к распаду общерусского культурного пространства. Немалую роль в этом процессе сыграл комплекс мероприятий по национальному строительству – так называемая украинизация, – проводимая сначала украинскими правительствами в период революции и гражданской войны, а затем большевиками в УССР. В этой связи представляет несомненный интерес реакция русского общества на происходившие в стране национальные процессы.

Культурно-языковая ситуация на украинских землях, вошедших в последующем в состав Украинской ССР, в начале века была достаточно сложной. Хотя «малороссийское наречие» и было признано Российской академией наук в 1905 году самостоятельным языком, однако это не поколебало устойчивых позиций русского языка на украинских землях. На русском языке говорили в городах; русский язык господствовал в системе образования, в издательской сфере, науке, театральном искусстве, не говоря уже об официально-деловом общении и армии. Русский языковой стандарт был не просто отличительной чертой, но объединяющим фактором культурной элиты Российской империи, формировавшейся из разных этнических слоев. При этом этническая близость между великороссами и малороссами облегчала вхождение уроженцев украинских земель в имперскую элиту, тем более что малороссы никогда не дискриминировались в Российской империи на индивидуальном уровне. Более того, для всего XIX и начала XX века было характерно восприятие малороссов как части русского народа, а культурная специфика Малороссии была вполне приемлема в глазах сторонников концепции «большой русской нации», пока, как пишет известный российский исследователь А.И. Миллер, не входила с этой концепцией в противоречие¹.

Реакция русской интеллигенции на распад общерусского культурного пространства

Таким образом, в начале XX века на украинских землях, входивших в состав Российской империи, русский язык занимал доминирующее положение в коммуникативной сфере. Украинский язык оставался языком повседневного бытового общения низших (преимущественно – крестьянских) слоев населения: к крестьянскому сословию относилось 93% всех украинцев². Та часть интеллигенции, которая ощущала себя украинской, была в основном сельской (по данным 1897 года, три четверти украинцев, по своей профессии связанных с интеллектуальным трудом, проживало в сельских районах³), а украинская буржуазия не достигла сколько-нибудь значительного развития.

Однако так называемая «украинская идея», не только исключавшая украинцев из общерусского этнокультурного пространства, но противопоставлявшая «русскость» «украинскости», постепенно приобретала все больше сторонников. Мировая война и революция способствовали большему распространению украинской идеи, а ее основной носитель – украинская интеллигенция – зачастую была настроена довольно решительно. Рост социально-политической активности в распадающейся Российской империи сопровождался повышением роли национального (точнее – этнонационального) фактора, что приводило к попыткам установления различных национальных режимов. В период революции на Украине власть принадлежала различным правительствам – Центральной раде, гетману П.П. Скоропадскому, Директории, которые, впрочем, удержаться не смогли: в конце концов, верх одержали большевики.

Тем не менее, перемены, происходившие в Украинской Народной Республике и Украинской Державе, существенным образом изменили прежнюю культурно-языковую ситуацию на украинских землях: политика, направленная на повышение статуса украинского языка, фактически означала сужение коммуникативной сферы русского языка. Для украинских правительств национальный язык являлся символом суверенизационного процесса, и внедрению украинского языка в общественную и культурную жизнь придавалось особое значение. Весьма откровенно сущность политической линии национально настроенных сил выразил заместитель председателя Центральной рады, известный писатель В.К. Винниченко: «Мы, украинцы, хотели жить и проявлять себя во всех сферах и областях жизни. Мы полагали, что все общественные, политические и социальные учреждения должны быть для

народа, а не народ для них. На Украине – народ украинский. Поэтому для него, как украинского народа должны быть все учреждения: правительство, администрация, школа, суд. А также и армия»⁴.

Несмотря на сложные условия, украинским правительствам удалось добиться определенных успехов: открывались украинские школы и гимназии, росло число периодических изданий и книг на украинском языке, была создана Украинская академия наук. При высших учебных заведениях открывались кафедры украиноведения (украиноведения), был открыт университет в Каменце-Подольском, историко-филологический факультет в Полтаве, Народный университет в Киеве был преобразован в Украинский госуниверситет, была открыта Национальная библиотека, работали несколько национальных театров.

Хотя условия гражданской войны не позволили провести все задуманное в полной мере, тем не менее, проводимая национальными правительствами украинизация вызвала большой резонанс в обществе. Если крестьяне и рабочие были озабочены, прежде всего, продовольственной и аграрной проблемами, и появление украинских школ или кафедр украиноведения были для них явлением второстепенным, то представители интеллигенции реагировали весьма резко. Независимо от того, считали ли они необходимым сохранить государственное единство на прежних основах, или же были приверженцами федерализации и демократизации России, русские интеллектуалы тяжело переживали отказ сторонников украинской идеи от общерусского культурного пространства.

Настроения русского общества весьма образно зафиксированы в «Белой гвардии» М.А. Булгакова. Естественно, много внимания уделялось новому статусу украинского языка: «... Кто терроризировал русское население этим гнусным языком, которого и на свете не существует? Гетман»⁵, – говорит Алексей Васильевич Турбин. И далее: «Сволочь он (гетман. – Е.Б.), ведь он же сам не говорит на этом проклятом языке!»⁶ Турбину возражает Леонид Юрьевич Шервинский: «Я должен сказать в защиту гетмана. Правда, ошибки были допущены, но план у гетмана был правильный. О, он дипломат. Край украинский, здесь есть элементы, которые хотят балакать на этой мове своей, – пусть!» Но Турбин с этим не был согласен: «Пять процентов, а девяносто пять – русских!..»⁷

Настроения переданы Булгаковым очень достоверно, они подтверждаются множеством свидетельств очевидцев украинской революции. Так, киевский присяжный поверенный и общественный деятель А.А. Гольденвейзер в своих «Киевских воспоминаниях» от-

мечал, что украинизация «приводила в смущение всех неукраинцев, причастных к школе, науке, адвокатуре. Украинский язык, с которым впоследствии немного свыклись, вызывал аффектированные насмешки; никто не собирался учиться этому языку»⁸.

Но если действия Центральной рады по украинизации («борьба против русского языка») А.А. Гольденвейзер считал просто «некультурным и вредным», то политика гетмана Скоропадского воспринималась им совершенно по-другому. Если Грушевский и Винниченко, писал Гольденвейзер, боролись за «осуществление мечты всей их жизни», то политика гетмана «с самого начала была совершенно беспринципной». «Единственным постоянным элементом в правительственной программе было угождение немцам, – говорится в «Киевских воспоминаниях». – Немцы, по-видимому, хотели образования независимой Украины; поэтому гвардейский офицер Скоропадский стал украинским националистом и самостийником. ...Это был лицемерный, притворный национализм»⁹. Украинизационные мероприятия Скоропадского воспринимались Гельденвейзером столь негативно, во-первых, из-за сотрудничества гетмана с врагом Российской империи – Германией. Кроме того, Гельденвейзер не верил в искренность «украинских чувств» бывшего царского генерала, представителя военной элиты Российской империи.

Наблюдение Гольденвейзера подтверждается и мемуарами других современников. Вспоминая о событиях 1917–1919 годов, Т. Кардиналовская (жена украинского премьера В.А. Голубовича) упоминала о негативном восприятии украинизации со стороны киевской интеллигенции: «Одни протестовали из-за нетерпимости ко всему украинскому, другие из-за ее насильственного насаждения». Большое впечатление на Кардиналовскую произвели печатавшиеся в газете «Русская мысль» длинные списки людей, подписавшихся под лозунгом «Я протестую против насильственной украинизации Юго-Западного края». При этом, по словам мемуаристки, фамилии были не только русские, но и украинские¹⁰.

Особо яростные протесты вызывал перевод на украинский язык процесса обучения. «Начался целый ряд заседаний школьных советов, школьных родительских комитетов, на которых, дружно объединившись, черносотенец и демократ, единодушно стали выносить протест за протестом, посылая их в правительство, – свидетельствовал В.К. Винниченко. – Они протестовали против «насильственной украинизации!»¹¹ Если преподавание предметов на украинском языке в начальной школе вызывало меньше возражений, то украинизация

средней школы обычно наталкивалась на активное сопротивление. Чтобы успокоить общественность, в газетах было даже напечатано разъяснение, что отбор учеников в украинские школы будет вестись только на добровольной основе¹².

Если украинизация среднего образования вызывала множество вопросов со стороны родителей, то в высших учебных заведениях она зачастую негативно воспринималась научной интеллигенцией. Так, профессора университета св. Владимира в Киеве категорически воспротивились стремлениям Центральной рады перестроить университетский уклад в интересах украиноведения. 26 июля 1917 года Совет университета св. Владимира направил Временному правительству протест против насильственной украинизации Южной России. Особенно беспокоило профессуру ориентация украинского движения на «политическое обособление и отчуждение от остальной России тех областей, которые они считают украинскими» и стремление сделать украинский язык языком преподавания на Украине¹³. А ректор Одесского университета, получив от генерального секретаря по делам образования письмо с просьбой прислать отчет о ходе украинизации ВУЗа, вернул ее с требованием перевести на государственный русский язык, поскольку он не знает языка украинского¹⁴.

Действительно, позиция русскоязычной интеллигенции, особенно профессуры, часто отличалась устойчивым негативным восприятием украинского языка. Никакие политические и культурные перемены не смогли переубедить тех, кто ставил под сомнение сам факт его существования. И позже, в период большевистской украинизации, среди русской профессуры также было весьма распространено воззрение на украинский язык как некое искусственное образование. Высшие учебные заведения Украинской ССР вынуждены были первоначально (пока не «подросли» собственно украинские советские кадры) использовать знания и опыт профессоров с дореволюционным научно-педагогическим стажем. Подавляющее большинство из них не владело украинским языком¹⁵, и, несмотря на давление большевистских властей, не желало его учить. В конце 1920-х годов преподаватель математики Белинский из Днепропетровска считал, что «украинский язык годен только для песен, ведь им нельзя пользоваться всегда, ведь это выдумка, чуждая даже для украинцев»¹⁶. Преподаватель физики Бароновский заявил: «На этом (украинском – Е.Б.) языке невозможно два слова сказать, он груб и непригоден для такого предмета, как физика... Чрезвычайно глупо и то, что требуют строительства какой-то национальной культуры, ведь, по сути,

Украина сейчас ни что иное, как часть России. Никогда она не будет самостоятельной, всегда будет жить по указке матушки России»¹⁷.

В этом плане русская профессура разделяла сомнения, высказанные в известном письме М. Горького от 7 мая 1926 года, в котором он выступил резко против сокращения и перевода на украинский язык повести «Мать». Считая украинский язык наречием, он был озабочен тем фактом, «что люди, ставя перед собою одну и ту же цель, не только утверждают различие наречий – стремятся сделать наречие «языком» – но еще и угнетают тех великороссов, которые очутились меньшинством в области данного наречия»¹⁸.

Подобное неприятие украинского языка послужило основанием для выдвижения против пролетарского писателя резких обвинений. Так, канадский ученый М. Шкандрий, хотя и признает Горького самой знаменитой и самой видной фигурой русской литературы, тем не менее, считает, что он придерживался взглядов, «подобных взглядам дореволюционных шовинистов»¹⁹. Между тем, вряд ли Горького, впрочем, как и многих сторонников идеи «большой русской нации», из-за негативного отношения к украинизации стоит считать шовинистами. Часто речь шла не о неприятии украинского языка как такового, а его статусе и отношении к языку русскому: считали по-прежнему его наречием, а не самостоятельным языком. Кроме того, многие считали украинский язык «искусственным», ничего не имеющим с реальным разговорным языком сельского населения украинских земель. Так, газета «Голос Киева» опубликовала 13 июня 1918 года обращение правления Союза служащих правительственных учреждений Винницы к властям. В тексте говорилось об отсутствии необходимости введения украинского делопроизводства в учреждениях, поскольку «случаев взаимного непонимания между этими учреждениями, с одной стороны, и местным населением – с другой, никогда не было»²⁰. «Более того, – читаем далее в документе, – такие случаи возможны именно при введении украинского языка, ибо последний в своей литературной форме почти ничего общего с местным просторечием не имеет»²¹. Служащие же вполне понимают, «а в некоторых случаях и объясняются» на «простом языке местного населения». Украинским литературным языком никто не владеет»²².

Неприятие украинизаторских мероприятий было весьма и весьма существенно. Известный ученый антрополог и этнограф, Н.М. Могилянский в своих воспоминаниях о пережитом в Киеве в 1918 году задавался вопросом: «Пользуется ли «украинизация»²³ симпатиями широких масс населения Украины?»²⁴ Пытаясь честно разобраться в ситуации,

Могилянский признавал, что «в той исторической стадии, в какой жило тогда население Украины, оно было более чем равнодушно ко всяким попыткам и затеям украинизации».²⁵ Подтверждая мнение других современников, он также отмечал отрицательное отношение к украинизации со стороны широких слоев населения, считал единственными «союзниками» украинизации немцев, «которые были заинтересованы углублением «украинизации» для успеха расчленения России»²⁶.

В отличие от государственных деятелей Украинской Народной Республики, считавших украинизацию закономерным процессом, сопровождавшим строительство национальной государственности, русская и русскоязычная общественность считала, что подобные мероприятия со стороны правительства нарушают «равенство национальностей». Вот какие мысли высказывал ученый, философ и общественный деятель В.И. Вернадский в апреле 1918 года: «Сейчас в Полтаве очень тревожное чувство в связи с начинающейся насильственной украинизацией. Через три недели вывески магазинов д[олжны] быть по-украински... Всюду предписано ввести делопроизводство на укр[аинском] яз[ыке]. Вводят на язычии. Возбуждается ненависть к языку»²⁷.

Таким образом, для многих представителей русской интеллигенции, проживающей на Украине, вопрос об украинском языке имел особое значение. Важную роль играли не только сомнения в статусе украинского языка как самостоятельного, но и методы правительства по его внедрению в общественную жизнь. В данной связи стоит обратить особое внимание на анализ ситуации, изложенный в дневниках ученого. Для Вернадского украинский вопрос имел особый смысл, поскольку с детства он был связан с Украиной и не противопоставлял русскую и украинскую культуру. Он видел «опасность для России не в украинском движении как таковом, а в предвзятой трактовке его в качестве вредного и притом наносного явления в государственном и национальном организме»²⁸. В качестве реальных мер на одном из совещаний кадетов по украинскому вопросу Вернадский, учитывая многонациональный состав бывшей Российской империи и сопряженные с этим проблемы, предлагал созвать «съезд национальностей», который бы определил пути нового национально-государственного устройства России, а также учредить Государственный комитет по управлению областями²⁹.

Украинизацию (он называл ее «насильственной») он считал «полным нарушением равенства национальностей»³⁰, неоднократно указывал на численность русского населения на Украине и на сильное

влияние там русской культуры. «Едва ли может при условиях, какие есть в стране, возродиться Украина с чисто украинским языком и культурой, — писал Вернадский. — Для этого нет ни одного слоя, который бы поддерживал и был охвачен этой идеей»³¹. В Киеве «русский язык так же господствует, как господствовал»³², в Харькове же «резкое движение против украинцев, не сравнимое с Киевом»³³. Вообще, на Украине «удивительно сильна русская культурная струя, и ясно, что украинизация едва ли может пройти»³⁴.

При этом Вернадский отнюдь не был ярким противником украинского языка и культуры, не отказывал им в праве на существование. Напротив, он считал «возрождение украинского языка очень положительным явлением»³⁵. С его точки зрения необходимо было «различать — русское, украинское, великорусское»³⁶. В другом месте он даже пишет, что «русский и великоросс — разное, и все это чувствуют и знают»³⁷. Он даже намеревался написать специальную статью на эту тему, но, к сожалению, осуществить это ему не удалось.

Для Вернадского было важным не допустить разрыва украинской и русской культуры: «Я указывал на силу русской культуры и на необходимость мирного творческого сожительства с украинской. Не допускать тяги в сторону, и это возможно»³⁸. По его словам, было необходимо объединить украинцев, «работающих в украинск[ом] возрождении, но любящих русскую культуру, для них тоже родную», и «сохранить связь всех ученых и научно-учебных учреждений с русской культурой и аналогичной русской организацией, а не немецкой»³⁹. Необходимо всячески «сохранить научную и культурную связь с Россией», писал Вернадский⁴⁰. В то же время Вернадский с горечью отмечал, что многие русские не могут осознать, что «отделение от России есть совершившийся факт»⁴¹, и единственный выход, с его точки зрения — «рост русской культуры», остающейся связующим звеном «между оторванными частями государства». «Поражаешься малым сознанием происшедшего среди русского общества»⁴², — писал Вернадский 1 июня 1918 года по дороге из Полтавы в Киев.

Дневники В.И. Вернадского, написанные в 1918–1919 годах, заслуживают особого внимания. В них ученый фиксировал свои впечатления непосредственно после того или иного события, и поэтому дневники изобилуют краткими и образными характеристиками, дают представления о настроениях в обществе по интересующей нас теме. Прежде всего, для русской интеллигенции на Украине было характерно «отсутствие признания украин[ской] культуры, стремление дать возможно меньше, желание ее гибели и развала». «Их гордость

господствующей расы мешает им понять ее основы»⁴³, – делает вывод ученый. Настроения среди русской интеллигенции по украинскому вопросу Вернадский фиксирует лаконичными, но очень точными фразами: «подавить или держать движение силой», «украинцы изменили», «существование культуры и языка сомнительно»⁴⁴. Впрочем, подобные разговоры были характерны не только для интеллигентской среды. В дневниках есть любопытная запись от 21 ноября 1917 года, сделанная в Москве, в вагоне поезда. Вернадский так передал темы разговоров солдат: «Другая тема – украинцы – русские, невозможность дружного сожительства...»⁴⁵

«Я думаю, что в этом отношении жизнь русских людей научит»⁴⁶, – считал Вернадский. Впрочем, по его мнению, вина лежит и на представителях украинского движения: Вернадский отмечает «низкий моральный уровень украинских деятелей», «узкий и мелкий шовинизм этого движения», «несправедливое отношение к русской культуре»⁴⁷. Все это «заслоняет живые корни этого движения, его значение как проявления человеческой личности и форму ее осознания и в окружающем»⁴⁸. «Душа в тревоге, – писал Вернадский. – Тревога и тяжелое настроение и от чувства чрезвычайной непрочности положения здесь: безумная и безудержная политика украинцев с их неверным и фальшивым образом действий, ярым шовинизмом, идеологией, настроенной на ложных, выдуманных положениях. Я во многом понимаю то настроение ненависти, какое здесь замечается среди русских по отношению к ним...»⁴⁹

Таким образом, русская интеллигенция была встревожена и озабочена новой ролью украинского языка в культурном пространстве Украины, предложенной национальными правительствами. Несмотря на то, что Российская академия наук признала самостоятельный статус украинского языка, среди русской интеллигенции по-прежнему была широко распространена точка зрения на украинский язык как на наречие, а попытки активного внедрения в массовое сознание украинской идентичности вызывало, по крайней мере, недоумение. Следует признать, что подобная реакция не была единственной – и пример В.И. Вернадского яркое тому подтверждение. Тем не менее, и тех представителей русской общественности, кто не принимал украинскую идентичность, и тех, кто признавал законность украинских требований, волновал вопрос об отношениях украинского языка и русского, украинской культуры и русской. Подавляющее большинство выказывало обеспокоенность отторжением достижений русской культуры со стороны «сознательных украинцев», и поэтому образ украинца складывался как образ изменника, сепаратиста, и

даже предателя. Следует согласиться с мнением Е.Е. Левкиевской, что стереотип украинца-сепаратиста в русском сознании стал формироваться именно в этот период, а русское общество восприняло украинский сепаратизм в первую очередь как конфликт культурный⁵⁰. Следует уточнить, что на складывание подобного стереотипа немалое воздействие оказывал административный нажим украинских национальных правительств, воспринимаемый в русском обществе не иначе, как нарушение прав национальностей. Новый виток в развитии представлений об Украине и украинцах произошел уже в период большевистского национального строительства.

Большевистские рецепты решения украинского вопроса

Логика развития внутривосточной и внешнеполитической ситуации в регионе привела, на первый взгляд, к парадоксу. Большевики, с их интернационалистскими лозунгами и верой в мировую революцию, на практике пошли на уступки «националистическим мелкобуржуазным настроениям»: они не только не боролись с актуализировавшейся украинской этнической идентичностью, но и своей политикой создавали определенные условия для ее укрепления.

Демонстрируя образцовое решение национального вопроса, большевики признали необходимость «развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национальному облику этих народов». «Украинский национальный облик» провозглашенной 6 января 1919 года Украинской Социалистической Советской Республики был понятен далеко не всем коммунистам: представления об Украине и украинцах у воодушевленного идеей мировой революции пролетариата был довольно скуден. В.В. Маяковский так определил бытовавшие в русском массовом сознании стереотипы:

Мы знаем,	курит ли,	пьет ли Чаплин;
мы знаем	Италии безрукие руины;	
мы знаем,	как Дугласа	галстух краплен...
А что мы знаем	о лице Украины?	

Знаний груз
 у русского
 тощ —
 тем, кто рядом,
 почета мало.
 Знают — вот
 украинский борщ,
 знают — вот
 украинское сало.
 И с культуры
 поснимали пенку:
 кроме
 двух
 прославленных Тарасов —
 Бульбы
 и известного Шевченка, -
 Ничего не возьмешь, сколько ни старайся.
 А если прижмут —
 зардеется розой
 и выдвинет
 аргумент новый:
 возьмет и расскажет
 пару курьезов —
 анекдотов
 украинской мовы.
 Говорю себе:
 товарищ москаль,
 на Украину
 шуток не скаль⁵¹.

Маяковский отметил, таким образом, любопытный факт: знания у русских об украинцах были поверхностны и сводились или к фиксации пищевых пристрастий (борщ и сало), или к знаниям из области литературы (Тарас Бульба и Тарас Шевченко). На этом, считал Маяковский, знания об Украине в русском массовом сознании исчерпывались.

Следует отметить еще одну ассоциацию со словом «Украина», возникающую, на этот раз, у рядовых большевиков и искренних сторонников советской власти, боровшихся в гражданскую войну с «буржуазными правительствами». Для них часто понятие «украинец» было некоей выдумкой классового врага — «петлюровщиной».

Подобные настроения зафиксировал заведующий Центральным украинским бюро Совета по просвещению нацменьшинств при Наркомпросе РСФСР (Совнацмена) В.А. Гадзинский в своем письме в Московский комитет РКП(б) 10 октября 1925 года по поводу работы Украинского клуба им. Т. Шевченко в Москве. Сотрудник МК РКП(б) тов. Гончарская намеревалась закрыть клуб, и Гадзинский писал по этому поводу: «Я как партийный работник и одновременно украинский общественный деятель на основании трехлетнего опыта работы с тов. Гончарской глубоко убежден, что она к украинскому вопросу, кроме личного отрицательного непонимания, подходит так, как подходили в 1919 и 1920 годах очень многие коммунисты. Тов. Гончарская понимает украинский вопрос как петлюровщину...»⁵²

Сомнения, возникшие у некоторых коммунистов по поводу существования таких наций, как украинская и белорусская, развеял И.В. Сталин. В президиум X съезда поступила записка о том, будто бы большевики насаждали «белорусскую национальность искусственно»⁵³. Генеральный секретарь возразил автору записки, что у белорусской нации «имеется свой язык, отличный от, русского» и «поднять культуру белорусского народа можно лишь на родном его языке»⁵⁴. Подобные же речи, заметил Сталин, велись и об украинской нации: «Между тем ясно, что украинская нация существует, и развитие ее культуры составляет обязанность коммунистов. Нельзя идти против истории. Ясно, что если в городах Украины до сих пор еще преобладают русские элементы, то с течением времени эти города будут неизбежно украинизированы»⁵⁵.

Как известно, Сталин понимал под нацией исторически сложившуюся устойчивую общность людей, возникшую на базе общности четырех основных признаков: «на базе общности языка, общности территории, общности экономической жизни и общности психического склада, проявляющегося в общности специфических особенностей национальной культуры. Как известно, эта теория получила в нашей партии общее признание»⁵⁶. При этом Сталин связывал «складывание людей в нации» с периодом ликвидации феодализма на Западе и победой капитализма; с уничтожением капитализма и ликвидацией национального гнета «вопрос о господствующих и подчиненных нациях, о колониях и метрополии отходит в исторический архив»⁵⁷.

Однако ликвидация буржуазных наций, доказывал Сталин, не означает ликвидации наций вообще. Ликвидировались лишь буржуазные нации, а развивались новые, социалистические⁵⁸. При этом «период победы социализма в одной стране не дает условий, необходимых для слияния наций и национальных языков», наоборот, этот период

создает благоприятную обстановку для «возрождения и расцвета наций, ранее угнетавшихся царским империализмом, а ныне освобожденных советской революцией от национального гнета»⁵⁹. Только в «период всемирной диктатуры пролетариата», по мере складывания единого мирового социалистического хозяйства, писал Сталин, начнет складываться «нечто вроде общего языка», и будет создаваться в целях «удобства сношений и удобства экономического, культурного и политического сотрудничества», один общий межнациональный язык. На каком то этапе межнациональный язык и национальные языки будут существовать параллельно⁶⁰. А когда мировая социалистическая система хозяйства окрепнет, и «социализм войдет в быт народов», а нации «убедятся на практике в преимуществах общего языка перед национальными языками», национальные различия и языки начнут отмирать, уступая место общему для всех мировому языку⁶¹.

В настоящее же время, считал Сталин, еще не сложилось условий для отмирания наций. Напротив, в советской стране нации имеют «равные права развиваться». Но, поскольку сохраняется «некоторое исторически унаследованное неравенство ввиду своей хозяйственной, политической и культурной отсталости», необходимо изжить это фактическое неравенство «путем оказания хозяйственной, политической и культурной помощи отсталым нациям и народностям»⁶².

Согласно сталинской концепции, фактическое «выравнивание» наций должно идти по нескольким направлениям: развитие их культуры, политическое просвещение, приобщение к высшим формам хозяйства, налаживание хозяйственного сотрудничества между трудящимися отсталых и передовых наций⁶³. На практике «выравнивание» культурного уровня разных наций шло за счет перестройки системы образования и введения обучения (в том числе ликвидации неграмотности) на национальном языке, увеличения издания книг, газет и журналов на национальном языке, поддержке национальных театров, музыки, изобразительного искусства и т.п. Кроме того, речь шла о пополнении национальных парторганизаций за счет выходцев из местного населения, привлечении местных кадров в советские учреждения и т.п.

Основные направления политики по «выравниванию» наций стали проявляться уже в 1920–1921 годах, однако в окончательном виде они были оформлены на XII съезде партии в 1923 году, когда был провозглашен курс на так называемую коренизацию (или, в местном варианте – украинизацию). Однако воплотить на практике программу национального строительства в Украинской ССР оказалось непросто. Различные этносоциальные характеристики города и села за-

ставляли партийцев задуматься о социальной базе поддерживаемой национальной культуры. Озабоченность коммунистов вызывало то обстоятельство, что украинская культура опиралась не на пролетарские, а на крестьянские слои населения. Как было отмечено на одном из партийных форумов – пленуме ЦК КП(б)У, проводившимся в разгар большевистской украинизации в июне 1926 года, «в настоящее время необходимо констатировать существование на Украине двух параллельно развивающихся общественно-культурных процессов: русского по преимуществу пролетарского с участием русской интеллигенции и украинского по преимуществу крестьянского с активным участием украинской интеллигенции, стремящейся руководить этим процессом»⁶⁴. Как справедливо заметил Ю. Шевелев, на практике украинизация была направлена на внедрение украинского языка в государственный аппарат, с одной стороны, и с другой – на использование его в культурной жизни в широком смысле слова. В обоих случаях это означало дерусификацию городов и индустриальных центров: селу украинизация не требовалась⁶⁵.

Многие видные коммунисты, как в Харькове, так и в Москве, анализируя ситуацию на Украине, предлагали свои рецепты решения дилеммы «русский пролетариат – украинское крестьянство». Ярким примером служит «теория борьбы двух культур», выдвинутая вторым секретарем ЦК КП(б)У Д.З. Лебедем. Подготавливая материал для одного из своих выступлений в марте 1923 года, он писал: «Мы знаем теоретически, что неизбежна борьба двух культур. У нас, на Украине, в силу исторических обстоятельств, культура города – это русская культура, культура деревни – украинская. Ни один коммунист и настоящий марксист не может сказать, что «я стою на точке зрения победы культуры украинской», если только эта культура будет задерживать наше поступательное движение. Вот почему в этом вопросе для Украины задача сводится к тому, чтобы изыскать сочетание между правильным теоретическим решением вопроса, давно уже имеющимся в партии и трезвым, реальным, и в то же время, не вредным социалистическому культурному строительству плану практического овладения партией культурной работой на селе»⁶⁶.

Лебедь признавал, что партия должна овладеть украинским языком и через него проводить культуру, поскольку «надо иногда идти в деревню и разъяснять крестьянам на понятном им языке вопросы, их интересующие»⁶⁷. В то же время он отмечал, что для большевиков «язык является не средством проведения национализма», а «средством проведения советского, пролетарского, коммунистического

влияния»⁶⁸. Вследствие этого второй секретарь предостерегал от «украинизации во имя украинизации»: «Если в одних случаях хорош украинский язык, – им надо уметь воспользоваться, и, наоборот, там, где язык превращается в средство для национализации, во что бы то ни стало, украинизация не из сознания, а из чувства, там должна быть во время противопоставлена настоящая марксистская истина, что для коммунистов-интернационалистов национальный вопрос в принципе не существует, что это есть только одно из средств изменения быстроты социалистического строительства»⁶⁹.

Под культурой Лебедь понимал «культуру – экономику города и культуру – экономику села, язык же для марксиста – средство»⁷⁰. Говоря о борьбе двух культур, он говорил о борьбе «крупной промышленности» и «мелкособственнического, почти натурального крестьянского хозяйства». Целью партии, по мнению Лебеда, было «подчинение развития сельского хозяйства промышленности проникновением крупного производства в сельское хозяйство»⁷¹. Это должна была сделать «культура города», т.е. «культура, которая имеет больше элементов социалистических, пролетарских»⁷².

Свои взгляды Лебедь изложил накануне XII съезда партии. Провозглашение курса на коренизацию обеспечило победу противников теории борьбы двух культур. Однако и в самый разгар украинизации Лебедь волновал вопрос: кто будет проводить новую политику и на какие слои населения она рассчитана? В июне 1925 года Лебедь подал записку членам комиссии по разработке мероприятий национальной политики, в которой высказал свою точку зрения по этим проблемам. «Я считаю, – писал Лебедь, – что при назначениях украинцев, т.е. знающих украинский язык, ЦК не может не считаться с тем, насколько эти работники выдержаны марксистски, чтобы иметь гарантии, что они вместе с украинизаторской водой не выбросят и коммунистического ребенка»⁷³.

Лебедь настаивал, что украинизацию «в жизненно-необходимых и революционно-полезных размерах» надо проводить руками верных испытанных коммунистов. «Безграничный активизм» укапистов⁷⁴ и бывших боротьбистов⁷⁵ может, по его мнению, привести к тому, что инициатива перейдет «в руки наших политических противников»⁷⁶.

Волновали Лебеда и антиукраинизационные настроения, весьма распространенные среди рабочих: «Украинизация петлюровская в свое время, помимо ее классовой неприемлемости, вызывала и среди рабочих недовольство по самой своей форме»⁷⁷. Кроме того, украинизация высших учебных заведений уменьшит доступ туда рабочим, чего допускать было нельзя. «Нельзя забывать, что если нам надо

считаться с национальными настроениями крестьянства, то тоже необходимо учитывать и в отношении рабочих»⁷⁸, – писал Лебедь.

Второй секретарь сделал вывод об опасности «раздувать вопросы национальной политики на Украине», поскольку это вызывает «усиление украинофильски настроенной общественности», а «в глубоких рабочих и крестьянских массах такое раздувание вызовет только лишнюю настороженность, а иногда и враждебность»⁷⁹.

Теория «борьбы двух культур» была официально осуждена как не соответствующая общим установкам партии в области национальных отношений, а Д.З. Лебедь был обвинен в теоретическом обосновании великодержавного уклона и в искажении ленинской национальной политики. Однако эта теория, отражавшая существовавшие в партийной среде воззрения, не только являлась попыткой уравновесить принцип пролетарского интернационализма и практику национального развития населявших Советский Союз народов, но и затрагивала вопрос о месте и роли национальной культуры при социализме.

Свое видение роли национальной культуры с точки зрения классового вопроса представил убежденный троцкист, автор работ по философским проблемам культуры В.А. Ваганян, издавший в 1927 году работу «О национальной культуре». Он писал, что национальная культура «появилась только в момент появления буржуазии» и служит для того, «чтобы через ее посредство сделать идеи господствующего класса господствующей идеей народа, идеей всей нации»⁸⁰. С точки зрения Ваганяна, основной особенностью национальной культуры является национальное замыкание, самоограничение, самодовление. Следовательно, «борьба с национальной культурой... является одним из необходимых этапов борьбы с национализмом, с национальной замкнутостью и исключительностью, с заскорузлостью и национальным партикуляризмом»⁸¹. Национальная культура, по Ваганяну, противостоит интернациональной культуре на национальных языках, и отсюда следует «негативная задача» борьбы с национальной культурой и «позитивная» – создание интернациональной культуры на национальных языках⁸².

Свои теоретические выкладки Ваганян рассмотрел на конкретном примере, избрав для этого ситуацию на Украине. Отметив «сильнейшее влияние русского языка» на Украине, он высказал озабоченность нынешней ориентацией «национальной украинской интеллигенции на галицийско-украинскую речь». Для Ваганяна это означало «самую несомненную попытку оторвать нарождающуюся интернациональную культуру украинского пролетариата от родственной по идеологии

культуры великорусского рабочего класса»⁸³. Ваганян понимал, что причиной этой тенденции являлось «желание поскорее и решительнее отделить, обособить, выделить и специфизировать украинский язык от великорусского»⁸⁴.

Ваганян считал, что в УССР ведется повсеместный поход на русский язык («который ведется теперь с особым рвением во всех автономиях и республиках»⁸⁵). Конечно, писал Ваганян, необходимо вести решительную борьбу против насильственной русификации: «Но этот наш лозунг не имеет ничего общего с тем походом на русский язык, с тем преследованием русского языка, которое практикует идеолог национальной культуры под видом борьбы с русификацией!»⁸⁶ Русский язык – «это не только язык самодержавных угнетателей», подчеркивал Ваганян, но и «межнациональный язык нашего Союза», и поход против него – это поход против «нашего общего хозяйства..., против нашей партийной политики»⁸⁷. Поэтому преследование русского языка Ваганян однозначно считал реакционным актом⁸⁸ и призывал ориентироваться на Великобританию, «на интернациональную культуру ее пролетариата»⁸⁹. Что касается языкового вопроса, то Ваганян призывал поддерживать тенденции «живого языка трудящихся масс» и бороться против идеологов так называемого «чистого национального языка»⁹⁰.

Итак, решение о поддержке национальных языков и культур далось большевикам не просто. Предложенная центральной властью концепция украинизации вызывала много вопросов и в центре, и на Украине. Положение осложнялось тем, что у рядовых партийцев понятие «украинец» ассоциировалось с гражданской войной и прорисками враждебных большевикам сил. Тем не менее, несмотря на появившиеся сомнения, возражения и рекомендации по проведению национальной политики, центральное большевистское руководство сумело овладеть ситуацией и направить ее практическую реализацию по намеченному Сталиным курсу.

Теория и практика украинизации

Разрешение национального вопроса в СССР пошло по пути предоставления приоритетных возможностей для развития угнетенных царизмом народов. Большевистское руководство создало благоприятные условия для развития языка и культуры «коренной национальности». Позициям русской культуры на Украине был нанесен существенный удар: с целью подкрепления украинских сил большевики обратились к западноукраинской интеллигенции (конечно, той ее части, которая

была лояльно настроена к советской власти). Со стороны большевиков это была вынужденная мера, обусловленная крайним дефицитом специалистов со знанием украинского языка для открывающихся в УССР украинских учебных и культурно-просветительных учреждений. В этой ситуации большевистское руководство, вынуждено было использовать выходцев из Галиции, Закарпатья и Буковины, чтобы залатать «кадровые дыры». В Украинскую ССР приехали историк, глава Центральной рады М.С. Грушевский, географ С.Л. Рудницкий, специалист по международному и государственному праву, истории юриспруденции М.М. Лозинский. Выходцы из западноукраинских земель работали в аппарате Народного комиссариата просвещения – ведомства, ответственного за проведение украинизации; немало их было среди писателей, художников, артистов.

Постепенно подрастало и советское поколение украинской интеллигенции. Поскольку одна из целей коренизации заключалась в подготовке высококвалифицированных украинских советских кадров, встала задача изменения национального состава студентов ВУЗов и техникумов. Если в 1923/1924 учебном году среди студентов техникумов было 56,9% украинцев, а ВУЗов – 30,5%, то уже в 1926/1927 учебном году – соответственно 58% и 48,8%⁹¹. При этом украинский Наркомпрос категорически требовал от всех приемных комиссий «при проведении набора ежегодно вести линию на увеличение процента украинцев»⁹². В результате к концу 1920-х годов количество украинцев среди занятых всеми формами интеллектуального труда (аппарат управления, медицина, право, культура, образование) достигло 58%. При этом среди представителей интеллигентских профессий в возрастной группе до 35 лет украинцы составили 64% от общего количества, тогда как среди группы от 51 до 55 лет – только 49%⁹³.

Для большинства населения представления о новой национальной политике партии сводилось, прежде всего, к активному внедрению украинского языка в общественную жизнь республики. Для широких масс городского и сельского населения существенную роль играл, конечно, язык школы и прессы. В 1930 году только четыре крупных газеты выходили на русском языке: «Вечерние известия» в Одессе, газеты в Сталино (Донецке) и Мариуполе, и «Луганска правда». Среди рабочих газет также стали преобладать украиноязычные издания. Заводские многотиражки в 1930 году на 63,4% были украиноязычными⁹⁴. В 1932 году украинизация прессы достигла 87,5%. Это было максимальным достижением. Украинизировались и журналы: в 1929 году украинские журналы уже составляли 84% общего тиража⁹⁵.

Не менее быстрыми темпами была проведена и украинизация школы. Особенно впечатляющими были темпы украинизации начального образования: к 1930 году на Украине осталось только 1504 начальных русских школы в противовес 14 430 украинским. Если же брать среднюю школу, то показатели украинизации были несколько скромнее: в 1927 году были украинизованы 82% школ, в том числе 49% школ в городах⁹⁶.

Перевести образовательный процесс в высших учебных заведениях было значительно труднее, поскольку профессура к 1929/1930 учебному году была только на 39,5% украинской⁹⁷. Повлиять на украинизацию высшей школы должно было постановление Наркомпроса от 6 июля 1931 года, согласно которому все поступающие в высшие учебные заведения, высшие технические школы и техникумы обязаны были знать украинский язык и, поступая в институт, обязаны подавать все письменные работы на украинском языке⁹⁸.

Несмотря на расширение коммуникативной сферы украинского языка, русский язык оставался на Украине не только языком межнационального общения, но и языком значительной части населения. Согласно постановлению ВУЦИК и СНК УССР от 1 августа 1923 года «О мерах обеспечения равноправия языков и о помощи развитию украинского языка» языки всех национальностей признавались равноправными. Украинский и русский язык считались наиболее распространенными, но украинский выбирался в качестве преобладающего для официальных сношений⁹⁹.

Вместе с тем украинский язык был языком «коренной национальности», и в данном случае вставал вопрос о положении русских на Украине и их статусе. Известный большевик Н.А. Скрыпник, возглавивший в 1927 году украинский Народный комиссариат просвещения, на партийном заседании 31 января 1927 года, посвященном украинизации, поднял вопрос о статусе русского населения на Украине. Он подчеркнул, что «русская национальность на территории Украины является национальностью меньшинства, и русский язык на территории Украины является национальностью меньшинства»¹⁰⁰. Через два месяца, 1 апреля 1927 года, политбюро ЦК КП(б)У приняло резолюцию, в которой прямо указало, что «к числу нацменьшинств на Украине относится также и русское население». Вместе с тем русский язык, поскольку, как говорилось в резолюции, он является языком «значительной части рабочих, а местами (и как раз в наиболее промышленных районах) большинства рабочих», занимал особое положение в ряду языков нацменьшинств. За ним, говорилось в документе, «необходимо признать особое значение» (обязательное

преподавание русского языка в школах, обязательная публикация правительственных распоряжений наряду с украинским, также и на русском языке). Но «это ни в коем случае не может служить прикрытием для попыток создать для русской культуры на Украине господствующее положение, которым она пользовалась при царизме»¹⁰¹.

В 1931 году Скрыпник выдвинул теорию «смешанного говора» («*мішаної говірки*»). Нарком считал, что детей, говорящих на «смешанном украинско-русском языке», т.е. тех, кто признал себя украинцем по национальности, но в качестве родного языка указывал русский, следовало обучать на украинском языке, поскольку языковой основой их говора является язык украинский. Таких, по подсчетам наркома, было 1 300 000 человек. Дети же русских по национальности, которые признали родным языком украинский (200 000 человек) должны были начинать обучение на русском языке. Правда, позже, когда встал вопрос о недостатках «механической украинизации», Скрыпник признал, что 9% таких детей обучались на украинском языке¹⁰².

Таким образом, большевистская украинизация фактически приводила к созданию системы привилегий для «титულიной» нации и ее языка. При этом следует учитывать, что комплекс мероприятий по национальному строительству в СССР осуществлялся под лозунгом помощи поработенным царской Россией народам. Главной опасностью в 1920-е годы был признан великодержавный шовинизм, понимаемый фактически как великорусский. Интернационалист Н. Бухарин на XII съезде партии в 1923 году даже призывал искусственно поставить русский народ в положение более низкое по сравнению с другими народами и этой ценой «купить себе настоящее доверие прежде угнетенных наций»¹⁰³. Фактически поддержка украинского языка и культуры означала изменение статуса русского языка и культуры на Украине и приводила к определенным потерям для русского населения Украины и в культурно-языковой, и в социальной сферах.

Итогом большевистской практики нациостроительства стало не только изменение соотношения языков в коммуникативной сфере, но и социальное напряжение в общественной жизни Украины. Украинский язык проникал в ранее недоступные для него сферы – официально-деловую, политическую, научно-образовательную и, таким образом, теснил позиции русского языка, а украинская национальность становилась важным условием успешного карьерного роста. Это, в свою очередь, приводило к жесткой социальной конкуренции и обострению отношений, в том числе и личных, между русскими и украинцами. Например, в Украинском институте лингвистического просвещения

в Киеве его директор И.М. Сяк (галичанин по происхождению) запретил говорить в институте на русском языке. Над студентом Ивановым, продолжавшим говорить по-русски, по инициативе директора был проведен общественно-показательный суд, после чего студента исключили из института. Этот студент-лингвист не стал учить украинский язык¹⁰⁴.

В 1927 году профессура Киевского художественного института выступила против приглашения на работу в качестве преподавателей русских художников. Не ограничившись соответствующим заявлением в Наркомпрос, инициативная группа написала и несколько листовок о том, что «украинский художественный фронт» наводняется «кацапами» и «жидами», что все народное украинское глушится, и что все, кому дорого развитие украинской культуры, должны чинить отпор и т.д.¹⁰⁵

Примеров подобных конфликтов существует множество. Изменение отношения к украинскому языку и украинцам вообще, существенная материальная поддержка украинской культуры поднимали статус украинской идентичности. Украинские писатели, художники, артисты активно участвовали в общественной жизни и составляли едва ли не самую активную в национальном плане часть общества. Нарождающаяся украинская советская интеллектуальная элита испытывала воздействие не только идей социалистического переустройства общества, но и традиционных принципов украинской идеи, в частности, противопоставления «украинскости» и «русскости». При этом такое противопоставление обычно носило отпечаток эпохи: подчеркивалось не просто отличие украинской культуры от русской, а прогрессивность первой и антиреволюционность второй, что составляло почву для появления в украинской интеллектуальной среде новых теорий. Ярким проявлением идейных исканий большевистской украинской элиты явился так называемый «хвылевизм» – идеи украинского писателя Н.Г. Хвылевого, изложенные во время литературной дискуссии 1925–1928 годов в ряде полемических статей, в которых обосновывалась мессианская роль Украины и украинцев для будущего социалистического переустройства мира, содержалось утверждение «особости» украинской культуры, ее отличии от культуры русской. Хвылевой доказывал, что украинская советская культура должна сделаться «у себя, на Украине, гегемоном» для выявления культурных возможностей молодой нации¹⁰⁶.

Такие настроения не могли не вызвать ответную реакцию со стороны русского городского населения Украины, особенно интеллигенции: доминировавшие до того времени на Украине русский язык

по улицам кровью лился,
 я знаю,
 в Москве решали судьбу
 и Киевов
 и Тифлисов.
 Москва
 для нас
 не державный аркан,
 ведущий земли за нами,
 Москва
 не как русскому мне дорога,
 а как огневое знамя!
 Три
 разных истока
 во мне
 речевых.
 Я
 не из кацапов-разинь.
 Я –
 дедом казак,
 другим –
 сечевик,
 а по рождению
 грузин.
 Три разных капли
 в себе совмещав,
 беру я
 право вот это –
 покрыть
 всесоюзных совмещан.
 И ваших
 и русопетов¹⁰⁸.

Маяковский дал очень точную характеристику настроений украинской элиты, которая, получив официальную поддержку в виде украинизационного курса большевиков, зачастую намеренно старалась дистанцироваться от русского языка. Нюансы, выделенные Маяковским – и намеренное «нэ чую» в отношении русского языка, и переписка на французском языке между разными академиями Страны Советов – были явлением довольно типичным. Комиссия ЦК ВКП(б), обследовавшая практику проведения национальной политики в УССР в

1929 году, отметила «недопустимое отношение, которое проявляется не только со стороны националистической интеллигенции, но и со стороны ряда ответственных работников-партийцев к употреблению в необходимых случаях русского языка». Комиссия, в частности, заинтересовалась вопросом: «почему Украинская академия наук дает резюме своих трудов на французском языке, отказываясь делать те же резюме одновременно и на русском языке»¹⁰⁹.

И у представителей русской культуры, и у большевиков, веривших в мировую революцию и лозунги интернационализма, вызывало раздражение привилегированное положение украинской элиты в период проведения коренизации. Многие из них считали, что необходимо придерживаться не украинской или русской, а пролетарской позиции. Русский язык, прежде всего, язык мировой революции, а Москва – столица мирового пролетариата. Действительно, многие коммунисты по-прежнему верили в перспективу скорой мировой революции, и интересы пролетариата для них были связаны отнюдь не с национальными языками, а с языком русским, который воспринимался как язык революции. Весьма точно данную позицию отражает письмо Демьяна Бедного в комсомольскую ячейку кинофабрики в Киеве от 13 апреля 1930 года: «Я отнесся неодобрительно к кинокартине «ЗЕМЛЯ». Меня пробуют обвинять в шовинизме, в русской великодержавности и т.п. Это потому, что мне «ЗЕМЛЯ» не понравилась. Значит, все, что будет появляться под украинской маркой не подлежит осуждению, даже если оно заведомо плохо? Я на такую точку зрения стать не могу. Я стою на точке зрения не русской и не украинской, а ПРОЛЕТАРСКОЙ. То, что мне представляется вредным с этой точки зрения, я всегда назову вредным, будь оно распрорусское, распроукраинское, распрокакое угодно...»¹¹⁰

Данная точка зрения была распространена довольно широко. Приведем несколько характерных примеров. В Краматорске заведующий тарифно-экономическим отделом заводууправления Т. Файнберг высказывался в таком духе: «Нам нет надобности изучать украинский язык, потому что при социализме все языки сольются в один»¹¹¹. На заводе К. Либкнехта в Днепропетровске часто слышались такие разговоры: «Зачем нам украинизоваться, изучать украинскую культуры, если мы должны быть интернационалистами и иметь один общедоступный язык, функции которого выполняет русский язык»¹¹². Студент Приходько из Харькова считал: «Украинизоваться не буду, революцию проводили на русском языке»¹¹³.

Очевидное недовольство русскоязычного населения Украины проводившейся административными методами украинизацией создавало

социальное напряжение в обществе. Многие коммунисты задумывались о причинах сложившегося положения и пытались проанализировать методы реализации поставленных партией задач.

Так, в начале декабря 1926 года Ю. Ларин направил в редакцию «Большевика Украины» статью, в которой обрушился против «перегибов национализма» на Украине и подверг резкой критике проявления «зоологического русофобства» в общественной жизни¹¹⁴. Речь шла о принудительной украинизации русскоязычного населения Украины. По мнению Ларина, было совершенно недопустимо устранять русский язык из общественной жизни¹¹⁵. Ларин обратил внимание на несколько основных «недочетов украинизации». Негодование Ларина вызывала повальная украинизация профсоюзов, при которой не учитывался фактический разговорный язык их членов. Несомненно, знакомиться деятелей профдвижения и всего рабочего класса с украинским языком необходимо¹¹⁶. Однако, «когда речь идет о том, следует ли на деле всю работу профсоюзов на Украине переводить на украинский язык, то решающим является не то, у скольких человек фамилия оканчивается на «ко», а для скольких человек украинский язык является разговорным»¹¹⁷. В профсоюзах Украины, писал Ларин, только одна шестая часть членов умеет говорить по-украински, а следовательно, «нельзя признать украинский язык нормальным языком ведения собраний, протоколов и печати вообще в городских профсоюзах Украины»¹¹⁸.

Много жалоб, писал Ларин, «на применение в школах языка обучения, не являющегося разговорным для детей местного населения», в результате чего «половина неукраинского населения уже лишена школ на родном языке»¹¹⁹. Следствием подобных действий стало «раздражение против украинизации», что подрывало основу «подлинным ростом украинской культуры»¹²⁰.

Наконец, критике подверглась и практика обучения «некоренного населения» Украины (евреев, поляков и др.) на родном языке. Речь шла о так называемой «принудительной евреизации»: евреям предлагалось обучаться на родном языке, вне зависимости от их желания. «Искоренить в городах Украины русскую речь путем принудительного отлучения от нее евреев, составляющих там весьма крупную часть городского населения, привыкших к ней и желающих употреблять ее и дальше – вот объективный смысл принудительной евреизации тех евреев, которые совершенно не умеют ни читать, ни писать по-еврейски, даже говорят плохо»¹²¹, – писал Ларин.

Рядовые коммунисты также критиковали «перегибы украинизации» и предлагали свои рецепты. С. Семковский, украинский коммунист, написал в июне 1926 года целую докладную записку по поводу украинизации. Он считал, что «политика активной украинизации властно диктуется политическими задачами укрепления диктатуры в сложной обстановке медленного продвижения к социализму в крестьянской стране», но в то же время ведет к «разнуздыванию украинского национализма»¹²². «...На наших глазах в отвратительнейших формах уже разнуздывается конкурентная борьба «языковых работников» — интеллигенции, — писал Семковский, — борьба, в которой «язык» и «культура» служат зацепкой и прикрытием для собственного «продвижения» путем расталкивания локтями «конкурентов»..., борьба, в которой уже складываются повсюду своего рода национальные фракции, по сговору или без сговора, но на деле достаточно сплоченные»¹²³. Поэтому Семковский считал необходимым поставить вопрос «о пределах украинизации»: «Принудительно украинизовать можно и должно соответствующие аппараты, но всякая украинификация населения должна быть в корне отвергнута»¹²⁴; «Но уже по отношению к массовому члену партии всякая принудительная украинизация должна быть отброшена, а тем более по отношению к массовому члену профсоюза и уже подавно к массе класса, к массе населения, по отношению к которой речь может идти отнюдь не о принудительно навязываемой украинизации, а единственно лишь об особом благоприятствовании (в смысле материальной поддержки и пр.) украинским культурным учреждениям в целях увеличения их притягательной силы и естественного ассимиляционного воздействия»¹²⁵; «Выделение русского населения в городах в «конституционно» оформленное нацменьшинство является преждевременным. Но уже сейчас, параллельно с проведением украинизации, массам русского населения в городах (и особенно в рабочих районах) должно быть — и фактически и программно — обеспечено достаточное административное обслуживание на родном языке, не исключая и высшей школы...»¹²⁶

В то же духе в конце 1926 года написал письмо Н.И. Бухарину некий А. Дятлов из Киева. Он был озабочен тем, что «под флагом украинизации, необходимость которой вытекает не из «принципиальных» основ ленинской тактики, а из соображений чисто фактического характера, начинает протискиваться и завоевывать укромное, но прочное местечко мелкобуржуазное понимание проводимого мероприятия»¹²⁷. На Украине, утверждал Дятлов, «проводится энергичное возрождение «своей, национальной, украинской культуры»,

организуются различные общества архимелкобуржуазного толка, проводится генеральное внедрение «украинской культуры» в общественный и индивидуальный быт, вплоть до ношения селянских кожушков, смазных сапог и т.п.»¹²⁸. Организация всевозможных «академий по изучению Шевченко», украинизация научных учреждений и ВУЗов, запрещение приема в аспиранты лиц без знания украинского языка и т.п. приводит, по мнению автора письма, к «возрождению украинской культуры мещанского толка»¹²⁹.

Дятлов предлагал не просто «оздоровить личный состав ответственных партработников», а «признать, что задачей партии является не украинизация пролетариата и не внедрение украинской культуры..., а внедрение социалистической культуры, которая по своему существу интернациональна»¹³⁰. «Ясно, – писал Дятлов, – что никто не отрицает того, что партия должна внедрять социалистическую культуру среди украинцев на украинском языке, среди русских на русском и т.п.»¹³¹ Главное, по мнению автора письма, «устранить всякий принудительный характер украинизации исходящий сверху». Все должно делаться на добровольной основе, хотя неизбежно «процесс вызревания социализма... ведет если хотите сказать то к “русификации”...»¹³².

Дятлов настаивал на том, что партия должна расширять социалистическую культуру на языке того населения, среди которого она работает, но не предпринимать никаких административных мер к ускорению этого процесса, и тем более внедрять украинский язык насильно. «Никакого принуждения! Никакого угнетения! Иначе... восторжествует культура украинского мещанства...»¹³³, – настаивал киевский большевик.

Проблема положения русскоязычного населения в связи с проводимой украинизацией волновала многих партийцев. Например, во время своего выступления на собрании партактива в Одессе в январе 1926 года член ЦК КП(б)У Ф.Д. Корнюшин получил из зала несколько записок относительно украинизации. Одну из них он направил секретарю ЦК КП(б)У В.П. Затонскому. В записке некий Кравчук писал: «Для вас более чем для кого другого должно быть ясным, что подавляющее большинство населения в Одессе и на Одессине (так в тексте – Е.Б.) составляют русские и евреи. Зачем же по-ребячьи тешить себя и других, что это не так. Ведь поголовная украинизация – подавляющим большинством неукраинского населения – есть акт насильственного действия, свойственный колонизаторской политике буржуазии... Ведь нынешняя линия ведет к искусственному ассимилированию русского

и еврейского населения среди привилегированной украинской нации... Надо же снять, наконец, шоры с глаз и не душить свободу языка неукраинской нации. Долго ли ЦК КП(б)У будет заниматься насильственной украинизацией и к чему это поведет?»¹³⁴

Таким образом, проводимая большевиками украинизация должна была привести к значительным изменениям в культурно-языковом пространстве Украины, изменить соотношение между русским и украинским ее компонентами в пользу последнего. Поддерживать язык и культуру «коренной национальности» власти стали при помощи жесткого административного нажима, что вело к увеличению этносоциального напряжения в обществе. Для русского населения украинизация ассоциировалась именно с насилием, с насаждением некоего «искусственного языка», и вызывала у многих недоумение: зачем поддерживать культуру крестьянскую, когда опорой революции являлся пролетариат? Однако наиболее сильное давление со стороны украинизаторов испытали те слои русского населения, которые были связаны со службой в различных государственных и советских учреждениях.

Украинизация и советские служащие

К началу украинизации и партийные чиновники, и государственные служащие были почти поголовно русскоязычными. После принятия официального курса на украинизацию, на службу в государственные учреждения не должны были приниматься те, кто не владел обоими наиболее распространенными языками – украинским и русским. Те же, кто уже состоял на государственной службе, должны были выучить язык: в уже упоминавшемся постановлении ВУЦИК и СНК УССР от 1 августа 1923 года «О мерах обеспечения равноправия языков и о помощи в развитии украинского языка» устанавливался срок в 1 год. В противном случае служащие подлежали увольнению¹³⁵. Однако соблюсти установленные сроки оказалось невозможно. Уже октябрьский 1924 года пленум ЦК КП(б)У признал необходимость продлить сроки изучения украинского языка госслужащими¹³⁶. 30 апреля 1925 года ВУЦИК и СНК УССР в совместном постановлении определили новый срок перехода всех государственных учреждений на украинское делопроизводство – 1 января 1926 года. Кроме того, сотрудники госучреждений, уличенные в негативном отношении к украинизации, согласно этому постановлению могли быть уволены администрацией без выходного

пособия. Наркомат рабоче-крестьянской инспекции обязан был проводить обязательную периодическую проверку украинизации советского аппарата¹³⁷.

Аналогичные меры предусматривались и в постановлении от 6 июля 1927 года, кодифицировавшее все законодательство в этой сфере. Сотрудники, которые в установленные сроки не выучили язык, а также те из них, кто негативно относился к украинизации, могли быть уволены с должности без выходного пособия и без предупреждения. Вновь быть принятыми на работу они могли лишь после того, как выучат украинский язык, и это должна была подтвердить квалификационная комиссия¹³⁸.

Однако строго придерживаться указанных правил оказалось не так легко. Служащие отнюдь не стремились изучать украинский язык, и уволить всех «саботажников» не представлялось возможным – слишком большое количество служащих пришлось бы уволить. В докладной записке Центральной Всеукраинской комиссии украинизации советского аппарата при СНК УССР (за 1925 год) отмечалось, что в большом количестве учреждений не выполняются постановления и декреты по украинизации, в частности, на работу принимаются люди, не знающие украинского языка¹³⁹.

Служащие же всячески старались «обойти» украинизационные требования. Различные ухищрения получили столь широкое распространение, что даже обсуждались на пленумах ЦК КП(б)У. На пленуме 6–8 октября 1924 года председатель СНК УССР В. Чубарь констатировал, что «большинство учреждений живет на переводчиках, не имея достаточно работников, знающих украинский язык»¹⁴⁰. На пленуме 5–7 апреля 1925 года украинский нарком просвещения А. Шумский докладывал: «Отмечается также формальное выполнение украинизации, заключающееся в том, что для украинизации того или иного советского органа приглашается в качестве переводчика какой-нибудь Петренко, Карпенко или Ковбаса, который и переводит на украинский язык все то, что входит в свет из недр данного учреждения»¹⁴¹.

Давление властей на не желавших учить украинский язык служащих постоянно увеличивалось, и часть из них – специалисты, главным образом работавшие в хозяйственных учреждениях – стали задумываться о смене места работы и выезде за пределы УССР. Все чаще раздавались голоса, что «в случае давления они оставят работу на Украине и переедут в Москву, где и зарплата выше и не нужно изучать украинский язык». В мае 1925 года Комиссия политбюро по украинизации потребовала, чтобы в докладах по украинизации

госаппарата были представлены данные о количестве спецов, выехавших в связи с украинизацией. Вопрос об «эмиграции спецов» из Украины в Москву поднимался и в переписке между центральной комиссией по украинизации при СНК и комиссией политбюро по украинизации и в следующем, 1926 году. Однако массового выезда так и не случилось¹⁴².

Весьма типичен случай, произошедший в Николаеве. Заместитель главного бухгалтера завода «Марти» Новиков (беспартийный) заявил: «Украинский язык – собачий язык и учить я его не буду. Пошлите лучше меня в Великодержаву». Товарищеский суд вынес постановление об увольнении Новикова с завода, но за своего бухгалтера вступился директор. Дело закончилось выговором¹⁴³.

Спротивление служащих всерьез беспокоило украинские власти. Выступая на заседании комиссии по украинизации 31 января 1927 года, В. Чубарь в сердцах бросил: «Теперь так никто не хочет украинизироваться, пишат, ищут щели, в которые можно было бы пролезть, чтобы обжаловать то или иное постановление...»¹⁴⁴

Политика коренизации распространялась и на местные партийно-государственный аппарат, административно-судебные органы и культурно-просветительные учреждения тех российских регионов, в которых проживало большое количество представителей национальных меньшинств. Как убедительно показали современные исследования, местные чиновники поначалу не скрывали своего отрицательного отношения к украинизации. Летом 1925 года заведующий подотделом Губсовнацмена при Курсоком ГубОНО Голубятников, попытавшийся наладить культпросветработу среди украинского нацменьшинства Курской губернии, услышал от инспектора губернского отдела народного образования Яньшина: «Что ты хочешь по всей Курской губернии Хохляндию разводить!»¹⁴⁵ А заведующий сталинградским ГубОНО прямо заявил присланным украинизаторам: «Да, сообщу для Вас печальную новость, среди хохлов работы не вести, не нужно хохлов учить на их хохлацком языке»¹⁴⁶. Отношение местных властей к украинскому вопросу стало меняться только в начале 1929 года, когда украинизация была поставлена под жесткий контроль партии¹⁴⁷.

Так или иначе, но изучать украинский язык чиновникам все же пришлось. В Украинской ССР знания украинского языка проверялось на специально организованных экзаменах. Уже в октябре 1924 года академик С. Ефремов отметил в своем дневнике, что украинизация и «чистки» стали злостью дня: «Просто стон и гвалт стоит в учреждениях. Был издан указ, чтобы все служащие научились по-украински,

но никто из русских и «тоже-малоросов» всерьез этого не брал... Но тут начали проводить экзамены и, кто не сдал – выгонять. Тут все и началось»¹⁴⁸. Проведение экзаменов для служащих по украинскому языку периодически повторялось. Тот же Ефремов через два года, в ноябре 1926 года, отмечал: «За украинизацию берутся не на шутки. Как раз теперь проводится в учреждениях проверка, и кто не знает украинского языка, тех выгоняют со службы»¹⁴⁹.

В этой связи хочется вспомнить анекдот на тему украинизации, распространенной в 1920-е годы. Беседуют двое служащих, обучающихся украинскому языку. «Ну и трудное это наречие малороссийское!» – «Это не наречие и не междометие, а предлог, чтобы нас выбросить со службы»¹⁵⁰.

Комиссия ЦКК ВКП(б), обследовавшая практику проведения национальной политики на Украине в 1929 году, отмечала несколько факторов, существенно затруднявших украинизацию партийных и государственных учреждений. В качестве объективных причин комиссия указывала на трудности, связанные с незавершенностью формирования украинского литературного языка: «несколько раз менялась грамматика, и лица, раз уже сдавшие экзамен по украинскому языку, снова подвергались испытанию»¹⁵¹. Кроме того, чиновники, вынужденные изучать украинский язык, отнюдь не горели желанием вникать в историю Украины, историю украинского театра, украинской литературы и т.п., которые были включены в «программу испытаний»¹⁵².

Комиссия также отмечала, что «требования знания украинского языка распространяется на слишком широкий круг служащих». Например, «преподаватели школ нацменьшинств жалуются на то, что с них требуют обязательно знание украинского языка, а между тем никто не интересуется ...насколько они владеют тем языком, на котором преподают»¹⁵³. Кроме того, поскольку знание украинского языка требовалось от всех госслужащих, это обстоятельство, по признанию комиссии, существенно ограничивало круг лиц, «из среды которых производится выбор служащих»¹⁵⁴.

Следует обратить внимание еще на одну особенность украинизации. На Украине коренизаторы стремились к тому, чтобы для служащих национальный язык стал разговорным, чтобы им пользовались не только для деловой переписки. Та же комиссия ЦКК ВКП(б) сетовала, что «для большинства госслужащих украинский язык все еще является языком официальным, которым пользуются лишь в стенах учреждений и то, главным образом, для составления «бумаг». Разговорным

же языком вне стен учреждения, но зачастую и в самом учреждении, для многих все еще является русский язык»¹⁵⁵.

Несмотря на явное сопротивление украинизации со стороны русскоязычных чиновников, постепенно ситуация в республике стала меняться. Коренизационный курс предусматривал активное выдвижение украинцев в партийные и государственные органы, которые должны были стать национальными по своему составу. Если к началу 1923 года в КП(б)У было только 23,7% украинцев¹⁵⁶, то к началу 1930 года – уже 52,9%¹⁵⁷. В конце 1928 года из общего числа принятых в партию украинцы составили 54%, в конце 1929 года – 55,5%, а в начале 1930 года – 57,2%¹⁵⁸. Росло и количество украинцев в госаппарате. Уже в середине 1926 года в составе коллегий наркоматов был 41% украинцев, а среди председателей окрисполкомов – 57,1% украинцев¹⁵⁹. Если накануне официального принятия курса на коренизацию доля украинцев среди служащих составляла лишь 35%, а государственный аппарат функционировал исключительно по-русски, то уже через три года, в 1926 году, 54% государственных служащих уже были украинцами¹⁶⁰.

Национальная принадлежность становилась одним из условий успешной карьеры, а у тех служащих, которые до того времени так и не приступили к изучению украинского языка, появился дополнительный стимул. Причем это касалось и тех, кто не связывал свою карьеру с членством в партии. Так, по данным ЦКК КП(б)У, к 1929 году среди сотрудников «губернских учреждений на Полтавщине» украинский язык знали 38% партийцев и 62% беспартийных¹⁶¹.

Таким образом, отношение к украинскому языку со стороны служащих принципиально не отличалось от отношения других слоев русского городского населения. Несмотря на пренебрежительное отношение к украинскому языку и сопротивление со стороны чиновников, республиканские власти продолжали начатый курс при помощи жестких административных методов и стремились превратить украинский язык в обязательное условие при приеме на работу. Определенных результатов украинским большевикам удалось добиться, однако не столько за счет изучения языка старыми кадрами, но за счет привлечения в партийные, советские и хозяйственные органы украинцев.

Реакция на украинизацию рабочих и крестьян

Положение же среди широких масс русского населения в период активного проведения украинизации было несколько иным. Рабочие

не опасались быть уволенными с заводов и фабрик из-за незнания украинского языка, хотя большинство из них говорили на русском языке. По имеющимся данным о разговорном языке рабочих и служащих Украины за 1926 год, на украинском говорили 33,2%, русском – 66%, еврейском – 7,5%, и на других – 3,1%. Из всего количества грамотных рабочих на украинском языке читали 40,2%, русском – 91,2%, еврейском – 7,1%, на других языках – 6,2%¹⁶².

Тем не менее, административная украинизация коснулась и этих слоев населения. Поскольку рабочий класс был опорой большевистской партии и советской власти, украинским руководителям необходимо было решить вопрос о его месте и роли в украинизационном процессе. Активно поднимали этот вопрос руководители Наркомпрома. Возглавлявший это ведомство в 1924–1927 годах А.Я. Шумский настаивал, что «пролетариат может быть приобщен к украинской общественно-культурной жизни и может и должен занять в ней руководящую роль»¹⁶³. Недовольный темпами проведения украинизации, Шумский обратился за помощью к И.В. Сталину. Однако последний не разделял точку зрения украинского наркома, счел его предложения насильственной украинизацией пролетариата, о чем 26 апреля 1926 года и написал в известном письме украинскому политбюро. «Нельзя заставить русских рабочие массы отказаться от русского языка и русской культуры и признать своей культурой и своим языком украинский, – говорилось в письме. – Это противоречит принципу свободного развития национальностей. Это была бы не национальная свобода, а своеобразная форма национального гнета»¹⁶⁴. Состав пролетариата будет меняться, писал Сталин, по мере притока в промышленность из окрестных деревень украинских рабочих¹⁶⁵. Через несколько лет, в феврале 1929 года, на встрече с украинскими писателями, Сталин вновь обратился к этому вопросу. «За волосы нельзя вытаскивать национальности, – убеждал Сталин украинских писателей, – это трудно и может вызвать отпор со стороны русских элементов...»¹⁶⁶

Вскоре после сталинских указаний вопрос об украинизации рассматривался на пленуме ЦК КП(б)У 2–6 июня 1926 года. Скрыпник – один из главных критиков Шумского – предложил следующее решение «украинско-пролетарского» вопроса. Темп украинизации, говорил Скрыпник, необходимо регулировать в зависимости от того, проводится ли она среди «пролетариев-русских, или среди той части рабочего класса, что говорит на смешанном полуукраинском языке»: «Партия ставит себе вопрос об украинизации полурусифицированных рабочих. Вместе с тем мы обязаны твердо сказать, что не будет

проводится никакой принудительной украинизации в отношении русской части рабочего класса и вообще русских рабочих и крестьян. Тут стоит вопрос агитации, переубеждения рабочих, что им обязательно нужно знать украинский язык...»¹⁶⁷

«Переубеждали» рабочих путем перевода на украинский язык школ, прессы и работы профсоюзов, что вызывало острую реакцию у русского пролетариата Украины. Были случаи, когда рабочие срывали объявления только потому, что они были написаны по-украински. Имели место случаи, когда составленные на украинском языке коллективные договоры забрасывались грязью¹⁶⁸. Шахтеры Артемовского округа признавали, что «у них на шахтах «по-украински говорят только в шутку, а если говорят о чем-то серьезном, то только по-русски»¹⁶⁹.

Партийный деятель 1920-х годов И. Майстренко, по роду службы вынужденный заниматься практическим проведением украинизации, оценивая в своих воспоминаниях сложившуюся ситуацию, отмечал «русифицированность» Харькова, Донбасса, Днепропетровска, Одессы и их упорное нежелание украинизироваться. «Харьковская улица все еще говорила на русском языке», – писал Майстренко. Показательно, что хотя сын мемуариста учился в Донбассе в украинской школе, но «на улице и дома говорил на русском языке»¹⁷⁰. В то же время «старинные украинские города быстро дерусифицировались». В качестве примера Майстренко приводил Полтаву, где к концу 1920-х годов «на улицах господствовал украинский язык»¹⁷¹.

Рабочие юго-восточных промышленных областей УССР к необходимости изучения украинского языка относились явно негативно. Даже те из них, кто немного владели украинским, не пользовались им. «Некоторые товарищи знают много украинских слов и фраз, но «стесняются» начать говорить, – сообщалось в одной из пропагандистских брошюр Днепропетровской окружной комсомольской организации. – Такое стеснение беспочвенно и достаточно наивно, ибо зазорно теперь совсем не знать украинского языка»¹⁷².

Не всегда находила поддержку политика коренизации и среди крестьянства, составлявшего в 1920-е годы большинство населения УССР. Для крестьян первостепенное значение имела социальная и аграрная политика советской власти. По меткому выражению советского писателя В.П. Некрасова, «вопросы «незалежності» и «відокремлення» (независимости и отделения) деревенского дядьку волнуют куда меньше, чем где достать гвоздей или как вытащить своего Олеса или Петра из милиции, куда он угодил на пятнадцать суток – дал в морду сыну председателя сельсовета»¹⁷³.

К тому же в восточных и юго-восточных районах УССР проживало много русских, и ассимиляционные процессы продвинулись значительно дальше, нежели в других районах. Большинство населения пользовалось русским языком, и переход на украинский язык школ, печатных изданий, делопроизводства не всегда встречал одобрение. Более того, русский язык в массовом сознании ассоциировался с языком высокой культуры, господствующего класса и т.п. Распространенность подобных настроений зафиксировал Х. Раковский на пленуме ЦК КП(б)У 16–17 октября 1922 года: «Я не сомневаюсь, что в данный момент крестьянин мог сказать, что не хочет слышать украинской речи. Ведь украинский язык для него является языком рабов и он имел к нему даже известное презрение. Мне рассказывал тов. Любченко, как в Киевской губернии, когда он обратился по-украински к крестьянам, они ему ответили: «что Вы говорите по-украински, Вы не хотите, чтобы мы знали панского языка, т.е. русского языка»¹⁷⁴.

Вот как описывал рабочий-партиец в своем письме в ЦК КП(б)У¹⁷⁵ положение в Луганске: «Убежден, что 50% крестьянства Украины не понимает этого украинского языка, другая половина, если и понимает, то все же хуже, чем русский язык... Тогда зачем такое угощение для крестьян? Они, крестьяне, в массе говорят, что причем здесь язык, если бы вот землеустройство провести, да поменьше налогов платить – это действительно было бы для крестьян». Особенно возмутил автора письма перевод на украинский язык партийной печати: «Я не говорю уже о «Коммунисте» на украинском языке. Одна часть, более сознательная, подписку не прекращает и самым добросовестным образом складывает газеты для хозяйственных надобностей. Это ли не трагедия... Другая часть совсем не берет и не выписывает газет на украинском языке и только озираясь по сторонам (на предмет партлица), запустит словцо по адресу украинизации»¹⁷⁶.

Один из жителей села Никольского Павловского района Сталинского округа УССР в своем письме в редакцию «Крестьянской газеты» в 1927 году сетовал на то, что «у нас на Украине Сталинского района издаются книги, объявления, разные распоряжения» на украинском языке, «не понятном для народа». «На сходах читают указы, распоряжения, объявления и т.д. на украинском языке. Народ заявляет: «Читать на русском понятном языке, не надо нам читать на венгерском», т.е. на непонятном языке»¹⁷⁷. Вызывали затруднения и различные объявления, «расклеенные на РИКе (райисполкоме. – Е.Б.) и сельсовете», их никто не хотел читать, «потому что написано на

украинском непонятном языке». Украиноязычное делопроизводство вызывало недовольство граждан: «Разругается другой гражданин и уйдет, и так большинство недовольно»¹⁷⁸.

Не лучше обстояли дела и с литературой на украинском языке: «Газеты русские из Москвы разворачиваются читать нарасхват, а украинское «Рад[янське] село» лежит рядом, никто не берет»; «какие имеются [книги] на русском языке – нарасхват разбирают, а от украинских отбегают...»; «большинству интересно прочитать биографию В.И. Ленина и др., но на русском понятном языке нет, а на украинском есть, никто не хочет читать, а если кто возьмется, то ничего не поймет без переводчика»¹⁷⁹. «Для чего это?» – спрашивал автор письма.

Таким образом, широкие массы с настороженностью восприняли мероприятия властей по поддержке и продвижению украинского языка. Этому способствовали существовавшие в рабоче-крестьянской среде стереотипы восприятия украинского и русского языка (русский – «панский язык», украинский – «язык рабов»). К тому же к началу украинизации тот, кто умел читать и писать, делал это именно на русском языке. Привычку читать русские газеты могла изменить только ликвидация массовой неграмотности на украинском языке, что и было проведено властями. Действительно, развернувшаяся с 1921 года борьба с неграмотностью велась на русском языке, и только с середины 1920-х годов, как отмечают специалисты, с введением коренизации ликвидация неграмотности стала проходить на родном языке. Уже в 1925/1926 учебном году в Украине существовало 13 350 пунктов на украинском языке, 3 312 – на русском, 507 – на еврейском, 189 – на польском и т.д.¹⁸⁰

В соответствии с принятым коренизационным курсом, национальные меньшинства получили возможность пользоваться родным языком. Это касалось и украинцев, проживающих на территории РСФСР. Однако реакция местного населения на попытки создания украинских школ была далеко не однозначной. Во время урегулирования вопроса о границах между РСФСР и УССР в середине 1920-х годов возможность присоединения к Украине активно обсуждалась самим населением приграничных районов. Вопрос был поднят на уездных съездах Советов. Делегаты высказывались против присоединения их уездов к Украине, мотивируя это нежеланием жителей подвергаться украинизации. Так, в протоколах Россошанского и Острогжского съездов подчеркивалось, что «имеющаяся в уезде часть украинского населения в силу проводившейся до революции национальной политики и по

своим бытовым и культурным условиям к данному моменту ассимилировалось с великорусским»¹⁸¹.

При этом украинское население, по словам делегатов съездов, категорически отказывалось от преподавания в школах на украинском языке и не соглашалось вообще как бы то ни было подвергаться украинизации, «которая неизбежно связана с коренной ломкой выработавшихся и исторически установившихся бытовых условий и языка»¹⁸². Один из членов губисполкома крестьянин Россошанского уезда Скляренко заявлял, что украинский язык среди населения совершенно не пользуется популярностью: «Как-то в уезде проводилась кампания по организации украинских школ, населению предлагалось, по его желанию, устраивать школы с обучением на украинском языке, и, несмотря на это, не было создано ни одной украинской школы»¹⁸³. «Большинство жителей Острогжского уезда определенно не считают себя малороссами», — делал вывод председатель местного исполкома и приводил интересный пример. В губернской крестьянской «Нашей газете» была открыта специальная рубрика, так называемый «украинский куток», в расчете на то, что крестьяне будут присылать заметки на украинском языке. Что же получилось? «После двух-трех заметок «Куток» заглох», «крестьянство осталось глухим, совершенно не интересуясь данным вопросом... Жители не считают себя хохлами»¹⁸⁴.

Сходная ситуация обнаруживается и в Таганрогском округе. Прислышав о возможном пересмотре границы, местное сельское население высказалось за вхождение в состав РСФСР. Помимо чисто экономических мотивов, прозвучало мнение о том, что в данный момент жители испытывают «тяготение к русскому языку»¹⁸⁵. Граждане слободы Матвеев Курган Таганрогского округа также высказались против «изучения чуждого населению языка», отмечая «непонимание всех распоряжений советского правительства, издаваемых на украинском языке»¹⁸⁶.

«Нежелание примириться в особенности с украинизацией школ, письмоводства и т.п.» высказали крестьяне Амвросиевского района Сталинского округа Донской губернии¹⁸⁷. А жители Екатериновского района Таганрогского округа написали письмо-заявление председателю ЦИК СССР М.И. Калинину с просьбой о присоединении района к РСФСР, мотивируя это тем, что «украинский язык мы уже забыли, охотно мы и наши дети учим русский язык. Украинская литература для нас непонятна»¹⁸⁸.

Власти были озабочены вопросом перевода части школ на украинский язык обучения и реакцией на это местного населения. В

1928 году украинские чекисты подготовили справку об украинизации школы в Кубанском и Донском округах Северного Кавказа. «Украинизация школы... не встречает широкого сочувственного отношения среди местного населения, — говорится в справке. — В большинстве случаев преподавание на украинском языке вызывает явное недовольство, как среди иногородних, так и казачества»¹⁸⁹.

Сотрудники ГПУ признавали, что местное население не понимало литературного украинского языка, значительно отличавшегося от «местного наречия». К тому же из русских школ был обеспечен «бесперебойный переход учащихся в учебные заведения повышенного типа»¹⁹⁰. В результате на Кубани и Дону русские школы были переполнены, тогда как в украинских ощущался недобор учащихся. Например, в станице Пашковская Кубанского округа в 1927–1928 учебном году в украинскую школу поступило всего 14 человек, а в русскую школу — 144; в станице Корсунской того же округа в первую группу украинской школы записалось только 10 человек, в русскую же — 130; «то же имело место в станицах Гривенской, Поповнической, Северской, Холмской и ряде других»¹⁹¹. Родители учащихся стремились перевести своих детей из украинских школ в русские. Когда они писали соответствующие заявления, то указывали, что «не считают себя украинцами»¹⁹².

Сотрудники ГПУ, знакомясь с ситуацией на Дону и Кубани, старательно изучали настроения рядовых граждан. Высказывания последних были обобщены и приводились в указанной справке. Особенно часто встречались выражения типа: «советская власть навязывает украинизацию против нашей воли», «наши дети портятся в украинских школах по приказу советской власти»¹⁹³.

Данные ГПУ подтверждаются и другими источниками. Так, в июле 1928 года при Кубанском окрисполкоме было создано совещание по украинизации. Участница совещания Борисенко, работавшая учительницей в станице Марьянской на Кубани, отмечала отрицательное отношение местного населения к украинской школе. За все время существования этой школы в данной станице (а она была образована еще до революции), состоялся только один выпуск. Борисенко замечала: «Население в нашей станице против украинского языка»¹⁹⁴. Она привела интересный пример: «В прошлом году в нашей станице украинизовались все школы. ...И что же получается? Родители подают заявления, чтобы одна-две группы были русские. Заявления отклонили. Они настаивают, кинулись хлопотать сюда, в район, в округ»¹⁹⁵. Другой участник совещания отмечал: «Число украинских школ у нас увеличивается, но число учащихся в них уменьшается»¹⁹⁶.

Очень любопытная оценка ситуации, сложившейся среди украинского населения РСФСР, содержится в одном из документов Наркомпроса РСФСР за 1925 год. В нем говорилось о причинах неудовлетворительной работы местных органов народного образования по просвещению украинского населения на территории РСФСР. Наркомпрос зафиксировал «местами полное отрицание украинского и белорусского языков как самостоятельных; рассмотрение их как местных неправильных говоров единого русского языка (ломаный русский язык)». Причиной этого Наркомпрос считал «вековую русификацию украинского населения, благодаря которой создалось пренебрежительное отношение к украинскому языку как языку «домашнему», крестьянскому. К тому же документ зафиксировал «неясность вопроса о принадлежности данной группы населения к той или иной национальности...»¹⁹⁷

Подобная ситуация оказалась весьма устойчивой: с течением времени она не менялась. В документе Наркомпроса РСФСР, составленном через два года, в 1927 году, говорилось о том, что «крестьянская же и рабочая масса, хотя и пользуется в домашнем быту родным языком, живя в русском окружении и имея дело с советскими и общественными учреждениями, работающими на русском языке, ощущает потребность в знании русской, а не украинской грамоты, которая сейчас у них имела бы мало практического применения»¹⁹⁸.

Как мы видим, украинцы же, проживающие на территории РСФСР, зачастую не считали необходимым давать образование своим детям на украинском языке: они не видели в таком случае перспектив в получении образования и даже трудоустройства. Любопытные факты приводит в своем исследовании К.С. Дроздов. После поездки в Курскую губернию весной 1927 года заведующий центральным украинским бюро Совнацмена П.С. Шафран отметил прагматичность местного крестьянского населения: «Если будете присоединять нас к Украине, давайте школу на украинском языке, а если мы будем оставаться в Курской губернии, то и школа пусть будет на русском языке»¹⁹⁹. Крестьяне Томаровского района на общем собрании при обсуждении вопроса об украинизации школы высказались против украинизации, заявив следующее: «Вы наших детей не учите, а калечите, Вы это делаете для того, чтобы наших детей не принимали в городе учиться, чтобы наши дети росли дураками. Мы от всего народа требуем, чтобы из школы не строили комедии, а учить наших детей так, как и раньше учили». А в Суджанской волости крестьяне ходатайствовали о ликвидации украинского языка в школе, «ибо

дети, которые учатся в школе, должны остаться неграмотными, так как школы, где бы дети могли завершить свое образование на украинском языке совершенно нет вблизи, и между тем украинский язык больше подходит галицийскому. Дети, учащиеся в школе, не только не перенимают этот язык, а даже его не понимают. Попутно с этим поручить одному из членов сельхоза выяснить положение о ликвидации украинского»²⁰⁰.

Таким образом, реакция широких масс населения на украинизацию в значительной степени зависела от культурно-языковой ситуации в регионе. Там, где, по выражению тех лет, наблюдалась «этнографическая чересполосица», нововведения властей часто оценивались отрицательно не только со стороны русского, но и украинского населения. В данном случае имела значение не только привычка к получению образования на русском языке. Украинцы, проживавшие на территории РСФСР, опасались, что образование на украинском языке, во-первых, затруднит повседневное общение, так как во всех государственных учреждениях говорили на русском языке; во-вторых, сделает невозможным продолжение образования. Поэтому местное население, даже украинское, часто делало выбор в пользу русского языка.

Русское общественное мнение и украинизация в 1930-е годы

Представления об Украине и украинцах в русском сознании в 1920-е годы складывалось во многом опосредованно – через принятие или непринятие украинизации. Документы этого периода содержат, как мы видим, множество свидетельств подобного рода. Однако с начала 1930-х годов ситуация меняется: для большинства населения на первый план выходят иные проблемы, заслонившие русско-украинский вопрос.

Происходившие в стране социально-экономические изменения решительным образом сказались на ходе украинизации. Упорное сопротивление украинского крестьянства коллективизации в сочетании со все возрастающими аппетитами центрального партийного руководства в хлебозаготовительных кампаниях обусловили повышенное внимание Москвы к украинской ситуации. Особое недовольство украинского крестьянства вызывали все возрастающие хлебозаготовительные нормы. Местные партийные и советские организации не всегда справлялись с возложенными на них задачами.

Озабоченность сложившейся ситуацией была высказана Сталиным в ряде писем, написанных им летом 1932 года. Ответственность за срыв хлебозаготовительной кампании Сталин возлагал на украинское партийное руководство – генерального секретаря ЦК КП(б)У С.В. Косиора и главу СНК УССР В.Я. Чубаря²⁰¹.

Сталин принял решение усилить влияние центра в республике путем коренного обновления всего украинского партийного аппарата – снизу доверху. В известном постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 14 декабря 1932 года «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в западных областях» виновными были названы «разного рода контрреволюционные элементы», проникшие в партийные и советские органы вследствие «механического проведения украинизации»²⁰². Посланный «выправить» ситуацию на Украине П.П. Постышев на пленуме ЦК КП(б)У в феврале 1933 года четко и недвусмысленно определил последующий характер украинизационных мероприятий. «Ведь это же факт, товарищи, что в партию и комсомол принимали нередко по признаку одной лишь только национальной принадлежности, только потому, что украинец, – заявил Постышев. – Безусловно верно, что нам необходимо расширять свои ряды за счет коренных украинских кадров. Но эти коренные кадры нам надо воспитывать и брать в партию из среды рабочих и трудящихся крестьян. Ведь на основе достижений в области индустриализации Украины ширится база украинской культуры, национальной по форме и пролетарской по содержанию. Коренизация же советского государственного аппарата по Яворским и Баданам нам не нужна, ибо это чужие нам люди, враги рабочего класса и партии. ...ЦК ВКП(б) в одном из своих решений, связанных с ходом хлебозаготовок на Украине, обратил внимание партийных организаций Украины на необходимость устранения механического проведения украинизации»²⁰³.

После февральского пленума ЦК КП(б)У 1933 года начинается широкая кампания против националистических элементов, проникших в партийные, государственные органы, научные и культурные учреждения вследствие недостатков украинизации. Во время репрессий 1930-х годов любой партийный или советский работник в стране рисковал подпасть под подозрение «компетентных органов». На Украине же особую опасность представляло обвинение в «укрывательстве» и «пособничестве» «контрреволюционному блоку националистов и троцкистов». Однако основной удар пришелся по наркому просвещения Украины Н.А. Скрыпнику: именно его ведомство несло основную нагрузку при проведении украинизации.

Борьба с национализмом на Украине существенным образом повлияла на культурно-языковую политику. Директор Одесского художественного техникума Журавлев говорил, что у нас до истории со Скрыпником все преподавали на украинском языке, но после дела Скрыпника украинский язык стал в техникуме глохнуть и те преподаватели, что раньше читали на украинском языке, перешли на русский, боясь, чтобы им не «пришили» национализм²⁰⁴.

Были внесены «сверху» коррективы в формирование единого стандарта украинского литературного языка. Речь шла о допустимости учета галицкой культурно-литературной практики. Если ранее реформирование украинского языка нередко шло путем замены «русизмов» «исконно украинскими» словами, зачастую образованными от слов, имеющихся в западнославянских языках (польском и чешском), то теперь было строго указано на недопустимость «искусственного отрыва от братского украинскому языку – языка русского народа»²⁰⁵.

Кроме того, были внесены коррективы и в школьную политику, в том числе, был поднят вопрос о языке обучения населения. Как писал «Комуніст» 25 марта 1933 года, механическое проведение украинизации привел к уменьшению числа русских школ в Харькове на 55%, а в Одессе лишь 40% русских детей обучаются на русском языке²⁰⁶. Основным лейтмотивом многочисленных выступлений партийных деятелей в печати стал тезис о «принудительной украинизации», приведшей к насильственному вытеснению русского языка из школьного образования. После проведенной по инициативе политбюро ЦК КП(б)У проверки, процент украиноязычных школ был сокращен (в Харькове – с 44 до 30) и было увеличено количество часов на обучение русскому языку²⁰⁷.

Однако внесенные поправки не изменили главного принципа большевистской политики украинизации, и партийные власти продолжали политику «выдвижения» украинцев в руководящие органы и воспитания украинской советской интеллигенции. В 1935 году ЦК КП(б)У обязало наркоматы увеличить процент украинцев в их руководстве, а в следующем году озаботилось выдвижением украинских научных кадров. Одновременно была признана недостаточной украинизация в Донецкой, Днепропетровской и Одесской областях, в связи с чем была проведена специальная проверка²⁰⁸.

Сглаживанию «острых углов» украинизации, столь возмущавшие Ю. Ларина, С. Семковского и А. Дятлова, так или иначе способствовали и начавшиеся в стране централизация и унификация, объективно приводившие к возрастанию роли русского языка в общесоюзном

культурном пространстве. Коммуникативные потребности единого государства диктовали свои требования к распространению русского языка среди нерусского населения. Русский язык был необходим для поддержания нормального функционирования государства, для создания благоприятных условий совместной деятельности представителей всех наций, для развития экономики, культуры, науки, искусства. В 1935–1938 годах политбюро ЦК КП(б)У неоднократно рассматривало вопросы о реорганизации национальных учебных заведений и о переводе их на украинских либо на русский языки обучения. Завершился данный процесс в 1938 году: с 1 сентября русский язык как предмет преподавания был введен во всех нерусских школах Украины.

В середине 1930-х годов лозунг об опасности с двух сторон – со стороны великодержавного шовинизма и местного национализма, – столь популярный в прежние годы, потерял свое значение. Как известно, на XVII съезде ВКП(б) в январе-феврале 1934 года И.В. Сталин подчеркнул, что на Украине стал главной опасностью уклон к украинскому национализму²⁰⁹. Чуть позже, в 1936 году, русский народ был назван «первым среди равных»²¹⁰, и его не позволительно стало называть «нацией Обломовых». «Только любители словесных выкрутасов, мало смыслящие в ленинизме, могут утверждать, что в нашей стране до революции “обломовщина была самой универсальной чертой характера”, а русский народ был “нацией Обломовых”, – писала «Правда»²¹¹. По мнению авторов передовой статьи, народ, который дал миру таких гениев, как Ломоносов, Лобачевский, Попов, Пушкин, Чернышевский, Менделеев, таких гигантов человечества, как Ленин и Сталин, – народ, подготовивший и свершивший под руководством большевистской партии Октябрьскую революцию, – такой народ нельзя называть «нацией Обломовых».

Таким образом, в новых условиях крайности украинизаторской политики были сглажены, к тому же русская общественность широко обсуждала новые тенденции в правительственной политике: заявление И.В. Сталина о том, что теперь, когда «власть у нас рабочая – у нас есть отечество»²¹² и возвращение предмета истории в школу.

Как говорилось в письме из Москвы, опубликованном в выходящем в Париже меньшевистском «Социалистическом вестнике», совершенно новое настроение охватило советскую столицу в 1935 году накануне государственного визита высокопоставленного французского посланника: «Об этом, т.е. о патриотизме, говорят в советских учреждениях, в заводских курилках, в общежитиях молодежи и пригородных поездах. Наиболее распространенное настроение

– это чувство национальной гордости. Россия снова стала великой державой, дружбы которой добивается даже такое сильное государство, как Франция. ...В совучреждениях обывательски настроенные служащие, годами молчавшие, теперь уверенно говорят о национальном патриотизме, об исторической миссии России, о возобновлении старого франко-русского союза, встречая при этом сочувственное одобрение коммунистов-руководителей учреждений. ...Среди идейных коммунистов явная растерянность»²¹³.

Осенью 1936 года провалилась постановка А.Я. Таирова «Богатыри» по пьесе Д. Бедного, в которой и герои были, и сам князь Владимир со своей дружиной были изображены в карикатурном виде. В справке секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР были зафиксированы отклики литераторов и работников искусств на снятие пьесы с репертуара. Народный артист РСФСР, артист Малого театра Садовский среагировал следующим образом: «Разумное постановление. Правильно дали по рукам Таирову и Демьяну Бедному. Нельзя искажать историю великого русского народа»²¹⁴. Драматург Тренев также был обрадован случившимся: «Я очень обрадован постановлением. Я горжусь им, как русский человек. Нельзя плевать нам в лицо. Я сам не мог пойти на спектакль, послал жену и дочь. Они не досидели, ушли, отплевываясь. Настолько омерзительное это производит впечатление»²¹⁵. Поэт Луговской высказался еще более решительно: «После этого будут прекращены выходы разных пошляков, осмеливавшихся высмеивать русский народ и его историю. До сих пор считалось хорошим тоном стыдиться нашей истории»²¹⁶.

Произошедшие перемены дали повод русской интеллигенции откровенно высказаться по поводу проводимой партией национально-культурной политики. Осведомитель подслушал, как дирижер Малого Оперного театра в Ленинграде С.А. Самосуд жаловался на результаты всесоюзного конкурса в марте 1937 года: «Мы в Москве показали большое, действительное искусство, показали крупные оперы, в которых есть большое творчество, а украинцы показали мелочь – “Наталку Полтавку”, это не искусство, а примитив. Награждение их орденами, конечно, политика»²¹⁷. Его коллега, заслуженный деятель искусств М.И. Ростовцев взял еще более резкий тон, недовольно отозвавшись об отношении власти к нерусским народам: «Сейчас вообще хвалят и награждают националов. Дают ордена армянам, грузинам, украинцам, всем только не русским». Б.В. Зон, художественный директор Ленинградского Нового театра юного зрителя, согласился

со своими товарищами, добавляя: «Теперь надо подаваться в «хохлы», это сейчас выгодно, за пустяки, за народные песни наградили людей, а действительных творческих работников обходят»²¹⁸.

В отношении победы украинской оперы на конкурсе в Москве, осведомители НКВД в Ленинграде докладывали, что даже рядовые горожане на улицах говорят, «что украинцев наградили не потому, что они достойны этой награды, а исключительно из политических соображений, что украинцами показаны народные песни и танцы и никакого высокого, серьезного искусства у них нет и т.д.»²¹⁹.

В сложный период 1920–1930-х годов русское общественное сознание было вынуждено адаптироваться к новым социальным и политическим условиям, в том числе, к актуализировавшейся этнической принадлежности. Оно переживало в этот период специфическую травму, вызванную происходившим распадом общерусской идентичности. Малороссы, не воспринимавшиеся ранее в массовом сознании как отдельный национальный организм, на глазах превращались в украинцев, отвергавших концепцию триединой нации. Не удивительно, что отношение к Украине и украинцам в этот период было эмоционально насыщено и отличалось бурной реакцией на украинизаторские усилия властей. Жесткий административный нажим на широкие слои населения в период активного проведения украинизации ассоциировался в сознании русского общества с насилием в отношении русского языка и культуры, а создание системы привилегий для «титульной» культуры рассматривалось как попытка искусственным образом создать украинский язык из малороссийского наречия: в этом плане широкие массы русской общественности склонны были разделить точку зрения М. Горького, а не академического сообщества, признавшего самостоятельный статус украинского языка в период первой русской революции 1905–1907 годов.

Очевидно, что в 1920-е годы отношение русских к украинцам во многом проявлялось опосредованно через отношение к украинизации, а образ украинца складывался под влиянием создавшейся этносоциальной ситуации в республике. Поддержка «коренного населения» обостряло социальную конкуренцию между представителями разных национальностей, что отнюдь не способствовало мирному течению русско-украинских отношений. Тем не менее, яростное неприятие у русской общественности вызывали, как правило, не украинцы как таковые, а сама политика властей и

активные ее проводники, которые в своих украинизаторских усилиях не учитывали интересов русского населения Украины.

Русское общество продолжало воспринимать украинцев как близкий народ, как «своих», прежде всего, исходя из этнокультурных традиций. В 1940 году писатель В. Вишневого сделал запись в своем дневнике, в которой рассказал о своих опасениях, связанных с грядущей войной: «Россия, СССР должны будут биться на смерть – это уже не европейские шуточки. Мы русские. Будь прокляты. Мы бивали немцев и татар и французов и бриттов и многих еще – мы по-прежнему, жить иначе не стоит. Но мы будем биться за себя, за вечный 180 миллионов русский народ; [пусть рядом бьются украинцы, это крепкие парни... про других не могу толком сказать не тот закал...] мы будем драться»²²⁰.

Примечания

¹ См. подробнее: *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000.

² *Кравченко Б.* Соціальні зміни і національна свідомість в Україні XX с. Київ, 1997. С. 25.

³ Там же. С. 58.

⁴ *Винниченко В.* Відродження нації. Ч. 1. Київ; Відень. 1920. С. 125–126.

⁵ *Булгаков М.А.* Белая гвардия // Собр. соч. В 5 т. Т. 1. М., 1992. С. 208.

⁶ Там же. С. 208.

⁷ Там же. С. 210.

⁸ *Гольденвейзер А.А.* Из киевских воспоминаний // Революция на Украине по мемуарам белых. М.; Л. 1930. С. 18.

⁹ *Гольденвейзер А.А.* Из киевских воспоминаний. Архив русской революции. Вып. 6. Берлин, 1922. С. 229.

¹⁰ *Кардиналовская Т.* Жизнь тому назад. Воспоминания. СПб., 1996. С. 62.

¹¹ Винниченко В. Указ. соч. С. 111.

¹² Нариси історії української інтелігенції (перша половина XX ст.). У 3-х книгах. Кн. 1. Київ, 1994. С. 85–86.

¹³ *Завальнюк О.М.* Українська ідея і національне університетське будівництво в Україні (1917 – 1920 рр.) // Україна: національна ідея. Матеріали Міжнародної наукової конференції 23 квітня 2002 р. Київ, 2003. С. 238.

¹⁴ Нариси історії української інтелігенції... Кн. 1. С. 89.

¹⁵ На конец 1926 года в Харькове украинским языком не владели 31 из 39 ведущих научных-исследовательских кафедр, в Киеве – 12 из 20, в Одессе – 8 из 11, в Екатеринославе – 6 из 7. См.: *Кузьменко М.М.* Науково-педагогічна інтелігенція в

УСРР 20-30-х років: соціально-професійний статус та освітньо-культурний рівень. Донецьк, 2004. С. 106.

¹⁶ Центральний державний архів громадських об'єднань України (ЦДАГОУ). Ф. 1. Оп. 20. Спр. 4172. Арк. 33.

¹⁷ Там же. Арк. 34.

¹⁸ Там же. Спр. 2695. Арк. 60. Копія письма.

¹⁹ *Шкандрий М.* В обіймах імперії. Російська і українська літератури новітньої доби. Київ, 2004. С. 338.

²⁰ Перепечатка из газеты содержится в ЦДАГОУ. Ф. 5. Оп. 1. Спр. 76. Арк. 1.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Это один из немногих случаев употребления термина в кавычках.

²⁴ *Могилянский Н.М.* Трагедия Украины // Революция на Украине по мемуарам белых... С. 121.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ *Вернадский В.И.* Дневники. 1917–1921. Киев, 1994. С. 70.

²⁸ Там же. С. 215.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 70.

³¹ Там же. С. 78.

³² Там же. С. 81.

³³ Там же. С. 85.

³⁴ Там же. С. 84.

³⁵ Там же. С. 72.

³⁶ Там же. С. 71.

³⁷ Там же. С. 103.

³⁸ Там же. С. 105.

³⁹ Там же. С. 98.

⁴⁰ Там же. С. 90.

⁴¹ Там же. С. 86.

⁴² Там же. С. 87.

⁴³ Там же. С. 143.

⁴⁴ Там же. С. 146.

⁴⁵ Там же. С. 226.

⁴⁶ Там же. С. 158.

⁴⁷ Там же. С. 119.

⁴⁸ Там же. С. 158.

⁴⁹ Там же. С. 119.

⁵⁰ Левкиевская Е.Е. Этнокультурный и языковой стереотип украинца в русском сознании // Украина и украинцы: образы, представления, стереотипы. Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии. М., 2008. С. 165–166.

⁵¹ Маяковский В.В. Собр. соч. В 12 т. М., Правда, 1978. Т. 4. С. 124–125.

⁵² Сергийчук В.І. «Українізація Росії». Політичне ошуканство українців російською більшовицькою владою в 1923-1932 роках. Київ, 2000. С. 73.

⁵³ Сталин И.В. Заключительное слово по докладу об очередных задачах партии в национальном вопросе на X съезде РКП(б) 10 марта 1921 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 5. М., 1947. С. 48

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. С. 49.

⁵⁶ Сталин И.В. Национальный вопрос и ленинизм: Ответ товарищам Мешкову, Ковальчуку и другим (18 марта 1929 г.) // Сталин И.В. Сочинения. Т. 11. М., 1949. С. 333.

⁵⁷ Сталин И.В. Доклад об очередных задачах партии и национальном вопросе на X съезде РКП(б) 10 марта 1921 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 5. М., 1947. С. 35.

⁵⁸ Сталин И.В. Национальный вопрос и ленинизм: Ответ товарищам Мешкову, Ковальчуку и другим... С. 340–341.

⁵⁹ Там же. С. 345.

⁶⁰ Там же. С. 348.

⁶¹ Там же. С. 348–349.

⁶² Сталин И.В. Доклад об очередных задачах партии и национальном вопросе на X съезде РКП(б)... С. 35–36.

⁶³ Сталин И.В. К постановке национального вопроса (2 мая 1921 г.) // Сталин И.В. Сочинения. Т. 5. М., 1947. С. 59.

⁶⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГА-СПИ). Ф. 81. Оп. 3. Д. 107. Л. 163.

⁶⁵ Шевельов Ю. Українська мова в першій половині двадцятого століття (1900–1941). Стан і статус. Чернівці, 1998. С. 94.

⁶⁶ Выступление на Киевской партийной конференции в марте 1923 г. Рукописный вариант выступления сохранился в архиве. См. ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Спр. 2255. Арк. 12. См. также: Коммунист. 1923. 24 марта.

⁶⁷ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Спр. 2255. Арк. 11.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же. Арк. 20.

⁷¹ Там же. Арк. 21.

⁷² Там же.

⁷³ Там же. Спр. 1660. Арк. 13.

⁷⁴ Укаписты – члены Украинской коммунистической партии, оформившейся в 1920 году в процессе эволюции украинских социал-демократов. Партия объявила о самороспуске в 1925 году.

⁷⁵ Боротьбисты – члены Украинской коммунистической партии (боротьбистов), созданной в 1919 году путем объединения части украинских эсеров и социал-демократов. Партия объявила о самороспуске в 1920 году. И укаписты, и боротьбисты после самороспуска их партий вошли на индивидуальной основе в состав КП(б)У.

⁷⁶ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Спр. 1660. Арк. 13.

⁷⁷ Там же. Арк. 14.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же. Арк. 16.

⁸⁰ Ваганян В.А. О национальной культуре. М.-Л., 1927. С. 49, 51.

⁸¹ Там же. С. 58–59.

⁸² Там же. С. 60–61.

⁸³ Там же. С. 120.

⁸⁴ Там же. С. 121.

⁸⁵ Там же. С. 129.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же. С. 129–130.

⁸⁸ Там же. С. 130.

⁸⁹ Там же. С. 131.

⁹⁰ Там же. С. 147.

⁹¹ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Спр. 2703. Арк. 4.

⁹² ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Спр. 2704. Арк. 46.

⁹³ Там же. С. 143.

⁹⁴ «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. Київ, 2003. С. 139–140.

⁹⁵ Там же. С. 140, 143.

⁹⁶ Там же. С. 89–90.

⁹⁷ Там же. С. 102.

⁹⁸ Єфіменко Г.Г. Національно-культурна політика ВКП(б) щодо радянської України (1932–1938). Київ, 2001. С. 146.

⁹⁹ Національні процеси в Україні. Історія і сучасність. Документи і матеріали. Ч. 2. Київ, 1997. С. 42–43. См. також Хвилья А. Национальный вопрос на Украине. Харьков, 1926. С. 109–116. (В приложении приведен текст декрета.)

¹⁰⁰ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Спр. 2456. Арк. 8.

¹⁰¹ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Спр. 2455. Арк. 1.

¹⁰² Єфіменко Г.Г. Указ. соч. С. 144, 147–148.

¹⁰³ См. XII съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1968. С. 613–615.

- ¹⁰⁴ Рубльов О.С., Черченко Ю.А. Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції 20–50-ті роки ХХ ст. Київ, 1994. С. 44.
- ¹⁰⁵ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 2. Спр. 6220. Арк. 55–56.
- ¹⁰⁶ См. подробнее: Борисенко Е.Ю. Николай Хвелевой (1893–1933) // «Украина и украинцы: образы, представления, стереотипы. Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии» М., 2008 С. 215–238.
- ¹⁰⁷ Кузьменко М.М. Науково-педагогічна інтелігенція в УСРР 20–30-х років: соціально-професійний статус та освітньо-культурний рівень. Донецьк, 2004. С. 101.
- ¹⁰⁸ Маяковский В.В. Собр. соч. В 12 т. М., Правда, 1978. Т. 4. С. 172–174.
- ¹⁰⁹ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Спр. 2894. Арк. 18–19.
- ¹¹⁰ Там же. Спр. 3112. Арк. 23
- ¹¹¹ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Спр. 2631. Арк. 33.
- ¹¹² Там же. Арк. 34.
- ¹¹³ Там же. Арк. 38.
- ¹¹⁴ При этом, судя по письму Ларина, сохранившемуся в архиве, о необходимости такой статьи говорил Ларину Сталин в середине ноября: «В середине ноября тов. Сталин говорил со мной о некоторых явлениях в проведении нашей национальной политики и указал направить в «Украинский большевик» статью об этом для освещения этих явлений там, откуда больше всего идет жалоб» (ЦДАГОУ Ф. 1. Оп. 20. Спр. 2256. Арк. 1). См.: Ларин Ю. Об извращениях при проведении национальной политики (в порядке обсуждения) // Большевик. 1926. № 23–24. С. 50–58. 1927. № 1. С. 59–69.
- ¹¹⁵ Цит. по: ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Спр. 2256. Арк. 2–26.
- ¹¹⁶ Там же. Арк. 11.
- ¹¹⁷ Там же. Арк. 8.
- ¹¹⁸ Там же.
- ¹¹⁹ Там же. Арк. 21–22.
- ¹²⁰ Там же. Арк. 10, 13.
- ¹²¹ Там же. Арк. 6.
- ¹²² Там же. Спр. 2253. Арк. 20
- ¹²³ Там же.
- ¹²⁴ Там же. Л. 22
- ¹²⁵ Там же. Л. 23
- ¹²⁶ Там же. Л. 24.
- ¹²⁷ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 130. Л. 4.
- ¹²⁸ Там же.
- ¹²⁹ Там же.
- ¹³⁰ Там же.
- ¹³¹ Там же.
- ¹³² Там же. Лл. 4–5.

- ¹³³ Там же. Л. 5.
- ¹³⁴ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Спр. 2247. Арк. 3.
- ¹³⁵ Цит. по: *Хвилья А.* Национальный вопрос на Украине... С. 109, 116. (В приложении приведен текст декрета.) См. также: *Національні процеси в Україні. Історія і сучасність. Документи і матеріали. Ч. 2.* Київ, 1997. С. 42–43.
- ¹³⁶ «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки... С. 73.
- ¹³⁷ Центральний державний архів вищих органів влади і управління України (ЦДАВОВУ). Ф. 1. Оп. 3. Спр. 182. Арк. 26–26 об.
- ¹³⁸ Там же. С. 74, 83–84.
- ¹³⁹ Там же. Арк. 22.
- ¹⁴⁰ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 1. Спр. 129. Арк. 199.
- ¹⁴¹ Там же. Спр. 160. Арк. 44 об.
- ¹⁴² «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки... С. 82.
- ¹⁴³ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 1. Спр. 4172. Арк. 17.
- ¹⁴⁴ Там же. Оп. 20. Д. 2456. Л. 13.
- ¹⁴⁵ *Дроздов К.С.* Фiasco обязательной украинизации. Кризис хлебозаготовок 1932–1933 годов и поворот нацполитики в Центральном Черноземье // *Родина.* 2010 № 4. С. 91.
- ¹⁴⁶ *Шульга И.* «Не нужно хохлов учить на их хохлацком языке» // *Родина.* 2010. Специальный выпуск. С. 75–76.
- ¹⁴⁷ Там же. С. 76.
- ¹⁴⁸ *Сфремов С.О.* Щоденники. 1923–1929. Київ, 1997. С. 155.
- ¹⁴⁹ Там же. С. 431.
- ¹⁵⁰ *Марчуков А.В.* Маленький мир с маленькими людьми. Советский политический анекдот в дневниках украинского литератора // *Родина.* 2002. № 2 С. 85.
- ¹⁵¹ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Спр. 2631. Арк. 10.
- ¹⁵² Там же.
- ¹⁵³ Там же.
- ¹⁵⁴ Там же. Арк. 11.
- ¹⁵⁵ Там же. Арк. 9.
- ¹⁵⁶ Там же. Спр. 2115. Арк. 4.
- ¹⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 31. Л. 147.
- ¹⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 31. Л. 151.
- ¹⁵⁹ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Спр. 2249. Арк. 37.
- ¹⁶⁰ *Кравченко Б.* Указ. соч. С. 141–142.
- ¹⁶¹ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Спр. 2894. Арк. 53.
- ¹⁶² Там же. Спр. 2632. Арк. 53 об.
- ¹⁶³ Из выступления на Пленуме ЦК КП(б)У 5–7 апреля 1925 года: РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 108. Лл. 52 об.
- ¹⁶⁴ ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. М., 2005. С. 383.

- ¹⁶⁵ Там же. С. 383–384.
- ¹⁶⁶ Беседа Сталина с украинскими писателями 12 февраля 1929 г. Цит по.: *Шановал Ю.І.* Україна ХХ століття: Особи та події в контексті важкої історії. Київ, 2001. С. 110.
- ¹⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 1. Л. 143 об.
- ¹⁶⁸ *Марчуков А.В.* Украинское национальное движение. УССР. 1920–1930-е годы. Цели, методы, результаты. М., 2006. С. 208
- ¹⁶⁹ Там же. С. 209
- ¹⁷⁰ *Майстренко И.* Історія мого покоління. Спогади учасника революційних подій в Україні. Едмонтон, 1985. С. 204, 206.
- ¹⁷¹ Там же. С. 207.
- ¹⁷² За цілковиту українізацію! Чому треба вивчати українську мову та як її треба вивчати. Дніпропетровск, 1929. С. 11.
- ¹⁷³ *Некрасов В.П.* Взгляд в нечто // *Некрасов В.П.* Записки зеваки. М., 2003. С. 378.
- ¹⁷⁴ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 1. Спр. 92. Арк. 59.
- ¹⁷⁵ К сожалению, документ не датирован. Однако можно предположить, что он относится к 1926 г.
- ¹⁷⁶ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Спр. 2253. Арк. 91–92.
- ¹⁷⁷ Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М., 1998. С. 183. В цитате сохранен стиль источника.
- ¹⁷⁸ Там же.
- ¹⁷⁹ Там же.
- ¹⁸⁰ «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки... С. 105.
- ¹⁸¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6892. Оп. 1. Д. 17. Л. 35.
- ¹⁸² Там же. Л. 31, 35.
- ¹⁸³ Там же. Л. 26.
- ¹⁸⁴ Там же. Л. 26–27.
- ¹⁸⁵ Там же. Д. 14. Л. 28.
- ¹⁸⁶ Там же. Л. 30.
- ¹⁸⁷ Там же. Л. 31.
- ¹⁸⁸ Там же. Л. 33.
- ¹⁸⁹ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 127. Л. 200.
- ¹⁹⁰ Там же.
- ¹⁹¹ Там же. Л. 201.
- ¹⁹² Там же.
- ¹⁹³ Там же.
- ¹⁹⁴ ЦДАВО. Ф. 1. Оп. 4. Спр. 616. Арк. 38–39.
- ¹⁹⁵ Там же. Арк. 39.

- ¹⁹⁶ Там же.
- ¹⁹⁷ *Сергійчук В.І.* «Українізація Росії». Політичне ошукаство українців російською більшовицькою владою в 1923–1932 роках. Київ, 2000. С. 46–47
- ¹⁹⁸ Там же. С. 52
- ¹⁹⁹ *Дроздов К.С.* Государственное регулирование русско-украинских национальных отношений в Центральном Черноземье (1923–1932 гг.). Дисс. ... к.и.н. М., 2010. С. 165.
- ²⁰⁰ Там же.
- ²⁰¹ См. И.В. Сталин и Л.М. Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001. С. 210, 225, 273–274, 283.
- ²⁰² Голод 1932–1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів. Київ, 1990. С. 293.
- ²⁰³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 66. Л. 30 об.
- ²⁰⁴ *Сфіменко Г.Г.* Указ. соч. С. 94–95.
- ²⁰⁵ Хвиля А. Викорінити, знищите націоналістичне коріння на мовному фронті // Більшовик України. 1933. № 7–9. С. 42–56.
- ²⁰⁶ «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки... С. 211.
- ²⁰⁷ *Сфіменко Г.Г.* Указ. соч. С. 150–151, 163.
- ²⁰⁸ Там же. С.90–92.
- ²⁰⁹ РГАСПИ. Ф. 59. Оп. 2. Д. 1. Л. 88
- ²¹⁰ Правда. 1 февраля 1936 г.
- ²¹¹ Правда. 30 января 1936 г.
- ²¹² *Сталин И.В.* О задачах хозяйственников: Речь на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г. // Вопросы Ленинизма. М., 1934. С. 445.
- ²¹³ А. Советский патриотизм – легализация обывательского патриотизма // Социалистический вестник. 1935. 25 марта. Цит. по: *Бранденбергер Д.Л.* Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931-1956). СПб., 2009. С. 118
- ²¹⁴ Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. М., 2002. С. 33
- ²¹⁵ Там же.
- ²¹⁶ Там же. С. 337.
- ²¹⁷ *Бранденбергер Д.Л.* Указ. соч. 129–130
- ²¹⁸ Там же. С. 130.
- ²¹⁹ Там же.
- ²²⁰ Вишневский вычеркнул строки, приведенные в цитате в квадратных скобках. Цит. по: *Бранденбергер Д.Л.* Указ. соч. С. 130–131

УКРАИНСКИЙ ЯЗЫК В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

(НА ПРИМЕРЕ СОВЕТСКОГО КИНЕМАТОГРАФА)

Настоящая работа посвящена проблеме, недостаточно хорошо изученной в отечественной лингвистике и этнографии, – способам передачи украинской речи в русских художественных и публицистических текстах, как литературных, так и кинематографических. Несмотря на свою кажущуюся очевидность и даже «легковесность», эта проблема является лишь небольшой частью более общей и важной темы – русско-украинской языковой интерференции, сложившейся за последние два столетия и оказавшей значительное (хотя и малоизученное) влияние на развитие двух родственных языков. Русско-украинское языковое взаимодействие как лингвистическая, культурная и идеологическая проблема подразумевает развитие таких форм интерференции двух языков и культурно-исторического развития, при которых образуется общее коммуникативное и информационное пространство, общий узус и общий «фонд памяти», обеспечивающие обоим народам успешное взаимное общение без необходимости перевода. Развитие русско-украинской интерференции приходится на XIX-XX вв. под влиянием сначала идеологической модели «большой русской нации», а позже – «создания новой советской общности». Проблема русско-украинского двуязычия является частью более обширной и, к несчастью, идеологически ангажированной проблемы родства и взаимного общения русского и украинского языков на разных этапах их развития. Сильная политическая обусловленность (как с одной, так и с другой стороны) этого уникального лингвистического и культурного явления до сих пор не позволила не только объективно исследовать происходившие в этой сфере языковые процессы, но даже очертить примерные рамки данной проблемы.

К сожалению, в отечественной славистике и русистике существует не так много работ, исследовавших историю и формы взаимовлияния русского и украинского языков, а также процессы конвергенции и дивергенции, проходившие между двумя языками в разные периоды их общей истории. Частные вопросы исследуемой проблемы затрагивались в работах, посвященных отражению украинской речи средствами

русского языка и в рамках русской разговорной речи (см., в частности, наблюдения Е. и А. Шмелевых, касающиеся передачи украинской речи в русских анекдотах¹). Следует также упомянуть весьма полезную дипломную работу Е.В. Притуляк «Полонизмы и украинизмы в русской литературе XIX–XX вв.», посвященную функционированию полонизмов и украинизмов в русской художественной литературе XIX – первой половины XX в. (для анализа были использованы тексты Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Тарас Бульба»; В.Г. Короленко «История моего современника»; Л.Н. Толстого «За что?», И. Эренбурга «Бурная жизнь Лазика Ройтшванца»; И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок»). Для польского языка функционирование украинизмов, связанных в польском языковом сознании с образом украинского казачества было подробно проанализировано в интересной работе М. Стрыхарской-Бжезины «Kozak ukraiński»².

Проблему украинско-русской интерференции можно разделить на два самостоятельных аспекта. Один из них, чисто **лингвистический**, рассматривает объективное развитие и взаимовлияние этих двух языков (заимствование определенных пластов лексики, грамматических форм, литературных норм, языковедческих идей и т.д.). Он включает в себя такие мало исследованные вопросы, как функционирование украинского языка в русском коммуникативном пространстве и, напротив, существование русской речи в сфере распространения украинского языка. В рамки этой проблемы входит исследование межкультурной коммуникации на русско-украинском пограничье, в городах совместного исторического проживания русских и украинцев (например, Одесса, Киев и др.), существование русских языковых и этнических анклавов на Украине и украинских в России и происходящие в них процессы интерференции, а также вопросы когнитивной лингвистики и прагматики: например, как осуществляется коммуникация и понимание близкородственного языка в ситуации, когда один из собеседников говорит по-русски, а другой – по-украински. Какие элементы обоих языков способствуют успешной коммуникации русских и украинцев между собой, а какие ее затрудняют или оказываются не воспринятыми собеседником. Чрезвычайно интересным является изучение русско-украинской коммуникации с точки зрения прагматики текста. Сюда входит анализ типов коммуникативных ситуаций, в которых используется смешанная русско-украинская речь; набора речевых жанров, которые допускают одновременное использование обоих языков, исследование участников коммуникации, их социокультурного статуса, языковой

компетенции и особенностей речевого поведения. Список вопросов, относящихся к первому, чисто лингвистическому аспекту, можно продолжить, тем более, что все эти проблемы до сих пор не изучены и даже не осмыслены как объект научного исследования.

Второй из этих аспектов находится ближе к **культурологической проблематике** и исследует субъективное восприятие этих языков с точки зрения языкового сознания обоих народов, т.е. он касается не объективного процесса взаимодействия русского и украинского языков в общих сферах коммуникативного пространства, а его восприятия, интерпретации социумом в разные исторические периоды. Очевидно, что между подобной интерпретацией и объективно существующим языковым состоянием будет довольно значительная разница, поскольку любая интерпретация предполагает эмоциональную, культурную и аксиологическую оценку как чужого, так и своего языка.

Не секрет, что интерпретация русско-украинского языкового (и не только) взаимодействия складывалась (и складывается) не столько под влиянием объективно существующих факторов в развитии языков обоих народов, сколько под влиянием политической конъюнктуры, идеологических веяний, культурной моды, общественных умонастроений и других переменчивых обстоятельств. Безусловно, одним из наиболее мощных факторов, влияющих на осмысление русско-украинской языковой интерференции, является этнокультурный стереотип украинца в русском сознании, складывавшийся с конца XVIII в.³ Неотъемлемой частью этнического стереотипа украинца в русском сознании является стереотип украинского языка. Имеется в виду тот субъективный образ языка, который складывается не только из маркированного набора фонетических, грамматических, лексических, синтаксических средств, воспринимаемых русским сознанием как украинские, но и из представлений о статусе украинского языка, его соотношении с русским, уместных ситуациях его употребления, знания текстов на украинском языке (например, фразеологизмов, песен, анекдотов и др.), собственной практики общения с носителями украинского языка. Для нас важен не вопрос взаимодействия двух языков вообще, а вопрос речевой коммуникации, общения представителей той и другой языковой среды друг с другом.

Вот этому второму, культурологическому аспекту русско-украинского двуязычия, содержащему интерпретацию и адаптацию украинского языка русскими художественными текстами, и посвящена настоящая статья. В первую очередь нас будут интересовать

две проблемы. Первая проблема относится к области прагматики текста – в каких коммуникативных ситуациях и ради каких целей элементы украинской речи используются в русских текстах (преимущественно кинематографических). Вторая проблема относится к области типологии языка – что именно из себя представляет тот «украинский» язык, на котором говорят герои советских фильмов, из каких элементов он состоит и насколько соответствует реальному украинскому языку. Говоря иными словами, нас интересует тот языковой образ, который сформировался в русских художественных текстах под названием украинского языка, и функции, которые он выполняет в русских произведениях.

Основным материалом для данной статьи послужил ряд советских фильмов, в которых украинская речь (или вкрапление отдельных украинизмов) является одним из способов решения художественных и смысловых задач. Сюда относятся следующие фильмы: «Максим Перепелица» (1955), «Королева бензоколонки» (1963), «Служили два товарища» (1968), «Трембита» (1968), «Гори, гори моя звезда» (1976), «Место встречи изменить нельзя» (1979), «Зеленый фургон» (1983). В качестве дополнения использовались некоторые литературные тексты, в частности, «Белая гвардия» М. Булгакова, «Белеет парус одинокий» В. Катаева, «Повесть о жизни» К. Паустовского и ряд его рассказов, «Гипсовый трубоч: дубль два» Ю. Полякова и некоторые другие.

Проблема передачи украинского языка (или его отдельных элементов) в русской литературе и кинематографе тесно связана с другой, более общей проблемой – **отображением иноязычной речи в русских текстах**. Используя иностранный язык для передачи речи своих героев, автор решает определенные творческие задачи. При этом в разных контекстах один и тот же язык может наделяться разными коннотациями (например, в текстах о войне немецкий язык – это язык врагов, фашистов, а в текстах об эпохе Петра I немецкий язык может символизировать западную ученость и образованность и т.д.). Но при этом автор неизбежно встает перед проблемой понимания сказанного как потенциальными адресатами этого текста, так и русскоязычными героями самого произведения. Он должен быть уверен в когнитивной прозрачности своего текста для потенциального адресата, в том, что выбранная им стратегия передачи речи на иностранном языке не приведет читателя (или зрителя) к коммуникативным затруднениям, к утрате им части смысла. Проблема понятности и коммуникативной доступности речи героев относится также

и к украинскому языку, однако она решается нестандартными способами, что подробнее будет рассмотрено ниже.

Не останавливаясь подробно на этой теме, укажем лишь на то, что для достижения когнитивной прозрачности могут применяться различные языковые стратегии. Они зависят не только и не столько от иллокутивных целей текста и авторских художественных задач, сколько от этнической принадлежности того, чья речь отображается в тексте – является ли это речью иностранца или речью этнически не русского человека, выросшего в рамках русской государственности и в той или иной степени адаптированного русской культурой (т.е. того, кого до революции принято было именовать «инородцем», а в советский период «нацменом»). В художественном произведении **иностранный язык** может быть выражена тремя различными способами – во-первых, на обычном русском языке; во-вторых, на искаженном русском языке, маркирующем акцент говорящего и его неполное владение языком; в третьих, на родном языке говорящего с подстрочным русским переводом. Первый способ предполагает художественную условность текста, понимаемую и автором, и читателем (зрителем) – например, общение между немцами в фильме «Семнадцать мгновений весны» передано исключительно средствами русского языка, хотя и создатели фильма, и зрители прекрасно осознают, что в действительности персонажи говорят по-немецки, а русский служит здесь лишь условной формой ретрансляции смысла. Второй прием – искаженная русская речь – обычно употребляется при передаче коммуникации иностранца с русским, если по замыслу автора иностранец в какой-то степени владеет русским языком (хотя априори предполагается, что иностранец не обязан знать русский язык). Ср., например, разговор Воланда с Берлиозом и Иваном Бездомным на Патриарших прудах, где появление и исчезновение иностранного акцента в речи Воланда специально акцентируется Булгаковым. Третий способ – передача речи иностранца средствами его родного языка используется для достижения целого спектра художественных и смысловых задач, начиная от реалистичности изображения, кончая привнесением в текст дополнительных коннотаций и ассоциаций, связанных с данным языком в русской культуре. Как правило, в этом случае фрагменты на иностранном языке снабжаются в письменном тексте постраничным переводом, а в фильмах – титрами или дубляжом, чтобы не затруднять адресату понимания сказанного. В письменном тексте при этом обычно используется латинская графика, хотя иногда, чтобы облегчить понимание, фрагменты на чужом языке передаются и кириллицей.

Перевод может отсутствовать лишь в том случае, если у автора есть уверенность, что используемые языковые элементы априори должны быть знакомы русскому адресату (или тому кругу адресатов, которому предназначен текст), что автор и адресат обладают общим фондом культурной информации. Однако набор таких языковых элементов достаточно узок, изменчив во времени и ограничивается, как правило, общеупотребительными фразеологизмами и устойчивыми сочетаниями. Примером может служить приводимое без перевода столкновение польской и немецкой речи в поэме Д. Самойлова «Ближние страны» при описании Варшавского восстания 1944 г.: «Щеки к жестким прикладам прижались. / Дейчланд, Дейчланд! (Огоны!) ... / Юбер аллес! / Дейчланд (Снова огонь!) ... юбер аллес!» / Дейчланд, Дейчланд! (Огонь и огоны!) / Каждый нерв напряжен до предела, / Тишина провалилась, как нарыв... / Еще Польша ... (Разрыв!) ... не сгинела, / Еще ... (Снова разрыв!) ... не сгинела... / Не сгинела... (Разрыв и разрыв!)». Из сказанного следует, что речь на иностранном языке в своем непосредственном виде, как правило, считается непонятной для русскоязычного адресата и нуждается в обязательном переводе на русский язык одним из упомянутых способов.

При передаче в художественном тексте *речи представителя этнического меньшинства*, входящего в состав русской государственности, т.е. человека, принадлежащего к разряду «получужих», которые не доросли до «взрослых», до «своих»⁴, используются другие языковые стратегии. Они во многом определяются как неофициальным статусом данного этноса в имперской иерархии⁵, так и его стереотипом, сложившимся в русском культурном сознании. Языковые средства, используемые в русских текстах для передачи речи различных народов Российской империи/Советского Союза, отчасти уже были описаны, например, для жанра русских анекдотов⁶. Если говорить о более широком круге текстов такого рода, можно выделить следующие тенденции.

Во-первых, имплицитно предполагается, что все не титульные народы России обязаны знать русский язык в большей или меньшей степени, а русские не обязаны знать или хотя бы понимать их языки. Поэтому этнически нерусские персонажи художественных текстов, как между собой, так и с русскими собеседниками очень часто говорят по-русски или с вкраплением языковых средств, указывающих на их этническую принадлежность и создающих ту или иную стилистику. В этом случае, в отличие от передачи речи иностранцев, говорение по-русски является отнюдь не художественной

условностью, а указанием на то, что герой действительно говорит по-русски. В русском узусе выработались стереотипные наборы языковых элементов, закрепленных за речью представителей разных этносов и создающих эффект говорения на ломаном языке или с акцентом (например, для речи поляка – ударение на предпоследнем слоге, для речи еврея – прибавление к слову частицы *–таки* и др.). Описание этих языковых стереотипов приведено в упомянутой работе Шмелевых. Важно подчеркнуть, что степень владения русским языком и его кодифицированными нормами весьма жестко соотносится с социальными, идеологическими и личностными характеристиками героя, особенно в текстах советского периода, хотя и для русской литературы такая зависимость прослеживается достаточно четко. Степень владения русским языком в одних случаях служит указанием на образовательный и общественный статус говорящего, включенность в русскую культуру; в других случаях может также приобретать идеологическую окраску и указывать на его лояльность русской/советской государственности. Незнание или плохое знание русского языка представителем этнического меньшинства свидетельствует или о его необразованности, низкой социализации, или же о его политической отсталости и негативном отношении к власти и государству. Например, на своем национальном или ломаном русском часто говорят враги Советской власти – басмачи, петлюровцы, махновцы, бандеровцы, пособники фашистов и т.д. Чем лучше и чище герой говорит по-русски, тем выше его статус и социализация, тем больше его включенность в рамки русской/советской государственности, тем более позитивным он предстает в глазах автора и его адресатов. Например, персонажи, находящиеся на государственных должностях, офицеры русской армии, вообще все положительно оцениваемые лица говорят или только по-русски, или же их речь двуязычна в зависимости от официальности/неофициальности коммуникативной ситуации, о чем более подробно будет сказано ниже. Эта тенденция характерна для передачи речи всех этнически не русских персонажей художественных текстов, независимо от их национальной принадлежности.

Во-вторых, иноязычные персонажи могут говорить между собой на своем национальном языке и переходить на русский при межнациональной коммуникации (как с русскими, так и с представителями других этносов России). В этом случае речь на национальном языке дублируется закадровым переводом в фильмах и подстрочником в письменных произведениях. Подобный прием использован,

в частности, в фильме «Мимино» режиссера Данелии (хотя в его более раннем фильме «Не горюй!» все грузинские герои говорят по-русски как между собой, так и с русскими).

В-третьих, можно заметить существенное различие в способах передачи речи представителей славянских и неславянских народов. Если для всех неславянских народов действительны предыдущие два способа передачи их речи, то в отношении к славянам стратегия представляется более сложной и индивидуальной в зависимости от этноса. По отношению к речи славян (как правило, это славяне, существовавшие в рамках русской государственности – белорусы, украинцы и поляки) стратегия выбирается с учетом реальной близости данного языка к русскому. При этом предполагается, что, в отличие от всех других языков, русскоязычный читатель/зритель обязан в той или иной степени понимать речь на славянских языках, основываясь на их историческом родстве и общей лексической и грамматической базе. Что касается польской речи, то при ее передаче используются две основные стратегии, учитывающие исторический период действия сюжета (Польша как часть Российской империи или советского политического пространства и Польша как независимое государство) и лояльность персонажа по отношению к России. Если герой-поляк находится на службе русской государственности, он говорит по-русски (или с фонетическим и лексическим обозначением польского акцента). Ср., в частности, безупречно правильную русскую речь штабс-капитана Студзинского в «Белой гвардии» Булгакова, в которой появление акцента служит указанием на эмоциональную реакцию персонажа («Господин полковник, – все ударения у Студзинского от волнения полезли на предпоследний слог, – разрешите доложить. Это невозможно...»). По-русски (хотя и с обозначением акцента) говорят политически лояльные поляки – например, польские антифашисты, солдаты Армии Народовой, жертвы фашистских концлагерей и другие «прогрессивные» лица (здесь уместно вспомнить русскую речь поляка в фильме Марлена Хуциева «Был месяц май»). Если герой – представитель независимой Польши, он, как правило, говорит по-польски. Но в этом случае польский язык воспринимается как любой иностранный и сопровождается переводом. Впрочем, в русской литературной традиции существуют и тексты, ставящие целью адаптировать польскую речь для русского читателя (для чего она передается кириллицей). Ср. речь пани Гролинской в романе В. Богомолова «Момент истины»: «Пшепрашам паньства, – с улыбкой извинилась Гролинская; она выглянула в окно

и сказала: «Нех шен пани юж успокои. Пшез быле глупство денервует шен пани пшешло годинен...»⁷, однако даже такой адаптированный текст редактор счел нужным снабдить подстрочным переводом, чтобы не создавать читателю трудностей с пониманием.

Наиболее приближено к русской речи передается речь белоруса, она или вообще никак не выделяется по отношению к русской (ср. речь солдата-белоруса, сослуживца Максима Перепелицы в одноименном фильме) или выделяется с помощью весьма скудного набора маркеров: твердый звук «р», частица *не* вместо русского «нет», иногда сюда добавляются некоторые лексемы, совпадающие с украинскими (например, *трохи* в значении «мало, немного»). Так, в частности, говорят крестьяне Западной Белоруссии в романе В. Богомолова «Момент истины» и в фильме «В августе сорок четвертого...», снятого по этому роману. При этом председатель сельсовета, коммунист и бывший партизан говорит на вполне правильном русском языке с небольшим заимствованием польских слов (*кепсько* «плохо», *мусить* «должно»).

Таким образом, из трех наиболее часто представленных в русских текстах славянских языков восприятие польского приближено к иностранному, а восприятие белорусского чрезвычайно слабо маркировано и максимально приближено к русскому.

Рассмотрим теперь ситуацию с украинским языком. Отнюдь не все фильмы и не все русские литературные произведения, так или иначе затрагивающие украинскую тематику, используют украинский язык для передачи речи персонажей-украинцев. Довольно часто речь украинцев в русских кинематографических и литературных текстах передается средствами русского разговорного («Королева бензоколонки», «Сын полка» В. Катаева) или даже литературного языка («Трембита», «В бой идут одни старики»), что предполагает полное владение русским языком украинскими персонажами. В других случаях (и их в советском кинематографе большинство) практикуется включение отдельных элементов украинского языка в русскую речевую ткань произведения, которые вводятся в речь отдельных персонажей, создавая нужный автору языковой портрет героя (ср. речь Ивана Пасюка в «Место встречи изменить нельзя», речь героев фильмов «Кубанские казаки», «Станица дальняя», «Максим Перепелица»). Вкрапление украинизмов во вполне правильную в целом русскую разговорную речь служит решению весьма разных идейных и художественных задач в различные периоды советской фильмографии.

Условно можно выделить два довольно разных стратегии в изображении украинского языка в советских фильмах разного периода. Для первой стратегии, примерно охватывавшей период 30-50-х годов XX в., характерна та эмблематичность в передаче украинской речи, которая отличает принципиально неточный дискурс. Это означает, что создателей фильмов не были нацелены на полноту и достоверность передачи реальной украинской речи, и тем более их не интересовали достоверные правила фонетики, грамматики, словообразования или синтаксиса украинского языка. Встречавшиеся в речи персонажей украинизмы служили своего рода эмблемой, за которой была закреплена совокупность идеологических значений, своего рода сигналов, легко опознававшихся зрителем. Вторая стратегия отображения украинского языка, характерная для позднего советского кинематографа 70-80-х годов, была в гораздо большей степени нацелена на решение чисто художественных и психологических задач. Во-первых, на создание этнокультурного стереотипа украинца путем формирования его речевого образа, вернее, – на развитие того стереотипа, который уже сложился в русской культуре к этому периоду. Во-вторых, в ряде фильмов решались уже более сложные задачи, а именно – создание речевого портрета конкретного персонажа как способ выражения его психологического характера (ср., например, речь девочки-сироты, героини Елены Прокловой в фильме «Гори, гори, моя звезда» или речь милиционера Грищенко в фильме «Зеленый фургон»). Рассмотрим подробнее те языковые средства, которые употреблялись в эти периоды.

В кинематографической эстетике 30-50-х годов украинизмы использовались довольно часто, но их употребление вовсе не предполагало создания национального образа персонажа путем создания его речевого портрета. Основные идеологические постулаты этого периода о приоритете классового начала над национальным, о стирании границ между нациями, о построении нового, интернационального общества (центром которого мыслилась все та же «большая русская нация» уваровского образца) делали ненужным и даже идеологически вредным любое слишком явное маркирование национальных, в том числе речевых, характеристик образа. В этот период украинизмы являются не этническим, а скорее социальным, классовым маркером, они служат средством для создания эффекта простонародной, неcodифицированной разговорной речи, определяющей простого человека и противопоставленной, прежде всего, речи образованных людей и представителей

государственной власти, говорящих по-русски (ср. речь персонажей в фильмах «Станица дальняя», «Максим Перепелица»).

Поэтому задача достоверной, объективной передачи реального украинского языка с его фонетическими, лексическими, словообразовательными особенностями не ставилась в принципе. Вместо этого в фильмах данного периода формируется и прочно утверждается некий фантомный конструкт, довольно приблизительно, а иногда искаженно воспроизводящий отдельные составляющие украинского языка, закрепляющий их в русском языковом сознании как «украинские». Сложившийся эмблематический образ кинематографического «украинского» языка не должен был сильно отличаться от русского, что обуславливалась двумя задачами – практической и идеологической. Практическая задача требовала, чтобы употребление украинской речи не приводило к коммуникативным затруднениям, нарушению восприятия со стороны зрителя. Поэтому при использовании украинизмов ориентировались, прежде всего, на те его элементы, которые давно и надежно были освоены русским языковым сознанием.

Идеологическая задача верховной власти по отношению к Украине в начале 30-х годов XX в. определялась резким свертыванием процесса «украинизации», последовательно проводившегося в 20-е годы, увеличением сферы употребления русского и установкой на нивелирование различий между украинским и русским языком. Данная языковая политика последовательно проводилась во всех сферах языкового пространства Украины – русский язык вновь возвращался в стены высшей школы, в театрах увеличивается число постановок на русском языке, возрастает численность русскоязычных газет и журналов. Особенно наглядно тенденция ретуширования всего, что указывало бы на дистанцию между русским и украинским языками, прослеживается в отборе лексического состава русско-украинских словарей, вышедших в 30-40 гг. При составлении словарных статей в них последовательно убирались или перемещались на вторые позиции собственно украинские лексемы, а на первое место помещались русизмы. Например, выпущенный в 1937 году «Російско-український словник» подвергается резкой критике как «очень неполный, недостаточно точный и недостаточно критический по отношению к националистическим перегибам предыдущих словарей»⁸. Взамен него в 1948 году выходит новый русско-украинский словарь, в гораздо большей степени отражающий уровень влияния русского языка на украинский. Ср., например, некоторые лексические соответствия, взятые

из этого словаря: «болт – болт, прогонич»; «верховный – верховний, найвищий»; «глыба – брила, глиба»; «сахар – цукор, сахар» и т.д.

Указанная тенденция не могла не отразиться на принципах подачи украинской речи в советских фильмах 30-50-х годов. Во-первых, речь персонажей фильмов этого периода вряд ли можно назвать украинской – скорее, можно говорить о русской разговорной речи, в большей или меньшей степени насыщенной украинскими элементами. Перефразируя цитату из Грибоедова, можно сказать, что это была смесь украинского с нижегородским. При этом «нижегородско» было больше, чем украинского.

Во-вторых, «украинская» речь персонажей была ситуативной. Поскольку в фильмах этого периода психологизм не входил в число основных творческих целей, они вовсе не ставили перед собой задачи формирования художественного образа путем создания его достоверного речевого портрета. Это означает, что украинизмы призваны были отражать не языковую личность говорящего (а через нее – его психологию), а маркировали социокультурные ситуации, в которых уместно или не уместно употребление украинского. Поэтому доля украинизмов в речи одного и того персонажа могла значительно разниться на протяжении всей роли – в одних коммуникативных ситуациях герой мог говорить на почти правильном русском языке, в других его речь маркировалась отдельными украинскими вкраплениями, в третьих уровень украинских элементов значительно возрастал, а отдельные фразы или фрагменты речи произносились на более или менее правильном украинском языке. Иными словами, украинские элементы располагались в речи персонажа своеобразными «сгустками» – величина и уровень этих «сгустков» росли в одних типах коммуникации и сходили на нет в другие моменты общения. О том, какие именно коммуникативные ситуации маркировались «украинской» речью, подробно будет сказано ниже. Однако можно указать на общую тенденцию – чем более официальной является коммуникативная ситуация, тем более «русской» становится речь героя; в более неформальной ситуации число украинизмов возрастает.

Примером такого речевого поведения может служить речь персонажей фильма «Максим Перепелица», в котором жители украинского села говорят, в целом соблюдая грамматический, лексический и синтаксический строй русского языка, однако на то, что это речь украинцев, указывают лексические и фонетические маркеры, приносимые в речь в виде вкраплений. Приведем диалог деда Мусия и его жены по поводу тыквы, т.е. «гарбуза», обнаруженного на плетне

их дома (в украинской традиции «гарбуз», поднесенный мужчине, означает со стороны девушки отказ ему в сватовстве): «Виник ты старый, кочерга ты блудливая. Назначили его над колхозной пасекой, так я ему уже не пара стала!» – «Опомнись, Парасю, опомнись!» – «Ты б внуков наших постыдился!» – «Это охальник какой-то подшутил!» – «Брэшэш! Брэшэш! Ну, скажи, к кому ты ходил?» – «Да не ходил!» – (реплика внучки): «Диду, диду, это же Максим повесил. Я сама видела». – «Ах, уром бы тебя побил...».

Как видно из этого отрывка, речь героев маркируется всего несколькими элементами украинского языка. Из фонетики здесь представлены: звук «і» как рефлекс этимологического «ѣ» в слове «виник»; результат процесса отвердения мягких согласных перед гласными переднего ряда, отраженный в слове «брэшэш»; «ґ» фрикативное в слове «урум». Грамматические особенности украинского языка представлены вокативной формой существительных «Парасю» и «диду». Обращает на себя внимание тот факт, что украинский элемент воспринимался исключительно как эмблема, т.е. как внешний, формальный знак украинской речи, изолированный от остальной части словоформы, которая оформлялась в соответствии с правилами русского языка, что приводило к контаминации русского и украинского элементов даже внутри одного слова. Примером такой контаминации в приведенном отрывке служит слово «виник», первый слог которого оформлен как украинский, а второй – как русский, поскольку в настоящем украинском слове «віник» [винык] второй слог отражает процесс отвердения мягких согласных перед гласными переднего ряда и, в отличие от русского языка, содержит твердый звук «н», что обуславливает последующий гласный непереднего ряда. Таковую же контаминацию представляет собой слово «урум» – в котором учтен «ґ» фрикативный, но не учтен переход «о» в «і» в новых закрытых слогах, как должно быть в настоящем украинском слове «грім». При этом даже представленные немногочисленные элементы украинской фонетики даны непоследовательно, например, слово «кочерга» произносится с русским литературным «г» взрывным. При такой речевой стратегии авторы фильма ставят своей целью не достоверность передачи реального языка, а создание своеобразного и весьма выборочного набора «сигналов», создающих эффект говорения по-украински. Как можно судить по исследуемому материалу, это элементы, в основном, фонетического, а не лексического и не грамматического порядка.

Что касается корпуса украинской лексики, которая задействована в речи персонажей, то в него входят, прежде всего, те слова, которые

были освоены и адаптированы русским языковым сознанием не только и не столько на уровне низового бытового общения («лексика базара»), но, прежде всего, были введены в русский общенациональный язык через язык художественной литературы XIX в. (прежде всего, через язык произведений Гоголя, Короленко, Лескова). Этот набор украинизмов, освоенных русским языковым сознанием и включенных в русское языковое пространство, в ткани литературного произведения выполняет несколько функций. Украинизмы создают необходимый локальный колорит (имена и фамилии героев, названия национальной пищи, одежды, типов жилища, бытовых обычаев и ритуальных традиций, иерархии социальных отношений), создают экспрессивную и определенную стилистическую окраску (оценочная лексика, слова, относящиеся к характеристике действия и состояния персонажа), определяют речевую характеристику персонажей. Состав и классификация украинских элементов разного уровня, а также их функции в русских литературных текстах данного периода отчасти проанализированы в дипломной работе Е.В. Притуляк на примере корпуса русских художественных текстов⁹.

Что касается состава украинской лексики, использующейся в советских фильмах первого периода, то из имен существительных сюда относятся, прежде всего, лексемы, обозначающие половозрастные категории человека (*хлопець, жінка, баба* 'женщина', *дівчата*), родственные отношения (*батько, батьки* 'родители', *старá* 'жена', *дід*) обозначение административного лица, руководящего сельским сообществом (*голова колхоза*), оценочная характеристика человека (*дурень*), а также существительные, обозначающие деньги, элементы традиционной одежды и бытовые реалии (*гроши, світка, рушник, гарбуз*).

Что касается глаголов, употребляющихся в речи персонажей фильмов, то наиболее частотную семантическую группу составляют глаголы перцепции (восприятия) и коммуникации: *подивись, слухай, не бачил, брешеш, прибрехіваєт*, глаголы *шукати* и *ховати*, а также глагол *бути*, в том числе и с частицей отрицания *нема*.

В группу немногочисленных прилагательных входят прилагательные с семантикой оценки: *гарний, дурна (баба)*. Среди местоимений наиболее часто по украинскому типу бывают оформлено личное местоимение *я* в косвенных падежах: *мені, до мене*, а также местоимения *он (она, оно): вона, він* и притяжательное местоимение *ти* «тебе». Гораздо чаще в речи персонажей встречаются украинизмы, относящиеся к характеристикам действия и состояния персонажа,

т.е. описывающие экспрессивно-оценочную сферу. В их число входят наречия: *треба, зараз, зразу, трошки, трохи, дівно*, а также служебные части речи, в том числе союзы. В группе союзов наиболее частотным и маркированным является союз *шо*, который в русском речевом сознании играет эмблематическую роль «украинскости»; кроме него довольно последовательно употребляются союзы *як, чи, шоб, ще, нэхай*, предлог *до (до мене)*, частица *та (та не)*, междометие *тю!*

Те немногочисленные лексемы, которые действительно могли бы вызывать у русскоязычного зрителя смысловые затруднения, объясняются в фильме посредством соответствующих диалогов между персонажами. Так, например, в диалоге между местной сельчанкой и приехавшим в село шофером объясняется смысл украинского обычая подносить парню «гарбуза». В другом месте Максим Перепелица объясняет горьковскому (т.е. нижегородскому) сапожнику значение слова *николи* 'некогда'.

Что касается украинского синтаксиса, то он практически полностью отсутствует в фильмах исследуемого периода, за исключением sporadического оформления по украинскому типу вопросительных предложений с союзом «чи»: «Тю, да чи ты Марусю не знаєшь?» («Максим Перепелица»).

Эти и другие примеры позволяют говорить о выработке в языке кинематографа своеобразного «украинского» речевого стандарта, содержащего определенный набор средств, прежде всего фонетических и лексических, которые бы утверждали зрителя в мысли, что украинский язык отличается от русского лишь некоторыми, не создающими трудностей для понимания, фонетическими и лексическими особенностями. Рассмотрим корпус этих элементов и их статус в русском языковом сознании.

Исследование материала показало, что с точки зрения русского массового сознания украинский язык собственно *языком* не никогда не считался. Он рассматривался как диалект русского языка, испорченный польским, либо как языковой стиль (что и обусловило его широкое применение сначала в художественной литературе, а затем и в кино). В данном случае, несомненно, сыграли свою роль и старые идеи, сформулированные еще в XIX в. в русле национальной политики по отношению к Украине и украинцам и вписывающиеся в рамки теории о большой русской народности (здесь нужно вспомнить знаменитую дискуссию Погодина и Максимовича о малороссийском и великороссийском наречии): согласно этому подходу, украинского

языка не существует, а есть южнорусское наречие. С нашей точки зрения, эта теория не смогла бы найти в широком массовом, низовом сознании такую поддержку (если эту теорию вообще можно считать известной русскому низовому сознанию), если бы она не подкреплялась «снизу» собственно языковыми особенностями украинского языка, и их соотношением с южнорусскими диалектами.

Наблюдение над основными чертами южнорусских диалектов и релевантных для русского сознания признаков украинского языка позволило увидеть, какие черты украинского языка считаются с точки зрения русского сознания «украинскими» – именно они и закрепились в советских фильмах в качестве «украинского» речевого стандарта. Кроме указанных выше источников, материалом для этого послужили, в частности, анекдоты про украинцев (в которых наиболее четко прослеживается изображаемая самими русскими русская речь нерусских). Среди релевантных языковых признаков выделяются следующие:

прежде всего это «геканье» – произнесение «у» фрикативного на месте русского литературного «г» взрывного (*у́род, у́лова*);

произнесение «у» неслогового в глаголах 3 л. ед. ч. прошедшего времени (*казаў, читаў, бачиў*);

«і» как рефлекс фонемы «ять» на месте русского литературного рефлекса «е» (*дед-дід*); рефлекс «і» в новых закрытых слогах на месте русского литературного «о» (*non-nin*).

на первом месте по значимости можно поставить союз «шо», вместо русского литературного «что», который зачастую является главным и исключительным маркером «украинской» речи, отличающей ее от русской (ср. анекдот: «Вы москвич? – Да, а шо?»¹⁰).

Но все перечисленные черты не являются особенностью исключительно украинского языка – они широко распространены в южнорусских говорах и воспринимаются русским массовым сознанием не как черты чужого самостоятельного языка, а как черты собственной некодифицированной диалектной речи, т.е. с точки зрения низового наивного сознания – речи необразованных людей, не овладевших произносительными нормами русского литературного языка, а поэтому имеющей чрезвычайно низкий статус и противостоящей литературному языку. Эта ситуация поддерживается еще и тем, что, как известно, не существует четкой языковой границы между русским и украинским языком, а есть широкая полоса т.н. переходных говоров, содержащих элементы как одного, так и другого языка.

Можно говорить о том, что корпус маркеров «украинского» языка в советском киноязыке создавался не только и не столько по идео-

логическим причинам, диктовавшимся сверху (хотя отрицать этот фактор было бы неверно), но, прежде всего, исходя из реально существующего языкового и речевого пространства, общего для обоих народов.

Кроме создания речевого портрета «простого советского человека», труженика на своей земле, украинизмы в речи персонажей выполняли ряд других важных функций. В частности, они формировали необходимый уровень этнографизма – национального колорита как составной части этнокультурного стереотипа украинца, сложившегося в русской культурной традиции еще в первой половине XIX в. Первая волна рефлексий на украинские темы прослеживается на рубеже XVIII–XIX в. под влиянием идей и представлений о «поэтическом Юге», сформированных сентиментальной литературой путешествий (В. Измайлов, П. Шаликов) – Украина (или, как она тогда называлась – «полуденная Россия») становится топосом, символизирующим «русскую Аркадию», а житель «Аркадии»-Украины в соответствии со взглядами эпохи сентиментализма и просвещения наделяется качествами «человека естественного», «человека простодушного», символизирующего собой «дитя природы», не тронутое цивилизацией (как положительными ее сторонами – образованием, просвещением, интеллектуальностью, так и ее пороками). Советское кино, развивая этот стереотип, трансформирует его в образ Украины как «советской Аркадии», где «естественный» человек эволюционирует в «простого» (уже в социальном смысле слова) человека, а сама «украинская Аркадия» символизирует собой место благоденствия и изобилия, где воплощаются утопические коммунистические идеи построения «рая на земле».

Для формирования этнокультурного стереотипа украинца в русской культуре особую актуальность приобретает этнографический колорит Украины, становящийся фоном, на котором действуют романтические герои. Эта тенденция возникает в первой трети XIX века в связи с идеями романтизма. Украина, ее история, быт и обычаи народа становятся объектом, на котором шлифуется и разрабатывается русский романтический этнографизм. Романтическая интерпретация образа украинца как «человека природного» на этом этапе развивается двумя путями – с одной стороны, этот стереотип воплощается в ряде героико-романтических образов – казаков и гайдамаков (ср. повесть О.М. Сомова «Гайдамак», где главный герой явно отождествляется с благородным разбойником Робин Гудом), с другой, – он проявляет себя в псевдо-фольклорных и псевдо-этнографических образах украинских «пейзан» (ср., в частности,

образы, созданные Н.В. Гоголем в «Вечерах на хуторе близ Диканьки»). Этот поворот в осмыслении образа украинца возбудил интерес к украинскому фольклору (особенно – к песням), в соответствии с идеями романтизма, считавшегося той сферой, в которой в наиболее концентрированном и непосредственном виде проявляется национальный характер. Даже в тех случаях, когда все общение персонажей дается по-русски, песни, сопровождающие лирические сцены, звучат по-украински («Королева бензоколонки»).

Изображение украинских персонажей в фольклорном (вернее – псевдофольклорном) контексте становится устойчивым стереотипом для русской культуры и находит свое отражение и дальнейшее развитие в советском кинематографе (ср., например, эпизод с «украинской» свадьбой в фильмах «Станица дальняя», «Богатая невеста», «Свадьба в Малиновке», образы украинских селян в «Максиме Перепелице», «Зеленом фургоне»). Фольклоризм как характерная черта речевого стереотипа украинца проявляется, прежде всего, в том, что упомянутые выше «сгустки» украинизмов приходятся на пословицы, поговорки, фразеологизмы и прочие устойчивые речевые формы, генетически восходящие к фольклорным формам, которые выражаются высказываниями, наиболее приближенными к реальному украинскому языку. Ср., например, диалог между Степаном Левадой и Максимом Перепелицей, который начинается по-русски, а заканчивается по-украински: (реплика Левады): «Обиделась?» – (Перепелица): «Кто?» – «Маруся». – «Тю, да чи ты Марусю не знаешь? Зашепила, як шкварка и всё, зараз прибежит»; или: «Не, ну шо тим диўчатам надо? Нет, ну ты подивись на Мыколу – уарный, як намалёванный», «Дай обоўрэця, замэрз, як тютя!», «Ты попэрэд батька у пэкло лизэш», «Дай Божэ, шоб усэ было ўожэ» и т.д.

С помощью украинского языка может передаваться стилистика эмоционального состояния героя – сгущение украинизмов наблюдается в лирических или эмоциональных сценах или ритуально маркированных ситуациях, например, во время свадебного обряда (фильм 30-х гг. «Станица дальняя»), при объяснении в любви, ссоры и т.д.

Украинский этнографизм в фильме часто выражается и другими языковыми средствами – топонимикой (ср. название села Яблонивка в «Максиме Перепелице»), а чаще всего украинскими формами личных имен (Василина, Ганна, Евдоха, Панько, он же Опанас или Атанас, Кондрат, Богдан, Василь, Микола и др.) или фамилий героев: Перепелица, Левада, Козак, Худотэпый, Иван Твэрдохлиб в «Максиме Перепелице», Иван Пасюк в фильме «Место встречи изменить

нельзя», Людмила Добрывечер, Тарас Шпичка, Пидорожный, Борщ, Лопата в «Королеве бензоколонки», Богдан Сусик в «Трембите».

Корпус личных имен, имеющих национальную, в том числе, украинскую стилистическую «маркировку», весьма устойчив в языковой традиции. Более того, такой набор имен довольно индивидуален для той ли иной национальной традиции, например, для русской и польской. Корпусы антропонимов, маркированных как украинские в русской и польской языковых традициях, требуют отдельного сравнения. Не останавливаясь подробно на этой теме, укажем лишь, что для русского узуса такой набор, несомненно, более узок, чем для польского, поскольку в польском языковом пространстве в качестве «украинских» отмечены не только собственно украинские формы восточнославянских имен (типа Василь, Петро, Микола, Грицько), но и довольно широкий круг восточнославянских антропонимов, которые в русском языковом сознании считаются «своими» и не имеют «украинской» стилистической окраски. Например, в упомянутой выше работе М. Стрыхарской-Бжезины в антропонимический ряд, характеризующий в польском языковом стереотипе украинского казака, попали такие личные имена, как: Иван, Артем, Яков, Клим, Макар, Максим, Осип, Наум, Захар, Сидор и др.¹¹, которые для носителя русской языковой традиции не несут в себе ничего специфически «украинского». При этом типология фамилий прозвищного типа, маркированных как «украинские», вполне совпадает как для польского, так и для русского узуса (например, Муха, Сорока, Чайка, Шуляк, Хват, Гук, Сердюк, Орленко, Палий, Золотобородый и под.¹²).

Одной из стереотипных форм выражения украинского этнографизма в советских фильмах является комическое или юмористическое поведение украинца, в том числе и речевое. Эта тенденция также восходит к стереотипу, сформированному в русской и украинской литературе более раннего периода. В рамках романтического этнографизма в первой половине XIX в. возникает устойчивая традиция комического изображения украинца (которая в последствии будет реализовываться в широких рамках — от мягкого юмора до беспощадной иронии и гротеска), ведущая свое начало, в частности, из украинских бурсацких интермедий XVIII в. с их комическими и шаржированными персонажами «дедом» и «бабой», вечно бранящимися, дерущимися друг с другом, попадающими в нелепые ситуации. Реализация этой традиции в русской культуре нашла свое отражение в образах Солопия и Хиври в «Сорочинской ярмарке» Гоголя, а в советских фильмах, в частности, в комических образах деда Мусия

и его жены в «Максиме Перепелице». Комизм поведения как одна из наиболее устойчивых составляющих стереотипа украинца в глазах русского обнажает наличие того самого этноцентризма как точки отсчета во взгляде на «другого», о котором писал проф. Е. Бартминьский¹³, поскольку такой этноцентризм подразумевает интерпретацию поведения украинца как «человека природного» с точки зрения русского, осмысляющего себя как «человека цивилизованного», с улыбкой (иногда доброй, а иногда и злой) смотрящего на поведение своего «младшего брата», «не затронутого культурой».

Кроме собственно языковых средств украинский этнографизм в советском кинематографе часто выражался другими, внеязыковыми средствами (например, украинской одеждой героев, изображением украинских хат и их внутреннего убранства), особенно в тех случаях, когда фильм был на русском языке, как, например, в фильме «Трембита», где действие разворачивается на украинских Карпатах в послевоенный период, но местные селяне, лишь накануне войны ставшие советскими гражданами, изъясняются на правильном литературном русском языке.

В более позднюю советскую эпоху, а именно в 70-80-е годы с усложнением языка кино и общих художественных задач меняются и усложняются иллокутивные цели использования украинской речи в языковом пространстве фильма. На смену политическим и идеологическим задачам, которые были приоритетными для фильмографии 30-50 годов, приходят чисто художественные, связанные с вниманием к человеческой личности и достоверным изображением ее психологического мира. Среди методов построения психологического рисунка человеческого характера одним из основных является создание речевого портрета персонажа, особенностей его речевого поведения, способов его коммуникации с окружающими людьми – через все эти составляющие эксплицируются черты личности. Авторы фильмов этого периода охотно используют украинскую речь как яркую языковую «краску», с помощью которой выстраивается художественный типаж. Можно говорить о том, что к этому времени полностью складывается и закрепляется в качестве стереотипного набор языковых средств, с помощью которого украинская речь отображается на экране, а сам украинский язык становится художественным идиостилем «большого» русского языка. В таких фильмах, как «Зеленый фургон», «Гори, гори, моя звезда», «Служили два товарища», «Место встречи изменить нельзя» украинская речь возникает уже не в виде «сгустков», маркирующих те или иные коммуникативные ситуации,

а как основной материал для формирования речевого портрета героя – бывшего крестьянина, отца троих дочерей, младшего милиционера Грищенко («Зеленый фургон», роль Бориса Брондукова), сельской неграмотной девушки, сироты, попавшей в водоворот Гражданской войны («Гори, гори, моя звезда», роль Елены Прокловой), не очень образованного, но с хитрецей сотрудника Уголовного розыска Ивана Пасюка («Место встречи изменить нельзя»), бывших неграмотных крестьян, озлобленных Гражданской войной и подавшихся в махновцы («Служили два товарища»). Во все этих случаях речь персонажей с большей или меньшей степенью последовательности передается средствами украинского языка вернее, тем идиостилем, который выработан для его передачи в русской языковой культуре. По сравнению с периодом 30-50-х годов этот идиостиль содержит уже гораздо больший набор фонетических, лексических и словообразовательных элементов украинского языка и в большей степени стремится к их правдоподобной передаче.

Во-первых, в речи персонажей можно встретить все элементы украинского языка, закрепленные в языке советского кино в предыдущий период – «ґ» фрикативное (*ґроши, поґанэ, ґраждане, проґлотылы*), звук «і» на месте этимологического «ѣ» и в новых закрытых слогах (*дило, бильшэ, бильй*), отвердение согласных перед гласными переднего ряда (*далэко, сэкрэт, одэжа, всэ ж таки, дэнь, докумэнты* и др.), а также звательная форма существительных (*товарышу начальник, дидо, кохано, Сымэнэ, ґрыцько*). Кроме того, появляются фонетические элементы, отсутствовавшие в киноязыке предыдущего периода, а именно: последовательно передаются «ў» неслоговое (*ўсих, диўка, буў, ў хати* и т.д.), «ц» мягкое (*найдуц'я, мисц'е, хлопц'и, Грицько, рэволюц'ю*), спорадически фиксируется замена фонемы «ф» сочетанием «хв» (*хвэйерверк, хвамилии*), полумягкость согласных, в том числе «л» полумягкий (*союзникІ, наліц'о, уволілась*). Более разнообразным становится и отбор грамматических форм: последовательно отмечается мягкость на конце глаголов 3 лица ед. и мн. числа (*идуть, дымлять, лэжить, ползають*), форма глаголов 1 лица мн. числа (*постоимо, нэ можэмо, попоимо да поидэмо*), спорадически передаются формы склонения прилагательных и местоимений (*оконна, интэрэсни, така, таки*), единичным можно считать случай передачи творительного падежа мн. числа имени существительного (*двэрыма*).

Обращает на себя внимание сравнительно небольшой корпус собственно украинской лексики, обслуживающей речь персонажей. Ее

объем возрастает по сравнению с предыдущей эпохой, но не слишком сильно. «Украинскость» речи в основном создается не за счет увеличения лексического состава, а за счет расширения фонетических ресурсов, при чем, часто за счет оформления по правилам украинской фонетики общеславянской лексики или русизмов, которые употребляются наряду или вместо соответствующих украинских словоформ, например: *дэньуи* вместо *уроши*; *нэ видела* вместо *нэ бачила*. Что касается состава украинской лексики, задействованной в речи персонажей фильмов, то здесь можно выделить несколько основных семантических полей, к которым они относятся.

В первую, наиболее частотную группу входят имена существительные, обозначающие **половозрастные категории человека и систему ближайшего родства**: *баба* (в значении «женщина»), *дід*, *дівка*, *хлопец*, *хлопчик*, *жінка* (в значениях «женщина» и «жена»), *стар* (в значении «жена» при обращении мужа). Обращает на себя внимание, что в этой группе отсутствует лексема *чоловік*, в отличие от русского языка имеющая значение «мужчина», «муж» (показательно отсутствие этой лексемы и в языке фильмов предыдущего периода). Объяснить отсутствие столь важной лексемы (при наличии слов для обозначения остальных половозрастных категорий) можно только тем, что значение слова *чоловік* в украинском языке вступает в противоречие с соответствующим русским аналогом, за которым закреплено не половое, а общее категориальное значение человеческого существа (соответствующее украинскому *людина*). Употребление этого слова могло бы ввести в заблуждение русскоязычного зрителя, затруднить понимание, поэтому оно просто выводится из оборота. Этот же принцип действует и во всех остальных случаях – украинское слово заменяется русским, если оно недостаточно хорошо освоено за предшествующий период языком художественной литературы или если его значение принципиально отличается от фонетически похожего русского слова.

Вторую по частоте группу существительных (весьма немногочисленную) составляют лексемы, обозначающие тип жилища (*хата*), название денег, в том числе советских (*гроши*, *червонці*), название табака (*тютюн*) и цвета (*колер*).

Число и состав украинских прилагательных в поздний период практически ничем не отличаются от того, что использовалось в фильмах 30-50-х годов. Сюда в основном входят прилагательные с оценочным значением, употребляющиеся в связанных словосочетаниях: *Уарна дівка*, *добра баба*, *справна жінка*, *поуанэ діло*, *бісова душа*, *кож-*

на собака, до червоної армії, швідкій. Как видно из приведенных примеров, большинство прилагательных не являются специфическими украинизмами и имеет аналоги в русском языке с тем же самым или близким значением. Практически не встречается сравнительная форма прилагательных, за исключением единичного употребления лексемы *краще* «лучше» («Зеленый фургон»), поскольку их восприятие затруднительно для русскоязычного зрителя.

Столь же замкнутой и постоянной на протяжении всего исследуемого периода остается группа наречий, большинство которых также имеет оценочное значение и образовано от тех же корней, что и прилагательные: *уарно, добре, поуане, дівно*. Кроме них наиболее часто в речи персонажей употребляются следующие наречия: *треба, зараз, трошки (трохи), тільки, дужэ, звідки, особливо*.

При достаточно немногочисленной группе существительных и прилагательных в этот период значительно по сравнению с предыдущей эпохой возрастает число используемых украинских глаголов. Однако, большинство из них является обще- или восточнославянскими и лишь оформлены в соответствии с фонетическими правилами украинского языка: *пійти, підводить, піднеми, віднеси, віддай, полявають, послухай, знайти, зняла, ллють, померти, забудь, співають* и др. Число собственно украинизмов в глагольном ряду продолжает оставаться достаточно небольшим, и наиболее частотную группу, как и прежде, составляют глаголы перцепции и коммуникации: *подивись, бачте, казали*. Можно выделить устойчиво освоенную русским языком группу украинских глаголов, которые повторяются в речи героев большинства фильмов, таким образом маркируя украинское речевое пространство. Среди них глаголы: *робити* «делать», *шукати* «искать», *чекати* «ждать», *тікати* «убегать», императив *рятуйте* «спасите, помогите».

В фильмах 70-80-х годов, как и раньше, наиболее частотными средствами для формирования украинской речи служат местоимения и служебные части речи – союзы, предлоги и частицы. Как и в предыдущий период, в речи персонажей преобладают косвенные падежи личных местоимений *я (мені, мене), він (вона, воно, вони), ти (ті, тебе)*. Однако корпус местоимений значительно расширяется, на первое место по употребительности выходит вопросительное местоимение *шо* (и его косвенная форма *чоуо*), которое наряду с несколькими другими украинизмами является одним из основных языковых маркеров украинского языка в русскоязычном сознании. Даже когда украинская речь выражается минимальным количеством

языковых средств (например, в современных юмористических передачах), местоимение *шо* обязательно входит в их число, наделяясь гиперзначением культурного символа, своеобразного «шиболета», отличающего украинскую речь от русской. Одно из первых мест по частоте употребления занимают также указательные местоимения *це* (а также косвенный падеж *цих*), *оце*, *ото*. Спорадически встречается неопределенное местоимение *якись* и отрицательное *ніякий*.

Как видно из приведенного материала, языковая база украинской речи в фильмах позднего советского периода значительно расширяется по сравнению с предыдущей эпохой. Для этих фильмов можно констатировать стремление к более точному и реалистичному воспроизведению настоящей украинской речи, хотя нужно подчеркнуть, что «украинская» речь персонажей все же является не реальной украинской речью, а лишь ее имитацией, хотя и более высокого уровня. В отличие от предыдущей эпохи, где «украинская» речь персонажа несла на себе скорее социальные, нежели этнические функции, в 70–80-годы она значительно расширяет и усложняет свои функции. Во многом она сохраняет свою социальную стилистику, доставшуюся в наследство от предыдущей эпохи, играя роль некодифицированного просторечия малообразованной, прежде всего сельской части общества. Здесь можно вспомнить речь героини Елены Прокловой в фильме «Гори, гори, моя звезда», в которой важен не только социальный, но и гендерный аспект. «Украинская» речь – это речь необразованных и «отсталых» с политической точки зрения женщин в противовес русской речи образованных и политически грамотных мужчин (герои Олега Табакова и Олега Ефремова в этом же фильме). Однако в этот период она уже несет в себе не столько классовые, сколько собственно этнические смыслы и служит своей основной цели – созданию стереотипа советского украинца в кинематографе. Речь персонажа в фильмах данного периода в гораздо большей степени по сравнению с предыдущей эпохой работает на создание его психологического образа с помощью его речевого портрета.

Важным аспектом является восприятие украинской речи как русскими персонажами в пространстве самого фильма, так и русскоязычными зрителями. Характерно, что никаких форм перевода такая речь, пусть и сильно адаптированная, не предусматривает – предполагается, что русский адресат обязан понимать говорящего по-украински без перевода. При этом имеется в виду как адресат внутри художественного текста – персонаж, который вступает в диалог со своим украиноязычным визави, так и адресат, которому направлен

собственно сам художественный текст, то есть русский читатель/зритель.

Таким образом, русские тексты разных жанров, а также кинофильмы отражают факт, до сих мало отрефлексированный как русским, так и украинским языковыми сообществами – украинский является единственным языком среди всех употреблявшихся в российском/советском коммуникативном пространстве, который воспринимается русским языковым сознанием как не нуждающийся в переводе. Он осознается как часть собственной, русской языковой сферы, как разновидность собственной языковой компетенции, усвоенной с детства и пополняемой в течение жизни разными путями.

Как ни парадоксально, но данная языковая ситуация косвенно напоминает феномен русско-французского билингвизма, принятого в дворянской среде XIX в. и к настоящему времени утраченного русским обществом. В частности, здесь можно вспомнить фрагменты французского текста и французскую речь героев в «Войне и мире», которые для самого Толстого и его читателей-современников, безусловно, не нуждались в переводе, т.к. французский язык был частью их собственного языкового сознания, усвоенного с детства. Безусловно, такое сравнение весьма условно и относительно, поскольку функции и статус французского языка в русском языковом сознании были принципиально другими. Для нас важно лишь то, что как в одном, так и в другом случае не существовало ощущения языкового барьера при коммуникации, и что знание того и другого языка собеседником подразумевалось априори.

Вопрос о том, какими способами русский человек XIX-XX вв. (в начале XXI в. культурная и языковая ситуация в этой сфере резко изменилась) составлял свое представление об украинском языке, усваивал его элементы и использовал в собственной языковой практике при коммуникации как с этническими украинцами, так и в русской языковой среде, является темой для отдельной работы. Несомненно, что наряду с устными формами усвоения украинского в бытовом общении важным способом формирования навыков его восприятия можно считать художественную литературу и, позднее, кинематограф. Основу этому заложил еще Н.В. Гоголь в своих ранних текстах, а также другие писатели украинского происхождения (например, Короленко), касавшиеся украинской тематики. Если говорить о русских художественных текстах, украинизмы как часть русского текста, понятного без перевода, встречаются уже в текстах детской литературы, посвященных описанию среды совместного проживания

русских и украинцев (В. Катаев «Белеет парус одинокий», Л. Касиль «Конduit и Швамбрания», А. Макаренко «Педагогическая поэма» и др.). Во «взрослой» художественной литературе (ср. «Белую гвардию» М. Булгакова, рассказы и повести К. Паустовского, в том числе его «Повесть о жизни» и др.) «украинским» может быть передана речь одного или нескольких персонажей.

В связи с этим можно говорить о совместной русско-украинской языковой компетенции, при котором как русское, так и украинское языковые сообщества владеют достаточным (пассивным или активным) знанием сопредельного языка для успешного общения в сфере нерегламентированного коммуникативного поведения.

Это не значит, что в данной сфере общения вообще отсутствует любая регламентация речевого общения, регламент в ней существует, но он основан на иных, нежели в официальном дискурсе принципах. В частности, на принципе взаимосовместимости, взаимодопустимости различных средств выражения: «в данную сферу «допускаются» все средства, которые в ней необходимы и выгодны с точки зрения потребностей повседневной коммуникации. Никакая другая характеристика (происхождение, структура, оригинальность, исконность, старость/новость) не ограничивает такой выбор. Общество никогда не бывает вынуждено подкреплять функционирование этого регламента институционально. Формальные «недостатки» здесь компенсируются ситуативной закреплённостью коммуникации»¹⁴.

Можно говорить о том, что в русских художественных текстах (как письменных, так и кинематографических) выработался устойчивый и стандартный корпус фонетических, лексических и синтаксических элементов, с помощью которых передается украинская устная речь. Соответственно этот корпус элементов, достаточно хорошо освоенных русской языковой средой и не вызывающих коммуникативных затруднений у русского читателя (зрителя), можно отнести к сфере русско-украинского двуязычия, т.е. к тому языковому багажу, который можно считать общим достоянием как украинской, так и русской культуры. Используя элементы этого корпуса в своем тексте, автор снимает проблему понимания украинской речи русским читателем (зрителем). При этом достигается художественный эффект того, что герои говорят на украинском языке, хотя их речь может весьма существенно отклоняться от реальной украинской разговорной или литературной речи. Таким образом, русские тексты далеко не всегда ставят перед собой задачу передачи действительно настоящей украинской речи с соблюдением всех фонетических, грамматических,

лексических и синтаксических норм. Скорее, они нацелены на выработанные русской культурой за два предыдущих столетия формы имитации украинской речи, в привычных рамках для русского слушателя и не вызывающего у него смысловых затруднений.

Для нас представляется важным, что исследуемые кинофильмы отражают основные и наиболее актуальные стереотипы восприятия украинского языка русским языковым сознанием. Во-первых, необходимо подчеркнуть, что в русских литературных и кинематографических текстах украинский язык почти исключительно предстает в своей устной разговорной форме. На украинском языке говорят, поют, ругаются, объясняются в любви, торгуются на базаре и воюют герои положительные и отрицательные, умные и глупые, добрые и злые, «прогрессивные» и «реакционные», но на нем никогда ничего не пишут и не совершают интеллектуальных прорывов. Трудно вспомнить хотя бы один фильм, в котором персонаж творил бы на украинском языке, создавал бы письменные тексты – исключение составляет лишь весьма слабый и идеологически ангажированный фильм 50-х годов XX в. «Тарас Шевченко», но он почти не известен зрителю. В литературных произведениях украинский язык также используется исключительно для передачи устной речи персонажей. Можно вспомнить, что в языке русской художественной литературы XIX в. среди украинизмов все же встречаются глаголы и отглагольные существительные, связанные с творческой (вернее – с художественной) деятельностью: «Кузнец занимался *малеванием*»; «*Малевать* обидные карикатуры» (Гоголь, «Ночь перед Рождеством»). Однако в языке советского кинематографа глаголы с подобным значением отсутствуют, вероятно, в связи с пренебрежительно-оценочным значением русского глагола *малевать*.

Письменные украинские формы присутствуют в фильмах и литературных текстах лишь в виде немногочисленных коротких надписей и указателей официального характера в общественных местах, по написанию минимально отличающихся от русских аналогов, например, надписи «Каса», «Вхід» в сельском доме культуры («Максим Перепелица»), надпись «Київ – Ялта» на междугороднем автобусе («Королева бензоколонки»). Подобные надписи имеют нейтральный характер и указывают на то, что действие происходит на Украине. Надпись может быть и смешанной, макаронического типа, но в этом случае она обычно отражает некую комическую ситуацию и подчеркивает недостаток образования у писавшего. Например, в одном из эпизодов фильма «Зеленый фургон» показан склад для конфискованных у спекулянтов вещей, на котором висит

надпись: «Камера вещественных доказательств. Прием и выдача от и до». В том же фильме гротескная ситуация раздела Одессы войсками Антанты и Петлюры на разные зоны оккупации с помощью натянутых через улицы веревок подчеркивается висящей на одной из веревок двойной надписью: «Граница. Кордон». Таким образом, кинофильмы и литературные тексты реализуют сложившееся в русском обыденном сознании устойчивое представление о том, что украинский язык – это язык устной культуры, что он обслуживает лишь разговорную, бытовую сферу жизни общества и не имеет (или почти не имеет) своих высших, т.е. письменных, кодифицированных, литературных форм.

Во-вторых, для анализа стереотипов восприятия украинской речи русским языковым сознанием оказывается важным кто и в каких коммуникативных ситуациях говорит по-украински. Обратимся сначала к характеристике персонажей, говорящих по-украински. Как указывалось выше, эти герои могут наделяться совершенно разными моральными качествами и политическими взглядами – они могут выступать на стороне российской/советской государственности и быть ее врагами, они могут быть добропорядочными и умелыми работниками, положительными гражданами, веселыми разгильдяями, жадными торгашами, смелыми воинами Красной Армии, злыми и агрессивными бандитами. Т.е. герои, говорящие по-украински, обладают чрезвычайно широкой палитрой человеческих характеристик. Однако их объединяет одна общая черта – все они представляют собой разновидности «человека природного», не искушенного высокой культурой и образованием. Под эту характеристику вполне попадают советские крестьяне из села Яблонивки («Максим Перепелица»), младший милиционер Грищенко вместе со своими односельчанами, крестьянами Севериновки («Зеленый фургон»), рядовые махновцы – в прошлом крестьяне, вовлеченные в водоворот Гражданской войны («Служили два товарища»), сельская девочка и сирота («Гори, гори моя звезда»). В основном это сельские жители (за исключением работника МУРа Ивана Пасюка из фильма «Место встречи изменить нельзя»). Образ украинца как «человека природного» сложился в русской литературе в первой трети XIX в. под влиянием стереотипа Украины как «русской Аркадии»¹⁵ (Левкиевская 2009) и является одной из базовых характеристик стереотипного портрета украинца в русской культуре.

Это определяет функции украинской речи в русскоязычных фильмах. Украинская речь существует в языковом пространстве фильма

не как самодостаточный, изолированный элемент, а исключительно в сопоставлении или в контаминации ее с русской речью как устойчиво сформировавшийся идиостиль, оттеняющий русскую речь и именно на пересечении с ней создающий определенный набор эмотивных смыслов. Анализируя употребление украинизмов и русизмов в польском узусе, Е. Бартминский в работе о языке фольклора отмечает, что чужеродные языковые элементы, вводимые в пространство национального языка, занимают особое функциональное место. Он останавливает свое внимание на использовании русской речи в сказках у старшего поколения (напр. по-русски говорит царь, поп, солдат...) Такого рода употребления работают на создание реалистичности повествования. Что же касается украинизмов, то они чаще всего выполняют эмотивную функцию, служат ритмическим средством для создания настроения, эмоционального тона высказывания – т.е. выполняют роль поэтического стиля¹⁶. Похожие выводы можно сделать и в отношении роли украинизмов в русской художественной речи.

За украинской речью в советской фильмографии закрепляется стереотип речи низкостатусных и необразованных социальных групп общества (чаще всего сельских жителей), противопоставленной кодифицированному литературному русскому языку. Столкновение русской и украинской речи может реализовываться как в виде контаминации разноязычных элементов в речи одного персонажа и в виде русско-украинского диалога двух персонажей. В первом случае такая контаминация создает комический эффект и воспринимается как смешение высокого и низкого стилей в речи малограмотного лица, претендующего на образованность: «А так, що більшэвікам віры нэмає. Вы рэволюц'ію продали. – Ну, кому мы ее продали? – А хто ёўо знає, кому она потрібна, тому и продали» (фрагмент речи махновца в фильме «Служили два товарища»). Подобный эмоциональный эффект вызывает речь милиционера Грищенко («Зеленый фургон»): Товарищу начальник, а можно вас спросить про одно діло? А можэ быть такая сытуац'ія, шо прэступленіе ще не совэршылось, а вэщественно доказательство ужэ налицо. А? Да я про ўрош'и, шо під кобылою лэжать».

Во втором случае, когда русская и украинская речь сосуществуют в рамках диалога двух персонажей, такая речевая стратегия может нести в себе более сложные смыслы. Прежде всего, как и в выше приведенном примере, она может быть направлена на создание эмоционального (прежде всего комического) эффекта благодаря столкновению высокого и низкого стилей. В качестве примера можно привести русско-украинскую коммуникацию в фильме «Зеленый

фургон». Так строится общение между начальником милиции села Севериновки (сыном одесского профессора), изъясняющимся на литературном русском языке, и его подчиненным – младшим милиционером Грищенко (бывшим крестьянином данного села), говорящим по-украински (украинская речь передается нами в русской орфографии):

– Наш новый начальник! Звыняйтэ, младший милиционер Грыщенко.

– А что вы здесь делаете?

– Да вот, трошки шукаю вещественных доказательств.

– Каких?

– Ну, усяких, какия найдучя.

Или:

– Это, если хотите знать, юридический нонсенс! – Шо? – Или юридическое преступление! – Да вы шо, товарищу начальнику!

Однако, несмотря на комический эффект, самавозможность и естественность подобных коммуникативных ситуаций несет в себе второй и наиболее важный идеологический смысл – русско-украинское общение осуществляется в едином коммуникативном пространстве, внутри которого не существует принципиальных языковых границ, которые бы препятствовали успешному русско-украинскому взаимопониманию. Советские фильмы призваны были создать ощущение того, что украинский является этносоциальным стилем внутри общерусского языкового пространства, а не самостоятельным языком, требующим изучения его как любого иностранного.

Набор элементов украинского языка, использующийся в речи персонажей, послужил материалом для создания языкового стереотипа украинского языка в русском сознании. Хотя этот стереотип отчасти (а ко второй половине XX в. все больше и полнее) отражал реалии живого украинского языка, однако его образ оставался весьма условным и достаточно далеким от реальности.

Об этом свидетельствует выработанный в кинематографе XX века сравнительно небольшой набор определенных маркеров, указывающих на то, что герой говорит «по-украински». Этот набор, безусловно, опирается на тот корпус украинизмов, который был освоен русской художественной литературой и адаптирован для понимания русскоязычным адресатом.

Прежде всего, это касается фонетических элементов, которые в исследуемых текстах служат маркером украинской речи. Передача фонетической нормы украинского языка осуществляется в речи

героев советских фильмов с разной степенью последовательности. Она колеблется от отдельных фонетических «штрихов», создающих стилистику «селянской» или неграмотной речи («Максим Перепелица»; «Место встречи изменить нельзя») до достаточно полного воссоздания основных норм украинского вокализма и консонантизма («Зеленый фургон», «Гори, гори, моя звезда»). Начнем с элементов, встречающихся во всех указанных фильмах. Из системы вокализма в речи героев наиболее последовательно передаются: звук «і» как рефлекс *ѣ* и звук «і» как рефлекс *о* в новых закрытых слогах ($i < \text{ѣ}$; $i < \text{о}$): діло, білий, до вітру, віра; скільки, стільки, більше и др. Что касается системы консонантизма, то здесь последовательно во всех текстах отражаются лишь две украинские черты. Во-первых, «у» фрикативное (урамотние, уарбуза, уолова, уадаи, уеройский, поуане, уроши, деньуі, уалочки, Урицько, проулотили). Во-вторых, «у» неслоговое: усе, у пекло, усяких, доужен, діўка, буў, часоў, спраўку и др.

В советских фильмах отражается довольно ограниченный набор грамматических норм украинского языка, используемых в русских текстах. Чаще всего это употребление звательного падежа в обращениях (*диди, сынку, батьку*), достаточно давно утраченного русским языком, но сохраняющегося в пассивном узусе благодаря классической литературе («Чего тебе надобно, старче?», «Поворотись-ка, сынку!»)

Довольно узким можно считать корпус украинской лексики, встречающийся в речи персонажей. Его основу составляют слова, этимологически восходящие к общеславянским и восточнославянским корням (т.е. имеющие соответствия в русском языке), а также небольшой корпус украинизмов, создающих локальный колорит и имеющих оценочную, эмоциональную окраску.

При этом целые категории украинского языка, такие, как синтаксис, практически не нашли отражения в созданном кинематографом языковом стереотипе. В частности, украинский синтаксис представлен преимущественно имитацией (более или менее удачной) интонационного рисунка украинской устной речи. Напомним, что такой интонационный рисунок имеет в русском языковом сознании комическую окраску ненормированного просторечия. Можно сделать вывод о том, что в разные периоды развития советского кинематографа реализовывались различные стратегии передачи украинской речи в зависимости от идеологических и художественных задач эпохи. С той или иной степенью полноты они формировали этнокультурный стереотип украинца, опираясь на ту языковую базу, которая была освоена языком русской художественной литературы.

В последней части статьи хотелось бы обозначить основные тенденции в развитии русско-украинского языкового взаимодействия, наметившиеся в отечественной культуре в постсоветский период. Прежде всего, нужно констатировать, что сложившаяся за два предыдущих столетия равновесная русско-украинская языковая система в начале 90-х гг. XX в. подверглась резким трансформациям, в результате чего произошла перестройка наиболее важных принципов организации самой системы.

Во-первых, изменился сам ракурс на соотношение русского и украинского языков. Для русского языкового сознания по инерции продолжала оставаться актуальной картина, в которой украинский язык, если и не входит полностью в языковое пространство русского языка, то, по крайней мере, в значительной части пересекается с ним, образуя совместную систему «сообщающихся сосудов» и общее родственное языковое пространство. При этом имплицитно предполагалось, что сами украинцы в своем большинстве согласны с таким взглядом на соотношение русского и украинского языков, хотя в принципе их точка зрения была не особо релевантной для русского сознания. Очевидно, что современное украинское языковое сознание не только не рассматривает русский и украинский языки как «сообщающиеся сосуды», но и делает все возможное (а часто и невозможное), чтобы как можно дальше дистанцировать украинский язык от русского языкового пространства, доходя в этом часто до откровенных нелепостей (ср., например, попытки отрицать не только совместный для восточнославянских языков общий период развития в рамках древнерусского языка, но и само родство этих языков). Таким образом, налицо языковой и этнокультурный конфликт, имеющий более глубокие политические и идеологические корни. На фоне традиционного взгляда на проблему, укорененного в русском общественном мнении, претензии современных украинцев на собственную идентичность (культуру, язык, историю, государственность), не просто отличную от русской, но и часто противопоставляемую ей как чужой и враждебной, вызвали в русском массовом самосознании неизбежный культурный шок, одной из попыток преодолеть который явилось создание на фоне старых стереотипных моделей нового, зачастую сниженного образа украинца и украинского языка. Попытки украинцев оспорить сложившийся взгляд на соотношение русского и украинского языков всегда вызвали у русских, в лучшем случае, недоумение, в худшем, — резко негативную реакцию, поскольку данная точка зрения является для русского самосознания частным, но прин-

ципиальным, краеугольным элементом глобальной «картины мира», устанавливающей положение русского в мировой системе и его статус по отношению к другим народам. Пересмотр указанного взгляда на украинца грозил бы разрушением всей привычной «картины мира» и катастрофой для национального самосознания, потребовавшей бы от русского общества чрезвычайно болезненной и сложной переоценки ценностей. Поскольку современное русское общественное самосознание явно к этому не готово, то его естественным ответом на попытки украинцев установить другую шкалу отсчета является, с одной стороны, обостренная актуализация установленного вектора, требующая постоянного подтверждения раз и навсегда принятого status quo (ср. порождение за последнее десятилетие огромного количества текстов, преимущественно анекдотов, так или иначе затрагивающих эту проблему), а с другой, – установление нового, более «острого», чем прежде угла зрения на украинца (при котором «позиция» русского еще больше поднимается вверх, а «позиция» украинца резко опускается вниз, устанавливая тем самым для украинца несравненно более низкий статус, чем тот, которым он обладал ранее, например, в советский период). Это, в частности, привело к заметному изменению в русском коммуникативном пространстве сферы употребления украинизмов. По сравнению с поздним советским периодом, когда украинская речь героев фильмов и литературных текстов все в большей степени становилась инструментом для создания психологически сложных языковых портретов, в современной русской культуре она обслуживает почти исключительно смеховой дискурс, используя для создания комического, иронического или сниженного эффекта как в авторской речи, так и в речи персонажей (здесь можно вспомнить эстрадный образ Верки Сердючки, анекдоты про украинцев и др.). В современных отечественных сериалах украинизмы обычно преимущественно обрамляют речь украинских гастербайтеров, приехавших в Москву на заработки. Примером такого использования украинизмов может служить речь персонажа по имени Андрий в одной из серий сериала «Бальзаковский возраст или все мужики сво...», а также языковые образы украинцев в сериале «Улицы разбитых фонарей» и пр. Однако достоверность передачи украинского языка здесь на порядок ниже, а набор фонетических и лексических элементов гораздо уже и беднее, чем в советском кинематографе. Кроме традиционной для русской культуры смеховой сферы употребления украинского языка, в постсоветский период отдельные украинизмы активно проникают в область политической

публицистики, используя в качестве средства иронии и гротеска: «Органы *самостийного* государства не признавали своей вины» (о конфликте по поводу российского самолета, сбитого украинской ракетой¹⁷) или: «Вот и бродили разрозненные *жовто-блукитные* группы болельщиков по Гамбургу»¹⁸.

Таким образом, в русском языковом сознании произошло своеобразное удвоение ракурса, под которым данная проблема стала рассматриваться. Говоря иными словами, русское языковое сознание из монокулярного (учитывавшего только то, что думаем по этому поводу «мы») превратилось в бинокулярное и стало учитывать то, что думают «они». Можно сказать, что любая современная ситуация русско-украинского языкового взаимодействия подвергается двойной рефлексии, в которую заранее заложены не только предполагаемая реакция противоположной стороны, но и своя собственная оценка данной реакции. Этим приемом, в частности, часто пользуется писатель Юрий Поляков, когда касается темы русско-украинских отношений: «Кстати, саму статую (адмирала Нахимова – *Е.Л.*) он задешево купил на Украине, где к тому времени уже заканчивалась замена москальского пантеона на свой, кровноприсущий»¹⁹. Очевидно, что определение «москальский» не просто является знаком «чужой речи», но и содержит ироническую оценку этой речи.

Во-вторых, категориальным отличием современной украинско-русской языковой ситуации является символический коммуникативный разрыв с русским языком, который декларируется украинской стороной и вызывает с русской стороны недоумение и оправданную иронию. Суть коммуникативного разрыва заключается в следующем: сложившаяся за два столетия языковая ситуация предполагала невозможность каких-либо коммуникативных затруднений между носителями украинского и русского языков благодаря их близкому родству и имеющей место длительной языковой интерференции (о чем подробно было сказано выше). Современная языковая ситуация, с украинской точки зрения, напротив, предполагает принципиальную невозможность успешной межъязыковой коммуникации между русским и украинским собеседниками из-за того, что каждый говорит на «своем» языке, который другая сторона обязана воспринимать как «иностраный», т.е. непонятный. Эта позиция доводится до гротеска в повести Юрия Полякова, герой которой терпит коммуникативную неудачу на русско-украинской границе, пытаясь вернуть сбежавшую на «историческую родину» супругу, этническую украинку: «Иван Петрович даже не мог объяснить пограничникам в шелковых шаро-

варах свои супружеские намерения, так как испытывал с украинской мовой определенные трудности. Пограничники же понимать русский язык решительно отказывались, а английского, на котором шли переговоры, вообще никто не знал»²⁰.

Таким образом, на смену концепции принципиального понимания пришла концепция принципиального непонимания, вернее, – принципиального нежелания понимать друг друга, приводящая к полному коммуникативному разрыву, символизирующему этнокультурный и политический разрыв, ведущий к смене культурных кодов и ценностных систем внутри украинского социума. Очевидно, что максимальное увеличение дистанции между русским и украинским языками, статус украинского языка как «непонятого» для русского восприятия придает ему значение «инострannого», а значит, самостоятельного, полноценного языка, что так необходимо современному украинскому языковому сознанию, весьма болезненно воспринимающему любые намеки на неполноценность и непрестижность родного языка в глазах русских. Ср., в связи с этим шутку сатирика Михаила Задорнова по поводу назначения известного своим косноязычием М. Черномырдина послом на Украину: «Почему Черномырдина назначили послом на Украину? – Потому что язык, на котором он говорит, больше похож на украинский».

В-третьих, в связи с претензиями украинского языка на статус «инострannого», находящегося вне русского языкового пространства, изменилась сама интерпретация русско-украинской языковой коммуникации. В предыдущие периоды русско-украинской языковой интерференции говорение одного собеседника по-русски, другого по-украински мыслилось как вполне обычное, а взаимопонимание в таком диалоге как естественное, поскольку считалось, что оно протекает в рамках общего языкового пространства. В современной культурной ситуации примеры русско-украинской межъязыковой коммуникации продолжают встречаться в текстах разных жанрах (как в кинематографе, так и в литературе) и, разумеется, как и прежде такое общение не вызывает коммуникативных затруднений ни у собеседников, ни у читателей/зрителей. Однако говорение одного из собеседников по-украински теперь нередко прочитывается русским языковым сознанием как намеренная демонстрация украинским собеседником не только языкового, но и политического суверенитета, нарочитого отстранения от сферы русской культуры, противопоставления собственного языкового кода русскому как чужому и даже враждебному украинской культуре. Ср. пример такой коммуникации в повести Юрия Полякова «Гипсовый трубач», в эпизоде встречи

двух ВГИК'овских однокурсников – режиссера Жарыкина и Андрея Розенблюма, из карьерных соображений ныне демонстрирующего украинскую идентичность и превратившегося в Андрія Розенблюменко: «Здоровэньки булы, тезка! – «незалежник» крепко пожал руку автора «Сумерек экстаза» – А это мой однокурсник Андрей Розенблюм. Мы вместе во ВГИКе учились... – Ни-и – посерьезнев, качнул головой поседелый кинематографист. – Зараз Андрій Розенблюменко... А як же? Незалежность – это тебе, Дмитро, не вареники с вишней. <...> Що працуэше? – Вот сценарий с Андреем Львовичем пишем. – А гроши кто дает? – Немци. – Нимци? – ревниво насторожился незалежник»; «Ты в яком номере? – В люксе. – Вот, всегда вам, москалям, усе саме гарне!» и т.д.²¹.

Поскольку украинский язык с точки зрения носителей русского языкового сознания продолжает сохранять статус социолекта необразованных слоев общества, а значит, некодифицированного и непрестижного, стремление украинцев говорить по-украински воспринимается не как естественная потребность народа говорить на собственном языке, а трактуется совершенно иначе. «Такое поведение украинца воспринимается русским сознанием не как отказ именно от русских культурных норм, а как отказ от культурных норм и культуры вообще, т.е., по существу, добровольное возвращение украинца к «природному», «до-цивилизационному состоянию...»²².

Четвертой тенденцией можно считать возвращение отечественного кинематографа и, в меньшей степени, русских литературных текстов к эмблематическому варианту изображения украинской речи, то есть к упрощенным принципам, характерным для ситуации 30-50 годов XX в. с одним лишь принципиальным изменением: в советское время, как уже отмечалось, эта эмблематичность отражала классовую, социальную функцию украинизмов в речи персонажей, а в настоящее время она является частью этнического стереотипа украинца. Современный российский кинематограф не только не привносит ничего нового в освоенную ранее сферу украинского языка в русском языковом пространстве, но и значительно вульгаризирует ее возможности, эксплуатируя (чаще всего бездарно) закрепленные в русском сознании украинские языковые стереотипы. Прежде всего, это касается более или менее последовательного отображения фонетических особенностей, которые сводятся к двум-трем наиболее релевантным для русского сознания знакам «украинскости» – «у» фрикативному, рефлексу «і» на месте этимологического «ѣ» и в новых закрытых слогах, реже – «у» неслоговому в окончаниях глаголов третьего лица

единственного числа. В письменных текстах продолжается сложившаяся еще в XIX в. тенденция передавать украинскую речь средствами русской орфографии, несмотря на то, что ряд украинских звуков артикулируется иначе, чем соответствующие русские, например, украинское «и» не тождественно русскому звуку «ы».

Что касается лексического состава украинизмов, то он не претерпел существенных изменений по сравнению с предыдущим периодом за исключением одного момента – в течение последних двадцати лет были освоены русским языком наиболее актуальные лексемы, отражающие современный украинский политический дискурс, которые в предыдущие эпохи не употреблялись как идеологически неприемлемые – «самостийность», а также ее дериват «самостийный», «незалежность» с дериватами «незалежный», «незалежник» (ср.: «Жарынин выскочил из машины и пошел на «незалежника», широко раскинув руки...»²³), этноним «москаль», «москальский», а также прилагательное, обозначающее цвета украинского флага «жовто-блакитный». Важно подчеркнуть, что украинский язык, как и в предыдущие периоды, продолжает оставаться в сознании русских языком устной культуры. О том, что новая лексика, усваиваемая русским языком, попадает туда из разговорной, а не из письменной речи, свидетельствует вариативность написания отдельных лексем, закрепившаяся в русских текстах: «незалежный» и «незалэжный», «жовто-блекитный» и «жовто-блакитный» и др. Важно, что заимствование в русскую языковую сферу украинской политической лексики происходит не пассивно, а путем семантического сдвига – указанные лексемы развивают в русском языке иное, как правило, негативное значение по сравнению с исконным, украинским. Этот процесс был уже отчасти описан нами по отношению к лексемам «самостийный», «самостийность», которые вместо значения «самостоятельный», «самостоятельность», присущего украинским словам, в русском узусе развили значения «своеволие», «эгоистическая активность, направленная на удовлетворение интересов отдельных лиц вопреки интересам всего социума в целом», а также значения «непрофессиональный», «самодетельный», «несанкционированный»²⁴.

В заключение можно констатировать, что процесс русско-украинской языковой интерференции, активно развивавшийся на протяжении двух столетий и особенно в 70-80-е годы XX в., последние двадцать лет пребывает в состоянии стагнации. Описанные выше тенденции в этой области приводят к закреплению в современном русском языковом сознании «лубочного» образа украинского языка.

Этот процесс идет в нескольких направлениях. Во-первых, произошло резкое сужение сферы употребления украинизмов и их закрепление как стилистически окрашенных средств, обслуживающих область смешного (ср. использование украинизмов в юмористических передачах типа «Аншлаг») или, по крайней мере, эмоционально маркированную ситуацию, содержащую оценку. Ср., например, газетную заметку по поводу проданной покупателю просроченной томатной пасты украинского производства. Комментируя жалобу покупателя, журналист упрекает его в собственном невнимании: «Извините, Олег Юрьевич, здесь уместна украинская пословица: «Бачили очи, що купували»²⁵. Что касается кинематографа, то здесь можно говорить об изменении функции украинской речи персонажей – если раньше эта речь служила для изображения личности, то теперь служит для изображения довольно примитивного типажа приехавшего на заработки украинца, не владеющего культурными стандартами современной городской жизни, что и передается средствами украинского языка. По сравнению с кинематографическими текстами позднего советского периода, в которых средствами украинского языка создавался довольно сложный психологический портрет героя, это очевидный шаг назад.

Во-вторых, в течение последнего времени фактически приостановился процесс дальнейшего освоения русским языком украинского лексического состава (за исключением нескольких указанных выше слов, обслуживающих новый политический дискурс), но из всего сравнительно обширного слоя украинской лексики, усвоенного русской языковой культурой за последние два столетия, используется лишь ее достаточно небольшая часть. Украинская лексика вкрапляется в текст на русском языке в виде небольших «сгустков» – устойчивых сочетаний и готовых клише, создающих стилистическую окраску текста (гарный хлопец, гарна дивчина, ширый украинец). Так, в газетной заметке житель Украины, занимавшийся грабежом на улицах Москвы, аттестуется следующим образом: «Гарного хлопца, который с раннего утра до поздней ночи вел охоту на ротозеек, повязали с поличным...»²⁶.

В-третьих, современные русские тексты (как письменные, так и устные) не только не стремятся к более точному и достоверному воспроизведению украинской фонетики и грамматических форм (а этот процесс наметился в фильмах позднего советского периода), но и сводят это воспроизведение к двум-трем наиболее очевидным чертам, отличающим украинскую фонетику и грамматику от русской.

В результате использование украинизмов в современной русской речи разных жанров сводится не к реальному их воспроизведению, а к употреблению их в качестве условной эмблемы, служащей знаком для читателя/зрителя, что речь ведется по-украински. Приходится констатировать, что авторы подобных текстов не проявляют интереса к подлинному украинскому языку, его реальному фонетическому строю и лексическому составу, пользуясь средствами того языкового «фантома», который сложился раньше. Нередко фонетические и грамматические отличия между украинским и русским языком служат предметом осмеяния и нарочито утрированного или искаженного их воспроизведения. Ср. шутку в газетной подборке анекдотов: «Скажите украинское слово, в котором есть шесть букв «ы» – Вылысыпыдыты»²⁷, несмотря на то, что украинский звук «и» не тождественен по артикуляции русскому «ы», о чем говорилось выше.

Делая предварительные выводы об общих тенденциях русско-украинского языкового взаимодействия, можно констатировать, что начавшийся во второй половине XX в. процесс более глубокого интереса к украинскому языку со стороны разных уровней русской культуры, более широкого его использования для достижения сложных художественных задач, более достоверного его воспроизведения и усвоения, был если не прерван, то в значительной степени заторможен. Современная ситуация в этой области в значительной степени напоминает ситуацию 30-50-х годов с ее условным, эмблематическим изображением украинизмов через ограниченную систему средств, маркирующих сферу украинской речи с той лишь разницей, что в современной русской языковой культуре это служит не для решения классовых задач, а для создания весьма условного этнического стереотипа украинца.

Примечания

- ¹ Шмелев А.Д., Шмелева Е.Я. Русский анекдот. М., 2002.
- ² Strycharska-Brzezina M. Kozak Ukraiński. Studium językowe. Kraków, 2005.
- ³ Левкиевская Е.Е. Эволюция стереотипа украинца в русском языковом сознании // Стереотипы в языке, коммуникации, культуре. М., 2009. С. 59–73.
- ⁴ Жданова В., Фрухтманн Я. Национальность – дурак: «получужие» в имперских анекдотах // Кирпичики. Фольклористика и культурная антропология сегодня. Сборник статей в честь 65-летия С.Ю. Неклюдова и 40-летия его научной деятельности. М., 2008. С. 483.

⁵ *Kanneler A.* Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // *Россия – Украина: история взаимоотношений.* М., 1997. С. 125–144.

⁶ *Шмелев А.Д., Шмелева Е.Я.* Указ. соч.; *Жданова В., Фрухтманн Я.* Указ. соч.

⁷ *Богомолов В.* Момент истины. М., 1985. С. 250

⁸ Цит. по: *Огієнко І.* Історія української літературної мови. Київ, 1995. С. 215

⁹ *Притуляк Е.В.* Полонизмы и украинизмы в русской литературе XIX-XX вв. Дип. работа. МГУ. М., 2007.

¹⁰ Передача «Шутка за шуткой», 2.10. 2002, ОРТ.

¹¹ *Strycharska-Brzezina M.* Op. cit. S. 119-129

¹² Там же. С.129-133.

¹³ *Bartmiński J.* Naszy sąsiedzi w oczach studentów. Z badań nad stereotypami narodowymi // *Narody i stereotypy.* Red. T. Walas. Kraków, 1995.

¹⁴ *Гладкова Г., Ликоманова И.* Языковая ситуация: истоки и перспективы (болгарско-чешские параллели). Прага, 2008. С. 39.

¹⁵ *Левкиевская Е.Е.* Указ.соч. С. 55.

¹⁶ *Bartmiński J.* O języku folkloru. Wrocław, 1973.

¹⁷ Страна и мир. 26.05.2003

¹⁸ Репортаж с чемпионата мира по футболу; НТВ. «Сегодня». 1.06.2006

¹⁹ Поляков Ю. Демгородок. М., 2008. С. 110

²⁰ Там же. 79-80

²¹ Поляков Ю. Гипсовый трубоч: Дубль два. М., 2009. С. 205-207

²² Левкиевская Е.Е. Указ. соч. С. 53-71

²³ Поляков Ю. Гипсовый трубоч... С. 204

²⁴ Левкиевская Е.Е. Указ. соч. С. 68-70.

²⁵ За Калужской заставой. 2004. № 9. С. 11.

²⁶ Там же. 2002. № 45. С. 15.

²⁷ Московский комсомолец. 30.07. 2002

Содержание

Слово от редактора.....	5
<i>Хорошкевич А.Л.</i> В лабиринте этно-политико-географических наименований Восточной Европы середины XVII века.....	8
<i>Лукашова С.С.</i> Малороссийские архиереи русской православной церкви в 1700–1771 годах.....	69
<i>Александровский И.С.</i> «Украинский вопрос» на страницах периодических изданий второй четверти XIX в.	122
<i>Александровский И.С., Лескинен М.В.</i> Некоторые вопросы этнографического изучения и полемики о статусе малороссийского языка в российской литературной и научной публицистике XIX в.	172
<i>Лескинен М.В.</i> «Малороссийская народность» в российской науке второй половины XIX в. Проблемы этнографического описания	244
<i>Клопова М.Э.</i> Национальные движения восточнославянского населения Австро-Венгрии глазами русских наблюдателей (конец XIX – начало XX в.).	284
<i>Дронов М.Ю.</i> Восприятие этноязыковых особенностей русинов из Австро-Венгрии русским православным духовенством в Северной Америке (конец XIX – начало XX вв.)	338
<i>Борисенок Е.Ю.</i> Русские об украинцах и украинизации 1910-1930-х годов	362
<i>Левкиевская Е.Е.</i> Украинский язык в русском языковом пространстве (на примере советского кинематографа)	415

Русские об Украине и украинцах

Главный редактор издательства *И.А. Савкин*

Дизайн обложки *И.Н. Граве*

Оригинал-макет *О. Петрицкий*

Корректор *И.Е. Иванцова*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»,

192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.

Тел./факс: (812) 560-89-47

Редакция издательства «Алетейя»:

СПб, 9-ая Советская, д. 4, офис 304, тел. (812) 577-48-72

E-mail: office@aletheia.spb.ru (*отдел продаж*),

aletheia92@mail.ru (*редакция*)

www.aletheia.spb.ru

Заказ книг: fempro@yandex.ru, тел. (812) 951-98-99

Книги издательства «Алетейя» в Москве

можно приобрести в следующих магазинах:

«Историческая книга», Старосадский пер., 9. Тел. (495) 921-48-95

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83

Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.

Тел. (495) 915-27-97

Магазин «Фаланстер», Малый Гнездниковский пер., 12/27.

Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21

Магазин «Гилея», Тверской б-р., д. 9. Тел. (495) 925-81-66

Магазин «Циолковский», Новая площадь, 3/4, подъезд 7д.

Тел. (495) 628-64-42

«Галерея книги „Нина“», ул. Бахрушина, д. 28. Тел. (495) 959-20-94

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60x88 1/16. Усл. печ. л. 27,86. Печать офсетная.

Заказ № 39.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО "ИПК Бионт"

г. Санкт-Петербург, Средний пр., дом 86, тел.: (812) 322-68-43

Русские об Украине и украинцах